Терри Брукс

Волшебник у власти
Шкатулка Хитросплетений
Колдовское зелье

Волшебник у власти
Шкатулка Хитросплетений
Колдовское зелье

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Терри Брукс

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

TERRY

BROOKS

Wizard at Large

The Tangle Box

Witches' Brew

ТЕРРИ

БРУКС

Волшебник у власти

Шкатулка Хитросплетений

Колдовское зелье

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
Б89

Серия основана в 1999 году

Terry Brooks
WIZARD AT LARGE
1988

THE TANGLE BOX
1994

WITCHES' BREW
1995

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Перевод с английского С.С. Луговского («Волшебник у власти»), Т.Л. Черезовой («Шкатулка Хитросплетений») и О.Г. Косовой («Колдовское зелье»)

Печатается с разрешения издательства
Ballantine Publishing Group, a division of Random House, Inc.
и литературного агентства Permissions & Rights Ltd.

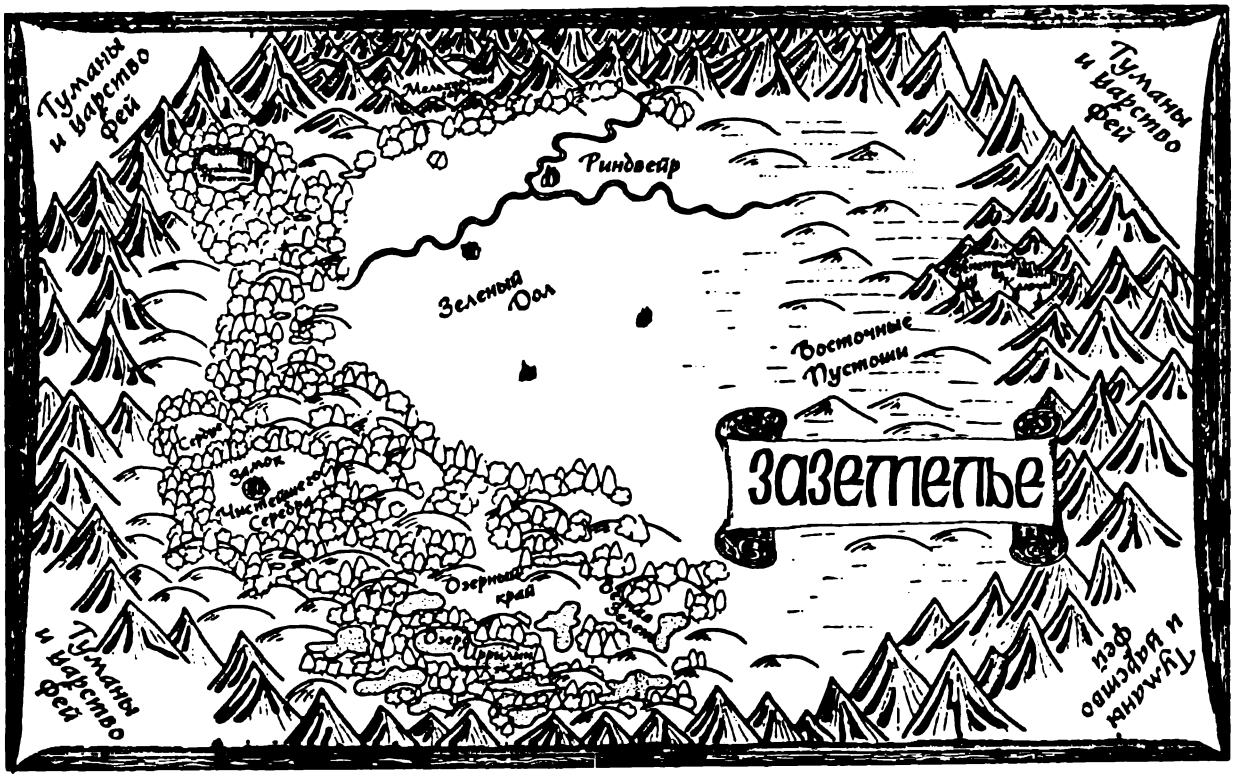
Подписано в печать 19.03.02 г. Формат $84\times108^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 36,96. Тираж 10000 экз. Заказ № 651.

ISBN 5-17-014079-7

© Terry Brooks, 1988, 1994, 1995
© Перевод. С.С. Луговской, 1997
© Перевод. Т.Л. Черезова, 1997
© Перевод. О.Г. Косова, 1997
© ООО «Издательство АСТ», 2002

Волшебник у власти

Алексу, великому магу, пользовавшемуся волшебной силой лишь в исключительных случаях

Туманы и царство фей
Риндвейр
Зеленый Дол
Восточные Пустоши
Зазеркалье
Туманы и царство фей
Туманы и царство фей
Туманы и царство фей

При этих словах молодой человек чуть не выронил стакан и, побледнев, словно призрак, посмотрел на Киви.

— Цена-то какая? — спросил он. — Вы знаете цену?

— Об этом я у вас хотел спросить, — парировал Киви. — Но отчего вы забеспокоились? С ценой что-то не так?

— Она страшно упала с того раза, мистер Киви, — с трудом выговорил молодой человек.

— Ну что же, значит, за нее придется платить меньше, — ответил Киви. — Сколько она вам стоила?

— Два цента, — ответил молодой человек, которому стало совсем не по себе.

— Сколько?! — вскричал Киви. — Два цента?! Значит, вы можете продать ее всего за один. А тот, кто ее купит...

Киви не в силах был вымолвить больше ни слова. Тот, кто купит бутылку, никогда не сможет ее продать. Бутылка вместе с сидящим в ней чертом останется с хозяином до самой смерти, а после его смерти они отправят этого черта прямо в ад.

Р. Л. Стивенсон
«Черт в бутылке»

ГЛАВА 1

«АП-ЧХИ»

Бен Холидей тяжело вздохнул. Сейчас ему больше всего хотелось оказаться где угодно, только не в своей теперешней резиденции.

Собственно, он находился в садовом зале замка Чистейшего Серебра. Это, пожалуй, было любимое место Бена. Здесь всегда хватало света и чистого воздуха. На плиточном полу в шахматном порядке стояли горшки с цветами, создавая причудливый многоцветный узор. Высокие окна на южной стене зала пропускали много солнечного света; к тому же они были открыты, и в зал проникал аромат цветов из обширного дворцового сада, который спускался к озеру, окружавшему эту неприступную крепость. Цветы в саду были подобраны таким образом, что, сменяя друг друга, цвели круглый год, радуя обитателей замка. В мире, где Бен жил прежде, он знал одного ученого-садовода, который жизнь бы отдал за возможность изучить все эти диковинные растения, каковые можно было найти только в Заземелье.

Но сейчас сам Бен, кажется, готов был отдать жизнь, чтобы сбежать отсюда.

— Король наш!

— Наш повелитель!

Даже звук тех голосов раздражал короля, словно скрежет железа о камень.

На мгновение Бен умоляюще возвел глаза к небу, затем стал в растерянности переводить взгляд с цветка на цветок, точно искал помощи у этих хрупких созданий природы. Да уж какая от них

помощь! И король снова откинулся на подушки. Что за несправедливость! Он никогда не пытался ускользнуть от своих обязанностей монарха и судьи, но в конце концов здесь ведь было его убежище! Нельзя ли хоть ненадолго оставить его в покое?

— ...и забрал у нас все запасы ягод, которые мы составляли благодаря нашему тяжкому труду.

— А также все наши бочки с пивом.

— Мы всего-навсего позаимствовали у него несколько кур, Ваше Величество.

— Мы готовы были возместить эту потерю в любое время, великий король.

— Мы хотели поступить честно.

— Да, как всегда.

— Вы должны позаботиться о возвращении нашего достояния...

— Это — обязанность короля...

Они продолжали тараторить, перебивая друг друга.

Бен посмотрел на Щелчка и Пьянчужку с таким видом, с каким его королевский садовник разглядывал сорняки на грядках. Кыш-гномы продолжали свои нескончаемые жалобы, и Бен подумал о превратностях судьбы, по воле которой ему приходится терпеть подобные неприятности. Ох уж эти жалкие маленькие создания, которые выпрашивали, «занимали», а главным образом крали все, что попадается им под руку! Они постоянно кочевали, но если где-то селились, то выгнать их оттуда было весьма трудно. Все считали этих гномов чем-то вроде порчи. Но они доказали свою бесспорную преданность Бену. Когда он, почти два года назад, приобрел в свою собственность Заземелье, эти двое, Щелчок и Пьянчужка, явились к нему в числе первых засвидетельствовать свою верность от имени всех кыш-гномов. Они не раз помогали ему укрепить королевскую власть, особенно после того, как Микс, бывший придворный волшебник, обманным путем вернулся в королевство и похитил у Бена не только корону, но даже его внешность. Гномы оставались его друзьями в то время, когда друзья были особенно необходимы.

Бен снова тяжело вздохнул. Конечно, он был им многим обязан, но не до такой же степени. Они бесстыдно злоупотребляли его дружбой. Вот и сейчас явились к нему с этой своей кляузой, сознательно обойдя обязательный порядок подачи жалоб, который установил при дворе сам Бен ценой немалых усилий. Они буквально преследовали его, даже здесь, в его святилище. Все было бы не так плохо, если бы гномы не приставали к нему со своим вечным нытьем. Они, видите ли, больше никому не доверяют во дворце. Их «король и повелитель» непременно лично должен их выслушивать.

— ...Необходимо вернуть все похищенное, а также полностью возместить ущерб, — заявил Щелчок.

— ...Было бы правильно, если бы вы приказали предоставить на время в наше распоряжение несколько десятков троллей, — перебил его занудистый Пьянчужка.

— Может быть, всего на пару недель, — сказал более рассудительный Щелчок.

— Лучше на месяц, — уточнил Пьянчужка.

«Было бы лучше, — грустно подумал Бен, — если бы обо всех ваших шалостях я узнавал не только от вас. Как тут можно разобрать дело по справедливости, если с первых же слов понимаешь, что вы сами виноваты, по крайней мере не меньше тех, на кого жалуетесь!» Щелчок и Пьянчужка продолжали гнуть свое. Их мордочки морщились, пальцы сжимались и разжимались, по мере того как они жестикулировали, а из-под ногтей, которыми гномы рыли землю, выпадали кусочки засохшей грязи. Поношенные одежды обвисли на них, а цвет трудно было определить, если не считать красных перьев, прикрепленных к их колпакам. Оба были похожи на нищих или несчастных, которые еле спаслись от каких-то бед.

— Может быть, удастся собрать с них дань? — спросил Щелчок.

— Может быть, получить подарок на память, серебряный или золотой? — предположил Пьянчужка.

Бен только рукой махнул. Он уже собирался прикрикнуть на гномов, как вдруг неожиданное появление советника Тьюса спасло его от нудной необходимости заниматься этими гостями. Придворный волшебник влетел в зал, словно пушечное ядро. Он размахивал руками, а его седая борода и длинные волосы развевались, как от ветра.

— Мне это удалось! Удалось! — закричал он без всяких предварительных объяснений. Волшебник едва сдерживал волнение, его совиное лицо так и светилось. Ему не терпелось поделиться своей радостью по поводу какого-то нового достижения. — Я овладел тайнами волшебства, Ваше Величество! — воскликнул Тьюс. — Я нашел средство... — Он вдруг замолчал, продолжая оживленно жестикулировать. — Хотя, подождите-ка минутку. И другие тоже должны услышать об этом! Я позволил себе послать за ними. Это совсем недолго... Это такое замечательное... А, вот и они!

В зал вошла Ивица, как всегда обворожительная, изящная, прекраснее всех цветов, в своем легком платье из белого шелка с кружевами. Она улыбнулась Бену, как улыбалась только ему одному во всем мире. За ней проследовали ухмылявшиеся кобольды Сапожок и Сельдерей, похожие на обезьян, угловатые, с морщинистыми

мордами. Эти волшебные существа словно явились из чьего-то кошмарного сна. Последним шел Абернети, в великолепном, красном с золотом, мундире придворного писца. Это был пшеничный терьер, считавший себя человеком. Поэтому он всегда ходил на задних лапах и держался прямо и с достоинством. Писец сразу же бросил взгляд на жаждущих отмщения кыш-гномов.

— Я не вижу необходимости находиться в одной комнате с этими отвратительными созданиями... — начал он, но тут же осекся, увидев советника Тьюса, протягивающего к нему руки.

— Старый дружище! — воскликнул волшебник, — иди скорее сюда! Для тебя есть отличные новости!

Он обнял Абернети и потащил его на середину зала. Абернети, подозрительно взиравший на волшебника, наконец высвободился из его объятий.

— Ты что? — осведомился писец, поправляя мундир. — И что у тебя за дело ко мне? Что ты опять выдумал, советник Тьюс?

— Ты себе представить не можешь! — ответил сияющий Тьюс.

Когда писца и волшебника окружили вновь прибывшие, Тьюс с таинственным видом понизил голос:

— Абернети, представь себе, что твое самое заветное желание может сбыться. Что бы ты пожелал?

Пес уставился на него. Потом перевел взгляд на гномов, затем снова на волшебника.

— На сколько желаний я имею право? — спросил наконец Абернети.

Волшебник дружески коснулся рукой плеча писца:

— Абернети, я нашел способ превратить тебя обратно в человека!

Пораженные слушатели умолкли. Все знали историю о том, как Тьюс некогда превратил Абернети в собаку, чтобы спасти его от приступа гнева злобного королевского сынка. Однако волшебнику не удалось превратить придворного писца обратно в человека. Абернети с тех пор так и жил в облике говорящей собаки с человеческими руками, однако не терял надежды, что он когда-нибудь снова станет человеком. Советник давно уже искал способ сделать это, но тщетно. Волшебные книги, с помощью которых можно расколдовать Абернети, уничтожены, и об этом чудесном способе превращения с тех пор почти ничего не было слышно.

Абернети откашлялся.

— Скажи, волшебник, — осторожно осведомился писец, — это твоя очередная дурацкая идея или ты и в самом деле сможешь превратить меня снова в человека?

— Смогу! — заявил Тьюс, нервно кивая. Он помолчал немного и добавил: — Я так думаю.

— Ты так думаешь? — спросил Абернети явно угрожающе.

— Постойте, постойте! — Бен вскочил с кресла и едва не наступил на горшок с цветами, торопясь предотвратить возможную схватку. Он уже стоял между волшебником и писцом. — Тьюс! — Король подождал, пока волшебник обратит на него внимание. — По-моему, такого рода волшебство неподвластно тебе. Мне казалось, что с утратой волшебных книг ты сам утратил даже возможность изучения искусств, которыми овладели твои предшественники, не говоря уже о том, чтобы пытаться...

— Способ проб и ошибок, Ваше Величество, — перебил его волшебник. — Я, используя уже полученные знания, шаг за шагом продвигался вперед, по пути познания, пока не узнал все, что мне требовалось; до последнего времени старался овладеть тайнами волшебства, но теперь я достиг своей цели!

— То есть ты так думаешь, — осторожно поправил его Бен.

— Ну... — протянул советник.

— Это пустая трата времени, как обычно, — выпалил Абернети. Он повернулся было, чтобы уйти, но на его пути стояли оба гнома, которые подошли поближе, дабы получше все расслышать. Писец снова повернулся лицом к волшебнику. — Все дело в том, — заявил он, — что ты до сих пор никогда ничего не мог сделать как следует!

— Вздор! — закричал вдруг советник, и все невольно умолкли. — Десять долгих месяцев я работал над этим — с тех пор еще, как гнусный Микс уничтожил древние волшебные книги! Я знаю, как много все это значит для тебя, Абернети. Но и ты ведь знаешь, как я пытаюсь сделать возможным это превращение. Я производил вполне успешные опыты с разными мелкими созданиями. И мне удалось доказать, что такое возможно. Теперь осталось только попробовать поработать с тобой.

Некоторое время все молчали. Лишь слышно было, как жужжит какая-то пчела, перелетавшая с цветка на цветок. Абернети подозрительно смотрел на волшебника, но за его недоверчивостью скрывалась слабая надежда.

Ивица, которая стояла поодаль от остальных и наблюдала всю эту сцену, заговорила первая:

— Мне кажется, надо дать возможность советнику объясниться до конца.

— Я согласен, — кивнул Бен. — Расскажи нам все, Тьюс.

Волшебник явно выглядел обиженным.

— Все?! — переспросил он. — Что значит «все»? Я уже и так все вам рассказал, кроме, конечно, описания волшебных приемов, чем я не собираюсь с вами делиться, так как все равно вы ничего не поймете. Я научился превращать собаку в человека — вот и все. Если вы хотите, чтобы я показал это на деле, — пожалуйста! Если нет — я больше не буду беспокоиться об этом.

— Советник... — начал Бен примирительно.

— Ну в самом деле, Ваше Величество! Я работаю над труднейшей задачей, я добиваюсь блага — и мне отвечают недоверием и оскорблениями! Кто я — придворный волшебник или нет? Тут, кажется, у кого-то есть сомнения на этот счет.

— Я только спросил... — виновато начал понурый Абернети.

— Нет, нет, не стоит извиняться за откровенность! — Тьюсу явно пришлась по душе роль страдальца. — Всех великих людей никогда не понимали. Некоторые из них даже заплатили жизнью за свои убеждения.

— Однако! — Бен уже сам начал сердиться.

— Я не хочу сказать, что моя жизнь находится под угрозой, в том смысле, в котором люди обычно понимают это, — поспешно добавил волшебник. — Я только хотел лучше пояснить свою мысль. В общем, могу повторить: я нашел магическое средство, чтобы сделать то, о чем я говорил. Мы можем выполнить нашу задачу, если, конечно, пожелаете. У нас есть для этого все необходимое, если вы мне верите. У нас действительно есть все необходимое, за одним исключением.

Все ахнули.

— За одним исключением? — переспросил Бен.

Советник почесал в затылке:

— Тут есть одна загвоздка, Ваше Величество. Для особо ответственного превращения нужен преобразователь. Его-то у меня и нет.

— Так я и знал, — проворчал Абернети.

— Но у нас есть другая возможность, — поспешно продолжил волшебник. Он перевел дыхание. — Мы можем воспользоваться медальоном.

— Медальоном?! Каким это медальоном? — спросил изумленный Бен.

— Вашим, дорогой король.

— Моим медальоном?!

— Вам пришлось бы снять его и передать Абернети на время его превращения.

— Как, мой медальон?!

У Тьюса был такой вид, точно он ожидал, что сейчас ему на голову обрушится потолок.

— Всего на несколько минут, Ваше Величество, не более того. Потом медальон снова вернется к вам.

— Вернется? Спасибо.

Бен не знал, смеяться ему или сердиться.

— Советник, ты помнишь, как мы несколько недель пытались овладеть этой штуковиной, даже когда она, по сути, никуда не пропадала? А сейчас ты предлагаешь мне снять медальон! Разве я не слышал от тебя же, и не единожды, что я вообще не должен с ним расставаться?

— Да, конечно...

— А что, если и сейчас не все получится и медальон будет поврежден или потерян? И что, если по какой-то причине Абернети не сможет вернуть мне медальон? Гром и молния! Я еще никогда в жизни, кажется, не слышал более безумного предложения. О чем ты думаешь, Тьюс?

Во время этой вспышки королевского гнева все невольно отступили, и теперь рядом с Беном стоял только волшебник.

— Если бы был другой способ сделать это... — неуверенно начал советник.

— Так найди же его! — перебил король. Он обратился к остальным придворным: — А вы что на это скажете? Ты что думаешь, Абернети? Как по-твоему, Ивица?

Абернети ничего не ответил.

— Я думаю, тебе следует все взвесить и учесть связанную с этим делом опасность, — сказала наконец Ивица.

Бен некоторое время стоял, переводя взгляд с одного из своих друзей на другого, а затем, не говоря ни слова, стал рассматривать цветы за окнами. В какое щекотливое положение он попал! Он рисковал потерять талисман — знак королевской власти, защищавший его в этом мире. С помощью медальона он мог вызывать Паладина, верного рыцаря, служившего защитником и помощником всем королям, в том числе и самому Бену, в чем он уже не раз имел возможность убедиться. Кроме того, медальон позволял ему перемещаться из Заземелья в другие миры, включая и его родной. Без медальона Бен никогда не мог бы чувствовать себя в безопасности. В случае потери талисмана его ждала собачья жизнь. Вот чем он сейчас рисковал.

Бен тут же пожалел о таком сравнении. Разве рискует только он? Разве Абернети не рискует навсегда остаться в собачьей шкуре?

Король крепко задумался. День, который не сулил поначалу никаких происшествий, обернулся возможностью больших неприятностей.

Бен невольно стал вспоминать недавнее прошлое. Десять месяцев назад старому колдуну Миксу удалось обманом вернуться в Заземелье, в то время как сам Бен был уверен, что его злейший враг изгнан навсегда. После этого Миксу удалось с помощью колдовства лишить Бена его внешности и королевской власти, а что хуже всего — заставить Бена поверить, будто он потерял медальон. Бену все же удалось раскрыть обман и навсегда избавиться от старого негодяя, но это едва не стоило жизни Холидею, как и Ивице. Теперь Бен снова стал королем, жил в безопасности у себя в замке, укрепил свою власть, наметил план улучшения жизни в королевстве — и вот явился советник Тьюс со своими волшебными штучками!

Проклятие!

Бен снова стал смотреть на цветы — гардении, лилии, розы, гиацинты, маргаритки и множество других, которые, подобно великолепному ковру, покрывали пол зала. От всего этого веяло миром и покоем. Не так часто удавалось Бену отдохнуть здесь. И почему именно сейчас, когда наконец представилась такая возможность, ему снова не дают покоя?

Да просто потому, что он король! Ясно ведь, что у него вовсе не благодарная работа от звонка до звонка. Ради чего он некогда оставил практику преуспевающего адвоката в Чикаго и принял королевский титул здесь, в Заземелье, которое населено сказочным народом и притом находится не под Чикаго, а в таких далях, что о нем никто никогда даже не слышал? Ради чего он решил настолько изменить свою жизнь, что никто в прежнем мире не мог даже узнать его? Он хотел начать новую, совершенно новую жизнь, и ради этого оказался здесь. Он хотел бежать от пустоты и тоски, от своего безрадостного существования вдовца, от работы, которая потеряла для него всякий смысл... В этом новом мире Бен хотел заново обрести смысл жизни, и это ему удалось. Но трудности и борьба, которых он искал, в этом мире были постоянными, и конца им не было видно. Хочет он этого или нет, но надо всегда быть готовым к новым трудностям и к новой борьбе.

Король вздохнул. Ничего не поделаешь, надо принимать решение. Он понимал, что все смотрят на него и ждут разумного ответа. Бен еще раз жадно вдохнул воздух, напоенный ароматом цветов. Сомнений не оставалось, и решение теперь не казалось таким трудным, как раньше. Надо делать то, что ты считаешь правильным, вот и все.

Бен улыбнулся.

— Простите за мое дурное настроение, — сказал он. — Тьюс, если Абернети нужен мой медальон для волшебства, ты можешь взять его.

По совету Ивицы я взвесил все возможные опасности и пришел к выводу: стоит идти на риск ради того, чтобы дать возможность Абернети снова стать самим собой. — Бен повернулся к придворному писцу: — Ну что, Абернети, ты готов попытать счастья?

— Не знаю, Ваше Величество, — начал Абернети неуверенно. — Он помолчал, еще раз окинул взглядом собственное тело и поднял глаза: — Да, мой король, я готов!

— Замечательно! — воскликнул Тьюс. Раздался одобрительный ропот, показывающий, что остальные с ним согласны. — Ну вот, теперь мы это быстренько осуществим. Ты, Абернети, стой здесь, в центре зала, а остальных я попрошу отойти чуть подальше и стоять позади меня. Прошу вас! Вот так. — Лицо волшебника озарилось радостной улыбкой. — Теперь, Ваше Величество, попрошу вас вручить медальон Абернети.

Бен в волнении коснулся цепочки на шее. Он все еще колебался.

— А это точно, советник? — спросил король.

— Никаких сомнений, Ваше Величество. Все будет хорошо. Не волнуйтесь.

— Я о том, верно ли, что без медальона я не смогу управлять Заземельем?

Тьюс сделал рукой успокаивающий жест:

— Не беспокойтесь. Сейчас я с помощью простого заклинания решу ваш вопрос. — Он помахал рукой, пробормотал какие-то слова и радостно кивнул Бену. — Ну, все в порядке. Можете снять его.

Бен вздохнул, снял медальон и вручил его Абернети, а тот осторожно повесил талисман на свою мохнатую шею. Солнце осветило серебряную поверхность медальона с изображением рыцаря Паладина, верхом на коне выезжавшего из замка Чистейшего Серебра. Бен снова тяжело вздохнул. Ивица подошла к нему и взяла за руку.

— Все будет хорошо, — прошептала она.

Советник продолжал суетиться вокруг Абернети, заставляя его встать то так, то этак и повторяя, что дело займет не больше минуты. Наконец он встал прямо напротив писца и осторожно сделал два шага вправо. Послюнив палец, советник поднял его вверх, после чего с таинственным видом сказал:

— А... — Подняв руки высоко над головой, волшебник раскрыл было рот, но вдруг умолк, наморщившись. Он раздраженно потер нос рукой и пробормотал: — Щекотно, черт возьми. Еще эта проклятая пыльца!

Кыш-гномы придвинулись вплотную к волшебнику, вытягивая шеи, чтобы все получше разглядеть.

— Нельзя ли убрать этих тварей? — рявкнул Абернети и даже зарычал на них.

— Да, да, конечно, — ответил советник. — Ну-ка отойдите-ка! — Отогнав гномов, он снова стал в свою стойку. — Попрошу тишины!

Волшебник начал читать длинное заклинание, сопровождая речитатив экстравагантными жестами, вызывая ими явное недоумение его слушателей. Все они старались незаметно придвинуться поближе. За живописной сценой безмолвно наблюдал сам Бен, крепкий моложавый сорокалетний мужчина. Ивица, дитя в образе женщины, сильфида, получеловек-полуфея; кобольды Сельдерей и Сапожок, первый — флегматичный здоровяк, второй — длинноногий, подвижный, быстрый, оба наделены устрашающими клыками, у обоих горящие глаза; наконец, гномы Щелчок и Пьянчужка, похожие на грызунов, только что вылезших из норок. Абернети, к которому сейчас было приковано всеобщее внимание, зажмурился, видимо, готовясь к худшему.

Советник Тьюс между тем продолжал выкрикивать свои заклинания, которые казались нескончаемыми, словно жалобы гномов. Бен вдруг увидел все происходящее будто со стороны. Неужели это он, еще недавно отличный юрист, опиравшийся только на факты, живший в мире научно-технической революции, ядерной энергетики, космических чудес, сейчас живет в этом мире, где вовсе нет техники, и всерьез ожидает, что волшебник превратит одно живое существо в другое таким способом, который ученые из мира Бена не считали возможным. Он чуть не улыбнулся. Уж больно все это выглядело чудно́.

Волшебник вдруг резко опустил руки, а затем снова вскинул их, и воздух вмиг наполнился сверкающей серебристой пылью, кружившейся по комнате, словно множество малюсеньких светлячков. Повинуясь движениям рук Тьюса, пыль осела на теле Абернети. Сам он не мог этого видеть, так как глаза его были все еще закрыты. Волшебник снова забормотал непонятные слова, и на этот раз его заклинания больше напоминали пение. Серебристая пыль снова закружилась, и всем показалось, будто в зале вдруг стало светлее и холоднее. Бен почувствовал, как съежились гномы у него за спиной. Ивица крепче сжала его руку.

— Эзарац! — выкрикнул вдруг Тьюс, и медальон Бена вспыхнул ярким светом, так что все невольно зажмурились. Когда же зрители снова открыли глаза, то Абернети по-прежнему стоял на том же месте такой же, как прежде.

Хотя нет. Бен заметил, что рук у писца больше нет. Теперь на их месте появились собачьи лапы!

— Ох! — вырвалось у советника.

Абернети открыл глаза.

— Гав! — пролаял он вдруг, к собственному ужасу. — Гав! Гав!

— Советник, ты же превратил его в настоящую собаку! — вскричал изумленный Бен. — Сделай же что-нибудь!

— Проклятие! — воскликнул волшебник. — Одну минуточку! — Он возобновил заклинания, снова стал жестикулировать, и серебристая пыль вновь закружилась в воздухе. Абернети только что заметил свои лапы, и вид у него был убитый.

— Эзарац! — опять вскричал советник. Королевский медальон во второй раз вспыхнул ярким светом, и лапы Абернети снова сменились человеческими руками.

— Ну, колдун, доберусь я до тебя, — завопил Абернети. Способность говорить человеческим языком тоже вернулась к нему.

— Стой спокойно! — приказал Тьюс, однако Абернети уже надвигался на него, окруженный облачком серебристой пыльцы. Тьюс бросился навстречу, чтобы остановить писца, и пыльца, словно живая, отлетела от волшебника, но часть ее неожиданно попала на его лицо.

— Эзарац! — И тут волшебник неожиданно громко чихнул.

Под ногами Абернети внезапно вспыхнул свет; вернее, это было что-то вроде светящегося облака, которое окутало его ноги и стало медленно увлекать куда-то вниз.

— Помогите! — закричал писец.

— Советник! — рявкнул Бен. Он сделал большой шаг вперед, чуть не наступив на гномов, которые каким-то образом оказались впереди.

— Я... Я его уже... Ваше Величество...

Видно было, как Тьюс изо всех сил старается не чихнуть снова, но не может справиться с серебристой пылью.

Абернети отчаянно пытался освободиться от увлекавшей его силы, из последних сил взывая о помощи. Бен уже переступил через кыш-гномов.

— Успо... успокойтесь, — снова заговорил Тьюс. — Сей... сейчас... а... а... ап-чхи!

Он чихнул с такой силой, что, не устояв на ногах, налетел на Бена, а тот, в свою очередь, сбил с ног еще кого-то. Облачко серебристой пыли вылетело через раскрытые окна в залитый солнцем сад. Абернети издал отчаянный вопль и был поглощен светящимся облаком. Таинственный свет ослепительно вспыхнул и исчез, словно его не было.

Бен приподнялся, опираясь на руки, и бросил на волшебника гневный взгляд.

— Gesundheit!* — выпалил он.

Советник Тьюс побагровел.

ГЛАВА 2

БУТЫЛКА

— Ну, отвечай, что случилось с Абернети? — грозно спросил Бен.

Советник Тьюс, очевидно, пока не знал, что ответить, поэтому король на минуту оставил его в покое, чтобы помочь подняться Ивице. Затем он снова поглядел на придворного волшебника. Рассердиться Бен еще не успел, точнее — не успел оправиться от потрясения, но чувствовал, как в нем поднимается ярость. Придворный писец как сквозь землю провалился, а вместе с ним исчез и медальон, защищавший безопасность как самого короля, так и всего королевства.

Чувство горечи, однако, пересилило гнев.

— Советник, где же Абернети? — повторил Бен свой вопрос.

— Ну, я... как это сказать... Я, Ваше Величество, еще... не совсем уверен в ответе, — выдавил наконец из себя советник.

Бен схватил волшебника за мантию. Терпеть подобные речи было немыслимо.

— Я не желаю этого слушать! — закричал король. — Ты, черт возьми, должен вернуть его обратно! И немедленно!

Волшебник побледнел, но сохранил присутствие духа. Он не пытался вырваться, но лишь выпрямился и перевел дыхание.

— Ваше Величество, я пока еще точно не знаю, что произошло, — ответил он. — Мне нужно какое-то время, чтобы разобраться во всем.

— Ты что, не можешь догадаться? — закричал Бен, потеряв терпение.

Советник Тьюс поморщился:

— Ну, я понимаю, что опыт с волшебством на этот раз не удался. Произошла путаница из-за того, что я чихнул, Ваше Величество, но это не моя вина. Это просто несчастная случайность. Так вот, из-за этого Абернети был не превращен, а был перемещен в какое-то другое место. Видите ли, Ваше Величество, те два слова,

---

* Будь здоров! *(нем.)*

что я употребил в заклинаниях, созвучны с другим магическим словосочетанием, а поэтому можно спутать и два вида волшебства. Так, знаете ли, случается при произнесении заклинаний...

— Да провалиться бы всему этому!.. — закричал Бен, но осекся. Ему вдруг показалось нелепым свое поведение. Он перестал владеть собой и держался словно гангстер из дрянного боевика. Бен наконец отпустил волшебника и спросил уже более миролюбивым тоном:

— Так ты думаешь, что волшебная сила перенесла Абернети в какое-то другое место? А куда именно, ты не мог бы сказать?

Советник помолчал с минуту, раздумывая.

— Не знаю, — вымолвил он.

Бен некоторое время смотрел на него, потом отвернулся, разочарованный.

— Я просто не могу поверить в это, — пробормотал он. — В голове не укладывается.

Бен оглядел всю компанию, собравшуюся в зале. Ивица стояла рядом с ним, ее зеленые глаза были печальными. Кобольды, падая, разбили большой цветочный горшок и теперь собирали осколки. Кыш-гномы о чем-то беспокойно шептались.

— Может быть, нам бы следовало... — хотела сказать Ивица.

И тут, на том месте, откуда исчез Абернети, снова что-то вспыхнуло, затем раздался громкий хлопок, словно вылетела пробка от шампанского, и там, где раньше стоял писец, появилась невесть откуда какая-то вещь. Неведомый предмет закружился на полу, потом остановился, и тогда стало понятно, что это такое. Это была бутылка.

Все снова оторопели. Бутылка лежала на полу как ни в чем не бывало. По размеру она была похожа на двухлитровую бутыль из-под вина. Она была расписана красно-белыми изображениями танцующих арлекинов, в разнообразных позах, с дьявольскими, безумными усмешками на лицах.

— А это еще что такое? — спросил Бен, поднимая бутылку. Он внимательно осмотрел ее и зачем-то взвесил на ладони. — Похоже, она пустая, — объявил король.

— Ваше Величество, у меня идея! — сказал вдруг Тьюс. — Мне кажется, Абернети и эта бутылка поменялись местами, были перемещены на место друг друга. Знаете, превращение, перемещение, между всем этим всегда есть что-то общее. С волшебством всегда так.

Бен нахмурился:

— Ты говоришь, что Абернети и эта бутылка поменялись местами? Но почему?

Советник пожал плечами:

— Не знаю, Ваше Величество. Но теперь я абсолютно уверен, что произошло именно это.

— Можно ли благодаря этой бутылке узнать, где Абернети находится теперь? — спросила Ивица.

Советник покачал головой:

— Это дает возможность только начать поиск. Если мне удастся установить, откуда взялась эта бутылка, то... — Он вдруг задумался. — Странное дело: бутылка эта кажется мне знакомой.

— Значит, ты видел ее прежде? — нетерпеливо спросил Бен.

Волшебник задумался.

— Я не совсем уверен в этом, — ответил он. — С одной стороны, кажется, что я ее помню, с другой — не вполне уверен. Еще не разобрался.

«А в чем ты вообще разобрался?» — зло подумал Бен. Вслух же сказал:

— До этой посудины мне дела мало. Но меня очень волнует и судьба Абернети, и судьба медальона. Надо найти способ вернуть их обратно. Так что постарайся сделать это, советник, да побыстрее! Мы ведь из-за тебя попали в эту переделку.

— Я понимаю, Ваше Величество. Нет нужды напоминать мне об этом. И все же не моя вина, что Абернети начал двигаться вперед, когда я читал заклинание, что едва я попытался остановить его, как на мое лицо попала пыль и я чихнул... Волшебная сила сделала бы все как полагается, если бы...

Король нетерпеливо махнул рукой:

— Найди его, советник. Найди непременно.

Советник Тьюс слегка поклонился:

— Слушаюсь, мой король. Я начну поиски немедленно. — Он повернулся и пошел к выходу из зала, бормоча на ходу. — Может быть, он еще здесь, в Заземелье, и я начну поиски отсюда. Думаю, что он в безопасности, хотя нам и не удалось помочь ему немедленно. Нет, не подумайте, Ваше Величество, что есть основания за него беспокоиться. Нет, нет, у нас еще есть время. Чихнул я не по своей вине. Все шло, как я и наметил... Но что бы там ни было, я начинаю поиски.

Он был уже в дверях, когда Бен крикнул:

— А эта бутылка тебе разве не нужна?

— Что? — Советник удивленно оглянулся и замотал головой. — Может быть, потом. Сейчас в ней нет необходимости... Все-таки где же я мог ее видеть прежде? Ну ладно, раз я не могу вспомнить, значит, это не так уж важно...

Он вышел из зала, продолжая что-то бормотать, этакий Дон Кихот из Заземелья, желающий сражаться с великанами, но имеющий дело только с ветряками. Бен долго и печально смотрел ему вслед.

Не думать об исчезнувшем Абернети и о пропавшем медальоне было невозможно, однако до возвращения волшебника этому горю все равно нельзя было помочь. Поэтому, после того как Ивица ушла в сад собирать цветы, а кобольды вернулись к своей службе в замке, Бен заставил себя заняться разбором очередной жалобы кыш-гномов. Но, как ни странно, самих гномов их дело уже не так интересовало, как прежде.

— Так что вы там рассказывали про троллей? — спросил Бен, устало опустившись в кресло.

— Какая славная бутылочка, Ваше Величество, — вместо ответа заметил Щелчок.

— Милая вещица, — заявил Пьянчужка.

— Забудьте об этой бутылке! — приказал король, который только что сообразил, что она все еще здесь, лежит на полу, куда он сам положил ее недавно. — Я тоже хотел бы о ней забыть, — добавил он раздраженно.

— Но мы никогда не видели ничего подобного, — жалобно сказал Щелчок.

— Да, никогда, — подтвердил Пьянчужка.

— Нам можно ее потрогать? — спросил Щелчок.

— Можно потрогать? — Пьянчужка умоляюще поглядел на короля.

Бен бросил на них гневный взгляд:

— Вы же, кажется, пришли сюда, чтобы поговорить о троллях? Вы кричали, перебивая друг друга, настолько это дело казалось для вас важным! А теперь вы что, забыли о нем?

Щелчок посмотрел на Пьянчужку:

— О нет, Ваше Величество, вовсе не забыли. Тролли поступили с нами совершенно возмутительно.

— Так давайте обсудим это дело.

— Но троллей сейчас нет, и их найти совсем нелегко, а эта бутылочка сейчас здесь, так нельзя ли ее потрогать, Ваше Величество? Мы бы только на минуточку...

— Нельзя ли потрогать, Ваше Величество? — словно эхо, отозвался Пьянчужка.

Бену захотелось схватить злополучную бутылку и ударить ею по голове им обоим. Однако он просто поднял бутылку и передал гномам. Легче было уступить, чем спорить.

— Только поосторожнее с ней, — предостерег он.

Ему казалось, что особо беспокоиться нечего. Бутылка из толстого и прочного стекла, и повредить ее было, видимо, не так легко. А может быть даже, это было и вовсе не стекло, а какой-то более прочный материал, чуть ли не металл.

Гномы стали любовно разглядывать и поглаживать бутылку, словно она была самым драгоценным сокровищем. Каждый из них держал ее в руках, будто ребенка. У Бена эта сцена вызвала чувство неприязни. Он отвернулся и стал смотреть на Ивицу, любовно собиравшую цветы. Ему захотелось присоединиться к ней.

— Ну, ребята, — сказал наконец Бен, обращаясь к гномам, — не закончить ли нам с троллями?

Щелчок и Пьянчужка непонимающе уставились на него. Король сделал им знак, чтобы они вернули бутылку, и они неохотно подчинились. Бен снова положил ее на пол рядом со своим креслом. Гномы помялись немного и снова перешли к жалобам на троллей, но теперь уже без всякого вдохновения. Оба они не сводили глаз с бутылки и наконец не выдержали.

— Ваше Величество, нельзя ли нам взять эту бутылку? — неожиданно спросил Щелчок.

— Да, да, нельзя ли взять ее? — присоединился к нему Пьянчужка.

— Для чего она вам? — изумился Бен.

— Это прекрасная вещица, — заявил Щелчок.

— Это настоящее сокровище, — поддержал его Пьянчужка.

— Она так прелестна, — продолжал Щелчок.

— Да, да, прелестна, — вторил Пьянчужка.

Бен закрыл глаза и потер веки, потом снова поглядел на гномов.

— Знаете, — сказал он, — я был бы и рад отдать эту проклятую бутылку вам или кому-то еще. Отдал бы ее, приговаривая: «Забирайте, и чтобы я о ней никогда больше не слышал». Но я не могу так поступить. Эта бутылка имеет какое-то отношение к исчезновению Абернети, и я должен выяснить, в чем тут дело.

Кыш-гномы печально покачали головами.

— Этот пес всегда не любил нас, — проворчал Щелчок.

— Никогда не любил, — поддакнул Пьянчужка.

— Он ворчал на нас.

— Он на нас даже рычал.

— И тем не менее, — решительно ответил Бен.

— Мы могли бы сохранить эту бутылку для тебя, повелитель, — предложил Щелчок.

— Мы бы о ней хорошенько позаботились, — заверил Пьянчужка.

— Пожалуйста, пожалуйста, — стали ныть оба гнома.

На них жалко было смотреть — ну просто два ребенка в магазине игрушек.

Бен нахмурился и неожиданно спросил у гномов:

— А что, если в бутылке заключен какой-нибудь злой дух? Что, если злые духи едят гномов? — Оба гнома уставились на него в изумлении. Очевидно, им это и в голову не приходило. Бен вздохнул: — Я не могу отдать ее вам, вот и все.

— Но ты же сам говорил, что отдал бы ее кому угодно, — грубо напомнил Щелчок.

— Ты так и сказал, — подтвердил Пьянчужка.

— А мы были бы ей очень рады.

— Были бы рады.

— Так почему бы не отдать ее нам, повелитель?

— Почему бы не отдать?

— Ненадолго.

— Всего на пару дней.

Бен потерял терпение. Схватив бутылку, он закричал:

— Лучше бы мне ее никогда не видеть! Ненавижу эту гадость! Хоть бы она сгинула, а Абернети и мой медальон поскорее вернулись бы обратно!.. Если бы да кабы, во рту бы выросли грибы... Однако на деле ничего этого нет, и ни я, ни тем более вы не можем распоряжаться этой бутылкой. Так давайте забудем о ней и вернемся к троллям, пока я не вышел из себя.

Он снова положил бутылку на пол. Гномы хитро переглянулись.

— Он ее ненавидит, — прошипел Щелчок.

— Он хотел бы, чтобы она пропала, — прошептал Пьянчужка.

— О чем вы там шепчетесь? — спросил Бен.

— Так, ни о чем особенном, Ваше Величество, — ответил Щелчок.

— Да, ни о чем особенном, Ваше Величество, — эхом отозвался Пьянчужка.

И они вновь вернулись к своему рассказу о бесчинствах троллей, но закончили этот рассказ довольно быстро и все время не сводили глаз с бутылки.

Остаток дня прошел быстрее, чем ожидал Бен. Гномы, наговорившись вдоволь, ушли в свои комнаты. Гостей обычно приглашали остаться на ночь, и Щелчок с Пьянчужкой неизменно принимали приглашения, так как им нравилось, как готовит Сельдерей. Бен ничего не имел против, потому что так от них было меньше хлопот.

Едва они успели выйти из садового зала, как король решил присоединиться к Ивице. С некоторым опозданием вспомнил он о злосчастной бутылке, которую оставил у кресла. Вернувшись, Бен поднял ее и осмотрелся в поисках места, куда можно ее спрятать. Остановился на шкафчике с цветочными горшочками. Он осторожно засунул бутылку внутрь, чтобы ее нельзя было сразу увидеть, и быстро вышел из зала.

Они с Ивицей погуляли по саду и поговорили о делах на следующий день (Бен понял, что без Абернети, который вел записи дел по дням, придется трудно). Потом он заглянул на кухню, чтобы посмотреть, что там готовит Сельдерей. После этого можно было пробежаться по воздуху.

Бег оставался единственным видом физических упражнений, которым Бен еще занимался постоянно. Прежде он был чемпионом по боксу, «серебряной перчаткой», но здесь у него не было таких условий для занятий, как в Чикаго. Поэтому Бен полагался на бег и упражнения на канате, чтобы поддерживать свою форму.

Бен переоделся в спортивный костюм, пересек озеро на челноке-бегунке, который двигался без всякой энергии, но только силой внушения, выбрался на холмистый берег и начал свою пробежку. Уже близилась осень, дни становились короче, ночи — холоднее. Он бегал часа два, стараясь отвлечься от неприятностей этого дня. Когда Бен почувствовал себя достаточно уставшим, он вернулся на остров. Солнце уже почти скрылось за дальними горами. Глядя на величественный замок на острове, Бен снова подумал о том, как все же, несмотря ни на что, ему здесь нравится. Теперь Бен думал, что замок Чистейшего Серебра — именно то, к чему он всегда стремился, хотя раньше и не знал этого. Он вспомнил, какое тяжелое впечатление произвел на него этот некогда пребывавший в запустении и упадке королевский замок при первом знакомстве. Тогда Бен еще не знал, что замок этот — сродни живому существу и так же, как сам Бен, способен чувствовать. Недаром он, Бен, ощутил в первую ночь тепло, настоящее, а не воображаемое. Эта каменная твердыня была такой же живой, как существа, имеющие плоть и кровь. Она не только давала кров, но и заботилась о пище и даже приносила успокоение. Это было замечательное создание волшебства, которым Бен не переставал восхищаться.

Как только король вернулся, Ивица сказала ему, что советник уже давно приходил в замок, чтобы сообщить, что Абернети точно нет в Заземелье. Бен стоически перенес эту новость.

Ивица помогала Бену мыться. Она касалась тела мужа своими маленькими, нежными ручками и все время целовала его. Длинные зеленые волосы придавали ей ореол таинственности.

— Тебе не следует сердиться на Тьюса, — сказала Ивица, когда Бен уже вытирался полотенцем. — Он ведь старался как лучше. Ему так хотелось помочь Абернети.

— Я знаю, — ответил Бен.

— Он чувствует себя ответственным за судьбу Абернети, а подобное чувство — тяжкое бремя. Ты должен лучше других понимать, что значит ответственность за судьбы людей.

Уже Бог знает сколько раз чувствовал Бен бремя ответственности за чужие судьбы! Он вспомнил жену Энни, без которой он уже почти четыре года. Он вспомнил своего коллегу и доброго друга Беннетта. Нечего и говорить о людях Заземелья, о черном единороге, о новых друзьях: Ивице, Абернети, Сапожке, Сельдерее и, конечно же, советнике Тьюсе.

— Хотел бы я, чтобы он получше овладел искусством волшебника, — тихо сказал король. Вдруг он умолк и посмотрел сильфиде в глаза. — Ты знаешь, я страшно испугался, потеряв медальон. Я не могу забыть, дорогая, что случилось в прошлый раз, когда мне только казалось, что я потерял его. Я чувствую себя без него таким беспомощным!

Ивица обняла его.

— Ты никогда не будешь беспомощным, Бен, — сказала она. — И ты никогда не будешь одиноким.

Он прижал ее к себе:

— Это правда. Я не одинок, пока вы все со мной. Нечего, пожалуй, тревожиться. Все как-нибудь уладится, я надеюсь.

Новостей об Абернети, однако, не было почти до окончания ужина, и нельзя сказать, чтобы королевская чета ожидала именно этих новостей. За ужином супруги были почти в одиночестве. Оба гнома не явились — удивительное дело! Советника Тьюса также не было, а Сапожок приходил ненадолго. Сельдерей возился на кухне. Бен и Ивица лишь вдвоем восседали за огромным столом. В конце ужина в столовую ворвался волшебник с таким выражением смятения на лице, что король вскочил со стула.

— Ваше Величество! — вскричал волшебник. — Где бутылка?

— Бутылка? В садовом зале, я спрятал ее в шкафчике. А что случилось?

Тьюс так задыхался, что Бен и Ивица сочли нужным усадить его на стул. Ивица предложила ему еще стакан вина, который он тут же осушил.

— Я вспомнил, где прежде видел эту бутылку, Ваше Величество! — вымолвил наконец волшебник.

— Так где же ты ее видел прежде? — спросил заинтригованно король.

— Здесь, Ваше Величество. Именно здесь.

— Но когда ты увидел ее сегодня, ты не вспомнил этого сразу?

— Конечно, нет! Это ведь было лет двадцать назад!

Бен покачал головой:

— Ничего не понимаю, советник!

Волшебник вскочил со стула:

— Я все объясню, коль скоро бутылка эта будет у нас в руках и я буду уверен, что она никуда не денется. Мой король, эта бутылка ужасно опасна!

В это же время пришли кобольды, и вся компания направилась в садовый зал. По дороге Бен пытался узнать что-нибудь еще, но толку от Тьюса не добился. В зале было темно, и Бен, коснувшись стены, осветил зал.

Подойдя к шкафчику, король заглянул вовнутрь через стеклянную дверцу. Бутылки не было!

— Да что же это?! — воскликнул он, не веря своим глазам. И вдруг его осенило. — Это Щелчок и Пьянчужка, — прошипел он. — Эти проклятые гномы, должно быть, подглядели, когда я прятал сюда бутылку.

— Кыш-гномы стащили бутылку?! — спросил изумленный советник.

— Сапожок, пойди разыщи их! — приказал Бен, опасаясь самого худшего. — Если они еще здесь — приведи их немедленно!

Кобольд ушел, но вскоре вернулся. Он был один.

— Сбежали?! — гневно выкрикнул Бен.

Волшебник побледнел.

— Ваше Величество, боюсь, у меня для вас очень плохие известия, — проговорил он.

Ничего другого Бен и не ожидал услышать.

ГЛАВА 3

ГРАУМ-ВИТ

Абернети вдруг очнулся. Слово «проснулся» здесь бы не подошло, потому что он и не спал, по крайней мере в обычном смысле этого слова. Несмотря на то что глаза Абернети были закрыты, он

постоянно чувствовал яркий свет и при этом задерживал дыхание, словно под водой. И вдруг ощущение ослепительной яркости пропало. Абернети открыл глаза. Вокруг был полумрак, и ему пришлось подождать, пока глаза привыкнут к тусклому свету. Писцу показалось, что впереди него — ограда из прутьев. Он закрыл глаза и снова открыл их. О небо! Похоже, он попал в какую-то клетку.

Абернети попытался встать (при своем странном «пробуждении» он обнаружил, что сидит). Однако оказалось, что в этой клетке встать невозможно: голова его упиралась в потолок. Он стал осторожно водить рукой, коснулся сперва потолка, потом пошарил сбоку. Но что это перед ним? Не железная решетка, а причудливый и довольно красивый узор из стекла. Сверх того, странная клетка, в которую он попал, была не квадратной, а шестиугольной формы. Абернети никогда в жизни не видел шестиугольных клеток!

Он огляделся. Писец с удивлением понял, что находится не в клетке, а внутри какой-то витрины, вроде тех, что бывают на выставках. Ногами он зажимал две красивые вазы и стеклянный сосуд, так что начал бояться, что они расколются при малейшем движении, даже если он будет только дышать. Однако покамест ничего не случилось.

В изумлении Абернети огляделся еще раз. Его «витрина» действительно находилась в каком-то полуосвещенном зале, заполненном шкафчиками и полками, на которых были выставлены предметы искусства. В полутьме трудно было рассмотреть эти экспонаты: сквозь маленькие и слишком высоко расположенные окна едва поступал свет. Стены были украшены гобеленами, а каменные плиты пола покрывал роскошный ковер ручной работы.

Абернети нахмурился. Куда же это, во имя всего святого, он попал? А все этот проклятый волшебник! Конечно, может быть, думал писец, он сейчас все еще находится в замке Чистейшего Серебра, в каком-нибудь забытом зале, где хранятся всякие древности? Однако... Что «однако», этого Абернети сам точно сказать не мог, но чувствовал, что находится вовсе не там. Что наделал этот волшебник Тьюс?!

Тут кто-то открыл дверь в боковой стене зала, вошел и тихо закрыл ее за собой. Писец сощурился, пытаясь различить, кто бы это мог быть. Он даже задержал дыхание. Кто бы ни был вошедший, ясно было, что он еще не знал о существовании Абернети. Неизвестный шел не спеша, время от времени останавливался, смотрел на экспонаты. Абернети решил, что этот гость пришел сюда полюбоваться искусством. Между тем шаги приближались. Из-за своего неудобного положения внутри выставочной витрины Абер-

нети не мог повернуть голову так, чтобы разглядеть как следует, кто приближается к нему сзади. К тому же, чего доброго, он мог здесь что-нибудь разбить. Абернети тяжело вздохнул. Все равно делать что-то нужно. Нельзя же просто сидеть здесь сложа руки.

И вот уже кто-то подошел сзади к его витрине, обошел ее и остановился. Абернети увидел девочку, которая смотрела на него снизу вверх. На вид ей было не больше двенадцати, она была тоненькая, круглолицая, русоволосая, с короткой стрижкой. Глаза у девочки были голубые, а на носу — веснушки. Она рассматривала его с явным удивлением. Абернети замер затаив дыхание, надеясь, что незнакомка потеряет к нему интерес и пойдет дальше, но она не уходила. Наконец писец не выдержал напряжения и моргнул.

— О! — воскликнула девочка. — Так и есть: живая собачка!

Абернети выдохнул. Этого следовало ожидать — такой уж нынче денек.

Девочка смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Бедняжка! — заговорила она снова. — Заперли тебя здесь и не дали ни еды, ни воды. Бедная собачка! Кто так поступил с тобой?

— Один болван, который вообразил себя волшебником, — ответил писец.

Теперь она посмотрела на него с нескрываемым изумлением.

— Как! Ты умеешь разговаривать?! — спросила она громким шепотом, словно не веря своим ушам. — Вот так собачка!

Абернети нахмурился:

— Ты не могла бы не называть меня собачкой?

— Не могла бы... то есть, я хотела сказать, конечно, могла бы. — Она подошла поближе. — Как тебя зовут, собачка?.. Ох, извини, как твое имя?

— Абернети.

— А меня зовут Элизабет. Не Бетти, не Лиза, не Лиззи, а именно Элизабет. Терпеть не могу эти уменьшительные имена. Мамы и папы придумывают их, не спрашивая, нравится это или нет, и пожалуйста — окрестили на всю жизнь. Настоящее мое имя — Элизабет. Так звали мою двоюродную бабушку. — Девочка помолчала. — А как ты научился разговаривать?

Абернети снова насупился:

— Так же, как и ты, должно быть. Я, между прочим, окончил школу.

— Правда? У тебя на родине собак учат разговаривать?

Абернети уже начал сердиться:

— Да я тогда не был собакой! Я был человеком.

Элизабет была поражена:

— Что ты говоришь! — Она помолчала немного, видимо, размышляя над его словами. — А, понимаю, тебя заколдовали, правда? Ну, как в сказке «Красавица и чудовище». Знаешь, там злые колдуны превратили одного прекрасного принца в отвратительное чудовище, и он не мог расколдоваться, пока его кто-нибудь не полюбит по-настоящему. Может быть, и с тобой случилось что-то вроде этого, Абернети? Тебе так не кажется?

— Ну, в общем...

— Это был злой волшебник, да?

— Ну, как сказать...

— А почему он превратил тебя в собаку? Какой ты породы, Абернети?

Абернети почувствовал жажду.

— Скажи, ты не могла бы выпустить меня отсюда? — спросил он.

Элизабет бросилась к дверце, но вдруг остановилась в испуге:

— Тут заперто, Абернети. Эти стеклянные колпаки всегда заперты. Микел никогда не забывает это проверить: боится, как бы чего не пропало. Знаешь, он очень недоверчивый. — Она вдруг умолкла. — Ох, а куда девалась бутылка, которая здесь хранилась? Тут была бутылка с нарисованными на ней танцующими клоунами — вот, ее нет. Куда она могла деться? Микел взбесится, когда узнает об этом. Ты, случайно, не сидишь на ней, Абернети?

— Понятия не имею, Элизабет, — ответил удивленный писец. — Я тут ничего не вижу, тем более что я даже не могу двигаться свободно, а без этого ничего не разглядишь. Если не выберусь отсюда, я так и не узнаю, на чем сижу.

— Я же сказала, что дверь заперта, — печально повторила Элизабет. — Хотя, может быть, мне удастся достать ключ. Знаешь, мой папа — управляющий в Граум-Вит. Он недавно ушел, но я могу войти в его комнату. У него есть все ключи. Не беспокойся, Абернети, я сейчас!

С этими словами она удалилась, а Абернети предался невеселым размышлениям. О какой это бутылке она толкует, кто такой Микел и что такое Граум-Вит? Некогда он знал одного Микела и имел представление о Граум-Вит. Но это было очень давно, и он, к счастью, позабыл и Микела, и Граум-Вит...

Писец вдруг почувствовал неприятный холодок под ложечкой. Нет, не может быть! Это просто совпадение. Или он не так понял слова девочки.

Наконец Элизабет появилась снова. Она вставила в замок большой резной ключ и повернула его. Дверь из стекла и металла отворилась, и Абернети оказался на свободе.

— Благодарю тебя, Элизабет! — сказал он.

— Добро пожаловать на волю, Абернети, — ответила девочка. Она поставила вазы на свои места и внимательно осмотрела стеклянную витрину. Видимо, искала пропавшую бутылку, но поиски оказались тщетными. Девочка снова заперла дверь и печально сказала: — Ее нет на месте.

Абернети выпрямился и разгладил свою одежду.

— Даю тебе слово, я ничего не знаю об этой бутылке, — ответил он.

— Я-то тебе верю, — ответила Элизабет. — Только Микел может не поверить. Он очень недоверчив в таких делах. Даже не разрешает людям заходить сюда, только если сам пригласит их, а в таких случаях он сам же и находится здесь вместе с ними постоянно. Я могу входить в этот зал только потому, что мой папа управляющий. Я люблю приходить сюда полюбоваться на все это. Знаешь, тут на дальней стене есть картина, на которой люди действительно двигаются! А еще — музыкальная шкатулка, которая сама играет то, о чем ее попросишь. Не знаю, что было в этой бутылке, но, верно, что-нибудь особенное. Микел никого не подпускал к этой безделушке.

Картина с движущимися людьми? Музыкальная шкатулка, которая сама играет? Все это могло означать только волшебство.

— Элизабет, — перебил ее Абернети, — а где я нахожусь?

— В Граум-Вит, конечно, — ответила удивленная девочка. — Разве я не сказала тебе?

— Да, да... Но где это — Граум-Вит?

— В Вудинвилле, конечно.

— А где находится Вудинвилл?

— Немного к северу от Сиэтла, в штате Вашингтон, в Соединенных Штатах Америки. — Девочка заметила изумление Абернети. — Ты разве никогда не слыхал об этих местах, Абернети?

Он покачал головой:

— Таких мест нет в моем мире. Я боюсь, мне неизвестно, где... — Вдруг он осекся. — Элизабет, — сказал писец с беспокойством, — слыхала ли ты о таком городе — Чикаго?

Она улыбнулась:

— Конечно. Чикаго — в Иллинойсе. Но это очень далеко отсюда. Ты что, из Чикаго, Абернети?

— Нет, но мой король оттуда... то есть жил там раньше. Послушай, это просто какой-то кошмар. Значит, все-таки я уже не в Заземелье! Я попал в мир нашего правителя... А все этот болван волшебник! — Он вдруг умолк в ужасе. — О небо! У меня же остался медальон. Медальон Его Величества!

В отчаянии он схватился за цепь, на которой висел медальон короля. Между тем Элизабет начала причитать:

— Абернети, ты только не пугайся, все будет хорошо. Я помогу тебе, вот увидишь. Мы что-нибудь придумаем. — Она утешала и гладила его.

— Элизабет, ты не поняла! — ответил он. — Этот медальон — талисман нашего короля, но, пока я здесь, Его Величество лишен защиты. Талисман нужен ему там, в Заземелье. Он уже не в своем прежнем мире... — Тут Абернети снова испуганно умолк. — Значит... это его прежний мир?! Элизабет, ты сказала, что это место называется Граум-Вит, а здешнего хозяина зовут Микел?

— Абернети, милый, успокойся. Его зовут Микел Ард Ри.

У Абернети был такой вид, будто у него стало плохо с сердцем.

— Микел Ард Ри... — вымолвил он едва слышно, словно боялся произносить вслух. — Элизабет, ты должна спрятать меня!

— Но что случилось, Абернети?

— Дело в том, что этот Микел Ард Ри — мой злейший враг.

— Но почему? Из-за чего вы стали врагами? — Элизабет явно сгорала от любопытства. — Он что — друг волшебника, который превратил тебя в собаку?

— Элизабет, — Абернети старался говорить как можно спокойнее, — обещаю тебе все рассказать, но только после того, как ты спрячешь меня. Нельзя, чтобы меня нашли здесь, особенно с этим медальоном!

— Хорошо, хорошо, — заверила девочка. — Я обещала помочь, и я помогу. Сразу тебя здесь никто не увидит. Постоянно здесь почти никого не бывает, кроме моего папы, а его не будет несколько дней. Но надо найти способ вывести тебя отсюда. Это не так-то легко, потому что тут все время кто-нибудь ходит по коридорам. Мне надо подумать...

Она стала внимательно рассматривать Абернети, которому захотелось на время стать невидимкой. Потом девочка вдруг радостно захлопала в ладоши.

— Я придумала! — улыбнулась она. — Мы с тобой устроим представление.

Абернети это было не очень по вкусу, но он согласился, потому что Элизабет считала это надежным. Писец безотчетно доверял девочке и не ставил под сомнение ее желание помочь ему. Абернети готов был на все, лишь бы укрыться где-нибудь. Меньше всего на свете ему хотелось свидеться с Микелом Ард Ри.

Поэтому он стал на четвереньки, позволил Элизабет надеть на него самодельный ошейник и вывести из зала на поводке, словно

настоящую собаку. Это было неудобно, унизительно и постыдно, но все же Абернети дал согласие на подобный театр. Он даже согласился обнюхивать разные предметы по дороге и вилять хвостом.

— Только ни в коем случае не разговаривай, — предупредила его Элизабет, когда они вышли в коридор. Там было так же темно, как и в витринном зале. И Абернети убедился, что каменный пол был холодным. — Если кто-нибудь нас заметит, — продолжала девочка, — то я просто скажу, что ты моя собака и я тебя так нарядила ради игры. По-моему, увидев твой наряд, они ничего другого и не подумают.

«Замечательно, — раздраженно подумал Абернети, — а чего такого в моей одежде?» Но вслух он ничего не сказал.

Они долго шли по коридорам. Все они были тускло освещены лампами или в их стенах были сделаны маленькие окошки. Теперь Абернети пришел к выводу, что Граум-Вит — это замок наподобие Чистейшего Серебра. Его навело на мысль, что Микел Ард Ри, должно быть, не изжил своих детских воспоминаний. А эта мысль, в свою очередь, пробудила в душе писца любопытство. Но думать о Микеле сейчас очень не хотелось. Абернети боялся, что этот человек, если не перестать думать о нем, может вдруг появиться здесь, и писец заставил себя на время забыть о нем.

Девочка и пес долго шли, не встретив ни души, пока, свернув за угол, не столкнулись с двумя людьми в черной форме. Элизабет остановилась, а Абернети тут же спрятался за нее, сожалея, что ее тонкие ноги вряд ли смогут скрыть его от глаз незнакомцев. Он стал деловито обнюхивать плиты пола, стараясь выглядеть как обыкновенная собака.

— Здорово, Элизабет, — приветствовали ее люди в черном.

— Это твоя собака? — спросил один из них. — Бьюсь об заклад, псу не очень-то по нраву этот немыслимый наряд.

— Совсем не по вкусу, — согласился второй.

— А что это у него на носу? Очки? — спросил первый. — Где ты все это достала?

— Чудной наряд для собаки, — заметил его товарищ. Он протянул было руку к Абернети, но тот, неожиданно для себя самого, заворчал. Человек в черном отдернул руку. — Не очень-то дружелюбный пес, — сказал он.

— Он просто испугался, — примирительно сказала Элизабет. — Он ведь вас еще не знает.

— Пожалуй, я могу понять его, — заметил охранник. Он повернулся к товарищу: — Ну, пошли, Берт.

Но тот, видимо, колебался.

— Знает ли твой отец об этой собаке, Элизабет? — спросил первый. — Кажется, он говорил, что тебе не следует держать домашних животных.

— Да он передумал, — ответила девочка. Абернети уже тащил ее за собой. — Ну, мне пора, — сказала она. — Пока.

— Пока, Элизабет, — ответил охранник. Он уже пошел прочь, но потом повернулся и спросил у нее:

— А какой породы эта собака?

— Не знаю. Просто дворняжка, — внезапно нашлась девочка.

Абернети чуть было не укусил ее.

— Я не дворняжка! — заявил пес, как только они отошли на безопасное расстояние. — Я пшеничный терьер. У меня родословная, может быть, получше, чем у тебя.

Элизабет покраснела.

— Извини, Абернети, — сказала она, виновато опустив глаза.

— Ну, ничего, — ответил он примирительно, смущенный собственной вспышкой. — Я только хотел подчеркнуть, что, несмотря на мою внешность, я хорошего происхождения.

Теперь они сидели в ее комнате, на краю кровати, в относительной безопасности. Комната была светлой в отличие от других помещений, которые писец увидел раньше в этом здании. Стены оклеены обоями, спальню украшала мягкая мебель, пол устлан коврами, тут и там стояли статуэтки и чучела животных. Письменный стол, полка с книгами и картины, изображавшие птиц и зверей, довершали убранство комнаты.

— Расскажи, что у вас было с Микелом? — попросила Элизабет.

Абернети напрягся.

— Микел Ард Ри — первопричина того, что я превратился в собаку, — ответил он. — Если честно, Элизабет, я не знаю, следует ли мне рассказывать эту историю.

— Но почему?

— Прежде всего потому, что тебе трудно будет поверить во все это...

— Ну да, — ответила она. — В то, что тебя заколдовали, или в то, что ты пришел из другого мира. — Она покачала головой. — Знаешь, Абернети, я вполне могу поверить в это. Я верю, что есть вещи, о которых многие люди ничего не знают, как, например, волшебство. Папа говорит, что на свете есть немало такого, во что люди не верят, потому что не понимают. Я никому не рассказываю об этом, кроме моей лучшей подруги Ниты, но я думаю, что есть на свете и другие миры, где тоже живут люди.

Абернети посмотрел на девочку с уважением.

— И ты права, — ответил он. — Здесь не мой родной мир, но и Микел Ард Ри тоже не из этого мира. Мы оба из мира, который называют Заземельем, это такое королевство, не очень большое, но очень далекое, находящееся как бы на границе миров, окруженное туманными землями, которые являются царством фей. Туманы считаются источником волшебства. За пределами этого сказочного мира живут другие народы, не знающие или почти не знающие магии.

Он умолк, думая, как перейти к своей истории. Элизабет не сводила с него глаз, и Абернети не видел в ее взгляде недоверия.

— Все это случилось больше двадцати лет назад, — решился писец. — Отец Микела был тогда нашим королем. Шел последний год его жизни, а я был придворным писцом. Микел был примерно твоего возраста, но, конечно, очень не похож на тебя.

— Он был плохим мальчиком? — поинтересовалась Элизабет.

— Да.

— Нельзя сказать, чтобы он и сейчас был очень хорош.

— Значит, он с тех пор мало изменился. Я играл с мальчиком и занимал его по просьбе короля. Он был не очень хорошим ребенком, но стал еще хуже, когда взял его под свое крылышко Микс. Это был наш придворный колдун, очень скверный малый. Подружившись с мальчишкой, он стал учить его азам волшебства, и Микелу это пришлось по вкусу. Помню, когда я играл с ним, он все воображал, что он хозяин замка под названием Граум-Вит, твердыни, которая может устоять против сотни вражеских армий и десятка колдунов. Ему нравилось воображать себя непобедимым владыкой. Ну а я был свидетелем и участником его игр. Не мое дело было решать, во что играть мальчику и как его воспитывать... Старый король был насчет всего этого другого мнения, нежели я. Но, боюсь, Микел рос настоящим маленьким чудовищем.

— Он гадко вел себя с тобой? — участливо спросила девочка.

— Да, но не хуже, чем с другими. Я-то, будучи придворным, находился еще в несколько лучшем положении. А с животными мальчишка обращался особенно жестоко. Ему, кажется, доставляло истинное удовольствие мучить их. Особенно он почему-то ненавидел кошек. Если он ловил заблудших кошку или кота, то сбрасывал их со стен замка.

— Но это ужасно! — воскликнула девочка.

— Я так и говорил ему, — кивая, сказал Абернети. — А однажды я застал его за настолько отвратительным занятием, что даже сейчас не решаюсь о нем рассказать. Тут мое терпение кончилось. Я схватил мальчишку, положил его к себе на колени лицом вниз и

хлестал прутом, пока он не взвыл. В тот момент я и сам не думал, что делаю. Потом мальчишка вскочил и с воплем выбежал из комнаты. Он был вне себя от злобы.

— Ну, он заслужил это, — уверенно заявила Элизабет, даже не подозревая, что именно натворил избалованный Микел.

— И все же, — продолжал Абернети, — с моей стороны это была страшная ошибка. Мне следовало рассказать обо всем королю по его возвращении. Король тогда уехал куда-то, а мальчишка был оставлен на попечение Микса. К нему он и побежал и потребовал, чтобы мне отрубили руку. Микс, как я потом узнал, засмеялся и согласился. До меня ему не было дела, к тому же он считал, что я настраиваю против него старого короля. Так что Микел позвал своих стражников, и они стали искать меня. В отсутствие короля Микс был регентом, и защитить меня было некому. Я бы скорее всего действительно лишился руки.

— Но этого не случилось, — вставила Элизабет.

— Верно. Раньше всех меня нашел Тьюс. Он был единственным братом Микса и тоже волшебником, хотя и менее способным. Тогда он явился ко двору, надеясь, что король его куда-нибудь пристроит. Мы с советником были друзьями. Он не очень-то любил своего братца и пришел предупредить меня о замысле. Убежать я бы не успел, спрятаться мне было негде: Микел слишком хорошо знал замок. Вот почему я и позволил Тьюсу превратить меня в собаку — чтобы спастись. Этот замысел удался, но, увы, после советник не смог превратить меня снова в человека.

— Значит, получается, что в собаку тебя все-таки превратил злой волшебник, — заметила Элизабет.

Он замотал головой:

— Нет, но мне от этого не легче.

— И что же, — спросила девочка, — ты все эти годы был собакой... то есть этим... пшеничным терьером?

— Да, пшеничным терьером. Хотя душа моя осталась человеческой, а еще я сохранил человеческую речь и руки.

Элизабет улыбнулась не по-детски грустно:

— Хотела бы я помочь тебе, Абернети. Помочь превратиться обратно в человека.

— Кое-кто уже пытался это сделать, — тяжело вздохнул он. — Вот почему я здесь и оказался. Это снова проделки Тьюса. Боюсь, с тех пор он не стал лучше владеть своим искусством. Ему показалось, что он наконец нашел способ превратить меня в человека, но снова волшебство сработало не так, как ожидал, и вот я оказался, словно в ловушке, в замке моего злейшего врага.

— Папа говорил мне, — сказала Элизабет, — что Микел бывает очень жесток с животными. Вот почему и не разрешали мне держать их дома — чтобы с ними не случилось ничего плохого. Потому-то ни у кого в Граум-Вит нет ни кошек, ни собак, ни птичек.

— Неудивительно, коли рядом такой злодей, — задумчиво ответил Абернети.

Девочка вдруг нахмурилась:

— Но стража, думаю, расскажет ему о том, что у меня появилась собака. Стражники ему обо всем рассказывают. Этот дворец охраняют, словно тюрьму. Даже мой папа, хотя он и управляющий, не может везде ходить свободно. Микел, однако, ему доверяет. Он тут отвечает за все... почти за все. Только стража не подчиняется папе, а лишь самому Микелу.

Абернети молча кивнул. Он снова подумал о медальоне, который висел у него на шее. Что будет, если он попадется с этим медальоном?!

— Я очень не люблю Микела, — сказала Элизабет, — хотя он пока не сделал мне ничего плохого. Он какой-то... гадкий.

Абернети подумал, что это слово весьма подходит к Микелу Ард Ри.

— Мне очень надо выбраться отсюда, Элизабет, — заговорщицки прошептал он. — Помоги мне, пожалуйста.

— Но куда же ты пойдешь, Абернети? — тоже шепотом спросила девочка.

— Это не так важно, лишь бы уйти отсюда, — ответил писец. — До сих пор я не могу понять, как я оказался не где-нибудь, а именно здесь!

— Наверное, мне придется уйти с тобой, — решительно сказала вдруг Элизабет.

— Нет, нет! — испуганно воскликнул Абернети. — Тебе нельзя со мной. Я должен уйти один!

— Но ты даже не знаешь, куда пойдешь.

— Я смогу найти дорогу, поверь мне. С медальоном можно даже вернуться в Заземелье. Король как-то рассказывал мне про какое-то место под названием «Виргиния». Я найду ее.

— Но это же совсем в другом конце страны! — воскликнула девочка в ужасе. — Как же ты попадешь туда?

Абернети удивленно уставился на нее.

— Найду как-нибудь, — ответил наконец писец. — Сейчас главное — выбраться отсюда. Поможешь мне?

— Конечно, помогу, — с готовностью ответила Элизабет, вставая с кровати. Подойдя к окну, девочка посмотрела в небо. — Мне надо подумать, как бы потихоньку вывести тебя из наших ворот — их ведь охраняет стража. Пожалуй, сегодня уже поздно. Лучше подождать до завтра. Мне нужно с утра идти в школу, но к четырем я прихожу домой. Однако я могу сказаться больной и остаться дома. Дело в том, что здесь я не смогу тебя прятать долго. Все же, я думаю, нам лучше уйти вместе.

— Я понимаю. Но этого делать нельзя. Ты еще слишком юная, а путь будет очень опасным.

Элизабет резко отвернулась к окну.

— Папа иногда говорит то же самое, — сказала она, надув пухленькие губки.

— Понятное дело, — словно извиняясь, ответил Абернети.

Она снова повернулась к нему и улыбнулась. Абернети вдруг увидел собственное отражение в зеркале за спиной девочки — увидел себя таким же, как она видела: собаку в очках, в красном костюме, расшитом золотом, сидевшую на краю кровати... Он понял, каким смешным, должно быть, ей кажется, и смутился.

— Останемся ли мы с тобой друзьями, Абернети, уже после твоего ухода? — спросила девочка, к его великому удивлению.

Он улыбнулся (насколько это возможно для собаки) и ответил:

— Конечно, останемся, Элизабет.

— Ну и отлично! Знаешь, я очень рада, что именно я нашла тебя.

— Я тоже.

— И я хотела бы, чтобы ты все же взял меня с собой.

— Понимаю.

— Подумай об этом.

— Непременно.

— Обещаешь?

Абернети тяжко вздохнул:

— Послушай, Элизабет!

— Что!

— Мне будет лучше думаться, если я чего-нибудь поем, а еще лучше — если и попью.

Она быстро вышла из комнаты. Абернети смотрел ей вслед, и сердце его учащенно постукивало. Элизабет понравилась ему. Он даже подумал о том, что рядом с ней и собакой побыть одно удовольствие.

ГЛАВА 4

ЗЛЫДЕНЬ

— В этой бутылке живет одно существо, — заявил советник Тьюс.

Он снова сидел в садовом зале в обществе Бена, Ивицы и кобольдов.

Замок уже погрузился во тьму, и только одна лампа скупо освещала лица четырех слушателей, которые сидели вокруг светильника и в молчании ожидали, когда волшебник продолжит рассказ. Его осунувшееся лицо выдавало сильную усталость и волнение. Он сидел сгорбившись, сцепив пальцы и положив на колени узловатые руки.

— Существо это зовется Злыднем и принадлежит к одной из разновидностей духов тьмы.

«Что-то вроде чертика в бутылке», — решил Бен, вспомнив один из рассказов Роберта Льюиса Стивенсона. Подумав о том, что принесла описанная в этом рассказе тварь своим хозяевам, он почувствовал смутное беспокойство.

— Этот Злыдень, — продолжал советник, — похож на духа из одной старой сказки, живущего в волшебной лампе. — Бен немного успокоился. — Он служит хозяину бутылки, является, когда его вызывают, и выполняет поручения хозяина. К сожалению, только все виды волшебства, которые происходят в действительности, относятся к злому колдовству.

— Какова мера зла? — спросил Бен, вновь ощутивший чувство тревоги.

— Эта мера может быть разной. — Советник помолчал в задумчивости. — Необходимо понять: колдовство, к которому прибегает Злыдень, существует не само по себе, но имеет подпитку извне.

— Иными словами?

— Иными словами, Злыдень вытягивает силы из хозяина бутылки. Его колдовство питается за счет души хозяина; но не тем, что есть доброго и хорошего в душе, а тем, что есть в ней дурного и злого. Злыдень питается злобой, жадностью, себялюбием, завистью — всеми теми разрушительными силами, которые, хотя имеют над разными людьми разную власть, так или иначе свойственны всем нам.

— Значит, он существует за счет людских слабостей, — тихо сказала Ивица. — Я слышала о таких тварях, которые давным-давно бежали из волшебных туманов.

— Но это еще не самое худшее, — продолжал волшебник. У него был такой унылый вид, что при взгляде на него остальным

стало тоскливо. — Я говорил уже вам, что бутылка эта кажется мне знакомой. Так вот, уже больше двадцати лет назад я ее действительно видел, и я только сейчас вспомнил, при каких обстоятельствах. Я видел ее у моего единственного брата. Бутылка эта принадлежала ему.

— О Господи! — простонал Бен.

— Но как она сюда попала? — спросила Ивица.

— Чтобы объяснить это, я должен рассказать о событиях былого. — И Тьюс тяжело вздохнул.

— Надеюсь, это займет не очень много времени? — с надеждой спросил король.

— Ваше Величество, это займет не больше времени, чем требуется для моих объяснений, — с достоинством ответил советник. — Надо понимать, что оценка времени во многом зависит от восприятия людей, которые...

— Хорошо, хорошо, рассказывай, — умоляюще посмотрел на него Бен.

Советник подумал, нахмурился, потом поморщился, словно человек, у которого во рту что-то горькое. Наконец он заговорил снова:

— Как вы помните, мой единственный брат был придворным волшебником старого короля. У меня не было должности при дворе, но я там бывал время от времени. Король иногда давал мне мелкие поручения; как правило, это были дела, которыми не хотел заниматься мой братец. Он считался наставником королевского сына примерно с тех пор, как тому пошел восьмой год. Но, к сожалению, ничему хорошему этого мальчика он не учил. Микс видел, что король быстро стареет и слабеет, страдая от болезней, не поддающихся лечению. Понимая, что мальчишка станет королем, когда отец уйдет из жизни, мой братец хотел любыми путями добиться влияния на королевского сына. Микел (так звали мальчика) никогда не отличался сильным характером, еще до того как попал под влияние Микса. Но после того как тот прибрал его к рукам, мальчишка довольно быстро стал ну просто невыносим. Он рос жестоким и грубым, он находил удовольствие в том, чтобы мучить всех окружающих. Колдовство, которым занимался Микс, неудержимо влекло мальчишку, и он постоянно вертелся около моего братца, словно человек, который постоянно голоден рядом с поваром. А Микс использовал свое колдовство, чтобы лишить Микела собственной воли.

— Замечательно, — перебил Бен, — но при чем тут наша бутылка?

— А вот при чем, — продолжал Тьюс с важным видом. — Эта бутылка была одной из игрушек, подаренных Микелу моим брат-

цем. Мальчишке разрешено было давать ему поручения. Злой дух из бутылки, конечно, очень опасен, но Микс умел держать его в узде, так что для моего братца Злыдень опасен не был. А Микел вовлекал злого духа в свои коварные и опасные игры, особенно с животными. Во время одной из таких гадких забав Абернети наконец потерял терпение и поколотил мальчишку. Я же вынужден был превратить моего друга в собаку ради его безопасности. Со временем старый король понял, что происходит с мальчишкой, и велел прекратить его занятия с Миксом. Все волшебные поделки, с которыми играл мальчик, было велено уничтожить, в том числе и эту бутылку.

— Однако, как я вижу, этого не произошло, — заметил Бен.

Советник покачал головой:

— Старый король заметно ослабел, но Паладин все же надежно защищал его. Микс не собирался бросать королю вызов открыто: мой братец довольствовался ожиданием его смерти. Микс имел на мальчишку свои виды, он собирался оставить Заземелье ради других миров. И конечно, он не собирался отказываться от колдовской бутылки, тем более позволить, чтобы ее уничтожили. Но спрятать ее он не мог: старый король узнал бы об этом. Кроме того, если бы Микс покинул Заземелье, то определенный порядок вещей в другом мире помешал бы ему воспользоваться магией. Что же ему оставалось делать? — Советник выжидающе умолк, а не получив ответа, продолжал, понизив голос до шепота: — Ему пришло в голову приказать Злыдню перенестись вместе с бутылкой в другой мир, туда, где Злыдень сможет прятаться в бутылке, пока Микс снова за ними не явится. Неплохо придумано?

— Послушай, Тьюс, — терпение Бена было на исходе, — на какую полку прикажешь все это положить? — Заметив изумление волшебника, король раздраженно пояснил: — Какое это имеет отношение ко всем нам?

Тьюс поморщился и махнул рукой.

— Мой братец, — продолжал он, — обещал бутылку Микелу. Это была его любимая игрушка. Микс обещал мальчишке, что тот снова станет хозяином бутылки после смерти старого короля, когда они смогут переселиться в другой мир и начать распродажу Заземелья. Конечно, они это держали в тайне. Если бы я знал все это, то непременно рассказал бы королю... Но мне об этом стало известно много позже, когда старого короля уже не было на свете. Тогда-то Микс и поведал мне о своих планах.

— Он рассказал тебе о своих планах? — переспросил пораженный Бен.

— Да, Ваше Величество, — печально ответил волшебник. — Ему не было причины скрывать это от меня. Микс понимал, что помешать ему я не смогу. К тому же мой братец был гордецом, и поэтому не переставал хвастать своими «подвигами». Меня он обычно выбирал в качестве первого слушателя. Я сожалею, повелитель, что вспомнил это только сейчас. Следовало сделать это пораньше. Но с тех пор прошло двадцать с лишним лет, и я не мог узнать этой бутылки, пока...

— Постой! — снова перебил Бен. — Что было с бутылкой дальше?

— Что было дальше? — переспросил волшебник.

— Да, да, именно об этом я и спрашиваю.

Советник пришел в совершенное уныние:

— Микс заполучил ее назад и передал Микелу.

— Передал Микелу?! — в ужасе повторил Бен.

— Не было оснований не выполнить обещания, — попытался объяснить Тьюс. — Это было не очень опасно. В новом мире колдовская сила бутылки была значительно слабее, к тому же там мало кто занимается волшебством и верит в него...

— Постой, постой. Так ты говоришь о моем мире? — спросил Бен.

— Да, о вашем прежнем мире...

— О моем! Так бутылка была там? Но это значит... — Бен был поражен так, что с трудом подбирал слова. — Выходит, из-за твоей ошибки, советник, Абернети и эта бутылка поменялись местами?! Значит, по твоей милости бутылка оказалась здесь, а наш Абернети — там? Что же ты наделал, черт возьми? Ты послал писца в мой мир, и хуже того — прямо к этому идиоту Микелу?

Тьюс кивнул. Он был в отчаянии.

— А с ним ты отправил туда мой талисман, так что я даже не могу вернуться в свой прежний мир и помочь Абернети!

— Да, Ваше Величество, — виновато выдавил из себя волшебник.

Бен посмотрел на Ивицу, словно ища поддержки, потом на кобольдов. Все молчали. «И почему со мной всегда что-нибудь случается?» — подумал Бен.

— Нам надо поскорее вернуть эту бутылку, — сказал он наконец. — А после этого ты, Тьюс, должен будешь сразу вернуть бутылку в мой мир и вернуть сюда Абернети.

— Я сделаю все, что от меня зависит, Ваше Величество, — ответил несчастный волшебник.

Бен только покачал головой:

— Сделай хоть что-нибудь. — Он встал. — Ну что ж, до рассвета едва ли можно что-то предпринять. В темноте этих проклятых гномов все равно не найдешь. Да еще и ночь безлунная. Одно слово,

не везет. Хоть то хорошо, что наши гномы пока не знают, что у них в руках. Они просто думают, что это «славная вещица». Может быть, они не откроют ее, прежде чем мы успеем их найти.

— Может быть, — не очень уверенно сказал советник Тьюс.

— А может, и нет? — спросил король.

— Трудно сказать.

— Снова трудности, советник? — спросил Бен.

— Боюсь, что да, повелитель. Этот Злыдень — непредсказуемое существо.

— То есть?

— Случается, что он выходит из бутылки сам по себе, без приказа.

Километрах в пятнадцати от замка Чистейшего Серебра, где пораженный Бен Холидей слушал рассказ советника, Щелчок и Пьянчужка только что раскопали заброшенную барсучью нору, и теперь оба протиснулись в нее, так что снаружи видны были только их острые носики и блестящие глазки. Ночь была тихой, безветренной. Не услышав никаких опасных звуков поблизости, Пьянчужка спросил:

— Не достать ли ее еще раз?

— Лучше этого не делать, — ответил Щелчок.

— А если только на минуточку? — не унимался Пьянчужка.

— Минуточки иногда тянутся долго, — не уступал Щелчок.

— Но ведь здесь темно, — напомнил Пьянчужка.

— Не всегда дело в свете, — возразил Щелчок.

Какое-то время оба гнома помолчали. Где-то вдалеке раздался резкий крик ночной птицы.

— Как ты думаешь, она очень нужна нашему королю? — спросил Пьянчужка.

— Он говорил, что предпочел бы ее никогда не видеть, — напомнил Щелчок. — Еще он говорил, что хорошо бы, если бы она пропала.

— И все же она может ему понадобиться, — засомневался Пьянчужка.

— У него и так хватает разных бутылок, ваз и прочих ценностей, — ответил Щелчок.

— Лучше бы нам еще раз ее достать.

— А по мне, лучше ее не трогать.

— Мы бы еще поглядели на танцующих клоунов... Так здорово!

— А если еще кому-то придет в голову ее украсть? Что тогда? А?

Пьянчужка умолк, но по тому, как беспокойно он завозился, Щелчок понял, что друг с ним не согласен. Щелчок не стал обращать

на это внимание. Пьянчужка повозился еще немного и затих. Он стал смотреть в ночное небо. Ему вспомнились вкусный ужин и теплая постель, от которых он отказался, сбежав вместе с Щелчком.

— Лучше было бы нам остаться у повелителя до утра, — заметил он наконец.

— Мы должны были как можно скорее уходить с такой бутылью, — раздраженно ответил Щелчок, которому надоели приставания Пьянчужки. — Эта бутыль беспокоила короля. Ему было даже больно смотреть на нее. Она напоминала ему о собаке. Этот пес был его другом, хотя сам я не могу понять, как это можно дружить с псом. Собак только есть хорошо, а на что-то иное они не годятся.

— Надо было сказать ему, что мы заберем бутылку, — заявил Пьянчужка.

— Это бы причинило ему еще большую боль, — возразил Щелчок.

— Он на нас рассердится.

— Нет, он будет доволен.

— Хорошо бы еще раз взглянуть на бутылку. Ох и большая же она.

— Ты замолчишь?..

— Хотя бы убедиться, что с ней все в порядке...

Щелчок тяжело вздохнул, отчего пыль у входа в их убежище забилась в ноздри. Пьянчужка чихнул.

— Ну, разве что совсем ненадолго, — наконец согласился Щелчок.

— Только на минуточку, — уточнил Пьянчужка.

Они оба заработали своими лапками, разрывая кучу хвороста, которым была завалена ямка, вырытая ими у входа в нору. После того как с этим было покончено, оба гнома осторожно дотронулись до бутылки, завернутой в тряпицу. Они развернули и вытащили свое «сокровище», после чего положили бутылку на землю, буквально у себя под носом.

— Какая красивая! — прошептал Щелчок, глядя на бутылку.

— Какая прелесть! — в унисон ему отозвался Пьянчужка.

«Минутка» давно уже прошла, прошло много минут, а гномы все продолжали глазеть на бутылку.

— Интересно, что там внутри? — заметил Щелчок, тыкая пальцем в горлышко.

— Интересно, — подтвердил Пьянчужка.

Щелчок осторожно потрогал бутылку. Гномам показалось, что арлекины стали танцевать быстрее.

— По-моему, она пустая, — сказал Щелчок.

Пьянчужка также потрогал бутылку.

— По-моему, ты прав, — заметил он.

— Но как это можно проверить, не открыв ее? — поинтересовался Щелчок.

— Вряд ли иначе поймешь, — тут же согласился Пьянчужка.

— Может, мы и ошибаемся, — заметил Щелчок.

— Может быть, — подтвердил Пьянчужка.

Они еще раз осмотрели бутылку, даже обнюхали ее, по очереди повертели в руках, но так ничего и не поняли.

Наконец Пьянчужка потрогал пробку. Щелчок поспешно забрал у него бутылку.

— Мы же договорились сразу не открывать ее, — напомнил он.

— А зачем слишком долго ждать? — спросил Пьянчужка.

— Мы договорились, что откроем ее, когда доберемся домой.

— Но это слишком далеко. К тому же мы и здесь в безопасности.

— Мы же договорились!

— А мы можем передоговориться.

Щелчок почувствовал, что его решимость поколеблена. В конце концов он не меньше Пьянчужки интересовался содержимым их драгоценной бутылочки. Можно ведь осторожно открыть ее, а потом сразу опять закрыть. Они успеют заглянуть туда...

Но вдруг то, что налито в бутылку, разольется в темноте и пропадет!

— Нет, — твердо сказал Щелчок. — Мы откроем бутылку только дома, не раньше.

Пьянчужка бросил на него злой взгляд.

— Только дома, не раньше, — проворчал он недовольно.

Они какое-то время молча лежали и смотрели на бутылку, пока не устали глаза. Надо сказать, что у гномов зрение вообще слабое и они больше полагаются на остальные пять чувств. А сейчас была ночь. Поэтому они даже не заметили, как пробка начала двигаться, словно ее кто-то расшатывал.

— Лучше все же ее убрать, — сказал наконец Щелчок.

— Пожалуй, — снова вздохнул Пьянчужка.

Гномы потянулись к бутылке, но вдруг услышали странный звук:

— Шшшшшшш!

Гномы поглядели друг на друга. Но никто из них не шикал.

— Шшшшшшш!

Звук исходил из бутылки.

— Шшшшшшш! Освободите меня, хозяева! — услышали гномы.

Щелчок и Пьянчужка тут же отдернули лапки и забились в нору, так что оттуда торчали только кончики их носов. Между тем неведомый обитатель бутылки начал ныть:

— Пожалуйста, ну пожалуйста, милые хозяева, выпустите меня отсюда! Я не сделаю вам ничего плохого, вот увидите. Я ваш друг. Я вам кое-что покажу, хозяева. Освободите меня. Вы увидите такие чудеса!

— Какие чудеса? — робко спросил Щелчок, не вылезая из норы. Пьянчужка промолчал.

— Вы увидите волшебство, доброе волшебство, — отвечал голос из бутылки. — Я не причиню вам зла. Честное слово.

— А ты кто? — спросил Щелчок.

— И почему умеешь разговаривать? — спросил Пьянчужка.

— Бутылки не разговаривают.

— Никогда не разговаривают.

— Да нет, хозяева, — ответил тот же голос. — Это не бутылка разговаривает с вами. Это я.

— Кто ты? — спросил Щелчок.

— Да, кто? — поинтересовался Пьянчужка.

Последовало недолгое молчание, затем таинственный голос ответил:

— У меня нет имени.

— У всех есть имя, — заявил Щелчок, высовывая голову из норы.

— У всех, — повторил за ним Пьянчужка.

— Но только не у меня, — грустно ответили из бутылки. — Но, может быть, вы сами дадите мне имя? Да, вы ведь можете придумать, как меня назвать. Почему бы вам не выпустить меня и не дать мне имя?

Гномы еще колебались, но страх уже уступил место любопытству. Их сокровище, ко всему, умело еще и разговаривать!

— И ты будешь хорошо вести себя, если мы тебя выпустим? — спросил Щелчок.

— Ты обещаешь не причинять нам вреда? — вставил свой вопрос Пьянчужка.

— Причинить вам вред?! Да ни в коем случае! — Обитатель бутылки был чуть ли не оскорблен. — Вы ведь мои хозяева. Я не смею причинять вред хозяевам бутылки. Я должен вас слушаться и выполнять ваши приказы.

Щелчок и Пьянчужка еще колебались. Потом Щелчок осторожно дотронулся до бутылки. Она оказалась теплой. Пьянчужка сделал то же самое и с тем же результатом. Гномы удивленно посмотрели друг на друга.

— Вы увидите чудеса, — повторил тот же голос. — Вы узнаете, что такое доброе волшебство.

— Может, действительно открыть бутылку? — шепотом спросил Щелчок.

— Не знаю, — ответил Пьянчужка.

— Я могу вас одарить, — пообещал голос. — Вы можете получить от меня драгоценные дары.

Больше Пьянчужка и Щелчок не могли терпеть. Они оба потянулись к бутылке, и вскоре пробка была уже извлечена. Из горлышка повалил рыжий дым и полетели зеленые искры, затем раздался звук удара, и — какое-то маленькое, черное, лохматое существо вылезло из бутылки. Гномы отдернули лапки. Существо это напоминало огромного паука.

— У-ууф! — услышали они вздох неведомого создания, которое теперь смотрело на них, усевшись на край горлышка. Ростом существо было с четверть метра, с красными глазами. В отличие от паука у него было четыре конечности, крысиный хвостик и пушистая черная шерсть на спине. Лапы и пальцы были, как им показалось, болезненно бледными. Тупая, словно приплюснутая, мордочка была обильно покрыта шерсткой. Острые ушки торчком стояли на макушке. Неведомое существо, по-видимому, улыбалось, обнажая кривые зубы; впрочем, его улыбку трудно было отличить от гримасы.

— Хозяева! — снова услышали гномы голос недавнего обитателя бутылки. При этом он поскреб шерстку, словно под ней скрывалось нечто, раздражавшее его.

— Кто же ты? — спросил Щелчок шепотом. Его товарищ молчал.

— Я тот, кто я есть! — ответило неведомое существо, осклабившись. — Я чудесное создание волшебных чар. Я лучше тех, кто вызвал меня к жизни.

— Демон! — прошептал Пьянчужка, почувствовав внезапный страх.

— Меня называют Злыднем, хозяева, — ответил тот. — Я по воле случая несчастный узник... Но владелец этой бутылки, хозяева, владелец многих чудесных вещей!

Щелчок и Пьянчужка смотрели во все глаза и слушали его затаив дыхание.

— Какие же... чудесные вещи содержатся в этой бутылке? — спросил наконец Щелчок, и голос его дрожал от волнения.

— Ааах! — зевнул Злыдень.

— И... почему они в бутылке, а не у тебя в кармане? — спросил Пьянчужка.

— И почему ты сам живешь в бутылке? — не унимался Щелчок.

— Да, почему? — повторил Пьянчужка.

— Из-за... из-за заклятия, — ответило паукообразное создание. — Это моя жизнь, хозяева. Не хотите ли, чтобы она стала и вашей жизнью? Желаете ли сами проверить, что к чему? Хотите ли действительно почувствовать себя хозяевами, а?

Пока он говорил, гномы постепенно пятились обратно в нору. Им обоим хотелось сейчас исчезнуть. Лучше бы они вовсе не открывали бутылки!

— Ага-а-а! Испуга-а-лись? — спросил вдруг Злыдень, словно дразня гномов. — О нет, нет, вам незачем бояться меня. Вы хозяева, а я ваш слуга. Приказывайте мне! Попросите что-нибудь сделать, и я покажу вам, на что способен. — Щелчок и Пьянчужка словно онемели. — Скажите хоть слово, хозяева, — упрашивал их Злыдень. — Приказывайте!

— Покажи нам что-нибудь хорошее, — робко заговорил наконец Щелчок.

— Что-нибудь светлое, — добавил Пьянчужка.

— Но ведь это так просто! — ответил Злыдень. — Ну, будь по-вашему, хозяева. Будет вам «что-нибудь светлое». Смотрите!

Он поднялся и словно вырос на их глазах. Злыдень щелкнул пальцами, так что посыпались зеленые искры, все мошки и бабочки, летавшие в воздухе, разом загорелись, вспыхнув, словно маленькие костерки. Насекомые, обезумев, метались туда-сюда, охваченные огнем, и пораженные гномы следили за этим невиданным «фейерверком».

— Ооох! — воскликнули в унисон Щелчок и Пьянчужка, захваченные этим зрелищем, почти не чувствуя ни беспокойства, ни отвращения.

А Злыдень захохотал, глядя на гномов, и сказал:

— Смотрите, хозяева! Я создаю для вас красоту!

Он снова щелкнул костлявыми пальчиками, рассыпая множество разноцветных искр, и в воздухе загорелась какая-то ночная птица. С предсмертным криком упала она на землю. За нею последовали другие — страшный живой «звездопад». Гномы, точно одурманенные, следили за этим зрелищем со странным чувством, похожим на восторг, чем дальше, тем больше теряя представление о том, что на самом деле здесь происходило.

Когда все птицы сгорели, Злыдень снова посмотрел на Щелчка и Пьянчужку. Красные глаза обитателя бутылки горели. И этот красноватый свет отражался в глазах гномов.

— Я вам еще много интересного могу показать, хозяева, — прошипел Злыдень. — Вы и представить себе не можете, сколько чудес можно сотворить с помощью этой бутылки!

— Да! — в восторге воскликнул Щелчок.

— Да! — выдохнул испуганный Пьянчужка.

— Славные хозяева, — прошипел Злыдень. — Почему бы вам не потрогать меня?

Щелчок и Пьянчужка послушно кивнули и протянули к нему свои лапки. Злыдень зажмурился от удовольствия.

ГЛАВА 5
ЗЛЫЕ ЧАРЫ

В ту же ночь Бен Холидей спал плохо. Ему снился злой дух, который вышел из бутылки сам по себе, как об этом и предупреждал Тьюс. Во сне это было огромное чудовище, способное глотать людей целиком. Оно уже проглотило Щелчка и Пьянчужку, потом — полдюжины людей и уже гналось за самим Беном, когда он, к счастью, проснулся.

День был ненастный, дождливый, но никаких дурных предзнаменований Бен не заметил. Он отложил поиски гномов до утра, чтобы облегчить их посветлу, но раннее утро оказалось довольнотаки хмурым. Бен выглянул в окно. Мокрая земля блестела: тут и там были лужи. Он вздохнул. В такую погоду трудно будет отыскать следы гномов.

Однако Сапожок (а такие дела входили в его обязанности) не был обескуражен. Бен спустился в столовую, чтобы позавтракать перед уходом, и обнаружил, что советник Тьюс и кобольд оживленно обсуждают именно это дело. Бен смог разобрать многое из того, о чем они говорили: у него было достаточно времени, чтобы научиться неплохо понимать гортанный язык кобольдов. Сапожок говорил, что, несмотря на дождь, ему будет не труднее, чем в иное время, выследить гномов. Бен удовлетворенно кивнул и позавтракал с бóльшим аппетитом, чем он сам ожидал.

После завтрака король, волшебник и Сапожок вышли в передний двор. Ивица была уже здесь. Она отбирала лошадей для похода и наблюдала за сборами. Бен всегда удивлялся ее собранности и трудолюбию, тому, как она добровольно бралась за дела, которые могли и не входить в ее обязанности. Она улыбнулась и поцеловала его. Сам Бен не особенно хотел брать ее с собой (он всегда бес-

покоился за нее), но Ивица настояла. Теперь король был даже рад этому. Он обнял и поцеловал жену.

Они перевезли животных на «большую землю» и отправились в дорогу прежде, чем кончилось утро. Бен ехал верхом на своем любимце — гнедом по кличке Криминал. Советник — на старой серой лошади, а Ивица — на чалой. Только кобольды предпочли, как обычно, обойтись без лошадей (похоже, лошади были только рады). Бен любил шутить, что может оседлать Криминала только ради верховой езды. И на этот раз король повторил свою шутку, но она прозвучала плоско. Его спутники ежились и кутались в плащи от дождя и холода. Им сейчас было не до шуток. Главное для них было — по возможности скрыть, что им неуютно.

Сапожок быстро опередил остальных, что было не так трудно: всадники ехали шагом. Бен не очень беспокоился, где искать кышгномов. Это были более или менее предсказуемые существа. С такой драгоценностью, какой им представлялась бутылка, они должны были направиться прямо в свой дом-нору. Значит, путь их будет лежать к северу от замка Чистейшего Серебра, через леса, вдоль западных границ Зеленого Дола, пока они не достигнут горной области, где обитают гномы. Быстро они идти не могут: они никогда не были скороходами, а сейчас еще заняты бутылкой. Бен был почти уверен, что оба плута не смотрели на себя как на воров и не боялись погони. Значит, гномы не станут бежать, и Сапожок сможет найти их, несмотря на дождь, еще до вечера.

Поэтому вся компания брела на север, терпеливо ожидая, когда вернется Сапожок и сообщит, что он нашел гномов. Что так и будет, они не сомневались. Никто не уйдет от кобольда, если он решил его выследить. Кобольды же, когда надо, могли передвигаться с удивительной быстротой. Если Сапожок нападет на след гномов, то скоро их нагонит, а в том, что он нападет на их след, сам кобольд был уверен на все сто. Бен надеялся, что это случится скоро. Мысли о Злыдне, как назвал его советник, не давали покоя.

Король пытался представить себе этого самого Злыдня, но его воображения не хватало для подобной работы. Тьюс видел Злыдня больше двадцати лет назад, притом он никогда не отличался хорошей памятью. Он только помнил, что этот Злыдень бывает то маленьким, то большим. Ну, от таких воспоминаний толку не много. Хуже другое — колдовство, которым был наделен этот злой дух, не сулило ничего доброго ни гномам, ни людям. Бен надеялся только, что Щелчок и Пьянчужка не успели открыть бутылку и выпустить его на волю.

Снова подул ветер, обдав лицо Бена дождевыми каплями. Хоть бы на минуту показалось солнышко!..

— Кажется, скоро немного прояснится, Ваше Величество, — услышал он голос волшебника, ехавшего позади.

Бен кивнул, хотя ему в это не верилось. Он боялся, что дождь снова будет идти «сорок дней и сорок ночей», так что им всем придется строить ковчег, а не гоняться за этими болванами-гномами. Прошли почти сутки, как Абернети исчез вместе с медальоном, и король начал уже отчаиваться. Как он там, Абернети? Как он может жить в мире, откуда явился сам Бен? Пусть он каким-то образом сможет спастись от Микела Ард Ри, но куда он денется потом? Он же не знает географии того мира. А стоит ему начать там кого-нибудь расспрашивать...

Бен предпочел не думать об этом. Сейчас не время для бесплодных размышлений об Абернети или о медальоне. Сейчас главное — найти Щелчка и Пьянчужку и отобрать у них бутылку. Хотя у короля не было медальона, он верил, что ему удастся добиться своей цели. Сапожок и Сельдерей вполне могли справиться с гномами. А если понадобится, то советник Тьюс должен пустить в ход собственное волшебство, чтобы противостоять этому Злыдню. Надо только поспешить, и тогда, быть может, им удастся отобрать у гномов бутылку прежде, чем они разберутся, что к чему.

И все же хорошо было, когда он мог полагаться на Паладина, на это свое могущественное «второе я». Он снова вспомнил боевые доспехи, вкус и азарт битвы... Эти воспоминания были одновременно и пугающими, и отталкивающими. Против своей воли Бен снова стал представлять картины битвы. Он даже побаивался иногда, что такого рода фантазии, где он представлял себя Паладином, станут для него чем-то вроде зелья...

Усилием воли король заставил себя не думать о медальоне. Сейчас совсем не время для этого. Без медальона никакое преображение все равно немыслимо. Без медальона Паладин — всего лишь мечта.

Уже наступил полдень, и усталые путники наскоро перекусили, сделав остановку под раскидистыми кленами. Сапожок пока не возвращался. Никто не говорил об этом, но на душе у всех было неспокойно. Они снова отправились в путь, теперь уже вдоль границы Зеленого Дола. К северу и востоку от них простиралась зеленая равнина. Дождь стал идти потише, видимо, сбывалось предсказание Тьюса; к тому же немного потеплело. Но солнце все еще было скрыто за серыми тучами.

Вскоре наконец появился Сапожок. Пришел он не с севера, как они ожидали, а с запада. Глаза его горели, и он улыбался, как

радостный ребенок (с той разницей, что у детей не бывает клыков). Кобольд таки отыскал Щелчка и Пьянчужку; оказалось, что кыш-гномы вовсе не отправились на север, к себе домой. Они находились поблизости от места встречи друзей с Сапожком. По его словам, Щелчок и Пьянчужка как завороженные следили за тем, как капли, падавшие с дерева, превращались в драгоценные камни.

— Что?! — переспросил Бен, надеясь, что это ему только послышалось.

Советник Тьюс быстро спросил о чем-то кобольда, выслушал его ответ и сказал Бену:

— Они открыли бутылку, Ваше Величество. Они уже выпустили Злыдня.

— А он, значит, превращает дождь в драгоценные камни?

— Да, Ваше Величество, — ответил встревоженный волшебник. — И видно, что гномам это очень нравится.

— Еще бы такое не нравилось двум маленьким пройдохам! — ответил король. И почему всегда случаются какие-то неприятности? — Значит, беспокоиться о том, чтобы бутылка осталась неоткрытой, уже поздно. Что делать дальше, советник? Злыдень, я думаю, попытается помешать нам засадить его обратно в бутылку.

— Это будет зависеть от Щелчка и Пьянчужки, Ваше Величество, — ответил тот. — Хозяин бутылки может распоряжаться Злыднем.

— Выходит, все дело в том, согласятся ли сами гномы отдать нам бутылку?

— Но волшебные чары имеют огромную власть, Ваше Величество, — напомнил волшебник.

— Значит, мы должны что-то предпринять.

План, который они придумали, был удивительно прост. Надо незаметно подъехать туда, где находились гномы. Потом Сельдерей останется с лошадьми, а Бен, советник и Ивица подойдут к гномам. В то же время Сапожок незаметно подкрадется к ним сзади. Если Бену не удастся уговорить Щелчка и Пьянчужку добром вернуть бутылку, то Сапожок должен будет вырвать ее, прежде чем они успеют очухаться.

— Помни, Сапожок, если я потрогаю подбородок — это сигнал к действию, — сказал король.

Кобольд осклабился.

Отряд повернул на запад. Сапожок показывал дорогу, Сельдерей шел сзади, сопровождая навьюченных животных. Они остановились в рощице позади гряды холмов. Спешились, оставили ло-

шадей на попечение Сельдерея и направились к одному из холмов, скрывавших реку. На вершине они остановились как вкопанные.

Под большой старой ивой внизу сидели Щелчок и Пьянчужка и весело смеялись, вытянув вперед руки. Капли дождя, падавшие с ветвей старого дерева, прямо на их глазах превращались в сверкающие самоцветы. Гномы пытались поймать их, но большая часть красивых камней падала на землю немного в стороне, так что гномы не могли их достать. Груда самоцветов лежала под дождем, словно воплотившийся мираж.

Бутылка уже не интересовала гномов. Она валялась у их ног, а на ее горлышке вертелась и плясала какая-то паукообразная тварь, рассыпая вокруг себя зеленые искры. Каждая искра превращала очередную каплю дождя в драгоценный камень.

Бен был поражен открывшейся ему картиной. Что до Щелчка и Пьянчужки, то у них был такой вид, будто они лишились рассудка.

— Ну, с меня довольно! — закричал Бен.

Оба гнома замерли и съежились. Злыдень по-кошачьи выгнул спину, и глаза его загорелись. Бен подождал немного, чтобы убедиться, что гномы заметили его, и стал спускаться вниз. Советник и Ивица последовали за ним. Бен подошел к раскидистой иве, в нескольких метрах от гномов, и остановился.

— Чем же это вы здесь занимаетесь, приятели? — спокойно спросил король.

У Щелчка и Пьянчужки был очень испуганный вид. Они даже вздрогнули.

— Оставь нас! Оставь нас в покое! — закричали они почти в унисон.

— Сначала надо решить один вопрос, — ответил Бен все так же спокойно. — Вы захватили с собой одну вещь, которая принадлежит мне.

— Нет, нет! — плачущим голосом ответил Щелчок. — У нас нет ничего.

— У нас ничего такого нет, — вдруг захныкал Пьянчужка.

— А как же бутылка? — спросил король.

Едва он успел это сказать, как оба гнома разом схватились за бутылку, боясь, что Бен заберет ее. Злыдень по-прежнему сидел на бутылке, крепко вцепившись в нее лапками, словно приклеенный. Его красные глазки горели ненавистью, и Бен поспешно отвел взгляд. Он попытался урезонить гномов:

— Ну, друзья, вам придется вернуть мне бутылку. Она не ваша. Вы ее взяли без разрешения!

— Но ты сам говорил, что не хотел бы ее видеть, — выпалил Щелчок.

— Чтобы ее и вовсе не было, — добавил Пьянчужка. — Да пропади она пропадом!

— Она тебе была не нужна.

— Ты же от нее отказался.

— Ваша Светлость...

— Ваше Сиятельство...

Бен энергично замахал руками, чтобы заставить их замолчать.

— Вам придется отдать ее мне, ребятушки, и чем скорее, тем лучше, — спокойно повторил он. — Закройте ее и вручите мне.

Гномы крепче вцепились в свое сокровище. Их глаза заблестели, и король вдруг увидел в них как бы отблеск злобы обитателя бутылки. Щелчок оскалил зубы. Пьянчужка гладил Злыдня по кошачьей спине.

— Эта бутылка наша, — вдруг заорал Щелчок.

— Мы ее хозяева, — рыкнул Пьянчужка.

По их глазам Бен видел, что их страх еще не прошел, но что касается природы этого страха, тут король ошибся. Они боялись вовсе не его, как ему казалось. Они боялись потерять бутылку.

— Сумасшедшие, — пробормотал он и поглядел на Тьюса.

Волшебник приосанился и выступил вперед.

— Щелчок и Пьянчужка, вы обвиняетесь в краже королевской собственности и бегстве с целью сокрытия последней, — объявил он. — Сейчас же верните указанную собственность, то есть бутылку, и с вас будут сняты все обвинения. В противном случае вы будете арестованы и заключены в темницу замка. — Он выжидающе помолчал и спросил: — Вы ведь не хотите этого, не так ли?

Кыш-гномы съежились. Но вдруг они наклонились, чтобы расслышать бормотания Злыдня, который начал им что-то нашептывать. Когда они вновь подняли головы, вид у них был наглый и вызывающий.

— Ты оболгал нас, — закричал Щелчок.

— Ты желаешь нам зла! — заверещал во всю мощь Пьянчужка.

— Ты сам хочешь завладеть нашей бутылочкой!

— Ты хочешь захватить себе сокровища!

— Ты решил нас обмануть!

— Ты ведешь с нами нечестную игру!

Они вскочили, держа бутылку с двух концов, и стали пятиться. Их мордочки пылали ненавистью.

Бен был поражен. Он никогда не видел гномов такими. Они готовы были драться насмерть!

— Что случилось с ними? — тихо спросил Бен советника.

— Это работа Злыдня. Он отравляет все, к чему прикасается, — ответил волшебник также шепотом.

Бен уже пожалел, что он вообще заговорил с гномами об этой проклятой бутылке. Следовало лучше послать Сапожка, чтобы он отобрал ее у них, да и дело с концом!

К Бену присоединилась Ивица.

— Послушайте, Щелчок и Пьянчужка, — заговорила сильфида, — прошу вас, не поступайте так с вашим королем. Вспомните, как он помогал вам, когда никто не желал вам добра. Он не раз выручал вас из беды, и вы в долгу перед ним. Отдайте ему бутылку. Она нужна ему, чтобы благополучно вернуть в наш мир Абернети. Не надо противиться. Прислушайтесь к голосу совести. Отдайте бутылку.

В первые мгновения Бену показалось, что слова Ивицы лучше подействовали на гномов, чем его собственные. Они присмирели, смутились и даже сделали два шага вперед, бормоча что-то невразумительное. Но тут Злыдень прыгнул на плечо сначала Щелчку, потом Пьянчужке, послышалось его злобное шипение, после чего он спрыгнул вниз и возобновил свою безумную пляску. Щелчок и Пьянчужка остановились, затем начали пятиться к Ивице. В их глазах снова появились страх и злоба.

Терпению Бена пришел конец. Пора было вызывать Сапожка. Король не спеша поднял руку и потер подбородок, словно в задумчивости. Кобольд вырос за спинами у гномов как из-под земли, так что ни Щелчок, ни Пьянчужка его сразу не заметили. Он набросился на них, прежде чем они успели сообразить, что происходит. Но когда Сапожок уже схватился за бутылку, какая-то невидимая сила вдруг отшвырнула его назад. Бен и его друзья не сразу заметили, что Злыдень сам вдруг взялся за дело. Он зашипел и направил на кобольда струю зеленого пламени. Удар огромной силы поднял кобольда в воздух, и вскоре он исчез из поля зрения, словно унесенный бурей.

Бен бросился вперед, но опоздал. Злыдень услышал вопль гномов и, повернувшись к Бену, щелкнул пальцами. Тут же капли дождя стали превращаться в ножи и полетели к Бену, неся неминуемую смерть. Увернуться от них не было никакой возможности.

К счастью, советнику Тьюсу наконец-то удалось волшебство. В последний момент он повернул поток ножей, летевших в Бена, в другую сторону. Бен отскочил чисто механически; когда же понял, что все обошлось, то крикнул Ивице и советнику, чтобы они бежали.

Злыдень уже нанес следующий удар. На Бена и его друзей посыпался град камней, исторгнутых из земли словно рукой велика-

на. Однако волшебный щит, созданный Тьюсом, оказался надежным, дав возможность трем друзьям безопасно отступить, несмотря на летевшие тучи камней.

Потом камни исчезли, зато капли дождя вдруг стали замерзать, будто зимой, превращаясь в крупные градины. Словно подхваченный невидимым ветром, поток градин понесся в сторону Бена и его друзей. Волшебник вскрикнул, выбросил вперед руки, и все увидели вспышку ослепительного света. Но волшебный щит потерял часть питавшей его силы, и градины стали пробивать это незримое прикрытие. Бен, получивший несколько чувствительных ударов, отскочил назад. Он пытался заслонить Ивицу, чтобы она смогла безболезненно добраться до вершины холма. Но она путалась в своих одеждах и все время падала.

— Спускайтесь скорее, Ваше Величество! — услышал он отчаянный крик волшебника.

Схватив Ивицу за руку, Бен кое-как дотащил ее до вершины холма, затем быстренько они стали спускаться по противоположному склону. Щит советника уже перестал существовать, и ничто не сдерживало волны града и снега, обрушившиеся на короля и его спутников. Бен упал на землю и покатился, увлекая за собой Ивицу. И тут каким-то чудом град и снег вдруг прекратились. Снова стало тихо, вновь заморосил дождь. И снова наступил обычный ненастный день.

Открыв глаза, Бен сразу увидел лицо Ивицы, а потом, оглянувшись, увидел и советника. Он с трудом поднялся на ноги и стал отряхиваться. Ни гномов, ни Злыдня нигде не было видно.

Бен едва стоял на ногах. Он чувствовал страх и бессильную злость и был рад, что уцелел: Злыдень едва не погубил его. На радостях Бен крепко обнял Ивицу.

Сапожка они нашли в нескольких сотнях ярдов от места поединка. Он зацепился за какой-то куст, что предотвратило его дальнейшее падение. Кобольд был весь в шишках и ссадинах, но сознания не потерял. Сапожок получил тяжелые ранения, смертельные для многих живых существ, но кобольды — очень живучие и крепкие создания.

Ивица занялась пострадавшим. Она обладала способностями целительницы, присущими многим волшебным созданиям Озерного края. Сильфида старалась касаться его тела как можно осторожнее, чтобы не причинять еще большей боли. Примерно через полчаса Сапожок уже стоял на ногах. Он еще не совсем оправился после перенесенного потрясения, но уже ухмылялся, обнажая ост-

рые зубы. Кобольд, обращаясь к советнику, прошипел несколько слов, понять которые было нетрудно и не зная языка: он хотел бы отомстить Злыдню.

Но Злыдень вместе с обоими гномами и бутылкой, казалось, бесследно исчез. Бен и его спутники обошли окрестности в поисках следов, но тщетно. Очевидно, злой дух пустил в ход свои чары, чтобы замести следы.

— А может быть, они просто поднялись в воздух и улетели? — предположил советник Тьюс. — У Злыдня есть такие возможности.

— А есть ли границы его возможностям? — спросил Бен.

— Эти границы, — ответил волшебник, — определяются душевными качествами хозяев бутылки. Чем хуже сам человек, тем сильнее становится этот злой дух. Щелчок и Пьянчужка не такие уж скверные существа, Ваше Величество. Поэтому силы, которые черпает из них Злыдень, должны скоро пойти на убыль.

— Мне жаль их обоих: и Щелчка, и Пьянчужку, — заметила Ивица.

Бен с удивлением посмотрел на нее и кивнул:

— Мне тоже по-своему их жаль. — Он повернулся ко второму кобольду: — Сельдерей, приведи лошадей, пожалуйста.

Кобольд кивнул и молча ушел. Король задумчиво посмотрел на небо. Дождь уже заканчивался, день клонился к вечеру.

— Что будем делать дальше, Ваше Величество? — спросил советник.

— Сейчас, Тьюс, нам следует подождать до утра, — ответил король. — На рассвете мы отправимся искать Щелчка и Пьянчужку, отберем у них бутылку и запрем в ней Злыдня, раз и навсегда! — Бен поглядел на ухмылявшегося Сапожка. — В следующий раз мы будем готовы к встрече с этим поганцем из бутылки, — твердо сказал король.

ГЛАВА 6

МИКЕЛ АРД РИ

Абернети сидел взаперти в комнате Элизабет, пользуясь временной передышкой, чтобы понять, куда он попал и насколько опасен этот мир. Элизабет подумывала о том, чтобы сказаться боль-

ной и не пойти в школу, но отказалась от этой мысли: тогда экономка обрушила бы на девочку поток нежности и сочувствия, и Абернети был бы непременно обнаружен. К тому же дочь управляющего еще не придумала, как ее новый друг мог бы безопасно выбраться из Граум-Вит.

Итак, Элизабет отправилась в школу, а Абернети остался в ее комнате и занялся чтением газет и журналов, которые девочка принесла из отцовского кабинета по его просьбе. У себя на родине Абернети был не только придворным писцом, но и придворным историком, а потому имел кое-какие сведения по истории других земель. Он заинтересовался устройством мира, из которого явился Бен, еще когда Микс начал вербовать здесь людей, желавших заплатить за трон в Заземелье. То, что Абернети уже знал, пугало его. В основном у него остались в памяти сведения о машинах, науках, а также о войнах в мире Бена. Так как в распоряжении писца был медальон, то он мог говорить на языке любого народа, так что изучение мира, в который он попал, не вызывало никаких затруднений. Но главное, что необходимо было сделать, так это выбраться отсюда. А чтобы уж наверняка, нужно просветить мозги.

Поэтому Абернети уселся на кровати Элизабет, подложил под спину подушки, обложился газетами и журналами и попытался уяснить, как все устроено в этом мире. Занятие это оказалось утомительным. Его поразило изрядно большое число рассказов о всякого рода войнах и убийствах, как правило, по экономическим и политическим соображениям, но во многих случаях — без всякой разумной цели. Также много было публикаций о раскрытии различного рода преступлений. Абернети скоро надоело такое чтиво. Он решил, что попал в мир, полный мошенников и грабителей. Любовные истории и приключенческие повести писец только бегло просматривал. Гораздо больше его заинтересовали реклама и объявления.

Они знакомили с тем, какие товары и услуги предоставлялись в этом мире. Из них он, в частности, заключил, что здесь люди не путешествуют верхом или в каретах, а ездят или даже летают по воздуху с помощью машин, придуманных здешними учеными. Он понял также, что пользоваться всеми этими машинами можно только за большие деньги или с помощью какого-то кредита. Ни денег, ни этого самого «кредита» у него, конечно, не было. Наконец Абернети понял, что, даже если забыть о его собачьей наружности, в этом мире никто не одевался так, как он, не разговаривал на его лад и было мало общего между обычаями Заземелья и обычаями этого мира. Поэтому за пределами Граум-Вит все сразу поймут, что он существо из другого мира.

В одном из журналов писец нашел карту страны, где жил Бен, — Соединенных Штатов Америки. Абернети отыскал штат Вашингтон, где сам находился, а также нужный ему штат Виргиния. Элизабет оказалась права: ему предстояло покрыть слишком большое расстояние. Идти пешком до Виргинии ему пришлось бы, похоже, целую вечность. Наконец Абернети слез с кровати, подошел к окну с двойными рамами, которое выходило на юг, и стал смотреть вниз. Замок был окружен виноградниками. Кроме того, из окна были видны лужайки, речушка и несколько домов, стоявших поодаль. Дома эти заинтересовали писца. Он уже видел подобные здания на картинках в журналах. Ни те, ни эти вовсе не были похожи на дома в Заземелье. Граум-Вит смотрелся среди здешних зданий весьма странно, будто кто-то перенес его сюда, не задумываясь, насколько нелепо это будет выглядеть. Видимо, единственной причиной появления здесь этого замка было желание Микела Ард Ри воплотить свою давнюю, еще детскую мечту. Крепость окружал ров, по обе стороны подъемного моста находились караульные помещения, а кроме того, вокруг замка была сооружена еще невысокая каменная стена с колючей проволокой наверху. Абернети покачал головой. Микел совершенно не изменился.

Элизабет приготовила для Абернети бутерброд и какой-то «хрустящий картофель», и он пообедал примерно в полдень, прежде чем снова приняться за чтение. Через несколько минут, однако, он услышал чьи-то шаги и увидел, как поворачивается дверная ручка. К ужасу затворника, кто-то собирался войти в спальню.

Прятаться было поздно. Оставалось только лечь на кровати и притвориться мертвым, что Абернети и сделал. Осторожно приоткрыв глаза, он заметил, что в комнату вошла женщина. Она несла с собой предметы, очевидно, предназначенные для уборки. Женщина напевала себе под нос, не подозревая еще, что в комнате кто-то есть. Абернети весь сжался, надеясь, что его примут за одно из чучел. Наверное, это была та самая экономка, из-за которой Элизабет оставила мысль о том, чтобы пропустить школу. Но почему девочка не предупредила, что экономка может прийти сюда и заняться уборкой? Абернети затаил дыхание. Может быть, она не обратит на него внимания? Может, уйдет скоро?

Однако женщина подошла к кровати и посмотрела на него. Весь ее вид выражал удивление.

— Ну и что это значит? Как ты сюда попал? — спросила она. — Здесь ведь не должно быть собак. Насколько я знаю. Ох уж эта Элизабет! — Экономка улыбнулась, потом рассмеялась. Теперь Абернети ничего не оставалось, кроме как играть роль пса. Он начал

вилять своим коротким хвостиком, по крайней мере пытался это делать, и смотрел на женщину «собачьим взглядом». — Умница, славный песик, красавец, — продолжала она. — И одет, как куколка. — Женщина наклонилась над Абернети и обняла его так, что ему стало трудно дышать. Это была крупная и сильная женщина, которая едва не задушила беднягу в своих крепких объятиях. — Ну и что мне с тобой делать? — спросила экономка. Отступив на шаг, она оглядела пса. — Ручаюсь, никто не знает о твоем существовании. — Абернети смотрел на нее, стараясь выглядеть «умной собачкой». — Это ты рассыпал газеты и журналы, баловник этакий? — спросила экономка, аккуратно складывая печатную продукцию в стол и поправляя покрывало. — А это что — недоеденный бутерброд? Где ты взял его? Ох эта девчонка! — Женщина громко рассмеялась.

Абернети терпеливо ждал, когда она оставит его в покое.

— Ладно, это меня не касается, — заявила женщина, погладив его по голове. — Слушай, что я тебе скажу: лежи себе тихонько, а я буду убираться, как будто тебя здесь нет. Не мне беспокоиться о тебе. Пусть Элизабет с тобой занимается. Договорились, песик?

Абернети снова попытался вильнуть хвостом, жалея, что он недостаточно длинный.

Экономка воткнула какой-то шнур в стену и включила довольно шумную машину, после чего стала водить ею туда-сюда по полу и по коврам. Потом — по одежде в шкафу. После этого женщина разложила по местам какие-то вещи и на том закончила свою работу.

— Будь умницей, — сказала она, потрепав его уши. — Сиди тихо, пусть никто не знает, что ты тут. А я про тебя никому не расскажу. — Она наклонилась, подставляя ему щеку. — Ну, поцелуй меня, песик.

Абернети прилежно лизнул ее в щеку.

— Умница, — сказала женщина. — Счастливо оставаться.

Взяв с собой свою машину для уборки, она спокойненько удалилась.

Элизабет вернулась часа через два. Она была в хорошем настроении.

— Привет, Абернети. Как ты тут? — спросила девочка, плотно закрыв за собой дверь.

— Все было бы гораздо лучше, — недовольно ответил писец, — если бы ты предупредила, что эта ваша экономка придет сюда убираться.

— Ох, ведь сегодня же понедельник! — воскликнула девочка, бросая свои учебники на письменный стол. — Извини, пожалуйста. Это миссис Эльбаум. Она заметила тебя?

— Конечно, но она решила, что я твоя комнатная собачка, и сказала, что это ее не касается. Обещала, что никому не расскажет обо мне. Сказала, что это твое дело.

Элизабет важно кивнула.

— Миссис Эльбаум — мой друг, — заявила девочка. — Не то что некоторые. — Она грозно сдвинула брови. — Нита Колс была моей подругой, но я с ней больше не дружу! И знаешь почему? Она всем рассказывает, будто я влюбилась в Томми Сэмюэльсона. Не знаю, с чего она взяла это. Мы с ним даже и не дружим... Я только сказала однажды, что Томми мне немножко нравится. Он симпатичный мальчик. Ну, в общем, она рассказала это Донне Хельме, а та, как всегда, всем разболтала, так что теперь вся школа говорит о нас с Томми Сэмюэльсоном. Я чуть не расплакалась! Наверное, даже мистер Мак, наш учитель, уже слышал об этом. Я сказала моей второй подружке Еве Ричардс, что если Нита сейчас же не...

— Элизабет! — вскричал Абернети, и ему самому его голос показался похожим на лай. — Элизабет, — повторил он, но уже тише. Девочка удивленно посмотрела на него. — Придумала ли ты, как мне отсюда выбраться?

— Конечно, — уверенно ответила она, усаживаясь рядом. — Я нашла хороший способ, Абернети.

— Какой же?

Элизабет улыбнулась:

— Тебе надо выбраться отсюда в ящике с бельем. — Увидев гримасу Абернети, девочка поспешно добавила: — Это очень просто. Грузовик из прачечной забирает белье для стирки из нашего склада по вторникам. Завтра как раз вторник. Ящики для белья очень большие, и ты сможешь спрятаться в одном из них. Стража никогда не осматривает эти грузовики. Когда же машину начнут разгружать, ты незаметно выпрыгнешь из кузова. Это будет за несколько километров от замка. Ну, что скажешь? — Она снова улыбнулась.

Абернети задумался.

— Что ж, может быть, что-то и получится, — ответил он. — Но только во время погрузки разве не поймут, что ящик, в котором сижу я, тяжелее других?

Девочка покачала головой:

— Что ты! Все эти мокрые полотенца и прочие тряпки довольно тяжелые. Мистер Аббот, водитель, говорил, что все это барахло

весит целую тонну! Он ничего не заметит, я уверена. Скорее всего он подумает, что ящик, где ты будешь сидеть, набит мокрыми полотенцами.

— Ясно, — ответил Абернети.

— Вот увидишь, все будет хорошо, — заверила его Элизабет. — Тебе остается только завтра утром прокрасться на бельевой склад. Я тебя провожу. Рабочие приходят к восьми. Если мы выйдем очень рано, то нам никто не помешает. Я могу завести будильник, вот эти часы, видишь?

Абернети с сомнением посмотрел на прибор, показывающий время, потом снова на девочку.

— Ты могла бы дать мне с собой хорошую карту вашей страны, чтобы я мог найти дорогу в Виргинию? — спросил он.

— Я подумала и об этом, Абернети. Нельзя же тебе идти до Виргинии пешком. Это слишком далеко. Потом на твоем пути будут горы, а в горах сейчас почти зима. Ты можешь замерзнуть. — Девочка погладила его по голове. — Я скопила немного денег и хочу отдать их тебе. Мне нужно будет как-то объяснить это папе, да я что-нибудь придумаю... Но тебе придется обвязаться бинтами, чтобы люди не видели твоего лица и думали, что ты ранен. После этого ты поедешь в аэропорт и купишь билет на дополнительный рейс до Виргинии. Такие билеты немного дешевле — я объясню тебе, как это сделать. Долетишь ты за пару часов. Там тебе придется немного пройти, но только немного, это не сравнить с дорогой отсюда. А в тех краях тепло, и ты не замерзнешь.

С минуту Абернети молча смотрел на девочку, потом сказал:

— Элизабет, я не могу взять у тебя деньги.

Она замахала руками:

— Нет, нет, не говори так... Мне страшно думать о том, что тебе придется бродить по всей стране. Я должна знать, что у тебя все в порядке. Вообще-то мне следует поехать с тобой. Но раз ты не разрешаешь, то хотя бы возьми деньги. Если захочешь, ты сможешь отдать мне долг... когда-нибудь потом.

Абернети был потрясен.

— Благодарю тебя, Элизабет, — сказал он тихо.

Девочка крепко обняла его, и на этот раз Абернети почувствовал себя куда лучше, чем в объятиях миссис Эльбаум.

Довольная, Элизабет пошла ужинать, а писец остался в ее комнате, терпеливо ожидая возвращения хозяйки, которая обещала принести ему чего-нибудь поесть. Чтобы скоротать время, он стал читать какую-то «Программу ТВ», хотя ничего не понимал из прочитанного.

Девочка долго не возвращалась. Абернети даже рискнул осторожно приоткрыть дверь и выглянуть в коридор. Элизабет там не было.

Когда девочка наконец появилась, она была бледна как привидение и очень подавлена.

Быстро закрыв за собой дверь, Элизабет заговорила громким шепотом:

— Абернети, тебе нужно немедленно выбираться отсюда! Микел узнал о тебе!

Абернети похолодел:

— Откуда же он узнал?

Элизабет покачала головой, и слезы потекли по ее щекам.

— Это из-за меня, Абернети, — сказала она, горько рыдая. — Я сама ему рассказала об этом. Не могла не рассказать.

— Ну-ну. — Он стал рядом с нею на колени и положил ей на плечи свои лапы-руки. Больше всего Абернети хотелось бежать отсюда, но прежде он должен узнать, чем рискует.

— Расскажи мне, что случилось. — Писец старался говорить спокойно.

Элизабет вытерла слезы и стала рассказывать:

— Я так и знала... Сразу после ужина стражники пришли для доклада и выложили все Микелу. Они меня увидели и сразу вспомнили о тебе. Один из них еще сказал, что ты был в старинной одежде и что лапы у тебя не совсем похожи на лапы. У Микела тогда было такое лицо!.. Он посмотрел на меня и стал расспрашивать. И знаешь, Абернети, я не смогла соврать. Он всегда так смотрит... как будто все знает про тебя. Чувствуешь себя мерзко... — Девочка снова разрыдалась, а Абернети прижал ее к себе. Когда она успокоилась, он попросил ее продолжать. — И я рассказала Микелу, что нашла тебя около музейного зала. Он сразу же пошел туда, а когда вернулся, то был вне себя от злости. Он спросил, куда девалась его бутылка. Я сказала, что не знаю ничего о бутылке. Тогда он спросил, откуда ты взялся. А я ответила, что не знаю и этого. Я стала плакать и сказала Микелу, что мне хотелось поиграть с каким-нибудь животным, а тут появился ты в старинной одежде. И тогда я стала тебя водить на поводке... А Микел спросил, не говорил ли ты мне чего-нибудь. Оказывается, он знает, что ты умеешь разговаривать!

Абернети побледнел, и ему показалось, что комната вдруг закачалась.

— Ну же, Элизабет, — сказал он, — расскажи мне, пожалуйста, что было дальше.

Девочка глубоко вздохнула:

— Ну так вот, я не могу врать, когда с ним разговариваю, то есть почти не могу. Поэтому я ему и сказала, что ты действительно со мной разговаривал. Я еще сделала вид, что очень удивилась: как же он догадался об этом? Я сказала, что прогнала тебя потому, что боялась. Сказала, будто ты убежал, и мне не известно, где ты сейчас. А скрыла всю эту историю будто бы потому, что думала, что мне никто не поверит. Я сказала, что ждала, пока вернется папа, а от него бы я ничего не скрыла. Кажется, Микел поверил. Он велел мне возвращаться в мою комнату и ждать, когда он придет. Стражникам Микел приказал немедленно начать поиски. Он так орал на них, точно взбесился. Абернети, тебе нужно уходить, и как можно быстрее!

Абернети печально кивнул.

— Но как же я сделаю это, Элизабет, — грустно спросил он.

Девочка схватила его за руку:

— Так же, как мы и договорились. Только тебе придется спуститься вниз и попасть на склад белья уже сейчас!

— Но ты же говорила, что они меня ищут.

— Нет, нет, послушай меня, Абернети! Они уже обыскали бельевой склад. Они оттуда и начали поиски. Я ведь сказала, что отпустила тебя, когда мы были поблизости от этой комнаты. Так что там сейчас уже никого нет. Комната, где хранится белье, на первом этаже, недалеко отсюда. Если ты вылезешь в окно и спустишься вниз, то тебе стоит свернуть за угол — и там уже будет окно, в которое нужно влезть, чтобы попасть на бельевой склад. Понимаешь?

— Но как же я спущусь вниз...

— Задвижка открыта, Абернети! — ответила Элизабет. — Я открыла ее в воскресенье, когда играла в прятки с миссис Эльбаум. Ты можешь спуститься вниз, держась за виноградную лозу, влезть в окно и спрятаться в одном из ящиков для белья или посидеть некоторое время в кустах. Если окно внизу закрыто, то я спущусь и открою его, как только смогу. Прости меня, Абернети! Это ведь из-за меня случилось. Но тебе надо скорее бежать! Если они найдут тебя здесь и поймут, что я солгала, что я помогаю тебе...

В коридоре уже послышались шаги и гул голосов.

Абернети уже бросился к окну. Открыть его и в самом деле оказалось нетрудно. Он посмотрел вниз. Уже стемнело, но было видно, что лоза виноградника, которую ему предстояло использовать вместо веревочной лестницы, достаточно крепка, чтобы выдержать его тело.

Повернувшись к девочке, Абернети прошептал:

— До свидания, Элизабет. Спасибо за помощь.

— Тебе нужно пятое окно, как свернешь за угол, — прошептала девочка в ответ. Вдруг она схватилась за голову. — Ох, Абернети, я же забыла отдать тебе деньги на билет!

— Ничего, это не страшно, — ответил Абернети. Он уже ухватился за лозу, проверяя ее на крепость. «Если я не сломаю себе шею, то мне повезет», — подумал он.

— Нет же, ты должен взять деньги, — продолжала настаивать Элизабет, словно забыв об опасности. — Вот что! Давай встретимся с тобой завтра, в полдень, в школе. У нас — начальная школа имени Франклина. Я возьму деньги с собой!

В дверь постучали:

— Элизабет! Открывай!

Абернети сразу же узнал этот голос.

— До свидания, Элизабет, — прошептал он.

— До свидания, — прошептала девочка.

Обе рамы окна закрылись за Абернети, и он остался висеть над землей, держась за лозу.

...Абернети казалось, что спуск этот никогда не кончится. Его мучил страх и перед погоней, и перед падением. Поэтому писец продвигался вниз медленно и очень осторожно, хватаясь за свою «живую лестницу» и упираясь ногами в стену. Во дворе зажглись электрические фонари (Абернети читал о них), и теперь уже трудно было рассчитывать укрыться под покровом темноты. Он чувствовал себя как муха, которую вот-вот прихлопнут.

Но его никто не прихлопнул, и наконец Абернети ощутил под ногами долгожданную твердую почву. Он лег на землю и стал осматривать двор. Никаких признаков опасности не видно. Двор был пуст. Абернети стал продвигаться вдоль стены дома, стараясь по возможности держаться в тени. Вдруг за его спиной открылась какая-то дверь и послышались голоса. Абернети успел свернуть за угол, там он надеялся найти обещанное окно комнаты, где хранилось белье для стирки. Здесь было гораздо темнее. Абернети шел вдоль стены и считал окна. Элизабет говорила, что ему нужно пятое. Первое, второе, третье...

Позади вспыхнул луч света, выхвативший из темноты кусок внешней стены и вход в караульное помещение. Это здесь называется «карманный фонарик». Абернети читал и про такие вещи. Значит, кто-то осматривает двор. Уже на бегу продолжая считать: четвертое... пятое! Он остановился, едва не проскочив нужное окно: его заслоняли кусты, росшие у стены. Это окошко было поменьше других. Правильно ли он выбрал? Следовало ли его считать вооб-

ще? Абернети не знал, на что решиться. Ему было страшно: вот-вот его могут обнаружить. Во дворе во всю мощь раздавались чьи-то голоса. Надо было поскорее решаться.

Писец приподнялся и проверил, закрыто ли окно. Оно довольно легко отворилось. Увидев большую корзину с бельем, он почувствовал радость и облегчение. Абернети стал осторожно слезать с подоконника, чтобы попасть внутрь комнаты... И тут его схватили чьи-то сильные руки.

Плененного писаря стражники привели в кабинет к Микелу Ард Ри.

— Мы поймали его, когда он влез в окно бельевой, — доложил один из трех стражников, схвативших Абернети, двое других крепко держали его за руки. — Когда мы в первый раз осмотрели комнату, то не нашли там никого. Но потом Джефф сказал, что надо проверить, не осталось ли там открытым окно. К счастью, мы последовали его совету, вернулись и сцапали нарушителя спокойствия.

Стражник помолчал, с любопытством глядя на Абернети.

— А что это все-таки за существо, мистер Ард Ри? На вид обычный пес, а руки...

Микел не ответил на этот вопрос. Он не сводил глаз с пленника. Хозяин кабинета был высоким, жилистым, черноволосым. У него были впалые щеки и такое выражение лица, будто он только что проглотил что-то кислое. Из-за его землистого цвета Микел выглядел старше своих лет. Черные глаза смотрели недобро, и казалось, что все окружающее вызывает у Микела раздражение. При этом он старался держаться прямо, очевидно, чтобы подчеркнуть чувство собственного достоинства.

— Абернети, — сказал Микел едва слышно, словно отвечая на вопрос стражника.

Еще с минуту Микел Ард Ри изучал пленника, после чего, не глядя на стражников, приказал им:

— Подождите за дверью. — После их ухода Микел, оставив Абернети стоять, уселся за большой полированный дубовый стол, заваленный бумагами. — Абернети, — повторил он, словно все еще не веря глазам. — Что ты здесь делаешь?

Когда стражники схватили писца, он был так напуган, что с трудом мог стоять, но почти смирился со своим положением, вернее, у него появилось чувство смертельной усталости, если не обреченности. Поэтому он ответил почти спокойно:

— Советник Тьюс отправил меня сюда по ошибке. Он пытался осуществить какие-то свои волшебные превращения.

— Вот как?! — Микел выглядел заинтересованным. — Что же старый болван пытался сделать на этот раз?

— Пытался превратить меня обратно в человека, — ответил Абернети монотонно.

Микел Ард Ри оценивающе поглядел на пленника и вдруг рассмеялся:

— А помнишь, Абернети, почему он некогда превратил тебя в собаку? Помнишь, как он потом не мог ничего с этим поделать? Я удивляюсь, как ты вообще подпустил его близко к себе. — Микел покачал головой. — Советник Тьюс никогда ничего не делал правильно, правда ведь?

И это прозвучало не как вопрос, а как утверждение. Абернети ничего не ответил. Он думал о королевском медальоне, который висел у него на шее под туникой, и очень хотел, чтобы Микел Ард Ри не узнал об этом.

Микел, кажется, прочитал его мысли.

— Ну что ж, — сказал он, растягивая слова, — значит, ты здесь по воле своего незадачливого покровителя. Ирония судьбы! Но знаешь, Абернети, тут что-то не так. Ни человек, ни собака не могут пересечь волшебные туманы без помощи медальона. Разве не так?

Он ждал ответа. Писец покачал головой.

— Волшебство... — начал было он.

— Волшебство, говоришь? — перебил его Микел. — Ты о волшебстве советника Тьюса? И ты думаешь, я поверю, что благодаря этакому волшебству ты попал из Заземелья в этот мир? Едва ли. Почему бы тебе, однако, не доказать, что ты говоришь правду, не удовлетворить мое любопытство? Открой-ка шею.

Абернети похолодел:

— Но я же сказал...

— Открой шею. Быстрее.

Абернети сдался. Он расстегнул пряжку, и Микел увидел серебряный медальон.

— Ясно, — прошипел он в злобе. — Значит, я не ошибся.

Микел вышел из-за стола и подошел к пленнику вплотную. Он продолжал улыбаться своей холодной улыбкой.

— А где моя бутылка? — тихо спросил хозяин кабинета.

Абернети решил поиграть в наивность. Чем черт не шутит... А вдруг...

— О какой бутылке ты говоришь? — спросил он.

— Я говорю о бутылке из витрины, Абернети, в музейном зале. Куда она делась? Ты знаешь, где она, и ты мне об этом расскажешь! Я ни на грош не верю рассказам о том, что ты случайно появился в

моем замке. Не верю, что это произошло из-за ошибки волшебника. Уж не считаешь ли ты меня последним дураком? Ты попал сюда из Заземелья благодаря королевскому медальону. Явился сюда, чтобы украсть мою бутылку, и это удалось тебе! Остается только дознаться, где ты ее спрятал. Может быть, в спальне Элизабет, а, Абернети? Признавайся, эта девчонка — твоя сообщница?

Абернети прежде всего старался никак не показать, что боится за девочку.

— Так тебя интересует Элизабет? — невинно спросил он. — Она на меня случайно набрела, и я немножко поиграл с ней — вот и все. Если хочешь, можешь обыскать ее комнату, Микел.

Микел хищно посмотрел на пленника.

— А знаешь, — спросил он, — что я с тобой сделаю?

— Надеюсь, ты мне расскажешь об этом, — ответил писец, стараясь на выдать волнения.

— Я посажу тебя, Абернети, в клетку, как поступил бы с любым бродячим животным. Тебя будут кормить и поить, как собаку, и дадут тебе подстилку. В этой клетке тебя будут держать, пока ты не скажешь, где моя бутылка. — Микел Ард Ри уже не улыбался. — И еще — пока ты не отдашь мне волшебный медальон! — Он посмотрел пленнику прямо в глаза. — Я ведь не забыл закон владения медальоном. Я не могу просто отобрать его у тебя. Ты непременно сам должен вручить его мне, иначе он будет бесполезен для меня. И ты мне вручишь его, Абернети! И сделаешь это добровольно! Я устал от здешнего мира. Подумываю о том, чтобы вернуться в Заземелье. Теперь я не прочь стать королем. — Он вновь уставился на Абернети, очевидно, разгадав его тайные опасения, и, довольный, отступил на полшага. — Если же ты добровольно не отдашь мне бутылку и медальон, то останешься сидеть в этой клетке, пока не сдохнешь. И может быть, тебе придется сидеть там очень-очень долго!

Абернети ничего не ответил. Он молчал, пораженный словами своего врага.

— Эй, стража! — крикнул Микел. Стражники тут же явились, и он приказал им: — Отведите эту тварь в подвалы и посадите в клетку. Кормите его, как кормят собак: дважды в день, и еще приносите воду, но больше ничего не давайте. И никого к нему не подпускайте! — Когда стражники потащили Абернети в коридор, он услышал за спиной насмешливый голос Микела: — Лучше было бы тебе никогда не появляться здесь, придворный пес.

Абернети наградил Микела презрительным взглядом.

ГЛАВА 7

ПРОСЧЕТ ГНОМОВ

Кыш-гномы бежали на север, подальше от своего правителя. Точнее, они не сами бежали, а Злыдень перенес их в облаке из дыма и огня к подножию скалы в нескольких километрах к северу от поля битвы. Он сделал это поистине со сказочной быстротой. Щелчок и Пьянчужка понятия не имели, что сталось с их королем и его спутниками: да им и думать об этом было страшно. Но не думать вообще они не могли, хотя и не признавались друг другу, что им не дает покоя один и тот же вопрос. Как-никак они совершили одно из самых непристойных преступлений — взбунтовались против любимого короля. Хуже того, по сути, они совершили на него нападение! То есть, конечно, нападение совершил Злыдень, но ведь все это произошло из-за них, и потому они считали себя виновными! Гномы и сами не могли взять в толк, как все случилось. Ведь прежде они и мысли не допускали о неповиновении Его Величеству.

И все же это случилось, и что им было теперь делать? Гномы бежали, потому что не представляли себе иного выхода. Конечно, король разгневался на них, конечно, настигнет их и сурово накажет. Значит, Щелчку и Пьянчужке оставалось только убежать и спрятаться от короля. Но куда убежать и где спрятаться?

Так они и размышляли над своим трудным положением, пока не наступила ночь. Гномы слишком устали, и им пришлось остановиться на ночлег. Они снова нашли пустую барсучью нору и улеглись там, в темноте и тишине, нарушаемой только стуком их сердец и голосом их совести. Открытая бутылка лежала у входа в нору, а Злыдень снова уселся на горлышке и на свой лад забавлялся с двумя пойманными им несчастными мотыльками. Луны и звезды были скрыты за тучами, и звуки казались странно глухими и далекими.

Щелчку и Пьянчужке было явно не по себе. Они хотели успокоиться и заснуть, но не могли.

— Как здорово было бы сейчас попасть домой! — плаксиво повторял Пьянчужка, а Щелчок в ответ молча кивал. Гномы не могли ни поужинать, хотя проголодались, ни заснуть, хотя очень устали. Они лежали в норе и думали о том, какое несчастье их постигло. Иногда они наблюдали за Злыднем, который заставлял мотыльков летать туда-сюда по своему произволу, словно это были малюсень-

кие бумажные змеи. Но на этот раз его игра уже не казалась им забавной или интересной. Гномы словно разочаровались вдруг в своем «чудесном» и «прелестном» спутнике.

— По-моему, мы с тобой совершили ужасную глупость, — прошептал Щелчок, первым решившийся заговорить о том, что мучило обоих.

— И я так думаю, — тихо ответил Пьянчужка.

— Мы совершили непростительную ошибку, — продолжал Щелчок.

Пьянчужка молча кивнул.

Гномы покосились на Злыдня, который перестал играть с пойманными мотыльками и уставился на них во все глаза.

— Может быть, еще не поздно вернуть эту бутылку королю? — осторожно начал Щелчок.

— Да, может быть, не поздно, — согласился Пьянчужка.

Глаза Злыдня вспыхнули. Он продолжал смотреть на гномов.

— Король, наверное, простит нас, если мы отдадим ему бутылку, — продолжал Щелчок.

— Его Величество, наверное, помилует нас, — добавил Пьянчужка.

— Мы бы объяснили ему, что сами не можем понять, как все это случилось, — робко заметил Щелчок.

— Мы попросили бы прощения, — тихо рассуждал Пьянчужка.

Злыдень щелкнул пальцами, и мотыльки превратились в синие искорки, которые вдруг вспыхнули и погасли.

— Нам совсем ни к чему, чтобы король возненавидел нас, — тихо сказал Щелчок.

— Совсем ни к чему, — согласился Пьянчужка.

— Он ведь был нашим другом, — горячо заметил Щелчок.

— Конечно, был, — подтвердил Пьянчужка.

Злыдень хлопнул в ладошки, и разноцветные огоньки замелькали в ночном небе, словно звездочки. Они образовывали всякие причудливые фигуры. Кыш-гномы снова залюбовались этим зрелищем. Злыдень начал смеяться и приплясывать. Огоньки стали на лету превращаться в драгоценные камни и падать на землю.

— А бутылочка-то — такая прелесть, — сказал вдруг Щелчок, зачарованный этой картиной.

— Волшебство так прекрасно! — в восторге воскликнул Пьянчужка.

— Можно еще немножко подержать бутылку у себя, — предложил Щелчок.

— Да, можно оставить ее у нас на пару деньков, — согласился Пьянчужка.

— Вреда от этого не будет.

— Что в этом дурного?

— Можно попробовать...

— Пожалуй...

И вдруг оба гнома умолкли. Не сговариваясь, они посмотрели друг на друга, и каждый увидел в глазах другого отблеск огня, горевшего в глазках Злыдня. Гномам стало страшно. Они замотали головой, словно пытаясь стряхнуть с себя наваждение.

— Я боюсь, — сказал Пьянчужка со слезами на глазах.

— Мне совсем разонравилась эта бутыль, — едва слышно ответил Щелчок. — Она очень плохо на меня действует.

Пьянчужка кивнул. Злыдень все еще не спускал с них глаз, но колдовские огни и странные светящиеся фигурки исчезли. Глазки злого духа, казалось, стали еще меньше и еще коварнее.

— Надо снова посадить его в бутылку, — прошептал Щелчок.

— Надо, — согласился Пьянчужка.

Неожиданно Злыдень свернулся клубком, словно еж, и зашипел.

— Убирайся! — сказал расхрабрившийся Щелчок и замахал на него руками.

— Да, убирайся, — повторил Пьянчужка.

— Куда вы хотите меня послать, хозяева? — злобно спросил Злыдень. Но голос его стал чуточку жалобным.

— Возвращайся в свою бутылку, — разошелся осмелевший Щелчок.

— Да, да, в бутылку, — осмелел за другом и Пьянчужка.

Злыдень посмотрел на гномов, словно проверяя, насколько они серьезны, после чего его паукообразное тельце вдруг втянулось обратно в бутылку. Щелчок и Пьянчужка тут же схватили ее и заткнули пробкой. Руки у них дрожали. Положив бутылку перед своей норой, гномы завалили ее листьями и хворостом. Некоторое время они не сводили с нее глаз, но постепенно стали клевать носом. Теперь им трудно было бороться со сном.

— Завтра отдадим бутылку королю, — пробормотал Щелчок.

— Да, вернем ее Его Величеству, — зевая, сказал Пьянчужка.

Вскоре оба гнома заснули, уверенные, что все будет хорошо. И сразу же внутри бутылки вспыхнул тусклый красноватый свет.

Пьянчужке в ту ночь снились сверкающие драгоценные камни. Они падали с неба, подобно летнему дождю, переливаясь всеми цветами радуги. Он, Пьянчужка, сидел на горке из цветов и любовался холмиками из красивых камней, наслаждаясь удивительным состоянием покоя.

Рядом лежала драгоценная бутылочка, а запертый в ней Злыдень продолжал устраивать сверкающий дождь из драгоценностей.

— Освободи меня, милый хозяин, — умолял его злой дух. — Выпусти меня, пожалуйста.

Пьянчужка заворочался во сне. Он почему-то решил, что если выполнить просьбу Злыдня, то драгоценных камней станет гораздо больше, а красота их превзойдет все, что доводилось видеть прежде. В благодарность за освобождение Злыдень, несомненно, одарит гнома сказочными богатствами. Все было настолько просто и понятно, что сомнений у Пьянчужки не осталось.

Так и не проснувшись, гном протянул руку и вытащил пробку из бутылки...

Когда гномы открыли глаза, шел дождь, но самый обычный, и небо было затянуто тучами. Рассвело еще совсем недавно, и в утренних сумерках все окружающее выглядело странно и причудливо.

Чьи-то грубые узловатые руки вытащили гномов из норы и поставили на ноги. Кыш-гномы дрожали от холода и растерянно моргали. Их окружали какие-то странные, жутковатого вида тени, но рассмотреть, кто это, было трудно. Щелчок и Пьянчужка попытались вырваться, но кто-то крепко держал их в своих объятиях.

Одно из неизвестных существ подошло вплотную к гномам. Оно оказалось громоздким и сутулым, со спутанными черными волосами. Кожа на лице была грубой, похожей скорее на шкуру зверя.

— Доброе утро, малыши, — приветствовал их тролль на своем грубом гортанном наречии.

Щелчок и Пьянчужка задрожали, услышав эти слова, а окружавшие их тролли расхохотались.

— Вы что, онемели? — спросил первый тролль с притворным сочувствием.

— Отпустите нас! — стали жалобно просить оба гнома.

— Да ведь мы вас только что нашли! — сказал другой тролль. — Неужели мы вас так скоро отпустим? Да и куда вам идти? — Он умолк, выразительно посмотрев на Щелчка и Пьянчужку. — А может, вы сбежали от кого-то, а?

Оба гнома энергично замотали головой.

— Наверно, вас кто-нибудь ищет? — спросил тролль, подмигнув гномам.

Он вытянул свою огромную лапу, и кыш-гномы увидели, что он держит их драгоценную бутылочку. Она снова была открыта, а Злыдень сидел на горлышке и корчил рожи.

— Это наша бутылка! — сердито закричал Щелчок и потянулся за ней.

— Отдайте ее нам! — захныкал Пьянчужка.

— Отдать ее вам?! — спросил тролль с деланным удивлением. — Как, такую чудесную вещицу и отдать вам?!

Гномы отчаянно пытались вырваться, но напрасно: тролли крепко держали их. Тот, кто первым заговорил с Щелчком и Пьянчужкой, был крупнее других и, очевидно, был среди них главным. Он по очереди ударил каждого из гномов по голове своей тяжелой лапой так, что они оба, не удержавшись на ногах, упали на колени.

— Сдается мне, вы снова принялись за воровство, — заметил тролль. — Снова крадете чужое. — Гномы опять замотали головами, но он продолжал, не обращая на них внимания. — По-моему, эта бутылка никак не может быть вашей. Она принадлежала кому-то другому, и, кто бы это ни был, вы, видать, сделали ему большую неприятность... Ну да ладно! Недаром говорится: кто-то теряет, кто-то находит. Мы точно не знаем, кто прежде был хозяином бутылки. Так что лучше будет, если ее хозяином стану теперь я!

Щелчок и Пьянчужка поглядели друг на друга: всем известно, что эти тролли — сами воры и грабители. Потом гномы перевели взгляд на Злыдня.

— Не позволяй им забрать бутылку, — жалобно промолвил Щелчок.

— Заставь их отдать ее нам, — нудно завопил Пьянчужка.

Обитатель бутылки, выделывавший ловкие коленца на ее горлышке, зыркнул на гномов, и глазки его снова вспыхнули. Щелкнув пальцами, он вызвал фейерверк разноцветных искр, которые стали быстро гаснуть, осыпая Щелчка и Пьянчужку пеплом так, что они закашлялись.

Тролль, державший бутылку, спросил у Злыдня:

— Эти гномы действительно твои хозяева, малютка, да или нет?!

— Нет, хозяин, — ответил тот, — я могу принадлежать только владельцу этой бутылки. Сейчас ты — мой хозяин!

— Нет, нет, — в один голос завопили кыш-гномы. — Это мы твои хозяева!

Остальные тролли снова расхохотались, и их смех показался гномам таким же колючим и холодным, как дождь.

Главный тролль наклонился над ними.

— Ничего и никогда не принадлежало кыш-гномам, — изрек он. — Не принадлежало и никогда не будет принадлежать! Вы, жалкие глупцы, не умеете хранить то, что вам достается. Как по-ваше-

му, почему нам удалось найти вас? Да ведь мы здесь именно благодаря этой неведомой твари, к которой вы сейчас взываете о помощи! Она осветила ночное небо разноцветными огнями! Она сама попросила, чтобы мы ее забрали к себе, потому что не хотела быть в плену у вас!

Гномы были потрясены. Они лишились последней надежды. Злыдень, которого они считали другом, который устраивал для них такие чудеса, умышленно предал их, гномов, отдав в руки злейших врагов.

— Ну ладно. — Главный тролль зевнул. — Теперь надо будет от вас отделаться.

Остальные тролли одобрительно заворчали. Им уже начала надоедать эта игра. Щелчок и Пьянчужка снова забились, пытаясь вырваться.

— Ну что нам с ними делать? — спросил главный, обращаясь к своим собратьям-троллям. — Перерезать им глотки и насадить их головы на острые палки? Оторвем им пальцы на верхних и нижних лапах? Или зароем в землю живьем?

Ответом ему был одобрительный рев троллей, а оба гнома обмерли от ужаса.

— Нет, нет, — покачал головой вожак. — Можно придумать и что-нибудь получше. — Он поглядел на Злыдня: — Послушай, малютка, как, по-твоему, нужно поступить с этими двумя гномами?

Продолжая свою безумную пляску, Злыдень насмешливо ответил:

— Из них может получиться хорошая добыча для всякого зверья.

— Ага! — воскликнул вожак троллей. Его товарищи восторженно загудели.

Щелчка и Пьянчужку швырнули на землю, крепко связали и подвесили вниз головой на одной из низких ветвей дуба, который рос поблизости.

— Теперь вы будете висеть не так низко, чтобы могли нечаянно захлебнуться дождевой водой, но и не так высоко, чтобы вас не достали любители падали, — удовлетворенно заметил вожак троллей. — Прощайте, гномики. Не вешайте носа!

Шайка троллей расхохоталась, после чего все они направились на север. Злыдень уселся на широком плече главаря и бросил на несчастных гномов последний злорадный взгляд.

Через минуту Щелчок и Пьянчужка остались в одиночестве, подвешенные на ветвистом дубе-одиночке. Они раскачивались на ветру и плакали.

ГЛАВА 8

«ТОЛЬКО ТУДА»

Бен встретил новый день поблизости от того места, где тролли подвесили за ноги гномов. Было пасмурно, ветрено, шел надоевший дождь. Бен неохотно выбрался из теплой постели, тем более что он лежал рядом с Ивицей, и зябко поежился. Они расположились около скалы, под прикрытием больших раскидистых елей, и все же даже сюда проникала влага. Кобольды были уже на ногах. Сапожок готовился снова отправиться на поиски беглых гномов. Заспанный советник пытался приготовить завтрак с помощью волшебства, однако произвел на свет полдюжины живых цыплят, а также корову, опрокинувшую котелок, в котором Сельдерей собирался что-то варить. Волшебник и кобольд тут же начали орать друг на друга, а король снова поежился и пожалел, что он не у себя в роскошной спальне замка Чистейшего Серебра.

Но жалеть о невозможном было бесполезно, а потому Бен быстро поел всухомятку, попил водички и сел верхом на Криминала. Он рысцой объехал вокруг пристанища, поджидая, когда соберутся Ивица и советник. Вскоре они все отправились в путь. Сапожок снова быстро ушел вперед и исчез в тумане, словно его и не было. Бен ехал первым, остальные следовали за ним. Сельдерей шел сзади с навьюченными животными.

Солнце скрывали темные тучи. По-прежнему было холодно и дождливо, ни у кого не было настроения поддерживать беседу. Такую погоду можно пожелать только врагам, а для путешествий она совсем не подходит. Вроде он и одет тепло — в плаще, сапогах и перчатках, — и дождь нипочем, однако руки и ноги закоченели. Сидеть бы сейчас в уютном доме у горящего камина и ни о чем не думать, пронеслось в мозгу Бена. Но почему так неспокойно на душе?!

Конечно, новая жизнь была по нраву Бену. Ему импонировало быть королем Заземелья, повелителем сказочной страны, где волшебство было повседневной действительностью. Ему были приятны даже трудности, связанные с положением короля: необходимость борьбы, неотложность решения непростых задач и те сложные чувства, которые порождала такая жизнь. Бен любил своих здешних друзей при всех их недостатках. Это были славные ребята, преданные, искренне старавшиеся помочь ему и друг другу. Даже в часы тяжелых испытаний Бен не хотел бы поменять этот мир на

свою прежнюю жизнь. Но его беспокоило то обстоятельство, что он почти не чувствовал себя настоящим королем.

Криминал фыркнул, тряхнул головой и обдал Бена водой. Король вытер лицо и в раздражении ударил гнедого ногами по бокам. Криминал, похоже, не обратив на это внимания, продолжал неторопливо продвигаться вперед по мокрой земле. Бен вздохнул. Да, в душе не было ощущения, что он — король в истинном смысле. Скорее он как бы играл в короля или замещал настоящего монарха, который отлучился по делам, но непременно вернется и покажет, как надо по-настоящему править страной. Нет, он, Бен, очень старался выполнять свои королевские обязанности. Но далеко не всегда оказывался хозяином положения. Слишком много времени и сил уходило на борьбу с трудностями, которых следовало бы избежать. Вот взять хотя бы эту последнюю пренеприятную историю: поразительное исчезновение Абернети вместе с медальоном и бегство гномов, укравших бутылку. Разве настоящий король допустил бы, чтобы такое случилось? Конечно, можно было бы сослаться на непредвиденные обстоятельства, но смешно в самом деле думать, что все произошло из-за того, что кто-то чихнул.

Король снова тяжело вздохнул. Действительно смешно. Когда же наконец он научится по-настоящему справляться со своим делом?

От этих грустных размышлений Бена отвлекла Ивица, которая поравнялась с ним.

— Ты выглядишь каким-то несчастным, — взволнованно заметила она.

Он улыбнулся ей:

— Сегодня у меня мрачное настроение.

— Вот это зря, — успокоилась Ивица. — Надо уметь и в неприятные дни не поддаваться унынию. Подумай, как приятно будет видеть солнышко и ясное небо после ненастья. — Она помолчала немного. — Ты что, так расстроился из-за этих гномов?

— И из-за этого, и из-за медальона, из-за Абернети... да много всего накопилось. Главное — я чувствую, что не справляюсь с обязанностями главы государства, Ивица. Я все время мечусь, стараясь справиться с разными напастями, когда следовало бы прежде всего не допускать их.

— А ты думал, все будет в розовом цвете? — спросила сильфида.

— Не знаю, — пожал плечами король. — Нет, кажется, дело не в этом. Я представлял себе, насколько это будет трудным, по крайней мере с тех пор, как оказался здесь. Но тут постоянно происходят вещи, которых я не могу предусмотреть. Будь я настоящим коро-

лем, монархом милостью Божьей, разве я не был бы в состоянии предвидеть и предотвращать подобные напасти?

— Бен! Как ты думаешь, сколько времени советник Тьюс уже пытается овладеть волшебством? — спросила Ивица.

— Что ты хочешь этим сказать? — Бен удивленно посмотрел на сильфиду.

— Ты был королем гораздо меньший срок, чем он волшебником. Ты же видишь, с каким трудом ему все дается. Почему думаешь, что у тебя должно быть по-другому? Никому и ничего не дается легко в нашей жизни. Никто не рождается с нужными знаниями, всему приходится учиться. — Ивица погладила Бена по щеке. — А сверх того, разве раньше в твоей жизни не случалось непредвиденных обстоятельств, которые нарушали твои планы? Почему же в новой жизни должно быть иначе?

Он вдруг почувствовал, насколько нелепы его переживания.

— Пожалуй, ты права. Я сам себе насочинял гору неприятностей, — ответил Бен. — Но знаешь, кажется, я не тот, кем меня все считают. Я... словом, просто я — это я.

Ивица снова улыбнулась:

— Каждый о себе может сказать так. Но это не значит, что люди перестанут ожидать от нас чего-то большего.

— Людям следовало бы задуматься над подобными вещами, — с улыбкой ответил Бен.

Они продолжали путь в молчании, и король, оставив бесплодные раздумья о тяжести королевской короны, стал размышлять о том, как получить назад бутылку от Щелчка и Пьянчужки. Было около полудня, когда вернулся Сапожок.

— Сапожок обнаружил гномов, Ваше Величество! Похоже, они попали в беду.

Путники пришпорили лошадей и поскакали в том направлении, которое показал им кобольд. Проехав вдоль гряды холмов, они достигли бугорка, заросшего травой. Сапожок указал на старый дуб, росший на бугре. На одной из его ветвей вниз головой висели Щелчок и Пьянчужка, словно два стручка причудливой формы.

— Что, черт возьми, здесь происходит? — спросил Бен. Он остановился в нескольких десятках ярдов от большого дерева и спешился.

— Кобольд говорит, что у них ничего нет, — заметил Тьюс. — Бутылка вместе со Злыднем куда-то исчезла.

— О дорогой наш король! — слабым голосом произнес Щелчок.

— О наш славный повелитель! — вторил за ним Пьянчужка.

Было похоже, что оба гнома едва дышат. Они были забрызганы грязью и являли собой самое жалкое зрелище, которое Бен мог бы вспомнить в своей жизни.

— Следовало бы оставить их здесь, — пробормотал король себе под нос, думая о том, куда могла пропасть бутылка.

Похоже, гномы услышали его слова.

— Не бросайте нас, Ваше Величество, пожалуйста, не надо! — захныкали они в унисон.

Бен поморщился и махнул рукой. Он повернулся к кобольду:

— Ладно уж. Сапожок, перережь веревки.

Кобольд выполнил приказание. Щелчок и Пьянчужка упали головой прямо в грязь. «Так вам и надо», — подумал Бен.

Ивица поспешила на помощь гномам. Она перерезала веревки, опутывавшие их по рукам и ногам, и осторожно помогла Щелчку и Пьянчужке сесть, после чего стала растирать им голову, шею и плечи, чтобы восстановить кровообращение. Оба гнома плакали, как маленькие дети.

— Простите нас, Ваше Величество, — глотая слезы, сказал Щелчок.

— У нас в мыслях не было ничего дурного, — захныкал Пьянчужка.

— Это все из-за бутылки, она очаровала нас.

— Во всем виновата эта ничтожная тварь, она околдовала нас.

— Но потом она услышала, что мы хотим отдать тебе бутылку.

— Тогда она вызвала троллей!

— Она приманила их колдовским светом.

— А тролли нас схватили.

— И связали как собак.

— И повесили здесь...

— А сами ушли...

Бен замахал руками:

— Тише, тише. Я ничего не могу понять. Расскажите обо всем по порядку. Да не спешите, прошу вас. И объясните, куда девалась бутылка.

Кыш-гномы рассказали все как было. Несколько раз они начинали плакать и каяться, но все же из их рассказа можно было понять, что к чему. Бен терпеливо выслушал гномов, поглядывая время от времени на советника и Ивицу. Он снова недоумевал, почему ему последние дни так не везет.

Когда гномы наконец окончили свою повесть, Тьюс что-то сказал Сапожку, и тот удалился, но очень скоро вернулся. Он переговорил с волшебником, который сообщил королю следующее:

— Тролли, очевидно, ушли отсюда несколько часов назад. Но куда именно, точно никто не знает. Следы, похоже, идут отсюда в разных направлениях. Вероятно, этот Злыдень знает, что мы преследуем его, и пустил в ход свои чары, чтобы окончательно запутать нас.

Бен молча кивнул. Ничего удивительного, этого следовало ожидать. Он попросил Ивицу помочь потерпевшим, насколько это было в ее силах, а сам стал бродить туда-сюда и размышлять. Что делать?

Вновь к королю вернулись мрачные мысли, одолевавшие его с утра. Снова он попал в тупик! Чем больше он старается найти проклятую бутылку, тем дальше от него цель! А тут еще исчезновение Абернети вместе с медальоном... Один Бог знает, что с ними могло случиться в мире, где животные — не больше чем животные, а волшебные талисманы считаются орудиями дьявола. Сердце стучало, словно в груди били молотом.

Бен сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. Ну какая практически польза в том, чтобы стоять здесь и сокрушаться: ах, как плохо обстоят дела! Нужно отбросить бесплодные тревоги и сомнения, трезво разобраться в том, что произошло, и принять решение.

— Ваше Величество, — окликнул его советник, видимо, обеспокоенный отстраненностью Бена.

— Подожди минутку, — ответил король. Он уже понял, что ошибся в выборе главной цели. Конечно, вернуть в Заземелье Абернети и медальон — важнее, чем получить обратно украденную бутылку. Нужно время, чтобы выследить Злыдня и загнать его обратно в бутылку, а Абернети нужно выручать как можно скорее. К тому же у Бена нет уверенности, что с помощью волшебства Тьюсу удастся обуздать злого духа, а рисковать нельзя. Обязательно нужно заполучить медальон. Поэтому необходимо решить, как выручить Абернети и медальон, не имея в распоряжении бутылки.

— Советник! — крикнул Бен, повернувшись в ту сторону, где под сенью большого дерева собрались его спутники. Ивица уже помогла гномам встать на ноги и успокоила их. Услышав голос мужа, она повернула голову. Советник Тьюс подошел к королю и сказал:

— Слушаю, Ваше Величество.

— Хватит ли у тебя сил отправить меня в мой мир на поиски Абернети? — спросил Бен, с сомнением глядя на придворного волшебника. — Сможешь ли ты это сделать, пользуясь тем же видом волшебства, с помощью которого ты отправил туда Абернети? Или для этой цели необходим медальон?

— Ваше Величество...

— Нужен ли медальон, Тьюс? Да или нет?

Тьюс постарался успокоить Бена:

— Медальон необходим только для превращения Абернети в человека. Это очень трудное заклинание, поверьте! Перенести же человека в другое место сравнительно легко.

Бен поморщился:

— Нет, нет, не говори так! Меня всегда пугает, когда ты говоришь о легкости волшебства. Скажи мне только, можешь ли ты отправить меня вслед за Абернети? Но только наверняка, без всяких выкрутасов и неожиданностей, именно туда, где он сейчас находится.

Волшебник смутился:

— Ваше Величество, я не думаю, что это самый лучший...

— Не надо рассуждений, советник. Не надо разговоров. Просто ответь на мой вопрос.

Советник потрогал потную бороду, почесал затылок и ответил со вздохом:

— Да, Ваше Величество.

— Хорошо. Вот это мне и нужно.

— Но...

— Что «но»?

— Но я могу отправить только туда, но не вернуть обратно. Я лишь владею способом отправления людей в другой мир, а вот наоборот — увы! Иначе для меня не составляло бы труда вернуть сюда Абернети вместе с медальоном. — Против этого возразить было нечего. Ну, в конце концов в этом мире надо было принимать решения, как и во всяком другом. — Ваше Величество, я хотел бы, чтобы вы обдумали все это... — осторожно продолжил волшебник.

Бен поднял палец, давая ему понять, что хочет высказать свое мнение.

— Мне действительно нужно время, чтобы все продумать до мелочей, советник, — ответил он. — Давай немного подождем.

И снова король погрузился в размышления. Если он примет такое решение, то сможет вернуться в Заземелье, только если найдет медальон. Если же нет, Бену придется оставаться в своем прежнем мире. Разумеется, при том условии, что Тьюс вообще сумеет отправить его туда, куда надо, а не в другое место и в другое время...

Он снова оглядел своего придворного волшебника. Волшебника, которому, очевидно, предстояло стать власть имущим. Бен понимал, что придется оставить Тьюса своим наместником. Это тоже было делом сомнительным. Однажды, когда Бену пришлось вернуться в свой прежний мир, он уже поручал волшебнику управлять

королевством вместо себя, но всего на три дня. На этот раз королю, очевидно, предстояло задержаться там надолго. Если не навсегда. С другой стороны, кому еще можно доверить наместничество? Нельзя поручить это ни Каллендбору или другим знатным людям Зеленого Дола, ни Владыке Озерного края, ни тем более Ночной Мгле из Бездонной Пропасти... Может быть, доверить власть Ивице, но она все равно будет прислушиваться к словам волшебника. С другой стороны, если сам Бен не назначит Тьюса своим наместником, его вера в себя будет подорвана.

В иерархии королевства придворный волшебник считается вторым лицом в государстве. Считается... На самом же деле может быть и не так.

Во всяком случае, советник Тьюс был другом Бену, не покидал его в самые трудные времена. Тьюс всегда делал все, о чем его просили, и готов был на большее. Его верность заслуживает поощрения.

Подойдя к волшебнику, король положил руки ему на плечи:

— Я принял решение, советник. Я хочу, чтобы ты перенес меня в мой прежний мир.

Некоторое время король молчал. Волшебник не сводил с него глаз. Видимо, Тьюс еще не принял решения. Наконец он кивнул:

— Ваше Величество, я сделаю, как вы желаете.

Король и волшебник вернулись туда, где их ждали остальные. Гномы снова начали всхлипывать, но быстро успокоились, поняв, что король их простил. Сапожок и Сельдерей сидели, прислонясь к стволу дерева. Ивица стояла чуть в стороне. Она была обеспокоена, словно прочитала что-то во взгляде Бена.

— Я попросил волшебника с помощью его заклинаний отправить меня в мой прежний мир на поиски Абернети, — объявил король. — Тьюс согласился на это. — Бен старался не смотреть на Ивицу. — Я должен сделать все, что в моих силах, чтобы помочь Абернети и чтобы получить назад мой медальон. Как только я добьюсь удачи, я вернусь в свою резиденцию.

— О повелитель! — захныкал Щелчок.

— О король! — подхватил Пьянчужка.

— Нам так жаль расставаться.

— Да, да, нам очень жаль.

Бен погладил гномов по голове.

— В мое отсутствие советник Тьюс назначается моим наместником, правителем королевства, — продолжал он. — Советник, тебя я очень и очень прошу продолжать поиски Злыдня, чтобы заставить его вернуться в бутылку. Это маленькое чудовище слишком

опасно, чтобы оставлять его на свободе. Попробуй уговорить Каллендбора или Владыку Озерного края помочь тебе в этом. Но будь осторожен!

Советник молча кивнул. Остальные не сводили удивленных глаз с короля, ожидая продолжения его речи. На какое-то время все замерли.

— Кажется, я все сказал, — закончил Бен.

Ивица подошла к нему. Выражение ее лица отчетливо говорило о том, какое решение она приняла в отношении затеи Бена.

— Я отправляюсь с тобой, милый мой Бен, — сказала сильфида.

— О нет! — Он помотал головой. — Это слишком опасное путешествие. Я могу навсегда остаться там, Ивица, могу попасть в безвыходное положение. И тебе придется в таком случае разделить мою участь.

— Поэтому-то я и собираюсь туда вместе с тобой, Бен. Я не могу допустить, чтобы мы расстались навсегда. Пусть у нас с тобой будет одна судьба. Ведь мы — единое целое. Это было предсказано шепотом цветов в моем родном саду. Даже сама Мать-Земля соединила нас. — Она взяла мужа за руку. — Помнишь, что тебе говорила Мать-Земля, дорогой? — Бен кивнул. Он почти забыл о Матери-Земле, о стихии, которая помогла ему отыскать черного единорога. — Тебе было сказано, что ты мой защитник, — продолжала Ивица. — Но и я должна защищать тебя, Бен. Иначе моя любовь к тебе теряет смысл. Не пытайся разубедить меня, это бесполезно. В твой мир я отправляюсь с тобой.

Бен смотрел на Ивицу, чувствуя, что никогда еще в жизни так не любил ее, как в эту минуту. Они действительно стали единым целым, и это произошло незаметно. Это было правдой, и самое удивительное, что такое вообще могло существовать!

— Ивица, я... — начал Бен.

— Не надо, любимый. — Ивица приложила палец к его губам. — Это решено. — Она поцеловала его, и он поцеловал ее и крепко обнял. Видимо, действительно дело было решенным.

Бен пожелал отправиться в путь незамедлительно.

Прежде всего они с Тьюсом с помощью волшебства позаботились о том, чтобы придать Бену и Ивице соответствующий вид, снабдив их спортивными костюмами. Ивица получила также особую ленту для волос, чтобы поддерживать густую длинную гриву, и солнечные очки, чтобы скрыть ее изумрудные глаза. Что до зеленого цвета ее кожи, то с этим ничего нельзя было поделать. Бен не мог позволить советнику применить здесь свое волшебство. Оста-

валось только придумать какую-нибудь историю, если в другом мире цвет ее кожи вызовет недоумение. Король также велел волшебнику сотворить некоторую сумму денег для оплаты расходов, которые могут возникнуть во время поисков Абернети. Сам Бен надеялся, что нужды в деньгах не возникнет. Чем раньше он найдет пропавшего придворного писца, тем лучше. Но, судя по невезению последнего времени, вряд ли удастся найти Абернети и медальон так уж скоро. Тьюс обрядил их в красные спортивные костюмы и кроссовки. А деньги, созданные им, были неотличимы от настоящих. Хорошо, что Бен прежде показывал ему образцы.

— И вот еще о чем я попрошу тебя, Тьюс, — добавил король. — Сделай так, чтобы Ивица в том мире могла говорить по-английски. — Ивица стояла рядом с Беном, обняв его за талию. Бен хотел было спросить, не изменила ли она своего решения, но вовремя понял, что его вопрос будет встречен в штыки. — Все готово, советник, — объявил король.

Он поглядел на серое небо, бросил взгляд на омытую дождем лужайку, оглядел гряду холмов, покрытых лесом. «Жаль, что нет возможности поглядеть на все это в ясный день», — подумал Бен. Ему хотелось получше запомнить все, что он видел, может быть, в последний раз.

Советник Тьюс вышел вперед, а остальных заставил отойти к дубу. Кобольды скалили зубы, гномы хныкали, будто их снова хотели подвесить за ноги. Волшебник простер руки вверх.

— Осторожнее, пожалуйста, — предупредил его Бен, обнимая Ивицу.

Тьюс кивнул:

— Успехов вам, Ваши Величества!

Он начал бормотать свои заклинания, звучавшие странно для всех, кроме него самого. Потом он начал жестикулировать, и снова появилась серебристая пыль, освещенная таинственным светом. Из поля зрения Бена и Ивицы постепенно исчезали серое небо, деревья, кобольды, гномы, холмы и сам волшебник Тьюс. Теперь они были одни.

— Я люблю тебя, Бен, — прошептала сильфида.

Но тут вспыхнул ослепительный свет, и оба они зажмурились, не в силах вынести этого сияния.

Какое-то время они плыли в пространстве, будто во сне. Потом постепенно, словно при переходе от сна к бодрствованию, свет померк, а их плавное движение прекратилось. Окружающий мир снова обрел реальность.

Они стояли на дороге в каком-то городе, оглушенные шумом моторов и гулом голосов. Ивица прижалась к Бену, затем уткнулась ему в грудь. Она очень испугалась. Бен, уже сам давно отвыкший от такого шума, в недоумении огляделся. Господи, до чего же здесь жарко, точно из осени они попали прямо в лето! Но ведь там, куда им было нужно, так не...

— Боже всемогущий! — воскликнул Бен, когда понял, куда они попали. Он узнал бы это место из тысячи.

Они оказались на шоссе в Лас-Вегасе.

ГЛАВА 9

ЗАТОЧЕНИЕ

Советник Тьюс задумчиво смотрел на то место, где только что стояли Бен Холидей и Ивица. Наконец он удовлетворенно потер руки и сказал:

— Ну, похоже, они попадут на место без всяких происшествий.

Сапожок и Сельдерей подошли поближе, посмотрели на пустое место и проворчали что-то, видимо, в знак согласия. Они заморгали желтыми глазами, что было очень похоже на мигание маленьких сигнальных лампочек.

— О мудрый король! — запричитал Щелчок сквозь слезы.

— О наш повелитель! — всхлипывая, заголосил Пьянчужка.

— Ничего, ничего, с Его Величеством все в порядке, — успокоил их волшебник, хотя про себя он подумал: «А не напутал ли я с заклинанием, которое касалось места, куда они должны попасть?» Однако он решил, что с этим все в порядке. По крайней мере он был в этом почти уверен.

— А теперь надо заняться делами, которые ждут нас, — заявил советник так, словно разговаривал сам с собой. — Минутку, сейчас я разберусь, что к чему.

Волшебник приосанился и с важным видом стал смотреть вперед. Дождь все лил и лил, и вся земля была покрыта лужами. Небо было затянуто темными тучами. Похоже, стало даже еще темнее. Долина впереди была окутана туманом. Волшебник задумался. Конечно, лучше всего сейчас было бы вернуться в замок Чистейшего Серебра, вовсе не помышляя о поимке проклятого Злыдня...

Однако в замке у него не было неотложных дел, а король взял с советника слово сделать все возможное, чтобы вернуть бутылку. И главное, хотя мысль была неприятна Тьюсу, он все же понимал, что все произошло по его вине. Надо было исправлять собственные ошибки, тем более что король оказал ему, Тьюсу, такое высокое доверие.

— По-моему, нам надо продолжать поиски, — объявил волшебник. — Сапожок! Сельдерей! Вы готовы еще немного погоняться за Злыднем?

Кобольды ответили утвердительно.

— Замечательно. — Советник повернулся к кыш-гномам. — На месте короля я поступил бы с вами, Щелчок и Пьянчужка, гораздо более сурово. Но раз он вас помиловал, можете идти куда пожелаете.

Оба гнома были, видимо, не на шутку обескуражены, услышав его слова.

— Милый, добрый советник Тьюс... — начал Щелчок.

— Славный наш волшебник... — подхватил Пьянчужка.

— Мы хотим остаться с вами.

— Мы хотим вам помочь!

— Пожалуйста, разреши нам остаться.

— Мы очень просим!

Тьюс подозрительно посмотрел на гномов. Они, конечно, просили его только потому, что боялись на ночь глядя оставаться одни, пока Злыдень на свободе. Тьюс подумал немного, потом махнул рукой. В конце концов кыш-гномы были не лучше и не хуже остальных — у каждого есть свои слабости.

— Смотрите только не вмешивайтесь, когда мы повстречаемся с троллями, у которых эта бутылка! — предостерег он.

Гномы наперебой стали его заверять, что и не подумают. Тьюс невольно улыбнулся. На этот раз они, судя по всему, говорили правду.

Итак, маленький отряд снова направился на север на поиски троллей. Сапожок ушел на разведку, волшебник поехал верхом впереди отряда, а Сельдерей вел в поводу Криминала и лошадь Ивицы, а также, как обычно, присматривал за вьючными животными. Дождь шел не переставая, и стало еще темнее, потому что туман не исчез, а день клонился к вечеру. Троллей нигде не было.

Сапожок вернулся только на закате. В это время путники устроили привал под большими вечнозелеными деревьями у речки, разлившейся от дождей. Это место было относительно сухим, и волшебник сумел разжечь костерок с помощью своих чар. Сельдерей приготовил великолепный ужин, который был тут же съеден. Вдохновленный собственным успехом, советник решил сотворить

одеяла и подушки. Вместо того чтобы на этом остановиться, Тьюс пустил в ход еще одно заклинание, чтобы создать для путников надежное укрытие, где было бы сухо и тепло и где даже можно было бы помыться. Но на этот раз его ждала полная неудача. Одно из больших деревьев просто свалилось на землю, так что несколько человек оказались под дождем. Пришлось переместить стоянку в глубь рощицы и воспользоваться влажными подушками и одеялами. Но что поделаешь? Всем свойственно ошибаться.

Советник, конечно, принес свои извинения, но от этого легче никому не стало. Когда все заснули, Тьюс почувствовал, что ему не спится. Он лежал и думал о превратностях судьбы волшебников. Увы, овладеть искусством волшебства было делом очень нелегким! И все же он, Тьюс, должен сделать все, что от него зависит. В конце концов он, пусть и временно, занял место короля и отвечает теперь за благосостояние всего Заземелья!

Новый день был таким же холодным, сырым, туманным, как и вчерашний. Дождь только усилился. После завтрака вся компания снова отправилась в поход, на этот раз — по равнинам Зеленого Дола. Сапожок ушел вперед, все еще надеясь найти следы троллей. Все промокли до нитки, и настроение у многих было подавленное. Волшебник хотел было высушить одежду — свою и своих друзей, но сразу отказался от такого замысла. Он решил прибегать к волшебству только в тех случаях, когда был совершенно уверен в успехе, либо в случае крайней необходимости. Надо будет поупражняться в простейших заклинаниях и приемах, чтобы потом было легче, если потребуется делать более серьезные вещи.

После полудня путники уже далеко углубились в пределы Зеленого Дола. По обе стороны дороги они видели хорошо возделанные поля. Большая часть их уже опустела, урожай был убран, и черная мокрая земля являла собой унылое зрелище. Тут и там виднелись домики крестьян, окруженные садами, и каких только цветов там не было! Проезжая по омытой дождем равнине, советник Тьюс прикинул расстояние до Риндвейра, крепости Каллендбора, самого могущественного из правителей Зеленого Дола. Оставалось километров пятнадцать. Волшебник с удовольствием подумал, что этим вечером он сможет лечь спать под крышей в настоящей кровати, что можно будет принять ванну, согреться и на время забыть о непрерывном ненастье.

Было уже далеко за полдень, когда из тумана вдруг появился Сапожок. Он чуть ли не бежал (что для него было весьма странно), а когда подошел к волшебнику, тот заметил, что кобольд с трудом переводит дыхание и взгляд его стал беспокойным.

Услышав рассказ Сапожка, волшебник вздрогнул. Разведчику удалось-таки найти троллей, но при совершенно неожиданных обстоятельствах.

Отряд поехал вперед быстрее. Советник, озадаченный сообщением кобольда, пока молчал, ничего никому не объясняя. Миновав несколько полей, путники въехали в лесок, по которому протекала небольшая быстрая речка.

Тролли лежали на берегу. Все они до одного были мертвы. Одно мертвое тело лежало на другом — с перерезанными глотками и колотыми ранами. Гномы, бросив взгляд на убитых троллей, поспешно спрятались за лошадей. Даже Сельдерей был явно смущен увиденным. Волшебник пошел вперед вместе с разведчиком. Кобольд шепотом повторил свой рассказ. Гибель троллей не была вызвана нападением врагов. Они, судя по всему, сами перебили друг друга.

Тьюс выслушал рассказ, но ничего не ответил. Он понял, что здесь произошло. Волшебник хорошо знал, на что способен Злыдень. Внезапно Тьюс почувствовал, что ему стало по-настоящему страшно.

Сапожок показал на что-то едва различимое в сумерках. Один из троллей избежал гибели. Он был ранен и теперь пытался выбраться из леска. Он-то и взял бутылку.

— О Боже, — пробормотал советник Тьюс.

Раненый тролль направлялся прямо к Риндвейру.

— Абернети!

Услышав знакомый голос, писец приподнялся на своей соломенной подстилке. В темноте он сначала ничего не разглядел.

— Элизабет? — спросил пленник.

Она вышла из ниши в противоположной стене, протиснувшись в трещину в камне. Абернети прежде не видел этой трещины и готов был поклясться, что ее там никогда и не было. Осторожно ступая, девочка пересекла коридор и подошла к его клетке. Теперь пленник разглядел ее круглое, в веснушках лицо.

— Прости, Абернети, что я не пришла к тебе раньше, — прошептала девочка. — Я просто не могла. Нельзя, чтобы Микел или папа догадались, что я тебе сочувствую. Боюсь, Микел и так подозревает меня.

Абернети кивнул. Он был несказанно рад, что его подружка вообще пришла к нему.

— Как ты сюда попала, Элизабет? — спросил он.

— Через потайной ход. — Элизабет улыбнулась. — Вон там, видишь? — Она показала на трещину в стене. — Я обнаружила его

еще несколько месяцев назад. По-моему, о нем пока больше никто не догадывается. Отсюда можно выйти к южной стене. Поверишь ли, я даже не знала точно, где тебя искать. Только сегодня днем стражники проговорились.

— Днем? Значит, сейчас вечер? — спросил Абернети, потерявший представление о времени.

— Да, уже поздно, так что я должна торопиться. Скоро меня уложат спать. Я принесла тебе поесть.

Элизабет достала из бумажного пакета несколько бутербродов с ветчиной и с сыром, свежие фрукты, картофельные хлопья и пакетик молока.

— Элизабет! — только и смог сказать благодарный пленник.

Девочка просунула все это через решетку, а Абернети тут же спрятал еду под соломой. Он оставил только один бутерброд, который начал жадно есть. Уже три дня он получал только несвежий корм для собак и воду. Здесь, в темнице, он был один, если не считать угрюмых тюремщиков, которые приходили иногда только для того, чтобы убедиться, что он не сбежал, или чтобы принести его паек. Не приходил сюда и Микел Ард Ри. Все эти три дня Абернети не видел солнечного света.

— Как ты себя чувствуешь, Абернети? — спросила Элизабет. — Они не делают тебе больно?

Пленник помотал головой, продолжая жевать.

— Я немного расспрашивала папу о тебе, — продолжала девочка. — Правда, я не рассказывала ему о нас с тобой. Я только сказала, что нашла тебя случайно, что Микелу ты очень не понравился и что, по-моему, нельзя причинять вред животным. Папа согласился с этим, но сказал, что от него это не зависит. Еще он говорил, что мне не следовало подбирать бродячих собак, так как я хорошо знаю Микела. А я ответила, что не всегда надо обязательно делать так, как хочется Микелу. — Она помолчала немного, затем заговорила о другом: — Я знаю, что они держат тебя впроголодь. Мне это рассказал один стражник, вроде неплохой парень. Скажи, почему Микел так гадко поступил с тобой? Неужели он с тех пор так ненавидит тебя?

Абернети наконец прожевал то, что было во рту. Не будь он так голоден, вряд ли он мог бы съесть бутерброд в этой своей клетке. Здесь пахло больными животными и воняло нечистотами, а стены покрывала плесень. Писец решил, что девочке можно рассказать все как есть.

— Тут вот в чем дело, — начал он. — Микел хочет, чтобы я ему отдал медальон, который я ношу на шее. Силой у меня он не может

его забрать и хочет, чтобы я это сделал сам. Поэтому он и запер меня здесь, пока я не соглашусь передать медальон ему, но эта вещь не его, она даже и мне не принадлежит. Мне просто дали этот медальон на время, и я должен его вернуть хозяину.

Впервые за последние дни Абернети подумал о том, каково сейчас приходится в Заземелье королю, лишенному своего волшебного талисмана.

— Я говорила о тебе с Нитой Колс, — сказала Элизабет. — Понимаешь, мы с ней опять подружились. Она взяла назад свои слова о Томми Сэмюэльсоне и извинилась передо мной. В общем, я рассказала ей про тебя, потому что мы все друг дружке рассказываем, только по секрету... почти всегда. Но на этот раз мы поклялись хранить тайну, сцепив пальцы, так что ни одна из нас не может рассказать об этом никому другому, а то нас семь лет будут преследовать несчастья. Конечно, она не поверила, что ты есть на самом деле, но я сказала, что ты действительно существуешь и тебе нужна помощь. Тогда мы договорились, что вместе подумаем, чем можно помочь тебе. — Элизабет помолчала немного. — Нам надо вытащить тебя отсюда, Абернети.

Пленник энергично замотал головой:

— Нет, нет, Элизабет, твои попытки мне помочь — слишком опасное дело. Если Микел узнает об этом...

— Знаю, знаю, — перебила девочка. — Но не могу же я все время тайком приносить тебе еду! Микел и об этом проведает, поймет, что ты не голодаешь, что кто-то кормит тебя. А без меня как ты выберешься отсюда?

— Я найду такую возможность, — упрямо сказал Абернети.

— Не найдешь, — так же упрямо ответила Элизабет. — Ты навсегда останешься в этой клетке.

Вдруг из-за закрытой двери по другую сторону коридора они услышали собачий лай. Абернети и Элизабет невольно вздрогнули и повернули головы в ту сторону. Вскоре собака перестала лаять.

— Там — настоящие собаки, — прошептал пленник. — Микел держит этих бедолаг взаперти. Я даже думать не хочу, зачем они ему понадобились. Я не раз слышал, как они скулят, будто плачут или зовут на помощь. Я ведь немного понимаю их язык... У меня сердце разрывается от боли. — Он умолк, видимо, задумался, затем снова обратился к девочке: — Тебе не следует ввязываться в это дело, Элизабет! Микел Ард Ри очень жесток. Если он узнает, что ты мне помогаешь, даже если только заподозрит, он не пощадит тебя, и его не остановит, что ты еще девочка. Он не пощадит и твоего папу.

Когда он сказал девочке, что ее папе может грозить опасность, во взгляде ее появилась тревога.

— Зачем ты пугаешь меня, Абернети? — спросила Элизабет, глядя ему в глаза. — Ведь я вижу, что ты пугаешь меня.

— Конечно, пугаю, — ответил пленник, — потому что это действительно страшно. Это не детская игра. Поэтому и предупреждаю.

— А что, это игра только для собак и для колдунов, да? — рассердилась девочка.

— Элизабет...

— Не надо мне голову морочить. — По глазам ее Абернети понял, что она обиделась. — Я уже не маленькая, Абернети, и не надо меня пугать!

— Но я только хотел, чтобы ты знала, насколько это опасно...

— А как ты выйдешь на свободу без моей помощи? — снова спросила она.

— Есть такие способы, — сказал он устало.

— Разве? Назови хоть один!

Он тяжело вздохнул.

— Не могу назвать ни одного, Элизабет, — сознался он нехотя.

Она кивнула, удовлетворенная его честным ответом, достойным похвалы.

— Ты все еще хорошо ко мне относишься?

— Конечно, Элизабет!

— А готов ли ты сам мне помочь, если потребуется, в чем бы ни заключалась твоя помощь?

— Можешь не сомневаться.

— Ну так вот: и я тоже всегда готова тебе помочь, — ответила девочка. — А значит, я не могу бросить тебя здесь. Понимаешь?

Он кивнул.

Снова где-то залаяли собаки, и кто-то заорал, чтобы они заткнулись. Элизабет начала потихоньку отходить к противоположной стене.

— Тебе надо хорошенько поесть, Абернети, чтобы быть сильным. Чшш! — Она прижала палец к губам, поняв, что он хочет сказать что-то. — Потерпи немного. Я придумаю, как вызволить тебя отсюда. — Она постояла у противоположной стены коридора и сказала: — Не волнуйся! Все будет хорошо!

С этими словами Элизабет исчезла.

Снова в коридоре залаяли собаки, потом раздался визг, и снова наступила тишина. Абернети вытащил медальон и стал его рассматривать.

Он страшно боялся за Элизабет. Но чем он мог ей помочь, Абернети не знал. Если бы он нашел способ защитить девочку! Немного погодя он убрал медальон под тунику, затем вытащил спрятанные припасы и принялся за еду.

ГЛАВА 10
ЗАГАДКИ

Бен Холидей осматривался, щурясь от яркого солнечного света. Он не верил своим глазам. На зданиях по обе стороны шоссе красовались огромные вывески гостиниц и казино. Сами многоэтажные здания белым днем, даже не освещенные рекламными огнями, были похожи на некие фантастические друидические сооружения, возникшие в двадцатом веке. «Цезарь-палас». «Фламинго».

— Лас-Вегас! — шепотом повторил Бен. — Во имя всего святого, как мы сюда попали?

Он почему-то был уверен, что из Заземелья, как прежде, он будет перенесен в Виргинию, в Голубые хребты. Более того, Бен счел, что и Абернети после неудачного опыта с превращением должен попасть в тот же район. Но оба эти расчета оказались неверными. В результате какого-то сумасшедшего колдовского фокуса и он, и Абернети оказались совсем в другой части страны!

Если только... «Нет, нет! Не может быть!» — подумал Бен. Неужели этот Тьюс опять все перепутал и послал их с Ивицей совсем не туда, куда прежде отправил Абернети?!

Надо было успокоиться и разобраться в том, что произошло. В сущности, он ведь раньше над этим не задумывался. Из-за ошибки советника бутылка, в которой сидел Злыдень, и Абернети поменялись местами. Абернети попал туда, где этот Микел Ард Ри хранил свою бутылку (если она к тому моменту все еще находилась у него). В любом случае писец должен был попасть на место прежнего нахождения бутылки. Бен же просил волшебника, чтобы его он отправил туда, где находится Абернети. А что, если он находится именно в Лас-Вегасе?

Ивица, которая по-прежнему стояла прижавшись к Бену, подняла голову и прошептала:

— Бен, мне очень не нравится весь этот шум.

Даже сейчас, в дневные часы, на шоссе полно было машин, и шум моторов, скрип тормозов, крики людей сливались в невообразимый грохот. А над головой со страшным ревом пролетел идущий на снижение авиалайнер.

Бен снова огляделся. Он все еще не вышел из состояния замешательства. На этот раз он заметил, что водители и прохожие с любопытством смотрят в их сторону. Сначала Бен решил, что дело тут в их ярких спортивных костюмах, но быстро сообразил, что он ошибся. Внимание людей привлекала Ивица — девушка с длинными изумрудно-зелеными волосами и глазами и кожей цвета морской волны. Даже в Лас-Вегасе она смотрелась странно.

— Пойдем! — сказал он, и они зашагали по шоссе. Бен почему-то выбрал южное направление. На табличке он прочел название: «Бульвар Лас-Вегас». Бен попытался вспомнить все, что знал об этом городе, но не смог обнаружить в своей памяти каких-то полезных сведений. Дважды он приезжал сюда по делам, и оба раза — на пару дней. Случалось Бену бывать и в казино, но у него не сохранилось о них особых воспоминаний.

Между тем они с Ивицей дошли до перекрестка бульвара Лас-Вегас и шоссе Фламинго. По левую руку от них возвышался «Цезарь-палас», по правую — отель «Фламинго». Пешеходы уже обратили на них внимание.

— Издалека, лапочка? — спросил кто-то, обращаясь к Ивице, и свистнул.

— Гости из Изумрудного города? — спросил другой, широко улыбаясь.

«Ну вот, только этого нам не хватало», — подумал Бен. Он ускорил шаг и потащил за собой Ивицу, не обращая внимания на оклики. Так дело не пойдет! Надо срочно что-то придумать. Бен поглядел на два отеля, высившихся по ту сторону перекрестка, — «Дюны» и «Бэлли». Слишком большие, слишком многолюдные, слишком шумные...

— Далеко здесь цирк, куколка? — услышали они вопрос очередного зеваки.

— Бен! — занервничала Ивица и крепко вцепилась в его руку.

«Советник, советник, неужели ты нас подвел?» — подумал Бен Холидей.

Он старался заслонить Ивицу, чтобы на нее меньше обращали внимания. Ему приходилось лавировать, чтобы они не попали под машину и не столкнулись с людьми, старавшимися пробиться в отель «Бэлли». А дальше высились отели «Шангри-Ла», «Аладдин»

и «Тропикана». Бена раздражала сама необходимость выбирать между этими гостиницами, должны же они где-то переночевать, прежде чем начать искать Абернети. Может быть, даже лучше выбрать одну из самых больших гостиниц. Там будет легче затеряться, там он и его спутница меньше будут бросаться в глаза...

Все еще держа Ивицу за руку, Бен направился ко входу в «Шангри-Ла». В вестибюле, как и в казино на первом этаже, было полно народу. Возгласы игроков в карты и в кости, а также тех, кто решил попытать счастья около «одноруких бандитов»*, сливались в однообразный гул.

Не обращая внимания на любопытных посетителей, которые уставились на Ивицу, Бен протиснулся сквозь толпу и подошел вместе со своей спутницей к столику администратора.

— У нас заказан номер... — он замялся, — ...на имя Майлза Беннетта.

Клерк, сидевший за столом, поднял голову, бросил взгляд на Ивицу, потом кивнул:

— Хорошо, мистер Беннетт.

Ивица, смущенная тем, что Бен назвался чужим именем, спросила:

— Бен, но почему...

— Чшшш! — предостерег он ее.

Клерк просмотрел регистрационные списки и снова поднял голову.

— Простите, сэр, — сказал он, — но на ваше имя номер не заказан.

— Вот как?! — театрально удивился Бен. — Тогда, может быть, вы найдете в списке заказ на имя мисс Каролины Фишер? Должен быть люкс.

Клерк снова стал просматривать списки. Конечно, и на этот раз результат был тот же самый.

— Простите, но на имя мисс Фишер заказа тоже нет, сэр, — ответил клерк.

Виновато улыбнувшись, он поглядел на Ивицу и не сразу смог отвести взгляд.

— Но у нас точно был заказан номер! Причем мы всегда делаем заказы у вас! — воскликнул Бен, притворяясь рассерженным. Он говорил нарочито громко, чтобы привлечь внимание. Вокруг стойки уже начали собираться любопытные посетители.

— Как же случилось, что у вас нет записей на наш счет? — продолжал Бен. — Заказ был подтвержден неделю назад! У нас очень

---

* Игровые автоматы. — *Здесь и далее примеч. пер.*

напряженный график, мы начинаем работать в пять утра, и я не могу тратить время на пустяки!

— Понимаю, сэр, — заверил клерк, который понял только, что произошло что-то досадное, но он в этом не виноват.

— Ну, наш багаж все равно скоро прибудет из аэропорта, — сказал Бен, доставая из кармана пачку денег, сотворенных волшебником. — Поэтому я не хочу терять время на пустые разговоры. Пожалуйста, проверьте, не найдется ли для нас свободного номера, а с менеджером я поговорю попозже.

Клерк кивнул, еще раз просмотрел свои бумаги, потом бросил взгляд на дисплей компьютера и очень вежливо сказал:

— Минуточку, мистер Беннетт!

Он удалился, но вскоре вернулся в сопровождении другого служащего, как надеялся Бен, имеющего больше полномочий. Он не ошибся.

— Мистер Беннетт, я Винстон Элисон, помощник менеджера, — представился вновь пришедший. — Кажется, здесь произошло какое-то недоразумение с резервированием номера? Приношу вам извинения. — Он широко улыбнулся, глядя главным образом на Ивицу. — Не желаете ли занять люкс?

— Да, мистер Элисон, — ответил Бен. — Мы с мисс Фишер будем очень рады.

— Очень хорошо. — Элисон сказал что-то клерку, и тот кивнул. — Как надолго вам понадобится люкс, мистер Беннетт?

— Ненадолго, — улыбнулся Бен. — Наш жесткий график позволяет пробыть здесь дня три-четыре. От силы — пять.

Клерк записал это, потом передал Бену регистрационные формы. Бен быстро заполнил их, записав в графе «Род занятий» название вымышленной студии, и с деловым видом вернул клерку. Любопытные, заинтересовавшиеся было этой сценой, начали понемногу расходиться.

— Надеюсь, пребывание у нас доставит вам удовольствие, мистер Беннетт и мисс Фишер, — сказал Элисон, еще раз улыбнулся и ушел.

— Плата за номер люкс — четыреста пятьдесят долларов в сутки, мистер Беннетт, — объявил клерк. — Каким образом вы хотите внести плату?

— Наличными, — ответил Бен, пересчитывая деньги. — Тысяча долларов в качестве взноса вас устроит?

Клерк кивнул, бросив украдкой взгляд на Ивицу. Она перехватила этот взгляд, и он довольно улыбнулся.

Бен хотел передать клерку пятьсот долларов пятидесятидолларовыми купюрами, но вдруг заметил, что верхний банкнот выглядит необычно. Он присмотрелся, сравнивая пятидесятидолларовые бумажки между собой. На первой, как и на следующей, вместо портрета Гранта красовался портрет Бена!

В ужасе он начал рассматривать остальные банкноты. На всех были портреты самого Бена, который ничуть не был похож на Гранта! У Бена упало сердце. Тьюс снова все перепутал!

Бен почувствовал на себе взгляд клерка, который, очевидно, заподозрил что-то неладное. Застигнутый врасплох, Бен не нашел ничего другого, как сделать вид, что ему вдруг стало плохо. Он слегка подался вперед, словно потерял равновесие, ухватился руками за стойку и начал дышать как человек, которому не хватает воздуха.

— Мистер Беннетт! — воскликнул испуганный клерк, вставая, чтобы поддержать Бена.

— Бен! — вскричала Ивица, и ее руки обхватили его прежде, чем он успел остановить ее.

— Ничего, ничего, все будет хорошо, — начал он заверять их обоих, моля Бога, чтобы клерк не заметил, как она назвала его. — Простите, нельзя ли мне сейчас пойти прямо в номер, чтобы немного отлежаться? Может быть, мы закончим эти формальности попозже?

— Конечно, мистер Беннетт, — поспешно согласился клерк, вызвав посыльного. — Может быть, вам потребуется медицинская помощь?

— Нет, нет, это пройдет... мне только надо немного отдохнуть. У меня есть с собой нужные лекарства. Большое спасибо за помощь!

Он слабо улыбнулся, засунул свои «деньги» в карман и с трудом удержался от вздоха облегчения. В сопровождении Ивицы и посыльного он отправился в отведенный ему номер. «Еще одна напасть прошла мимо», — подумал Бен, благодарный судьбе.

Он очень желал бы, чтобы так же повезло и Абернети. И молил Бога об этом.

— Ну, теперь прошу всех сесть. Минуточку внимания, пожалуйста!

Молодой, энергичный директор начальной школы имени Франклина вышел в центр зала, держа в одной руке микрофон, а другую подняв для приветствия. Школьники стали занимать места в зале, тихо переговариваясь между собой в ожидании интересного зрели-

ща. Элизабет села в шестом ряду с Евой Ричардс. Рядом с директором стоял улыбчивый долговязый бородач, гладивший по голове смирного черного пуделя, восседавшего у его ног.

— Сегодня мы предлагаем вашему вниманию особое зрелище, и я надеюсь, среди вас найдется немало тех, кому оно доставит истинное удовольствие, — объявил директор, широко улыбаясь. — Кто из вас любит собак?

Поднялся лес рук. Незнакомец с собакой снова улыбнулся и помахал рукой школьникам, и те, кто сидел близко к нему, радостно приветствовали его таким же образом.

— Так вот, — продолжал директор, — сегодня мы покажем вам дрессированных собак, очень способных. Они умеют делать такие вещи, которые не умеют делать даже некоторые из вас. — Многие школьники захихикали. Элизабет поморщилась. — Я хочу представить вам наших гостей: шоу «Дрессированные собаки» мистера Дэвиса Витсела.

Раздались аплодисменты, и Дэвис Витсел вышел вперед, приняв от директора микрофон, словно не обращая внимания на маленького черного пуделя, который как тень следовал за ним.

— Я вас приветствую, — начал он. — Я счастлив выступать перед такой замечательной публикой и рад, что вы все пришли — пусть вам и пришлось прервать занятия, — скаламбурил он. Снова многие засмеялись. — Ну так вот, я хочу рассказать вам кое-что о собаках. Да, да, о собаках. Поскольку ваши родители не пускают вас к собакам, я привел собак к вам!

Все зааплодировали.

— Итак, — продолжал гость, — прошу внимания, потому что хочу рассказать вам...

Черный пудель ухватил Дэвиса зубами за штанину, и тот сделал вид, будто только что заметил очаровательную собачку.

— А это еще что такое? — спросил он. — Ну, ну, Софи, немедленно отпусти меня!

Собачка отпустила его штанину и снова уселась рядом с ним.

— Значит, — продолжил Дэвис, — на чем я остановился? Я хотел вам рассказать...

Софи снова ухватила его за штанину. Зал разразился громким смехом.

— Что тебе надо, Софи? — спросил Дэвис Витсел. — Ты, кажется, хочешь что-то сказать? — Собачка залаяла. — Что, что? Повтори-ка, а то я боюсь, что ребята не слышали тебя. — Собачка залаяла снова. — А, понимаю, ты хочешь показать ребятам, какая ты умная? — Снова раздался лай. — Ты говоришь, что не одна

такая? Что другие собачки тоже не хуже? Ну, ребята, что вы скажете? Хотите посмотреть, что умеет делать Софи? — Все дружно завопили: конечно, хотят. — Ну вот и хорошо, — заявил Дэвис. — Давай посмотрим, на что ты способна, Софи. Ну-ка, прыгни! — Софи выполнила приказ. — А можешь ты прыгнуть повыше? — Она прыгнула почти до его плеча. — Замечательно! Бьюсь об заклад, что ты еще умеешь делать сальто. — Софи выполнила и это задание. — Ну, что скажете, ребята? Неплохо для начала? А как насчет...

Он заставлял Софи проделывать все новые фокусы — прыгать через обруч, брать барьеры, кувыркаться — и иные удивительные вещи. Когда представление окончилось, Дэвис отпустил собачку, а школьники устроили овацию.

Потом Витсел стал рассказывать, как правильно ухаживать за домашними животными. Он привел данные статистики, рассказал о полезной работе Общества защиты животных, подчеркнул, что живым существам очень нужны любовь и тепло со стороны людей, а также сказал, что ожидает от всех школьников и школьниц помощи в деле защиты четвероногих друзей.

Элизабет внимательно выслушала все это.

Потом снова появилась Софи. Она вела за собой на поводке большого боксера. Дэвис Витсел сначала выразил удивление, а потом все началось сызнова. Он спросил Софи, что она здесь делает вместе с Бруно (так звали боксера). Снова стал «разговаривать» с собачкой, делая вид, что воспринимает ее лай как слова. Элизабет же думала о своем.

Между тем началось новое представление, на этот раз с участием Бруно. Софи ездила на нем верхом, потом они по очереди прыгали через обруч, брали барьер, бегали наперегонки, играли в салки и вообще демонстрировали всяческие способности.

Завершилась программа напоминанием об общей ответственности за животных и пожеланием успехов в учебе. Витсел покинул сцену в сопровождении Софи и Бруно и под бурные аплодисменты аудитории. Директор поблагодарил гостя и сказал, что все могут расходиться по классам.

Когда школьники один за другим стали выходить из зала, Элизабет задержалась. Ева Ричардс хотела тоже остаться, но Элизабет сказала, что задержится. Она терпеливо ждала, пока директор вновь благодарил Дэвиса Витсела и выражал надежду увидеться с ним в следующем году.

Когда директор наконец ушел, Элизабет решительно подошла к гостю:

— Мистер Витсел, не могли бы вы оказать помощь одному из моих друзей?

Бородач улыбнулся:

— Прежде я должен узнать, кто же твой друг.

— Его зовут Абернети. Это собака.

— Ах собака? Ну разумеется, мог бы. В чем затруднение?

— Ему нужно попасть в Виргинию.

— Ему? — переспросил Дэвис. — Послушай, как тебя зовут?

— Элизабет.

— Так вот, Элизабет, — доверительно сказал Витсел. — Может быть, ему вовсе не нужно в Виргинию. Может, ему лучше было бы адаптироваться к жизни в штате Вашингтон. А ты сама хочешь отправиться в Виргинию вместе с ним? Может быть, ты сама жила там раньше?

Девочка покачала головой:

— Нет, нет, мистер Витсел, вы неправильно поняли. До последней недели я и не знала, кто такой Абернети. И главное, он не совсем собака. Это человек, которого заколдовали, и он превратился в собаку. — Заметив, что Дэвис Витсел слушает ее раскрыв рот, девочка поспешила добавить: — Он умеет разговаривать, мистер Витсел, правда. Сейчас его держат в плену в...

Дэвис Витсел чуть не сел.

— Что такое? — перебил он Элизабет. — Ты хочешь сказать, девочка, что твоя собака умеет разговаривать?! Я не ослышался?

Она отступила на шаг, уже побаиваясь, что ошиблась, обратившись к этому человеку.

— Да, как мы с вами, — ответила она.

Бородач задумчиво покачал головой:

— Боюсь, что у тебя богатая фантазия, Элизабет.

Элизабет почувствовала себя глупой.

— Нет, нет, я ничего не сочинила, мистер Витсел. Абернети умеет разговаривать. Это так же верно, как и то, что ему действительно нужно попасть в Виргинию, хотя он не знает, как это сделать. Я думала, что вы, быть может, как-то поможете мне. Вы так хорошо говорили, что о собаках надо заботиться, что все мы должны помогать в этом деле. Абернети — мой друг, и я тоже должна ему помочь, даже если он не настоящая собака...

Дэвис Витсел вдруг поднял руку, и девочка умолкла. Он оглядел зал. Последние несколько школьников уже вышли.

— Мне пора, — тихо сказала Элизабет. — Можете вы помочь Абернети?

Он еще подумал немного, потом ответил:

— Вот что я тебе скажу... — Достав из кармана помятую визитную карточку, Дэвис Витсел передал ее Элизабет. — Приведи ко мне эту свою говорящую собаку. Если все без обмана, то я, конечно, помогу тебе. Я отвезу ее, куда она пожелает. Хорошо?

Элизабет просияла:

— Вы обещаете помочь?

— Конечно, — ответил Витсел.

— Спасибо вам, спасибо огромное, мистер Витсел! — воскликнула Элизабет и, схватив свои книжки, убежала с радостным сердцем.

Поглядев ей вслед, Дэвис Витсел махнул рукой, решив забыть об этом деле.

Майлз Беннетт, юрист, работавший по найму, сидел у себя в рабочем кабинете, в доме неподалеку от Чикаго, за столом, заваленным газетами и бюллетенями. Больше всего ему сейчас хотелось выпить. Майлз уже целую неделю работал над этим проклятым делом об установлении корпоративных налогов, но все еще в разрешении столь запутанной юридической проблемы, можно сказать, не продвинулся ни на шаг. Он работал над этим делом днем и ночью, в конторе и дома, и от этой работы Майлза уже буквально тошнило. Вчера он схватил грипп, и сегодня чувствовал себя паршиво. Он уже провел несколько довольно неприятных часов в офисе, после чего принес бумаги домой, пытаясь разобраться в них, пока он еще не забыл сути дела. Удивительно, как он вообще что-то еще соображал, подумал Майлз с грустью.

Он устало откинулся на спинку кресла. Это был здоровяк с густыми темными волосами и с усами, которые были словно по ошибке приделаны к его лицу, выглядевшему в хорошие минуты почти детским. Во взгляде Майлза читались усталость, обида и горькая ирония по поводу человечества, которое с недоверием относилось даже к самым трудолюбивым и добросовестным юристам вроде него. Но что делать? Любимое дело требует жертв, такова жизнь.

Внезапно Майлз вспомнил о Бене Холидее, своем бывшем компаньоне по «Холидей и Беннетт, лимитед», когда им вдвоем все было нипочем. Бен Холидей любил право и хорошо знал его. Майлз покачал головой. Где-то теперь доктор права Холидей? Якобы борется с драконами и спасает прекрасных дам в каком-то загадочном мире, который, возможно, существует только в его воображении...

А может быть, и нет? Майлз сосредоточенно нахмурился. Что касается дел Бена, то тут никогда нельзя ни в чем быть абсолютно уверенным.

Однако надо было возвращаться к работе. Майлз снова стал было просматривать бумаги, но почувствовал, что глаза слипаются. Нужно поскорее заканчивать и ложиться спать.

В это время зазвонил телефон. Майлз не сразу взял трубку. Он был дома один — Марж играла в бридж, дети были у Вильсонов. Когда телефон зазвонил в третий раз, Беннетт нехотя поднял трубку, недоумевая, какого дьявола кто-то решил позвонить именно сейчас. Ему вообще звонили редко, в основном его жена Марж. Он уже предчувствовал неприятный разговор с назойливым клиентом, который звонит домой, хотя можно все решить в конторе.

— Беннетт слушает, — проворчал он.

— Майлз! Это Бен Холидей.

Беннетт не поверил своим ушам.

— Это ты, док? — изумленно спросил он. — О Боже, а я как раз только что думал о тебе! Как дела? Откуда ты звонишь?

— Из Лас-Вегаса.

— Из Лас-Вегаса?

— Я звонил тебе в офис, но мне сказали, что сегодня тебя уже не будет.

— Да, решил послать все к чертям и уйти.

— Послушай, Майлз, я вынужден просить о большом одолжении. Может быть, я помешал тебе, когда и без меня хватает дел, но это очень важно. Я бы не беспокоил по пустякам.

Беннетт невольно улыбнулся: доктор Бен совершенно не изменился.

— Ну да, человека надо подмаслить, прежде чем жарить на сковородке, — ответил он. — Что случилось?

— Прежде всего мне нужны деньги. Я остановился в «Шангри-Ла» с одним приятелем, но мне нечем заплатить за гостиницу.

На этот раз Майлз рассмеялся:

— Господи, док, но ты же миллионер! Как это у тебя может не быть денег?

— То есть их у меня нет здесь, с собой! Поэтому я и прошу завтра с утра перевести мне телеграфом несколько тысяч. Но только послать их надо на твое личное имя, на Майлза Беннетта. Под этим именем я здесь зарегистрирован.

— Как? Ты воспользовался моим именем?

— Я не мог воспользоваться моим собственным, а ничего другого мне в этот момент в голову не пришло. Не беспокойся, тебе не грозят никакие неприятности.

— Ты хочешь сказать: пока не грозят?

— Перевести деньги нужно в отель, на мой, то есть, собственно, на твой счет. Это можно сделать?

— Да, да, конечно, — ответил Беннетт почти с удовольствием, поудобнее устраиваясь в кресле. — Это и есть то самое большое одолжение?

— Отчасти. Помнишь, Майлз, тебе всегда хотелось узнать, что произошло со мной после того, как я оставил практику? Так вот, считай, что такая возможность появилась. Один из моих друзей, не тот, который со мной здесь, а другой, находится где-то у нас в Соединенных Штатах и попал в беду. Может быть, я ошибаюсь, но скорее так оно и есть. Это необходимо выяснить. Поэтому я прошу связаться с одним из наших агентств по расследованию, чтобы они помогли собрать полные сведения, насколько возможно, о человеке по имени Микел Ард Ри. — Бен повторил это имя по буквам, а Майлз быстро записал его. — У меня есть основания считать, что он живет в США, хотя и нет стопроцентной уверенности. Это, должно быть, человек очень богатый, живущий как отшельник. Но при том он любит тратить деньги. Ты меня понимаешь?

— Конечно, док, — ответил Беннетт, пытаясь разобраться во всем услышанном.

— Да, и вот еще что, только не возражай с порога. Я попрошу выяснить, нет ли где-нибудь каких-либо сведений, сообщений, хотя бы слухов и сплетен насчет говорящей собаки?

— Насчет чего?

— Говорящей собаки. Я понимаю, как это звучит для тебя, но я как раз имею в виду своего второго друга. Его зовут Абернети, и он выглядит как пшеничный терьер. Но при этом он умеет разговаривать. Записал?

Майлз дрожащей рукой записал все, что услышал сейчас от Бена.

— Док, я надеюсь, ты не разыгрываешь меня? — спросил он.

— Это очень серьезно. Абернети — человек, превращенный в собаку. Позже я объясню. Прошу выяснить все, что только возможно, по этим двум вопросам и поскорее прилететь сюда с полученными данными. И сделай это как можно скорее. — Бен помолчал. — Я понимаю, что будет нелегко, но прошу: сделай, что сможешь, Майлз. Все это очень важно для меня!

Майлз недоверчиво хмыкнул:

— Самым нелегким делом, Бен, будет объяснить тем, кто займется расследованием, что мы ищем говорящую собаку!

— По крайней мере можно будет собрать информацию о чем-то хотя бы похожем на это, например, о собаках, которые считаются способными разговаривать. Ты бы мог вырваться сюда?

— Конечно. Для меня это было бы как раз неплохо. Я тут работаю над делом о налогах и уже буквально утопаю в море цифр. Отдых не помешал бы. Так вы остановились в «Шангри-Ла»? А кто там с тобой?

Бен помолчал немного.

— Если я расскажу, ты все равно не поверишь, Майлз, — ответил он. — Прилетай и сам все увидишь. Но не забудь о деньгах. Нам без этого здесь не выжить!

— Не беспокойся, не забуду. Да! — Майлз не сразу решился задать этот вопрос: — У тебя все в порядке, док? То есть не считая того, о чем ты рассказал?

— Со мной все хорошо, Майлз. Ей-богу. Мы вскоре сможем поговорить обо всем здесь. Идет? До встречи. Только ничего не перепутай.

Беннетт рассмеялся:

— Это ты говоришь после того, как меня совершенно запутал?

— Ну, ничего, Майлз. Ты человек толковый. Заранее благодарю.

— До скорой встречи, док!

Разговор закончился. Беннетт повесил трубку и встал.

«Нет, каково, а?» — подумал он улыбаясь.

Напевая веселую мелодию, он подошел к буфету и достал бутылку шотландского виски «Гленливет», которое так любит Бен. Сейчас не выпить было бы просто грехом.

ГЛАВА 11

КАК В СКАЗКЕ

Лежа в темной клетке, Абернети грезил о залитых солнцем лугах Заземелья. Он плохо чувствовал себя и относил это на счет своей неволи и пищи, которую он здесь получал. Писец шкурой ощущал, что вся обстановка этого мира действует на него угнетающе, но проверить эту догадку пока что было невозможно. Во всяком случае, Абернети теперь постоянно дремал или предавался мечтам о хорошей жизни, находя в этом единственную отдушину.

Уже больше двух суток не приходила к нему Элизабет. Зато тюремщики теперь навещали его чаще, и Абернети догадывался, что девочка, очевидно, боится, что ее выследят. Два дня назад к

нему явился Микел Ард Ри. Он бросил на пленника бесстрастный взгляд и опять спросил, не хочет ли тот что-нибудь вручить ему. Когда Абернети посоветовал Микелу не терять времени, тот ушел, не сказав более ни слова.

Последнее время в душе Абернети поселился страх. Он боялся, что ему уже никто не поможет выбраться отсюда, что так и придется умереть в темнице.

И на этот раз мрачные мысли заставили писца выйти из оцепенения, вернуться к жестокой действительности. Может быть, мысль о гибели пугала бы его меньше, если бы возникла прямая угроза жизни? Абернети еще раз подумал о том, есть ли у него выбор в деле с королевским медальоном. Выбора не было. Отдать медальон не позволяли совесть и чувство долга. Никак нельзя было вручать столь могущественный волшебный талисман такому лиходею, как Микел Ард Ри. Уж лучше умереть, чем совершить подобный поступок. С другой стороны, если он, Абернети, погибнет, кто тогда помешает Микелу снять медальон с мертвого тела?

Эти мысли буквально приводили Абернети в отчаяние. Он снова закрыл глаза, надеясь забыться...

— Абернети, Абернети, проснись! — услышал писец знакомый голос. С трудом открыв глаза, он увидел перед собой Элизабет. — Да проснись же, Абернети, — повторила она нетерпеливо.

Он с трудом поднялся, разгладил грязную одежду, полез в кармашек жилета за очками и надел их.

— Я не сплю, Элизабет, — заверил он девочку.

— Ну и хорошо! — прошептала она. — Мы должны выбраться отсюда прямо сейчас!

Не веря своим глазам, Абернети увидел, как девочка достала ключ, вставила его в замок и открыла дверь клетки.

— Ну, что скажешь? — спросила она, не скрывая радости.

— Элизабет...

— Я взяла ключ в караульном помещении, где висят запасные, — продолжала девочка. — Сейчас пока не хватятся. А я еще успею повесить его на место, прежде чем обнаружат пропажу. Не беспокойся, меня никто не видел.

— Элизабет... — повторил он, не находя слов.

— Скорее, Абернети. Чего же ты ждешь?

Абернети, пожалуй, и сам не знал чего.

— По-моему, это ужасно опасно для тебя, — пробормотал он.

— Ты хочешь выйти отсюда или нет? — спросила Элизабет уже с некоторым раздражением.

Откуда-то из коридора, из-за запертых дверей, послышался лай и визг несчастных собак.

— Конечно, хочу! — поспешно ответил Абернети, выбираясь из клетки.

Впервые за время заточения он получил возможность выпрямиться и сразу почувствовал себя намного лучше.

— Пора, Абернети. Скорее! — повторила девочка.

Они вместе прошли через отверстие в стене. Впереди Абернети увидел лестницу. Элизабет нажала на рычажок в стене, и за ними закрылась потайная дверь. Теперь лая больше не было слышно.

Девочка тут же зажгла электрический фонарик. К своему удивлению, Абернети еще помнил то, что он читал в журнале об этих карманных фонариках в тот день, когда прятался в спальне девочки. Значит, неволя не так уж подточила его силы.

Элизабет пошла вперед, Абернети — за ней.

— У нас мало времени, — сказала она. — Колсы уже приехали. Они хотят отвезти меня на концерт нашего школьного хора. Помнишь мою подругу Ниту? Это ее родители. Они сейчас в гостях у моего папы, сидят и ждут, когда я переоденусь. — Только теперь Абернети заметил на ней бело-розовое платье с оборками. — Они думают, что я сейчас занимаюсь именно этим. А Нита — у меня в комнате, как будто бы мне помогает, а на самом деле ждет, пока я вернусь. В нужный момент она скажет папе и своим родителям, что я сейчас приду. А тем временем я успею довести тебя до двери, которая выходит во двор. Там стоит машина Колсов, и ты сможешь спрятаться в багажнике. Стража не будет проверять их машину, раз с ними едет мой папа.

— Ты говоришь про автомобиль, про один из тех механизмов, которые... — начал удивленный Абернети, глядя во все глаза на Элизабет.

— Чшш! Тихо! Да, про автомобиль. Слушай! Когда мы приедем на место и пойдем в школу, я скажу Колсам, что мне нужно вернуться за кошельком, который я нарочно оставлю в машине, открою багажник и выпущу тебя. Здорово?

Абернети с сомнением покачал головой:

— А что, если ты не сможешь выпустить меня? Да и смогу ли я дышать в этом... багажнике? Что, если меня...

— Абернети! — перебила его Элизабет, не в силах больше слушать его сетования. — Только не беспокойся, ладно? Я вытащу тебя оттуда. И в багажнике ты сможешь нормально дышать, поверь мне. Теперь послушай: один человек может помочь тебе добраться до Виргинии! — Они дошли до лестничной площадки и останови-

лись у какой-то двери. — Этого человека зовут мистер Витсел, — радостно продолжала Элизабет. — Он дрессирует собак, выступал у нас в школе и рассказывал о том, как правильно ухаживать за животными, ну и все такое. Мистер Витсел говорил мне, что если я тебя приведу к нему, то он поможет тебе.

Элизабет открыла дверь, передала свой фонарик Абернети и быстро скрылась за следующей дверью. Абернети трясся словно от холода, боясь ненароком угодить в лапы служителей Микела Ард Ри.

Но слава Богу, Элизабет вскоре вернулась и принесла ему плащ, шарф, перчатки и шляпу с полями.

— Давай одевайся, — велела она писцу. — Я нашла эту одежду в кладовке, где держат всякое старое барахло.

Пока Абернети одевался, девочка снова взяла у него фонарик. Пальто висело на Абернети мешком, а шляпа наполовину закрывала лицо.

— Ты похож на шпиона, — захихикала Элизабет и мгновенно зажала рот руками.

Затем подхватила Абернети под руку, быстро провела его через кладовую, где хранились швабры и тряпки, потом по коридору к винтовой лестнице, которая вела на нижний этаж, к дверям, выходившим на задний двор.

Сквозь стеклянные двери Абернети увидел у стены замка автомобиль. Двор был освещен электрическим фонарем, но людей, казалось, не было.

— Ты готов? — спросила Элизабет.

— Готов, — ответил он.

Отворив двери, Элизабет бросилась к автомобилю, а за ней — Абернети. Девочка успела открыть багажник, когда писец добежал до автомобиля.

— Давай залезай быстрее, только не бойся, — прошептала она и помогла влезть в багажник. — Потерпи немного. Я выпущу тебя, как только мы доедем до школы, — пообещала девочка, прежде чем закрыть багажник.

Через несколько минут Абернети услышал голоса людей, приближавшихся к автомобилю, потом кто-то открыл и снова закрыл дверцы машины, после чего заработал двигатель. Когда же автомобиль тронулся, постепенно набирая скорость, началась тряска, и писцу пришлось туго. Внутри багажника был постлан ковер, но, несмотря на это, Абернети не раз получал чувствительные удары. Он пытался найти какую-то точку опоры, однако ухватиться было не за что. Сверх того, от автомобиля исходил отвратительный за-

пах, от которого Абернети стало тошнить. Ему уже казалось, что этот кошмар никогда не кончится, но тут машина замедлила ход и остановилась. Дверцы снова открылись и закрылись, вновь послышались голоса, постепенно затихшие. Пассажиры ушли. Абернети, получивший желанную передышку, лежал, потирая ушибленные места, и терпеливо ждал возвращения девочки. Он поклялся себе, что, случись ему благополучно вернуться в Заземелье, он никогда даже и думать не посмеет о повторении ужасного путешествия на таком механическом чудовище.

Время шло, а Элизабет все не возвращалась. Абернети уже стал беспокоиться, что случилось худшее: девочке помешали вернуться к нему, и теперь он так и останется в этом багажнике, словно в ловушке. Потом писец начал дремать и уже почти заснул, когда услышал чьи-то шаги.

Снова открылась дверца машины, потом кто-то поднял крышку багажника, и Абернети вновь увидел Элизабет. Она задыхалась от быстрой ходьбы.

— Поспеши, Абернети, — сказала она. — Мне сразу же надо вернуться. Прости, что я заставила тебя столько ждать, но дело в том, что папа непременно хотел идти со мной, и мне пришлось пойти на хитрость... Как ты себя чувствуешь? У тебя такой помятый вид! О, извини меня, Абернети, мне очень жаль, что так вышло!

— Ничего, ничего, — поспешно ответил писец. — Тебе не нужно извиняться. Со мной все хорошо, Элизабет. — Вдали появились какие-то люди, видимо, опоздавшие, и Абернети поспешно укутался в плащ и надвинул шляпу на глаза. — Милая Элизабет, благодарю тебя за все, — тихо сказал он.

Она обняла его и быстро отстранилась.

— Мистер Витсел живет в двух милях отсюда, если идти на север, — сказала девочка. — Иди вон по той улице, видишь? Когда заметишь табличку с надписью «Форест-парк», поверни направо и смотри на номера домов, пока не найдешь номер двадцать девять восемьдесят шесть. Этот дом будет на левой стороне улицы. Прощай, Абернети!

Они снова обнялись, и Абернети сказал ей:

— Не волнуйся, Элизабет, я обязательно найду тебя. И еще раз спасибо.

— Мне пора, — сказала девочка. Она пошла к школе, но вдруг повернула назад. — Чуть не забыла! Вот, возьми. — И Элизабет вручила ему небольшой конверт.

— Что это?

— Обещанные деньги на авиабилет, в общем, на что понадобится.

Он попытался вернуть девочке деньги, но она воспротивилась:

— Нет, нет, они могут понадобиться тебе. В крайнем случае вернешь, когда мы с тобой увидимся в следующий раз.

— Элизабет...

— Нет, оставь их себе, — повторила она. — До свидания, Абернети. Я буду скучать по тебе.

И она побежала в сторону школы.

— И я по тебе, Элизабет, — прошептал Абернети, глядя ей вслед.

Было уже около полуночи, когда Абернети дошел до нужного ему дома. Перед этим он свернул не туда и с трудом нашел дорогу. Окна маленького уютного домика закрывали жалюзи, но одно из них частично оставалось открытым, и там Абернети заметил человека, дремавшего в кресле.

Рядом с его креслом горел светильник, единственный в доме.

Писец подошел к двери и осторожно постучал. Не услышав ответа, он постучал снова.

— Ну кто там еще? — проворчал хозяин. Абернети не знал, что ответить, а потому молчал. Вскоре тот же голос произнес: — Ну хорошо, подождите минутку, сейчас открою.

Послышались шаги за дверью, потом дверь отворилась. На пороге стоял человек, которого Абернети видел в окно, — бородач с заспанными глазами. Он был в синих брюках (кажется, они называются джинсами), в расстегнутой рубашке и майке. Рядом с хозяином стоял маленький черный пудель.

— Вы мистер Витсел? — спросил Абернети.

Бородач уставился на гостя, раскрыв рот.

— Ах... да, — вымолвил он наконец.

— Меня зовут Абернети, — сказал писец, беспокойно озираясь. — Вы, кажется, слышали...

Хозяин, видимо, окончательно проснулся и понял, о чем идет речь. Он слабо улыбнулся:

— Помню! Мне говорила девочка в школе имени Франклина! Она еще сказала, что вы сидели где-то взаперти, верно? Ну конечно, вы говорящая собака!

— Человек, превращенный в собаку, — уточнил Абернети не без раздражения.

— Конечно, конечно, она говорила то же самое. — Хозяин отошел в сторону. — Ну что же, входите, э... Софи, назад! Позвольте

повесить ваш плащ. О, кажется, он вам великоват! Шляпа тоже не по размеру. Проходите, садитесь.

— Кто там, Дэвис? — услышал Абернети женский голос.

— О, ничего особенного, Элис. Тут ко мне зашел приятель, — ответил Витсел. — Спи! — Наклонившись к гостю, заговорщицки прошептал: — Это моя жена, Элис.

Он усадил Абернети на кушетку. Софи обнюхала писца, завиляла хвостом и стала радостно тявкать. Для Абернети это было совершенно некстати, и он отмахнулся от нее. Хозяин подошел к ящику на подставке, в котором гость узнал телевизор, и повернул какую-то ручку, после чего звук стал тихим. Потом Витсел уселся напротив Абернети, разглядывая его с острым любопытством.

— Сказать по правде, — продолжал Витсел вполголоса, — я тогда решил, что девочка хотела меня разыграть. Я думал, что она все это сочинила, но... — Он умолк, видимо, обдумывая свои слова. — Итак, вас превратили в собаку? В пшеничного терьера?

— Мягкошерстного, — добавил Абернети, осматривая комнату.

— Ну, понятно. — Витсел встал. — У вас очень усталый вид. Не хотите ли перекусить? Ну конечно, я говорю о настоящей еде — ведь вы человек, верно? Пойдемте на кухню, я что-нибудь приготовлю.

Из гостиной они прошли на кухню, окна которой выходили на задний двор. Хозяин открыл холодильник и достал оттуда ветчину, овощной салат и пакет с молоком. Угощая Абернети, Витсел все продолжал говорить об их замечательной встрече. «Боже всемогущий, действительно говорящая собака!» — эти слова он повторил, кажется, раз десять. Абернети было не по себе, но он предпочел держать раздражение внутри. Потом хозяин налил себе пива и сел рядом с гостем:

— Знаете, эта девочка... как ее зовут?

— Элизабет.

— Да, Элизабет. Так вот она говорила, что вы хотите попасть в Виргинию. Это верно?

Абернети кивнул, продолжая жевать. Он действительно сильно проголодался.

— А зачем вам нужно в Виргинию?

Абернети подумал, прежде чем ответить.

— У меня там друзья, — сказал он наконец.

— Но разве нельзя им просто позвонить? — спросил хозяин.

— Как это — позвонить? — не понял писец.

— Ну, по телефону.

— Ах, по телефону! — Абернети вспомнил, что это за штука. — Но у них нет телефона.

— Вот как?! — Дэвис Витсел улыбнулся. Он пил пиво и задумчиво смотрел на Абернети, который заканчивал свой ужин. Наконец хозяин осторожно сказал: — Будет не так легко доставить вас туда.

Абернети помолчал немного, затем нерешительно заметил:

— У меня есть немного денег на дорогу...

Витсел пожал плечами:

— Пусть так, но нельзя же вас просто посадить на самолет или поезд. Сейчас же возникнут всякие вопросы, кто вы такой и что все это значит. Простите, но вы должны понять: люди не привыкли видеть собак, которые одеваются, ходят на задних лапах да еще и разговаривают. — Он откашлялся и продолжил: — К тому же эта школьница говорила мне, что вы были чьим-то пленником.

Абернети кивнул:

— Элизабет помогла мне бежать.

— Тогда, быть может, оказывать вам помощь небезопасно. Кому-то ваше исчезновение, очевидно, доставит неприятности, и за вами устроят погоню. А значит, мы должны быть предельно осторожными, правда же? Знаете, ведь не так много на свете собак... простите, людей, вам подобных. Поэтому нам придется делать все побыстрее. А чтобы у нас не было лишних хлопот, вам лучше меня слушаться во всем, понимаете?

Абернети кивнул:

— Понимаю. — Он допил молоко. — Но сможете ли вы помочь?

— Конечно! Само собой! Но сейчас вам лучше всего немного поспать. А утром мы что-нибудь придумаем, хорошо? Тут рядом есть свободная комнатка. Вы можете ее занять. Конечно, Элис все это не понравится, она вообще не любит того, что ей непонятно. Но не беспокойтесь, это я беру на себя.

Хозяин проводил гостя в комнату, показал ему душевую, выдал пару чистых полотенец и пожелал доброй ночи. При этом Витсел все толковал о какой-то «неповторимой возможности», которую нельзя упустить, о том, что главное — найти правильное решение.

Абернети почему-то раздражало это бормотание, но он так устал, что думать сейчас был просто не в состоянии. Он улегся в постель и закрыл глаза. В доме наступила полнейшая тишина. Только ветви дерева, похожие на когтистые лапы, изредка постукивали в окно. Но Абернети уже ничего не слышал. Он спал как убитый.

ГЛАВА 12

ИЕРИХОН

Уже близилась ночь, когда советник Тьюс, кобольды и кышгномы добрались до Риндвейра. Серое небо почернело, туман повис над лугами Зеленого Дола, придав всему окружающему ореол таинственности. Дождь все не прекращался, и казалось, он будет идти вечно. В темноте трудно было понять, откуда доносились те или иные звуки. Как это нередко бывает в сумерках, особенно в ненастье, все окружающее стало словно полупрозрачным.

Сапожок, ведший маленький отряд, осторожно перешел мост через водное пространство, отделявшее луга от плоскогорья, на котором возвышался замок Каллендбора. Дальше путь Тьюса и его спутников лежал через небольшой городок в окрестностях замка. Они медленно ехали по дороге среди домиков и лавок. В тумане здания выглядели загадочно, видимо, из-за того, что изнутри освещались свечами. Дорога раскисла от дождя, и лошадям было нелегко продвигаться. Прохожие бросали любопытные взгляды на незнакомцев, но быстро отворачивались и шли своей дорогой.

— Я хочу есть! — захныкал Щелчок.

— А у меня нога болит, — заныл Пьянчужка.

Но Сапожок зашипел на гномов, и они умолкли.

И вот перед ними из тумана вырос замок Риндвейр, похожий благодаря своим стенам, башням, бойницам на огромное чудовище. Стены его были около ста футов высотой, а верхушки самых высоких башен нельзя было разглядеть из-за низких туч. Флаги на башнях обвисли, тускло освещаемые факелами. Десятки часовых, промокших до нитки, стояли на стенах замка. Огромные внешние ворота отворились, и путники оказались перед опущенной решеткой. Внутренние ворота оставались запертыми. Это был недобрый знак, и у волшебника и его спутников к чувству усталости добавилось еще чувство тревоги.

Стражи у ворот остановили путников, велели изложить суть дела, по которому явились сюда, только после этого разрешили укрыться в нише в стене и подождать, когда об их приходе доложат хозяину. Советник никак не мог обрадоваться такому приему: как же можно заставлять долго ждать посланца короля! Наконец прибыли сопровождающие с извинениями за задержку, но волшебник не замедлил выразить им свое недовольство. В конце концов он и его спутники были представителями короля, а не просителями. Вассалы небреж-

ным тоном повторили свои извинения и пригласили гостей следовать за ними.

Гости спешились и, оставив верховых лошадей и вьючных животных в укрытии, прошли по галереям, соединявшим внутренние ворота с замком. Здесь люди Каллендбора открыли едва заметную дверь в стене, после чего началось шествие по бесчисленным коридорам, пока не пришли в огромный зал, обогреваемый большим камином.

Лорд Каллендбор стоял у камина так близко к огню, что волшебник даже испугался, как бы пламя не опалило хозяина. Это был высокий, могучий человек, чье огромное тело покрывали шрамы — память о многочисленных битвах, в которых ему довелось участвовать. Даже в домашней обстановке он был в кольчуге и при нескольких ножах и кинжалах. Огненно-рыжие волосы на голове и борода придавали лорду необычный вид, особенно при свете пылающего камина. Когда хозяин пошел навстречу гостям, то в первую минуту могло показаться, что он несет с собой пламя. Каллендбор кивнул вассалам, и они молча удалились.

— Рад тебя видеть, советник Тьюс, — сказал лорд, протягивая волшебнику огрубелую руку.

Пожимая руку хозяина, Тьюс заметил:

— Встреча могла быть и более радостной, милорд, если бы меня и моих спутников не заставили долго ждать на холоде.

Кобольды проворчали что-то, видимо, в знак согласия, гномы же спрятались за спину волшебника. Каллендбор бросил на них беглый взгляд, после чего обратился к волшебнику:

— Примите мои извинения. Время сейчас неспокойное, я должен соблюдать осторожность.

— Осторожность?! — нахмурился волшебник. — Это еще мягко сказано, милорд. Я заметил, что у тебя стало куда больше стражи, усиленная охрана стоит у ворот, решетки опущены, да и сам ты в кольчуге в собственном замке. Можно подумать, что тебя осадили враги.

Каллендбор отвернулся и стал смотреть на огонь.

— Может быть, так и есть, — заметил он. — Однако что привело тебя в Риндвейр, советник Тьюс? Какое-нибудь новое поручение Его Величества, не так ли? Чего он на этот раз хочет — чтобы я принял участие в битве со злыми духами? Чтобы снова гнался за черным единорогом? Скажи мне, чего он еще желает?

Советник подумал, прежде чем ответить. Каллендбор задавал вопросы так, словно уже заранее знал ответы на них.

— У короля украли одну вещь, — сказал наконец Тьюс.

— Вот как?! — Лорд по-прежнему глядел на огонь. — Что же это такое? Уж не бутылка ли? — Волшебник затаил дыхание. — Бутылка с нарисованными на ней танцующими клоунами, не так ли? — тихо спросил лорд Каллендбор.

— Значит, эта бутылка у тебя, — заметил волшебник. Это был не вопрос, а утверждение.

Каллендбор повернулся лицом к волшебнику. Он улыбался так зловеще, что кобольдам было далеко до него.

— Да, советник Тьюс, она у меня, — ответил лорд. — Мне принес ее тролль, жалкий воришка. Он украл ее у других троллей, после того как они из-за нее жутко перессорились. После драки он выжил и, раненный, явился ко мне с этой бутылкой. Не будь он тяжело ранен, этот тролль, он бы сохранил способность соображать и тогда не явился бы ко мне... — Каллендбор покачал головой. — Этот воришка сказал мне, что бутылка волшебная, что в ней живет какой-то злой дух, мелкая тварь по прозвищу Злыдень, и этот Злыдень может выполнить любое желание владельца бутылки. Я сначала посмеялся над ним, волшебник. Ты знаешь: я никогда не верил в колдовство, я верил только в силу оружия. Тролль сказал, что хочет продать бутылку, и я спросил, зачем ему продавать такую драгоценность. Но, увидев его испуганные глаза, я понял, зачем он это делает. Он боялся этой бутылки, боялся страшной силы, которая в ней заключена. Вору хотелось избавиться от нее, но он был слишком жаден и хотел что-то получить взамен. По-моему, он верил, что существо, живущее в бутылке, повинно в гибели его собратьев-троллей.

Волшебник молча слушал, желая понять, куда клонит хозяин, хотел дать ему выговориться.

Каллендбор вздохнул:

— А знаешь, какую цену я дал за нее?.. Я велел обезглавить тролля и водрузить его голову над воротами. Вы не заметили ее, когда проезжали там? Так вот, я это сделал, чтобы напомнить всем негодяям, что мне не нужны воры и проходимцы. — Щелчок и Пьянчужка прижались к Тьюсу. Он наклонился и покровительственно похлопал того и другого по спине. Потом поднял голову, услышав, что хозяин снова обращается к нему. — Ты утверждаешь, советник Тьюс, — продолжал Каллендбор, — что бутылка принадлежит Его Величеству? Но на ней нет королевского знака, а если так, она может принадлежать кому угодно. И тем не менее я отдам тебе эту бутылку. — Он помолчал. — После того как я закончу одно дело с ее помощью.

Наступила тишина, только слышно было, как трещат дрова в камине. Тьюс находился под влиянием противоречивых чувств.

— О чем ты говоришь? — спросил он наконец.

— О том, — спокойно ответил хозяин замка, — что я хочу испытать силу ее волшебства.

Во взгляде Каллендбора появилось что-то новое: не гнев, не решимость, но какое-то иное чувство, не свойственное прежде этому человеку.

— Тебе следует изменить решение, — быстро сказал волшебник.

— Почему же следует, советник Тьюс? Просто потому, что тебе так хочется?

— Потому, что эта колдовская бутылка весьма и весьма опасна.

Каллендбор засмеялся:

— Колдовство не пугает меня.

Советник начал сердиться.

— Разве ты хочешь бросить вызов королю? — спросил он.

Каллендбор помрачнел.

— Но здесь нет Его Величества, — ответил он. — Ты здесь один, советник Тьюс.

— Но я его представляю здесь!

— В моем доме?! — Каллендбор также начал злиться. — Не торопись с этим делом.

Волшебник молча кивнул. Теперь он понял, что попал в самую точку. Лорд Каллендбор отчаянно жаждал чего-то. Но чего? Что он надеялся получить от Злыдня?

— Нам нет нужды ссориться, милорд, — сказал Тьюс примирительно. — Поведай только, для чего тебе понадобилась бутылка?

Тот покачал головой:

— Не сейчас, советник Тьюс. Завтра будет время об этом поговорить. — Он хлопнул в ладоши, и на этот звук прибежали слуги. — Приготовьте баню, сухую одежду и хороший ужин для гостей, — распорядился хозяин. — Потом уложите их спать.

Советник Тьюс неохотно повернулся, чтобы уйти, но вдруг снова заговорил:

— Все же я думаю...

— А я думаю, — перебил его Каллендбор, — что тебе нужно сейчас отдохнуть, советник Тьюс.

Волшебник понял, что аудиенция на сегодня закончена. Ему оставалось только ждать своего часа.

— Ну хорошо, милорд, — ответил Тьюс. — Желаю тебе доброго сна.

Поклонившись, волшебник вышел, сопровождаемый гномами и кобольдами.

Поздно ночью, когда все уснули, советник Тьюс вернулся. Он неслышно прошмыгнул по коридорам, скрываемый от глаз стражников с помощью волшебных приемов. Тьюс и сам точно не знал, чего он добивался. Пожалуй, ему нужно было проверить, правду ли сказал владелец Риндвейра. Волшебник опасался худшего.

В большой зал он пробрался незамеченным, обойдя часовых по одному из боковых коридоров и войдя в неосвещенную переднюю. Здесь Тьюс постоял немного, ожидая, когда глаза его привыкнут к темноте. Он хорошо знал этот замок, как и другие замки Заземелья. Крепость Риндвейр, как и остальные, представляла собой лабиринт из коридоров и комнат, многие из которых были потайными. Волшебник узнал немало об их расположении (может быть, больше, чем ему полагалось), еще будучи вестником на службе старого короля.

Когда глаза советника наконец стали различать предметы, он нащупал деревянный рычажок, осторожно нажал на него, и в стене открылось небольшое отверстие.

Каллендбор сидел в огромном кресле у камина, а на коленях у него лежала та самая бутылка. Лорд улыбался, но улыбка его была странной и неприятной. Злыдень скользил по комнате. Глаза его горели, словно огонь в камине, но только взгляд обитателя бутылки выражал беспощадную злобу. Волшебник почувствовал, что он не мог бы смотреть Злыдню в глаза больше мгновения.

Каллендбор позвал Злыдня, и тот, словно кошка, взобрался по руке хозяина на его плечо и довольно заурчал.

— О, хозяин, великий господин, я чувствую в тебе огромную силу, — прошипел он.

Каллендбор засмеялся:

— Ладно, оставь меня. Иди поиграй.

Злыдень снова спрыгнул на пол, подбежал к камину и сиганул в огонь. Он стал плясать, играя с языками пламени, словно плескался в воде.

— Порождение тьмы, — прохрипел Каллендбор, поднимая кружку с пивом. Рука его дрожала. Пиво пролилось на пол. Лорд был уже сильно пьян.

Советник стал подумывать о том, как бы украсть у Каллендбора бутылку вместе с ее гнусным обитателем, чтобы сразу покончить с этим безумием. Риск для волшебника не большой. Надо дождаться, пока хозяину наскучит его игра и он вернет бутылку в тайник. Тог-

да бы волшебнику оставалось только изъять оттуда это «сокровище» и бежать, захватив с собой гномов и кобольдов.

Мысль была очень соблазнительной, но все же Тьюс отказался от этого замысла — все, кто похищал эту бутылку, кончали плохо. Кроме того, советник никогда ничего не крал, и ему вовсе не хотелось браться за воровство. Наконец, владетель обещал вернуть бутылку, закончив какое-то дело, а потому надо бы подождать. При всех своих недостатках он до сих пор слыл человеком слова.

Волшебник в последний раз бросил взгляд на хозяина замка. Тот сидел в кресле, уставившись на огонь, а в камине танцевал хохочущий Злыдень.

Волшебник закрыл тайное отверстие в стене, в сомнении покачал головой и удалился на покой.

Утро следующего дня было ясным. Дождь наконец перестал, и небо стало ясным, безоблачным и по-летнему синим. Даже освещенный ярким солнцем, огромный замок Риндвейр выглядел мрачно, как и вчера.

Рано утром волшебника и его спутников разбудили слуги Каллендбора. Юный паж сообщил, что им предлагалось позавтракать вместе с хозяином, после чего предстояло отправиться вместе с ним на верховую прогулку.

Кыш-гномы уже были сыты по горло гостеприимством владельца замка и упрашивали советника разрешить им спокойно посидеть у себя в комнате. Волшебник пожал плечами и согласился, радуясь про себя, что будет избавлен от их постоянного нытья и сможет думать только о деле. Надо было найти способ поскорее забрать бутылку у Каллендбора, пока он не наделал бед со своим Злыднем. Приказав Сельдерею накормить гномов и присматривать за ними, советник Тьюс вместе с Сапожком поспешил на завтрак с лордом по его приглашению.

Однако сам Каллендбор явился уже в конце завтрака, снова в тяжелой броне, вооруженный с головы до ног. В руке у него была сумка, и Тьюс сразу понял, что там лежит бутылка. Лорд Каллендбор сухо поприветствовал волшебника и жестом пригласил его следовать за собой.

Они вышли во двор замка, где их уже ждали несколько сотен тяжеловооруженных конных рыцарей. Хозяин велел привести своего коня, а также лошадь советника, уселся верхом и приказал рыцарям построиться. Советник Тьюс поспешил последовать примеру Каллендбора. Открылись ворота, поднялись решетки, и весь отряд выехал из замка.

Волшебнику полагалось ехать впереди, рядом с Каллендбором, а Сапожок, как всегда, быстро шел пешком, стараясь держаться в стороне, чтобы ему не запорошило глаза пылью из-под конских копыт. Советник Тьюс сначала пробовал искать скорохода глазами, но тот вскоре исчез из поля зрения, и волшебник сосредоточился на наблюдении за владетелем. Пока они ехали через город, Каллендбор молчал. Люди, стоявшие в дверях домов и магазинов, провожали глазами лорда и его спутников. Несколько человек выкрикнули приветствия в честь своего господина, но тем дело и ограничилось. Горожане не знали, что затеял Каллендбор, да, видно, и не хотели знать. Единственное, что их беспокоило, — это собственная безопасность. Они боялись могущественного лорда, но не любили его. В Зеленом Доле правили двадцать лордов, но Каллендбор считался самым сильным из них, а остальные до сих пор относились к нему с почтением.

— Меня предали, советник Тьюс! — внезапно заговорил Каллендбор. — Я действительно чувствую себя как в осаде, чего раньше и вообразить не мог. Заметь, меня предали мои же собратья — лорды Стост, Харанди, Вилс, — те, кому, казалось, я вполне мог доверять, или по крайней мере я был уверен в том, что они не осмелятся ничего предпринять против меня. Но больше всего поразил меня Стрехан — именно его я считал своим другом, советник Тьюс. Он подобен неблагодарному ребенку, кусающему руку отца.

В это время конный отряд проехал по мосту и выехал на зеленую равнину. Советник Тьюс попытался представить себе высокого, угловатого, угрюмого Стрехана в виде неблагодарного ребенка или вообще в виде ребенка, но не смог этого сделать.

— Они вчетвером построили эту... крепость, советник Тьюс! — гневно воскликнул Каллендбор. — Они воздвигли ее у Сирского водопада, на границе моей земли! И еще говорят, что это всего лишь аванпост. За дурака меня считают, что ли?! Эта крепость выше, чем Риндвейр, и она господствует над моей восточной границей. Стоит им захотеть, они смогут перекрыть реку плотиной, лишив мои поля орошения! Эта крепость — неслыханное оскорбление, нанесенное мне, волшебник! — Он наклонился к Тьюсу и сказал, понизив голос: — Я, конечно, в один миг разрушил бы ее, но она охраняется соединенными силами этих четырех псов. Я не могу разгромить их, не обескровив собственного войска, что поставило бы меня в очень опасное положение. Поэтому я и вынужден пока что терпеть эту мерзость. — Он выпрямился, и глаза его гневно сверкнули. — Но больше терпеть не желаю!

Советник все понял.

— Милорд, колдовские чары этой бутылки очень опасны... — начал он.

— Опасны?! — возмущенно перебил его Каллендбор. — Ничто не может быть опаснее, чем это сооружение! Оно должно быть разрушено. И если бутылка поможет мне достичь этой цели, то плевать я хотел на прочие опасности!

Он пришпорил коня и вырвался вперед, осыпав Тьюса дорожной пылью. Волшебник почувствовал, что он бессилен остановить надвигавшиеся события.

Они долго ехали на северо-восток, пока около полудня не достигли водопада. Громадная каменная крепость, возвышающаяся над обрывом, ощетинилась многочисленными бойницами. На стенах ее было установлено множество машин для отражения штурма. На парапетах стояли вооруженные воины, а мосты охраняли конные отряды. При приближении Каллендбора в крепости зазвучали трубы и послышались громкие команды, словно там только и ждали появления владельца Риндвейра.

По команде Каллендбора его люди остановились в нескольких сотнях ярдов от возвышенности, где стояла крепость. Каллендбор подозвал одного из своих рыцарей:

— Передай тем, кто в крепости: они должны покинуть ее ровно в полдень. Скажи, что крепость будет взорвана немедленно. Поезжай!

Рыцарь ускакал, а Каллендбор со своими людьми остался ждать. Советник Тьюс еще раз обдумывал возможность разговора с ним об опасностях, которые связаны с бутылкой и ее зловещим обитателем. Мудрее было бы дать сейчас лорду довести свое дело до конца и сразу после этого брать бутылку. Волшебник сам был не в восторге от такого решения, но, увы, другого выхода не видел. Вдруг Тьюс вспомнил о короле и об Абернети, и эти воспоминания расстроили его еще больше. Не много же он сделал до сих пор, чтобы помочь им обоим!

Между тем гонец вернулся. Он сообщил, что гарнизон крепости вовсе не собирается уходить, что ее защитники просто посмеялись над ультиматумом Каллендбора. Лорд Зеленого Дола злобно усмехнулся, выслушав доклад гонца, после чего уставился на крепость и не сводил с нее глаз до наступления полудня.

А ровно в полдень Каллендбор снова уселся на коня и сказал волшебнику:

— Поезжай за мной, советник Тьюс.

Они проехали сотни ярдов вдоль берега реки, после чего снова остановились и спешились. Каллендбор встал так, чтобы лошади послужили ему укрытием и его люди не видели бы, чем он зани-

мается. Затем отвязал сумку от седла и достал из нее раскрашенную бутылку.

— Ну, теперь посмотрим, — шепотом сказал он.

Вытащив пробку, Каллендбор выпустил Злыдня.

— Слушаю тебя, хозяин, — прошипел тот. — Чего желаешь?

— Разрушь вон ту крепость, — ответил Каллендбор и добавил, искоса поглядев на Тьюса: — Если, конечно, твои чары достаточно сильны!

— Хозяин, сила моих чар равна твоей жизненной силе, — презрительно ответил Злыдень.

Выбравшись из бутылки, он быстро проскользнул по берегу, а потом пошел по водной глади, словно это была обычная лужайка. Перебравшись на ту сторону, он дошел до крепости и остановился, задрав голову. Потом Злыдень вдруг начал лихо отплясывать, окруженный разноцветным сиянием, и тут же рядом с ним словно из-под земли вырос огромный рог. Злой дух отбежал на сотню ярдов — и второй рог явился на свет. Злыдень перебежал на новое место — и третий огромный рог вырос рядом с ним.

Дух тьмы показал на крепость — и все три рога начали трубить сами собой. Звук рогов был мощным и напоминал вой бури в глубоком ущелье.

— Смотри-ка! — прошептал восхищенный Каллендбор. Его глаза метали молнии.

Земля вокруг задрожала от рева рогов, но сильнее всего земля тряслась там, где стояла крепость. В стенах ее появились трещины, куски камня стали отламываться и падать вниз. Рога ревели все громче. Каллендбор и волшебник с трудом стояли на ногах. Лорд вынужден был взять в руки поводья обеих лошадей, чтобы животные не убежали с испугу.

— Отродье тьмы! — вскричал Каллендбор, глядя на жуткую картину.

Звук рогов между тем еще усилился, и земля вокруг покрылась трещинами. Стены крепости рушились, напоминая горный обвал. Изнутри доносились вопли людей. Через несколько минут от стен и башен осталась только груда развалин. И тогда все три огромных рога умолкли и исчезли. Земля перестала дрожать. Теперь, кажется, в округе никого не осталось живых, кроме волшебника, Каллендбора и его людей, пораженных ужасом.

Злыдень снова перебрался через реку, вернулся к хозяину и уселся на горлышко бутылки, злобно ухмыляясь.

— Ну вот, хозяин, твой приказ исполнен, — прошипел злой дух.

— Да, Злыдень, сила твоя велика! — воскликнул Каллендбор возбужденно.

— Это же твоя сила, твоя, хозяин! — заверил Злыдень.

— Милорд... — начал встревоженный волшебник, увидев выражение лица Каллендбора. Но тот просто отмахнулся.

— Возвращайся в бутылку, малыш, — сказал он Злыдню. Тот послушно нырнул внутрь, и Каллендбор заткнул горлышко пробкой.

— Помни свое обещание, — сказал волшебник, протягивая руку за бутылкой.

Но Каллендбор спрятал бутылку за спину.

— Да, конечно, советник Тьюс! — ответил он. — Я отдам ее тебе, но только когда она не будет мне самому нужна. Она может мне еще понадобиться...

Не дожидаясь ответа волшебника, он сел на коня и ускакал. Тьюс некоторое время смотрел вслед лорду, а потом снова бросил взгляд на груду развалин, где еще недавно возвышалась могучая крепость. Он вдруг подумал о том, что все люди там, в крепости, наверняка погибли, а Каллендбор даже не подумал об этом! Волшебник печально покачал головой и снова сел на свою испуганную лошадь.

Теперь ему было ясно, что Каллендбор вовсе не собирается расставаться с бутылкой. Оставалось только найти способ отнять ее.

Советник Тьюс возвратился в Риндвейр уже к вечеру, усталый и подавленный. Он поужинал у себя в комнате вместе с гномами и Сельдереем. Каллендбор охотно разрешил ему это, не настаивая на присутствии волшебника в столовой. У Каллендбора, конечно, было много важных дел.

Когда ужин уже подходил к концу, волшебник вдруг сообразил, что Сапожок до сих пор не появился. Его вообще никто не видел с утра. После ужина советник Тьюс хотел было прогуляться, чтобы спокойно обо всем подумать, но стало уж слишком темно, и волшебник вернулся в свою спальню. Перед сном он еще раз с беспокойством вспомнил об исчезнувшем кобольде.

...Уже после полуночи дверь распахнулась и в спальню ворвался Каллендбор.

— Где она, советник Тьюс?! — заорал он, разбудив волшебника.

Тьюс открыл глаза и поднял голову, пытаясь понять, что случилось. Сельдерей уже преградил лорду дорогу, угрожающе ворча. Кышгномы спрятались под кроватью. В дверях стояли с факелами вооруженные люди, ожидая приказаний.

— Немедленно верни ее, старик! — зарычал от злости Каллендбор.

Советник Тьюс поднялся с постели. Он и сам был рассержен.

— Понятия не имею, о чем ты... — начал он.

— Я говорю о бутылке, советник. Что ты сделал с нею?!

— О бутылке?!

— Она пропала, волшебник! — гневно воскликнул Каллендбор. — Ее украли из комнаты, в которой стояла стража, охранявшая все входы и выходы, а все двери были заперты! Ни один обычный человек не мог этого сделать, но только некто, способный появляться и исчезать незаметно, — кто-то вроде тебя.

«Сапожок!» — подумал вдруг Тьюс. Кобольды также могли приходить и уходить, оставаясь незамеченными. Должно быть, все-таки Сапожок...

Каллендбор продолжал наступать на Тьюса и схватил бы его уже, если бы не Сельдерей, обнаживший свои острые зубы.

— Отдай ее мне, советник Тьюс, или я... — закричал Каллендбор, выступая вперед. — Если она не у тебя, то ты должен знать, где она! — не унимался великан. — Скажи, где она!

Тьюс глубоко вздохнул.

— Верность моего слова всем известна, милорд! — ответил он спокойно. — И тебе известна тоже. Я никогда не лгу. И сейчас я сказал тебе правду. У меня нет бутылки, и я не знаю, где она, я вообще последний раз видел ее сегодня в твоих руках. Но я тебя предупреждал, что эта колдовская вещь очень опасна, и вот...

— Довольно! — перебил его Каллендбор, повернувшись к нему спиной. — Ты останешься у меня в гостях еще на несколько дней, советник Тьюс. Надеюсь, самое большое твое желание будет, чтобы бутылка вновь вернулась на место за эти дни.

С этими словами Каллендбор вышел, хлопнув дверью. Потом советник услышал, как дверь заперли снаружи. Около нее оставили часовых.

— Неужели мы в плену?! — воскликнул Тьюс, пораженный случившимся.

Он стал ходить по комнате, не в силах успокоиться, потом подумал о том, как поступил бы король, узнав об этом. И тут только он сообразил, что Его Величество не мог бы ничего предпринять, потому что его нет в Заземелье, и он обо всем этом ничего не узнает.

Иначе говоря, он, волшебник, должен все решать сам, ни на кого не надеясь.

А через несколько часов вернулся Сапожок. Он был не так глуп, чтобы возвращаться через двери. Сапожок осторожно стучал в окно, пока советник Тьюс не открыл его и не увидел кобольда, сидящего

на подоконнике на высоте около двух метров над стеной крепости. В одной руке кобольд держал канат.

— Я вижу, ты явился, чтобы спасти нас! — прошептал волшебник и благодарно улыбнулся кобольду. — Ты поспел вовремя!

Выяснилось, что Сапожок так же недоверчиво отнесся к Каллендбору, как и сам Тьюс, и после разрушения крепости решил наблюдать за лордом на расстоянии. Кобольды, как все волшебные существа, могут, если хотят, оставаться для людей невидимыми. Сам Сапожок слишком хорошо знал силу темной власти Злыдня и не считал Каллендбора достаточно сильным человеком, способным противостоять этому искушению. Сапожок продолжал оставаться незамеченным, пока не убедился, что волшебник и его спутники не пострадали от неразумного гнева Каллендбора. И очень хорошо, что кобольду удалось это.

Волшебник помог Сапожку забраться в комнату, и они вдвоем привязали конец веревки к крюку в стене. Теперь уже проснулись остальные, и советник Тьюс поспешил сделать знак гномам, чтобы они вели себя тихо. Когда Тьюс и кобольд справились со своим делом, обитатели комнаты один за другим стали осторожно спускаться вниз через окно. Для гномов и кобольдов это не было трудно, и только для волшебника спуск по канату оказался делом нелегким.

Когда все благополучно спустились вниз, Сапожок повел их по крепостной стене к лестнице. Лестница привела к железной двери, через которую можно было выйти из замка. Советник Тьюс и его спутники тихонько выбрались наружу и, стараясь держаться самых темных мест, прошли по спящему городу и добрались до сарая, где стояли их лошади, а также вьючные животные, которых Сапожку каким-то образом удалось заполучить обратно.

Волшебник уселся на свою серую лошадь, гномы вдвоем на спину Криминала, а остальных животных Тьюс поручил заботам Сельдерея и дал сигнал трогаться. Благополучно добрались до моста и вскоре оказались на другом берегу реки.

— Прощай, лорд Каллендбор! Рад был избавиться от тебя! — крикнул волшебник, оглянувшись на спящий замок.

Настроение у Тьюса несколько улучшилось. Ему и его друзьям удалось благополучно вырваться из ловушки. Советник старался не думать, что, по сути, их избавление было заслугой Сапожка. Волшебник же пытался уверить себя, что это было результатом его умелого руководства. Теперь Тьюс мог считать, что оправдал оказанное ему доверие и может принять на себя в дальнейшем ответственность руководителя. Его Величество поймет, чего он, Тьюс, стоит!

Правда, случилось невероятное: оказалось, что Сапожок не брал бутылки. Ее украл кто-то другой, причем тот, подобно Сапожку, способен был незамеченным проникнуть в охраняемое помещение и выйти оттуда.

Советник Тьюс сосредоточенно нахмурился.

Так все-таки кто же этот неизвестный?

ГЛАВА 13

ВСТРЕЧА

Когда наконец зазвонил телефон, Бен Холидей бросился к нему с такой поспешностью, что чуть не сломал ногу, споткнувшись о стул.

— Черт возьми! Алло!

— Док? Это я наконец, — услышал Бен голос Майлза Беннетта. — Я здесь, в вестибюле.

Бен вздохнул с облегчением:

— Слава Богу!

— Мне подняться к вам?

— Да, и поскорее.

Положив трубку, Бен упал на диван, потирая ушибленную ногу. О Боже, наконец-то! Четыре долгих, нескончаемых дня ждал Бен появления Майлза с вестями о Микеле Ард Ри и Абернети. Еще раньше Майлз прислал обещанные деньги, так что Бен по крайней мере был спасен от угрозы голода и изгнания. Но все же они не могли выходить из номера больше чем на пару часов, и то лишь рано утром или поздно вечером. Ивица привлекала к себе всеобщее внимание.

Кроме того, сильфида чувствовала себя неважно с тех самых пор, как они покинули Заземелье.

Сейчас она сидела на балконе нагая и принимала солнечную ванну. Она делала это ежедневно, иногда по нескольку часов, подняв голову и глядя в пространство. Кажется, такое сидение на солнце несколько улучшало самочувствие Ивицы, поэтому Бен не мешал ей. Очевидно, это как-то было связано с ее двойственной природой: солнечный свет, должно быть, благотворно влиял на ее человеческое и на ее растительное начало. И все же Ивица выглядела

слабой и вялой, а ее жизненные силы убывали без видимых причин. Бен очень беспокоился из-за этого: он боялся, что дело тут в особенностях нынешней окружающей среды. Осталось только как можно скорее найти Абернети и медальон, чтобы вернуться в Заземелье.

Он встал, пошел в ванную, умылся холодной водой и насухо вытер лицо полотенцем. Посмотрев на себя в зеркало, Бен решил, что выглядел бы вполне нормально, если бы не его красные глаза, — эти дни он плохо спал и слишком много читал детективов, чтобы не предаваться размышлениям, которые могли свести с ума.

В это время в дверь постучали. Бен отбросил полотенце, ринулся к двери и посмотрел в глазок. Там стоял Майлз. Бен отворил дверь.

— Привет, док, — сказал гость, протягивая ему руку.

Бен крепко пожал ее.

Майлз не изменился — это был все такой же добродушный здоровяк, немного похожий на большого плюшевого медведя. Под мышкой он держал кожаный портфель.

— Ты хорошо выглядишь, Майлз, — искренне сказал Бен.

— А ты похож на путешествующего светского бездельника, — ответил Майлз. — Носишь спортивный костюм, останавливаешься в «Шангри-Ла», ждешь позднего вечера, когда начнется красивая жизнь... Правда, ты уже недостаточно молод для такого образа жизни. Могу я войти?

— О да, конечно, — ответил Бен, пропуская гостя в номер и закрывая за ним дверь. — Располагайся поудобнее.

Майлз прошелся по комнате, восхищенно оглядев роскошную обстановку, и вдруг остановился как вкопанный.

— О Боже, док! — воскликнул он.

Через застекленную дверь гость увидел сидевшую на балконе Ивицу.

— Черт! — вскрикнул Бен.

Он совершенно забыл о ней.

Взяв в ванной махровый халат, Бен вышел на балкон и накинул его Ивице на плечи. Сильфида вопросительно посмотрела на него. Видно было, что она поглощена какими-то своими размышлениями или переживаниями.

— Майлз приехал, — тихо сказал ей Бен.

Кивнув, Ивица поднялась, и они вдвоем вышли в гостиную, где стоял оцепеневший гость, прикрываясь, словно щитом, своим портфелем.

— Майлз, это Ивица, — сказал Бен.

— Да, да, очень приятно... Ивица, — промямлил Майлз.

— Она из Заземелья, из того мира, где я теперь живу, — пояснил Бен. — Она сильфида.

— Кто? — уставился на него гость.

— Сильфида. Наполовину лесная нимфа, наполовину русалка.

— Конечно, конечно. — Майлз слабо улыбнулся. — Она зеленая, док.

— Да, это естественный цвет. — Ему захотелось переменить тему. — Послушай, Майлз, почему бы нам не посидеть и не почитать то, что ты принес?

Майлз кивнул, не сводя глаз с Ивицы. Сильфида улыбнулась ему, затем молча повернулась и ушла в спальню.

— Знаешь, док, это очень хорошо, что я сам встретился с вами и сам, своими глазами, увидел эту девушку, а не узнал обо всем из телефонного разговора, — заметил гость. — Иначе бы я окончательно решил, что ты тронулся.

— Я не осуждаю тебя, — улыбаясь ответил Бен.

Он сел на диван и предложил сесть гостю.

— Значит, сильфида, — пробормотал Майлз и покачал головой. — Так, выходит, этот мир с волшебством, драконами, феями и прочим действительно существует? Это правда, док?

Бен вздохнул.

— В известной мере, — ответил он.

— О Господи, — простонал Майлз, опускаясь на диван рядом с Беном. — Значит, все это серьезно, все есть на самом деле? Хотя, конечно, так и есть, я вижу это по твоим глазам... И потом, эта девушка. Она красивая и какая-то... удивительная, будто на самом деле из сказочного мира. Черт возьми, док!

Бен кивнул:

— Об этом мы успеем поговорить попозже, Майлз. Но как насчет информации, которую я просил собрать? Есть успехи?

Майлз наконец пришел в себя:

— Да, да, конечно. — Он открыл портфель и вытащил оттуда оранжевую папку. — Вот здесь материалы, собранные на этого Микела Ард Ри. И, скажу я, это крепкий орешек!

Бен открыл папку и стал просматривать бумаги. Место рождения Микела Ард Ри, его настоящий возраст, имена родителей, история его детства были неизвестны. Микел Ард Ри был финансистом, чье состояние оценивалось примерно в двести двадцать пять миллионов долларов. Жил он в окрестностях Вудинвилла, штат Вашингтон — почему Вашингтон? — жил в замке, который был куплен в Англии, а потом по частям перевезен в США. Он был холост,

не имел хобби, не посещал клубов, не участвовал в деятельности общественных организаций.

— Не так уж много, — заметил Бен.

— Читай дальше, — ответил Майлз.

Бен снова углубился в чтение. Дальнейшее действительно выглядело гораздо интереснее. Оказывается, у Микела Ард Ри была личная гвардия и он участвовал в финансировании переворотов в некоторых зарубежных странах. Был совладельцем ряда банков, крупных военных заводов и даже нескольких предприятий, финансируемых государством. Предполагалось также его участие еще во многих рискованных предприятиях, но не было достаточных доказательств. Не раз ему предъявлялись обвинения в нарушении законов, чаще всего в мошенничестве, иногда даже и в жестоком обращении с животными, но он ни разу не был обвинен. Иногда Микел Ард Ри путешествовал, всегда частным транспортом и всегда под охраной.

Бен закрыл папку.

— Штат Вашингтон, гм, — недоумевал он. — Ничего не понимаю. Я был уверен, что это должно быть в Лас-Вегасе...

— Постой-ка, док, — перебил его Майлз. — Вот тут еще одно сообщение, полученное только вчера. Может быть, оно как-то связано с этим парнем из штата Вашингтон. — Он порылся в портфеле и вытащил оттуда машинописный листок. — Вот, смотри. Те, кто производил расследование, подбросили мне это, когда я сказал, что меня интересуют любые слухи о говорящих собаках. Кажется, кое у кого из них есть связи среди журналистов, которые занимаются скандалами. Вот, погляди: какой-то тип, живущий в Вудинвилле, штат Вашингтон, пытается заключить сделку с журналом «Голливуд Ай», обещая за сто тысяч долларов дать им эксклюзивное интервью насчет настоящей говорящей собаки, причем с ее фотоснимками.

— Абернети! — воскликнул Бен.

— Может быть, — пожал плечами Майлз.

— Там есть имя собаки?

— Нет, только имя этого парня — Витсел. Но он живет в Вудинвилле, в том же городе, что и Микел Ард Ри. Ну как? Материал стоящий?

— Ты молодец, Майлз. Вряд ли бывают такие совпадения, — ответил Бен, пытаясь собраться с мыслями. — Но если это не совпадение, то почему Абернети оказался в одной компании с этим Витселом, а не у Ард Ри? И почему мы здесь, а не там, где надо? Неужели этот Тьюс опять все перепутал и отправил нас с Ивицей в

Неваду вместо Вашингтона? Черт побери! Я еще должен благодарить его, что он не отправил нас на Тихий океан! — Бен не сразу понял, что разговаривает с самим собой. — Ладно, не надо волноваться, надо все как следует обдумать, — сказал он, перехватив удивленный взгляд гостя. — А ты, Майлз, черт возьми, поработал на славу. Большое спасибо.

— Пожалуйста, — пожал плечами Майлз. — Но почему бы теперь не рассказать, что произошло?

Бен поглядел на старого приятеля и кивнул:

— Хорошо. Ты этого вполне заслуживаешь. Как насчет шотландского виски?

Пока хозяин рассказывал Майлзу про Абернети и про медальон, пытаясь объяснить все более или менее удовлетворительно, Майлз успел выпить виски и во второй, и в третий раз. Бену, конечно, пришлось рассказать кое-что о Заземелье. Он, понятно, не все рассказывал гостю, особенно если речь шла о вещах опасных, не желая волновать приятеля. Тем временем пришла Ивица, принявшая душ, и Бен заказал ужин в номер. Майлз, кажется, несколько освоился с сильфидой, и у них даже завязался разговор. Правда, Ивица еще чувствовала себя несколько скованно в его компании, а Майлз все так же слушал ее раскрыв рот, но начало общению было положено. К вечеру главные вопросы были уже решены.

Наконец Ивица устала и ушла спать, а Бен и Майлз снова остались одни. Они выпили еще коньяка из бара в номере, и Бен спросил:

— А где ты остановился?

— Двумя этажами ниже, в обычном номере, — ответил Майлз. — Я заказал его вместе с авиабилетом. Все о'кей.

— Пока не забыл! — сказал Бен вставая. — Нужно позвонить в аэропорт насчет утреннего рейса. Прошу прощения...

— В штат Вашингтон?

Бен кивнул.

— Где этот чертов Вудинвилл? — спросил он, направляясь к телефону.

— К северу от Сиэтла, — ответил Майлз. — Заказывай билеты на троих.

— Постой, друг, — ответил Бен. — Но тебе вовсе ни к чему лететь туда.

Майлз вздохнул:

— Напротив, я собираюсь лететь. Неужели, док, ты думаешь, что я отступлю теперь, когда это дело заинтересовало меня? К тому же я могу вам понадобиться. У меня есть кое-какие связи, не говоря уж о чеках и деньгах.

Хозяин с сомнением покачал головой:

— Не знаю, Майлз. Дело может оказаться очень опасным. Кто знает, на что способен этот Микел Ард Ри? Мне не хотелось бы...

— Док, я лечу. Звони, — перебил его Майлз.

Поняв, что спорить бесполезно, Бен сделал заказ и снова уселся на диван у окна.

— Помнишь, док, как в детстве мы выдумывали разные сказочные страны? — спросил Майлз неожиданно. — А сейчас я думаю о том, как тебе повезло, что ты на самом деле нашел такую страну. Ты можешь жить в мире, который для других лишь предмет мечтаний. Остальным не остается выбора: у них только один мир.

Бену показалось, что Майлз чуть-чуть завидует ему. У них в самом деле жизнь сложилась по-разному. У Бена было Заземелье, у Майлза — только его мир. Бен вспомнил также, как отчаянно добивался того, что приобрел всего два года назад. То время уже забылось, но вспомнить о нем сейчас было полезно.

— Да, мне очень повезло, — ответил он наконец и заметил, как увлажнились глаза гостя.

Они сидели вдвоем молча, пили коньяк, и каждый думал и мечтал о своем.

Они вылетали из Лас-Вегаса в 7.50 утра рейсом 726 на Сиэтл, с посадкой в Рино. Чтобы не привлекать особого внимания, они заказали места в хвостовой части самолета. Бен попросил Ивицу надеть платок, чтобы скрыть ее зеленые волосы, и нанести крем на лицо, чтобы придать коже натуральный цвет, но все равно на нее продолжали глазеть, хотя и меньше, чем прежде. Но это было полбеды. К сожалению, за время путешествия она очень ослабла.

Когда самолет снова поднялся в воздух после остановки в Рино и Майлз задремал в кресле, Ивица шепнула на ухо Бену:

— Я знаю, что со мной происходит, Бен. Мне нужны соки земли. Мне надо преобразиться. Думаю, я так ослабла из-за невозможности сделать это.

Бен кивнул и обнял Ивицу. Он позабыл о том, что ей нужно раз в три недели превращаться в дерево. Ведь когда они отправились в этот мир, он просто надеялся, что все обойдется. Но сейчас время было едва ли не упущено. Разумеется, надо было дать Ивице преобразиться. Но как повлияет здешняя почва на ее здоровье?

Об этом Бен предпочитал не думать: он был бессилен что-то изменить. Они останутся здесь, словно в ловушке, до тех пор, пока не найдут Абернети и не вернут медальон.

Бен глубоко вздохнул, крепко сжал руку Ивицы и откинулся в кресле. Надо подождать еще денек-другой. Скоро он нанесет визит Дэвису Витселу, и тогда поиски завершатся.

В гостиной зазвонил телефон, и Дэвис Витсел, прервав завтрак, встал из-за стола и поспешил взять трубку. Абернети смотрел на него сквозь дырочку в двери спальни. В доме они с Витселом остались одни. Элис Витсел три дня назад уехала в гости к матери. Перед этим она сказала мужу, что шоу с дрессированными собаками — это одно дело, а говорящие собаки — совсем другое. И она вернется тогда, когда этой собаки (если ее вообще можно считать собакой) здесь уже не будет.

Сам хозяин решил, что так, пожалуй, даже лучше: жена не будет отвлекать его своими разговорами и постоянно включать телевизор.

Абернети не знал, что затевает Витсел. Писец знал только, что сейчас он был так же далеко от Виргинии, как и прежде. Несмотря на заверения хозяина, что все будет хорошо, Абернети все больше сомневался в этом.

Он услышал, как Витсел говорит по телефону:

— Дэвис Витсел слушает... Здравствуйте, мистер Стерн. Ну конечно. Не беспокойтесь, я непременно буду.

Дэвис положил трубку, удовлетворенно потер руки, бросил взгляд на дверь спальни Абернети, снова снял трубку и набрал номер. Абернети продолжал подслушивать.

— Бланш? — сказал Витсел в трубку. — Я хочу поговорить с Элис. Да. — Он подождал немного и заговорил снова: — Элис? Я только на минутку. Мне сейчас звонили из «Голливуд Ай». Что ты на это скажешь? Из «Голливуд Ай»! Ты ведь, кажется, думала, что я спятил? Они предлагают сто тысяч долларов за интервью и несколько снимков. Когда это будет сделано, я посажу собаку в самолет, помашу ей рукой на прощание, и мы с тобой заживем чертовски богато. «Ай» напечатает эксклюзивное интервью, но остальные журналы, конечно, его потом перепечатают. Мои дела пойдут в гору. Мы с тобой заработаем большие баксы, моя девочка!.. Что? Ну конечно, это безопасно. Ну, мне пора. Увидимся через несколько дней, ладно? Пока.

Он положил трубку и вернулся на кухню. Абернети видел, как Дэвис ополоснул чашки и блюдца, вышел в коридор и направился к спальне. Писец мгновенно отпрянул от двери и лег в постель, намереваясь сделать вид, будто только проснулся.

— Мне надо уйти ненадолго, — сообщил Дэвис, приоткрыв дверь. — Тот человек, помните, я говорил о нем, который даст нам недостающие деньги на вашу поездку в Виргинию, ждет меня в мотеле. Оттуда мы приедем сюда, чтобы он взял у нас интервью. Поэтому вам надо приготовиться.

Абернети сел на кровати.

— Вы уверены, что это необходимо, мистер Витсел? — спросил он. — Знаете, мне как-то неудобно рассказывать о себе посторонним да еще сниматься. Боюсь, что Его Величество... то есть мой друг не одобрит этого.

— Опять вы толкуете о каком-то величестве! — сердито сказал хозяин. — Хотел бы я знать, что это за важная персона! — Он покачал головой. Абернети ничего не ответил. — Поймите, если мы не встретимся с этим человеком, то мы не получим денег. А значит, вы не сможете попасть в Виргинию. Я уже говорил, что денег, которые дала вам Элизабет, недостаточно.

Абернети кивнул, а про себя подумал: «Какой лживый тип!» И перестал доверять Витселу.

— Сколько мне еще ждать? — спросил писец.

Витсел пожал плечами:

— Потерпеть еще пару дней.

Абернети подумал, что он уже и так долго терпит, но вслух сказал только:

— Хорошо, я буду готов к вашему возвращению.

Витсел вернулся в гостиную, вышел во двор через боковую дверь и сел в свой старый пикап.

Абернети задумался. Он понимал, что его используют, но не мог ничего поделать. Ему не к кому было обратиться за помощью. Оставалось только надеяться на Всевышнего. Абернети прошел в гостиную и выглянул в окно. Он видел, как пикап выехал со двора и скрылся из виду. Но он не заметил, как к дому подъехал черный фургон.

В коридоре размеренно тикали старинные часы. Абернети стоял перед зеркалом в ванной и смотрел на свое отражение. Прошло четыре дня со времени его бегства от Микела Ард Ри, а Заземелье было таким же далеким, как и прежде. Он вздохнул. Если затея с интервью не принесет ему пользы, видимо, придется распрощаться с Витселом и полагаться только на себя. Ничего другого не остается. Он, Абернети, должен сделать все, чтобы поскорее вернуть драгоценный медальон королю.

Писец почистил зубы, разгладил шерсть и снова посмотрел на собственное отражение. Конечно, сейчас он выглядел куда лучше, чем в первое время своего пребывания в этом мире. Все же нормальная еда и нормальный сон — великие вещи.

Абернети вытер полотенцем руки-лапы. Все же жаль, подумал он, что миссис Витсел уехала. Он не мог понять, почему она так огорчилась...

И тут он получил удар по голове, едва не сбивший его с ног. Абернети пошатнулся, задыхаясь. Его тут же связали и запихали в мешок, прежде чем он успел понять, что произошло. Чьи-то руки подняли мешок и понесли. Абернети пытался сопротивляться, но бесполезно. Потом он услышал приглушенные голоса и сквозь прореху в мешке успел разглядеть открытые задние дверцы черной машины. Потом его затащили вовнутрь, и дверцы захлопнулись.

Затем Абернети ударили чем-то тяжелым, и он потерял сознание.

ГЛАВА 14

ПЕСНЬ ЛЮБВИ

На Озерный край опустились сумерки, и волшебный народ Вечной Зелени стал зажигать светильники на лужайках, готовясь к ночной поре. Обитатели страны суетились среди могучих вековых деревьев, окружавших их поселение, взбирались по веткам и опускались вниз, неожиданно возникали из темноты и так же неожиданно исчезали. То были нимфы, наяды, русалки, кони-водяные — келпи, феи, эльфы... Многие существа жили прежде в царстве фей, окружавшем Заземелье, но потом были изгнаны или бежали оттуда, не находя радости в тамошней жизни, хотя и вечной.

Владыка Озерного края стоял на опушке рощи, глядя на свое лесное поселение, скрытое в гуще, и предавался воспоминаниям о потерянном рае. Это был высокий поджарый владыка в зеленых одеждах, с чешуйчатой серебристой кожей, с жабрами на шее. Его называли речным духом, поскольку он был властелином и водных просторов края. Его голову и руки покрывали густые черные волосы; у него было точеное лицо и бесцветные, непроницаемые, всевидящие глаза. Владыка Озерного края вместе со своим народом пришел в Заземелье еще в начальную эпоху его истории. Все они

тогда предпочли добровольное изгнание из волшебных туманов. Теперь он стал смертным и, живя в тихом Озерном крае, посвятил себя охране этих заповедных мест — земли, воды, воздуха, всего живого. Он был целителем, способным вернуть отнятую жизнь. Но некоторые раны он не брался исцелять, а потеря прежней родины нанесла некогда ему самому душевную рану, которая так и не исцелилась до конца.

Повелитель сделал несколько шагов вперед, помня о стражах, которые постоянно следовали за ним на почтительном расстоянии, не желая нарушать его уединения. В ночном небе сияли пять из восьми лун Заземелья — лазурная, персиковая, бирюзовая, пурпурная и белая.

— Потерянный рай... — тихо прошептал Владыка Озерного края, вспоминая сны о прежней родине. Он огляделся. Однако и обретенный рай!

Владыка любил Озерный край, в его процветание и он сам, и его народ вложили душу. Край, где они некогда начали новую жизнь, создавая мир, где все имело начало и конец. Мир, которого не существовало и не могло существовать в краю туманов. Их владения были окружены множеством болот, дремучими лесами, многочисленными озерами, так что нельзя было ни попасть сюда, ни выйти отсюда без помощи здешних обитателей. Немало таких, которые пытались пробраться иначе, сгинуло в болотах. Вечная Зелень была убежищем от тех, кто ни во что не ставил живую жизнь, — от лордов Зеленого Дола до горных троллей и гномов, чудищ, изгнанных из царства фей, но выживших, несмотря на многовековые войны... Их всегда отличали жажда разрушать и неуважение к земле. Но в заповедных местах Владыки Озерного края царил мир.

На опушке леса начались приготовления к танцам. Дети, в светлых одеждах, со свечами, украшенные венками из цветов, стояли в ряд. Они стали петь и водить хороводы на лужайках и в садах у реки. Владыка края улыбнулся, глядя на них.

Он должен был признать, что и в Заземелье дела пошли лучше с приходом Бена Холидея. Новый король Заземелья много сделал для заживления старых ран, нанесенных его стране, для сохранения земли и жизни на ней. Как и сам Владыка, Бен Холидей верно понял, что все в природе взаимосвязано, и если нарушить что-то в этой взаимосвязи, то создастся опасность для всего живого.

К королю Заземелья ушла Ивица, любимое дитя Владыки. Она говорила, что сделала свой выбор, подобно сильфидам древности, что это была ее судьба, определенная еще в тот час, когда ее родители зачали ее. Ивица поверила в Бена Холидея, и Владыка Озерно-

го края мог понять ее. Он глубоко вздохнул. Пожалуй, король Заземелья сейчас не очень-то прислушивается к его мнению. Все еще сердится на него за попытку несколько месяцев назад устроить ловушку черному единорогу. Холидей так и не понял, что только волшебные создания могут использовать волшебную силу, потому что лишь они понимают ее природу. Бен Холидей очень хорош для Заземелья, но ему еще многому надо учиться.

Вдруг зрители, наблюдавшие за веселыми детскими хороводами, расступились, давая дорогу двум болотным часовым из охраны Владыки Озерного края, которые вели с собой какую-то испуганную тварь. Стражи тотчас же поспешили к своему Владыке, но он жестом показал им, что этого делать не следует. Сейчас ни к чему было суетиться и проявлять тревогу. Владыка спокойно восседал на своем месте и позволил часовым подвести эту тварь на достаточно близкое расстояние.

Это существо было из числа призрачных, не живых и не мертвых. Эти жалкие твари были приговорены к вечному небытию. Некогда у них было отнято физическое естество в наказание за какие-то страшные преступления, поэтому им оставалось лишь призрачное бытие. Они могли существовать только в тени, во тьме, им нельзя было появляться на свету; об их бытии напоминали лишь останки их жертв да отбросы, которые находили у них в логове. А потому они вынуждены были вести жизнь, подобную жизни животных, питающихся в основном падалью. Сейчас уже не много осталось таких жутких тварей. Большинство из них погибло за прошедшие века.

Эта призрачная тварь показалась Владыке Озерного края особенно отвратительной. У нее были ноги, видимо, некогда принадлежавшие старому троллю, лапы какого-то животного заменяли руки, туловище, очевидно, было человеческим, как и пальцы на руках, части же лица у нее были различного происхождения. В «руке» полупризрак держал какую-то старую сумку.

Он улыбнулся жуткой улыбкой, отчего «лицо» его стало еще страшнее.

— О Владыка Озерного края!.. — начал он с поклоном. Голос призрачной твари был глухим, словно эхо в пустой пещере.

— Он явился к нам сам, по доброй воле, — сообщил один из часовых.

Владыка кивнул.

— Что привело тебя сюда? — спросил он.

— Я хочу предложить тебе дар и попросить тебя одарить меня, — ответила призрачная тварь.

— Если ты нашел сюда дорогу, найдешь и путь обратно, — сказал Владыка. — Я дарую тебе жизнь, а ты сделаешь мне подарок, если избавишь от своего присутствия.

— Смерть была бы для меня лучшим даром, — прошептал полупризрак, глядя своими пустыми глазами на танцующих детей. — Посмотри на меня, о Владыка Озерного края. Много ли ты видел во всех мирах созданий более жутких, чем я?

Владыка молчал, ожидая, что будет дальше.

— Я расскажу тебе кое-что и хочу попросить тебя выслушать меня. Может быть, ты не пожалеешь об этом, властелин водных просторов!

Речной дух хотел было прогнать злосчастное существо — он едва выносил общение с этой нежитью. Но все же Владыку Озерного края что-то удержало от такого решения.

— Говори, — повелел он.

— Вот уже два года я живу в темных углах замка Риндвейр, — начал полупризрак. — Я жил за счет отбросов, которые можно было найти в этом замке, и питался несчастными существами, которые заблудились в темноте. За это время я многое узнал и многому научился. Так вот, вчера вечером в этот замок прибежал раненый тролль. Он хотел продать владельцу замка сокровище, обладавшее необыкновенными, чудесными свойствами. Владелец замка забрал эту драгоценность у тролля, а затем убил его. Я же, в свою очередь, забрал эту вещицу у владетеля Риндвейра...

— У Каллендбора! — воскликнул Владыка Озерного края. Он не любил всех лордов Зеленого Дола, но Каллендбора — особенно.

— Я украл эту вещицу, когда он спал, — продолжала призрачная тварь. — Украл под носом у охраны, которую он поставил. Я смог это сделать потому, что они — только люди. Теперь я принес это сокровище тебе в дар и хочу взамен получить дар от тебя.

Он засмеялся, и Владыка Озерного края содрогнулся, услышав этот смех — смех нежити.

— Что это за «дар»? — спросил он.

— Вот он! — С этими словами полупризрак извлек из сумки бутылку с нарисованными на ней танцующими клоунами.

— О нет! — вскричал Владыка Озерного края: он узнал бутылку. — Я хорошо знаю эту вещь. Это вовсе не дар, но проклятие! В этой бутылке живет Злыдень!

— Так он себя и называет, — подтвердил полупризрак. — Только это и в самом деле дар. Злыдень может дать обладателю бутылки...

— Все, что угодно, — закончил за него Владыка Озерного края. — Но только колдовство Злыдня едва ли не самое злое колдовство, существующее на свете!

— Насчет зла не знаю, — отвечала призрачная тварь. — Это не мое дело. Только выслушай меня, Владыка Озерного края. Я украл эту бутылку и принес ее тебе, а что ты с ней сделаешь, это уже меня не касается. Можешь хоть разбить вдребезги. Но сперва сделай так, чтобы она помогла мне. — В его голосе послышалось отчаяние. — Я снова хочу стать собой, каким был прежде!

— Таким, каким ты некогда был? — спросил изумленный Владыка края.

— Да! Посмотри на меня, Владыка. Я больше не могу так! Я уже целую вечность существую как нежить, как вампир, внушая ужас и себе, и всем вокруг, но у меня нет выбора! Я больше не могу выносить это! Я хочу стать прежним.

— Но как я смогу тебе помочь? — нахмурился Владыка Озерного края.

— Помоги мне с помощью этой бутылки!

— С ее помощью? Но почему же ты сам не хочешь это сделать? Ведь ты же сказал: бутылка может дать ее обладателю все, что он пожелает.

Призрачной твари хотелось плакать, но ей не дано было найти облегчение в слезах.

— О Владыка Озерного края... я... ничего не могу... сделать для себя! Я не могу воспользоваться ее чарами. Я ведь... почти не существую. Все волшебство в мире бесполезно для меня. Я беспомощен!

Владыка Озерного края посмотрел на призрачную тварь новыми глазами. Он вдруг с ужасом понял все отчаяние подобного существования.

Полупризрак опустился на колени.

— Прошу тебя, помоги мне! — умолял он.

Все еще колеблясь, Владыка Озерного края взял сумку у призрачной твари.

— Я должен подумать над твоими словами, — ответил он. — Подожди меня здесь. И смотри не вздумай причинить вред кому-то из моего народа! Ты сам понимаешь, что за этим последует.

Отойдя на несколько шагов, Владыка обернулся. Призрачная тварь распростерлась на земле. Ее глаза следили за ним. Владыка Озерного края вздохнул. Увы, у него не было власти, чтобы исцелить подобное существо. А если это можно сделать с помощью колдовской бутылки, разве он имеет право даже пытаться применить ее? Владыка Озерного края пошел прочь, не оглядываясь, через рощу, через лесное поселение, где пели, танцевали и веселились волшебные создания, вышел в сад. Так он брел, погруженный в свои мрачные мысли, не замечая ничего вокруг. Он знал темную

власть Злыдня, помнил, каким образом пользовались этой властью капризный сынок старого короля и темный колдун Микс. Подобное колдовство украшает хозяина бутылки венками из цветов, которые вдруг превращаются в оковы. Чем больше сила хозяина бутылки, тем большей опасности он себя подвергает. А Злыдень способен почти на все.

Дойдя до конца сада, Владыка Озерного края оглянулся. Его стражи, как всегда, следовали за ним на почтительном расстоянии. Он махнул рукой, чтобы они удалились. Стражи неохотно подчинились.

Дальше Владыка пошел один. Он еще не принял решения. Если он поможет призрачной твари, то станет хозяином этой бутылки (Владыка Озерного края, конечно, и не помышлял о том, чтобы обмануть жалкую тварь, — сама его природа не позволяла так поступить). Если он не поможет полупризраку, то останется только вернуть бутылку и отпустить призрачную тварь на все четыре стороны. Тут и думать не о чем. Но если все же помочь несчастной твари? Может ли он, Владыка Озерного края, выполнить желание этого призрака и не подпасть под власть Злыдня?

Возможно ли такое?

Размышляя таким образом, Владыка Озерного края дошел до поляны в вековечном бору. Звуки музыки, смеха, песен сюда почти не долетали. Владыка стоял теперь неподалеку от того места, где среди старых сосен танцевали в полночь лесные нимфы. Там он впервые встретился с матерью Ивицы...

Эти воспоминания были горькими для Владыки Озерного края. Сколько времени он уже не видел ее? Только одну ночь они провели вместе, но до сих пор лесная нимфа стояла у него перед глазами как живая. Его много лет мучили эти чудные воспоминания о прекрасной нимфе, настолько дикой, что он не надеялся когда-то соединиться с ней вновь...

И тут Владыке Озерного края вдруг пришла в голову одна мысль, ужаснувшая его самого.

— Нет! — воскликнул он.

Но почему же нет? Владыка поглядел на сумку, где лежала волшебная бутылка, способная выполнить любое его желание...

Почему же все-таки — нет?

Разве не следует хотя бы проверить, что собой представляет эта бутылка? Должен же он знать, сможет ли помочь полупризраку. Или, может быть, власть Злыдня столь сильна, что его невозможно подчинить себе? А почему бы не попросить этого Злыдня вызвать сюда мать Ивицы?

Владыка Озерного края даже похолодел от этой страшной мысли. Но желание увидеть нимфу после стольких лет разлуки было слишком велико. Кажется, никогда еще в своей жизни он ничего не желал так сильно, как нового свидания с нею...

— Я должен попытаться, должен! — воскликнул он в сердцах.

Владыка Озерного края углубился в чащу Лазурных Друзей, где в полной тишине он снова отчетливо представил себе танцующую нимфу — мать Ивицы.

«Неужели я хочу слишком многого?» — подумал Владыка. Надо только попросить, чтобы она появилась здесь и немного потанцевала для него — и все. Желание снова увидеть нимфу было слишком сильным, чтобы ему противиться. Он положил сумку на землю и извлек из нее раскрашенную бутылку. В лунном свете красные одежды клоунов показались ему кровавыми.

Владыка Озерного края быстро вытащил пробку, и Злыдень вылез из бутылки, словно некое отвратительное насекомое.

— О хозяин, прекрасна твоя мечта! — прошипел он, танцуя на горлышке бутылки. — Такая мечта должна непременно сбыться!

— Ты можешь читать мои мысли? — удивленно спросил Владыка Озерного края, которому сразу стало не по себе.

— Я могу читать в твоей душе, — прошептал Злыдень. — Я вижу силу и глубину твоей страсти. Позволь мне удовлетворить твое желание, хозяин! Я ведь в силах это сделать!

Владыка почувствовал тревогу и замешательство. Он не знал, на что решиться. «Этого нельзя делать, — промелькнула вдруг мысль. — Это ошибка. Чары слишком сильны...»

И тут злой дух выпрямился и щелкнул пальцами. И сразу же перед глазами Владыки Озерного края возник образ матери Ивицы. Это была крошечная фигурка, окруженная серебристым облачком. Прекрасные глаза нимфы, удивительная грация ее танца действовали завораживающе, словно опьяняли Владыку, лишая его возможности рассуждать здраво. Нимфа покружилась немного почти рядом с ним и исчезла.

Злыдень рассмеялся, глядя на властелина вод:

— Ну что, хозяин, хочешь, чтобы она сама, во плоти, появилась перед тобой?

— Да! — прошептал зачарованный Владыка Озерного края. — Вызови ее! Я хочу видеть, как она танцует! Это мечта всей моей жизни!

Злыдень исчез, словно растаяв в ночном воздухе. Владыка остался один. Он вновь услышал дивную танцевальную музыку, и во

взгляде его вспыхнул свет надежды. Неужели он сейчас снова увидит ее, пусть ненадолго!..

И снова перед ним появился Злыдень, так же внезапно, как и исчез. Он словно выплыл на поляну из-за сосен, визгливо хихикая. В руках злой дух держал нити, сотканные из огня, причем огонь этот никого не обжигал.

За Злыднем, словно собака за хозяином, шла нимфа — мать Ивицы. Огненные нити обвязывали ее запястья и щиколотки, и она дрожала, словно от холода. Это эфемерное создание показалось Владыке Озерного края гораздо прекраснее того образа, который сохранился в его памяти. При каждом ее движении длинные серебристые волосы мерцали в лунном свете. Как и у Ивицы, у ее матери были нежно-зеленая кожа и детское личико. Одета она была в белое прозрачное платье, подпоясанное серебряным пояском. Лесная нимфа испуганно смотрела на Владыку Озерного края.

Но сам он не заметил ее страха, поглощенный созерцанием своей воплотившейся мечты.

— Пусть она потанцует передо мной, — умоляюще прошептал Владыка Озерного края.

Злыдень зашипел и дернул за огненные нити, но нимфа вскрикнула, словно раненая птица, и упала на землю, закрыв лицо руками.

— Нет, нет! — в гневе взревел Владыка. — Я же тебя просил, чтобы она танцевала, а не кричала, словно от боли!

— Конечно, хозяин! — ответил Злыдень. — Ей нужна песнь любви!

Злой дух снова зашипел — и вдруг начал петь, если это можно назвать пением. Голос его был резким, словно скрежет железа, так что Владыка Озерного края вздрогнул, а мать Ивицы дернулась, словно ее ударили. Она вскочила, и огненные нити спали с ее рук и ног. Нимфа освободилась от пут, но это не было настоящей свободой: голос Злыдня сковывал ее, не давая воли. Он заставил ее двигаться под музыку, словно нимфа была марионеткой. Она плясала на поляне, как будто неживая. Ее танец вовсе не был прекрасным, как прежде. Она двигалась, как если бы ее дергали за веревочку. И пока нимфа «танцевала», по щекам ее катились слезы.

Владыка Озерного края пришел в ужас.

— Пусть танцует свободно! — закричал он в ярости. — Чем ты ее донимаешь?

Злыдень бросил на хозяина злобный взгляд и вдруг изменил свой напев. Теперь этот звук стал столь резким и зловещим, что Владыка невольно упал на колени. Мать Ивицы стала танцевать гораздо быстрее, но так, словно ее тело вышло у нее из повинове-

ния. Она кружилась по поляне как безумная, не в силах остановить свою «пляску».

И вдруг Владыка Озерного края понял, что этот «танец» убивает ее!

Но мать Ивицы продолжала свою пляску смерти, и Владыка смотрел на нее, бессильный что-либо предпринять. Он вдруг почувствовал какое-то жуткое упоение от этого зрелища. Даже появилось желание, чтобы пляска продолжалась!

Вдруг, не понимая сам, что с ним произошло, Владыка Озерного края завопил:

— Довольно! Довольно!

Злыдень тут же прекратил «песню», и мать Ивицы как подкошенная повалилась на землю. Бросив бутылку, Владыка Озерного края подбежал к нимфе, осторожно приподнял ее и вздрогнул, увидев ее тусклые глаза. Она была вовсе не похожа на ту, кого он некогда знал. Силы ее были на исходе.

Владыка Озерного края повернулся к Злыдню.

— Ты говорил о «песни любви», злой дух! — воскликнул он в гневе.

Злыдень одним прыжком добрался до брошенной бутылки и уселся на ее горлышке.

— Я пел любовную песнь, которая звучала в твоей душе, хозяин, — ответил он.

Владыка застыл на месте. Он понял: эти слова были правдой. Злыдень пел «песню», рожденную темными желаниями своего хозяина, песню, далекую от любви, словно один полюс от другого. Владыка Озерного края почувствовал боль и раскаяние. Он отвернулся, чтобы не показывать своих чувств.

Мать Ивицы зашевелилась и взглянула ему в глаза. Теперь в ее взгляде снова выражался страх.

— Не бойся, — сказал ей ласково Владыка Озерного края. — Это больше не повторится. Никто не обидит тебя. Скоро ты сможешь уйти. — Он обнял нимфу и прошептал: — Прости меня.

Речному духу так хотелось побыть с нею, что он едва заставил себя сказать, что она свободна. Иначе не мог: он ужасался тому, что совершил по отношению к ней. На глазах у нимфы выступили слезы. Властелин водных просторов ласково погладил ее по голове, подождал, пока к ней вернутся силы, и помог подняться. Она еще раз посмотрела на него, потом бросила взгляд на тварь, сидевшую на горлышке бутылки, и лицо нимфы исказилось, словно от боли. Она повернулась и побежала в лес, как испуганная лань. Владыка

Озерного края долго смотрел ей вслед, остро чувствуя пустоту и одиночество. Он понял, что на этот раз потерял ее навсегда.

Повернувшись к Злыдню, Владыка тихо сказал, сам почти обессилевший:

— Возвращайся в бутылку.

Злыдень повиновался, и Владыка Озерного края еле закрыл бутылку пробкой. Он заметил, что у него дрожат руки. Засунув бутылку обратно в мешок, он поплелся через лес к поселению. Снова впереди послышались звуки музыки и веселые голоса, но теперь они не доставляли ему радости. Сумка с бутылкой казалась тяжелой, как бремя его собственной вины.

Когда Владыка Озерного края наконец вернулся в сад, призрачная тварь все так же лежала на траве, уставившись в пустоту. Полупризрак вскочил, ожидая решения своей участи. «Бедняга», — подумал Владыка Озерного края и вдруг понял, что пожалел он не только призрачную тварь.

Вернув полупризраку мешок с бутылкой, Владыка Озерного края сказал тихо:

— Я не могу помочь тебе. Я не могу пустить в ход это колдовство.

— Не можешь?

— Нет. Это слишком опасно для меня самого и для всех в округе.

— О Владыка Озерного края, пожалуйста, прошу... — захныкал полупризрак.

— Послушай меня, — перебил его Владыка. — Возьми эту сумку и брось ее в самую вязкую болотную трясину, туда, где никто не найдет ее. А как выполнишь это, возвращайся, и я сделаю для тебя все, что смогу, все, что позволяют целительные силы народа Озерного края.

— Но сможешь ли ты сделать меня снова таким, как я был? — взвизгнула тварь. — Позволяет ли это твоя власть?

Владыка Озерного края покачал головой:

— Боюсь, что сделать все, как было прежде, не удастся. Боюсь, что точно таким, каким ты был, не сможет сделать тебя никто.

Полупризрак издал вопль, словно от сильной боли, схватил сумку с бутылкой и бросился бежать.

В первое мгновение Владыка Озерного края хотел вернуть его, но передумал. В конце концов призрачная тварь пришла сюда по доброй воле и должна так же свободно уйти отсюда. Помочь ей не согласится никто. Всем остальным созданиям помешает это сделать чувство ужаса. Самому же полупризраку эта бутылка бесполезна. Поэтому он, может, согласится на предложение Владыки и ско-

рее всего утопит бутылку в болоте. Значит, можно не опасаться, что бутылка попадет в руки более опрометчивого хозяина.

Владыка Озерного края был слишком занят воспоминаниями о том, что случилось на поляне с матерью Ивицы, поэтому он отогнал от себя мысли о дальнейшей судьбе призрачной твари.

Если бы он знал, что выйдет из этого, то пожалел бы о своем легкомыслии.

Призрачная тварь бежала всю ночь. Покинув болота, окружающие Озерный край, она добралась до лесистых холмов, а минуя замок Чистейшего Серебра, направилась в горы. Сначала полупризрак бежал наугад в полном отчаянии, но потом вдруг понял, что может добраться туда, где была надежда на помощь и спасение.

Перед рассветом полупризрак достиг Бездонной Пропасти.

— Ночная Мгла поможет мне, — прошептал он.

Полупризрак стал осторожно спускаться вниз, прижав к себе одной «рукой» сумку с драгоценной бутылкой. Наверху, в горах, уже начало светать, и призрачной твари пришлось поторопиться. Когда полупризрак наконец достиг болотистого, поросшего кустарником и травой дна пропасти, Ночная Мгла уже ждала его. Она возникла перед ним как из-под земли, высокая и грозная; черные одежды и иссиня-черные волосы оттеняли белизну ее кожи.

Зеленые глаза Ночной Мглы бесстрастно смотрели на полупризрака.

— Что привело тебя сюда, призрачная тварь? — спросила она.

— Госпожа, я принес тебе подарок и хочу взамен получить подарок от тебя, — ответил несчастный, упав на колени. — Ты не поверишь, но я принес сокровище, которое...

— Дай его мне, — тихо приказала она.

Призрачная тварь послушно вручила Ночной Мгле сумку, не в силах противиться ее властной воле. Ведьма же извлекла из сумки бутылку и жадно поглядела на нее.

— Та самая! — Голос хозяйки Бездонной Пропасти был похож на шипение змеи. Она немного полюбовалась волшебной бутылкой, потом снова бросила взгляд на призрачную тварь и спросила: — Что же ты хочешь получить от меня?

— Позволь мне стать тем, кем я был прежде! — воскликнул полупризрак.

Ночная Мгла загадочно улыбнулась:

— Ну, такую просьбу будет нетрудно исполнить, призрачная тварь. Прежде тебя, как и всех нас, не было вовсе.

И она легонько коснулась его головы. Вспыхнуло пламя, и призрачная тварь исчезла. На ее месте появилась большая стрекоза, которая с жужжанием улетела прочь, словно спасая свою жизнь. Потом ее схватила какая-то огромная болотная тварь, и стрекозы не стало.

Ночная Мгла снова улыбнулась.

— Надо же было пожелать такую глупость, — прошептала она.

На востоке занималась заря нового дня. Бережно держа в руках волшебную бутылку, Ночная Мгла приготовилась встретить этот день.

ГЛАВА 15
ПОИСКИ

Бен Холидей остановил машину, взятую напрокат, на подъездной дорожке у дома двадцать девять восемьдесят шесть Форест-парка. Он посмотрел на Майлза, потом — на Ивицу, которая слабо улыбнулась ему, хотя у нее был измученный вид. Бен нашел в себе силы улыбнуться в ответ.

Они втроем вошли во двор маленького уютного домика с садом и постучались в дверь.

Дверь отворилась, и на порог вышел, беспокойно озираясь, долговязый бородач с банкой пива в руке.

— Слушаю, — сказал он, глядя на Ивицу.

— Вы Дэвис Витсел? — спросил Бен.

— Допустим. — В голосе хозяина слышались страх и недоверие. При этом он по-прежнему не сводил глаз с сильфиды.

— Это у вас есть говорящая собака? — Витсел молча смотрел на Ивицу. — Та самая, о которой вас спрашивали в «Голливуд Ай», — уточнил Бен.

Ивица улыбнулась. Хозяин наконец смог отвести глаза.

— Вы что же, из «Ай»? — спросил он.

Майлз покачал головой:

— Едва ли, мистер Витсел. Мы из...

— Мы представляем другой концерн, — поспешно вставил Бен. — Почему бы нам с вами не пройти в ваш дом и не поговорить?

— Я не думаю... — неуверенно начал Витсел.

— Вы могли бы спокойно допить свое пиво, — снова вмешался Бен. — А заодно и дать леди возможность немного передохнуть. Она не очень хорошо себя чувствует.

— У меня больше нет этой собаки, — внезапно признался хозяин.

Бен и его спутники переглянулись.

— Нельзя ли с вами все же побеседовать в доме? — спросил Бен, стараясь сохранить спокойствие.

Бену показалось, что хозяин ответит отказом. Он и вправду собирался закрыть перед ними дверь, но почему-то передумал, молча кивнул и впустил незваных гостей.

Закрыв дверь, хозяин уселся в старое кресло. Здесь царили тишь и полумрак; тишину нарушало только тиканье старинных часов.

Витсел отхлебнул пива из банки и повторил, обращаясь к гостям:

— Я же сказал, этой собаки здесь уже нет.

— Куда же она подевалась? — спросил Бен.

— Не знаю, — пожал плечами хозяин, явно стараясь скрыть тревогу.

— Не знаете? — переспросил Бен. — Что же, она взяла и ушла?

— Ну, вроде того. Да и какая теперь разница? Но кто вы такие? Вы что, из «Инкезайера»?

Бен тяжело вздохнул:

— Прежде чем мы вам об этом поведаем, мистер Витсел, я хотел бы кое о чем вас спросить. Я должен быть уверен, что мы имеем в виду одну и ту же собаку. Мы ищем вполне определенную собаку, которая умеет разговаривать. Эта собака действительно разговаривала по-человечески, мистер Витсел?

Витсел вдруг почему-то испугался.

— Нам не имеет смысла продолжать этот разговор, а вам лучше уйти, — заявил он.

Гости словно не обратили внимания на его слова. Ивица его скорее всего просто не слышала. Она вдруг издала странный звук, похожий на крик птицы. Бен никогда не слышал ничего подобного. Когда она вскрикнула, маленький черный пудель с жалобным лаем выскочил из-под кушетки и вдруг прыгнул ей на колени, точно они были давними друзьями. Собачка прижалась к девушке и принялась лизать ее руку, а Ивица стала ласково гладить пуделя.

— Она очень испугалась, — сказала Ивица, не обращаясь ни к кому в отдельности.

Витсел привстал было, потом сел снова.

— С какой стати я вам должен что-то рассказывать? — проворчал он. — Откуда мне знать, чего вы добиваетесь?

— Мы хотим, чтобы вы немного помогли нам, — ответил за всех Майлз.

— Может быть, вы из полиции? — спросил хозяин. — Из какого-нибудь специального отдела? — Но он тут же прервал самого себя: — Хотя о чем я говорю? В полиции не служат девушки с зелеными волосами!

— Нет, мы не из полиции. — С этими словами Бен вдруг встал и начал ходить по комнате. Он думал о том, что можно рассказать этому человеку.

Витсел между тем снова стал глазеть на Ивицу, ласкавшую черного пуделя.

Бен наконец решился.

— Эту собаку звали Абернети? — спросил он.

На этот раз хозяин не скрыл своего изумления.

— Да. Но откуда вам это известно? — робко спросил он.

Бен снова уселся.

— Меня зовут Бен. А это Майлз и Ивица, — сказал он. — Абернети — наш друг, мистер Витсел, вот почему нам это известно. Мы приехали сюда, чтобы забрать его домой.

Наступила долгая пауза. Хозяин и гости изучающе смотрели друг на друга. Наконец Дэвис Витсел взял себя в руки:

— Я вам верю. Не знаю почему, но верю. Я хотел бы вам помочь, но... — Он тяжело вздохнул. — Собака... то есть Абернети действительно пропал.

— Вы продали его, мистер Витсел! — вскричал раздосадованный Бен.

— У меня и в мыслях ничего подобного не было! Я просто хотел заработать немного баксов на этом интервью для «Ай», потом отправить его в Виргинию, как он просил. Ничего худого я не замышлял. Просто представился такой случай, которого я, может, всю жизнь ждал. Знаете, признание, новые возможности... — Он вдруг печально умолк, откинувшись в кресле. — Но сейчас все это уже не важно, — продолжал Витсел. — У меня больше нет Абернети. Кто-то похитил его. — Он снова отхлебнул пива из банки и спросил: — А вы действительно те, за кого себя выдаете, — друзья Абернети?

Бен кивнул.

— А вы? — задал он встречный вопрос.

— Да, хотя исходя из обстоятельств в это, может быть, трудно поверить.

— Тогда почему бы вам не рассказать, как все произошло? — предложил Бен.

И хозяин дома принялся рассказывать.

Он начал с того, как выступал в школе имени Франклина и как там девочка Элизабет (черт возьми, он даже не знает ее фамилии!) подошла и попросила помочь. Он рассказал, как Абернети пришел к нему ночью — тот действительно разговаривал по-человечески и ходил прямо как человек. Так вот, Абернети сказал тогда, что к Витселу его послала эта девочка Элизабет и что песику зачем-то нужно попасть в Виргинию, а позвонить он туда не может, потому что у его друзей нет телефона. Витсел тогда не поверил этому рассказу, но все же согласился помочь Абернети, спрятал его у себя, отослал жену к маме и постарался устроить это интервью с «Голливуд Ай», чтобы достать денег на билет до Виргинии для Абернети да и самому, быть может, немного заработать на этом деле.

— Но я остался в дураках, — грустно сказал Витсел. — Меня выманили из дома, а когда я вернулся, Абернети уже не было, а бедняжку Софи посадили в холодильник, и она чуть не замерзла. Вот почему она сейчас такая капризная, — пояснил он, глядя на Ивицу, и продолжил, обращаясь к Бену: — Конечно, я не могу привести никаких доказательств, но для меня ясно как день, что вашего друга похитил из моего дома тот же тип, который сначала посадил его в клетку. К сожалению, я понятия не имею, кто он такой. Да, признаться, не хотелось бы и знать, что за тип.

Тут Витсел, видимо, сообразил, что это звучит не очень хорошо, и покраснел.

— Прошу прощения, — извинился он. — Конечно, я мог бы все разузнать, если бы пошел в ту школу и выяснил фамилию и адрес Элизабет. Она должна знать похитителя. Черт возьми, я готов сделать это прямо сейчас, мистер, если это как-то поможет собаке... то есть Абернети.

— Большое спасибо, но мы, я полагаю, уже знаем имя похитителя, — спокойно ответил Бен. — По-моему, мы знаем также, где его искать. — Хозяин дома удивленно умолк. — Можете вы нам еще что-нибудь сообщить? — спросил Бен.

— По-моему, нет, — ответил Витсел после некоторого раздумья. — А вы полагаете, что сможете помочь Абернети?

Бен молча встал, и остальные последовали его примеру. Софи спрыгнула на пол и прижалась к ногам Ивицы.

— Спасибо за помощь, мистер Витсел, — сказал все время молчавший Майлз.

— Послушайте, не пойти ли мне с вами? — спросил вдруг хозяин дома, к общему удивлению. — Дело это, кажется, довольно опасное, но я хотел бы принять участие...

— Нет, пожалуй, не стоит, — ответил Бен, направляясь к дверям.

Дэвис Витсел последовал за ним.

— На вашем месте я бы побеспокоился и о девочке, — сказал он. — Ее могли выследить.

— Мы позаботимся о ней. Думаю, все будет хорошо, — ответил Бен, уже занятый мыслями о том, что предпринять дальше.

На смену дню шел ясный вечер. Хозяин дома проводил гостей до калитки.

— Мне очень жаль, что все так получилось, — сказал Витсел. Он пожал руки гостям; видимо, этот жест придал ему больше уверенности в том, что они поверили ему. — Знаете, — продолжал он, — я не имею понятия, кто вы и откуда, но одно могу сказать определенно: я никогда не хотел причинить вреда Абернети. Скажите ему об этом, хорошо? И девочке тоже это скажите.

Бен кивнул:

— Мы обязательно скажем им, мистер Витсел.

Автомобиль, украшенный эмблемой страховой компании, увозил гостей, искренне надеявшихся, что все образуется.

А в Заземелье придворный волшебник Тьюс также был занят поисками. Но у него не было оснований надеяться на лучшее. После бегства из крепости Риндвейр советник, оба кобольда и кыш-гномы отправились на юг и наконец достигли замка Чистейшего Серебра. Советник Тьюс и кобольды решили вернуться домой, потому что бутылка исчезла, а где ее искать, волшебник пока что не имел представления. К тому же в отсутствие короля Тьюсу следовало заниматься государственными делами. Что касается гномов, то они потащились за Тьюсом после столкновения с шайкой троллей, все еще не придя в себя от страха.

Сразу по прибытии в королевский замок советнику принесли послание разгневанного Каллендбора, угрожавшего местью за «кражу» драгоценной бутылки. Но на волшебника это не произвело особого впечатления. Каллендбор, как бы он ни был разозлен, не посмеет бросить открытый вызов королевской власти (разве что он проведает, что Холидея нет в Заземелье, но, да поможет небо, этого случиться не должно!). Советник Тьюс написал ответ, составленный в сильных выражениях, где снова говорилось, что он никакого отношения к бутылке не имеет, как не причастны к этому и все его спутники, а всякие враждебные поползновения будут пресечены. Поставив гербовую печать, Тьюс отослал с Сапожком письмо Каллендбору.

На следующие сутки советник принял депутацию от лордов Зеленого Дола, включая Стрехана, которые жаловались на то, что Каллендбор разрушил их крепость; потом как придворный советник выступал во вновь созданной судейской коллегии по надзору за соблюдением королевских указов; затем изучал бумаги, касающиеся орошения безводных земель в восточной части равнины; после чего принимал и выслушивал посланцев из всех уголков страны. Все это советник Тьюс делал как доверенное лицо короля от его имени и заверял всех, что Его Величество уделит должное внимание их проблемам и просьбам. Никто не оспаривал решений советника. Все считали, что король, хотя его и нет сейчас в замке, находится где-то в Заземелье, а Тьюс никого в этом не разубеждал. Тот день прошел довольно спокойно.

Но наутро появились тревожные известия. Со всех концов страны одновременно стали поступать сообщения о беспорядках. У горных троллей вдруг начались потасовки и столкновения не только с гномами, но также и с жителями Зеленого Дола, с кобольдами, водяными; и, более того, тролли стали драться даже между собой. Из Озерного края поступили жалобы на то, что их земля затопляется грязной водой из Зеленого Дола, а также одолело нашествие крыс. А из Восточных Пустошей жаловались, что им не дают покоя дракончики, уничтожающие урожай. Волшебные создания и люди ссорились и кляузничали друг на друга, словно у них не осталось иных занятий. Донос следовал за доносом, и советник Тьюс не знал, что ему делать.

На третий день стало еще хуже. Утром поступило множество новых жалоб и доносов. Все, казалось, перессорились со всеми, без всякой видимой причины. Никто толком не знал, почему все это происходит. Но все требовали решительных мер, чтобы король лично разобрался со всеми этими безобразиями.

Советник Тьюс понял, что тут дело нечисто. Он уже догадывался, что ко всем беспорядкам имеет какое-то отношение Злыдень, а теперь начал подозревать, что злой дух служит интересам какого-то лица (или лиц), которое хочет возбудить всеобщую ненависть к Бену Холидею. Если не считать Каллендбора, который потерял бутылку и вряд ли мог заполучить ее назад, в Заземелье оставались двое, кто больше всего желал отомстить Холидею: дракон Страбон и Ночная Мгла.

Но дракон едва ли станет прибегать к помощи колдовства, чтобы разделаться с Беном. Он считает, что способен сделать это собственными силами.

Иное дело — ведьма.

Советник отправил гонцов и вестников отдохнуть в покои для посетителей, а сам поднялся на самую высокую башню дворца, туда, где находилась смотровая площадка Землевидения. Там, стоя у перил, Тьюс произнес заклинание — и вот, увлекаемый волшебной силой, он поднялся в воздух и полетел через пространство над равниной, прямо к Бездонной Пропасти. Это было безопасно, потому что сейчас он мог видеть все, что нужно, но сам был невидим. Волшебник принялся искать глазами ведьму, но не нашел ее. Тогда Тьюс пролетел над всей равниной. Ночной Мглы нигде не было видно.

Волшебник вернулся в королевский замок, принял новых жалобщиков, после чего снова поднялся на смотровую площадку и повторил свой полет. В тот день он совершил пять подобных путешествий, и с каждым разом тревога его росла: дела становились все хуже, повсюду вассалы и подданные требовали немедленного вмешательства короля, а найти ведьму советнику так и не удалось. Неужели он ошибся?

Но́ наконец во время пятого путешествия волшебнику повезло. Он обнаружил ведьму на северной границе ее владения, уже на Мельхорской гряде, где она свободно могла наблюдать за тем, что делалось на равнине.

В руке Ночная Мгла держала пропавшую бутылку, на ее горлышке сидел довольный Злыдень. Волшебник вернулся в замок Чистейшего Серебра, отпустил посетителей и стал думать, как быть дальше.

Он не мог не понимать (хотя это было очень неприятно), что все это произошло по его вине. Именно он настоял на том, чтобы превратить Абернети из собаки в человека. Именно он уговорил короля отдать ему, Тьюсу, драгоценный медальон, необходимый для этого превращения. Он же напутал с заклинаниями, после чего бедняга писец попал в прежний мир Бена, а Злыдень попал в Заземелье. Он же, Тьюс, оставил бутылку, по сути, без присмотра, отчего ее и смогли украсть гномы, а у них — тролли, а у тех — Каллендбор, а у него — кто-то еще, так что теперь она оказалась у Ночной Мглы.

Увы, все это было правдой. Получалось, что он, советник Тьюс, плохой волшебник. Не так часто можно было сказать, что он владеет волшебством; чаще выходило, что волшебство владеет им. Он ученик, которому до сих пор не удалось стать мастером в своем деле. Так, может быть, следует наконец признать собственную несостоятельность как волшебника? Тьюс яростно замотал головой. Нет! Лучше превратиться в жабу!

Советник встал из-за стола и стал расхаживать по палате. Какой смысл предаваться бесплодному самобичеванию? Волшебник

он или нет, но с Ночною Мглой надо что-то делать, и поскорее. Другой вопрос — что именно. Можно явиться к ней в Бездонную Пропасть и, пригрозив заколдовать ее, потребовать бутылку назад. Но это для него будет равносильно самоубийству. Там, в своем владении, да еще вместе со Злыднем, ведьма, без сомнения, расправится с волшебником.

Едва ли найдется сила более мощная, чем соединенное могущество ведьмы в ее царстве со злым духом, живущим в бутылке.

Только Паладин в силах справиться с ними, но Паладина мог вызвать только король, а он сейчас в своем прежнем мире и не сможет вернуться, пока не найдет Абернети и медальон.

Советник тяжело вздохнул. Ну надо же, как все запуталось!

— Коли по моей вине идет такая чехарда, значит, мне все и распутывать! — проворчал он.

А это значило: найти Холидея, Абернети, медальон, сделать так, чтобы они попали в Заземелье, после чего король и Паладин должны будут управиться с Ночною Мглой и Злыднем. Но волшебник знал, что он не сможет вернуть короля в Заземелье силой своих чар. Отправляя Бена в его прежний мир, Тьюс честно сказал об этом.

Был, однако, другой путь, но это выглядело маловероятным.

Ну и как же все распутать?

При мысли о том, что ему предстояло сделать, советник даже похолодел и закутался в свою мантию... Но в конце концов — он придворный волшебник или нет?! Надо посмотреть правде в глаза.

— Довольно терять время, — прошептал Тьюс.

Приняв решение, он пошел искать Сапожка. Ночью надо будет отправляться в путь.

ГЛАВА 16

ПРОБНЫЙ ШАР

— А я говорю: из этого ничего не выйдет, — продолжал настаивать Майлз Беннетт. — Не могу понять, как это я согласился на твои уговоры, док.

— Это ты уже говорил, — устало произнес Бен. — Нельзя ли посмотреть на это дело с другой стороны?

— Да хоть с любой стороны, могу сказать то же самое: ничего не выйдет!

Бен вздохнул, откинулся на сиденье, вытянул ноги и покрутил большими пальцами сцепленных рук.

— Выйдет, — ответил он.

Они ехали в черном лимузине через пригороды, на север от Вудинвилла. Майлз сидел за рулем, а Бен — на заднем сиденье. Майлз был одет как шофер, но кепка и пиджак были, кажется, на размер меньше, чем нужно. К сожалению, они не имели времени покупать для Майлза шоферскую спецодежду, а потому пришлось довольствоваться одеждой настоящего шофера. Как и полагалось по условиям сценария, Бен был одет гораздо лучше. На нем был синий костюм-тройка за пятьсот долларов, голубая шелковая рубашка, лиловый галстук с синими искорками, из нагрудного кармана виднелась полоска платка такой же расцветки. Поглядев на свое отражение в зеркале заднего обзора, Бен подумал, что у него, как обычно, вид преуспевающего, богатого бизнесмена, особенно в этом наемном лимузине и с личным шофером.

Впрочем, Бен ведь и должен был так выглядеть.

— А если он видел твою фотографию? — спросил Майлз. — Если он узнает тебя?

— Тогда мне придется туго, — ответил Бен. — Но этого просто не случится. Где бы он мог видеть мою фотографию? Микс всегда сам занимался распродажей достояния Заземелья. Микел Ард Ри довольствовался получением денег. У него хватало собственных дел.

— Таких, например, как торговля оружием или устройство переворотов за рубежом, — покачал головой Майлз. — Наш план слишком опасен, док.

— Это верно. Но другого у нас нет, — уверенно ответил Бен.

Он смотрел на большие деревья, мелькавшие по обеим сторонам шоссе, похожие в темноте на великанов-часовых. Местность, по которой они ехали, выглядела пустынной и мрачной. «Хорошее дело — иметь план. Но иметь хороший план было бы еще лучше», — скаламбурил Бен и невесело улыбнулся.

Они расстались с Дэвисом Витселом, будучи уверенными, что Абернети снова попал в руки Микела Ард Ри. Не важно, что Витсел не видел похитителей. Как и он, Бен и Майлз не сомневались, что это мог быть только Микел. Абернети наверняка снова попал в его замок, и теперь надо было спасти писца как можно быстрее. Никто не мог сказать, что теперь сделает Микел Ард Ри и с Абернети, и с этой девчонкой Элизабет. Он даже может использовать ее как орудие против Абернети. Медальон ведь у него (это подтвердил и Вит-

сел). Очевидно, Микел Ард Ри знает о талисмане и хочет им завладеть, иначе бы он давно отделался от Абернети. Конечно, он не может силой отобрать медальон, однако может оказать на писца давление, чтобы Абернети сам отдал его.

Слишком большая опасность угрожала и Абернети, и девочке. К тому же Ивица чувствовала себя все хуже в этом мире. И сверх того, Бог знает, что сейчас делается в Заземелье, куда попал Злыдень и где за правителя остался советник Тьюс. Поэтому Бен и ухватился за эту идею. Однако для ее воплощения нужно было очень большое везение.

— Не забудь, пожалуйста, про Ивицу, — напомнил Бен Майлзу.

— Не забуду. Хотя я не знаю, будет ли она намного удачливее тебя, — съязвил Майлз и тут же спохватился: — Помни, док, там все освещено.

Бен кивнул. Он и сам беспокоился об этом. Сможет ли Ивица, когда потребуется, пустить в ход свои волшебные чары? Он знал, что в обычных условиях сильфида, как существо волшебное, может становиться невидимкой, когда захочет. Но то — в Заземелье и когда она здорова! Здесь же она слишком ослабла и не могла получить из земли жизненно необходимых сил. Она уже говорила об этом Бену. Ивица не выйдет из этого состояния, пока не получит возможности отправиться назад, в Заземелье.

Бен стиснул зубы. Хватит этих бесплодных размышлений. Только медальон спасет Ивицу, как и их всех.

Пока все шло нормально, да и не составило труда нанять лимузин и шофера, а потом поехать в небольшой мотель в Ботеле (к северу от Сиэтла), где они решили устроить свою базу. Нетрудно было также подкупить шофера, чтобы он отдал одежду Майлзу и посидел какое-то время в мотеле у телевизора.

Найти место, где живет Микел Ард Ри, оказалось еще легче. Менеджер мотеля сразу понял, о ком идет речь.

— А, это тот сумасшедший, что живет в замке! — воскликнул он. — Называется этот замок, кажется, Грамма-Вит или что-то вроде того, словно во времена короля Артура. Он стоит за винным заводом, что около шоссе, но так, что с шоссе его не видно. Этот тип превратил свое жилище во что-то вроде тюрьмы и близко никого не подпускает. Одно слово — сумасшедший. Кто еще станет сейчас ни с того ни с сего жить в замке?

Менеджер даже начертил план для Бена.

Но одно дело — разыскать сумасшедшего, а другое — договориться с ним о встрече, да еще ночью. Бен позвонил в замок по телефону и переговорил с человеком, который, видимо, специаль-

но был нанят для того, чтобы назойливые личности вроде Бена не беспокоили босса. Бен объяснил секретарю, что он приехал в Сиэтл на одну ночь, что очень спешит и что привык заниматься важными делами в вечернее и даже в ночное время. Бен говорил о деньгах, пытался воздействовать на честолюбие, всячески старался уговорить абонента. Но тот оставался непреклонным. Дважды секретарь отходил будто бы для разговора с боссом, но оба раза по возвращении оставался таким же несговорчивым. Встреча, говорил он, может состояться завтра или в другой день, но только не сегодня вечером. Мистер Ард Ри ни с кем не встречается в поздние часы. Тогда Бен упомянул имя Абернети, намекнул на свои связи с правительственными службами и сказал, что если он сегодня же не встретится с мистером Ард Ри, то он, Бен, обратится к одной из этих служб, и тогда мистеру Ард Ри не так легко будет ответить отказом.

Это подействовало. Секретарь неохотно, но спросил, обязательно ли эта встреча должна состояться поздно вечером. Бен продолжал настаивать на этом. Потом наступила пауза, во время которой секретарь явно переговорил с боссом, после чего объявил, что встреча состоится в Граум-Вит ровно в девять часов вечера. Разговор был окончен. Голос секретаря звучал угрожающе, но для Бена это сейчас было не важно. Его свидание с Микелом должно состояться сегодня, иначе весь план летит к чертям.

Бен очнулся от своих раздумий, потому что Майлз вдруг сбавил скорость и свернул налево, на узкую дорогу с односторонним движением, по обе стороны которой стеной стояли деревья, а за ними начинался лес. Освещали дорогу только фары редких машин, да еще доходил сюда свет из одиноких домов, стоявших в отдалении от дороги. Постепенно лес по обе стороны дороги сменился виноградниками, которым не видно было конца. Бен подумал об Ивице, она лежала в багажнике, тщательно укутанная в одеяла. Ему очень хотелось посмотреть, как она себя чувствует, но это значило бы нарушить их план. После выезда из мотеля они не должны были останавливаться до тех пор, пока...

Бен зажмурился от неожиданно яркого света. Подъезд к замку был освещен сильными прожекторами, причем они зажигались в момент приближения лимузина. Когда машина въехала на вершину холма, они увидели башни замка Граум-Вит. И хотя до замка было еще неблизко, они вполне могли разглядеть его. Уже начал опускаться подъемный мост через ров, и поднялась решетка, загораживающая ворота. Крепость была окружена земляным валом и проволочными заграждениями. Лимузин подъехал к массивным железным

воротам в каменной стене, которая тянулась по всему периметру огромной крепости.

Бен невольно вздрогнул. Как странно и зловеще выглядел этот «замок»!

Железные ворота бесшумно открылись, и лимузин въехал внутрь. Майлз угрюмо молчал. Бен понимал, что сейчас должен был чувствовать его приятель.

Извилистая дорога была ярко освещена, а по обе стороны ее тянулись водосточные канавы. По замыслу владельца замка, дорога здесь должна существовать только одна.

Впервые с начала этого предприятия Бен начал сомневаться в успехе. Граум-Вит был похож на огромное фантастическое чудовище со своими башнями, бойницами, валами, охраной, прожекторами, колючей проволокой, эта крепость действительно гораздо больше напоминала тюрьму, нежели замок. По сути дела, они прибыли в тюрьму, потому что здесь никто не сможет их защитить. Бен почувствовал тревогу. Каким глупцом он оказался! Он-то думал, что все еще находится в мире небоскребов и реактивных двигателей. Но Граум-Вит принадлежал к другому миру, к тому, который Бен узнал пару лет назад, с тех пор как купил свое королевство. Пусть этот замок окружен современными городами — все же он представляет собой часть Заземелья! Но здесь нет Паладина, который мог бы вступиться за него, нет Тьюса, который мог дать ему совет или даже помочь своим волшебством. Если он, Бен, сделает промах, это может окончиться трагически.

Извилистая дорога закончилась, и они въехали на следующий подъемный мост. Поднялась следующая решетка, открылись ворота, и лимузин въехал во внутренний двор замка. Ухоженные газоны и клумбы не могли уменьшить гнетущего впечатления от мрачных каменных стен и зарешеченных окон.

— Замечательно! — проворчал Майлз.

Бен промолчал. Он уже овладел собой. Ведь прежде, в бытность адвокатом, ему случалось приезжать в тюрьмы. Считай, что он приехал в тюрьму в очередной раз — ни больше ни меньше.

Майлз остановил машину у главного входа, вышел из нее и открыл дверцу, чтобы выпустить Бена. Бен вышел во двор замка и осмотрелся. Двор был освещен прожекторами. «Слишком много света», — подумал он. Все выходы охраняла стража, вооруженные люди прохаживались вдоль стен. Их здесь тоже было с избытком.

Привратник молча отворил тяжелую дубовую с бронзовыми украшениями дверь и остановился, ожидая гостя.

— Счастливо, док, — прошептал Майлз, закрыв дверцу машины.

Бен натужно улыбнулся, поднялся по ступенькам и исчез в замке.

Майлз подождал несколько минут, затем осторожно огляделся. Двери замка были уже снова закрыты. Во дворе не было никого, кроме патрулировавших часовых. Майлз покачал головой. Он быстро открыл багажник, стараясь казаться совершенно спокойным. Потом вытащил из багажника ветошь. Старался не смотреть на Ивицу, которая лежала там, скорчившись в одеялах. Оставив багажник открытым, «шофер» начал протирать ветошью ветровое стекло машины. Из темноты выступили двое в черной форме, вооруженные автоматами. Они стали молча наблюдать за Майлзом. Тот продолжал протирать стекло. «Вряд ли Ивице удастся провернуть задуманное», — мелькнула тревожная мысль.

Часовые направились в его сторону. Майлз похолодел. Надо было придумать что-то. Он поднял капот и стал делать вид, будто осматривает мотор автомобиля. Никогда еще Майлз не оказывался в такой западне, и никогда не было вокруг него столько враждебно настроенных людей, да к тому же с оружием. Он чувствовал, что за ним следят десятки глаз. И все они, эти глаза, могут заметить Ивицу, когда она попытается проскользнуть к двери замка.

Закончив с «осмотром», Майлз опустил капот. Он готов был поклясться, что никого, кроме охраны, во дворе не было. Чего же он ждет? И чего она ждет, черт побери?! Ох уж этот чумной док с его идиотским планом!

Майлз вернулся к багажнику, готовый послать все к чертям, уверенный, что план провалился. Каково же было его удивление, когда он увидел, что Ивицы и след простыл.

Привратник у входа обыскал Бена, но не нашел ни оружия, ни электроники (да и не мог найти — их не было). Оба молчали. По окончании обыска Бен пошел за привратником по узкому сводчатому коридору, украшенному гобеленами, старинным оружием, картинами в золоченых рамах. Наконец привратник открыл большие дубовые двери, и они прошли в кабинет. Это не была комната со стеллажами, столиком и креслом, какие обычно называют кабинетами. Они находились в настоящем старинном кабинете в английском стиле с десятком огромных кресел и несколькими столиками вроде тех, что можно увидеть в фильмах про Шерлока Холмса, когда за подобными столиками сидят персонажи фильма, пьют бренди и обсуждают убийства. В огромном, во всю стену высотой, камине пылало пламя. Два больших зарешеченных окна выходили в сад. Привратник, пропустив Бена в кабинет, закрыл за ним двери и уда-

лился. Микел Ард Ри, очевидно, сидевший в одном из кресел, внезапно вырос посреди кабинета, словно воплотившееся призрачное существо. Это был высокий костлявый брюнет в сером комбинезоне и низких сапогах, что выглядело здесь довольно странно. Но взгляд Микела Ард Ри не сулил ничего хорошего, его черные глаза глядели зловеще, а на худом лице словно застыло выражение неприязни. Микел не подал гостю руки, не пригласил его сесть, не поздоровался даже наклоном головы. Он просто молча изучал его. Наконец тихо сказал:

— Я не люблю, когда мне угрожают, мистер Сквайрз. — Так Бен назвал себя в телефонном разговоре. — Не люблю — кто бы то ни был, но особенно когда это делают люди, которые жаждут иметь со мной дело.

Бен начал играть свою роль.

— Мне было необходимо увидеться с вами, мистер Ард Ри, — ответил он спокойно. — Притом сегодня вечером. Конечно, мне было необходимо как-то переубедить вас.

Микел Ард Ри снова оценивающе посмотрел на гостя, потом сказал:

— Вы добились встречи со мной. Что вам нужно?

Бен подошел к нему поближе, на расстояние шагов десяти, и поглядел ему в глаза.

— Мне нужен Абернети, — твердо сказал он.

Ард Ри пожал плечами:

— Вы уже говорили об этом, но я не знаю, что конкретно вы имеете в виду.

— Давайте сэкономим и мое, и ваше время, — деловито предложил Бен. — Я знаю все об Абернети. Знаю, что он собой представляет и что умеет делать. Мне известна история с Дэвисом Витселом, а также с «Голливуд Ай». Мне, правда, неизвестно, зачем вам понадобилось это существо, но это и не важно, поскольку ваши интересы не входят в противоречие с моими.

На этот раз во взгляде Микела Ард Ри появилось нечто вроде любопытства.

— А в чем ваш интерес?

— Он имеет научный характер, — ответил Бен. — Я работаю в специализированном бизнесе. Мы исследуем условия жизни различных существ, а также пытаемся усовершенствовать то, что создано природой. Не все в нашем деле осуществляется гласно. Вы скорее всего не слышали ни названия нашей фирмы, ни моего имени. Дядя Сэм помогает нам деньгами, и время от времени мы с ним оказываем друг другу небольшие услуги. Вы понимаете меня?

Он кивнул:

— Занимаетесь экспериментами?

— Да, в том числе. — Бен мило улыбнулся хозяину. — Не могли бы мы с вами присесть и побеседовать как деловые люди?

Микел Ард Ри, не ответив улыбкой на улыбку, просто указал гостю на кресло и сам сел напротив.

— Все это очень интересно, мистер Сквайрз, — сказал он, — но я ничем не могу помочь вам. Никакого Абернети не существует, вся эта история — чей-то вымысел.

Бен пожал плечами, словно иного ответа он и не ожидал.

— Как вам будет угодно, — ответил он. — Но если бы Абернети существовал и был здесь, то это оказалось бы выгодным для обеих сторон. Я мог бы сделать вам хорошее предложение.

— Вот как?! — удивленно произнес Микел, но выражение его лица не изменилось.

— Но в том лишь случае, если он невредим.

— Его не существует.

— Но если бы...

— О «если бы» говорить не приходится.

— Тогда за него можно было бы дать двадцать пять миллионов долларов.

Микел Ард Ри впервые заинтересованно посмотрел на гостя.

— Двадцать пять миллионов? — повторил он.

Бен кивнул. Он не располагал двадцатью пятью миллионами. Но он и не ожидал, что сможет купить своего друга за крупную сумму денег. Бен помнил, какую ценность для Микела представляет медальон. Нужно было просто выиграть время. А это занятие не стоило Бену ни цента.

Никем не замеченная, Ивица скользила по коридорам замка, словно тень. Она страшно устала, а необходимость прибегать к волшебству, чтобы оставаться невидимой, еще больше подрывала ее силы. Она постоянно чувствовала слабость и тошноту. Время от времени Ивице приходилось останавливаться, чтобы передохнуть в темном углу, иначе она не смогла бы двигаться дальше. Ивица понимала, что с нею происходит: она умирает. Жизненные силы оставляли ее постепенно, изо дня в день, но она уже не сомневалась, к чему идет дело. Ей нельзя было долго жить вне родного мира, но особенно здесь, где вода, воздух, земля были заражены и загрязнены. Ивица не говорила об этом Бену. Она не хотела его волновать, а самое главное — он ничем не мог ей помочь. И ведь она же знала,

какая опасность будет ей грозить, когда решилась отправиться вместе с ним сюда. Обвинять было некого, кроме себя.

Дышать тяжелым воздухом замка было трудно.

Кожа ее покрылась испариной. Но Ивица все же заставила себя двигаться дальше. Она находилась на втором этаже здания, и чутье подсказывало ей, что она уже близка к цели. Надо было, однако, поторопиться. Бену дорога каждая минута.

Свернув за угол, Ивица подошла к двери спальни и осторожно прислушалась. Она уловила чье-то дыхание. Должно быть, та девочка Элизабет, подумала Ивица и взялась за ручку двери. Они потому и выбрали позднее время, чтобы наверняка застать девочку дома.

Дверь не была заперта. Ивица вошла в спальню. Элизабет в ночной рубашке лежала в кровати и читала книгу. Она изумленно уставилась на Ивицу.

— Кто вы? — едва слышно спросила девочка. — Господи, вы же вся зеленая!

Ивица улыбнулась, закрыла за собой дверь и приложила палец к губам:

— Чшшш, Элизабет, тебе нечего бояться. Меня зовут Ивица. Абернети — мой друг.

Девочка села на кровати:

— Абернети?! Ваш друг?! — Она откинула одеяло и встала с постели. — А вы фея? Или принцесса фей? Вы похожи на принцессу! Наверное, вы волшебница! Вы можете сделать...

Ивица мгновенно приложила палец теперь к губам девочки.

— Чшшш, — повторила сильфида. — У нас очень мало времени.

Девочка нахмурилась:

— Не понимаю. Что могло случиться? Вы, должно быть, не знаете. Абернети сбежал! Его больше нет здесь. Микел посадил его в клетку в подвале, но я пробралась туда и выпустила его...

— Элизабет, послушай, — перебила Ивица. Она опустилась на колени возле кровати и взяла девочку за руки. — Боюсь, что Абернети все же не удалось убежать далеко. Микел нашел его и вернул в замок.

Услышав это, девочка чуть не заплакала.

— Бедняжка Абернети! Теперь Микел будет мучить его! — воскликнула она. — Он чуть не умер с голоду, и я помогла ему бежать. А теперь Микел его затравит. Я знаю Микела, он очень гадкий.

Ивица усадила Элизабет на кровать и сама села рядом.

— Мы должны снова помочь Абернети бежать, — сказала сильфида. — Скажи, пожалуйста, кто в замке может помочь нам?

Элизабет задумалась.

— Может быть, только мой папа, — ответила она. — Но его сейчас нет.

— А когда он вернется?

— На следующей неделе, в среду. Это еще не скоро, Ивица. А Микел уже так странно смотрел на меня сегодня во время ужина, как будто он что-то про меня знает. Он еще говорил про собак, а сам гадко усмехался. Наверное, он вправду что-то знает и дразнит меня. Он будет мучить Абернети, да, Ивица?

Ивица сжала руки Элизабет:

— Мы не позволим Микелу мучить Абернети. Мы заберем его с собой.

— Вы это можете сделать сейчас? А можно мне вам помочь? — спросила взволнованная девочка.

— Риск очень большой, — покачала головой сильфида.

— Но я хочу помочь! — возразила Элизабет. — Микел уже знает, что я помогла Абернети, так что мне нечего терять. Может быть, вы и меня возьмете с собой? Я больше не хочу здесь оставаться!

Ивица слегка нахмурилась.

— Элизабет, я... — начала было она.

— Микел уже сказал, что я не должна выходить из своей комнаты! — перебила девочка. — Завтра Хэллоуин, канун Дня всех святых, у всех будет карнавал, а я должна сидеть дома! Я даже попросила Ниту Колс и ее родителей предложить отвезти меня в школу на вечер. Но когда папа уехал, Микел сказал, что не разрешает мне быть на этом вечере. А я сказала, что все удивятся, почему я не пришла: ведь на вечере будет вся школа. И тогда Микел уступил. — Девочка заплакала. — Но теперь это, наверное, уже все равно, потому что Абернети опять схватили. А я уже решила, что с ним все хорошо!

Внезапно Элизабет перестала плакать и подняла голову:

— Ивица, а я знаю, как вызволить его отсюда! Если Микел снова запер Абернети в подвале, есть способ его вызволить.

— Как же это сделать, Элизабет? — ласково спросила Ивица.

— Так же, как я вывела его в прошлый раз: в подвале, в стене, есть дверь, а за ней — потайной ход! Микел сам о нем еще не знает! Это я уже проверила. После бегства Абернети та дверь не была заперта, все оставалось по-прежнему. Даже могу раздобыть ключ от его клетки, я вам точно говорю! — Глаза девочки загорелись, щеки заалели. — Ивица, мы сможем вызволить его сегодня же ночью!

Ивица ненадолго задумалась:

— Нет, Элизабет, этой ночью не получится. Но мы сделаем это очень скоро. И ты, быть может, поможешь нам, да ты уже помогла! Ты сказала, как найти Абернети. Для этого я и приходила к тебе. Но мы должны быть очень осторожны. Нам нельзя ошибиться. Ты понимаешь, Элизабет?

Элизабет разочарованно кивнула.

Ивица слабо улыбнулась. Она задержалась здесь дольше, чем рассчитывала, и силы уже окончательно покидали ее.

— Только, пожалуйста, никому не рассказывай, что я приходила к тебе, Элизабет, — сказала сильфида. — Ты должна вести себя так, будто ничего не знаешь об Абернети. Сможешь так сделать?

— Притворяться я умею хорошо, — грустно улыбнулась девочка.

— Ну и молодец. Будь терпеливой, Элизабет, — сказала Ивица на прощание. — Мы все хотим освободить нашего друга. Может быть, завтра...

— Я люблю Абернети, — вдруг сказала девочка сквозь слезы.

Ивица нежно обняла ее:

— И я тоже, Элизабет. — Ивица встала и направилась к двери.

— Двадцать пять миллионов очень большая сумма, мистер Сквайрз, — сказал Микел Ард Ри.

Бен наградил его самой обворожительной улыбкой:

— Мы не жалеем денег на наши исследования, мистер Ард Ри.

Некоторое время они молча сидели друг против друга, словно выжидая чего-то. Бен первым нарушил молчание:

— Предмет нашего разговора должен быть в хорошем состоянии. Мы можем работать только со здоровыми экземплярами. — Хозяин промолчал. — Мне необходимо будет сделать предварительный осмотр, — продолжал Бен. Снова никакого ответа. — Мне нужны гарантии, что этот Абернети...

— Никакого Абернети не существует, не забывайте, мистер Сквайрз, — сурово сказал Микел Ард Ри. — И даже если бы существовал... мне надо было бы обдумать ваше предложение.

Бен кивнул. Он и не надеялся, что у него будет возможность сегодня же увидеться с Абернети.

— Может быть, мы расширим временные рамки нашей встречи, мистер Ард Ри, и продолжим нашу беседу завтра? — спросил он.

Хозяин пожал плечами и встал.

— Я сам определю место и время нашей будущей встречи, мистер Сквайрз, — отрезал он.

Бен понимающе улыбнулся.

— Тише едешь — дальше будешь, — ответил он загадочно.

На этот раз улыбнулся и Микел Ард Ри. Он сделал несколько шагов и сказал:

— Позвольте дать вам совет, мистер Сквайрз. Вам следует быть осторожнее с вашими требованиями. Находиться здесь не безопасно. В этих стенах уже не раз исчезали люди. Никто не мог их найти потом. Это место, как бы вам сказать поточнее... заколдованное, что ли.

Бен похолодел. «Неужели этот мерзавец все понял?» — мелькнула у него мысль.

— Так ли много значат одна или две человеческие жизни? — продолжал хозяин. — Даже если это жизни важных людей, таких, например, как вы. Сила волшебства просто уничтожает некоторых людей, попавших сюда, мистер Сквайрз! Так что будьте осторожны. — Взгляд Микела Ард Ри говорил о том, что его угрозы вполне реальны. — Вы мне не нравитесь.

Отворилась дверь, в кабинет снова вошел привратник, и Ард Ри отвернулся. Бен вышел из кабинета и с трудом перевел дыхание. Он снова прошел по коридору до главного входа вслед за привратником. Когда Бен вышел во двор, ему показалось, что кто-то прошел мимо, слегка задев его. Бен огляделся. Никого не было. Майлз стоял у машины с закрытым багажником и уже открыл дверцу. Бен молча уселся на заднее сиденье.

— Ивица? — прошептал он тревожно.

— Я здесь, Бен, — услышал он ее слабый голос совсем рядом и даже вздрогнул от неожиданности.

Майлз сел за руль. Через минуту машина тронулась. Они выехали из ворот, проехали по мосту, потом по извилистой дороге и, наконец, оставили позади внешние ворота. Ивица, сидевшая рядом с Беном, рассказала ему все, что узнала от Элизабет. Некоторое время все молчали. Машина выехала на Вудинвиллское шоссе и на бешеной скорости помчалась в сторону города.

ГЛАВА 17

ЗАХВАТ

День тридцать первого октября выдался пасмурным, дождливым и ветреным. Вся западная часть штата Вашингтон почувствовала в тот день холодное дыхание зимы. В такую погоду люди любят сидеть у огня, пить что-нибудь горячее и читать интересные книги. Они при-

слушиваются к шуму дождя и ветра и могут при этом услышать новые, странные звуки. Короче говоря, как раз таким скорее всего и должен быть канун Дня всех святых — Хэллоуин.

Элизабет обедала в школьной столовой, когда сказали, что ей звонят из дома. Девочка побежала к телефону, оставив Ниту Колс стеречь кусок шоколадного торта, но когда Элизабет вернулась, она была настолько взволнована, что даже до него не дотронулась. Позже, когда девочки остались наедине, Элизабет сказала подружке, что везти ее на вечер, посвященный Хэллоуину, сегодня не понадобится, но зато она будет переживать событие не менее интересное. Нита пожала плечами и решила, что это какая-то очередная причуда ее взбалмошной подружки.

Бен Холидей большую часть этого дня провел в большом Сиэтле в поисках карнавального костюма. Он не скоро нашел нужный, а вернувшись в свой номер в мотеле, провел еще несколько часов в заботах, подгоняя костюм по себе, пока не получилось то, что нужно.

Ивица весь день находилась в постели, пытаясь восстановить силы. Она чувствовала еще большую слабость, ей трудно было дышать. Ивица пыталась скрыть свое состояние от Бена, но напрасно. Правда, он не стал ей надоедать, просто дал ей возможность отоспаться, заставив себя сосредоточиться на приготовлениях к вечеру. Ивица была признательна Бену за то, что он так хорошо понимал ее.

Майлз Беннетт посетил несколько частных аэропортов, пока наконец не нашел пилота, которого удалось уговорить совершить рейс этой ночью. Майлз сказал, что пассажиров будет четверо и что они летят в Виргинию.

Все трое занимались своими делами, как и остальные, но этим троим пятница казалась бесконечно долгой...

Вечером того же дня Бен, Майлз и Ивица снова ехали по Вудинвиллскому шоссе по направлению к замку Граум-Вит. Правда, лимузин уже возвратили хозяевам, и друзья на этот раз воспользовались обычной машиной, взятой напрокат. Теперь за рулем сидел Бен, Ивица рядом с ним, а Майлз на заднем сиденье. За окнами машины свистел ветер, и ветки деревьев стучали по стеклам, словно лапы каких-то зловещих существ. Серое небо к вечеру почернело.

— Док, из этого ничего не получится, — нарушил наконец молчание Майлз.

Бен невольно улыбнулся. Похоже, опять начиналась вчерашняя история.

— Почему же, Майлз? — спросил он.

— Потому что может возникнуть слишком много препятствий. Я помню, что вчера я говорил то же самое, — тогда все прошло нормально. Но сегодняшний план — другое дело. Он куда опаснее! Мы ведь даже не знаем, Абернети на прежнем месте, в этой подвальной клетке, или его там уже нет. Что, если он в другом месте? Что, если он там же, но вытащить его не удастся? Что, если они поменяли замок в клетке или спрятали ключи, наконец? Как мы поступим в таком случае?

— Вернемся завтра и предпримем новую попытку. Ты не согласен, дружище?

— Ну конечно! Хэллоуин-то уже кончится. Может, нам дождаться Дня Благодарения и притвориться индейками или подождать до Рождества и проникнуть через трубу, словно Санта-Клаус и его гномы?

Бен обернулся. Майлз выглядел очень забавно в своем костюме обезьяны, благодаря которому он приобрел удивительное сходство с гориллой.

— Расслабься, Майлз, — посоветовал Бен.

— Расслабиться?! — Бену показалось, что Майлз побагровел, хотя карнавальный наряд скрывал его лицо. — А что, если нас пересчитают, док? Если они это сделают, нам крышка!

— Я ведь уже говорил о том, что нужно предпринять на этот случай. Да и потом, когда они поймут, что произошло, мы будем уже далеко.

Снова наступило молчание. Наконец они доехали до поворота, освещенного двумя шаровидными фонарями, и Бен повернул налево, на дорогу, проходившую через лес. Тогда Ивица сказала:

— Было бы лучше, если бы Элизабет не уезжала.

— Я знаю, — кивнул Бен. — Но теперь мы не можем оставить ее там. Микел Ард Ри догадается, что она участвовала в этом деле. Отец девочки поймет, что ему надо делать, когда поговорит с Майлзом. Они оба будут надежно подстрахованы.

— Ооохх! — простонал Майлз. — Ты действительно с ума сошел, док. Неудивительно, что тебе нравится жить в сказочной стране!

Ивица откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Ей было трудно дышать.

— Ты уверена, что у тебя получится, Ивица? — тихо спросил Бен.

Она молча кивнула.

Они проехали виноградники и наконец достигли электрического датчика, включившего освещение. Вскоре впереди показалась знакомая каменная стена, открылись внешние ворота, поднялась ре-

шетка и опустился подъемный мост. В эту туманную и дождливую ночь замок Граум-Вит выглядел еще более зловещим, чем вчера. Когда они снова оказались на знакомой извилистой дороге, Бен почувствовал неуверенность. Ему стало казаться, что он мог забыть что-нибудь важное.

Они пересекли второй подъемный мост, проехали через внутренние ворота замка и остановились у главного входа. Все трое вышли из машины. Бен бережно поддерживал Ивицу: ей трудно было идти. Друзья постучались и стали ждать ответа. Привратник появился в дверях и застыл от удивления.

Перед ним стояли горилла, большая лохматая собака и молодая женщина, кожа которой была, как ему показалось, покрашена в зеленый цвет.

— Добрый вечер, — сказал Бен, наряженный собакой. — Я мистер Баркер*, это моя жена Элен, а вот мистер Кэмпбелл. — Бен быстро перечислил их «имена», чтобы привратник не обратил на них особого внимания. — Мы приехали, чтобы отвезти Элизабет на школьный вечер в честь Хэллоуина.

— О! — воскликнул привратник. Впрочем, он вообще был неразговорчив. Впустив всех троих в холл, он направился к телефону и позвонил кому-то. Бен затаил дыхание. Привратник повесил трубку, вернулся к посетителям и объявил:

— Мисс Элизабет просит кого-нибудь из вас помочь ей переодеться.

— Да, да, я помогу ей, — объявила Ивица. — Дорогу я знаю, благодарю вас. — И она стала подниматься по лестнице.

Бен и Майлз, похожие на две заводные куклы, уселись на скамейку и стали ждать. Привратник все смотрел на них, видимо, пытаясь понять, как это нормальные взрослые люди могут так выряжаться.

Бен почувствовал, что вспотел, и неудивительно: на нем ведь было два костюма.

«Начало по крайней мере хорошее», — подумал он.

Ивица тихонько постучала к Элизабет. Почти сразу дверь отворилась и на пороге появился маленький клоун с оранжевыми волосами, набеленным лицом и большим красным носом.

— Ивица! — прошептала девочка, увлекая гостью в свою комнату. — Ты знаешь, все так плохо...

Ивица осторожно обняла девочку за плечи.

— Что случилось, Элизабет? — настороженно спросила сильфида.

* В переводе звучит как «пустобрех».

— Ты знаешь, Абернети, он... очень странный. После школы я спустилась в подвал, чтобы посмотреть, как он там. Наверное, не надо было туда ходить, но я очень волновалась, Ивица. Я прошла по тайному ходу. Точно могу сказать, меня никто не видел. Абернети там, сидит в клетке, на цепи! Но он так плохо выглядит, Ивица! Он весь грязный, в каких-то лохмотьях. Я несколько раз звала его, но он, кажется, меня не узнал. Он... он, кажется, разучился правильно говорить. Бормочет что-то несвязное. И он, по-моему, даже сидеть не может!

Слезы выступили на глазах девочки.

— Ивица, ему так плохо! Я даже не знаю, сможет ли он идти.

Сильфида почувствовала страх и беспокойство, но быстро овладела собой.

— Не бойся, Элизабет, — сказала она твердо. — Покажи мне, где он находится, все будет хорошо.

Маленький клоун и изумрудно-зеленая фея осторожно вышли из комнаты и, крадучись, пошли по пустому коридору. Элизабет провела Ивицу в кладовку и закрыла за собой дверь. Потом она зажгла карманный фонарик и стала нажимать на кнопку в задней стене кладовки, пока не открылась потайная дверь. Сильфида и девочка спустились по ступенькам вниз и молча шли по потайному ходу, пока, сделав несколько поворотов, не дошли до ржавой железной ручки, торчавшей в стене.

— Он там, — прошептала Элизабет.

Она потянула за ручку, и перед ними открылось отверстие в стене. От спертого, затхлого воздуха у Ивицы перехватило дыхание. Ее стало тошнить, и она остановилась, чтобы прийти в себя.

— Ивица, с тобой все в порядке? — спросила встревоженная девочка.

— Да, Элизабет, — солгала сильфида.

Сейчас никак нельзя было поддаваться болезни. «Без паники! Надо подождать еще немножко», — уговаривала себя Ивица.

Выглянув в коридор, она увидела ряд железных клеток. В одной из них кто-то шевелился.

— Это Абернети, — сказала Элизабет едва слышно.

Ивица осмотрелась, убедилась, что в коридоре никого нет.

— Здесь есть стража? — тихо спросила она.

— Вон там, в конце коридора за дверью, — ответила Элизабет. — Обычно он там один.

Ивица, мучимая тошнотой и слабостью, осторожно пошла по подвальному коридору. Наконец она дошла до клетки Абернети. Он лежал на соломе в рваной одежде; шерсть была спутанной, сва-

лявшейся и в грязи. Пахло от него ужасно. К стальному ошейнику была прикреплена цепь. Медальон по-прежнему висел у Абернети на шее.

Он действительно бормотал что-то нечленораздельное. Ивица поняла, что Абернети находится под действием какого-то зелья.

Элизабет сунула что-то в руку сильфиде.

— Это ключ от клетки, — прошептала она. — Но я не знаю, подойдет ли он к замку на ошейнике. — Девочка была испугана и растеряна. Ее клоунский нос чуть было не отвалился, и Элизабет поспешно поправила его.

Ивица взяла ключ и уже хотела было открыть замок, как вдруг они услышали, что кто-то открывает дверь в конце коридора.

Микел Ард Ри спустился в холл у главного входа и вдруг остановился, увидев сидевших на скамейке гориллу и большую лохматую собаку. Он смотрел на них, пытаясь понять, что бы это значило, потом, видимо, сообразил:

— Ах да, конечно. Школьный карнавал. Вы, должно быть, приехали сюда за Элизабет.

В это время в коридоре зазвонил телефон. Микел задержался на мгновение, словно хотел что-то еще сказать, потом повернулся и пошел к телефону.

У обоих ряженых, сидевших на скамейке, отлегло от сердца.

Охранник шел по подвальному коридору мимо клеток, бухая сапогами по каменному полу. Он был, как все здесь, в черной форме, с автоматом, а на поясе у него висела связка ключей. Элизабет, сдерживая дыхание, притаилась в нише за потайной дверью и стала смотреть сквозь щель. Девочка знала, что Ивица осталась в коридоре. Но где же она? Куда исчезла?

Вот охранник подошел к клетке Абернети, проверил, заперта ли дверь, и, убедившись, что все в порядке, повернулся и пошел к себе. И вдруг изумленная Элизабет увидела, как связка ключей сама по себе отделилась от его пояса. Охранник, не заметив этого, дошел до своего помещения и исчез за железной дверью.

Элизабет осторожно выбралась из своего убежища.

— Ивица! — тихонько позвала девочка.

Сильфида тут же возникла как из-под земли, с ключами в руке.

— Теперь надо торопиться, — поспешно прошептала она. — У нас мало времени.

Они подошли к заветной клетке, сильфида отперла ее тем ключом, который получила от Элизабет. Они склонились над Аберне-

ти. Зрачки писца расширились, дыхание его было прерывистым. Ивица попыталась помочь ему подняться, но Абернети оказался совершенно беспомощным. Сильфиду сковал страх. Писец был слишком тяжел, чтобы они вдвоем с Элизабет могли вынести его отсюда. Оставалось только как-то вывести его из беспамятства.

Она передала девочке связку ключей и сказала:

— Попробуй найти подходящий.

Элизабет пыталась открыть замок на ошейнике то одним, то другим ключом, а Ивица стала растирать руки и массировать голову Абернети. Конечно, лучше бы позвать сюда Бена, но такой возможности сейчас нет. Это значило бы сорвать весь план, да и времени у них не оставалось.

Наконец Ивица решилась на последнее средство, чтобы помочь Абернети, — ее собственные волшебные силы. Правда, сильфида настолько ослабла, что ей было очень трудно сделать это, но другого выхода не оставалось. Она положила руки на голову Абернети, закрыла глаза, сосредоточилась и стала выводить отраву из его тела, пропуская ее через себя. Ивица сразу же почувствовала силу мерзкого зелья и стала отчаянно сопротивляться его действию. Но сил у самой оставалось мало. Защита оказалась быстро сломленной. К постоянному чувству тошноты добавилась острая боль. Ивица содрогнулась, и ее вырвало на солому.

— Ивица! Ивица! Пожалуйста, не надо! — вскрикнула испуганная девочка.

Прижавшись к девушке, Элизабет шептала ей что-то, упрашивала. Сильфида, как сквозь сон, заметила, что красный клоунский нос опять отвалился. Она никак не могла сосредоточиться, мысли путались, в глазах помутилось.

И вдруг случилось чудо — она услышала, как заговорил Абернети:

— Ивица! Как ты сюда попала?

«Теперь все будет хорошо!» — подумала сильфида.

Только когда все трое благополучно убрались из подвального коридора, Элизабет потрогала свое лицо и с ужасом убедилась, что она потеряла клоунский нос. Ей захотелось вернуться, но она тут же передумала. Было уже поздно. Ивица, в ее теперешнем состоянии, не смогла бы вернуться в подвал и ни за что не отпустила бы Элизабет одну. Девочка ничего никому не сказала. С фонариком в руке она шла впереди и освещала лестницу, которая вела наверх, в кладовку, Ивица и Абернети брели позади, поддерживая друг друга.

— Ну вот, еще немного, — шептала Элизабет, чтобы подбодрить друзей.

Наконец они добрались до нужной площадки, открыли потайную дверь в стене и оказались в кладовке. Ивица была очень бледной, лицо ее покрылось испариной.

— Все в порядке, Элизабет, — заверила сильфида встревоженную девочку, но та была не так глупа, чтобы этому поверить.

Когда все трое оказались в спальне Элизабет, девочка с Ивицей стали быстро приводить в порядок Абернети. Они почистили его, насколько это было возможно, и расчесали ему шерсть. Они также попытались снять с него всю рваную одежду, но Абернети категорически отказался раздеться полностью, тогда ему разрешили остаться в штанах и в сапогах. Такое не входило в планы Бена, но Ивица слишком устала, чтобы спорить. Силы ее продолжали убывать. Но все же сильфида удивлялась себе: будущая гибель не так пугала ее, как то, что может случиться с ними в случае неудачи.

Телефон звонил, как показалось Бену и Майлзу, страшно долго, прежде чем привратник снял трубку. Разговор был кратким, а окончив его, он объявил:

— Мисс Элизабет просила вам передать, что она сейчас придет.

— Наконец-то! — сказал Майлз сдавленным голосом. — Уже черт знает что подумалось!

Привратник снова ушел по своим делам.

— Теперь мне пора идти, — прошептал Бен. — Что делать, ты, надеюсь, помнишь, Майлз.

Он встал, вышел во двор, сел в машину. Там снял костюм собаки и, оказавшись в новом наряде, опять вернулся в холл.

Привратник открыл рот: рядом с гориллой на скамейке сидел скелет.

— Это мистер Эдрюс, — торопливо пояснил Майлз. — Он ждал нас в машине, но устал ждать. А мистер Баркер поднялся наверх, чтобы помочь своей жене и Элизабет.

Привратник рассеянно кивнул, все еще глядя на Бена. Он уже хотел что-то сказать, когда Элизабет, зеленая леди и большая лохматая собака спустились в холл.

— Все в порядке, Джон, — радостно сказала Элизабет, обращаясь к привратнику. — Теперь нам надо спешить. Да, чтобы не забыть: я останусь ночевать у Ниты Колс. Скажите об этом Микелу, ладно? Пока.

Привратник слабо улыбнулся и попрощался. Вся компания — горилла, скелет, зеленая леди, клоун и огромная собачища — поспешно удалилась.

Привратник задумчиво смотрел им вслед. Он пытался вспомнить, была лохматая собака раньше в штанах или нет.

Когда Бен Холидей остановил машину около школы имени Франклина, там уже собирались ведьмочки, волки-оборотни, привидения и прочие темные силы. Вылезая из машин, они бросались к дверям школы, точно и вправду были одержимыми.

Дождь лил по-прежнему. Погода этой ночью разочаровала многих любителей повеселиться.

Бен повернулся к Элизабет, которая сидела рядом.

— Пора расставаться, девочка, — сказал он.

Элизабет кивнула. Она выглядела грустной, даже несмотря на разрисованное веселое лицо клоуна.

— Хотела бы и я поехать с вами, — плаксиво сказала девочка.

— Сейчас пока нельзя, дорогая, — улыбнулся Бен. — Ты ведь знаешь, что надо делать после карнавала, не правда ли?

— Конечно. Я буду вместе с Нитой и ее родителями и останусь там до тех пор, пока папа за мной не приедет.

— Правильно. Папа позаботится о том, чтобы все было хорошо. Но, что бы ни случилось, не возвращайся в замок до его приезда. Хорошо?

— Хорошо. До свидания, Бен. До свидания, Ивица. — Она обняла сильфиду и поцеловала в щеку. Ивица также поцеловала девочку и улыбнулась ей. Она плохо себя чувствовала.

— Ты поправишься? — спросила Элизабет.

— Да, малышка, — ответила Ивица слабым голосом, снова поцеловала девочку и открыла перед ней дверцу. Бен еще никогда не видел Ивицу в таком плохом состоянии, даже прежде, когда она не смогла совершить превращение в иву во время путешествия в Абаддон.

— До свидания, Абернети, — сказала девочка писцу, сидящему сзади рядом с Майлзом. — Я буду скучать по тебе.

— И я буду очень скучать по тебе, Элизабет, — ответил Абернети.

Элизабет вылезла из машины и побежала к дверям школы. Бен подождал, пока за Элизабет не закрылась дверь, и повел машину по улицам Вудинвилла. Вскоре они выехали на шоссе и повернули на запад.

— Ваше Величество, я уж и не знаю, как мне благодарить вас за то, что прибыли сюда ради моего спасения. Я уже считал, что для меня все потеряно, — заговорил Абернети.

Бен, которого беспокоило состояние Ивицы, старался не увлекаться скоростью.

— Я сожалею, что все так получилось, Абернети, — сказал он. — Советник Тьюс тоже очень огорчен этим.

— Мне трудно в это поверить, — ответил писец в своей прежней манере.

Действие наркотиков уже почти прошло, хотя Абернети чувствовал сильную усталость. Но настоящие опасения внушало здоровье Ивицы.

— Он все же пытался помочь тебе, — напомнил король Абернети.

— Едва ли он понимает, что значит «помочь», — проворчал писец. — Да, вот, кстати, возьмите это. — Он снял медальон и повесил его на шею Бену. — Мне гораздо спокойнее, когда он на своем месте.

Бен ничего не сказал, но подумал то же самое.

Дождь поутих, и, похоже, небо стало проясняться. До аэропорта оставалось примерно полчаса езды.

Ивица взяла Бена за руку, и он слегка сжал ее руку, словно пытаясь передать ей часть своей силы. С ними поравнялась еще одна легковая машина, ехавшая в левом ряду, и женщина-пассажирка уставилась на их компанию. Она увидела в машине скелета за рулем, гориллу, большую собаку и девушку с зеленой кожей. Женщина что-то сказала водителю, и они резко рванули вперед.

Бен совсем забыл о карнавальных костюмах. Он подумал было о том, чтобы снять их, но решил не делать этого. Времени совсем не оставалось. К тому же наступил вечер накануне Дня всех святых, когда многие участвуют в карнавальных шествиях, играх и забавах. Бен читал в утренних газетах о празднествах, которые готовились в Сиэтле. Хэллоуин есть Хэллоуин.

Впереди появились огни города. Настроение у Бена улучшилось. Дождь кончился, ночное небо прояснилось. Он вздохнул с облегчением и подумал, что они уже почти у цели.

И вдруг сзади подъехала полицейская машина.

— О Боже! — простонал Бен, затормозив у обочины. Остановилась и полицейская машина.

— Почему нас задержали, док? — спросил встревоженный Майлз. — Разве мы превысили скорость или еще что-то нарушили?

Бену стало не по себе.

— По-моему, ничего не нарушали, — ответил он.

Один из полицейских что-то сказал по радиотелефону, и через минуту подъехала вторая полицейская машина и встала позади первой. Полицейский подошел к автомобилю, в котором сидел Бен, и сказал:

— Позвольте вашу лицензию, сэр.

— Констебль, к сожалению, у меня нет с собой лицензии, но я могу вам сообщить ее номер. Что касается этой машины, то она зарегистрирована на имя мистера Беннетта. — Он показал на гориллу.

Майлз пытался высвободить свою голову, но это оказалось не так просто.

Полицейский кивнул.

— Есть ли у вас какой-либо документ, удостоверяющий личность? — спросил он.

— У мистера Беннетта есть, — сказал Бен.

— Да, да, констебль, — поспешно подтвердил Майлз. — Он здесь, в этом проклятом костюме, подождите немного... — Он все еще старался освободиться.

Полицейский посмотрел на Ивицу и Абернети, потом снова на Бена.

— Боюсь, мне придется задержать вас, — заявил он. — Прошу следовать за мной, мы с вами едем в город. Вторая полицейская машина будет следовать за вашей.

Случилось что-то непонятное и очень скверное. Бен похолодел.

— Я юрист, — ни с того ни с сего сказал он. — Скажите, в чем нас обвиняют?

Полицейский покачал головой:

— Я лично не предъявляю к вам никаких претензий. Разве что я должен буду вынести предупреждение за то, что вы ведете машину, не имея при себе лицензии, если она вообще у вас есть. Я также должен проверить регистрацию автомобиля.

— Но, простите...

— Есть еще один вопрос, который следует выяснить. Прошу вас следовать за нами, сэр.

Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, полицейский повернулся и пошел к своей машине.

Бен опустился на сиденье и услышал, как Майлз прошептал ему на ухо:

— Худо дело, док! Что же теперь будет?

Бен покачал головой. Действительно, кто может знать, что сулит будущее.

ГЛАВА 18

ЧЕСОТКА

Почти три дня советник Тьюс добирался до восточной границы пустынных земель. Он отправился в поход один, выйдя из замка до рассвета, когда прилипчивые кыш-гномы, а также все эти настырные посланники, гонцы и жалобщики еще спали. Пришлось пренебречь приличиями ради самого важного из государственных дел. Провожали волшебника только Сапожок и Сельдерей, оба жаждавшие сопровождать его в путешествии и огорченные отказом. Но Тьюс твердо знал: он должен отправиться один. Кобольды все равно едва ли смогли бы помочь ему, а потому им следовало присматривать за замком в отсутствие волшебника. Тьюс сел на свою старую серую лошадь и отправился в путь — странствующий рыцарь без верного оруженосца, одинокий искатель опасностей. Сначала волшебник ехал на север, через лесистые холмы, потом — на северо-восток, через Зеленый Дол, и, наконец, — на восток, через Восточные Пустоши. Уже почти на закате третьего дня показались вдали Огненные Ключи.

— Давай, давай смелее, — подбодрил волшебник свою лошадку, которая почуяла недоброе и заупрямилась.

Бремя вины гнало вперед советника Тьюса. Он понимал, что в Заземелье дела не пойдут на лад, пока не вернется Его Величество. Ночная Мгла будет продолжать сеять рознь, разрушение и смерть, пока не найдется тот, кто сможет обуздать злого духа, живущего в бутылке. Но сам советник, увы, не обладал такой мощью. Это мог сделать только король, который был, видимо, не в состоянии покинуть свой прежний мир, пока снова не овладеет медальоном, причем он должен непременно вернуться вместе с Ивицей и пропавшим Абернети. А так как волшебник прекрасно понимал, что все это случилось по его вине, то он больше не мог стоять в стороне и смотреть, как одни беды сменяются другими.

Нельзя сказать чтобы он имел хорошо продуманный план действий, но все же знал, что следует сделать, чтобы добиться прежнего благополучия.

Это было так просто, что волшебник и сам удивлялся, как это раньше не пришло ему в голову. Действительно, ни одно существо не могло ни попасть в Заземелье, ни выбраться из него без чудесного королевского медальона. Ни одно, если не считать дракона Страбона. Драконы сохранили большую свободу передвижения.

Правда, и им нельзя было жить на землях, окутанных волшебными туманами: ведь драконы были давным-давно изгнаны оттуда. Но собственные волшебные свойства этих чудищ позволяли им пролетать над землей туманов. И Страбон, конечно, не был исключением. Однажды он уже доставлял Холидея в Абаддон, когда надо было спасать советника, Ивицу и Абернети от демонов. Страбон и сейчас вполне мог бы совершить путешествие в мир Холидея.

Однако советник Тьюс прекрасно понимал: Страбон *может* это сделать, а вот *захочет* ли — другой вопрос. В конце концов путешествие в подземный мир демонов было совершено при крайних обстоятельствах и было вызвано условиями, без которых дракон Страбон и пальцем бы не пошевелил, чтобы помочь Бену Холидею.

Так что замысел волшебника был прост, а вот воплощение его обещало быть делом куда более сложным. «Ну да ладно, — вздохнул Тьюс, — попытка не пытка».

Достигнув холмов, за которыми возвышались вулканы, известные как Огненные Ключи, волшебник спешился, расседлал лошадь, снял с нее сбрую и отпустил домой. Если удастся уговорить дракона помочь, подумал Тьюс, то лошадь и не понадобится. Но вот как его уговорить?

Волшебник задумался было над этим, но вскоре махнул рукой и стал подниматься вверх по склону, заросшему колючим кустарником. Солнце уже почти зашло, наступили сумерки. Низкие тучи отсвечивали оранжево-красным от пламени вулканов. Из-за гари, висевшей в воздухе, волшебник чихнул и поморщился. Опять чих! Ведь с этого все и началось! Тьюс устремился вперед, не обращая внимания на колючки, которые рвали одежду и царапали кожу. Чем ближе к огневым фонтанам подходил волшебник, тем жарче становилось. Из кратеров, словно из гигантских пастей чудовищ, извергались огонь, лава, пепел. Наконец стало так жарко, что лицо Тьюса покрылось испариной. Он дошел до вершины холма и остановился. Перед ним возвышались вулканы, в кратерах которых бурлила синяя и желтая лава. Время от времени один из них начинал извергаться, чтобы потом ненадолго притихнуть. В горячем воздухе пахло серой, и этот запах, и без того неприятный, смешивался с запахом обуглившихся костей животных, которых пожирал дракон, живущий в этом краю.

Сам дракон лежал поодаль, расположив кольцеобразно свое тело вокруг потухшего кратера, и доедал останки какого-то несчастного животного, кажется, коровы, так что жуткий хруст костей был слышен издали. Советник Тьюс поморщился. Видеть дракона за едой — зрелище не для слабонервных. Волшебник подошел к подножию вулкана так, чтобы Страбон мог увидеть гостя, и позвал:

— Эй, старина дракон! Мне надо сказать тебе несколько слов.

Страбон на мгновение прекратил жевать и посмотрел вниз.

— Кого там еще принесло? — спросил он сердито, пытаясь разглядеть того, кто его потревожил. — Ты, что ли, советник Тьюс?

— Я.

— Так я и думал. Только тебя мне и не хватало. — Дракон зло щелкнул зубами. — И с какой стати ты называешь меня «стариной»? Ты сам давно развалина.

— Мне нужно поговорить с тобой.

— Это я слышал. И не удивляюсь, советник. Что-что, а поболтать ты большой любитель. По-моему, если бы свою болтовню ты мог превратить в силу волшебства, то из тебя вышел бы отличный колдун!

Советник нахмурился.

— У меня очень важное дело, — сказал он.

— Для меня самое важное — закончить ужин.

Дракон снова стал обгладывать кости, не желая больше ни на что обращать внимание.

— А ты дошел до того, что воруешь коров! — воскликнул вдруг Тьюс, сделав несколько шагов вперед. — Мне, право, жаль тебя, бедняга.

Дракон сразу перестал жевать и повернул к волшебнику огромную, покрытую чешуей голову.

— Эта корова, — ответил он насмешливо, — забрела сюда по глупости, так же, как и ты, и стала моей добычей.

— На ужин я тебе бы не сгодился, — ответил волшебник.

— Тогда сгодился бы на десерт. Хотя, пожалуй, от тебя вообще толку мало. Тобой не наешься.

— С твоим желудком — конечно, нет.

— С другой стороны, если тебя съесть, ты наконец замолчишь, — заметил дракон.

Советник покачал головой:

— Почему бы тебе просто не выслушать меня?

— Я же сказал тебе, волшебник: мне надо поесть!

— Хорошо. — Волшебник присел на корточки. — Я подожду, пока ты закончишь.

— Делай что хочешь, только помалкивай, — ответил дракон.

Страбон вернулся к трапезе. Обжигая мясо своим огнем, он вгрызался в кусок клыкастыми зубами, дрожа от жадности. Тьюс не сводил с дракона глаз, и Страбон это заметил. Швырнув обглоданные кости в кратер вулкана, он снова повернул голову к волшебнику и заговорил недовольным тоном:

— Ну хватит, советник Тьюс! Как я могу спокойно есть, когда ты сам пожираешь меня глазами? Ты испортил мне аппетит! Чего тебе надо от меня?

Советник Тьюс осторожно поднялся, потирая затекшие ноги.

— Мне нужна твоя помощь, — ответил он.

Дракон пополз между кратерами, стряхивая с себя пепел. Огонь вулканов был ему нипочем. Добравшись до того места, где стоял Тьюс, дракон встал на задние лапы и облизнулся.

— Советник Тьюс, — заговорил Страбон, — я не могу себе представить, с какой бы это стати мне вздумалось помогать тебе. И не надо мне рассказывать сказки о том, какие узы всегда связывали драконов и волшебников, о том, сколько между ними общего, или о том, что в трудное время они должны помогать друг другу. Вспомни: все это ты уже пытался говорить в прошлый раз. По правде сказать, мне и думать противно о том, чтобы тебе помогать!

— Нет, в помощи нуждаюсь не я сам, — сказал наконец волшебник. — В помощи нуждается Его Величество!

Дракон уставился на него как на сумасшедшего:

— Это Холидей, что ли? Ты хочешь, чтобы я ему помог? А с чего ты взял, что я когда-нибудь соглашусь на это?

— Потому что он твой и наш король, — ответил Тьюс. — Нравится это тебе или нет, Страбон, но Холидей — король всего Заземелья, а так как ты живешь здесь, то и ты один из его подданных. Значит, ты обязан, если в том есть острая нужда, оказать помощь своему королю.

Страбон так расхохотался, что даже не удержался на задних лапах и свалился в один из кратеров, вызвав настоящий огненный дождь.

— Тут нет ничего смешного, — сказал сердито Тьюс.

— Тут все смешно, — ответил дракон, задыхаясь от смеха и изрыгая огонь и дым. — Ты действительно болван, советник Тьюс. Кажется, ты даже сам не веришь тому, что говоришь. Экий вздор!

— Ты согласен помочь? — нетерпеливо спросил волшебник.

— Конечно, нет! — Страбон снова поднялся и встал на задние лапы. — Я не подданный ни этого королевства, ни Его Величества. Я живу где захочу, сам себе господин и не обязан никому помогать, а особенно Холидею!

Подобные речи дракона не удивили волшебника. Он знал, что Страбон за всю свою жизнь никому не помог по доброй воле. Но все же следовало попробовать.

— Помнишь ту прелестную сильфиду, Ивицу? — спросил волшебник. — Она тоже нуждается в твоей помощи. Однажды ты спас

ее, помнишь? А она пела для тебя и навеяла тебе прекрасные грезы. Пусть ты не хочешь помогать Холидею, но неужели не захочешь помочь ей?

— Вовсе нет! — отрезал Страбон.

Советник подумал немного.

— Хорошо, — продолжал он, — тогда почему бы тебе не помочь королю ради твоего же блага?

— Ради моего блага? Какую еще мудрость ты изречешь, волшебник? — ехидно спросил дракон. — При чем тут мое благо?

— Я скажу тебе одну вещь, которую в состоянии понять даже дракон, — ответил Тьюс. — Ночная Мгла получила такую власть, что теперь ее происки угрожают всем жителям Заземелья. Она уже сумела натравить друг на друга людей и волшебных созданий, всех перессорить и посеять смуту. Если ее не остановить, то она опустошит всю страну.

— Да мне-то что за дело? — насмешливо заметил Страбон.

Волшебник пожал плечами:

— Рано или поздно ведьма и до тебя доберется. После Холидея ты ее злейший враг.

— Мне-то любое колдовство Ночной Мглы нипочем, понятно?

— Однако сейчас, Страбон, она получила в свое распоряжение новую колдовскую силу, столь же древнюю, как и твоя, — сказал Тьюс. — Это злой дух, живущий в бутылке. Он существует за счет жизненных сил хозяина бутылки и может выполнять любые его желания. А ты сам знаешь, что сила Ночной Мглы и сама по себе довольно велика.

— Мне-то что! — Дракон начал сердиться. — Уходи отсюда, советник Тьюс. Ты мне надоел.

— Пусть ты ненавидишь Холидея, но только он владеет медальоном, который позволяет ему противостоять ведьме, — не унимался волшебник. — Король — повелитель Паладина, а сильнее Паладина нет никого.

— Убирайся, волшебник!

— Если же ты, Страбон, — продолжал Тьюс, — не поможешь нам, то некому будет противостоять Ночной Мгле, а тогда мы все обречены! И ты тоже!

— Пошел вон!

Дракон дохнул огнем, опалив склон горы, у подножия которой стоял волшебник. Тьюс едва не задохнулся от удушливого дыма. Когда воздух очистился, он заметил, что дракон уже не смотрит в его сторону.

— Мне нет нужды ни в ведьме, ни в Холидее, ни в тебе, я вообще интересуюсь только своими делами, — проворчал Страбон. — А теперь убирайся, и побыстрее.

Советник Тьюс глубоко задумался. Конечно, он сделал все возможное, чтобы уговорить дракона помочь. Он, Тьюс, пытался взывать к разуму дракона, но тщетно: тот непоколебимо стоит на своем. Дальнейший спор может перерасти в битву. Он тяжело вздохнул. Увы, так уж сложились отношения между драконами и волшебниками. Тьюс снова подошел к подножию вулкана и крикнул:

— Страбон!

Дракон повернул голову.

— Послушай, старина, — продолжал волшебник, — я пытался уговорить тебя помочь королю по доброй воле, я надеялся, что здравый смысл победит твое непробиваемое упрямство, но, увы, из этого ничего не получилось. Ты должен помочь королю! Раз ты не хочешь сделать это добром, я заставлю тебя помочь ему!

Страбон посмотрел на волшебника с искренним удивлением:

— О небо, да ты никак угрожаешь мне, советник Тьюс?!

Волшебник выпрямился во весь рост.

— Если заставить тебя помочь королю — значит угрожать тебе, то ты услышишь еще и не такие угрозы! — заявил он.

— Вот как?! — Дракон некоторое время с интересом смотрел на волшебника, потом сердито ударил хвостом по кратеру, полному лавы, снова вызвав огненный фейерверк. — Убирайся восвояси, глупый колдун, — рявкнул он и снова отвернулся.

Тьюс простер руки вверх, и пальцы его стали источать огонь. Он направил поток пламени на дракона. Волшебный огонь охватил огромное тело Страбона, подняв его в воздух и заставив перелететь через несколько кратеров, после чего дракон рухнул на землю.

— О небо! — прошептал советник, который сам не ожидал, что у него может получиться такое.

Дракон с трудом поднялся, отряхнулся, откашлялся и уставился на волшебника.

— Как ты научился этому? — спросил он с искренним восхищением.

— Я научился таким вещам, о которых ты и понятия не имеешь! — соврал волшебник. — Тебе лучше согласиться на мое предложение, Страбон!

Вместо ответа дракон дохнул огнем на волшебника, тот кувыркнулся в воздухе и упал в заросли кустарника. Дракон снова дохнул огнем, но к этому времени Тьюс уже скатился вниз, так что Страбон своим дыханием опалил только кусты.

— Эй, где же ты, советник Тьюс? — ликуя закричал дракон. — Бой еще только начался, а ты уже сбежал!

Волшебник осторожно встал. Увы, дело действительно приняло серьезный оборот. Ему придется сейчас очень нелегко.

В последующие двадцать минут дракон и волшебник яростно атаковали друг друга, обмениваясь ударами. Вулканы превратились в огромное поле битвы, земля вокруг была выжжена. Волшебник пускал в ход против Страбона все известные ему виды колдовства и произносил заклинания, которых, как ему казалось, он даже не знал. Страбон отвечал огнем и удушливым дымом. Через двадцать минут они оба дышали с трудом и шатались, словно пьяные.

— Волшебник... ты... удивляешь меня, — задыхаясь, сказал наконец дракон.

— Ты... подумал... над моим предложением? — спросил Тьюс, также нуждавшийся в передышке.

— Да... конечно, — ответил Страбон и снова дохнул огнем на волшебника.

Битва между драконом и волшебником возобновилась. Уже наступила ночь, тучи рассеялись, ночные звезды и несколько лун освещали поединок.

Советник Тьюс напустил на дракона тучу гнуса. Насекомые попали ему в нос, в глаза, в пасть. Страбон стал задыхаться, изрыгая пламя и дым. Потом он начал ругаться такими словами, которых советник прежде никогда не слышал. Наконец, поднявшись в воздух, Страбон бросился сверху на мага, намереваясь раздавить его. Но волшебник сотворил яму в земле и исчез в ней раньше, чем чудище успело приземлиться. Дракон, поняв свою оплошность, пришел в ярость. Он стал озираться в поисках врага. В это время огромный двухметровый шмель ужалил дракона в брюхо так, что Страбон взлетел с диким воем. Волшебник вылез из ямы и осыпал дракона огнем, Страбон ответил ему тем же, и оба они снова разошлись, опаленные и дымящиеся.

— Волшебник... мы уже... слишком стары для таких штучек, — с трудом выговорил дракон. — Бросим это дело.

— Бросим... но не раньше... чем ты... скажешь мне «да»! — ответил советник Тьюс.

Страбон покачал почерневшей головой:

— Мало ли... чего ты хочешь!

Советнику Тьюсу было чему удивляться. Он весь почернел от пепла и копоти, одежда на нем обгорела, все тело ныло, и казалось, он уже не сможет владеть своим телом, как прежде. Он использовал против дракона все виды волшебства, которые знал, но тот все

держался. Сам волшебник уцелел только благодаря тому, что пустил в ход против врага несколько неслыханных приемов и добился в этом удачи, хотя, как обычно, удалось ему не все. Теперь Тьюс выстоял, потому что знал: стоит ему проиграть — и он уже никогда не будет иметь права называть себя волшебником.

— Ты... готов оказать королю помощь? — снова спросил советник у дракона.

Страбон разинул свою огромную пасть и ответил:

— Полезай... сюда... советник Тьюс... тогда ты лучше услышишь меня.

Волшебник решил поразить пасть дракона язвами, но у того была такая толстая кожа, что это не принесло ему вреда. Страбон дохнул огнем, и волшебник снова покатился вниз. Некоторое время они обменивались огневыми залпами. Потом советник Тьюс наслал на дракона снежную бурю. Спасаясь от свирепого ледяного ветра, дракон нашел было убежище в одном из кратеров, но яростный холодный ветер затушил огонь, а жидкость, наполнявшая кратер, замерзла. Дракон примерз к кратеру, отчаянно пытаясь вырваться. Но наконец сила волшебства ослабла. Хотя тело дракона покрывал толстый слой снега, он уже начал таять от жара соседних вулканов. Постепенно Страбон высвободился и стряхнул с себя снег. Он повернул голову к волшебнику. Из пасти дракона снова повалил дым.

Советник Тьюс похолодел. «Что же еще следует сделать, чтобы одолеть это чудовище?» — подумал он в отчаянии.

Увернувшись от двух огневых ударов дракона, волшебник создал вокруг себя незримый щит. Все дело в том, продолжал он рассуждать, что Страбон слишком мощный. Силой его взять нельзя. Надо придумать что-то другое.

И вот, когда Страбон решил немного передохнуть, волшебник наслал на него чесотку.

Дракон почувствовал страшный зуд в левой задней лапе, потом начали чесаться спина, шея, затем — правая задняя лапа. Страбон стонал, извивался, метался из стороны в сторону, ища облегчения, ревел, скулил. Зуд не утихал. Забыв о волшебнике, дракон пытался почесаться об острые края кратера и даже погрузился в раскаленную лаву, пытаясь избавиться от мучившего его зуда.

Когда наконец волшебник поднял руки и освободил Страбона от чесотки, тот, совсем обессиленный, задыхаясь лежал на земле.

— Хорошо, хорошо... — пробормотал Страбон, глядя на волшебника. — С меня... довольно. Твоя взяла. Чего ты хочешь, советник Тьюс? Я... готов оказать тебе любую услугу.

— Дело это несложное, старина дракон. — Волшебник, несмотря на свою усталость, позволил себе довольно улыбнуться.

ГЛАВА 19

НОЧЬ ЧУДЕС

Старший помощник окружного шерифа Ник Вильсон спросил, обращаясь к Бену Холидею:

— Итак, вы с вашими друзьями ехали на вечер, посвященный Хэллоуину... напомните, в какой отель?

Бен немного подумал:

— Кажется, в «Шератон». Пригласительный билет должен быть где-то в машине.

— Значит, вы ехали на вечер, на машине, взятой в прокате, с вещами в багажнике...

— Сразу после этого нам надо было уехать в аэропорт, — перебил его Бен.

В кабинете пахло краской, дезинфектантами и было очень душно.

— И у вас нет при себе ни удостоверения личности, ни даже водительского удостоверения? — продолжал Вильсон.

— Я уже объяснял вам, любезнейший помощник шерифа, — сказал Бен, едва скрывая раздражение. — Удостоверение есть у мистера Беннетта. Я же свое случайно забыл.

— Так же, как и удостоверения мистера Абернети и этой молодой леди, — закончил за него Вильсон. — Да, вы это уже говорили.

Он снова посмотрел на сидевшую перед ним компанию: на гориллу, скелет, собаку и леди со светло-зеленой кожей. Никто из них не снял костюмов полностью, хотя Бен уже снял свой «череп», а Майлз освободился от «обезьяньей» головы. Уже около часа сидели они в этом казенном помещении, в административном здании округа Кинг штата Вашингтон, куда их доставила полиция. Вильсон продолжал глазеть на задержанных, и Бен представлял себе, что он при этом думал.

Помощник шерифа посмотрел на лежавшие перед ним бумаги.

— А как же костюм собаки, найденный на заднем сиденье машины? — спросил он.

— Это был запасной. Он нам не пригодился, — ответил Бен. — Послушайте, господин помощник шерифа, если вы можете предъявить нам какое-то обвинение, то я прошу вас сделать это. Мы оба с мистером Беннеттом юристы и готовы, если потребуется, защитить интересы наших друзей. Но мы устали здесь сидеть. Есть ли у вас еще вопросы?

Вильсон криво усмехнулся:

— Есть еще кое-что. Да, может быть, мистеру Абернети удобнее было бы снять маску?

— Нет, — раздраженно ответил Бен. — Во-первых, не так легко было надеть ее, а во-вторых, мы еще надеемся попасть на вечер, господин помощник шерифа. Итак, можете ли вы прямо сейчас предъявить нам обвинение?

Бену необходимо было выиграть время. Он до сих пор не знал, что известно Вильсону и что может угрожать ему, Бену, и его друзьям. Старший помощник шерифа говорил, что это просто недоразумение, которое нужно прояснить, но вместо «прояснения» они все время ходили вокруг да около.

Ивица, сидевшая рядом с Беном, впала в полузабытье. Она закрыла глаза. Холидей объяснил старшему помощнику шерифа, что на нее дурно влияет погода, но было очевидно, что тот не поверил Бену. Полицейский, похоже, считал, что она находилась под действием наркотиков.

— Ваша леди, кажется, не очень хорошо себя чувствует, мистер Холидей, — заметил Вильсон, точно прочитав мысли Бена. — Может быть, ей лучше прилечь?

— Я не хочу расставаться с тобой, Бен, — сказала вдруг Ивица, открыв глаза, но тут же снова впала в сонное состояние.

Бен придвинулся к ней поближе и обнял, стараясь сделать вид, что он просто успокаивает ее, а не поддерживает.

— Мне нужно позвонить в местную юридическую консультацию, — объявил вдруг Майлз и встал. — Есть такая возможность?

— В соседней комнате, — кивком указал Вильсон, чуть помедлив. — Наберите «девятку», потом — нужный номер.

Майлз со значением посмотрел на Бена и удалился. Почти одновременно с его уходом в кабинет явилась одна из девиц, работавших в приемной, и сказала, что Вильсону кто-то звонит. Он отошел, чтобы поговорить с ней. Бен услышал, как в соседнем помещении разговаривали два помощника шерифа. Один пожаловался, что в городе, как всегда накануне Дня всех святых, слишком много народу, полно этих ведьм, призраков и Бог знает еще кого. «А всяких зверей и птиц просто не сосчитать», — ответил другой. Оба они согласились, что и в нормальные ночи поддерживать порядок на улицах трудно, а в такую, как эта, и вовсе невозможно. Один обозвал ряженых «толпой психов», а другой — «сборищем придурков».

Между тем Вильсон закончил разговор с девицей и, попросив Холидея «подождать минутку», вышел.

— Что будет с нами, Ваше Величество? — шепотом спросил у Бена встревоженный Абернети.

До сих пор он не проронил ни слова, так как Бен велел ему молчать. Даже пользуясь версией насчет карнавала, трудно было бы объяснить, почему человек в маске собаки открывает рот, как настоящая собака.

Бен улыбнулся, стараясь говорить убедительно:

— Ничего страшного не случится. Скоро мы уйдем отсюда.

— Я не понимаю, Ваше Величество, почему они хотят, чтобы я снял маску, — продолжал писец. — Почему бы просто не сказать им правду?

— Потому что правды они не поймут, вот почему! — сердито ответил Бен. Впрочем, сердился он на самого себя. — Прости, Абернети. Я сам бы хотел сказать им правду. Увы, это не так легко.

Писец кивнул, но, видимо, не очень убежденный, затем бросил взгляд на Ивицу и прошептал на ухо Бену:

— Я глубоко благодарен вам, мой король, за то, что вы вызволили меня из неволи. Но мне кажется, что если мы не сможем отсюда скоро уйти, то вам лучше забыть про меня. Вы должны вернуться в Заземелье, там вы нужнее, там ждут вас...

— Так не получится, Абернети, — перебил его Бен. — Теперь я такой же пленник, как и ты, и Ивица, и мы можем вернуться лишь все вместе.

— А сможем ли мы вернуться, Ваше Величество? — тихо спросил Абернети.

Бен промолчал, потому что не знал, что ответить. Вернулся Майлз и сообщил:

— Скоро прибудет помощь. Я дозвонился до мистера Сака из фирмы «Сак, Сол и Мак Квин». Несколько лет назад мы были партнерами в одном деле. Он сказал, что непременно пришлет сюда своего человека.

Вслед за Майлзом явился и Вильсон, явно встревоженный.

— Мистер Холидей, знаете ли вы человека по имени Микел Ард Ри? — спросил он.

Бен давно был готов к этому вопросу. Других причин для их задержания существовать не могло. Он сделал вид, будто задумался, потом, растягивая слова, сказал:

— Кажется, нет.

— Видите ли, дело в том, что мистер Ард Ри обвинил вас в краже. Он утверждает, что вы украли у него какой-то медальон.

В кабинете стало очень тихо.

— Но это просто смешно! — воскликнул Бен.

— Мистер Ард Ри дал и описание медальона, — продолжал старший помощник шерифа. — Медальон серебряный, а на нем выгра-

вировано изображение какого-то рыцаря, выезжающего из замка. Есть ли у вас подобный медальон, мистер Холидей?

У Бена перехватило дыхание. Он сказал только:

— Давайте подождем, пока придет юрист, которого вызвал мистер Беннетт, после чего мы ответим на все ваши вопросы. Согласны?

Вильсон пожал плечами:

— Как вам угодно. Мистер Ард Ри обратился в прокуратуру штата. Вот почему вы оказались здесь. Сам мистер Ард Ри уже выехал и, вероятно, скоро тоже будет здесь. Сюда к нам прислали сотрудника от главного прокурора. Может быть, когда все соберутся, станет ясно, что к чему.

И он снова вышел, закрыв за собой дверь.

— Черт возьми, док! — заговорил Майлз, когда старший помощник шерифа ушел. — Стоит ему обыскать тебя, и он может обнаружить...

— А что мне, по-твоему, следовало делать, Майлз? — перебил Бен, стараясь говорить потише. — Сказать, что ли, что у меня есть медальон? Но тогда нас обвинят в краже, а медальон конфискуют. Я не могу этого допустить!

— Но я не вижу, как предотвратить это! Они все равно найдут его, когда обыщут.

— А с какой стати он будет обыскивать меня? У него нет для этого оснований. До этого просто не дойдет!

— При всем уважении к тебе, — возразил Майлз, — ты не криминалист, док. Гражданское право ты знаешь как свои пять пальцев, но этого недостаточно. Откуда нам знать, есть у него основания или нет? Если Ард Ри скажет, что ты взял медальон, то это может стать достаточным основанием для обыска.

Бен не знал, что делать. Он понимал: Майлз прав. Но если Бен признается, что у него действительно есть медальон, то все они останутся здесь навсегда или на неопределенно долгое время. Холидей оглядел своих друзей. Майлз был очень встревожен, Абернети, похоже, готов был выкинуть какой-нибудь номер, который бы выдал его, а Ивица уже едва могла сидеть без посторонней помощи. Заземелье удалялось от них с каждой минутой. Нельзя было еще больше осложнять положение.

Бен встал, подошел к двери, открыл ее и позвал:

— Вильсон!

Старший помощник шерифа, оставив свои занятия, подошел к Бену.

— Я тут все обдумал, — сказал Холидей. — Почему бы нам не отложить это дело хотя бы до завтра? Тут нет ничего сверхсрочно-

го, а мисс Ивица плохо себя чувствует. Ей бы хорошо отдохнуть, а может быть, даже вызвать к ней доктора. После этого я буду рад ответить на ваши вопросы. Что вы на это скажете?

Бен и в самом деле так думал. Он готов был даже, если потребуется, вернуться сюда из Заземелья, чтобы покончить с этим делом раз и навсегда. Однако Вильсон спокойно возразил:

— К сожалению, мистер Холидей, я не могу на это пойти. Если бы я сам принимал решения — другое дело. Но приказ о вашем задержании поступил из главной прокуратуры. Я не смогу даже на время отпустить вас без их разрешения. Вы сами юрист и должны понять меня.

Бен все понимал. Микел Ард Ри «подмазал» какие-то шестеренки в машине юстиции. Этого следовало ожидать. Поблагодарив Вильсона за информацию, Бен вернулся к своим друзьям. Сев рядом с Ивицей, он обнял ее, а она положила голову ему на плечо.

— Ну что же, ты сделал все, что от тебя зависело, док, — тихо сказал Майлз.

Ивица вдруг подняла голову.

— Все будет хорошо, Бен, не волнуйся, — прошептала сильфида.

Но он не мог не волноваться: уходило драгоценное время, положение их было почти безвыходным, и он, Бен, ничего не мог с этим поделать.

Прошло еще около четверти часа, и в кабинет вошел молодой человек, хорошо одетый, с дипломатом в руке. Быстро переговорив с Вильсоном, посетитель огляделся и вдруг остановился в нерешительности. Он явно не был готов увидеть то, что предстало его взору.

— Мистер Беннетт? — Молодой человек вопросительно уставился на гориллу, скелет, собаку и зеленую девушку. Майлз встал и протянул руку. Молодой человек пожал ее и представился: — Лойд Вилоуби, из фирмы «Сак, Сол и Мак Квин». Я прибыл сюда по просьбе мистера Сака.

— Примите нашу благодарность, мистер Вилоуби, — ответил Майлз и представил юристу своих друзей.

Бен пожал молодому человеку руку, а Ивица и Абернети просто кивнули ему, и тот ответил тоже кивком. Бен подумал, что юрист слишком молод и, конечно, очень неопытен. По тому, как он смотрел на них, видно было: он подумал то же, что и старший помощник шерифа.

Поставив дипломат на стол Вильсона, юрист нервно потер руки.

— Итак, в чем состоит ваша проблема? — деловито спросил он.

— Проблема несложная, — ответил Бен. — Нас задержали по ложному обвинению в краже, которое выдвинул некий мистер Ард

Ри. Он, очевидно, имеет какие-то связи в прокуратуре штата, так как именно оттуда поступил приказ о нашем аресте. Мы же хотим, чтобы нас немедленно отпустили и чтобы дело было отложено до другого раза. Мисс Ивица больна, и ей нужен постельный режим.

— Да, да, я слышал, что речь идет о возможном обвинении в краже, — ответил Вилоуби, все более нервничая. — Кажется, там фигурирует какой-то медальон? Что вы могли бы сказать по этому поводу?

— Могу сказать, что медальон у меня действительно есть, но он принадлежит мне. Мистер Ард Ри обвиняет меня совершенно безосновательно.

— Сообщили ли вы об этом старшему помощнику шерифа?

— Нет, мистер Вилоуби. Если бы я это сделал, то он забрал бы у меня медальон, а это совершенно не в моих интересах.

Теперь у юриста был такой вид, словно его собирались утопить. Он все же заставил себя улыбнуться:

— Да, конечно, мистер Холидей. Но у вас с собой медальон? Ведь, насколько я понимаю, если вас обвинят в краже, то непременно обыщут, а медальон отберут, не так ли?

— А по какому праву? — спросил Бен. — Только в связи с заявлением мистера Ард Ри? Но, кажется, это не является достаточным основанием?

Вилоуби был озадачен.

— Понимаете, мистер Холидей, я точно не знаю. Дело в том, что в практике нашей фирмы уголовное право не было основным предметом. Мне случалось иногда защищать в этой области интересы некоторых из наших клиентов, но опыт тут у меня небольшой. Знаете, мистер Сак поручил мне заниматься проблемами, возникающими в ночное время.

«Он совсем еще зеленый. Плохо наше дело», — подумал Бен.

— Вы хотите сказать, что вы не специалист по уголовным делам? — спросил Майлз вставая (в этот момент костюм гориллы выглядел особенно устрашающе).

Вилоуби отступил на шаг, но Бен схватил приятеля за руку и заставил его сесть. Потом Бен снова обратился к молодому человеку:

— Весь вопрос в том, мистер Вилоуби, что я не желаю, чтобы меня обыскивали. Можете вы это предотвратить? — Видя, что молодой человек колеблется, Холидей продолжал: — Знаете что, давайте договоримся об условиях игры. Вы местный юрисконсульт, но я сам буду обдумывать ходы, а вы будете их делать. Вас это устроит?

Теперь у Вилоуби было такое выражение лица, словно ему предлагали что-то неэтичное. Бен подумал, что от молодого человека толку будет мало, но делать было нечего.

Тут в кабинет снова вошел Вильсон:

— Мистер из главной прокуратуры просит вас, мистер Холидей, и всех здесь присутствующих явиться к нему в третий зал суда, — объявил он. — Возможно, после этого вы сможете уйти домой.

«Когда рак свистнет», — печально подумал Бен.

Они поднялись на эскалаторе на несколько этажей и прошли по коридору в зал суда. Места для публики, для судей, присяжных, свидетелей, прессы были непривычно пустыми. В зале почти не было света, и только две встроенные в передней части зала лампы на потолке освещали столы для адвокатов. За одним из них сидел седоватый человек в очках по имени Мартин. Он встал и сказал:

— Господин старший помощник шерифа, пригласите, пожалуйста, мистера Холидея и его друзей непосредственно сюда.

Молодой юрист выступил вперед и объявил:

— Я Лойд Вилоуби из фирмы «Сак, Сол и Мак Квин». Меня просили представлять интересы мистера Холидея и его спутников.

Мартин быстро пожал руку молодому человеку и тут же словно забыл о нем.

— Уже поздно, мистер Холидей, и я устал, — начал Мартин. — Я знаю вас и даже просмотрел кое-какие дела, которые вы вели. Мы оба с вами юристы, а потому позвольте мне говорить без обиняков. Заявитель мистер Ард Ри утверждает, что вы взяли у него какой-то медальон. Он требует, чтобы вы его вернули. Я не знаю, в чем там дело, но мистер Ард Ри дал слово, что в случае возвращения медальона он будет считать это просто недоразумением и не выдвинет против вас никаких обвинений. Что вы на это скажете?

— Скажу, что этот Ард Ри сошел с ума, — ответил Бен. — Неужели нас всех задержали только потому, что кто-то сказал, будто мы украли у него медальон? Неужели возможен подобный абсурд?

Мартин как будто задумался:

— Откровенно говоря, я сам далеко не все понимаю в этом деле. Во всяком случае, мистер Холидей, я советую вам поразмышлять. Ведь если вы добровольно не вернете медальон к приезду Микела Ард Ри (а он должен скоро приехать), то вам и вашим друзьям придется предъявить обвинение в краже.

— По показанию одного человека?

— Боюсь, что так.

— Но ведь вы сами только что сказали, мистер Мартин, что я юрист, знающий дело, — возразил Бен. — То же самое относится к

мистеру Беннетту. Наше с ним слово чего-нибудь да стоит, не так ли? А кто такой этот Ард Ри и с какой стати ему следует верить?

Однако эти простые доводы не подействовали на Мартина.

— Для меня больше всего стоит слово моего босса, который платит мне деньги. Если мистер Ард Ри, кто бы он ни был, подпишет заявление — а он непременно подпишет его, если не получит назад медальона, — то я вынужден буду обвинить вас в воровстве. Что вы теперь скажете?

Бен не мог сказать того, что думал, чтобы не ухудшить ситуацию.

— Ладно, — ответил он, — можете задержать меня, мистер Мартин. Но стоит ли держать здесь остальных? Ведь, кажется, обвиняемый здесь только я?

— Увы, это не совсем так, мистер Холидей. Ваши друзья обвиняются как сообщники. Знаете, у меня сегодня был очень трудный день в суде. Я проиграл процесс и пропустил карнавал в школе у моих детей. А сейчас я торчу в суде, вместо того чтобы вернуться домой. Мне самому все это не нравится, но такова жизнь. Так что давайте лучше посидим, пока не придет мистер Ард Ри. А я тем временем закончу работать с бумагами. Дайте мне возможность сделать передышку. Я страшно устал и не хочу тащиться в свой офис.

С этими словами мистер Мартин уселся поудобнее и углубился в свои бумаги. Вилоуби предложил пройти на места для публики, что они и сделали.

Мартин оторвался от бумаг и спросил, обращаясь к Вильсону:

— Господин старший помощник шерифа, получили ли ваши люди приказ привести сюда мистера Ард Ри, когда он прибудет?

Дождавшись, пока Вильсон кивнет, Мартин снова занялся своей работой.

Вилоуби подошел к Бену и тихо спросил:

— Мистер Холидей, может быть, вам и в самом деле пересмотреть свое намерение и отдать сей злополучный медальон?

Сам юрист, видимо, не сомневался, что Бен согласится на это ради общего блага. Но Холидей так посмотрел на него, что Вилоуби тут же убрался.

— Не отдавай медальона, Бен, — услышал он шепот Ивицы. Она говорила с трудом, и Бену было тяжело слушать ее слабый голос. — Если нужно, то лучше оставь меня. Обещай мне это.

— И я прошу о том же, Ваше Величество, — сказал Абернети. — Что бы ни случилось, но вам нужно найти возможность решить положительно столь щекотливый вопрос хотя бы в отношении только одного себя. Вам необходимо благополучно вернуться в Заземелье.

Бен закрыл глаза. Да, такая возможность у него была. В одиночку он мог бы найти способ уйти. Но он не хотел оставлять друзей. С Майлзом, может быть, ничего не случится, но Ивица и суток не продержится. А что здесь будет с Абернети? Нет, надо найти другой выход!

— Может быть, лучше пока спрятать медальон, док? — еле слышно спросил Майлз. — Хотя бы до утра. Потом сможешь забрать его. Нельзя допустить, чтобы его нашли у тебя.

Бен не знал, что ответить. Может быть, Майлз и прав, но Бену совсем не хотелось в третий раз расставаться с волшебным талисманом. В первый раз Холидея околдовал Микс, убедивший короля, что медальон якобы пропал; во второй раз Бен на самом деле потерял медальон, отдав его Абернети, после очередной неудачи волшебника Тьюса. Холидей больше не хотел рисковать. Медальон стал частью его собственного «я» с тех пор, как Бен поселился в Заземелье. Благодаря медальону он стал королем и получил власть над Паладином. Холидей сам не хотел себе в этом признаться, но он не представлял уже жизни без медальона. Сейчас, оглядев полутемный зал суда, смысл его прежней жизни, Бен Холидей невольно подумал, как все изменилось для него за эти два года. Демократия сменилась монархией, судебные баталии — настоящими боями, а суд присяжных — судом одного человека, его собственным. Все это произошло благодаря медальону. Бен насмешливо улыбнулся. Пусть у него теперь была новая жизнь, но старая, похоже, не хотела отпускать его.

В это время открылась дверь, и в зал вошел еще один из помощников шерифа. Он сказал что-то Вильсону, тот подошел к Мартину и, видимо, повторил ему сообщение. Потом они все втроем вышли из зала. Бен почувствовал недоброе.

Вскоре они вернулись. Мартин подошел к Бену и сообщил:

— Мистер Ард Ри уже здесь, мистер Холидей. Он говорит, что прошлой ночью вы пришли к нему под именем мистера Сквайрза и попытались купить медальон. Когда же вам его не продали, вы вернулись туда вместе с вашими друзьями сегодня вечером и похитили медальон. При этом вам, очевидно, помогла дочь его управляющего. Он говорит, что она уже призналась в этом. — Мартин посмотрел в сторону Вильсона. — Господин старший помощник шерифа! — позвал он.

Вильсон, вместе с другим помощником шерифа, открыл дверь и пригласил кого-то войти. Тут же в зале суда появился Микел Ард Ри, сопровождаемый двумя охранниками из замка Граум-Вит, а между ними стояла несчастная Элизабет. Она не поднимала глаз. Слезы текли по ее щекам.

У Бена упало сердце. Они нашли Элизабет! Он не знал, чем они ей угрожали и как выудили признание в краже медальона. Лучше было не думать о том, что может сделать с ней Микел Ард Ри, если не получит сейчас волшебного талисмана!..

— Знает ли эту девочку кто-нибудь из вас? — спросил Мартин.

Никто ему не ответил.

— Каково будет ваше решение, мистер Холидей? — продолжал наседать Мартин. — Повторюсь: если вы возвращаете медальон, все это будет считаться просто недоразумением. В противном случае я должен буду обвинить вас в краже. — Бен молчал. Что он мог ответить? Положение казалось безвыходным. — Ну что, мистер Холидей? — упорствовал Мартин.

Бен наклонился вперед просто для того, чтобы переменить позу, но Абернети, видимо, его неправильно понял, решив, что король хочет отдать медальон, и попытался удержать его.

— Нет, нет, Ваше Величество, это невозможно! — воскликнул писец.

Мартин уставился на Абернети. Бен, конечно, понял, о чем подумал Мартин. Он, очевидно, пытался разгадать, каким образом человек в собачьей маске может открывать рот, точь-в-точь как это делает настоящая собака.

И вдруг за окнами раздался оглушительный взрыв, зазвенели стекла, в стене образовалась большая пробоина, и в зал суда влетел дракон Страбон, на котором верхом сидел советник Тьюс.

ГЛАВА 20

ДРАКОН В СУДЕ

Бывают в жизни такие моменты, когда время как будто останавливается, словно под действием волшебных чар. Такие мгновения остаются в памяти навсегда, и даже много лет спустя человек помнит и свои ощущения, и расположение всех предметов, и все цвета, звуки, запахи — все, как было тогда.

Нечто подобное произошло и с Беном Холидеем. На какое-то мгновение все вокруг него замерло, стало неподвижным, словно запечатленным на фотографии. Сам он сидел в первом ряду зала суда, повернув голову в ту сторону, где только что были окна. Справа

от него, положив голову ему на плечо, сидела Ивица, а слева Абернети, и глаза его сияли. На по-детски пухлом розовом лице Майлза застыло выражение изумления и страха. По другую сторону барьера стояли Мартин и Вилоуби, представители двух поколений лощеных законников, всю жизнь верившие в силу разума и здравого смысла. У первого был такой вид, словно он стал свидетелем светопреставления, а у второго — словно он был причиной этого светопреставления. Позади Бен успел заметить Вильсона и его соратников, питомцев закона, которые стояли на полусогнутых ногах, как будто собрались вот-вот бежать. На лице Микела Ард Ри застыло выражение черной злобы, а оба его прихвостня побелели от страха.

Дракон Страбон с его огромным змеевидным телом, покрытым чешуей, с могучими распростертыми крыльями на фоне ночных огней города был похож на экранное изображение. Его желтые глаза горели, а из носа и пасти шел дым. Верхом на Страбоне сидел волшебник, в рваной, грязной мантии и весь покрытый пеплом. У него также был изумленный вид, но он улыбался.

Бен с трудом подавил желание заорать от восторга благим матом.

Наконец Мартин пропищал тонким голоском:

— О Боже!

Этот возглас как будто разрушил чары, и все сразу задвигались и закричали. Вильсон и еще один помощник шерифа, выхватив пистолеты, побежали к пролому и стали горланить, чтобы все легли на пол. Бен, в свою очередь, заорал на них, чтобы они не стреляли, но советник Тьюс уже успел сделать руками несколько круговых движений, после чего у обоих изумленных полицейских вместо пистолетов оказалось в руках по букету маргариток. В коридоре за дверями зала вдруг выросли густые джунгли, вроде африканских, так что Микел Ард Ри и его люди, пытавшиеся бежать, наткнулись на непреодолимое препятствие. Вилоуби почему-то вцепился в Майлза, словно надеялся, что тот сможет избавить его от этого кошмара, Майлз же тщетно пытался освободиться от молодого человека. Перепуганная Элизабет подбежала к Абернети, плача и бормоча что-то про клоунский нос, про Микела и прося у Абернети прощения.

В это время дракон рванулся вперед, махнул огромным хвостом и развалил еще полстены. В зал ворвался холодный ветер, и помещение сразу наполнилось шумом, доносившимся с улиц, запруженных машинами. Бен упал на пол, Майлз — на скамейку для публики, Элизабет и Абернети упали друг на друга.

— Страбон! — заголосил Микел Ард Ри, узнав дракона.

Дракон влетел в зал суда, как дирижабль, и приземлился на пол, сломав скамьи для адвокатов и для прессы.

— Холидей! — прошипел Страбон. — До чего безобразен мир, из которого ты вышел!

Мартин, Вилоуби, Вильсон, второй помощник шерифа, Микел Ард Ри и его люди, бросившиеся прочь от дракона, едва не сбили друг друга с ног. Им так и не удалось пробиться сквозь тропические заросли, закрывавшие выход. Заметив их, Страбон разинул пасть и выпустил в их сторону струю дыма, после чего вся компания в страхе полезла под скамьи для публики. Дракон засмеялся и защелкал зубами.

— Довольно глупостей! — сердито сказал советник Тьюс, слезая со спины Страбона.

— Ты притащил меня сюда против моей воли, чтобы я спас человека, которого презираю, который вполне заслуженно пал жертвой собственной глупости, — проворчал дракон, снова взмахнув страшным хвостом. — И теперь вдобавок хочешь лишить меня маленького удовольствия, без которого это дурацкое путешествие не имеет смысла! Ты невыносим, волшебник!

Не обращая на него внимания, советник подошел к Бену и обнял его:

— Мой король! Как ты себя чувствуешь?

— Советник, я чувствую себя как нельзя лучше! — Бен хлопнул Тьюса по спине так, что тот едва устоял на ногах. — И никогда в жизни я еще не был так рад ни одной встрече, как нашей с тобой!

— Ваше Величество, я не мог допустить, чтобы вы находились здесь еще хотя бы мгновение, — торжественно объявил волшебник. — Я должен повиниться. Все эти несчастья начались из-за меня, я заварил всю эту кашу, и я же должен привести все в порядок. — Советник Тьюс повернулся к Абернети: — Мой старый друг! Я очень сожалею, что принес тебе столько бед. Надеюсь, что ты простишь меня за это.

Абернети сморщил нос:

— Да будет тебе, Тьюс! Сейчас нет времени для такой чепухи. — Но, увидев, как огорчился волшебник, писец сказал: — Ну... хорошо, я прощаю тебя! Ты ведь знаешь, что я умею прощать! А сейчас вытащи нас поскорее из этого проклятого места!

Но тут советник заметил Микела Ард Ри, который прятался под скамьей.

— А, привет, Микел! — крикнул волшебник улыбаясь. — А что здесь случилось? — спросил он шепотом у Бена.

Тот в двух словах рассказал советнику, что Микел сделал с Абернети и что пытался сделать вообще с ними. Рассказ этот поразил волшебника.

— Микел совсем не изменился, — заметил советник Тьюс. — Он остался все таким же отвратительным малым. Как хорошо, что Заземелье избавилось от него! — Он с облегчением вздохнул. — Ну ладно, все это весьма интересно, но нам пора, мой король! Кажется, заклинания, с помощью которых я закрыл выход из этого зала, будут действовать недолго. В этом мире волшебство никогда не было долговечным. — Он оглядел творение рук своих у выхода из зала суда и воскликнул: — Не правда ли, я соорудил весьма неплохую стену из растительности? Я горжусь ею. Знаете, у меня всегда хорошо получалось все, что растет.

— Сделано отлично, — одобрил Бен, не сводя глаз с Микела Ард Ри. — Послушай, советник, я сам хочу поскорее убраться отсюда. Но придется нам захватить с собой Микела. Твое мнение? — И Бен перевел взгляд на Тьюса. — Я понимаю тебя, — поспешно добавил он, заметив, что советник смотрит на него с ужасом. — Но если его оставить здесь, что станет с Элизабет?

Волшебник нахмурился. Этого он не учел. Элизабет, очевидно, думала то же самое. Она потянула Абернети за рукав и позвала его. Когда тот посмотрел на нее, девочка стала упрашивать своего друга:

— Абернети, прошу тебя, не оставляй меня! Я не хочу здесь оставаться, возьми меня в свой волшебный мир!

— Но, Элизабет, это невозможно!..

— Абернети, ну пожалуйста! Я хочу научиться волшебству, хочу летать на драконах, играть с тобой и с Ивицей, хочу посмотреть замок...

— Элизабет...

— ...королевский замок Бена. Я хочу сама увидеть фей и все-все волшебные существа. А тут, с Микелом, я не останусь, даже если папа скажет, что все будет хорошо, потому что я знаю: все будет плохо...

— Но я не могу взять тебя с собой!

Писец и девочка печально смотрели друг на друга. Потом Абернети наклонился, обнял Элизабет, и она обняла его.

За окном, где-то далеко, завыли сирены. Майлз схватил Бена за руку.

— Вам пора выбираться отсюда, док, — сказал он с беспокойством, — иначе вы можете остаться здесь навсегда. Что касается меня, то я до сих пор предпочитал считать все это кошмарным сном. — Он покачал головой. — Зеленые сильфиды, говорящие собаки, а теперь еще и драконы! Хотел бы я завтра проснуться и понять, что все это приснилось мне, после того как я выпил лишнего. — Майлз вдруг улыбнулся. — Ну ничего. — Он поглядел на

дракона, который жевал судейский стул. — Я все равно ни о чем не жалею.

Бен улыбнулся в ответ:

— Спасибо, Майлз, за то, что решился связаться со мной. Я понимаю, как нелегко тебе было, особенно если вспомнить, сколько случилось за это время неприятных неожиданностей. Но когда-нибудь я еще вернусь сюда и все подробно расскажу.

Майлз положил свою ручищу на плечо Бена:

— Хорошо, док. Теперь в путь. И не беспокойтесь о том, что здесь будет. Я обещаю сделать все, что в моих силах, для этой девочки. Я найду способ все это уладить.

— Уладить? — заговорил вдруг советник Тьюс, до этого молча смотревший на Абернети и Элизабет. — Пожалуй, я кое-что придумал. — Он направился туда, где Микел Ард Ри и остальные все еще сидели под скамьей. — Надо попытаться, — проронил волшебник. — Кажется, я еще не забыл это заклинание...

Он пробормотал несколько слов, сопроводив их короткими жестами, и указал пальцем по очереди на старшего помощника шерифа Вильсона, на второго помощника, на двух охранников Микела, на Мартина и, наконец, на Лойда Вилоуби. Все они тут же с довольным видом улеглись на пол и спокойно уснули.

— Ну вот. — Советник Тьюс потер руки. — Когда они проснутся, то почувствуют, что хорошо отдохнули, хотя и видели какой-то сон, но смутно. — И с довольной улыбкой посмотрел на Майлза. — Это намного облегчит улаживание здешних дел.

Майлз недоверчиво взглянул на спящего Вилоуби. Снова завыли сирены, теперь уже рядом с административным зданием, и луч прожектора скользнул по краю пробоины.

Бен взял на руки Ивицу.

— Советник, нам пора! — крикнул он. — Забирайте Микела, и будем выбираться отсюда.

— О нет, Ваше Величество, — покачал головой волшебник. — Нельзя возвращать его в Заземелье! Он уже прежде наделал там немало бед. Пусть он лучше останется в вашем мире.

Бен хотел что-то возразить, но советник Тьюс уже направился к Микелу, который успел вылезти из-под скамьи и теперь стоял у стенки.

— Уйди от меня, советник Тьюс, — прорычал Ард Ри. — Я не боюсь тебя.

— Эх, Микел, Микел! — вздохнул волшебник. — Ты всегда был слишком жалок для принца и, кажется, с тех пор не изменился... Ты по-прежнему считаешь нужным причинять неприятности всем,

кто вокруг тебя. Я не могу понять этого. Но тебе придется стать другим, и я готов помочь тебе.

Микел поежился:

— Не подходи ко мне, старый болван! Обманывай других своими фокусами, а я знаю, что ты всегда был лжеволшебником, ты и понятия не имеешь о настоящем колдовстве. Ты всего-навсего жалкий неудачник...

Советник Тьюс сделал резкое движение рукой, словно отрубил что-то, и Микел вдруг онемел, хотя продолжал открывать рот. Поняв, что с ним случилось, он в ужасе отшатнулся.

— Мы все не без греха, но можем стать лучше, — тихо сказал советник Тьюс. — А у тебя, Микел, такой возможности не было и вряд ли будет.

Волшебник пошептал что-то и стал делать какие-то замысловатые жесты. В воздухе возникло облачко золотистой пыльцы, которое вскоре обсыпало Микела Ард Ри. Принц-изгнанник съежился, потом застыл на месте, и взгляд его вдруг изменился, будто он увидел что-то очень далекое, не видимое для других. Теперь в его взгляде выражалась странная смесь ужаса и ненависти.

— Давно уже следовало такое сделать, — пробормотал волшебник. — И хотя это волшебство было не самым трудным, но оно очень эффективное. И чары эти достаточно крепки — даже для здешнего варварского мира, где никто не верит в волшебство.

Волшебник повернулся и пошел по проходу между рядами, туда, где стояли Абернети и Элизабет. Положив руки на плечи девочки, он сказал:

— Мне очень жаль, Элизабет, но Абернети прав. Тебе нельзя с нами. Здесь твой дом, твои друзья, здесь живет твой папа. Твоя родина здесь, а не в Заземелье, и в этом есть свой смысл, как и почти во всем, что окружает нас. Я не хочу делать вид, что все понимаю в жизни, но кое-что я понять могу. Ты ведь веришь в волшебство, не так ли? Может быть, поэтому ты и в добро веришь. Везде нужны люди, верящие в волшебство, чтобы оно нигде не кончалось. — Он наклонился и поцеловал ее в лоб. — Твори добро, если можешь, это и будет волшебство. — Потом волшебник обратился к Бену: — Не беспокойтесь, Ваше Величество. Микел Ард Ри больше не доставит неприятностей этой девочке, уверяю вас.

— Но что ты с ним сделал? Почему ты так уверен в этом? — спросил Холидей.

Однако волшебник уже залезал на спину дракона.

— Я расскажу об этом позже, мой король, — ответил он. — А сейчас мы должны немедленно улететь отсюда. — Он показал на

дверь зала, и Бен увидел, что густая растительность, закрывавшая выход, начала понемногу увядать.

— Вам пора, док! — сказал Майлз громким шепотом. — Счастливого пути!

Бен обнял друга на прощание, потом взял на руки Ивицу и понес ее к дракону, который уже разворачивался, чтобы взлететь. Страбон бросил злой взгляд на Бена и прошипел:

— Ладно, садись на меня, Холидей, только это — в последний раз!

— Я бы никогда не поверил в то, что происходит! — воскликнул Бен.

— Мне нет дела до того, во что ты можешь поверить, а во что — нет! — рявкнул Страбон. — Хватит терять время!

Прижав к себе Ивицу, Холидей стал осторожно взбираться на спину дракона.

— По-моему, советник совершил настоящее чудо... — Бен начал было снова прерванный разговор, но вдруг осекся, услышав шум вертолетов.

— Это еще что такое? — прошипел дракон, который тоже услышал странный для него звук.

— Это опасность! — ответил Бен, усаживаясь позади советника Тьюса. Ивица на мгновение открыла глаза и снова закрыла их.

— Поторопись, Абернети! — крикнул Холидей.

Элизабет снова обняла писца.

— А я все-таки хочу улететь с вами, — прошептала она с горечью.

— Знаю, — посочувствовал Абернети. — Прости, Элизабет. До свидания!

Он уже перебрался через сломанный барьер, когда девочка вдруг крикнула:

— Абернети!

Писец повернул голову.

— Возвращайся, когда сможешь, пожалуйста!

— Я обещаю, Элизабет.

— Не забывай меня!

— Что ты! Никогда не забуду.

— Я люблю тебя, Абернети, — сказала она.

Он улыбнулся, хотел что-то ответить, но промолчал. Когда Абернети уселся на дракона позади Бена и Ивицы, на глазах его выступили слезы.

— Прошу прощения, Ваше Величество, — тихо сказал писец.

— Домой, дракон! — крикнул советник Тьюс.

Дракон с шипением поднялся с пола. Он взмахнул огромными крыльями так, что поднялся ветер. Обитатель сказочного мира, су-

щество из легенд, дракон еще на мгновение оставался частью жизни девочки и взрослого мужчины, которые наблюдали за ним. Потом он вылетел через пробоину и исчез.

Майлз подошел к Элизабет, которая молча смотрела в темное небо. Улыбнулся, почувствовав, что ее рука ищет его руку.

Вылетая из административного здания, с высоты пятого этажа, дракон едва не столкнулся с вертолетом. Ни Страбон, ни пилот не могли бы точно сказать, на кого они чуть не налетели в ночной темноте. Оба, очевидно, недоумевали по поводу происшедшего. Вертолет с ревом поднялся вверх, а Страбон спустился вниз, оказавшись между зданиями. Снизу послышались вопли людей.

— Страбон, поднимайся выше! — в отчаянии закричал советник Тьюс. Дракон снова взмыл ввысь так быстро, что Бен и его спутники в испуге вцепились в Страбона, несмотря на то, что волшебство Тьюса надежно защитило их от падения. Вертолет облетел вокруг одного из небоскребов, включив огни. Вскоре появилась и вторая машина. Страбон издал пронзительный вопль.

— Скажи ему, чтобы не пускал в ход огонь! — предупредил Бен волшебника, представив себе горящими вертолеты и здания и какие последствия это могло бы иметь для Майлза и Элизабет.

— Он и не может этого сделать, — крикнул в ответ Тьюс. — В этом мире наши возможности ограниченны. И мы должны беречь огонь, если хотим добраться до Заземелья.

Бен совсем забыл об этом. Огонь действительно был нужен дракону, чтобы попасть из одного мира в другой. Так же было, когда он вынес их из подземного мира.

Дракон несколько раз менял направление, пытаясь уйти, но вертолет все еще следовал за ними. Страбон обогнул угол высотного здания и полетел к заливу. Под ними проплывали склады, причалы, контейнеры с грузом, портовые краны, похожие на динозавров, и многочисленные суда всех видов и размеров. Далеко впереди высился горный хребет.

Вдруг раздался пронзительный звук корабельного гудка. Дракон вздрогнул, дернулся и стал подниматься выше. В это время Бен заметил позади них силуэт огромного воздушного судна, которое быстро снижалось.

— Реактивный самолет! — заорал он. — Осторожно, советник!

Волшебник крикнул что-то дракону, и тот бросился в сторону. Огромный самолет шел на снижение. Страшный рев моторов заглушил все остальные звуки. Страбон вдруг снова повернул в сторону города.

— Нет, дракон, — завопил волшебник, — неси нас домой!

Но Страбон слишком разъярился. Теперь ему непременно нужна была битва. Дым повалил из ноздрей дракона, и он стал издавать странные, жуткие, устрашающие звуки.

Страбон снова пролетел над портом и вскоре заметил вертолет. Дракон заревел, бросая врагу вызов, и дохнул огнем.

Бен был в отчаянии.

— Верни его, советник! — приказал он. — Если дракон потратит свой огонь зря, мы не сможем отсюда вырваться!

Советник Тьюс кричал что-то Страбону, но тот не обращал на волшебника внимания. Он пролетел между двумя вертолетами так, что пилоты едва успели уклониться от столкновения. После этого дракон снова пролетел над городом. Лучи прожекторов скользили по ночному небу, искали, конечно, их. Внизу снова раздались крики. Бену даже показалось, что он слышит выстрелы.

Но вот когда казалось, что они снова попали в безвыходное положение, дракон вдруг опомнился. С воплем, который навел ужас на всех, кто слышал его, Страбон снова взмыл ввысь. Началась страшная тряска. Встречный ветер обрушился на Бена и его спутников. Страбон летел словно вихрь. Бен замер от страха, что они сейчас все свалятся и разобьются вдребезги. Теперь он почти не сомневался, что кончится именно этим...

Но он ошибся, слава Богу. Страбон издал новый вопль и вдруг выдохнул мощный поток пламени. Воздух вокруг него раскалился, и Бену показалось, что небо разверзлось, словно бездна. Тьма поглотила их. Бен закрыл глаза, потом медленно открыл их.

...Несколько разноцветных лун и мерцающие звезды освещали ночное небо, словно на детском рисунке. Внизу высились горы. Туман окутывал их вершины.

Бен наконец вздохнул с облегчением. Они вернулись домой.

ГЛАВА 21

БУТЫЛКА

Остаток ночи маленький отряд провел на западе равнины, немного севернее Сердца. Он расположился лагерем среди плодовых деревьев, которые каким-то чудом привольно росли в кленовой роще. Здесь пахло ягодами, яблоками и лесной свежестью. Стрекот цикад

и кузнечиков, крики ночных птиц, все ночные шорохи равнины, казалось, заверяли друзей, что все будет хорошо. Такие тихие и ясные ночи всегда навевали людям спокойные сны. Даже дракон Страбон заснул, забравшись в какой-то овраг.

Не спалось только Бену Холидею. Он сидел около Ивицы и с тревогой ждал рассвета. Ивица теперь превратилась в дерево. Она сделала это сразу, как только ступила на землю, хотя была чуть жива. Сильфида тогда слабо улыбнулась Бену, а он сидел и надеялся, что это ему не мерещится. Действительно, ее дыхание становится все более ровным, спокойным, глубоким. Король знал: Ивица верила, что это превращение ей необходимо, что, каковы бы ни были причины болезни, подточившей ее силы в его мире, каков бы ни был яд, поразивший ее, но земля родного мира принесет ей исцеление. «Хорошо бы так и было», — думал Бен. Прежде он уже видел, как ей это помогало, но то было прежде.

Он несколько раз пытался соснуть, но мрачные мысли не покидали его, тревога не проходила — и за Ивицу, и за себя. Бен не мог забыть и простить собственную беспомощность в пустом зале суда, когда он, судейский адвокат, не сумел защитить себя и своих друзей. К чему же привело то, что он оставил прежнюю жизнь ради теперешней? Не слишком ли дорого было заплачено за обретение нового смысла жизни? Не грозит ли ему, Бену Холидею, опасность потерять собственное лицо?

Все эти вопросы не давали королю покоя, и он не сомкнул глаз, мучимый демонами, которых сотворил себе сам, а теперь не знал, как от них отделаться.

Уже почти перед рассветом, когда небо на востоке стало проясняться, а мысли Бена оставались все такими же мрачными, он все же ненадолго задремал. Когда открыл глаза, то сразу посмотрел на спящую Ивицу. Ее кожа утратила бледность и приобрела свой первоначальный цвет. Жизнь чудесным образом возвратилась к ней. Бен бережно коснулся рукой ее лица. Она зашевелилась, но не проснулась. Почувствовав, что у него появились слезы на глазах, Бен с улыбкой вытер их. Наконец-то страхи, мучившие его всю ночь, улеглись, и прилив новых сил помог ему стать самим собой и хозяином собственной жизни.

И только тогда король вспомнил о том, что ему предстояло: о грядущем столкновении с Ночною Мглой и Злыднем. Всю ночь он предпочитал не думать об этом. Но откладывать больше нельзя. Если он не найдет способа раз и навсегда покончить с треклятой бутылкой, то все, что удалось сделать с тех пор, как исчез Аберне-

ти, теряет смысл. Значит, он, Бен, должен бросить вызов Ночной Мгле. А это вполне может стоить ему жизни.

Уже рассвело, все вокруг оживилось, ночной покой уступил место дневной суете. Король Заземелья сидел на поляне в глубокой задумчивости. Он размышлял о том, как отобрать бутылку у Ночной Мглы, как покончить со Злыднем. Теперь, когда ему удалось избавиться от бесцельных страхов и сомнений, можно поискать решение. Бен понимал, что он должен перевоплотиться в Паладина-рыцаря — защитника, который стал вторым «я» королей Заземелья и который всякий раз, когда они расставались с Беном, как будто уносил с собой часть его души.

Холидей невольно вздрогнул. Мысль о Паладине всегда вызывала у короля противоречивые чувства. Но, конечно, без мощи Паладина не обойтись, если придется выдержать битву с ведьмой, не говоря уже о Злыдне... Конечно, он, Бен, будет не один, ему поможет придворный волшебник. Вопрос только в том, хватит ли их объединенных усилий, чтобы сразиться с ведьмой и злым духом. И с одним Злыднем попробуй справься! Ведь, кажется, его возможности почти безграничны!

Когда проснулись спутники Бена, он все еще бился над своей задачей. Но король был приятно удивлен, когда во время завтрака решение наконец пришло к нему.

Чуть раньше он убедился, что Ивица окончательно выздоровела.

Бен удивился еще больше, когда после завтрака Страбон сам вызвался перенести их на север, к жилищу Ночной Мглы. Дракон сделал это, конечно, не из чувства долга и даже не потому, что еще ощущал над собой власть волшебника. Страбон не скрывал, что жаждал столкнуть между собой короля и ведьму и насладиться зрелищем схватки. Чтобы утолить злость, вызванную тем, что его втянули в свои делишки Бен и Тьюс, дракону нужна была кровь, и он надеялся, что предстоящая битва будет стоить много крови и Бену, и ведьме.

— Ты мой должник, Бен, — объявил Страбон, вложив в свои слова столько яда и злобы, сколько мог. — Уже дважды я спасал твою никому не нужную шкуру, но ничего не получил взамен. Если ведьма с тобой разделается, я буду считать, что мы квиты. Подумай, что мне пришлось вытерпеть по твоей милости! За мной гнались эти дурацкие железные птицы, меня ослепляли светом, за мной охотились твои сородичи, я был отравлен какой-то неведомой дрянью из вашего мира, ко всему утратил душевный покой! Но этого мало. Я могу сказать в глаза, что считаю тебя самым отвратитель-

ным созданием, которое я имел несчастье знать. Поэтому с нетерпением жду возможности избавиться от тебя!

С этими словами дракон опустился на колени, чтобы предмет его ненависти смог на него взобраться. Бен поглядел на советника, который пожал плечами и сказал:

— Чего еще можно ожидать от дракона?

Ивица и Абернети стали настаивать на том, что они должны отправиться в Бездонную Пропасть вместе с Беном. Когда же Бен напомнил им, что столкновение с ведьмой и Злыднем будет очень опасным, то оба в один голос предложили королю еще раз подумать.

— Я не для того пережил столько злоключений в неволе у Микела Ард Ри, чтобы теперь меня снова бросили! — недовольно заметил писец. — К тому же, — добавил он ехидно, — надо кому-то присматривать за нашим волшебником.

— Я тоже не хочу, чтобы меня бросили, — присоединилась к нему Ивица. — Я уже совсем здорова и могу пригодиться. Я ведь говорила тебе, Бен Холидей, у нас с тобой одна судьба!

Бен, конечно, видел, что сильфида действительно вполне здорова, но сможет ли она оказать серьезную помощь, если дойдет дело до схватки с Ночною Мглой и Злыднем. Он понимал, что переубедить Ивицу и Абернети ему все равно не удастся. Проще будет взять их с собой. Бен махнул рукой. Всегда выходит не по его!

В конце концов все четверо уселись на дракона, покинули рощу, служившую им местом ночевки, и полетели над Сердцем, над островком, на котором стоял замок Чистейшего Серебра, над зелеными лугами, пока не пересекли всю страну с юга на север, достигнув предгорий Мельхора. Страбон опустился на небольшую поляну на самом краю, у окутанной туманом Бездонной Пропасти. Перед этим он довольно низко пролетел над обиталищем ведьмы, видимо, для того, чтобы она заметила незваных гостей.

Бен и его спутники подошли к обрыву. Густая пелена тумана скрывала все, что делалось внизу. Ни звука не долетало сюда из урочища Ночной Мглы.

Деревья и кусты вокруг почернели, листья пожухли. Повсюду вокруг Бездонной Пропасти царили увядание и запустение, как будто из жилища ведьмы распространялась порча, поразившая окружающую землю.

— Подходящее место для того, чтобы ты встретил здесь свой конец, Холидей, — презрительно усмехнулся дракон. — Только тебе следовало бы поторопиться. — Он поднялся с земли на одну из скал, с которой ему было удобно наблюдать за будущим поединком.

— В последнее время дракон стал совершенно невыносим, — тихо сказал советник Тьюс.

— По-моему, он таким был всегда, — еле слышно ответил король.

Он оставил Ивицу и Абернети у Лазурных Друзей, многие из которых были теперь сломаны. Он не хотел, чтобы они были на виду, пока не кончится предстоящая опасная схватка. После этого Бен вернулся к волшебнику и впервые рассказал ему о своем замысле насчет того, как можно справиться со Злыднем. Волшебник задумчиво слушал его, а потом объявил:

— Ваше Величество, по-моему, вы нашли верное решение.

Король слабо улыбнулся:

— Найти решение — одно, воплотить его — другое, советник Тьюс. Дело это очень опасное. Все должно быть точно исполнено. Тут многое будет зависеть от тебя.

— Понимаю, мой повелитель, — торжественно ответил волшебник. — Я не подведу тебя.

— Не подведи самого себя, — ответил Бен. — Готов ли ты к бою?

— Готов, Ваше Величество.

Бен стал у обрыва и крикнул:

— Ночная Мгла! — Ответило ему только эхо. — Ночная Мгла! — снова позвал король.

И на этот раз ответа не было.

Волшебник, стоявший с Беном, беспокойно переступал с ноги на ногу.

Наконец из глубокой впадины вырвался вихрь, несущий черную пыль, которая осела на выжженную траву у обрыва, а вслед за этим перед ними появилась и сама Ночная Мгла, в черных одеждах, черноволосая, с бледным лицом и белыми руками, — жуткое и грозное видение. В одной руке она сжимала знакомую Бену и Тьюсу бутылку.

— А, лжекороль! — Зловещий шепот Ночной Мглы был похож на змеиное шипение.

Свободной рукой она вынула пробку из бутылки, и паукообразный Злыдень в момент выскочил из нее и уселся на горлышке. Красные глаза его горели.

— Видишь, мое сокровище? — тихо сказала ведьма. — Посмотри, кто пришел, чтобы мы могли позабавиться.

Король и волшебник стояли неподвижно, словно изваяния, ожидая, что будет дальше. Злыдень засуетился и стал нашептывать что-то ведьме, но слышала его только она сама.

— Да, да, — ласково говорила Ночная Мгла, склонившись над ним. — это те самые. моя маленькая злючка.

Наконец она выпрямилась, спрятала пробку и погладила Злыдня.

— Идите к нам, королек и придворный волшебник, — позвала она. — Мы поиграем с вами. О, какие это будут славные игры! Идите, не пожалеете!

— Отдай нам бутылку, — спокойно приказал Бен. — Она не твоя, Ночная Мгла.

— Здесь все, что я захочу, становится моим, — заявила ведьма.

— Но только не эта бутылка.

— А эта бутылка особенно.

— Тогда мне придется вызвать Паладина, — ответил Бен по-прежнему спокойно.

— Вызывай кого угодно. — Ночная Мгла презрительно усмехнулась. — Ты жалкий глупец, игрушечный король.

Злыдень вдруг подпрыгнул, пронзительно завизжал и простер свою паучью лапку с тонкими пальчиками к Бену и Тьюсу, направив на них поток огня и стальных осколков. Но советник на этот раз не оплошал. Смертоносный поток пролетел мимо, никак не задев короля и волшебника. Тем временем Бен коснулся медальона, и рука его почувствовала жар, исходивший от талисмана. Менее чем в десяти метрах от Бена вспыхнул яркий свет, и явился Паладин, белый рыцарь на белом боевом коне, светлое видение, пришедшее из вечности. Внутри медальона вспыхнул огонь, и свет от него достиг того места, где появился Паладин. Бен почувствовал, как волна света подхватила его тело, словно оно было невесомым. Через мгновение он уже был одет в стальные доспехи, и преображение началось. Бен Холидей лишился собственной памяти. Теперь у него была память Паладина, участвовавшего во множестве битв, в которых он одерживал победы, помнившего о крови и ранах, об искусстве вести битву, о великой борьбе и великих победах. С преображением всегда было связано для Бена и чувство ужаса, и чувство восхищения. Бен Холидей ужасался при мысли о крови и убийствах, Паладин предвкушал новую битву.

Потом эта раздвоенность исчезла, и остался только Паладин, могучий рыцарь во всеоружии, готовый к грозной битве.

Сжав в руке дубовое древко копья, защитник королей храбро бросился на Ночную Мглу и Злыдня.

Но оба его врага, помножив силу своей ненависти на силу злых чар, произвели на свет нечто, против чего, по их мнению, не должен был устоять даже Паладин. Это существо появилось из глубокой впадины, окруженное ореолом зеленого огня, огромное и белое и тоже на коне, под стать самому Паладину.

Это и был в своем роде второй Паладин. Советник Тьюс, прикрывшись волшебным щитом, в изумлении уставился на жуткую тварь. Он никогда прежде не видел подобных существ. То была прихоть темных колдунов — смесь огромного ящера и рыцаря, одетого в броню, в два раза больше самого Паладина. То был отвратительно искаженный образ рыцаря, словно отраженный в немыслимо кривом зеркале.

Эта чудовищная тварь ринулась навстречу Паладину. Она неслась с такой силой, что земля дрожала. Дубовое копье Паладина и копье из кости и железа, принадлежавшее его врагу, разлетелись на куски. Страшно заржали скакуны под ними. Противники разъехались в разные стороны. Паладин схватился за боевой топор. Тварь, созданная ведьмой и злым духом, стала на глазах расти, словно питаясь силой вражды. Теперь все присутствующие не сводили глаз с этого чудовища. А конь под ним словно растворился в воздухе.

В этот момент волшебник сделал едва заметное движение рукой, после чего от него стал исходить мерцающий свет, и Тьюс вдруг исчез, но вскоре появился снова, став, однако, полупрозрачным. Никто не заметил этих превращений.

Паладин снова пошел в атаку. Ночная Мгла и Злыдень, соединив усилия, продолжали вливать колдовскую силу в созданную ими тварь, которая теперь стала огромной, словно дом. Встав на задние лапы, чудовище поджидало противника. Когда рыцарь приблизился, оно бросилось на него, пытаясь раздавить, но Паладин успел увернуться и нанес удар топором по толстой шкуре огромной твари. Однако рана затянулась почти сразу. Врагу рыцаря покровительствовала сила колдовства.

Паладин снова бросился в атаку, обнажив свой мерцающий клинок. Он стал яростно наносить по чудовищу удары своим мечом. Но и эти раны мгновенно заживали. Тварь, созданная ведьмой и Злыднем, вновь и вновь бросалась на рыцаря, надеясь уничтожить Паладина. Оба создателя продолжали поддерживать чудовище силой своих чар. Они уже предвкушали победу.

Абернети и Ивица, наблюдавшие за битвой из своего укрытия, теперь со страхом ожидали исхода боя. Они видели, что Паладину все труднее противостоять врагу.

И тут случилось нечто неожиданное. Чудовище вдруг содрогнулось, словно пораженное невидимым ядом, и стало съеживаться.

Первым это заметил Злыдень. С пронзительным визгом он простер вперед свои паучьи лапки, чтобы силой чар подкрепить своего любимца. Но чудовище все продолжало уменьшаться. Теперь оно старалось уклониться от ударов меча Паладина, стало оступаться и

шататься, как будто почувствовало, что жизненные силы стали убывать.

Теперь уже это заметила и Ночная Мгла. Она завопила от ярости. Потом, повернувшись в ту сторону, где стоял волшебник, и вытянув вперед руки, наслала на него темное пламя. Советник Тьюс, казалось, был поглощен облаком дыма и пепла. Ивица и Абернети вскрикнули от ужаса.

Но несмотря на это, чудовище продолжало уменьшаться. А теперь что-то случилось и с самим Злыднем. Он вдруг скорчился, упал на землю у ног ведьмы и стал извиваться, словно болезнь, поразившая создание Злыдня, передалась и ему самому. Он что-то вопил, обращаясь к ведьме. Она наклонилась над ним.

— Бутылка! Бутылка запечатана, госпожа! — в отчаянии завизжал Злыдень. — Я не могу колдовать! От меня уходят жизненные силы!

Ночная Мгла уставилась на бутылку в собственной руке, не понимая, в чем дело. Бутылка была цела и невредима, она оставалась открытой. О чем же орет Злыдень? Ведьма была озадачена.

Между тем тварь, созданная Злыднем и ведьмой, стала почти невидимой, а вскоре вовсе обратилась в прах. Паладин проскакал на коне по тому месту, где еще недавно стоял его враг, и повернул в другую сторону. Ночная Мгла подняла глаза и бросила изумленный взгляд на рыцаря. Теперь он мчался прямо на нее.

Только тогда она догадалась ощупать горлышко бутылки. Вспыхнул синий волшебный огонь, и ведьма отдернула руку.

— Это Тьюс! — яростно завизжала ведьма.

Злыдень, ухватившийся за ее рукав, уже едва мог двигаться. Ночная Мгла зарычала и собралась было применить собственную волшебную силу, чтобы вновь открыть запечатанную бутылку.

Но она опоздала. Паладин уже был рядом.

И тут же советник Тьюс словно из-под земли возник рядом с ведьмой и быстро выхватил у нее бутылку, прежде чем Ночная Мгла успела сообразить, что случилось. Когда же она поняла это, то с визгом бросилась на волшебника, но тут ее настиг Паладин. Пламя вырвалось из земли в момент их столкновения, как при извержении вулкана.

Услышав гром и увидев яркую вспышку, Абернети и Ивица выбежали из рощицы и бросились к месту поединка. Огненный фонтан на мгновение осветил серое небо.

Потом вдруг все стихло. Когда погас огонь и улеглась пыль, ни Паладина, ни ведьмы на поляне уже не было. Советник Тьюс стоял на коленях, зажимая горлышко бутылки обеими руками и с камен-

ным лицом наблюдая, как издыхал на обожженной земле Злыдень и как он наконец обратился в прах.

Бен Холидей снова обрел свой обычный вид. У него кружилась голова, но он прижимал к груди еще не остывший медальон. Бен пошатнулся, но его тут же подхватили под руки Ивица и Абернети. Король слабо улыбнулся и тихо сказал:

— Ну вот и хорошо. Теперь все кончено.

Четверо друзей сидели на поле и мирно беседовали о том, что здесь только что произошло.

Ночная Мгла исчезла, но никто из них не знал наверняка, уничтожил ли ведьму Паладин или она просто сбежала, чтобы однажды снова появиться и заявить о себе. Все они помнили только, как в последний раз мелькнуло лицо Ночной Мглы, освещенное ярким пламенем.

Страбон улетел прочь сразу, как только увидел, чем закончилась битва. Его-то они точно видели не в последний раз.

Злыдень сгинул, и они надеялись, что навсегда.

Теперь, когда опасность миновала, Бен, перебиваемый иногда волшебником, рассказал Ивице и Абернети, как удалось одолеть Злыдня.

— Бутылка была тайным источником его силы, — сказал король. — Злой дух жил в этой бутылке и никогда не покидал ее надолго. Ведь Злыдень, который так хотел, чтобы его выпустили на волю, мог бы навсегда оставить свою тюрьму, но не сделал этого. Тогда я подумал: а что, если он и не может этого сделать, если его волшебная сила кроется в бутылке, а не в нем самом? Может быть, Злыдень вынужден в ней жить, коли хочет обладать волшебной силой? И чем больше я думал над этим, тем правильнее казалась моя догадка...

— Так вот, король и сказал мне, что, очевидно, бутылка — источник колдовства Злыдня, — перебил Тьюс, как только Бен сделал передышку. — А коли так, тогда надо запечатать бутылку и лишить Злыдня силы.

— Вся трудность была в том, чтобы ведьма не поняла нашего замысла и не смогла помешать этому, — вновь заговорил Бен. — Необходимо было забрать у нее бутылку во что бы то ни стало. Поэтому пока Паладин сражался с ведьмой и Злыднем, советник Тьюс сделался почти невидимым, с помощью волшебства уменьшился во много раз и, добравшись до бутылки, сам превратился в ее пробку! При этом он создал себя призрачным на прежнем месте, чтобы обмануть Ночную Мглу. Когда она все же разгадала, что вол-

шебник лишил Злыдня силы, то решила напасть на Тьюса, но перед ней было только видение.

— Надо было нас хоть подготовить, — вмешался Абернети. — А то напугали до смерти! Мы уже подумали, что старик... словом, что он сгорел!

— Волшебник запечатал бутылку, — продолжал Бен, не отвечая на эту взволнованную речь. — Таким образом, Злыдень лишен был силы, а Ночная Мгла ничем не смогла помочь ему. Все получилось, как мы и задумали. Ведьма слишком поздно поняла, что произошло. С их тварью было покончено, Злыдень слишком ослаб, а Паладин был уже близко. К тому же советник Тьюс снова, к изумлению ведьмы, возник рядом с нею и выхватил бутылку. Так что она ничего не смогла поделать.

— Мы только недооценили значение этой бутылки для Злыдня, — сказал советник Тьюс. — Оказывается, от нее зависела не только его волшебная сила, но и сама жизнь. Он и не выжил, потому что не смог вернуться в бутылку.

Все четверо, словно сговорившись, посмотрели на кучку праха примерно в десяти шагах от того места, где они сидели. Легкий ветерок уже разносил пыль в разные стороны.

ГЛАВА 22

ДОМА

В понедельник около полудня в Сиэтле в одном из залов ожидания аэропорта «Си Так Юнайтед Эйрлайн Аннекс» сидел Майлз Беннетт и ждал прибытия самолета из Чикаго. Этим рейсом прилетал отец Элизабет. Большую часть уик-энда Майлз потратил на то, чтобы найти этого человека и уговорить его срочно вернуться. Сразу после встречи они оба должны были принять необходимые меры, чтобы начать дело об имуществе Микела Ард Ри.

Рядом сидела Элизабет и читала какую-то книжку под названием «Всякая всячина». Она была в черно-желтой вязаной юбке и блузке. Погруженная в чтение, девочка не заметила, что Майлз посмотрел на нее и улыбнулся. Затем стал просматривать газеты «Сиэтл Таймс» и «Пост Интеллидженсер», лежавшие у него на коленях. События ночи Хэллоуина казались теперь Майлзу очень далекими,

словно все это тогда происходило и не с ним вовсе. Для него сейчас они были чем-то вроде «новостей из-за рубежа», которые он никогда не воспринимал как прямо его касавшиеся. Впрочем, на деле это было не так даже с зарубежными новостями, а тем более с этими.

Заголовки статей были, в общем, похожи: «Призраки Хэллоуина вторглись в Сиэтл», «Шабаш в суде», «Война привидений над морем» и прочее, и прочее.

В подзаголовках говорилось о таинственных разрушениях в административном здании, о свидетельствах полицейских, пожарных, городских чиновников и людей с улицы, о таинственном феномене той ночи, а также о странном состоянии некоторых юристов и помощников шерифа, обнаруженных в зале суда, который пострадал, словно во время второй мировой войны.

Сообщались и подробности, насколько их можно было точно описать и разобраться в них. В ночь Хэллоуина, в пятницу, в административное здание были вызваны полиция и пожарные, поскольку оттуда поступило сообщение о взрыве. По прибытии они обнаружили, что внешняя стена здания на пятом этаже разрушена, очевидно, действительно в результате взрыва. Попытки попасть в зал суда изнутри здания оказались безуспешными. Существовали различные версии по поводу этого. В некоторых статьях сообщалось о слухах, согласно которым якобы перед входом в зал выросли непроходимые джунгли, которые потом исчезли. Чтобы проникнуть в здание, пришлось вызвать вертолеты. Пожарные, попавшие на пятый этаж, обнаружили, что зал суда в большей части разрушен. Несколько сотрудников учреждений, размещенных в здании, были найдены «в полубессознательном состоянии», но никто серьезно не пострадал.

Далее следовали различные «мнения очевидцев». Одни положительно утверждали, что видели дракона, другие — что это была «летающая тарелка», третьи говорили о «пришествии Сатаны». Пилоты вертолетов соглашались в том, что действительно «была какая-то штука», во всяком случае, они за чем-то гнались и что-то гналось за ними, но что именно, точно не знают. Возможно, какой-то мудреный летательный аппарат, как предположил один из городских сановников. Другой автор саркастически заметил, что эта сенсация, очевидно, родилась в ту пятницу в ночных кабаках. Поближе к Рождеству найдутся очевидцы, видевшие Санта-Клауса.

«Однако!» — подумал Майлз.

Публиковались также интервью богословов, ученых, сановников, готовых «поделиться своими соображениями». Конечно, никто из них не приблизился к истине.

И вдруг на первой странице воскресного приложения к «Таймс» Майлз увидел снимок Граум-Вит и заголовок: «Миллионер дарит свой замок нашему штату».

Репортаж гласил:

«Миллионер-бизнесмен Микел Ард Ри объявил сегодня на пресс-конференции, что решил подарить свой замок с прилегающим к нему земельным участком штату Вашингтон, чтобы эта территория была использована как парк отдыха. Будет создан специальный фонд с этой целью. Состояние мистера Ард Ри, оцениваемое приблизительно в триста миллионов долларов, будет использовано в благотворительных целях для нужд медицинских гуманитарных организаций в различных странах мира. Мистер Ард Ри объявил также, что его замок Граум-Вит станет музеем произведений искусства, собранных им за многие годы. Музей будет открыт для широкой публики. Все необходимые мероприятия будут осуществляться его личным управляющим, имя которого пока не названо. Сам мистер Ард Ри объявил, что намерен оставить бизнес и переехать в Орегон, чтобы заняться литературной деятельностью и работать над новыми (социальными) проектами. Будет создан небольшой фонд для его личных нужд». Далее кратко пересказывалась биография Микела Ард Ри, а также сообщалось о реакции некоторых представителей элиты на это событие.

Беннетт дважды перечитал публикацию, недоумевая, что же такое сделал советник Тьюс с этим человеком?! Майлз отложил газеты и вздохнул, пожалев о том, что Бена здесь нет. Слишком многие вопросы пока остались без ответа.

Элизабет вдруг подняла глаза на Майлза, словно прочитав его мысли.

— Как вы думаете, у них там все хорошо? — спросила она.

— Конечно, Элизабет. Я уверен в этом.

Девочка улыбнулась:

— Я, кажется, тоже.

— Но это не значит, что мы не будем о них беспокоиться.

— И скучать. Я очень скучаю по ним.

Майлз посмотрел в окно на аэродром, на город, на далекие горы, вершины которых окутывал туман.

— Они когда-нибудь вернутся, — сказал он задумчиво.

Девочка молча кивнула.

А через какое-то время объявили о прибытии самолета. Элизабет подошла к окну, чтобы посмотреть на прилетевших, и, широко улыбнувшись, радостно помахала рукой.

* * *

Несколько недель спустя Бен Холидей и Ивица отпраздновали свадьбу. Они с удовольствием сделали бы это раньше, но королевская свадьба сопровождалась определенными обрядами, и потребовалось время, чтобы собрать о них сведения. Никто из жителей Заземелья сам не был свидетелем последней королевской свадьбы. Поэтому Абернети пришлось рыться в архивах, а советник Тьюс переговорил со старейшинами долины, после чего оба придворных восстановили старинные предания.

Бена не очень-то интересовали обряды. Он думал о том, как же долго ему пришлось идти к тому, что Ивица знала с самого начала: им следует соединить свои судьбы, стать по-настоящему мужем и женой, королем и королевой. Никогда он не позволил бы себе подобных мыслей и чувств: он счел бы все это изменой памяти Энни. Но Энни не было на свете уже почти пять лет. Теперь Бен очень любил Ивицу, не мыслил без нее своей жизни и мог больше не тревожить дух Энни. Он любил и был любимым, он помнил рассказы сильфиды, что ее судьба была предсказана еще во время ее зачатия, и не забыл предсказания Матери-Земли, что Ивица когда-нибудь нарожает ему детей.

Конечно, Бен еще не избавился от своих сомнений и страхов. Он по-прежнему боялся, что не справится с обязанностями короля Заземелья, что ему все же придется вернуться в тот мир, из которого ему так хотелось бежать. Бен очень дорожил своим счастьем и боялся потерять его. Он знал, что подобные страхи ютятся в подсознании и полностью их искоренить невозможно.

Но больше всего на решение Бена ускорить свадьбу повлияла его боязнь потерять Ивицу.

Дважды это чуть было не случилось. Но в первый раз, когда Бен еще был новым человеком в Заземелье, у него не было такого острого страха. Тогда он здесь еще не освоился, и слишком жива была память об Энни. Страх этот возник недавно, когда они едва не расстались навсегда во второй раз, после того как Ивица решила отправиться с ним в его прежний мир только потому, что любила его и готова была умереть за него!

Бен был поражен ее великой любовью. Любил ли он так же сильно? Имел ли он право идти на риск снова потерять ее, прежде чем они станут мужем и женой? Разве он должен был сделать себя и ее несчастными?

Итак, все было решено, и откладывать дальше не было причин. Свадьбу сыграли в Сердце. В гости пришли все. Пришел Владыка Озерного края, который, как всегда, чувствовал беспокойство при

встрече с дочерью — она так похожа была на мать. Явился волшебный народец Озерного края, существа, иногда очень похожие на людей, а иногда призрачные, словно лесные тени. Пришли лорды Зеленого Дола: Каллендбор, Стрехан и другие, которые не доверяли всем, а особенно — друг другу, но из приличия явились вместе. Пришли тролли и кобольды с северных и южных гор. Явились кыш-гномы Щелчок и Пьянчужка, которые хвастались перед сородичами тем, что тоже поспособствовали этой свадьбе. Явились и многие простые люди, жители долины — крестьяне, охотники, звероловы, ремесленники, торговцы, купцы.

Появился даже дракон Страбон, который пролетел над головами празднично одетых людей, изрыгая огонь, видимо, очень довольный, что при виде его дети и женщины до сих пор разбегаются с визгом.

Свадебная церемония оказалась простой — Бен с Ивицей поднялись на возвышение для королей Заземелья, сказали на глазах всего народа, что любят друг друга, навсегда сохранят супружескую верность и, что бы ни случилось, будут вместе всю жизнь. Потом советник Тьюс произнес несколько старинных обетов, и Бен с Ивицей повторили их, как повторяли короли и королевы много лет назад. На том свадебная церемония и закончилась.

Гости пировали и веселились весь день, всю ночь и еще следующий день, причем все было вполне пристойно. Если и возникали ссоры, то их быстро удавалось уладить. Жители Зеленого Дола и Озерного края сидели рядом и толковали о том, как бы снова наладить добрососедские отношения. Тролли и кобольды обменивались дарами. Даже кыш-гномы захватили с собой только нескольких собак.

Еще через несколько дней, когда жизнь в Заземелье стала входить в нормальную колею, король снова решил расспросить волшебника, что тот сделал с Микелом Ард Ри. Они вдвоем сидели в палате замка Чистейшего Серебра, где хранились летописи Заземелья, пытаясь истолковать некоторые древние законы о земле. Когда работа была закончена, Бен, сидя за стаканом вина, стал вспоминать все, что произошло за последние недели. Конечно, он не мог не вспомнить и о Микеле, а также о том, что советник Тьюс ничего тогда так и не объяснил.

— Так что же ты с ним сделал, волшебник? — начал он донимать Тьюса, заметив, что тот уклоняется от ответа. — Откуда ты узнал, какой вид волшебства пустить в ход? Помнится, ты сам говорил, что всякое волшебство в том мире непрочно.

— Да... по большей части, — согласился Тьюс.

— Но как же ты тогда управился с Микелом?

— Ну, к Микелу я применил не совсем обычное волшебство.

— То есть как? Ведь я же помню, ведь он же... — не унимался Бен.

— Он был с самого начала неправильно воспитан, если вспомнить всю эту историю, — закончил за него волшебник. — Ведь это мой братец прежде всего в ответе за то, что Микел вырос такой отвратительной личностью.

— Так что же ты сделал? — нахмурился Бен.

Советник пожал плечами:

— В него нужно было вдохнуть истинные ценности души, не так ли, Ваше Величество?

— И что же?

— Ну... — повременил волшебник, — я и вернул ему совесть.

— Что вернул?!

— Я вернул совесть из глубины души Микела, который не давал ей выхода. С помощью волшебства я дал ей освободиться от невидимых оков. — Волшебник улыбнулся. — Чувство вины было для него невыносимым... Но кроме того, я еще сделал ему крепкое внушение. Я внушил Микелу, что он, чтобы искупить свою вину, должен немедленно отказаться от всего, чем владеет. Я это сделал для того, чтобы Микел уже не смог отступить, если действие чар кончится прежде, чем совесть окончательно займет в его душе подобающее место.

Король широко улыбнулся:

— Да ты просто изумляешь меня, советник Тьюс! Не перестаю удивляться!

И оба они пришли в отличное расположение духа.

Внезапно советник Тьюс подскочил:

— О небо! Я чуть не забыл! У меня есть новость, Ваше Величество, которая действительно изумит вас. — Он снова сел и продолжил: — Что, если я скажу, как я нашел способ *действительно* снова превратить Абернети в человека?

Бен некоторое время молчал, потом спросил:

— Ты говоришь серьезно?

— Конечно, Ваше Величество.

— Превратить его в человека?

— Да, Ваше Величество.

— Это что, как раньше?

— Нет, нет, по-настоящему.

— Силой волшебства?

— Конечно.

— А ты проверил, можно ли это сделать?

— В общем, да...

— Хорошо проверил?

— Пожалуй...

— Или это всего лишь твой замысел?

— Но основанный на точном знании, Ваше Величество. На этот раз все пройдет успешно.

Бен пристально посмотрел волшебнику в глаза:

— Говоришь, все пройдет успешно? А Абернети ты уже говорил?

— Нет, Ваше Величество, — покачал головой советник Тьюс. — Я подумал, может быть... эээ... вам лучше это сделать?

Бен снова задумался, потом сказал шепотом:

— Думаю, нам обоим пока рановато ему об этом рассказывать. Сначала тебе еще надо как следует позаниматься опытами. А ты что скажешь?

Волшебник сосредоточенно нахмурился, потом задумчиво ответил:

— Пожалуй... вы правы, Ваше Величество.

Король Заземелья встал и положил руку на плечо волшебника.

— Доброй ночи, советник, — сказал он и вышел из палаты.

Шкатулка Хитросплетений

Крису, Денни, Джину, Филу, Скотту, Стюарту и куда-то исчезнувшему Ларри.

Старым друзьям, которые знали меня еще тогда и сделали меня лучше.

Однажды вечером, войдя к нему со свечой, я с изумлением услышал, как он дрожащим голосом произнес:

— Я лежу тут в темноте и жду смерти.

Свет находился всего в полуметре от его глаз. Я заставил себя пробормотать — «о, что за глупости!» и застыл над ним, пораженный тем, что открылось моему взору.

Мне еще не доводилось видеть ничего более разительного, чем те перемены, которые произошли в его чертах, и надеюсь, что больше никогда подобного не увижу. О, я не был шокирован, я был заворожен. Казалось, разорвался некий покров. Я увидел на этом мертвенно-бледном лице выражение торжественной гордости, безжалостной властности, трусливого ужаса... Сильнейшего и безнадежного отчаяния. Что было с ним в этот вершинный миг полного познания? Может быть, он вновь пережил все мгновения своей жизни: вожделение, соблазн и падение? Он отчаянно шептал, обращаясь к какому-то образу, к какому-то видению, даже вскрикнул дважды, и крик его был почти вздохом:

— Ужас! Ужас!

Джозеф Конрад
«Сердце тьмы»

ГЛАВА 1

СКЭТ МИНДУ

Хоррис Кью внешне напоминал карикатурное изображение Паганеля. Он был высок и долговяз и походил на дешевую марионетку. Голова у него была маловата, руки и ноги длинноваты, а торчащие уши, нос, кадык и волосы придавали его облику небрежность. Выглядел он безобидным и глуповатым. На самом деле это было не так. Он принадлежал к числу тех людей, которые обладают некоторой властью, но не умеют ею пользоваться. Он считал себя хитрецом и мудрецом, но не был ни тем, ни другим. Если припомнить поговорку, то он вполне подходил на роль снежного кома, которому суждено превратиться в лавину. И в результате он представлял некую опасность для всех, включая и самого себя, но сам он этого даже не осознавал.

И то утро не было исключением.

Огромными скачками, не замедляя шага, он прошел по садовой дорожке к калитке, хлопнул ею так, словно был взбешен оттого, что та не открылась сама собой, и проследовал дальше, к дому. Он не смотрел ни направо, ни налево, не замечал изобилия цветов на тщательно ухоженных клумбах, аккуратно подстриженных кустов и свежевыкрашенных шпалер, не ощущал благоуханных ароматов, которыми был напоен теплый утренний воздух северной части штата Нью-Йорк. Он даже мельком не взглянул на парочку малиновок, распевавших в ветвях старого косматого гикори, который рос в центре газона у дома. Не обращая внимания ни на что, он устремился вперед с сосредоточенностью бросившегося в атаку носорога.

Из Зала Собраний, расположенного ниже по склону, доносились голоса, напоминавшие рой разъяренных пчел. Густые брови Хорриса мрачно сдвинулись над узким крючковатым носом, словно пара мохнатых гусениц ползла навстречу друг другу. Надо полагать, Больши все еще пытался увещевать паству. Увещевать бывшую паству, поправился он. Конечно, на нее это не подействует. Теперь уже ничего не подействует. В том-то и неприятность от чистосердечных признаний. Единожды сделав, назад их не вернешь. Элементарная логика, урок, за который тысячи шарлатанов заплатили своими шкурами, — и Больши все-таки не удосужился усвоить его!

Хоррис заскрипел зубами. О чем только думал этот идиот?

Он стремглав пустился к дому. Настигавшие его крики из Зала Собраний вдруг вскипели новой пугающей волной. Скоро они явятся. Все сборище, вся его былая паства, вмиг превратившаяся в стаю обезумевших врагов, которая непременно разорвет его в клочья, если только он попадется им в руки.

Хоррис резко остановился у начала лестницы, ведущей к веранде, окружавшей сверкающий дом, и подумал обо всем, что теряет. Его узкие плечи опустились, неловкое тело обмякло, и, когда он попытался подавить разочарование, вставшее комом в горле, кадык его дернулся, как поплавок на воде. Пять лет работы пропало! Пропало в одну минуту. Пропало, как пламя задутой свечи. Он никак не мог этому поверить. Он столько трудился!

Покачав головой, он вздохнул. Ну, надо полагать, найдется новая дичь. И новый лес, в котором можно будет поохотиться.

Он затопал по деревянным ступеням: ботинки сорок шестого размера ударяли по доскам, словно комические чеботы клоуна. Теперь он уже смотрел по сторонам, смотрел, потому что это была его последняя возможность. Он больше никогда не увидит этот дом, эту жемчужину колониальной архитектуры, которую он так полюбил, этот необычайный, старинный американский особняк, столь тщательно отреставрированный, столь любовно обставленный только для него одного. Этот дом в отдаленном районе, почти целиком отданном для охоты и зимнего отдыха, всего в восьмидесяти километрах от платной дороги, соединявшей Ютику с Сиракьюсом, был почти забыт и заброшен, когда Хоррис его обнаружил. Хоррис сознавал важность истории. Его восхищало и влекло все историческое, особенно, если вчера и сегодня можно было соединить воедино, к его личной выгоде. Скэт Минду позволил ему это сделать: история этого дома и земли превратилась в такой аккуратный сверток, который лежал у ног Хорриса, ожидая, чтобы тот его раскрыл.

Но теперь Скэт Минду и сам стал историей.

Хоррис во второй раз остановился у двери, кипя от возмущения. И все из-за Больши! Он все время проигрывает из-за этого болтуна Больши! Это просто чудовищно! Полгектара земли, особняк, дом-гостиница, Зал Собраний, теннисные корты, конюшни, лошади, прислуга, лимузины, личный самолет, банковские счета — все! Он не сможет сохранить ничего. Все числится за фондом, освобожденным от налогов Фондом Скэта Минду, и у него нет возможности вернуть хотя бы часть вложенного. Попечители об этом позаботятся первым делом, как только узнают о случившемся. Конечно, остались еще деньги на счетах в швейцарских банках, но это такая мелочь по сравнению с крушением его империи!

Найдется другая дичь, повторил он про себя. Но, черт возьми, почему он должен снова заниматься охотой?

Он с такой силой лягнул плетеное кресло у двери, что оно отлетело в сторону. Больше всего ему хотелось бы сейчас проделать то же с Больши.

Из Зала Собраний снова донеслись крики. На этот раз он явственно расслышал слова: «Пошли с ним разберемся!» Хоррис перестал терзать себя и быстро вошел в дом.

Не успел он закрыть за собой дверь, как сзади раздалось хлопанье крыльев. Хоррис хотел было оставить его на улице, но Больши оказался быстрее. Отчаянно взмахивая крыльями, он ворвался внутрь и, роняя перья, уселся на перила лестницы, ведущей на второй этаж.

Хоррис мрачно уставился на птицу:

— В чем дело, Больши? Они не стали тебя слушать?

Больши распушил перья и встряхнулся. Он был весь угольно-черный, и только хохолок сиял белизной. По правде сказать, это была довольно красивая птица. Нечто вроде майны. К сожалению, Хоррису так и не удалось выяснить его родословную. Уставившись на Хорриса пронзительным горящим взглядом, он подмигнул:

— Га! Хор-р-роший Хоррис. Хор-р-роший Хоррис. Больши лучше. Больши лучше.

Хоррис прижал пальцы к вискам:

— Ах, полно! Нечего прикидываться наивной пташкой!

Больши резко закрыл клюв.

— Хоррис, это ведь все ты виноват.

— Я?! — возмутился Хоррис, угрожающе шагнув вперед. — Каким это образом вдруг виноватым стал я, идиот? Это не я начал болтать о Скэте Минду! Это не я решил вдруг сказать все, как есть!

Больши перелетел чуть повыше, чтобы остаться на безопасном расстоянии от Хорриса Кью.

— Не злись, не злись. Давай кое-что вспомним, хорошо? Это ведь ты все придумал, так? Я не ошибся? Тебе это о чем-то говорит? Со Скэтом Минду придумал все ты, а не я. Я присоединился к программе, потому что ты обещал мне, что все сработает. Я был пешкой в твоих руках, я всю свою жизнь остаюсь пешкой в клещах людей и обстоятельств. Бедная глупая птица, изгнанник...

— Идиот!

Хоррис рванулся вперед, еле сдерживая себя, чтобы не задушить эту паршивую тварь.

Больши отлетел чуть дальше:

— Я жертва, Хоррис Кью. Я произведение твое и тебе подобных. Я делал, что мог, но нельзя же меня винить за поступки, не оправдавшие твоих ожиданий, правда же?

Хоррис остановился у лестницы:

— Просто скажи, с чего ты вдруг это выкинул. Возьми и скажи.

Больши напыжился:

— На меня нашло озарение.

Хоррис изумленно уставился на него.

— На него нашло озарение, — невыразительно повторил он и покачал головой. — Ты хоть понимаешь, как нелепо это звучит?

— Не вижу в этом ничего нелепого. Я ведь одарен озарениями, разве не так?

Хоррис воздел руки к небу и отвернулся.

— Просто не могу поверить! — И он снова яростно повернулся к Больши. Казалось, его неловкая фигура вот-вот разлетится на части от резких жестов. — Ты нас погубил, глупая птица! Пять лет работы выброшены на помойку! Пять лет! Скэт Минду был основой всего, что мы создали! Без него все пропало, все! О чем ты думал?

— Скэт Минду говорил со мной! — ответил Больши разобидевшись.

— Никакого Скэта Минду нет и в помине! — завопил Хоррис.

— Нет, есть.

Огромные уши Хорриса заалели, а широченные ноздри раздулись.

— Думай, что говоришь, Больши, — прошипел Хоррис. — Скэт Минду — это двадцатитысячелетний старец, которого придумали мы с тобой, чтобы облапошить побольше болванов и заставить их выложить денежки. Помнишь? Помнишь наш план? Это мы все придумали — ты и я. Скэт Минду — двадцатитысячелетний мудрец, который во все века давал советы философам и вождям. А теперь вернулся, чтобы поделиться своей мудростью с нами. Вот какой был план. Мы купили эту землю, отреставрировали этот особняк и

создали убежище для паствы — для паствы жалкой, отчаянной, разочарованной, но богатенькой, которой очень нужно было, чтобы кто-то говорил ей то, что она и сама знает! Вот что делал Скэт Минду! Через тебя, Больши. Ты, простая птица, был его рупором. Я был распорядителем, управляющим собственностью Скэта Минду в этом преходящем мире. — Он перевел дух. — Но, Больши, Скэта Минду не существует! Не существует сейчас и никогда не существовало! Есть только мы с тобой!

— Я с ним разговаривал, — не сдавался Больши.

— Ты с ним разговаривал?!

Больши бросил на него торопливый взгляд:

— Не повторяй за мной, пожалуйста! Кто из нас двоих птица, Хоррис?

Хоррис сжал зубы.

— Ты с ним разговаривал?! Разговаривал со Скэтом Минду?! Разговаривал с кем-то, кого не существует?! И не будешь ли так любезен поделиться со мной, что именно сказал он тебе? Не будешь ли так любезен приобщить меня к его мудрости?

— А ты тот еще типчик.

Больши впился когтями в отполированные перила.

— Больши, просто ответь мне: что он сказал?

Голос Хорриса противно заскрипел, как ноготь по школьной доске.

— Он велел мне сказать правду. Велел признаться, что ты все выдумал про него и про меня, но что теперь я действительно нахожусь с ним в полном контакте.

Хоррис сцепил пальцы:

— Правильно ли я понял тебя: Скэт Минду приказал тебе во всем повиниться?

— Он обещал, что паства все поймет.

— И ты ему поверил?

— Я должен был сделать то, что от меня требовал Скэт Минду. Я не надеюсь, что ты поймешь меня, Хоррис. Но все дело в совести. Иногда просто необходимо реагировать на чисто эмоциональном уровне.

— У тебя крыша поехала, Больши, — объявил Хоррис. — Ты совсем сошел с катушек.

— А ты просто не желаешь поворачиваться лицом к действительности, — огрызнулся Больши. — Так что оставь свои колкости для тех, кто их заслуживает, Хоррис.

— Скэт Минду был идеальной схемой! — Хоррис завопил так громко, что Больши невольно подпрыгнул. — Посмотри вокруг,

идиот! Мы оказались в мире, где люди убеждены, что потеряли контроль над своей жизнью, где происходит такое количество событий, что они давят на человека, где вера дается труднее всего, а деньги — невероятно легко! Этот мир был словно по заказу создан для нас, тут просто невероятное количество возможностей обогатиться, хорошо жить, иметь все, чего нам только хочется, и кое-что из того, чего даже не хотелось. И для этого надо было только поддерживать иллюзию относительно Скэта Минду. А значит, убеждать паству, что иллюзия — это реальность! Сколько у нас обращенных, Больши? Ах, извини: сколько у нас было обращенных? Несколько сотен тысяч как минимум! Рассеянных по всему миру, но совершавших регулярные паломничества в убежище, чтобы выслушать несколько драгоценных слов мудреца и заплатить за это неплохие денежки!.. — Он набрал побольше воздуха. — И ты мог подумать хоть секунду, что, когда ты сообщишь этим людям, как мы вытягивали из них денежки за то, чтобы выслушать слова птички — не важно, чьи именно слова она им щебетала, — они быстренько это простят? Ты надеялся, что они скажут: «Ах, ничего, Больши, мы все понимаем!» — и разъедутся по домам? Ну не смешно ли? Надо полагать, Скэт Минду сейчас просто гогочет над нами!

Больши покачал головой с белым хохолком:

— Он недоволен тем, сколь малопочтительно о нем говорят, понял?

Хоррис поджал губы:

— Передай ему, пожалуйста, от меня, Больши, что мне наплевать!

— А почему бы тебе самому не сказать ему об этом, Хоррис?

— Что?!

Больши нахально сверкнул глазками:

— Скажи ему сам. Он стоит сейчас позади тебя.

Хоррис иронически расхохотался:

— Ты сбрендил, Больши. На самом деле.

— Вот как? Да неужели? — Больши распушил перья. — Так посмотри, Хоррис. Ну же, посмотри!

Хоррис почувствовал, как по спине у него пробежал холодок. Больши говорил весьма уверенно. Большой особняк вдруг показался немыслимо огромным, а тишина, в которую он погрузился, — просто безграничной. Бурные вопли приближавшейся толпы исчезли, словно были проглочены целиком. Хоррису показалось, что он ощущает чье-то тайное присутствие, сгустившееся за его спиной из эфира: неясная тень оформилась и с мрачной настойчивостью прошептала: «Повернись, Хоррис, повернись!»

Хоррис сделал глубокий вдох, пытаясь путем неимоверных усилий унять дрожь. У него было жуткое чувство, будто снова все каким-то образом выходит из-под его контроля. Он упрямо мотнул головой.

— Не буду смотреть! — огрызнулся он, а потом злобно добавил: — Глупая ты птица!

Больши наклонил голову набок.

— Он тянетсссся к тебе! — прошипела майна.

Что-то очень легко коснулось плеча Хорриса Кью, и тот в ужасе повернулся.

Там никого не оказалось.

И почти ничего. Было нечто едва заметное, небольшое затемнение, чуть уловимое движение, намек на шевеление воздуха. Хоррис моргнул. Нет, даже и этого не было, удовлетворенно поправился он. Вообще ничего.

Снаружи дома, в саду, вдруг снова раздались крики. Хоррис обернулся. Паства увидела его сквозь открытую дверь и теперь мчалась через клумбы и кусты роз к калитке. Они несли острые предметы и угрожающе ими размахивали.

Хоррис быстро подошел к двери, запер ее, а потом снова повернулся к Больши.

— Ну, с тобой все кончено, — сказал он. — Прощай. Удачи тебе.

Он быстро прошел через прихожую, а потом по коридору мимо гостиной и библиотеки направился к кухне, расположенной в задней части здания. Он ощущал запах воска от свеженатертых полов. На кухонном столе стояла ваза с алыми розами. Он на ходу вбирал их запахи, вспоминая о лучших временах, сожалея о том, как быстро меняется жизнь, когда меньше всего этого ожидаешь. Хорошо, что он так легко ко всему приспосабливается, решил он. Удачно, что он предусмотрителен.

— Куда мы идем? — спросил Больши, летевший рядом с ним. Любопытство заставило птицу рискнуть тем, что ее могут ударить. — Надо полагать, у тебя есть план.

Хоррис кинул на него настолько холодный взгляд, что им можно было бы заморозить даже малыша, разгоряченного игрой.

— Конечно, у меня есть план. Но вот ты в нем не участвуешь.

— Ну, это уже подлость, Хоррис. И к тому же мелочность. — Больши пролетел вперед и стал кружить в дальнем конце кухни. — Право, это недостойно тебя.

— Сейчас я меньше всего склонен думать о своем достоинстве, — объявил Хоррис. — Особенно если это касаемо твоей персоны.

Он прошел в чулан, открыл одну из дверец, сунул руку внутрь и включил механизм, освобождавший расположенную сзади панель. Все сооружение медленно и натужно открылось, так что ему пришлось отступить. На это ушло несколько секунд: внутри стена была стальной.

Больши ринулся вниз и мгновенно уселся на открывшейся панели.

— Я же твое дитя, — лицемерно запричитал он. — Я же был тебе ну совсем как сын! Ты не можешь меня бросить!

Хоррис посмотрел вверх:

— Я от тебя отрекаюсь. Я лишаю тебя наследства. Я навсегда прогоняю тебя с глаз долой.

С другой стороны дома до них донесся жуткий стук в дверь, а потом, почти сразу же, — звон разбившегося стекла. Хоррис нервно дернул себя за ухо. Да, этих типов не урезонишь. Паства превратилась в толпу хулиганов. Глупцы, осознавшие, что их провели, славятся тем, что быстро возвращаются к прежнему мышлению. Станут ли они печальнее, но мудрее? Или так до смерти и останутся тупицами?

Хоррису пришлось пригнуться, чтобы пройти в отверстие за панелью: оно было гораздо меньше, чем его метр восемьдесят. При реставрации дома он увеличил все остальные дверные проемы. Всем он объяснил, что Скэту Минду нужно много места.

Внутри оказалась лестница, которая вела вниз. Он снова включил механизм, и тяжелая стальная дверь медленно встала на место. Больши выскочил чуть ли не в самый последний момент и стремительно кинулся вниз следом за Хоррисом.

— Он ведь правда стоял у тебя за спиной, — резко бросила птица, пролетев так близко от своего спутника, что кончиком крыла задела ему лицо. Хоррис попытался ее ударить, но промахнулся. — На одну секунду он там появился.

— Ну еще бы! — проворчал Хоррис. Он все еще не до конца оправился после происшедшего и обозлился на птицу за то, что она ему снова об этом напомнила.

Больши увернулся:

— Даже если ты попытаешься свалить на меня свои ошибки, это тебе не поможет. И потом, я тебе нужен! Ну ведь правда же нужен?

Дойдя до конца лестницы, Хоррис начал ощупью искать выключатель.

— Нужен для чего?

— Для всего, что ты собираешься делать.

Больши полетел вперед в темноте, наслаждаясь тем, что его зрение в десять раз острее, чем у Хорриса.

— И ты в этом уверен, да?

Хоррис мысленно чертыхнулся, занозив в темноте палец.

— Хотя бы для того, чтобы я тебя подбадривал. Признайся, Хоррис. Для тебя было бы невыносимо остаться без зрителей. Тебе нужен кто-то, кто восхищался бы твоей хитростью, хвалил твою предусмотрительность. — Больши превратился в бесплотный голос во тьме. — Какой смысл в прекрасной выдумке, если некому восхищаться ее гениальностью? Насколько мелкой кажется победа, если некому восхвалить великолепную стратегию, которая к ней привела! — Птица откашлялась. — Конечно, я нужен тебе и для того, чтобы помочь в осуществлении твоего нового замысла. Кстати, а что в нем?

Хоррис нашел наконец выключатель и включил свет. На мгновение он ослеп.

— Мой замысел в том, чтобы постараться уйти от тебя как можно дальше.

Подвал уходил вдаль, теряясь в лесу массивных столбов, поддерживавших пол старинного особняка. В желтом свете электричества от них падали длинные тени. Хоррис решительно шагал вперед, слыша у себя за спиной, как кулаки колотят в стальную дверь панели. Ну что ж, посмотрим, как они с нею справятся, усмехнулся он про себя. Он пробрался мимо столбов к темному коридору. Еще один выключатель осветил его потолок, и, низко пригибаясь, Хоррис пошел вперед.

Больши снова его обогнал — юркая черная тень.

— Нас с тобой судьба связала, Хоррис. Птицы высокого полета и все такое прочее... Ну же! Скажи, куда мы идем.

— Нет.

— Ну и пожалуйста. Напускай на себя таинственность, если тебе так больше нравится! Но ты ведь согласен, что мы по-прежнему одна команда?

— Нет.

— Ты и я, Хоррис. Сколько времени мы уже вместе? Подумай, сколько мы уже испытали.

Хоррис подумал — главным образом о себе. Сгорбившись, чтобы пробираться по узкому тоннелю, по-крабьи согнув ноги и руки, разрезая острым носом застоявшийся воздух и пыльную мглу, он вспоминал пройденный им жизненный путь, который привел его сюда. Это была извилистая дорога, полная ухабов и неожиданных

поворотов, напрочь размытая дождем, время от времени освещавшаяся короткими проблесками солнца.

У Хорриса было несколько положительных качеств, но все они не слишком хорошо ему служили. Он был достаточно сообразителен, но в сложных ситуациях ему, казалось, всегда недоставало какой-то жизненно важной информации. Он мог просчитывать все свои ходы, но его размышления часто не имели логического конца. Он обладал необычайно хорошей памятью, но когда обращался к ней за помощью, то постоянно не мог вспомнить, что является важным.

Что до умения, то он был почти магом — не фокусником, который достает кроликов из пустой шляпы, а одним из немногих в этом мире, кто способен на настоящее волшебство. А потому он и не принадлежал к этому миру, конечно, но он старался мысленно не останавливаться на достигнутом, поскольку его способности по сравнению с другими магами были весьма и весьма сомнительными.

Более всего Хоррис был оппортунистом — настоящим специалистом в том, что касалось использования удобных шансов. В шансах Хоррис понимал толк. Он все время прикидывал, чем можно воспользоваться для собственной выгоды. Он был убежден в том, что богатства мира — любого мира — созданы только ради его блага. Пространство и время не имели никакого значения: в конечном счете все принадлежало ему. Его самомнение было удивительным. Он больше всех понимал в искусстве эксплуатации. Он один мог разобраться в слабостях каждого существа и определить, как ими можно воспользоваться. Он был уверен в том, что его проницательность приближалась к ясновидению, и считал своим предназначением улучшать свою долю практически за счет кого угодно. Он обладал неутолимой страстью к использованию людей и обстоятельств в своих целях. Хоррису не было никакого дела до чужих несчастий, моральных устоев, благородных задач, окружающей среды, бездомных собак и кошек или малых детей. Все это было уделом низших существ. Его волновали только он сам — его собственное благополучие и обстоятельства в подходящем для него плане — да еще планы, которые подкрепляли бы его уверенность в том, что остальные формы жизни невозможно глупы и наивны.

Вот так и был создан культ Скэта Минду с его рьяными последователями, верующими в слова двадцатитысячелетнего старца, передаваемые через майну. Даже сейчас Хоррис не мог не улыбнуться.

Хоррис был готов признать за собой один-единственный недостаток: неспособность управлять развитием событий, которому давал начало. Почему-то даже самый тщательно продуманный план в

конце концов словно приобретал собственную волю и оставлял его в неловком положении где-нибудь на полдороге. И пусть это постоянно совершалось помимо его воли, из него всегда делали козла отпущения.

Он добрался до конца коридора и вошел в большую комнату, где хранились ворохи складных столиков и стульев и ящики с брошюрками и книжками про Скэта Минду, материалы по его профессии. Хватило бы на большой костер.

Он посмотрел за груду бесполезных вещей на обитую стальным листом дверь в дальнем конце комнаты и устало вздохнул. За дверью начинался тоннель, который тянулся почти целую милю и выходил к гаражу, серебристо-черному авто и — к безопасности. Ловкий делец всегда предусматривает запасный выход на случай непредвиденных обстоятельств вроде тех, которые сложились сейчас здесь. Он не ожидал, что ему так скоро придется им воспользоваться, но все опять обернулось против него. Он поморщился. Наверное, следует радоваться тому, что он всегда готов к худшему, но до чего же неприятно так жить!

Хоррис гневно посмотрел на Больши, усевшегося поодаль на стопке ящиков.

— Сколько раз я предостерегал тебя против уступок голосу совести, Больши?

— Много раз, — ответил Больши, закатывая глазки.

— И похоже, без толку.

— Извини. Я просто глупая птица.

Хоррис улыбнулся — да, действительно, но с этим ничего не поделаешь.

— Надо полагать, ты хочешь, чтобы я дал тебе еще один шанс, так?

Больши склонил голову, чтобы нахально не захихикать:

— Я был бы тебе очень благодарен, Хоррис.

Долговязая фигура Хорриса Кью вдруг наклонилась вперед, так что он стал похож на приготовившегося к прыжку волка.

— Чтобы я больше не слышал о Скэте Минду, Больши! Никогда! Сию минуту разорви ту связь, которая существует у тебя с нашим прежним другом. Чтобы не было больше никаких личных озарений. Никаких голосов из далекого прошлого. С этой минуты ты будешь слушать только меня. Ясно?

Майна фыркнула. Хоррис понял, что просто бессмысленно ему что-то говорить.

— Слушаюсь и повинуюсь.

— Прекрасно, — кивнул Хоррис. — Потому что, если это повторится, я из тебя сделаю чучело.

Его ледяные серые глаза лучше всяких слов выразили глубину его чувств, и Больши громко щелкнул клювом, из которого чуть не вырвался нахальный ответ.

Из дальнего конца погреба донесся резкий скрежет отдираемых досок. Хоррис изумленно повернулся в ту сторону. Паства вскрывает полы! Стальная дверь вовсе не остановила их, а он так надеялся. Он почувствовал, что у него перехватывает дыхание, и поспешил не к двери в тоннель, а через ящики и мебель к прибитым к стене картинам. Потянувшись к поддельному Дега, он дотронулся до пары завитков на позолоченной раме и высвободил ее. За ней оказался встроенный в стену сейф с кодовым замком. Хоррис лихорадочно набрал шифр, прислушиваясь к тому, как разъяренная толпа рвется в погреб. Услышав щелчок замка, он распахнул многослойную стальную дверцу.

Из глубины сейфа он извлек украшенную сложной резьбой деревянную шкатулку.

— Надежда никогда не умирает! — услышал он ехидное замечание Больши.

Да, надо полагать, это было именно так — по крайней мере сейчас. Шкатулка была его самой значительной ценностью, но он даже понятия не имел, в чем она заключалась. Совершенно случайно он вызвал ее с помощью магии вскоре после того, как попал в этот мир, — такие случайные повороты судьбы очень часто связаны с применением заклинаний. Он с самого начала понял, насколько важна эта шкатулка. Это была поистине магическая вещь. Ее уникальная резьба была полна заклинаний и тайного смысла. Внутри было заключено нечто очень мощное. Он назвал ее Шкатулкой Хитросплетений — его поразило переплетение символов и букв, опоясывавших ее поверхность. На ней не было видно ни щелей, ни крышки, и никакими усилиями ему не удавалось проникнуть в тайну ее. Время от времени ему казалось, что он слышит, как что-то рушится в ее оболочке, в печатях, ее скрепивших, но, сколько он ни колдовал, Шкатулка не уступала его попыткам проникнуть в ее содержимое.

Тем не менее это было его главное сокровище в этом мире, и он не собирался оставлять его тем кретинам, которые гнались за ним по пятам.

Взяв Шкатулку под мышку, он поспешно прошел через завал из запасной мебели и ненужной литературы к двери в тоннель. Там

он уверенно набрал шифр второго кодового замка на тяжелой двери. Услышав его щелчок, он нажал на ручку.

Она не шелохнулась.

Хоррис Кью нахмурился, напоминая прогульщика, пойманного директором школы. Он гневно крутанул циферблат и снова попробовал набрать код. И снова неудача. Хоррис покрылся потом — он слышал крики уже совсем близко. Он набирал шифр еще и еще раз. И каждый раз он ясно слышал щелчок замка. И каждый раз запор не двигался.

Наконец он потерял терпение и, отступив на шаг, принялся бить в дверь ногами. Больши бесстрастно за ним наблюдал. Хоррис разразился проклятиями, потом запрыгал на месте от ярости. И наконец, сделав последнюю безнадежную попытку одолеть упорно сопротивлявшийся запор, он бессильно привалился к двери, смирившись с судьбой.

— Ничего не понимаю, — обалдело пробормотал он. — Я его сам проверял чуть ли не каждый день. Каж-дый день! А теперь он не работает. Почему?

Больши кашлянул:

— И не говори, что я тебя не предупреждал.

— Предупреждал? Предупреждал о чем?

— Рискну навлечь на себя твой гнев, Хоррис. О Скэте Минду. Я говорил тебе, что он недоволен.

Хоррис уставился на птицу:

— Ты зациклился, Больши.

Больши покачал головой, взъерошил перья и вздохнул.

— Давай перейдем к делу, Хоррис. Ты хочешь отсюда выбраться или нет?

— Я хочу выбраться, — мрачно признался Хоррис Кью, — но...

Больши прервал его нетерпеливым взмахом крыла:

— Просто слушай, ладно? Не перебивай меня, не говори ничего. Просто слушай. Нравится тебе это или нет, но я действительно нахожусь в контакте с настоящим Скэтом Минду. У меня действительно было озарение, как я тебе и говорил. Я проник в потусторонний мир и наладил связь с духом мудреца и воина иных времен — и он тот, кого мы назвали Скэтом Минду.

— А, прекрати, Больши! — не выдержал Хоррис.

— Да ты послушай. Он пришел к нам с определенной целью — с чрезвычайно важной, о которой мне не известно. Но мне известно, что, если мы хотим выбраться из этого подвала и скрыться от толпы, мы должны повиноваться ему. Нужно не так много. Пара фраз заклинания, и все. Но их должен произнести ты, Хоррис. Ты.

Хоррис потер виски, думая о безумии, которое таится в глубине любого человеческого опыта. Надо полагать, сейчас он испытывал его апогей. Голос его источал яд.

— И что я должен сказать, о могущественный связной?

— Оставь сарказм. На меня он не действует. Ты должен произнести следующие слова: «Рашун, облайт, сурена! Лэрин, кестел, мэнета! Рун!»

Хоррис начал было спорить, но осекся. Он узнал пару слов — и это были явно магические слова. Остальных он никогда не слышал, но в них тоже ощущалась магия, вес волшебства. Прижимая Шкатулку Хитросплетений к груди, он уставился на Больши. Потом прислушался к звукам погони, ставшим еще громче: пол был сорван, вход в подвал открылся. Время было на исходе.

Страх избороздил его лицо морщинами. Хоррис сдался.

— Ладно. — Встал и выпрямился. — Почему бы и нет? — Он прокашлялся. — Рашун, облайт, сур...

— Погоди! — прервал его Больши, отчаянно захлопав крыльями. — Протяни Шкатулку вперед!

— Что?

— Шкатулку Хитросплетений! Протяни ее вперед, оторви от себя!

Теперь уже Хоррис понял все. Ему стало понятно, что за тайна скрывалась в Шкатулке, и он был изумлен и испуган одновременно. Он мог бы швырнуть Шкатулку и броситься бежать со всех ног — если бы ему было куда бежать. Он мог бы не уступить настояниям Больши, если бы здесь был еще кто-то, кого можно было бы заставить повиноваться. Если бы обстоятельства были иными, он сделал бы практически что угодно, но в ключевые моменты жизнь редко предоставляет возможность выбора. И сейчас наступил именно такой момент.

Держа Шкатулку на вытянутых руках, Хоррис принялся читать заклинание:

— Рашун, облайт, сурена! Лэрин, кестел, мэнета! Рун!

Что-то прошипело в ушах Хорриса Кью: долгий, медленный вздох облегчения, смешанный с накопившейся злобой и яростью и обещанием медленной мести. В ту же секунду желтый свет в комнате стал вдруг ядовито-зеленым — пульсирующим отражением такого света, который виден бывает в самой глубине древнего леса, где девственная растительность все еще не потеряла власть, а границы этого мира по-прежнему охраняют какие-то клешнятые существа. Хоррис бросил бы Шкатулку Хитросплетений, если бы руки ему повиновались, но они словно приросли к ней — ногтями впились в резную поверхность, и нервные окончания пальцев сплави-

лись с неожиданным биением жизни, поднимавшейся изнутри. Верхняя часть Шкатулки просто исчезла, и из самой ее глубины поднялся клубок того, что Хоррис Кью и не помышлял когда-либо увидеть.

Волшебные туманы.

Они поднялись завесой и упали на стальную дверь, перекрывшую вход в тоннель, покрыв ее, будто слой краски, а потом растворили ее, так что не осталось ничего, кроме расплывчатых теней, чуть заметных на фоне черного провала.

— Быстрее! — прошипел ему в ухо Больши. — Иди, пока он не закрылся!

В следующее мгновение птица улетела, и ее исчезновение словно толкнуло Хорриса Кью вперед: он бросился следом, так и не выпустив из рук Шкатулку, казавшуюся прежде столь ценной. Теперь он мог бы спокойно посмотреть, что там спрятано. Крышки на ней не было, и он мог бы, заглянув внутрь, узнать ее тайну. Когда-то он все бы за это отдал. А теперь не смел.

Он прошел сквозь завесу, сквозь паутину волшебных туманов, словно вернувшихся из его прошлого. Его глаза были широко открыты: он был готов ко всему. Пред ним вдруг предстало видение исчезающих золотых монет и растворяющихся дворцовых помещений — горький итог его потерь, сумма пяти потраченных впустую лет. Они появились — и тут же исчезли. Он оказался в лабиринте, где не было ни пола, ни потолка, ни стен, в тусклом свете, в котором он плыл, словно попавшаяся в сеть рыба, пытающаяся вырваться на свободу. Вокруг него не ощущалось движения, не было слышно звуков, не было пространства, времени и места — лишь переход и пугающая уверенность в том, что стоит ему отклониться в сторону — и он погиб.

«Что я наделал?» — спросил он себя в отчаянии.

Ответа не было, и он продолжал брести вперед, словно человек, попавший в вязкую глину. Ночной холод пробирал до самого мозга костей, мрачно нашептывая о потерянных надеждах. Ему показалось, что он видит Больши, слышит его сдавленное кудахтанье, и он немного воспрянул духом, горячо надеясь, что это жалкое существо страдает сильнее.

А потом вдруг туманы исчезли, и он высвободился из парализующего света. Стояла ночь, бархатно-черная ночь, и ее теплый воздух был полон приятных ароматов и успокаивающих звуков. Он стоял на равнине. Его ноги до щиколоток погрузились в густую и мягкую траву, которая, волнуясь, уходила к дальним горам наподобие океана. Он взглянул в небо. Там ярко светились восемь лун:

малахитовая, персиковая, золотисто-розовая, нефритовая, лазурная, пурпурная, бирюзовая и белая. Смешиваясь, их свет заливал спящую землю.

«Не может быть!»

Откуда-то из-за спины появился Больши, летевший весьма неуверенно. Он сел на ближайшую группу деревьев, что напоминали небольшие болотные дубы — только лазурного цвета. Встряхнулся, расправил перья и огляделся.

Увидев луны, он подскочил чуть ли не на полметра и даже, забывшись, хрипло каркнул. С отвращением сплюнув, содрогнулся.

— Хоррис! — прошептал он. Глаза у него стали огромными как блюдца, что для птицы весьма непросто. — Мы действительно там, где мне кажется?

Хоррис был не в состоянии отвечать. Он вообще был не в состоянии говорить. Он просто смотрел вверх, а потом вокруг, а потом под ноги и, наконец, на усеянную рунами поверхность Шкатулки Хитросплетений, на которой снова появилась крышка.

Заземелье! Это было Заземелье!

— Добро пожаловать домой, Хоррис Кью.

Глухое шипение раздалось у него за спиной — настойчивое, неотступное, холодное, как смерть.

Хоррис почувствовал, что у него сердце в пятки ушло. На этот раз, когда он обернулся, там действительно что-то дожидалось его.

ГЛАВА 2

ДИТЯ

Бен Холидей пробудился — медленно, лениво — и улыбнулся. Он ощутил рядом с собой нарочитую неподвижность Ивицы. Ему не было нужды глядеть на нее — он знал, что она смотрит на него. Он знал это так же твердо, как и то, что любит ее больше жизни. Он лежал в постели спиной к ней, лицом к открытым окнам, где первые лучи рассвета прокрадывались в спальню, ложась серебряными бликами, но все равно ощущал ее взгляд. Протянув к девушке руку, он почувствовал, как ее пальцы сжали его запястье. Глубоко вдохнув летний воздух, полный запахов лесных деревьев, трав и цветов, он подумал, как ему повезло.

— Доброе утро, — прошептал Бен.

— Доброе утро, — ответила Ивица.

Тут он позволил себе широко открыть глаза, перевернулся на другой бок и приподнялся на локте. Она смотрела прямо на него с расстояния в несколько сантиметров. В бледном утреннем свете ее глаза казались огромными и бездонными. Ее зеленые волосы спадали на плечи, кожа была безупречно гладкой и мягкой, словно время и возраст над ней не властны. Он всегда заново поражался тому, насколько она прекрасна, эта сильфида, родившаяся от лесной нимфы и речного духа, существо, невозможное там, откуда он явился, но здесь, в Заземелье, всего лишь удивительная реальность.

— Ты смотрела на меня, — сказал он.

— Да. Я смотрела, как ты спишь. Я слушала, как ты дышишь.

Ее бледно-зеленая кожа в слабом утреннем свете казалась темной и экзотической, а ее движения, когда она потянулась под одеялом, напомнили ему кошечку — такие же гибкие и нежные. Он подумал, что они уже немало времени вместе — сначала как спутники, потом как супруги. И она по-прежнему кажется такой загадочной! Она воплощала в себе все то, что он любит в этом мире: его красоту, таинственность, магию и неожиданность. Она была всем этим и еще очень многим, и когда он вот так просыпался и видел ее, то каждый раз думал, что просто смешал сон с явью.

Прошло чуть больше двух лет с тех пор, как Бен прибыл в Заземелье, совершив переход в другой мир, к другой жизни и другой судьбе. Он пришел в отчаяние, горюя о прошлом, стремясь к иному будущему. Он поменял квартиру в высотном доме в Чикаго на замок Чистейшего Серебра. Отказался от адвокатской практики, чтобы стать королем. Похоронил тени погибшей жены и неродившегося ребенка и нашел Ивицу. Он купил волшебное королевство по рождественскому каталогу, хотя прекрасно знал, что такого не бывает, и все же рискнул, а вдруг такое может быть, — и его авантюра принесла неожиданные плоды. Конечно, все оказалось не так просто. Переход в новый мир, в новую жизнь и судьбу всегда труден. Но Бен Холидей провел все битвы, которые потребовало от него его путешествие, во всех одержал победу и теперь имел право остаться тут и заявить свои права на свою новую жизнь, мир и судьбу и быть королем страны, которая, как он думал когда-то, существует только в снах.

И быть мужем, возлюбленным и лучшим другом Ивицы, добавил он, когда уже решил, что всем этим он никогда больше не будет для женщины.

— Бен! — сказала она, приглашая взглянуть на себя. В ее глазах он увидел что-то, что не мог точно определить. Ожидание? Волнение? Точно не знал.

Он повыше приподнялся на локте и почувствовал, что ее пальцы сильнее сжали ему руку.

— Я жду твоего ребенка, — сказала она.

Он изумленно уставился на нее. Он не знал, что именно желал от нее услышать, но только не это.

Ее глаза блеснули.

— Я уже несколько дней мучаюсь догадками, но сегодня ночью узнала наверняка. Я проверила себя так, как принято у волшебного народа: в полночь опустилась на колени среди садовых вьюнков и прикоснулась к двум плетям, чтобы посмотреть, откликнутся ли они. Когда они потянулись друг к другу и переплелись, я уже не сомневалась. Случилось то, что предсказала когда-то Мать-Земля.

Тут Бен вспомнил. Они были заняты поисками черного единорога, и обоим порознь пришлось обратиться к Матери-Земле за помощью. Она сказала тогда, что они дороги ей, и особо поручила Бену охранять Ивицу. Когда тайна единорога стала известна, Ивица открыла Бену, о чем рассказала ей Мать-Земля: однажды у них будет ребенок. Тогда Бен не знал, что думать. Его все еще преследовал призрак Энни, и Бен был не уверен в своем будущем с Ивицей. За это время незаметно выветрилось предсказание Матери-Земли, поскольку Бен Холидей был занят вопросами управления королевством и в самое последнее время проблемой с колдуном Миксом, бывшим при дворе еще при старом короле. Ему чуть было не удалось украсть медальон, дававший Бену власть над Паладином, защитником короля. Без медальона Бену трудно было бы даже просто остаться живым.

Но теперь все это было в прошлом. Угрозы, связанные с появлением злейшего врага Заземелья — Микса, хитрейшими уловками стремящегося заполучить черного единорога, исчезли, и снова вернулись воспоминания о связанных с теми событиями предсказаниях Матери-Земли, обещаниях еще одной перемены в и без того решительно изменившейся жизни.

Бен качнул головой:

— Не знаю, что и сказать. — И тут он опомнился, сверкнув глазами: — Нет, знаю! Знаю, что сказать. Лучшей новости я даже представить себе не могу. Когда Энни умерла, я решил, что у меня никогда не будет ребенка. Я ни на что больше не надеялся. Но то, что я нашел тебя... А теперь услышал такое... — Улыбаясь все шире,

он чуть не расхохотался из-за своих неловких фраз. — Может быть, я не то тебе говорю!

Она ответно улыбнулась ему, светясь радостью:

— По-моему, то, Бен. Мысли отражаются в твоих глазах.

Он притянул ее к себе:

— Я очень счастлив.

Он на мгновение задумался о том, что значит быть отцом, растить ребенка. Когда-то он пытался представить себе такое, очень давно, а потом перестал даже думать. А теперь начнет снова. При мысли о том, какая на нем будет лежать ответственность, у него голова пошла кругом. Он знал, что это будет непросто. Но это будет чудесно!

— Бен, — тихо сказала Ивица, чуть отстраняясь, чтобы видеть его лицо. — Послушай меня. Есть вещи, которые ты должен понять. Ты теперь в другом мире. Здесь все не так, как было у тебя раньше. Рождение ребенка будет другим. Сам ребенок скорее всего окажется не таким, какого ты ожидаешь...

— Погоди-ка, — прервал он ее. — Что ты хочешь сказать?

Она опустила глаза, потом снова подняла их. Взгляд ее был прямым, но неспокойным.

— Мы из разных миров, Бен. У нас совсем разные жизни, а дитя будет объединением обоих — такого раньше не бывало.

— Ребенку грозит какая-то опасность? — быстро спросил он.

— Нет.

— Тогда остальное не важно. Это будет наш ребенок, и он соединит лучшее, что есть в нас.

Ивица покачала головой:

— Но каждый из миров остается некоей тайной: твой — для меня, мой — для тебя, и разницу не всегда легко объяснить или понять...

Он приложил палец к ее губам:

— Мы со всем разберемся. Обязательно. — Он говорил твердо, настойчиво. Совершенно неправильно истолковал ее тревогу и отмахнулся от ее слов, спеша насладиться ликованием, которое испытывал. — Младенец, Ивица! Я хочу кричать об этом! Я хочу всем об этом рассказать! Пошли! Давай вставать! — Он в секунду вскочил с постели и начал суетиться, одеваясь, бросаясь с радостным криком к окну, возвращаясь, чтобы снова и снова ее поцеловать. — Я люблю тебя! — сказал он. — Я люблю тебя на веки вечные!

Он оделся и выбежал за дверь прежде, чем она успела встать, и слова, которые она, возможно, сказала бы ему, навсегда остались невысказанными.

* * *

Бен спустился вниз по лестнице замка, перешагивая через две ступеньки. Он подпрыгивал, будто сам был ребенком, напевал, говорил и шептал. Чувствовал себя легким как перышко. Он был мужчиной среднего роста, с орлиным носом и холодными голубыми глазами. Его темно-русая голова начала лысеть, но кожа лица и рук оставалась гладкой и упругой. В молодости он был боксером и не потерял спортивной формы. Был худощав, натренирован и легко двигался. Ему было почти сорок, когда он в первый раз попал в Заземелье, но теперь уже не мог сказать, сколько ему лет. Иногда ему казалось, что он вообще перестал стареть. Еще сегодня утром был в этом уверен. Он ощущал у себя под ногами пульс замка Чистейшего Серебра, биение сердца, ток крови. Он чувствовал тепло камней и цемента и шелест дыхания в утреннем воздухе. Она была живой, эта резиденция королей Заземелья, настолько волшебной, что сама собой управляла — ей необходимо было только присутствие королевской особы, чтобы нормально существовать. Когда Бен впервые появился здесь, двадцать лет запустения превратили резиденцию в изъеденные временем развалины. Теперь она была восстановлена, отделана и превратилась в надежную крепость. Она сияла и дышала жизнью, и, находясь в ее стенах, он ощущал ее мысли так же ясно, как свои собственные.

Сейчас, прыгая по ступенькам, он чувствовал, что королевская обитель за него рада. Он слышал, как она желает его зачатому ребенку долгой жизни и счастья.

«Дитя, — повторял он про себя снова и снова. — Мой ребенок!»

Он привыкал к этой мысли гораздо быстрее, чем предвидел сначала.

Входя в столовый чертог с его завешанными гобеленами стенами и длинным столом, который уже был накрыт и за которым сидели, он вдруг подумал, что ему следовало подождать Ивицу, что он сейчас должен дождаться ее, а уже потом сообщать свою новость, но он не в силах был ждать. Он ничего не мог с собой поделать.

За столом сидели Абернети и Сапожок. Абернети, придворный писец, был человеком, которого неудачное заклинание превратило в мягкошерстного терьера и который был вынужден им оставаться. Морда у Абернети заросла мохнатой шерстью, но руки остались человеческими. Он роскошно одевался и разговаривал лучше, чем большинство обычных людей. Сапожок, королевский гонец, был кобольдом. Насколько было известно, его никто и никогда ни во что не превращал. Сапожок был обезьянолиц, морщинист и обладал острыми зубами и улыбкой, которые сделали бы честь прожор-

ливой акуле. Единственное, что объединяло этих двоих, — это полная и безусловная преданность Бену и трону.

Они дружно замерли, не донеся вилок до рта, увидев лицо вошедшего Его Величества.

— Доброе утро, доброе утро! — улыбнулся тот.

Вилки застыли неподвижно. На лицах присутствующих отразилось изумление, смешанное с подозрением. Две пары глаз одновременно моргнули.

Абернети опомнился первым.

— Доброе утро, Ваше Величество, — поздоровался он. И, помолчав, спросил: — Надеюсь, вы хорошо спали?

Бен двинулся вперед, переполненный радостью жизни. Фарфор и хрусталь сверкали, от серебряных подносов поднимался дивный запах еды. Сельдерей — повар и второй кобольд, служащий трону, — снова отличился. Или по крайней мере так показалось восторженному Бену. Он схватил небольшой яблочный пончик и по дороге к своему месту проглотил его. Взглядом он поискал советника Тьюса, но волшебника нигде не было видно. Может быть, надо подождать, подумал Бен. Отсутствие советника служило хорошим поводом. Дождаться Тьюса и Ивицу. Вызвать с кухни Сельдерея. Так можно будет объявить одновременно всем. Эта мысль показалась Бену удачной. Просто подождать. Вот что он сделает.

— Знаете что? — сказал он.

Абернети с Сапожком быстро переглянулись.

— Должен вам сказать, Ваше Величество, что не люблю отгадывать, — объявил писец. — А Сапожок — так просто ненавидит.

— А, полно тебе. Угадай!

— Ну ладно. — Абернети страдальчески вздохнул и послушно спросил: — Что?

Бен сделал глубокий вдох:

— Я вам не могу сказать. Пока. Но новость хорошая. Великолепная новость!

Сапожок осклабился и что-то невнятно пробормотал. Абернети снова принялся за еду.

— Обязательно сообщите нам, когда наступит подходящий момент.

— Как только придет советник, — объяснил Бен, усаживаясь. — И Ивица. И Сельдерей. Все. Не уходите, пока они не придут.

Абернети кивнул:

— Я просто прилип к стулу, Ваше Величество. Кстати, можно надеяться, что сообщение будет сделано до назначенного на се-

годняшнее утро планового заседания земельного комитета с участием представителей Зеленого Дола и Озерного края?

Бен хлопнул себя по лбу:

— Совсем забыл!

— А ленч с новыми окружными судьями, которых вы назначили в северные земли?

— И о них забыл!

— А послеполуденную встречу с комитетом по ирригации, для обсуждения начала работ в Восточных Пустошах?

— Об этом-то я помнил.

— Хорошо. А о встрече с работниками кухни для обсуждения регулярной пропажи припасов из погреба? Боюсь, что масштабы краж все увеличиваются.

Бен недовольно нахмурился:

— Дьявольщина, почему ты на сегодня столько всего назначил?

— Это не я назначил. Это вы назначили. Сейчас первый день недели, и вам всегда нравится начинать неделю с того, чтобы воткнуть в нее как можно больше дел. — Абернети промокнул губы платком. — Планируете слишком много. Я вас уже об этом предупреждал.

— Спасибо, что напомнил. — Бен взял тарелку и начал наполнять ее едой. Хлеб с вареньем, яичница, фрукты... — Ну, мы займемся делами — ничего не упустим. Времени предостаточно. — Он поставил перед собой тарелку, мысленно переключившись на те проблемы, о которых ему напомнил Абернети. Почему, ради всего святого, кому-то могло понадобиться красть еду из погреба? Можно подумать, что существует нехватка продуктов. — Если через несколько минут Ивица не спустится, я схожу и приведу ее. А Сапожок может вызвать советника, где бы он ни был...

И тут в дальнем конце коридора, который шел от нижнего входа у крепостных ворот, распахнулась дверь и появился советник Тьюс.

— Это — последняя капля, просто последняя! — яростно провозгласил он.

Не останавливаясь, он прошел к столу, что-то бормоча с таким возмущением, что все собравшиеся изумленно на него уставились. Придворный волшебник был облачен в серые одежды своей гильдии, расшитые яркими заплатами, подпоясанный алым поясом: оборванная фигура-чучело, высокая и худая. Сплошные палки и разлетающиеся клочья шевелюры и бороды. Было сразу видно, что он мог бы одеться получше и привести себя в порядок — как минимум приобрести новое одеяние и подстричь волосы вокруг ушей, что

нередко пытался подсказать ему Бен, — но советник не видел смысла менять то, что его устраивало, и не внимал подсказкам. Он был человеком мягким и добрым и редко злился, так что странно было видеть его в таком возбуждении.

Он остановился перед присутствующими и откинул назад одежды, словно отбрасывая то, что так тяготило его этим прекрасным летним утром.

— Он вернулся! — оповестил Тьюс собравшихся.

— Кто вернулся? — спросил Бен.

— Вернулся и ничуть не стесняется того, что натворил! В нем нет никакого стыда, ни капли! Подходит к воротам, словно ничего не случилось, и объявляет, что он здесь! — Постепенно лицо советника багровело, становясь опасно темным. — Я думал, что двадцать лет назад мы от него избавились, и вот он снова здесь — явился не запылился!

— Советник, — попытался прервать его излияния Бен, — о ком ты говоришь?

Взгляд Тьюса был полон ярости.

— Я говорю о Хоррисе Кью!

Теперь уже вскочил и Абернети:

— Этот пройдоха?! Он не посмеет сюда явиться! Его же изгнали! Советник Тьюс, ты перегрелся на солнце.

— Не стесняйся, пойди и посмотри сам, — холодно улыбнулся ему советник. — Он выступает в роли просителя — пришел просить прощения у нашего короля. Он хочет, чтобы решение об изгнании было отменено. Он хочет вернуться в Заземелье!

— Нет! — Призыв Абернети очень походил на рычание. Ощетинившись, он повернулся к Бену: — Ваше Величество, нет! Не встречайтесь с ним! Не впускайте его! Немедленно отошлите его прочь!

— На вашем месте я бы его не отсылал, — огрызнулся советник, вырываясь вперед и становясь рядом с псом. — Я бы приказал его схватить и бросить в самую глубокую и холодную темницу, какую мы только отыщем! Я бы его запер, а ключ выбросил!

Ивица спустилась вниз и теперь усаживалась рядом с Беном. Слушая спор, она вопросительно взглянула на него, но он мог только пожать плечами, показывая, что сам не понимает, в чем дело.

— Погодите-ка, — вмешался он наконец. Сапожок — единственный, кто не высказал своих мыслей, — сидел напротив Бена со странной ухмылкой. — Я ничего не могу понять. Кто такой Хоррис Кью?

— Самый страшный кошмар! — фыркнул Абернети, словно это все объясняло.

Советник Тьюс ответил почти так же загадочно:

— Я скажу вам, кто он! Хоррис Кью — смутьян, каких свет не видывал! Очень слабый маг, но его колдовства хватало, чтобы устроить неприятности. Я считал, что мы от него избавились, но мне следовало бы не заблуждаться! Абернети, помнишь тот случай с коровами?

— Случай с коровами? — переспросил Бен.

Поглощенный своей обличительной тирадой, советник его не услышал.

— Хоррис заявил, что пытается наладить общение с коровами, чтобы лучше регулировать их доение, но все пошло наперекосяк. Его заклинания довели бедных животных до осатанения. Они взбесились по всей стране и вытоптали всю пшеницу и вдобавок несколько городов. И с курами получилось то же самое. Не успели мы опомниться, как он перевернул процесс эволюции и они начали летать и нестись где попало.

Бен ухмыльнулся:

— Что?

— И не забывай про кошек! — рявкнул Абернети. — Он нашел способ сбивать их в стаи, надеясь избавить страну от грызунов, но дело не пошло. Кончилось тем, что они начали охотиться на собак.

И он содрогнулся.

— Это было ужасно, — согласился советник, решительно кивая Бену. — Но самое кошмарное, что он сделал и из-за чего его изгнали, — это создание быстрорастущей травы, которая за сутки давала семена и превратила все окрестности Чистейшего Серебра в настоящие джунгли! — Тьюс упрямо скрестил руки на груди. — Ее пришлось выдирать несколько недель! И пока ее срезали, пока король и его двор были окружены во дворце, демоны Абаддона воспользовались отсутствием Паладина и сильно пограбили страну. Десятки городов, ферм и жизней погибли. Это было ужасно.

— Не понимаю, — признался Бен. — И что все это должно было дать? Кажется, намерения у него были добрые.

— Добрые намерения?! — возмутился советник. — Ну уж нет! Он собирался вытягивать из людей деньги. Коровы, куры, кошки и трава — это были рычаги, для того чтобы заставить раскошелиться тех, у кого есть деньги. Хоррис Кью никогда не думал ни о ком, кроме себя самого! Через десять минут после провала очередного плана он уже строил новый!

— Но, советник, ты сказал, что это было больше двадцати лет назад! — Бен изо всех сил старался не расхохотаться.

— Вот видите! — раздраженно огрызнулся Тьюс, от которого не укрылись гримасы его собеседника. — Хоррис Кью всегда кажется довольно безобидным, просто досадной помехой. Никто его всерьез не воспринимает. Даже мой брат не обращал на него внимания до той последней истории с демонами, но тогда Микс тоже решил его изгнать. Кажется, неожиданное появление демонов нарушило какие-то его планы, а мой брат такого не выносил.

Микс, брат советника Тьюса и предыдущий придворный колдун, человек, который обманом заманил Бена в Заземелье, стал потом его злейшим врагом. Он исчез, но не был забыт. Конечно, он не позволил бы такому, как Хоррис Кью, путать ему планы.

— Короче, — договорил советник, — мой брат убедил старого короля изгнать Хорриса, и Хоррис был изгнан. Вот и все.

— Угу. — Бен старательно потер подбородок. — Изгнан куда?

Вид у Тьюса был явно смущенный.

— В ваш мир, великий король, — неохотно признался он.

— На Землю?! На последние двадцать лет?

Бен попытался вспомнить, не читал ли он о человеке по имени Хоррис Кью.

— Боюсь, что это было любимое место свалки для всех негодников и балбесов. Магия там почти не действует, поскольку в нее там мало верят.

Абернети серьезно кивнул. Выговорившись, они стояли и смотрели на Бена, ожидая его решения. Бен посмотрел на Ивицу, которая ела завтрак и не пожелала встретиться с ним взглядом. И он вспомнил, что хотел рассказать своим друзьям о ребенке. Видимо, с этим придется повременить.

— Ну почему бы нам его не выслушать, — предложил Бен. Ему было любопытно увидеть того, кто мог вывести из себя обычно столь выдержанного Абернети. — Может, он переменился.

Советник побагровел:

— Переменился?! Скорее коровы летать научатся! — Тут он замолчал, видимо, вспомнив, что, когда речь заходит о Хоррисе, странностей хоть отбавляй. — Никогда он не переменится, Ваше Величество! — поправился Тьюс, чтобы у Бена не осталось никаких сомнений. — Не встречайтесь с ним. Не давайте ему и ногой ступить в замок. Я бы выслал отряд охранять дорогу, если бы знал, что он сюда направляется. Я все еще не могу поверить, что у него хватило наглости вернуться! — И он замолчал, явно изумившись. — А действительно, как это он вернулся?

— Это не важно. Он проситель, — терпеливо напомнил Бен. — Мне нельзя отсылать просителей, не выслушав их. Какой был бы

прецедент? Я должен как минимум с ним поговорить. Какой в этом может быть вред?

— Вы вряд ли можете знать, Ваше Величество, — мрачно проговорил Абернети.

— На самом деле не можете, — согласился сoветник Тьюс.

— Избавьтесь от него сейчас же.

— Не подпускайте его к себе ни на йоту.

Бен закусил губы. Его советники никогда еще не были так единодушно настойчивы. Ему было непонятно, почему простой разговор может создать для него проблемы, но он не был настроен отметать их предостережения.

— Как ты считаешь, твои колдовские способности выше, чем его? — спросил Бен у советника, немного подумав.

Тот возмущенно выпрямился:

— Ну конечно! Намного выше! К тому же он личность очень скользкая.

Бен кивнул:

— Ну, я не могу просто так от него отделаться. Почему бы всем нам не переговорить с ним? Так вы сможете меня предупредить, если он что-то затеет. Как по-вашему?

Абернети молча сел. Тьюс вытянулся в струнку, но в конце концов кивнул в знак согласия.

— Только не говорите потом, что я вас не предупреждал, — отрывисто бросил он и дал знак стражнику, стоявшему в дальнем конце коридора.

И они расселись, молча ожидая. Бен взял Ивицу за руку и нежно сжал ее пальцы. Она ответно ему улыбнулась. В дальнем конце комнаты появился вышедший из кухни Сельдерей, коротким кивком поздоровался с собравшимися и снова исчез. Бену очень хотелось поскорее закончить разговор с Хоррисом Кью и заняться делами. Он думал о назначенных на сегодня заседаниях и делах, которые необходимо сделать. Когда-то он считал, что никто не работает больше судебных адвокатов, но с тех пор обнаружил, что у королей дел еще больше. Постоянно необходимо было рассматривать планы, заниматься множеством проблем, принимать решения. От него зависело так много! Его действия влияли на жизнь стольких людей! Ему нравились эти трудности, но ответственность постоянно давила. Иногда он вспоминал, какие обстоятельства привели его сюда, и изумлялся тому, что такое могло произойти. Это доказывало, что в жизни все возможно. Он сравнивал то, где оказался, с тем, где был, и изумлялся. Он сравнивал и говорил себе, что, насколько

бы велики ни были трудности и обязанности, он никогда не променял бы свою теперешнюю жизнь на прошлую.

— Вы все еще можете изменить свое решение относительно Хорриса Кью, Ваше Величество, — тихо посоветовал Тьюс, который не был готов уступить окончательно.

Но Бен все еще думал о своей жизни и, истолковав слова волшебника соответствующим образом, решил, что его оценка неверна. Он человек, который вновь нашел себя, осмелившись пойти на такой риск, какой другие сочли бы неприемлемым, и менять свое решение было бы неразумно. «Скоро я стану отцом», — подумал Бен, вновь изумившись. Каково это будет мужчине, который дожил до сорока лет и ждет своего первенца? Каково это будет мужчине, который так долго не знал чувства семьи? Он был рад ребенку, но вынужден признаться, что, возможно, несколько боялся.

В коридоре послышались тяжелые шаги, и в комнату вошел человек, высокий, худой и странный на вид, нос, уши и кадык торчали, словно прилепленные по-детски неумелой рукой. Он был одет в серые одежды просителя, которые, похоже, прежде служили ковриком в конюшне. Ноги у него были босые и грязные, руки умоляюще сжаты у груди, все тело понурено. Он приближался, шаркая ногами, дергая головой. На плече у него сидела черная птица с белым хохолком и внимательно осматривала все блестящими глазками.

— Великий король! — воззвал к нему Хоррис Кью, падая на колени. — Спасибо, что вы согласились меня принять!

Бен неторопливо поднялся, решив про себя, что более безобидного с виду человека еще не видывал.

— Встаньте, — приказал он. — Послушаем, что вы можете сказать. Охарактеризовали вас довольно плохо.

Хоррис встал, и его ковшеобразное лицо выразило обиду. Одно веко у него дергалось, отчего он походил на человека, пугающегося мнимого удара.

— Я во всем признаюсь, Ваше Величество. Я совершил все то, в чем меня обвиняют. Что бы вам ни рассказали советник Тьюс и Абернети, я во всем сознаюсь. Я не собираюсь ни с чем спорить. Я просто хочу попросить прощения.

Тьюс хмыкнул:

— Что ты затеваешь, Хоррис Кью? Я абсолютно уверен — ты что-то затеял!

— Га! Больши лучше! — гаркнула птица.

— Эта птица кажется мне знакомой, — заявил Абернети, мрачно щурясь на Больши.

— Это простая майна, спутница моих странствий.

Веко у Хорриса Кью задергалось вдвое быстрее.

Абернети нахмурился:

— Надо полагать, ты научил свою спутницу бросаться на собак?

— Гаааа! Блохи! Блохи! — крикнула птица.

Бен вышел из-за стола и встал между Абернети и птицей.

— Разве вы не должны находиться в изгнании, Хоррис? Что вас привело обратно?

— Ваше Величество, я просто хотел бы попробовать начать все сначала. — На угловатом лице Хорриса отразилось искреннее сожаление. — У меня было двадцать лет, чтобы раскаяться, осознать свои ошибки, обдумать свои дурные поступки. Советник Тьюс подтвердит вам: мне повезло, что я убежал из Заземелья живым. Но теперь я хотел бы вернуться домой и начать новую жизнь. Это возможно?

Бен внимательно смотрел на него:

— Не знаю.

— Не делайте этого, Ваше Величество, — мгновенно предостерег его советник.

— Даже не думайте делать, великий король, — добавил Абернети.

— Га! Ура Хоррису, ура Хоррису! — провозгласила птица.

— Спасибо, Больши, — ласково погладил Хоррис птицу и снова посмотрел на Бена. — На тот случай, если вы разрешите мне вернуться, Ваше Величество, у меня есть план. Я ничего не буду просить ни у вас, ни у кого-то еще. Только чтобы меня не трогали. Я проживу остаток своих дней отшельником и никого не буду беспокоить. Но если появится необходимость, я буду готов служить в любом качестве. Я обладаю некоторым знанием магии, которое может оказаться полезным. Я предлагаю вам воспользоваться ею, когда вы сочтете нужным. Вы можете быть уверены, что я приду, если меня позовут.

— Сдается мне, что именно применение магии и послужило причиной вашего изгнания, — мягко упрекнул его Бен.

— Да-да. Увы, это правда. Но я не буду вмешиваться в дела страны или ее жителей, если меня не попросят, — сказал Хоррис. Больной глаз продолжал судорожно подмигивать. — Если я нарушу этот уговор, вы можете немедленно снова отправить меня в изгнание.

— Нет! — сказал советник Тьюс.

— Нет! — поддержал его Абернети.

Бен старался сдерживать улыбку. Ему, наверное, следовало бы отнестись к происходящему серьезнее, но слишком трудно было

заинтересоваться человеком с внешностью этого типа. К тому же его самыми страшными проступками было то, что он заставил кур летать, а коров — восстать против фермеров.

— Га! Красивая леди! — неожиданно свистнула птица.

Ивица улыбнулась и взглянула на Бена. Он вспомнил о ребенке.

— Я подумаю и дам вам ответ через несколько дней, — объявил Бен, не обращая внимания на стоны советника и Абернети. — Тогда, видимо, вы сможете вернуться.

— Буду счастлив, Ваше Величество, — отозвался Хоррис Кью, низко кланяясь. — Спасибо, спасибо вам! Я очень вам обязан.

Он поспешно начал пятиться и был выпровожен из замка. Бен с интересом подумал, что за птица этот Больши и сколько слов она может произнести.

— Ну, это было монументально глупое решение! — с отвращением бросил советник Тьюс. — Если мне позволено высказаться, великий король!

— Позволено, — ответил Бен, поскольку тот все равно уже высказался.

— А в птице действительно есть что-то знакомое, — пробормотал Абернети.

— То, что человек выглядит безобидным, еще не значит, что он действительно таков, — не унимался советник. — В случае с Хоррисом Кью внешность не просто обманчива, она прямо-таки лжива!

Но Бену уже надоел этот разговор, и он предупреждающе поднял руку.

— Джентльмены! — укоризненно проговорил он, надеясь вызвать досадливые взгляды, но ему пришлось удовлетвориться враждебным молчанием. Он вздохнул. Наверное, нельзя рассчитывать, что все всегда будет получаться так, как ему хочется. Вот почему, как правило, приходится идти на компромиссы. — Мы поговорим об этом попозже, ладно?

Ивица поднялась и встала рядом с Беном. Когда она взяла его под руку, он улыбнулся.

— Сельдерей! — громко окликнул Бен и, когда повар появился рядом с его волшебником, писцом и гонцом, спросил: — Как вы отнесетесь к тому, чтобы к нашей дружной компании прибавился еще один член семейства?

— Только пусть это будет не Хоррис Кью, — опередил всех советник Тьюс, и вид при этом у него был отнюдь не виноватый.

ГЛАВА 3

БУРЬЯН

Хоррис Кью удалился из Чистейшего Серебра, как ночной беглец, стараясь идти настолько быстро, насколько позволяли приличия и гордость. При каждом шаге он затравленно озирался по сторонам. Устремившись вперед, его долговязая фигура странно раскачивалась из стороны в сторону, так что даже в этой самой странной земле он представлял странное зрелище. Непонятно откуда взявшийся тик заставлял уголок его глаза подпрыгивать наподобие пойманного сверчка. На его плече сидел Больши — знамение рока.

— Ох, ну до чего же мне не нравится этот пес! — пробурчала птица, взъерошивая перья в знак отвращения.

Хоррис Кью поджал губы.

— Заткнись насчет пса.

— Он меня почти узнал! Ты заметил? Рано или поздно истина откроется, помяни мои слова!

— Считай, что помянул. — Они перешли через мост, соединявший остров с берегом, и направились в лес к западу от озера. — Какая разница? Микса давно нет в живых.

В прежние дни Больши принадлежал придворному волшебнику. Именно Микс с помощью колдовства усилил сообразительность Больши, надеясь, что сможет использовать птицу для того, чтобы шпионить за своими противниками. Но Больши и тогда был таким же несносным и невоздержанным на язык, как и сейчас, и быстро надоел Миксу. Когда старый король изгнал Хорриса Кью на Землю, Микс отправил с ним въедливую птицу.

Больши съежился, превратившись в комок черных перьев.

— Если пес сообразит, что я был связан с Миксом, Хоррис, можешь попрощаться с надеждой на то, чтобы снова оказаться в стенах замка.

Хоррис попытался сделать вид, что ничуть не встревожен:

— Ты беспокоишься по пустякам.

— Мне наплевать. Не нравится мне, как этот пес смотрел на меня. И вообще мне все не нравится.

Хоррис промолчал, ему тоже многое не понравилось. Все пошло наперекосяк с той секунды, как он произнес «Рашун, облайт, сурена...» и все такое прочее и это чудище вырвалось из Шкатулки Хитросплетений. При одной мысли о том, как все было, его бросило в дрожь. Он вспоминал, как увидел эту тварь, обернувшись на ее

приветствие. Вот и сейчас этот ужас их дожидается, и вид его неописуемо отвратителен. Более мерзостного существа он в своей жизни не встречал.

И теперь это чудовище завладело их жизнью: отдает ему приказы, словно простому слуге, говорит, куда пойти и что делать. Словно самый страшный кошмар вдруг превратился в явь. Хоррису и в голову не приходило попробовать перечить.

— Как ты думаешь, зачем он отправил нас к королю? — вдруг спросил Больши, словно прочтя его мысли. Они миновали склон холма и вышли на опушку леса.

Хоррис устало выдохнул:

— Откуда мне знать? Оно приказало мне сказать все это Холидею — и я сказал. Оно велело мне это сделать, и я сделал. А ты думал, я буду спорить?

На это Больши было нечего возразить — на его счастье, поскольку Хоррис и так уже был до крайности раздражен всем, что произошло за последние сутки. Он считал, что это Больши был во всем виноват. В плане вымогательства, в создании Скэта Минду (Скэт Минду — ну и шуточка!), в высвобождении этого чудовища, в возвращении в Заземелье. Хоррис не знал, в какую игру вовлечен, но не сомневался в том, что это опасная игра. Ведь он вернулся туда, куда не должен был возвращаться ни в коем случае, и ему никто не обрадовался. Конечно, старый король умер, а этот новый, Холидей, по крайней мере готов обдумать его прошение. Не важно. Что они тут делают? Конечно, это его родная страна, но он не хранил о ней теплых воспоминаний. В этом месте он родился (ну, это чистая случайность), вырос, попал в немалые неприятности, был объявлен персоной нон грата и насильственно выдворен. Он был совершенно счастлив в своем новом мире, в земле с молочными реками и кисельными берегами, жители которой готовы верить в Скэта Минду и платить деньги за струйку дыма и отблеск света. Он там прекрасно устроился, был доволен собой, своей жизнью и перспективами на будущее.

И что у него есть теперь? Ничего. И во всем виноват Больши.

На самом же деле и Хоррис был виноват в происшедшем не меньше Больши, и это его бесило сильнее всего.

Что теперь с ним будет? Что придумал добрый старина Скэт Минду?

— Ох, ну до чего же мне не нравится этот пес! — повторил Больши и наконец замолчал.

Они шли все утро и к полудню добрались до Сердца. Сердце было священным местом, источником магии Заземелья, краеуголь-

ным камнем его жизни. Именно здесь все короли Заземелья, включая и Бена Холидея, были коронованы на царствие. Оно казалось лужайкой посредине леса огромных широколиственных деревьев, поросшей зелеными, золотыми и красными травами. По ее периметру величественно стояли стеной Лазурные друзья. В самом центре был помост из сияющих белизной дубовых досок. Ярко сверкали серебряные столбы, в которых были укреплены массивные белые свечи. Помост окружали флагштоки, на которых развевались штандарты королей Заземелья, полощущиеся морем ярких красок. Самым новым был штандарт Бена Холидея — изображение уравновешенных чаш весов на зеленом фоне. Это была память о тех годах, когда в своей прежней жизни он был адвокатом. Вокруг помоста и на всей остальной поляне были разложены белые бархатные подушечки для коленопреклонений.

Все было чистое и прекрасно сохранившееся, словно ожидало очередной коронации.

Хоррис Кью вышел на середину Сердца и торжественно огляделся. История страны смотрела на него со всех сторон.

— Сними шляпу, Больши, — провозгласил он. — Мы в храме.

Больши с сомнением озирался по сторонам. Его внимательные глазки блестели.

— Кто же присматривает за всем этим?

Хоррис изумленно посмотрел на него и вздохнул.

— До чего же ты невежествен!

Больши слетел с его плеча и уселся на одну из бархатных подушечек.

— Так ты теперь начал обзываться, а, Хоррис? Ну это просто наглость!

И он демонстративно нагадил на белую ткань.

Хоррис на секунду возмущенно застыл, а потом его долговязое тело развернулось, словно полузмея, и его длинные руки закачались в разные стороны, будто пришитые к тряпичной кукле.

— Мое терпение кончилось, Больши! Да я тебе, мерзкая птица, сейчас сверну твою жалкую голову!

— А я тебе выклюю глаза, Хоррис!

— Ах ты слабоумная галка!

— А ты придурковатый бабуин!

Они злобно уставились друг на друга. У Хорриса пальцы скрючились в когти, а Больши взъерошился и расправил крылья. Ярость прокатилась по ним волной, а потом отхлынула и испарилась, словно вода, попавшая на раскаленный солнцем камень. Напряженность

отпустила их обоих, сменившись изумлением и неясным смущением из-за того, насколько они были несдержанны.

— В этой глупости виновато то создание, — негромко объявил Хоррис Кью. — Старый добрый Скэт Минду.

— Надо признаться, он совсем не такой, как я ожидал, — серьезно признался Больши.

— Это даже и не «он». Это «оно».

— Чудище.

— Чудовище.

Больши прикрыл глазки.

— Хоррис, — сказал он, и в его слова вкрались нотки печали, — что мы здесь делаем? Подожди, не отвечай ничего, пока меня не выслушаешь. Я знаю, как мы сюда попали. Механизм мне понятен. Мы выпустили это существо из Шкатулки Хитросплетений, где оно было заключено в кусочке волшебного тумана, и оно воспользовалось этим туманом, чтобы открыть проход в Заземелье. Это я понял. Но что мы здесь делаем? Правда, что? Задумайся на минуту. Здесь нам опасно находиться.

— Знаю, знаю, — вздохнул Хоррис.

— Так, хорошо. Почему бы нам не убраться куда-нибудь еще? Куда-нибудь, где менее... страшно. Почему бы и нет? Может, оно согласится, чтобы мы отправились куда-нибудь еще? Может, оно даже пойдет на то, чтобы нас отправить туда, если само хочет остаться. В конце концов зачем мы ему?

Хоррис кинул на него испепеляющий взгляд:

— И куда мы направимся, Больши? Туда, откуда пришли, где нас ждет паства, чтобы растерзать на куски? Ты прекрасно позаботился об этом варианте.

— Это не я, Хоррис! Я тебе уже говорил. Это Скэт Минду. Или кто он там на самом деле. — Больши перелетел на одну подушечку поближе. — Ты спрашиваешь, куда мы можем направиться? Вариантов масса. Я читал про некоторые. Как насчет того места с дорогой из желтого кирпича и Изумрудным городом, где бегает крошечный народец? Жевуны, кажется?

Хоррис посмотрел на него и вздохнул.

— Больши, это же ненастоящее место. Это было в книге.

Больши безуспешно попытался нахмуриться:

— Нет, не в книге! Это было на самом деле.

— Нет, Больши. У тебя опять заскок. Это была страна Оз. Это ненастоящая страна. Ее выдумали.

— С волшебниками и прочим? С колдуньями и говорящими обезьянами? Это не выдумка. Это правда! Реальность!

— Это была книга, Больши. Сказка!

— Ну ладно, Хоррис, ладно. Пусть сказка. — Птица щелкнула клювом. Минуту подумав, она сказала: — Хорошо. А как насчет той страны с маленьким народцем, у которого мохнатые ножки?

Хоррис побагровел.

— Что с тобой разговаривать! — прошипел он яростно. Не глядя прошел мимо Больши и зашагал к лесу. — Давай-ка просто доложимся, да и дело с концом!

Он исчез за деревьями, оставив Сердце позади. Больши последовал за ним. С солнечной лужайки они попали туда, где даже в полдень было сумрачно и прохладно, где тени словно паутиной опутывали лес. Они двигались молча. Хоррис решительно шагал между деревьями, а Больши перелетал с ветки на ветку, то вырываясь далеко вперед, то возвращаясь обратно. Погрузившийся в мрачные раздумья Хоррис демонстративно его не замечал.

Почти в километре от Сердца, где переплетавшиеся ветви почти скрыли свет, они спустились по крутому склону туда, где густые заросли кустарника окружили нависшую скалу. Пробравшись через кусты, они оказались у массивного плоского камня, верх и все стороны которого были испещрены какими-то знаками. Хоррис уставился на камень, испустил свой самый усталый вздох, вытянул руки и в нужной последовательности прикоснулся к нескольким из символов. Он быстро отступил в сторону, когда дверь открылась, скрежеща камнем о камень. Больши снова опустился ему на плечо, и оба наблюдали, как медленно вырисовывается темное отверстие пещеры.

Довольно неохотно они прошли внутрь. Дверь со скрежетом закрылась у них за спиной.

В пещере был свет, который вел их в самую глубину: какое-то тусклое свечение, словно исходившее от скалы. Кое-где она поблескивала наподобие серебряной руды. Пятна и полосы фосфоресценции были разбросаны хаотично, но давали достаточно света, чтобы можно было пробираться относительно легко. В пещере было жарко. Это была неприятная жара, которая проникала в кожу, создавая ощущение липкости и зуда. И еще в воздухе неприятно пахло. Хоррис и Больши сразу узнали этот запах и поняли, откуда он исходит.

Очень быстро они оказались в самой глубине пещеры. Тут свет был самым ярким, жара — самой жаркой, а вонь — самой сильной. В этом месте пещера расширялась и потолок ее уходил вверх метров на пять. Вниз с него свисали сталактиты, напоминавшие средневековую ловушку из копий. В зале было пусто, если не считать

шаткой деревянной кровати у одной стены и не менее шаткого деревянного стола, на котором стоял металлический тазик для умывания. Постель была не застлана, тазик — с водой. Рядом с тазиком стояла Шкатулка Хитросплетений.

Из дальнего угла пещеры послышался шорох.

— Вы сделали, как вам было велено? — угрожающе прошипел голос.

Отвечая, Хоррис старался не дышать, чтобы не вдохнуть лишней вони.

— Да. Точь-в-точь как было велено.

— Каков был ответ?

— Он сказал, что подумает. Но волшебник и писец будут стараться убедить его, чтобы он не разрешил мне остаться.

В ответ послышался смех. Чудовище зашевелилось в полутьме: приподняло туловище, выпрямило конечности. По правде говоря, было очень нелегко сказать, что именно происходит, и это сбивало с толку. Хоррис снова вспомнил момент, когда впервые увидел это создание, и вдруг понял, что уже не знает толком, что именно это было. Существо, бывшее Скэтом Минду, умело показаться только какой-то своей частью — мельканием туловища, или конечности, или головы (но не лица), намеком на цвет или форму. И в конце концов оставалось скорее некое впечатление, нежели определенный образ. И неизбежно было это нечто неприятным, резким и отталкивающим.

— Ты меня боишься? — мягко спросил голос. В дымном полумраке блеснуло что-то гадко-зеленое.

Хоррис вдруг пожалел, что вернулся. Возможно, Больши был все-таки прав. С каким безумием они связались, освободив это чудовище? Оно было заключено в Шкатулке Хитросплетений и обманом вынудило их его выпустить, используя Больши в качестве связного, а Хорриса — в качестве колдуна. Оба послужили отмычками к замкам, державшим его в плену. В самой глубине души Хоррис Кью понимал, что вся эта история с созданием Скэта Минду вообще была не его идея, все это исходило от этой штуки из Шкатулки Хитросплетений, от этой штуки, которая была заперта в волшебных туманах, отправлена в изгнание так же, как были отправлены они сами. Это существо было осуждено на забвение, но судьба сделала Хорриса и Больши невольными его спасителями.

— Что мы здесь делаем? — вдруг спросил Больши. Его тоненький голосок дрожал от испуга.

— Что я вам велю, — прошипел голос.

Скэт Минду вышел из сумрака, поднимаясь, как клубы дыма, которые почему-то сгустились во что-то смутно знакомое, хотя еще не до конца оформившееся. Его запах заставил Хорриса и Больши отступить назад, и смех его был негромким и довольным. Передвигаясь, чудовище колебалось, как поверхность протухшей лужи. Во внезапно наступившей тишине они расслышали шипение его дыхания. Оно было громадное, жирное и властное, в нем ощущалось что-то древнее и ужасное.

— Меня зовут Бурьян, — вдруг прошептало чудовище. — Я из народа, жившего в волшебных туманах, один из них, пока много столетий назад меня не поймали, навсегда заключив в Шкатулку Хитросплетений. Я был могучим чародеем — и опять им стану. Вы мне поможете.

Хоррис Кью прокашлялся:

— Я не вижу, что мы можем сделать.

Бурьян засмеялся:

— Я буду твоими глазами, Хоррис Кью. Я вижу тебя лучше, чем ты сам себя. Ты зол из-за того, что потерял все, что имел в том мире, но то, чего ты хочешь больше всего, находится здесь. Ты испуган тем, что с тобой сделали, но недостающую тебе смелость смогу восполнить я. Да, я тебя подставил. Да, ты действовал под моим влиянием. И снова будешь — и ты, и птица. Так устроен мир, Хоррис. Эльфы из волшебных туманов заточили меня в Шкатулку Хитросплетений с помощью заклинаний, которые нельзя было снять изнутри, — это можно было сделать только снаружи. Кто-то должен был их произнести — и я избрал тебя. Я нашептывал тебе заговоры. Я руководил твоей магией. Ты по очереди произносил заклинания Скэта Минду. Один за другим ты поворачивал ключи, державшие меня в заточении. Когда настало время, чтобы я вышел, я заставил птицу признаться в том, что Скэт Минду — это розыгрыш. Мне нужно было, чтобы тебе пришлось бежать. Но бежать ты мог, только освободив меня. Впрочем, не отчаивайся. Все так и должно было произойти, так было суждено. Судьба связала нас.

Хоррис решил, что это звучит не слишком приятно, но, с другой стороны, невольно заинтересовался: возможно, он мог с этого что-то поиметь.

— У вас есть виды на нас? — осторожно спросил Хоррис Кью.

— Очень даже привлекательные, — прошептал Бурьян. — Я знаю историю вас обоих. Ты, Хоррис, был изгнан за свои понятия относительно того, какой должна быть магия. А птица была изгнана за то, что оказалась большим, чем то, на что рассчитывал ее создатель.

Как это ни странно, Хоррис и Больши немедленно согласились с такой оценкой (хотя Больши и не нравилось, что его все время называют просто «птица»).

— Вы мешали и досаждали тем, кто прикидывался вашим другом, а на самом деле боялся вас и видел в вас соперников. Такова природа тех созданий, с которыми мы имеем дело. — Бурьян медленно отступил обратно в темноту, дым и тени у стены пещеры. При движении послышалось какое-то царапанье, как будто ножом счищают чешую с рыбы. Казалось, такой звук несовместим с существом столь нематериальным.

— Разве вы не хотели бы отомстить этим глупцам? — вопросил Бурьян.

Конечно, Хоррис и Больши очень бы этого хотели. Но все эти успокаивающие слова не уменьшили их опасливого отношения к Бурьяну. Им не нравилось это существо, не нравились его вид и запах, не нравилось оно само, и они по-прежнему считали, что там, откуда они явились, им было гораздо лучше. Тем не менее им хватило ума это не высказывать. Они просто стали ждать, что еще скажет Бурьян.

А тот вдруг расползся в темноту, поглощая свет, и атмосфера пещеры навалилась на них, словно крышка гроба.

— Я возьму себе во владение волшебные туманы, откуда меня изгнали, и буду повелевать теми, кто был свободен, пока я томился в заточении. Я сделаю их своими рабами, пока мне это не надоест, а потом запру в такой темноте, что они будут безостановочно вопить, чтобы смерть их освободила.

Хоррис Кью с трудом проглотил вставший в горле комок и даже забыл попятиться. Сидевший у него на плече Больши так стиснул когти, что Хоррису стало нестерпимо больно.

— Тебе, — тихо прошипел Бурьян, — я отдам Заземелье. Целиком, полностью, страну и ее людей — и делай с ними что хочешь.

Заполнившая пещеру тишина стала бездонной. Хоррис вдруг обнаружил, что потерял способность думать. Заземелье! Что он будет делать с Заземельем? Он попытался заговорить — и не смог. Он словно пересох весь, от кончика носа до мизинца на ноге, и вся его жизнь мага превратилась в смутное воспоминание, казавшееся таким же летучим, как дым.

— Вы хотите отдать нам Заземелье? — вдруг проскрипел Больши, словно не расслышал.

Бурьян грубо и пугающе расхохотался:

— Этого в вашем изгнании не мог бы дать вам даже Скэт Минду, а? Но, чтобы заслужить такой дар, вы должны делать то, что я вам велю. Выполнять все в точности. Поняли?

Хоррис Кью кивнул. Больши тоже.

— Скажите! — резко зашипел Бурьян.

— Да! — выдохнули оба, ощущая, как на шее сжимаются невидимые пальцы. Пальцы сомкнулись и не двигались немыслимо длинную минуту, а потом разжались. Хоррис и Больши задыхались и жадно глотали воздух во вновь воцарившейся тишине.

Бурьян снова отступил. Его вонь была настолько сильной, что на мгновение им показалось, будто в пещере больше не осталось воздуха. Хоррис Кью упал в почти полной тьме пещеры на колени. Его мутило, и он так боялся чудовища, что единственной мыслью его было повиноваться и делать все, что от него потребуют, лишь бы только ему не стало еще хуже. У Больши дыбом встал его белый хохолок. Он закрыл свои блестящие птичьи глазки и весь затрясся.

— Нам могут угрожать враги, — прошептал Бурьян, и голос его напомнил царапанье грубого наждака по дереву. — Чтобы можно было действовать, надо убрать их с нашего пути. Вы мне в этом поможете.

Хоррис молча кивнул. Говорить он не решался, опасаясь, что ляпнет что-нибудь не то, и ужасно жалел, что не научился раньше держать свой чародейский язык за зубами.

— Ты напишешь три письма, Хоррис Кью, — прошипело чудовище. — Напишешь прямо сейчас. — Скрывавший его сумрак шевельнулся, и глаза его (кажется) нашли Больши. — А когда он закончит, ты их доставишь.

На замок Чистейшего Серебра опустилась ночь. Солнце скрылось за горизонтом, окрасив небо в густо-красные и лиловые тона, которые сначала зажгли облака на западе, а потом и саму землю. Тени удлинились и стали еще темнее, отразившись от полированной поверхности замка и от окружавшей его воды, и, наконец, растворились в сумерках, освещенных всеми восемью лунами, которые были в той редкой фазе, когда появлялись в ночном небе одновременно.

Взяв Ивицу под руку, Бен Холидей поднялся по лестнице в спальню, время от времени улыбаясь своим мыслям. Он все еще был под влиянием новости относительно ребенка. Дитя! Казалось, он никогда не устанет повторять эти слова. При этом у него начинала кружиться голова, и он чувствовал себя чудесно и одновременно ужасно глупо. Сейчас уже все в замке знали о ребенке. Даже Абернети, который обычно не давал воли своим чувствам, узнав прекрасную новость, крепко обнял Ивицу. Советник Тьюс немедленно начал строить планы воспитания и образования ребенка на ближайшие двадцать лет. Казалось, никто не удивился тому, что

будет дитя, — словно в рождении ребенка, здесь и сейчас, нет ничего странного.

Бен помотал головой. Это будет мальчик или девочка? А может, двое? Знает ли Ивица? Следует ли ему спросить у нее? Он жалел, что не знает, что делать, кроме как повторять еще и еще раз, как он счастлив.

Они поднялись до площадки, выходившей на крепостной вал, и Ивица увлекла его под звездное небо. Они прошли к зубчатой стене и стали смотреть через озеро на темную землю. Они, взявшись за руки, молча стояли в тишине, касаясь плечом друг друга.

— Мне надо на время уйти, — тихо сказала Ивица. Это было настолько неожиданно, что на минуту Бену показалось, что он ее плохо расслышал. Она не смотрела на него, но ее пальцы предупреждающе сжали ему руку. — Дай мне закончить, ничего пока не говори. Я должна сказать о ребенке матери. Она должна знать, чтобы танцевать для меня. Помнишь, я рассказывала тебе, как нашу совместную жизнь предсказало переплетение цветов, служивших постелью при моем зачатии? Это было той ночью, когда я впервые увидела тебя в Иррилине. Я сразу же поняла, что для меня больше никто никогда не будет существовать. Это предсказание произошло благодаря танцу моей матери. — Теперь она посмотрела на Бена, и ее глаза стали громадными и бездонными. — Потомки эльфов видят в настоящем часть будущего, читают в том, что есть, то, что будет. Таким даром обладает каждый из нас, Бен, а для моей матери будущее часто является в ее танце. Так было и когда я видела ее во время поисков черного единорога. И теперь тоже так будет.

Казалось, она закончила свое объяснение.

— Ее танец расскажет нам что-то о будущем ребенка? — удивленно спросил Бен.

Ивица медленно кивнула, не спуская с него глаз. Ее безупречные черты в звездном свете казались мраморными.

— Не нам, Бен. Мне. Она расскажет только мне. Она будет танцевать только для меня, а не для чужака. Пожалуйста, не сердись, но я должна идти одна. Не сердись!

Он неловко улыбнулся:

— Но я могу пройти с тобой почти весь путь. По крайней мере до старых сосен.

Она покачала головой:

— Нет. Пойми, пожалуйста. Это должен быть мой крест, а не твой. Это путешествие не только в Озерный край, но и в меня саму, и принадлежит оно мне одной. Я совершу его как мать твоего ребенка и как дитя потомков эльфов. В нашей жизни будут и другие путешествия, принадлежащие нам обоим, путешествия, в которых

ты сможешь участвовать. Но это принадлежит только мне. — Она увидела в его взгляде сомнение и помедлила. — Я знаю, что это нелегко понять. Это имеет отношение к тому, что я пыталась тебе сказать раньше. В Заземелье детей вынашивают и рожают совсем не так, как в твоем мире. Существуют различия, которые связаны с магией, питающей нашу землю, дающей жизнь всем нам, но в особенности потомкам эльфов. Мы связаны с Заземельем как люди, которые всю свою жизнь заботились о нем и врачевали его. Это — наше наследие и наши узы.

Бен кивнул, чувствуя, что внутри у него что-то оборвалось.

— Не понимаю, почему мне нельзя пойти с тобой, Ивица!

Он увидел, как у нее перехватило горло. В глазах ее стояли слезы.

— Знаю. Я пыталась найти возможность рассказать тебе все, объяснить. Но, наверное, мне просто придется попросить тебя мне поверить.

— Я тебе верю. Всегда. Но понять мне трудно.

И дело было не только в этом. Он встревожился. Он боялся расставаться с ней со времени их возвращения на Землю за Аберне-ти и пропавшим медальоном, когда она чуть не умерла. Он заново пережил все кошмары смерти Энни и их неродившегося ребенка и гибели части его души, которая принадлежала им. Во время расставания с Ивицей, каким бы необходимым и коротким оно ни было, этот страх снова возвращался. И этот раз не был исключением. Скорее, это чувство еще усилилось из-за того, что ему так трудно было понять причины их расставания.

— Когда тебе надо уходить? — спросил он, все еще не примирившись с этой мыслью. Казалось, вся его радость куда-то улетучилась.

— Завтра, — ответила она. — На рассвете.

Его отчаяние удвоилось.

— Ну по крайней мере возьми с собой Сапожка. Возьми кого-нибудь для сопровождения!

— Бен. — Она взяла его за обе руки и придвинулась так близко, что он увидел в ее глазах свое отражение. — Со мной никто не пойдет. Я пойду одна. Тебе не надо тревожиться. Я буду в безопасности. За мной не надо присматривать. Ты это знаешь. В Заземелье у потомков эльфов есть свои методы защиты. Я буду на родине моего народа.

Он сердито встряхнул головой:

— Не понимаю, как ты можешь быть в этом уверена! Ну почему ты должна идти одна?!

Несмотря на все его усилия сохранять спокойствие, он повысил голос и начал говорить гневно. Сделав шаг назад, он постарался отстраниться от нее. Но Ивица не отпустила его рук.

— Дитя важно для нас, — мягко сказала она.

— Я это знаю!

— Ш-ш, ш-ш! Мать-Земля говорила нам о его важности — помнишь?

Он глубоко вздохнул:

— Помню.

— Тогда смирись с тем, что наши потребности должны отступить перед потребностями ребенка, — прошептала она. — Пусть это больно, пусть непонятно, пусть нам хочется, чтобы все было по-другому. — Она помолчала. — Мне это нравится не больше, чем тебе. Ты мне веришь?

Он был застигнут врасплох. Ему и в голову не приходило, что она приняла такое решение под чьим-то давлением.

— Да, верю, — сказал он наконец.

— Если бы можно было, я взяла бы тебя с собой. Если бы можно было, я бы не расставалась с тобой ни на секунду. Но, увы, нельзя. Природа вещей не позволяет, чтобы мы всегда были вместе.

Она ждала, что Бен ответит. Он долгое время молча смотрел на нее, осмысливая ее слова. А потом сказал:

— Наверное, ты права.

— Все будет хорошо, — пообещала она ему.

Ивица обняла его и прижала к себе. Он уткнулся лицом в ее зеленоватые волосы и почувствовал, что ему уже больно оттого, что она уходит. Страх черной тучей клубился в уголках его сердца. Он вновь осознал, насколько они разные — человек и сильфида — и сколького он еще о ней не знает.

— Все будет хорошо, — повторила она.

Он не стал спорить, понимая, что это бесполезно. Но он не мог не думать о том, что попытаться все же стоило.

ГЛАВА 4

КОРНИ

Путешествие Ивицы из замка Чистейшего Серебра было относительно спокойным. Она ушла под покровом темноты, выскользнула из крепости, никем не увиденная и не услышанная. Ночная стража могла бы смутно ощутить ее присутствие, почти сразу же о

нем забыв, но потомки эльфов сохранили прежние таланты, так что она могла исчезать так же бесследно, как исчезает тень в лучах солнца. Ивица спустилась по черной лестнице, прошла по пустынным коридорам замка, вдоль темных стен нескольких внутренних двориков и под центральной решеткой, которая в мирное время никогда не опускалась, чтобы запоздалые путники или просители всегда могли быть уверены в том, что получат радушное пристанище. Чтобы не пользоваться челноком-бегунком, она прошла по мосту, перекинутому через ров. Мост построил Бен, после того как монархия была восстановлена и к жилищу правителя страны снова начали прибывать путники. Она подождала, пока самую яркую луну закрыли облака. Стражники отвернулись, обсуждая вопросы, совершенно не связанные с их обязанностями, — и в мгновение ока она исчезла.

Уходя, Ивица не стала будить Бена. Она постояла в темноте, наблюдая, как он спит, думая о том, как сильно его любит. Ей не хотелось, чтобы между ними опять звучали резкие слова. Лучше ей уйти прямо сейчас. Он любит ее, но он — продукт мира, который не признает существования волшебных существ, и сам все еще только учится в них верить. Вот почему она не рассказала ему всего. Она не могла этого сделать.

Ивица шла весь остаток ночи и в течение следующего дня, выбирая безлюдные тропы. Она не торопилась, не ускоряла шага и оставалась невидимой. Она проходила мимо работающих на полях фермеров, которые пахали, готовясь ко второму севу, и снимали первый урожай. Она наблюдала за коробейниками и торговцами, сновавшими между поселениями на юге и востоке. Ей попадались путники из страны потомков эльфов и с западных гор, где обитали охотники и звероловы. В заваленных узлами фургонах переезжали на новое место жительства целые семьи. Везде кипела жизнь: суета и труды теплого времени года, когда осуществляются планы, задуманные во время холодов. Это вызывало у нее улыбку. Она следовала по холмистой местности — маленькое движение в громадном океане зелени, волнами уходящем за горизонт. Летние бризы, прилетавшие с запада, колыхали это море. Пищу и питье ей дарили Лазурные Друзья — самый богатый источник провизии в Заземелье. Когда ее могли слышать только птицы и мелкое зверье, она начинала негромко напевать.

А еще она размышляла, пытаясь понять, разумно ли поступила: она знала, как изумится ее исчезновению Бен, как он будет тревожиться. Но ее поступок был вызван жизненной необходимостью, усомниться в этом грешно. Она должна родить ребенка так, как

диктует ей природа. Законы рождения были установлены много поколений назад, когда людей еще вообще не существовало. Рождение эльфов было сложным, намного более сложным, чем человеческое, и в каждом случае зависело от физических характеристик участвовавших в нем созданий. Оно было каждый раз разным, определяясь генетикой родителей. Она могла бы обсудить этот вопрос с Беном раньше, когда рождение ребенка еще было в туманном будущем, когда у него было бы время привыкнуть к этой мысли. Но она этого не сделала, а теперь времени уже не оставалось. Она знала Бена достаточно хорошо, чтобы предвидеть, что его реакция вполне могла бы оказаться весьма отрицательной. Став королем Заземелья, он все равно во многом остался человеком своего мира и с трудом смирялся с тем, что считал странным и необычным. Ему было особенно трудно, когда дело касалось ее, потому что он любил ее, был ей предан и хотел бы свыкнуться с ее происхождением и ее сутью. Она это знала и старалась помогать ему в тех превращениях, которые все еще шли в нем.

Принять окончательное решение в данном случае ее заставил сон Матери-Земли. Скорее это был даже не сон, а видение, и даже не столько видение, сколько ощущение бытия. Так разговаривали друг с другом эльфы, часто являясь во сне, чтобы посоветовать или предостеречь, рассказывая об отдаленных странах, перелетая на быстрых ветрах, чтобы попасть к своему слушателю, становясь шепотом в тишине, мерцанием в темноте. Ивица иногда так разговаривала с матерью: ее мать была лесной нимфой, такой своевольной, что ничто не могло ее коснуться, если она этого не хотела. Такое существо не могли выследить даже потомки эльфов. Ивица ушла от своей прежней жизни, построив с Беном новую, но время от времени старая жизнь ее немного задевала. Появление Матери-Земли было самым недавним тому подтверждением.

Мать-Земля была самой сильной стихией в Заземелье, существом, полным волшебства. Она была такой же древней, как сама земля, и воплощала в себе ее дух. Некоторые считали, что она была создательницей страны, но, по мнению Ивицы, у нее были слишком твердые устои и слишком много работы, чтобы она была способна на нечто столь возвышенное. Тем не менее к этому существу следовало прислушиваться. Бен с Ивицей вместе были у нее во время поисков черного единорога, и тогда она сказала им, что они ей важны и что у них будет дитя, которое окажется необыкновенным. Ни тогда, ни потом она не давала никаких объяснений этому, и постепенно оба перестали об этом думать. Все это время Ивица ничего не слышала от Матери-Земли.

Но теперь ее неожиданно и резко вырывали из снов. Мать-Земля являлась ей дважды и звала в Озерный край, страну потомков эльфов, где эта стихия появлялась чаще всего. Призыв был настоятельным и категорическим, и Ивица решилась уйти от Бена, не пытаясь объясниться. Не столько слова Матери-Земли, сколько ее тон заставили сильфиду отбросить сомнения и немедленно начать действовать.

Ночью она устроилась на берегу Иррилина, неподалеку от бухты в скалах, где впервые встретила Бена и, как это свойственно эльфам, сразу же поняла, что он предназначен ей, а она — ему. Она поела, несмотря на отсутствие аппетита, поскольку ребенку нужны были ее силы. Скинув одежду, она вступила в воды Иррилина. Озеро было теплым и нежным, оно приняло ее в свои объятия. Она плыла в ночной тишине. Небо над головой было ясным: его наполнял свет разноцветных лун и серебряных звезд. Она позволила воспоминаниям о Бене захватить ее целиком. Она все еще могла живо ощутить тот прилив радости, который вызвало в ней его появление. Она по-прежнему чувствовала уверенность в своей любви. Они были избраны друг для друга и до самой смерти будут рядом. Она увидела какую-то часть их будущего (благословение или проклятие потомков эльфов) и поняла, что их жизни безвозвратно изменились.

Так это и оказалось. Бен оставил свою прежнюю жизнь, был вынужден поселиться в Заземелье. Этому способствовало многое, но прежде всего — его любовь к ней. Он остался там в качестве короля и стал сильным и дальновидным монархом. Хотя временами его мучило то, что требовалось от него, как от короля, но он всегда выполнял свои обязанности. Большинство считало его справедливым и сильным правителем. Только некоторые все еще не расстались с сомнениями — и большинство из них были его потенциальными соперниками в борьбе за престол. Среди них был и отец Ивицы, вождь потомков эльфов, обладатель довольно сильной магии. Владыка Озерного края предпочел бы королевство, где власть принадлежала бы ему одному, но он не был глупцом и видел плюсы правления Бена Холидея: тот являлся стабилизирующей силой, разумным искателем компромиссов, решительным вождем. И хотя временами он не доверял Бену как пришельцу из другого мира, он всегда уважал его как человека.

Ивица, дочь Владыки Озерного края, вела там неспокойную жизнь. Она была плодом союза, длившегося всего одну ночь, и постоянно напоминала речному духу о женщине, которую он любил и которую не смог удержать. Ведь Ивица родилась в результате поспешного совокупления, а потом мать оставила ее отцу, чтобы

тот растил дитя. Мать Ивицы была слишком своевольной, чтобы позволить кому-то связать себя — даже ребенку. А отец делал то, что от него требовалось, не больше. У него было множество детей, и большинство он любил сильнее, чем Ивицу. Появление Бена открыло для нее дверь в мир, о существовании которого она давно знала, и Ивица поспешила в нее войти. Поначалу Бен сомневался в том, что они предназначены друг другу, хотя и любил ее, но Ивица никогда в этом не сомневалась: предсказание об их союзе было точным и неоспоримым. В конце концов то, что было предсказано при ее рождении, осуществилось — и вот теперь появится дитя.

Она вышла из вод Иррилина на берег. С ее гладкой зеленой кожи стекала вода, высыхая в начавшем остывать ночном воздухе. Она была с Беном не совсем честна. Она позволит матери танцевать для нее, но потом быстро двинется дальше. А с отцом она вообще не увидится. Она не ожидает от них помощи при рождении ребенка. Возможно, она и хотела бы, чтобы это было не так, но ей было известно, что им нечего ей дать. Она вернулась в Озерный край, чтобы увидеть Мать-Землю. Одна только Мать-Земля может сказать ей что-то полезное: она ощущала это, об этом шептал ей сон. Поэтому она придет одна и будет слушать, а потом в одиночестве родит свое дитя.

Этой ночью она долго и крепко спала, а когда проснулась, то обнаружила, что на нее смотрит болотный щенок.

— Привет, малыш, — тихо поздоровалась Ивица, вставая на колени.

Болотный щенок взирал на нее огромными грустными глазами. Он был низенький и длинный, с забавной мордочкой, немного похожей на бобровую, с большими вислыми ушами и с хвостом ящерицы. Лапки у него были вывернуты наружу и снабжены перепонками, а туловище окрашено в разные оттенки коричневого, словно вымазано грязью. Болотные щенки были в Заземелье редкостью, поскольку происходили из волшебной земли. Утверждали, что у них есть своя магия, хотя Ивица никогда не видела тому подтверждений. С этим щенком она была знакома по прежним временам. Его звали Стойсвист, и он служил Матери-Земле.

— Милый старина Стойсвист, — улыбнулась она, и щенок замахал хвостом из стороны в сторону.

Ивица с удовольствием его погладила бы, но Мать-Земля когда-то предупредила ее, что никогда не следует трогать болотных щенков. Никакого пояснения к этому совету дано не было, но Ивица привыкла доверять Матери-Земле. Она была знакома с этой стихией с раннего детства, с той поры, как росла в Озерном крае. Мать-

Земля впервые явилась ей, когда Ивица была еще совсем маленькой, поднявшись в один прекрасный день из земли рядом с тем местом, где играла девочка. Это внезапно возникшее существо показалось малышке скорее любопытным, чем страшным. Ей было сказано, что Мать-Земля явилась ей потому, что она — особенная. Мать-Земля научит ее тому, чего больше никто не знает, и они всегда будут друзьями. Ивица приняла это по-детски доверчиво: ребенку все кажется возможным. Мать-Земля показалась ей странной и удивительной, скорее духом, нежели человеком или потомком эльфов, но их дружба ощущалась как нечто естественное и очень желанное. В доме Владыки Озерного края она была одной из множества детей, ей уделялось мало внимания и на нее не возлагалось особых надежд. Ивица была одинока, и Мать-Земля заполнила пустоту, образовавшуюся из-за отсутствия родной матери. Пока она росла, Мать-Земля давала ей советы, появляясь все реже, по мере того как девушка обретала уверенность в себе и ее время наполнялось новыми занятиями. После появления Бена Ивица уже не виделась с Матерью-Землей, если не считать того раза, когда она искала черного единорога. Но теперь ее призвали, и Стойсвист был послан, чтобы проводить ее туда, где дожидается Мать-Земля.

Ивица встала, умылась, немного поела и снова тронулась в путь — на этот раз следом за болотным щенком. День был теплым и залитым солнечным светом, леса Озерного края пахли травами и дикими цветами. На ходу ей было видно, как между деревьями бриллиантами сверкает вода озер и рек. Стремительными белыми вспышками пролетали цапли и журавли. Девушка и щенок шли все утро и к полудню уже приблизились к Вечной Зелени. Тут Стойсвист повернул на восток от города Владыки Озерного края и его народа и вошел в полосу густого леса со множеством старых деревьев. К темным стволам яркими зелеными полосами и пятнами прилипли лозы и мхи. Мелькали всевозможные насекомые, под пологом леса проносились яркие птицы, маленькие мохнатые зверьки возникали вдруг, словно призраки, и в следующее мгновение снова исчезали. В полосах солнечного света плавали блестящие пылинки, ленивые и крошечные.

При приближении к убежищу Матери-Земли Ивица вдруг снова начала удивляться, как это случалось и прежде, интересу, который питает к ней стихия. В детстве она просто наслаждалась ее обществом и проявляемым к ней вниманием и не догадывалась спросить о причинах такого особого отношения. А когда она выросла, она приняла уверения Матери-Земли относительно особой судьбы, которая ее ждет, и не добивалась большего. Стихиям часто дана

способность видеть будущее, и поэтому Ивица никогда не сомневалась, что Мать-Земля видит грядущее, скрытое от нее самой. Тем не менее было немного неловко знать, что кто-то еще, кроме нее, знает о ее судьбе и при этом не говорит о подробностях. Она не раз хотела расспросить о своем будущем, но все-таки каждый раз не решалась. Может, дело было в том, что роль Матери-Земли как хранительницы Заземелья внушала ей благоговейный страх. А может, в глубине души ей просто не хотелось знать своего будущего.

Но сейчас, когда приближался момент рождения ребенка, она решила, что должна знать, и вознамерилась не дать своему почтению к Матери-Земле помешать задать этот вопрос.

Стойсвист провел ее через становившийся все более дремучим лес от залитых солнцем лужаек к густой тени и, наконец, туда, где царила глубокая тишина, которую не нарушали никакие звуки жизни. Болотный щенок остановился на краю широкой пустой лужайки, покрытой стоячей водой, собиравшейся из множества окрестных ручейков. Ее неподвижная черная зеркальная гладь отражала кроны старинных деревьев, затенявших все вокруг.

Болотный щенок бросил на Ивицу прощальный взгляд, полный печали, и исчез среди деревьев. Ивица молча ждала.

Через несколько мгновений пруд всколыхнулся, и из вод поднялась Мать-Земля. Ее фигура встала из гладкой тины и застыла в тенистой тиши.

— Добро пожаловать, Ивица, — поприветствовала она. — Ты здорова, дитя мое?

— У меня все хорошо, Мать-Земля, — ответила Ивица. — А у вас?

— У меня ничего не меняется. С приходом Бена Холидея земля стабильна и здорова. У меня стало гораздо меньше работы. — Она неопределенно взмахнула рукой, и во влаге промелькнул огонь. — Тебе хорошо с ним живется и ваша любовь не умаляется?

— Конечно, Мать-Земля.

— Мне очень приятно слышать твои слова. А теперь у вас будет общий ребенок, и именно из-за этого я тебя призвала сюда. Тебе надо знать кое-что, и я не хотела сообщать это в снах. Так ты пришла одна? Без короля?

— Я решила, что так будет лучше. — Ивица на мгновение отвела взгляд. — Ему трудно принять то, что он считает странным.

— Ты не рассказала ему о родах? О циклах жизни и периодах роста и об особенностях потомков эльфов?

Ивица вздохнула:

— Я никак не придумаю, как это сделать. Я собиралась ему рассказать, но тут пришел ваш сон, и я решила, что лучше повременить.

Мать-Земля кивнула:

— Возможно, ты права. — Лицо у нее было молодым и полным жизни, что не переставало удивлять: ведь она существовала с момента создания страны. — Ты расскажешь ему, когда сочтешь нужным. А сейчас нам надо сосредоточиться на родах. Ты знаешь, что они приближаются?

— Я это ощущаю, Мать-Земля. Дитя уже шевелится во мне, напоминая о скорых родах. Да, это событие не за горами. — Она помедлила. — У людей это бывает иначе. Бен ожидает, что дитя будет расти во мне много месяцев, как у женщин его мира. Он не говорит этого, но я это вижу. Он думаст, что ребенок, раз он его, будет похож на него. Но это не так. Я уже это ощущаю и не знаю, как ему об этом сказать. — К собственному удивлению, она почувствовала, что вот-вот расплачется. — А что, если он не примет дитя? Что если оно покажется ему отвратительным?

Улыбка Матери-Земли была полна нежности.

— Нет, Ивица, такого не случится. Дитя принадлежит вам обоим, оно было зачато в любви, которую вы питаете друг к другу. Его преданность тебе, а теперь и ребенку, беспредельна. Он не сочтет дитя отвратительным. И оно таким не будет. Оно будет прекрасным.

Глаза у Ивицы просветлели.

— Это правда, Мать-Земля? Вы видите это в моем будущем?

Мать-Земля провела руками у Ивицы перед лицом, и вопрос отлетел, забытый.

— А теперь мы будем говорить о том, что тебе надо сделать, чтобы приготовиться к рождению ребенка, Ивица. Условия будут не совсем такими, каких ты ожидаешь. Твое дитя родится не тогда, когда ты имеешь человеческий облик. Оно появится на свет во время твоего пребывания в виде духа.

— В честь которого я названа, — откликнулась Ивица. — Я чувствовала, что так может случиться. Это — одна из причин, по которой мне страшно было рассказывать обо всем Бену. Мне кажется, он не сможет представить себе такого.

— Больше не думай о Бене Холидее, милая. Сейчас тебя должны занимать условия, необходимые для родов. Слушай внимательно. Когда ты пустишь корни, чтобы дать жизнь ребенку, их должна принять почва трех миров. Почва должна быть взята в Заземелье, на Земле и из мира волшебных туманов. Почвы отразят наследие ребенка, смешение крови. Это дитя — плод каждого из миров, оно родится от союза человека и потомка эльфов. Такое случается нечасто. Это — редкое и особенное событие. — Мать-Земля замолчала, приподняв одну руку в необычном и покоряющем жесте. — Эти

почвы должна собрать ты, Ивица, и никто другой. Ты должна собрать их, смешать и, когда придет время родов, пустить в них корни. Почвы надо взять в особых местах каждого из миров, потому что они должны отражать их характер, соединив в себе все лучшие и худшие черты существ, которые в нем обитают. В твоем ребенке есть частицы всех трех миров. И чтобы дитя выросло сильным и здоровым, чтобы оно приобрело мудрость и понимание, чтобы оно разобралось в семенах добра и зла, существующих во всем живом, в нем должно присутствовать равновесие всех возможностей. Почвы могут дать такое равновесие. Они могут дать магию, которая будет питать и защищать.

— Магию эльфов, Мать-Земля? — с сомнением спросила Ивица.

— И ее тоже. Наследие ребенка древнее и непростое, Ивица. Оно уходит в те времена, когда народ Озерного края был частью мира эльфов. В тебе соединены обе крови, — значит, и в твоем ребенке будет так же.

Осунувшееся лицо Ивицы отразило испуг.

— И мне нужно идти в те миры, чтобы получить их почву, Мать-Земля?.. Я не могу этого сделать! Я не могу пройти в волшебный туман и не могу попасть из Заземелья в мир Бена, если он сам меня туда не отведет. Понадобится медальон, который он носит как король. Так что мне все-таки придется взять его с собой.

— Нет, Ивица, ему нельзя сопровождать тебя в этом путешествии. Это твои собственные слова — помнишь? — Лицо стихии было одновременно добрым, печальным, суровым и уверенным. Такое странное сочетание чувств заставило Ивицу невольно отступить. — А теперь выслушай меня. Выслушай все, что я тебе скажу. Тебе будет нелегко, но тебе помогут. Здесь действуют силы, которых пока не понимаю даже я. Но одно я знаю точно. Для твоего ребенка нужны те почвы, которые я тебе описала. Ты должна их собрать, смешать и пустить в них корни. Ты одна. Не позволяй страху помешать тебе. Ты должна быть храброй. Ты должна в себя верить. От этого зависит жизнь твоего ребенка.

Лицо Ивицы стало теперь пепельно-серым. Она похолодела, осознав чудовищность того, что ей предстоит. Бен не сможет ей помогать! Тогда кто же ей поможет?

— Ты начнешь в старых соснах, куда ходишь смотреть, как танцует твоя мать, — прошептала Мать-Земля в тишине прогалины. Ее голос напоминал волну на мутной поверхности пруда, в котором она стояла. — Я тебя туда отведу. Первая почва будет взята из Озерного края, где в одной горстке можно найти все лучшее и худшее, что есть в Заземелье. Возьми с поляны, где танцует твоя мать, ма-

ленький мешочек почвы, который ты там найдешь. Там же тебя встретит кто-то, кто отведет тебя в мир Бена.

— Кто меня встретит, Мать-Земля? — тихо спросила Ивица. — Кто это будет?

— Мне это пока не явлено, — был ответ. — Я знаю только вот что. Твой проводник придет от народа эльфов, которые тоже заинтересованы в благополучном рождении твоего ребенка. Я посещала их в снах и узнала, что это так. Это дитя, этот первенец человека и эльфа, ребенок короля и королевы Заземелья важен и для них, и они сделают все, чтобы его оберегать. Поэтому они пришлют кого-то из своих тебе в проводники. Его магия сделает твой переход безопасным — сначала в мир Бена Холидея, а потом в их собственный. Проводник будет знать, куда тебя отвести, чтобы ты нашла нужные почвы. Но, дитя мое, выслушай мое предостережение, — быстро добавила она, и в ее голосе снова прозвучало тревожное предчувствие. — Эльфы таят секреты во всем, что они делают. Все, что касается их, нельзя принимать безоговорочно. Кроме тех причин, которые они высказали, у них будут и другие, в связи с чем они решили тебе помогать. Не принимай на веру все, что тебе будет предложено. Не думай, что знаешь всю правду. Всегда оставайся начеку. Они предоставят тебе обещанную помощь, в этом можешь не сомневаться. Они позаботятся о том, чтобы дитя благополучно родилось, — это тоже известно. Но все остальное вызывает сомнение, так что во всем соблюдай осторожность.

И Мать-Земля замолчала, задумавшись.

— Вы мне больше ничего не хотите сказать?

— Я сказала тебе все.

— Это путешествие слишком ненадежно, Мать-Земля, — прошептала сильфида. — Мне страшно.

Мать-Земля вздохнула, словно вечерний ветер прошелестел в кронах деревьев.

— И мне страшно за тебя, дитя мое.

— Но мне все равно надо идти?

— Если хочешь, чтобы твое дитя благополучно родилось, — надо.

Ивица кивнула, смиряясь:

— Хочу. — Она устремила взгляд в лес, словно надеясь увидеть что-то, скрытое от нее. — Сколько у меня времени на это путешествие?

— Не знаю.

— Тогда до рождения? Сколько времени осталось до рождения ребенка?

— И этого я тоже не знаю. Только дитя знает. Дитя само решит, что наступило время. И когда это время наступит, ты должна быть готова.

Ивица вдруг почувствовала такое отчаяние, что у нее перехватило дыхание.

— А вы не можете увидеть, где ребенок родится? Может, вы сможете сказать мне хотя бы это?

— Даже и это не могу, — печально ответила Мать-Земля. — Ребенок сам выберет себе и место рождения.

Ивица боролась с отчаянием.

— Похоже, мне выбирать уже нечего. Все решения предоставлены другим. — В голосе ее невольно прозвучала горечь. — Я мать этого ребенка. Я ношу его в себе. Я даю ему жизнь. И тем не менее я никак не определяю, когда и где это дитя появится на свет.

Мать-Земля ничего не сказала. Они стояли друг против друга на тихой лужайке. Поток солнечных лучей пробился сквозь листву с юга, где солнце заканчивало свой дневной путь. Воды пруда, разделявшие женщин, отражали фигуры их, как плохое зеркало. Ивица вдруг подумала: а было ли ее собственное рождение таким же сложным? Может быть, именно эта сложность заставила мать решиться оставить ее отцу, отказаться от дальнейших трудов, не принимать на себя боль, которую причиняет воспитание, после того как пришлось перенести столько страданий, давая ей жизнь? Конечно, она никогда об этом не узнает. Мать никогда не скажет ей правды. Тут Ивица подумала о том, как ушла от Бена, ускользнув ночью, не попрощавшись. Теперь она жалела, что не разбудила его.

Ивица выпрямилась. Ну что ж, в жизни редко получаешь второй шанс: лучше не задумываться над тем, насколько это маловероятно.

— До свидания, Мать-Земля, — попрощалась Ивица, потому что все уже сказано и добавить нечего. — Я не забуду ваших слов.

— До свидания, Ивица. Будь сильной, дитя мое. Все будет хорошо.

Почти то же самое Ивица сказала Бену: все будет хорошо. Теперь эти слова вернулись к ней насмешкой. Улыбка у Ивицы получилась невеселой, ироничной. Она повернулась и пошла к краю лужайки.

Когда оглянулась, Мать-Земля уже исчезла.

ГЛАВА 5

ЗАКОЛДОВАННЫЙ

Когда тем первым утром Бен Холидей проснулся и обнаружил исчезновение Ивицы, счастливым его назвать уже было нельзя. Конечно, она сказала ему, что уходит, так что он не удивился, не обнаружив ее. Он даже понял, почему она ушла, не разбудив его и не попрощавшись: скорее всего он отреагировал бы болезненно, как она и ожидала. Но от этого он себя лучше не почувствовал. Ему просто больно расставаться с Ивицей, даже по самым веским причинам. А в данном случае он не был уверен, что причина действительно такова. Он выслушал ее объяснения и попытался непредвзято отнестись к тому, что она собирается делать, но все же так ничего и не понял. Почему ей необходимо было уйти одной? Почему именно сейчас? И почему не покидает чувство — как он ни старался подавить его в себе, — что она что-то от него скрыла?

Он мог бы сидеть и мучиться весь день или даже всю оставшуюся неделю, если бы снова не назначил массу совещаний, стараясь, как всегда, найти возможность быть праведным королем. Во-первых, в управлении Заземельем ощущался явный конфликт культур. В этой стране, согласно тщательно сохраняемым Абернети летописям, уже много столетий успешно процветал феодализм, тогда как Бен Холидей был воспитан на том, что в его мире считалось демократией. Почти инстинктивно он с самого первого дня искал возможности создать такой тип правления, в который он верил и который знал. Будучи юристом, он мечтал, чтобы краеугольным камнем его правительства были законность и порядок, гарантировавшие справедливость для народа. Но нельзя явиться в чужую страну и просто выбросить на помойку уже существующую систему. Это было бы кратчайшим и верным путем к анархии. Как принято было говорить в мире, откуда он пришел, надо работать внутри системы.

Итак, Бен почти с самого начала принялся за создание благожелательной диктатуры (от этих слов его по-прежнему коробило, но лучшего определения он придумать не мог). Предполагалось, конечно, что ударение падает на слово «благожелательная», а не на второе. Весь фокус заключался в том, чтобы ввести необходимые изменения как можно незаметнее. Когда люди не замечают происходящих изменений, им легче бывает их принять. Вот почему Бен Холидей в своей роли короля все время балансировал над пропастью. Конечно, за два года он уже неплохо этому научился.

Процесс был очень сложным, и только Тьюс и Абернети знали, что именно происходит. В качестве главных советников короля (не считая Ивицы) они были посвящены практически во все происходившее. По большей части они поддерживали идеи Бена, призывая, правда, проводить его несколько революционные идеи с осторожностью и сдержанностью. Когда Бен доказал, что он приемлемый и стойкий правитель, которого вряд ли удастся скинуть, следующим его шагом было привести враждующие силы королевства к некоторому подобию согласия. Для этого ему надо было получить по крайней мере внешнюю поддержку от таких различных народов, как потомки эльфов, люди, кобольды и скальные тролли (не говоря уже о множестве более мелких), причем никто из них не хотел иметь дела со всеми остальными. Это Бену удалось благодаря сочетанию угроз, обещаний и подкупа. Король — это нечто вроде волшебника (пардон, советник Тьюс!), и многое приходилось усваивать непосредственно в процессе деятельности. Так, решительность в одном случае вела к компромиссу в другом. Надо было чувствовать, когда можно уступать, а когда держаться твердо.

Бен любил говорить, что адвокатская практика — хорошая подготовка для будущего короля.

Вот как в настоящий момент обстояли дела во владениях Бена Холидея, нынешнего короля Заземелья — страны, относительно которой любой разумный человек, в ней не бывавший, знал точно, что ее не существует. Королю по-прежнему принадлежало решающее слово во всех вопросах, особенно в спорах между подчиненными ему властителями и вождями различных народов королевства. Поскольку Бен наконец приобрел твердых сторонников по всей стране и поскольку за ним стояла закованная в броню мощь Паладина, почти никто не пытался применить против него силу. С другой стороны, Бену надо было стараться не создать у подчиненных ему властителей и вождей впечатления, будто их власть хоть в чем-то ущемлена. Таким образом, надо было предоставлять им править всегда, когда это было разумно и допустимо. Особое волшебство королю необходимо было для того, чтобы правили они так, как этого хотелось ему.

Бен достаточно давно создал ряд совещательных комиссий (его терминология), которые занимались такими вопросами, как управление ресурсами (землей, водой, воздухом и волшебством — ну еще бы, в волшебном-то королевстве!), коммерция и торговля (обмен товарами между народами и перевозка таковых), валютный обмен (часто бартер), общественные работы (строительство и ремонт дорог и управление землями короля) и юридический надзор (разре-

шение гражданских споров и вопросы преступности). Он назначил во все районы королевства административных представителей, которые занимались всеми этими вопросами, и регулярно вызывал их в замок Чистейшего Серебра, чтобы проверить, как работает система и как ее можно укрепить. Конечно, система была далека от идеала, но у нее были и плюсы: благодаря ей многочисленные и разнообразные граждане Заземелья учились — сознательно или неосознанно — принимать участие в управлении. Такой процесс обучения требовал времени, но Бену казалось, что он видит, как он постепенно ускоряется. Прежде жители Озерного края и Зеленого Дола друг с другом даже не поздоровались бы, а теперь совместно решали такие проблемы, как охрана и сбережение водных ресурсов или эффективное использование посевных площадей. Он добился того, что они делились знаниями и пересматривали свои убеждения. Он добился того, что они стали вести себя лучше, чем раньше.

В некоторых отношениях все это было ужасно примитивно по сравнению с тем, откуда он пришел. Но, с другой стороны, это была возможность начать снова до того момента, когда столько было отравлено. Бен очень осторожно отбирал знания своего старого мира, которые передавал своим подданным. Он выбирал самое главное. Например, привычку к гигиене и передовые методы сельского хозяйства. Он был противником того, что могло бы вызвать резкие перемены и, возможно, принести вред: достижения промышленной революции, в том числе и порох. Что-то он просто плохо знал, и это ограничивало поле его выбора. И вообще в душе он все-таки оставался юристом — не инженером, не химиком, не врачом и не промышленником. Может быть, иногда думал он, это даже хорошо.

Кроме того, в Заземелье был один плюс, которого лишен его прежний мир, и важно было не забыть внести его в управление. В Заземелье существовало волшебство. Настоящее волшебство, которое меняло жизнь не менее решительно, чем электричество. Заземелье было им насквозь пронизано, и многие жители применяли его в той или иной форме, и то, что они с его помощью делали, заменяло многие достижения науки из старого мира Бена. Так что все было не так просто, как могло показаться на первый взгляд: с плюсами и минусами, «за» и «против», добром и злом в Заземелье дела обстояли отнюдь не однозначно.

Короче говоря, назначенные Беном Холидеем дела в тот первый день отсутствия Ивицы не позволяли ему надолго задумываться о том, насколько он вообще недоволен ее уходом. Только когда он после довольно позднего ужина наконец оказался один в спаль-

не, он снова встретился со своими личными демонами. Он долго стоял на балконе и смотрел на освещенную звездами землю, пытаясь решить, как вести себя в сложившейся ситуации. Конечно, он мог бы отправиться следом за Ивицей. Сапожок, наверное, выследил бы ее в два счета. Но даже в тот момент, когда он всерьез обдумывал такую возможность, он понимал, что никогда не совершит поступка, который бы настолько противоречил ее ожиданиям. Он подумал, не прибегнуть ли ему к Землевидению — странному приспособлению, с помощью которого можно было выходить в страну и отыскивать там что угодно и кого угодно, не покидая при этом замка. Он нередко пользовался им, когда хотел посмотреть, что происходит в каком-нибудь отдаленном месте. Это было соблазнительно, но в конце концов он отказался и от этой мысли: слишком уж это походило на слежку. А что, если он подсмотрит что-то такое, что не должен был видеть, что она предпочла от него скрыть? Когда любишь так, как он любил Ивицу, к слежке не прибегаешь.

В конце концов он решил лечь в постель и почти всю ночь лежал без сна, думая о ней.

Второй день прошел почти так же, как первый, если не считать, что ему пришлось очень много времени потратить на делегацию скальных троллей, убеждая их в том, насколько разумно было бы отвозить часть их руд в Мельхор и там продавать другим, а не настаивать на том, чтобы плавка выполнялась только в их собственных печах и в соответствии с их собственными соображениями относительно того, что именно нужно производить. Это, в свою очередь, привело к тому, что он ужинал еще позже, так что лечь, естественно, пришлось уже после полуночи. Когда он, смертельно уставший, в конце концов залез в постель, вдруг нащупал под подушкой лист бумаги.

Он мгновенно сел. Сам не зная почему, он ни на секунду не усомнился в том, что эта записка имеет огромное значение. Прикосновением руки он зажег лампу у кровати и наклонил ее так, чтобы на него падал небольшой круг света, — замок бодрствовал даже тогда, когда он спал, и всегда прислушивался к его пожеланиям. Он осторожно развернул сложенный вчетверо листок и прочел:

Холидей! Если хочешь узнать о захватнической магии, которая угрожает Заземелью настолько, что это нестерпимо даже для меня, приходи встретиться со мной через две ночи, накануне новолуния. Приходи к Сердцу один. Я сделаю то же. Обещаю тебе безопасность и свободный проход.

Страбон.

* * *

Бен изумленно смотрел на записку. Мысль его лихорадочно работала. Дракон Страбон умеет писать? Как сюда попала эта записка? Дракон ведь не смог бы пролезть в это окно, правда?

Он остановился и заставил себя рассуждать логически. Дракон и не станет писать эту записку. Или ее доставлять. Он просто заставит кого-нибудь сделать и то, и другое. Каким-то образом. Если это письмо действительно от него. Если это не какая-то уловка. Что весьма вероятно. Страбон никогда раньше ему не писал и вообще к нему не обращался. Страбон, последний дракон Заземелья, меланхоличный отшельник и скупердяй, живший далеко на востоке, в котловане Огненных Ключей, вообще не любил Бена Холидея и неоднократно демонстрировал, насколько рад был бы больше никогда не встречаться с королем Заземелья.

Так к чему же это письмо?

Бен еще дважды перечитал его, стараясь представить себе, как говорит дракон. Это было нетрудно. Письмо звучало похоже. Но сам факт появления этого послания удивлял. Если дракон действительно добивается встречи, то угроза, о которой он предупреждает, должна быть очень серьезной. Бен отмел вероятно ть нападения на него лично. Страбон не заинтересован в том, чтобы причинить ему вред, а если бы был заинтересован, то не стал бы выманивать его с помощью записки: он просто взлетел бы и отыскал его. Просьба, чтобы Бен пришел в одиночку, вполне согласуется с характером дракона. Страбон вообще не любит людей и пожелал бы, чтобы любая встреча осталась тайной и частной. И он не лишен собственной странноватой порядочности, так что если обещает безопасность, то непременно сдержит свое слово.

И тем не менее все это Бена тревожило.

Приходи один? Приходи в полночь?

Он еще раз прочитал записку и не узнал ничего нового. Он сидел, прислонясь спиной к массивной чугунной спинке кровати и высоким подушкам, и обдумывал новую проблему. Он знал, что скажут Тьюс и Абернети. Он знал, что диктует разум. Но было в письме что-то настоятельное, что-то, не позволявшее ему просто забыть о нем и вернуться к обычным делам. И это заставляло его еще и еще раз возвращаться к мысли, что было бы неразумно пренебречь таким предостережением. Шестое чувство подсказывало, что тут есть что-то действительно важное, что-то, чего надо опасаться. Страбон ничего не делает без причины, и если он считает, что Заземелью действительно грозит опасность, то скорее всего он

не ошибается. Если он полагает, что Бену следует об этом знать, значит, и правда следует.

Так что же ему предпринять?

В конце концов он уснул.

Он думал о письме и весь следующий день, мысленно возвращаясь к нему в перерывах между совещаниями, за едой, и во время чтения бумаг, и даже когда перед ужином бегал вокруг замка, и сейчас не отказавшись от привычки сохранять хорошую форму. Сапожок, как всегда, был его бесшумным и невидимым защитником.

Бен лег в постель в ту третью ночь после ухода Ивицы, так ничего для себя и не решив.

Но к утру он уже знал, как поступит. Он знал, что должен пойти. Ему надо рискнуть: вдруг письмо и предостережение правдивы. Кроме того, убедил он себя, риск не так уж и велик. До Сердца всего несколько часов езды верхом. Он возьмет для защиты конный отряд королевских гвардейцев. Никому ничего не скажет до той минуты, когда надо будет ехать. Таким образом, Тьюс, Абернети и кобольды ничего не будут знать. Оставит отряд на безопасном расстоянии от Сердца, один пройдет посмотреть, в чем дело, встретится со Страбоном, если дракон действительно окажется там, и успеет вернуться до рассвета. Все достаточно просто — и так он сможет удовлетворить свою потребность что-то делать, а не просто стоять как истукан, терзаемый сомнениями.

И был еще один, решающий, фактор, хотя Бен и не позволял себе о нем думать. В какой бы опасности он ни оказался, его всегда защищал Паладин. Королевский защитник был самым сильным существом в Заземелье и существовал только для того, чтобы оберегать короля. Его можно было вызвать в любую секунду: для этого Бену достаточно было только сжать в руке медальон, который всегда висел у него на шее. На этом медальоне было выгравировано изображение рыцаря, выезжающего на рассвете из замка Чистейшего Серебра. Стоит только сжать медальон, призвать Паладина, и рыцарь царства призраков и теней явится мгновенно.

Проблема с Паладином заключалась, конечно, в том, что закованный в доспехи защитник короля на самом деле был самим королем. Или, точнее говоря, другой стороной любого, кто в данный момент был королем. В данном случае Паладин был в действительности другой стороной Бена — темной, разрушительной стороной, рожденной в каких-то глубинах его души, о которых ему вообще не хотелось бы знать. Но они существовали, и Паладин все время стоял на краю его сознания и ждал. С той самой минуты, как Бен узнал правду о Паладине, он пытался примириться с тем, что это

значит. Паладин был смертоносной машиной, служившей королям Заземелья с самого начала: его создали эльфы для защиты правителя, поставленного ими для охраны входа в мир эльфов. Паладин сражался во всех битвах, выпадавших на долю многочисленных и разнообразных правителей Заземелья, отстаивая множество вещей, останавливая всех врагов. Ему снова и снова бросали вызов, но он никогда не проигрывал. Он умирал только тогда, когда умирал король, и вновь возрождался с коронованием нового правителя. Он был бесконечным, вечным существом, которое предназначалось только для того, чтобы сражаться, а сражалось только для того, чтобы убивать.

И он был частью Бена Холидея — неотъемлемой частью его личности, и не просто в силу занимаемой им должности и принятой им на себя ответственности, но потому, что в каждом человеке существуют задатки холодного, расчетливого убийцы. Бен очень быстро понял, что Паладин входил в него, соединялся с ним воедино не только благодаря магии эльфов, но и из-за этой темной стороны человеческого сознания. Он был Паладином отчасти потому, что Паладин действительно был другой стороной Бена — той стороной, которую он тщательно держал взаперти, пока не стал королем Заземелья.

Итак, он мог полагаться на помощь Паладина, если в том была необходимость, хотя ему очень не хотелось бы призывать рыцаря без крайней нужды. Он постоянно повторял себе, что будет прибегать к его помощи только в самом крайнем случае — если понадобится, он может это сделать. Но он больше не обманывал себя, будто никогда не призовет Паладина.

Он провел весь четвертый день очень размеренно, почти все время ощущая некую отстраненность от всего, что делает, словно наблюдая со стороны, как Бен Холидей выполняет королевские обязанности. Из-за тщательно скрываемых планов на наступающую ночь он чувствовал себя настолько странно, что даже удивлялся, как это никто ничего не замечает. Казалось, советник Тьюс и Абернети не видят в нем ничего необычного, коли не спрашивают, в чем дело. И никто его об этом не спросил. Он выполнил все запланированные на этот день дела, поужинал, ушел в спальню и стал ждать.

Когда почти стемнело и сумерки начали стремительно сползать к ночи, он спустился в конюшню, приказал оседлать своего любимого гнедого коня Криминала, вызвал отряд из шести человек и выехал из замка. Он уехал тихо, никому ничего не объясняя, и никто не заметил его отъезда. Патрульные отряды все время сновали

вокруг Чистейшего Серебра, то приезжая, то уезжая, так что еще один не вызвал особого любопытства. Сейчас скорее всего даже Сапожок отдыхал в ожидании утренней пробежки с Беном. Стояла обычная летняя ночь, ленивая и теплая, дышавшая уверенностью в том, что мир в полном порядке, а сон от тебя совсем близко — в одном зевке и глубоком вздохе. Пока они поднимались на заросшие лесом склоны холмов к западу, замок Чистейшего Серебра казался в размытой темноте полированным звездным светом, отражением, задержавшимся за их спинами, а потом скрывшимся за деревьями.

Ехали они быстро: Бен торопил коня, желая добраться до Сердца раньше полуночи, ориентируясь по звездам и собственному ощущению хода времени. Приехав в Заземелье, он научился жить без часов и теперь мог определять время старинными методами: глядя на небо, по длине и положению теней, по аромату воздуха и росе, падающей на травы. В этом мире все его чувства обострились — возможно, потому, что он был вынужден больше полагаться на них. На Бене были сапоги, черная одежда и черная кольчуга, созданная Тьюсом из магии и металла, очень легкая, но прочная. С ним был бесценный медальон королей Заземелья и длинный нож. К спине у него был привязан палаш, поскольку предполагалось, что король в ночные разведки и патрулирование всегда выезжает вооруженным. Руки его были защищены перчатками для верховой езды, а нижнюю часть лица закрывал от пыли темный шарф.

Ветра пока не было, и воздух оставался совершенно неподвижным, ночь — густой и душной. Когда конь замедлял шаг, вокруг головы начинали жужжать насекомые, так что Бен все время старался держать быструю рысь или галоп, если дорога была достаточно ровной. Новолуние лишило землю почти всего ночного света: в Заземелье новолунием называли время, когда некоторые из восьми лун прятались за горизонтом, а остальные входили в темную фазу (Бен пока так толком и не разобрался, как это бывает, и знал только когда — примерно раз в два месяца). Единственный свет давали звезды, сиявшие по всему безоблачному небу: лабиринт ярчайших точек, которые, казалось, были помещены там для того лишь, чтобы пробуждать мечтания во всех, кто смотрел на звезды. Бен тоже смотрел на небо, когда листва редела, но этой ночью его мысли были заняты главным образом той встречей, которая впереди.

Время шло быстро, так что всадники приблизились к Сердцу примерно за час до полуночи. Бен остановил отряд на достаточном расстоянии от места встречи, велел стражникам спешиться и дожидаться его здесь. Потом он ехал один, пока не оказался в несколь-

ких ярдах от места назначения. Там он слез с Криминала, оставил его пастись свободно, сам же отправился дальше пешком.

Он шел через темный и казавшийся пустым лес, хотя он прислушивался, стараясь уловить знакомые звуки: в накрывшей все тишине не было слышно ни шороха. Лесные запахи были острыми и пьянящими, так что мысли его невольно обратились к другим местам и моментам, к событиям, которые когда-то казались чрезвычайно важными, а сейчас превратились лишь в воспоминания об эпизодах, из которых построилась его жизнь. Он шел легко, не заботясь о своей безопасности: как это ни странно, он не ощущал никакой тревоги. Может, дело было в чувстве умиротворенности, которое внушила ему летняя ночь. Может, в присутствии медальона, служившего постоянным напоминанием о той силе, которую он получил, став королем. А может, просто в том, что никакая опасность ему не грозила. Как бы то ни было, он шел к Сердцу так спокойно, словно это была всего лишь вечерняя прогулка по его собственному саду, после которой следуют сон и пробуждение к новому дню.

Он добрался до Сердца незадолго до полуночи. Выйдя из-за деревьев, он на минуту задержался у первого ряда белых бархатных подушек, глядя на светлый дубовый помост с его отполированными серебряными столбами и бессильно обвисшими штандартами. Лужайка была безмолвной и казалась пустой. Не было заметно никакого движения, тишину не нарушал даже шорох ветра. Воспоминания о том, что здесь происходило, пришли и вновь отступили. Бен еще секунду осматривался, а потом направился к помосту по проходу между скамьями и подушками для коленопреклонений.

Чуть заметный вздох ветерка коснулся его щеки и улетел.

«Осторожнее».

Он почти дошел до помоста, когда справа от него материализовалась темная фигура, возникшая, казалось, из-под земли. Он остановился, и по спине у него пробежал холодок, а сердце екнуло. Темная фигура была облачена в черные одежды и накрыта тенью.

— Королек! — приветствовал его знакомый голос.

Ночная Мгла!

Бен застыл на месте, впервые насторожившись. Почему здесь оказалась Ночная Мгла? Ведьма из Бездонной Пропасти не числилась среди его друзей. Если она здесь, значит, есть основания считать, что эта встреча все-таки ловушка.

Она сделала несколько шагов к Бену, высокая и властная. Теперь на нее упал свет, и можно было разглядеть худое лицо с хо-

лодными безупречными чертами, иссиня-черные волосы с белой прядью, узкие плечи, длинные тонкие руки...

— Зачем ты меня звал? — прошипела она холодно и злобно. — Что это еще за волшебство, которое угрожает моему дому?

Бен безмолвно воззрился на нее. Звал ее?! О чем это она? Он сам пришел сюда, потому что его позвал Страбон! Какую игру она ведет?

— Я не... — начал он.

— Ты, невыноси... — заговорила она.

И тут на обоих упала тень, и небо заполнилось огромным туловищем Страбона. Дракон осторожно устроился на краю помоста, сложив крылья и скрутив свое змеиное тело. От его чешуйчатого тела, угольно-черного и опаленного огнем, поднимался пар, его вонь наполнила воздух, так что даже Ночная Мгла с отвращением отпрянула назад. Страбон поворачивал свою ужасную рогатую голову от Бена к Ночной Мгле и обратно.

— Что такое? — проворчал он низким неприятным голосом, напоминавшим скрежет камней по плотной земле. Его громадная неумолимая туша четко вырисовывалась на фоне леса. — Почему здесь Холидей, ведьма? — угрожающе вопросил он. — Какое отношение он имеет к твоему письму?

— К моему письму? — недоуменно проскрипела Ночная Мгла. — Я не писала тебе! Я сама пришла в ответ на послание королька!

— Глупая старуха, — промурлыкал дракон, словно кот в ожидании ужина. — Не трать мое время на идиотские препирательства. Записка была от тебя — твои слова ни с какими другими не спутаешь. Если ты хочешь предложить мне какое-то сокровище, так предлагай, и дело с концом!

Лицо у Ночной Мглы побледнело от ярости.

— Сокровище?!

Тут Бен понял, что происходит, ясно увидел, что с ними сделали, и инстинктивно ощутил, что бежать уже поздно. Каждому были посланы записки якобы от одного из остальных, но на самом деле от кого-то еще, чтобы заманить их сюда. Приманка и ловушка. Зачем? Он резко двинулся вперед, неожиданно заметив кого-то, появившегося всего на секунду, чтобы поставить что-то на землю, — высокую неуклюжую фигуру, немного знакомую. Неизвестный быстро отступил от Шкатулки, стоящей на краю помоста. Из нее поднимался дым или туман. Шкатулка была незнакомой, но человека этого он знал...

«Хоррис Кью!»

Что же все-таки происходит?

— Стой! — сумел выкрикнуть он, указывая на фигуру-марионетку. Чешуйчатая голова Страбона резко повернулась в ту сторону, и из его пасти вместе с угрожающим шипением вырвалось пламя. Руки Ночной Мглы опасно взметнулись вверх, и из кончиков ее пальцев вылетел волшебный злобно-зеленый огонь. Воздух затрещал. Рука Бена рефлекторно рванулась к медальону, и он призвал на помощь Паладина.

Но было уже слишком поздно. Вдруг вспыхнул свет, окружив их со всех сторон, — его источник явно был подготовлен заранее. Ловушка, рассчитанная на них троих, захлопнулась. Их потащило друг к другу и к Шкатулке, всех вместе: короля, ведьму и дракона, — и не осталось ни секунды, чтобы им попытаться действовать. Свет поймал их и пронес над бархатными скамьями и подушками, завязал магическим узлом, жестокую силу которого разорвать было невозможно. Сумрак и туман сомкнулись вокруг, поднимаясь и принимая их, словно они были долгожданным жертвоприношением. Они резко начали падать в бездонную невидимую дыру. Под ними разверзлась пропасть, все увеличиваясь по мере их приближения (а может, это они уменьшались в размере?), — огромное пустое жерло, неумолимо засосавшее их.

Но было нечто еще. Все они испытали странное чувство потери, словно какая-то важная часть того, что составляло их личность, сдиралась слой за слоем. И внутри каждого возник демон, безымянный бесформенный пугающий зверь, которого они держали взаперти и который внезапно и необъяснимо вырвался на свободу. И все трое завыли от ярости и отчаяния.

В последнюю секунду Бен с горечью подумал:

«Откуда у Хорриса Кью такая сила?»

А потом он устремился вниз вместе с драконом и ведьмой, потеряв голос и силы, и исчез в недрах Шкатулки Хитросплетений.

Когда они исчезли, Бурьян поднялся из сумрака на краю поляны за помостом и холодно прошипел Хоррису Кью:

— Подними Шкатулку.

Хорриса так трясло, что он не мог заставить себя даже пошевелиться. Он стоял, крепко стиснув руки, и его башмаки сорок шестого размера словно приросли к земле. Он был потрясен увиденным: Холидей, Ночная Мгла и Страбон были подхвачены волшебством, словно соломинки, и брошены в темные глубины Шкатулки Хитросплетений. Какая мощь! Да, Бурьян очень тщательно подготовил почву для ее проявления, чтобы можно было забросить сети магии и произнести заклинания, которые будут дожидаться всех троих. Вернее, он заста-

вил Хорриса сделать все это, так как Бурьян по-прежнему не мог действовать сам. Но Хоррис все равно смог увидеть всю мощь этого существа, и его психика испытала острые уколы и судороги, и тем не менее он не представлял себе, как все эти небольшие акты колдовства соединяются в столь удивительно мощное волшебство.

Рядом настоятельно зашипел Бурьян.

— Шкатулку, Хоррис! — прошептал ему на ухо Больши, усевшийся на его плече, и шепот птицы прозвучал отчаянной мольбой.

Хоррис вышел из оцепенения и поспешно заковылял к помосту. Он уставился на узорчатую влажную поверхность Шкатулки Хитросплетений. Но смотреть было не на что. Шкатулка опять была закрыта.

Хоррис подался назад, потея и тяжело дыша. Он медленно выпустил из легких воздух. Все сработало именно так, как обещал Бурьян. Тот сказал им, что записки привлекут всех троих — их самых главных возможных противников, единственных в Заземелье, от кого могла исходить реальная угроза. Чудовище сказало, что письма заколдованы, так что получатели не смогут устоять, даже если разум и осмотрительность будут предупреждать их об опасности. Оно сказало, что заклинания, волшебство и магические знаки власти, которыми они наполнили Сердце, так быстро заманят ничего не подозревающую троицу, что им не вырваться. И, наконец, им было сказано, что Шкатулка Хитросплетений — это тюрьма, из которой не выбраться.

Но Хоррис все равно не смог не спросить:

— А что, если они выберутся?

Бурьян рассмеялся, и этот звук был полностью лишен веселья.

— Им никогда не выбраться. Они даже не поймут, что им надо этого хотеть. Я об этом позаботился. Сейчас они уже лишенные надежды пленники. Им не известно, кто они. Им не известно, где они. Они затерялись в туманах.

Больши взъерошил перья.

— Так им и надо, — презрительно гаркнул он.

— Подними Шкатулку, — настойчивее приказал Бурьян.

На этот раз Хоррис мгновенно повиновался. Он послушно подхватил резную коробку, но все-таки на всякий случай держал ее на вытянутых руках.

— Что мы теперь будем делать?

Бурьян уже направился в лес.

— Мы уносим Шкатулку в пещеру и выжидаем. — Его голос звучал ровно и удовлетворенно. — После того как исчезновение короля вызовет достаточно сильную панику, ты с птицей еще раз

навестишь своих друзей в замке Чистейшего Серебра. — Бурьян двигался в темноте, как дым. — Только теперь ты захватишь для них небольшой сюрприз.

ГЛАВА 6
ЛАБИРИНТ

Рыцарь внезапно проснулся, изумленный и внимательный, приподнявшись, словно его дернули за невидимые нити. Он видел сон, и, хотя его содержание мгновенно забылось, впечатление от привидевшегося осталось четким. Дыхание и пульс его участились: казалось, во сне он немало пробежал. На теле под одеждой и у линии волос ощущался влажный жар. Было такое чувство, будто еще секунда — и что-то произойдет.

Его взгляд тревожно метнулся в окружающий его полумрак. Он находился в лесу из огромных стройных деревьев, которые колоннами поднимались вверх поддерживать небесный свод. Вот только небесного свода не было видно — над головой клубился туман, закрывавший собой все, даже самые верхние ветви. Лесная тьма была сумеречной, принадлежа и дню, и ночи одновременно, а может быть, утру или вечеру. Она была нереальной; и в то же время рыцарь инстинктивно знал, что это единственная реальность там, где он оказался.

Но где он?

Он не знал. Не мог вспомнить. С ним были другие.

Где они?

Он инстинктивно вскочил, ощутив тяжесть заброшенного за спину палаша, нож за поясом и кольчугу, закрывавшую его тело. Он был одет во все черное. Его свободная одежда была отделана кожей. На нем были кожаные сапоги, ремень и перчатки. Остальные доспехи должны были находиться где-то поблизости, хотя он их не видел. Но он знал, что они где-то поблизости: он чувствовал их присутствие. Его доспехи всегда были рядом, когда он в них нуждался.

Хоть он и не знал почему.

Под курткой у него на груди висел медальон. Он вытащил его наружу и стал рассматривать. Там был изображен он сам выезжаю-

щим на рассвете из какого-то замка. Медальон был ему знаком, и в то же время он словно видел его впервые. Что это должно было означать?

Он отмахнулся в смятении и снова всмотрелся в полумрак. На дальнем краю поляны что-то зашевелилось, и он быстро пошел туда. При приближении шагов фигура, которая там лежала, свернувшись калачиком, вытянулась и приподнялась на локтях. На лицо и плечи упали длинные черные волосы с одной белой прядью посредине, длинные одежды спустились к земле влажной тенью.

Это была дама. Она по-прежнему с ним. Она не убежала, пока он спал (а он знал, что она убежит, если ей представится такая возможность). Когда он оказался рядом, она подняла голову. Гибкая рука откинула назад иссиня-черные волосы. Ее бледное прекрасное лицо исказили гнев и отчаяние.

— Ты! — прошипела она.

Это единственное слово выражало всю глубину ее неприязни к нему и к тому, что он с ней сделал.

Он решил ближе не подходить. Рыцарь знал, как она к нему относится, знал, что она винит его во всем, что с ней произошло. С этим ничего нельзя было поделать. Отвернувшись, он осмотрел остальную часть поляны, на которой они спали. Поляна была небольшой и тесно окруженной деревьями. Но почему они тут оказались? Он знал, что они попали сюда чуть раньше. Они прилетели, и их преследовало... что-то. Он взял даму с собой — и еще кого-то, — спасаясь от зверя, который проглотил бы их всех.

Рыцарь покачал головой: при попытке заглянуть в прошлое в висках начала скапливаться боль. Прошлое было таким же туманным и сумрачным, как и настоящее, как лес, в котором он оказался.

— Верни меня домой! — вдруг прошептала дама. — Ты не имеешь права!..

Он повернулся и увидел, что она стоит рядом, сжав опущенные вниз руки в кулаки. Ее странные красные глаза пылали яростью, зубы обнажились в зверином оскале. Говорили, что она может колдовать, что обладает невероятной силой. Говорили, что надо стараться не вступать с ней в конфликты. Но рыцарь это сделал. Он толком не знал, как это произошло, но теперь уже ничего нельзя было исправить. Он взял даму из ее дома, из тихой гавани ее жизни, и увлек в этот лес. Он защитник короля и существует только для того, чтобы выполнять его приказы. Видимо, король отправил его за дамой, хотя он не мог вспомнить и этого.

— Рыцарь черных мыслей и дел! — презрительно бросила ему дама. — Трус, прячущийся за доспехами и оружием! Верни меня домой!

Возможно, она сейчас ему угрожает, готовясь применить против него свое колдовство. Но почему-то он был почти уверен, что это не так. Казалось, ее волшебство потеряно. Ведь он зашел уже настолько далеко, а она все еще стоит смиренно. Не то чтобы это было страшно. Он оружие, выкованное из металла. Он не столько человек, сколько машина. Колдовство действует на него не сильнее, чем брошенная в глаза горстка пыли: в его жизни колдовству нет места. Его мир — это мир простых правил и четких границ. Он ничего не страшится. Рыцарь не может уступать чувству страха. В его деле смерть всегда стоит так же близко, как жизнь. Он знает только сражения; и битвы, которые он ведет, могут закончиться либо его смертью, либо смертью врага. И тысячу сражений спустя он все еще жив. Наверное, его никогда не убьют. Наверное, он будет жить вечно.

Он отбросил эти мысли, пришедшие незвано и оставшиеся нежеланными.

— Ты едешь к новому дому, — сказал он. Пусть ее гнев уляжется, и наступит мир между ними.

Однако она тряслась от злобы, прижав кулаки к груди, напрягая мышцы шеи.

— Я больше с тобой и шагу не сделаю, — прошептала она, качая головой. — Ни единого!

Он бесстрастно кивнул, не желая вступать в словесный поединок, чувствуя, что это ему не по силам. Снова отвернувшись, он прошел на дальний край поляны и всмотрелся в сумрак за ее пределами. Деревья, тесно сгрудившись, словно связки гигантских палок, закрывали свет и горизонт — заслоняли собой все. Куда направиться? Он знал, что король будет ждать его. Так было всегда. Но в какой стороне находится замок?

Он повернулся, когда дама бросилась на него с ножом, который ухитрилась где-то от него спрятать. Лезвие его было темным и влажным от яда. Она вскрикнула, когда он сжал ее запястье, отстранил лезвие, а потом вырвал нож из ее руки. Она начала бить его и лягаться, стараясь вырваться, но он был намного сильнее и не поддавался ее ярости, легко с ней справившись. Она упала на землю, тяжело дыша. Возможно, она была близка к истерике, но отказывалась дать ей волю. Он поднял кинжал и забросил его далеко во мрак.

— Кидайся поосторожнее, рыцарь, — предостерег его новый голос, низкий и глухой.

И тут он увидел химеру, сидевшую поблизости. Она вышла из леса бесшумно, как полуночная тень. Желтые глаза твари, прикры-

тые полуопущенными веками, изучающе смотрели на него, и ничто в их змеиных глубинах не говорило о том, какие мысли занимают скрывающийся за ними ум.

— Ты решила остаться, — негромко проговорил рыцарь.

Химера рассмеялась:

— Решила?! Тебе не кажется, что в данных обстоятельствах это очень странное слово? Я осталась здесь, потому что идти некуда.

Химера была отвратительна на вид. Ее тело было скрючено и искорежено, руки и ноги кривы и угловаты, тело казалось сплошным комком сухожилий и мускулов, голова глубоко ушла в мощные плечи. Пальцы рук и ног были снабжены перепонками и когтями, и вся она была покрыта темной колкой щетиной. Лицо было сморщено, как высохшая груша, и все черты слиплись вместе, словно ребенок пытался вылепить что-то, туманно напоминающее человека. Из-под толстых губ высовывались клыки, нос был влажным и грязным.

На сутулых плечах слабо трепетали крылья — кожистые веера, слишком слабые, чтобы работать, напоминавшие какие-то нелепые придатки. Можно было подумать, что предки этой твари когда-то умели летать, но давным-давно позабыли, как это делается.

Рыцарь почувствовал отвращение, но не отвел взгляда. Уродство — это тоже часть жизни.

— Где мы? — спросил он химеру. — Ты осмотрелась?

— Мы в лабиринте, — ответила она, словно этим все было сказано.

Химера посмотрела на даму, которая при звуке ее голоса снова подняла голову.

— Не смотри на меня! — сразу же прошипела та, отворачиваясь.

— В какой части страны находится лабиринт? — продолжал расспрашивать сбитый с толку рыцарь.

Химера снова расхохоталась:

— В любой. — В ее пасти видны были желтые зубы и черный язык. — Во всех частях каждой части всего. Он находится на севере, на юге, на востоке, на западе и даже в середине. Мы в нем находимся, в него придем и всегда в нем будем.

— Она безумна, — быстро прошептала дама. — Заставь ее замолчать.

Рыцарь поправил тяжелый палаш за плечами и осмотрелся.

— Из любого лабиринта всегда есть выход, — объявил он. — Найдем выход и из этого.

Химера потерла руки, словно пытаясь согреться.

— И как ты это сделаешь, сэр рыцарь? — презрительно осведомилась она.

— Уж конечно, не сидя на одном месте, — ответил рыцарь. — Ты пойдешь с нами или нет?

— Оставь ее! — прошипела дама, быстро встав и поплотнее кутаясь в свои темные одежды. — Ей с нами не по пути! Ей не суждено быть с нами!

— «С нами»? — ехидно переспросила химера. — Вы теперь связаны, дама? Ты стала подругой и спутницей рыцаря? Какая неожиданность!

Дама оскалилась на мерзкую тварь и отвернулась.

— Я ни с кем из вас не связана. Я бы предпочла, чтобы меня убили прямо сейчас, — и делу конец.

— Я бы тоже предпочла, чтобы тебя убили, — согласилась химера.

Дама тут же снова стремительно повернулась к ней:

— Ты уродливая зверюга, химера. Будь у меня зеркало, я бы сейчас поднесла его к твоей морде, чтобы ты увидела, насколько ты отвратительна!

Химера содрогнулась от этих слов, а потом прошипела в ответ:

— А тебе нужно было бы засунуть зеркало внутрь, чтобы увидеть мерзость, овладевшую твоей душой!

— Прекратите ссору! — прогремел рыцарь, становясь между ними. Он вдруг преобразился: мужчина в темной одежде и кольчуге стал еще темнее. Казалось, окружающий его свет был втянут куда-то. Он был словно закован в тени. — Прекратите, — повторил он уже спокойнее. Темная оболочка вокруг него исчезла, и он снова стал собой.

Наступило долгое молчание, когда все трое смотрели друг на друга. Потом дама сказала рыцарю:

— Я тебя не боюсь.

Рыцарь устремил взгляд в темноту, словно не слышал ее слов. В глазах его отражалась растерянность — воспоминания об упущенных возможностях и неиспользованных шансах.

— Мы пойдем туда, — проговорил рыцарь и сделал первый шаг.

Они шли весь остаток дня, но лес, который был лабиринтом, не менялся. Полумрак упорно не рассеивался, туман цеплялся за вершины деревьев, а те не редели, если не считать попадавшихся время от времени полян. Ни вид, ни характер местности ничуть не менялись. Рыцарь вел их пешком (куда делся его конь?), стараясь двигаться по прямой, надеясь, что в какой-то момент лес кончится и появятся холмы или степи, которые должны же, конечно, находиться за деревьями, и тогда он сможет определить, что им следует

делать дальше. В пути он все время пытался разобраться в своих отрывочных воспоминаниях. Пытался сообразить, что он здесь делает, что привело его в это унылое место. Попытался припомнить, как с ним оказались дама и химера. Он старался пробиться сквозь туман, затянувший почти все его прошлое. Он был рыцарем на службе короля, победителем множества сражений, и это было практически все, что он знал.

Он упрямо цеплялся за это воспоминание, и оно не давало ему скатиться в безумие, куда его могли бы столкнуть безрезультатные попытки восстановить в памяти хоть что-то еще.

Им попадались ручьи, из которых можно было попить, — и они пили, но никакой еды не находили. И тем не менее голода они не чувствовали. И дело было не в том, что они чем-то наелись, — скорее голод их просто покинул. Рыцаря это озадачило, но он не стал говорить об этом вслух. Они шли весь день сквозь полумрак, который почти не менялся, а когда наконец наступила темень, остановились.

Они оказались еще на одной поляне, очень напоминавшей ту, первую. Лес вокруг не изменился. Они уселись втроем в сгустившемся мраке и уставились в темноту. Рыцарю не пришло в голову разжечь огонь. Им не было ни холодно, ни голодно, и в свете они не нуждались. В темноте они прекрасно видели. А еще они могли слышать звуки, которых не должны были бы слышать. Химера сидела чуть в сторонке, не желая снова выносить презрение дамы да и вообще не считая себя с ними чем-то связанной. Даже во время пути рыцарь ощущал эту отстраненность химеры, словно она сознавала, что их всегда будет разделять стена. Тварь скорчилась в темноте и, казалось, вросла в землю.

Дама сидела лицом к рыцарю.

— Ты мне не нравишься, — зло сообщила она. — Я рада была бы увидеть тебя мертвым.

Он бесстрастно кивнул:

— Знаю.

Она весь день была молчалива и погружена в свои мысли, двигаясь послушно, но неосознанно. Он время от времени поглядывал на нее: иногда она была открыто враждебна, иногда — так же растерянна и задумчива, как он сам. Она держалась так, словно на ней была броня, — прямо, гордо и смело, но в ней ощущалась ранимость, которую никак не могла скрыть и, казалось, даже понять, словно это было для нее чем-то новым и неожиданным.

— Почему бы тебе просто не отвести меня обратно? — вдруг настоятельно спросила она. — Почему ты не подчиняешь себе здеш-

ние обстоятельства? У тебя тут нет противника, с которым ты мог бы сражаться. Нет битвы, из которой ты мог бы выйти победителем. Почему ты так делаешь? Разве я тебе враг?

— Ты так сказала.

— Но только потому, что ты выкрал меня из моего дома! — с отчаянием выкрикнула она. — Только потому! — Она передвинулась по траве и подсела к нему почти вплотную. — Почему ты меня взял? — Он не мог дать ей ответа. Он его не знал. — Это твой король приказал тебе? Почему? — Он не мог вспомнить. — Что ему от меня нужно? Я никогда ему не помогу, что бы он там ни думал! Я не стану ни женой его, ни наложницей! Я буду его самым заклятым врагом, пока не умру!

Рыцарь вдохнул лесной воздух, пахнущий зеленой свежестью листьев и трав, мускусной влагой почвы, едкой сухостью коры и старой древесины. Как ответить на ее вопросы? Почему он не знает ответов? Он ушел в себя, пытаясь найти покой. Утешительно было понять, кто он и чем занимается. Ощущение некой надежности давали его сила и умение, вес оружия, ловко пригнанная одежда и кольчуга.

Но доспехов по-прежнему не было. Он ощутил их присутствие, становясь между дамой и химерой, но они так и не объявились. Почему так произошло? Доспехи потянулись к нему — и все же не показались, словно играли в кошки-мышки. Его доспехи словно безжизненны и в то же время словно обладают жизнью. Парадокс. Как и висящий у него на груди медальон, он — часть того, что он такое и кто он такой. Тогда почему он не может вспомнить, откуда они появляются?

Дама стояла перед ним безмолвной мраморной статуей, пристально глядя на него. Ему казалось, что она пытается вырваться из себя — и не может. Что она от него скрывает? Что-то пугающее. Какое-то глубокое, тайное признание.

Она сложила тонкие руки у себя на коленях. Лицо ее медленно наполнилось презрением.

— Ты бессилен, — горько объявила она. — Ты лишен воли и способности к самостоятельным поступкам. Ты инструмент любого, кто надел корону. Как печально!

— Я слуга короны.

— Ты ее раб. — Она чуть наклонила голову, и волосы ее блеснули искрой черного огня. Ее взгляд пронзал его. — Ты не способен принять решение, противоречащее приказу твоего господина. Ты не способен сам выносить суждения. Ты взял меня в плен, не спро-

сив, зачем это нужно. Ты делаешь все, что тебе велят, и тебя не заботят причины твоих поступков.

Ну какой смысл с ней спорить. Им обоим это ничего не даст. Он плохо владел словами, а она не обладала чувством чести и не умела повиноваться. Они пришли из разных жизней.

— Кто он, этот король, пожелавший мной обладать? — демонстративно осведомилась она. — Назови его имя.

И он снова не смог ответить. Он уставился на нее, чувствуя себя загнанным в тупик.

— Ты настолько невежествен, что даже такого не знаешь? — настаивала она, и ирония придала ее гневу еще большую остроту. — Или боишься назвать его мне? Кто именно?

Он молчал, но отвести взгляд не мог.

Она медленно покачала головой. Лицо у нее было жесткое и холодное, с этими темными волосами и бледной кожей, упрямым подбородком и сверкающими глазами. Но одновременно она была прекрасна. Она была безупречна, словно любимое воспоминание, приукрашенное временем, сточившим все острые углы, стершим все шероховатости, скрывшим все изъяны. Она очаровывала его, даже не прилагая к этому никаких усилий, не добиваясь этого. Она вела его мимо своего гнева и отчаяния, увлекая от того, что было, к тому, чего никогда не должно быть.

— Что бы я тебе ни сказал, — заставил он себя ответить, — это тебе ничего не даст.

— Так хотя бы попробуй! — прошептала она, и голос ее вдруг смягчился. — Дай мне хоть что-то!

Но он не мог. Ему нечего было сообщить. У него был только он сам, а он был ей не нужен. Ей нужны были причины, понимание — их у него не было. Он был в таком же недоумении, как и она сама, попав в неизвестное ему место, в непонятную ему ситуацию. Лабиринт был тайной, которую он не мог разгадать. Чтобы сделать это, надо было сначала из него вырваться. А это, как интуитивно чувствовал он, будет непросто.

— Ты не испытываешь ко мне совсем никакой жалости? — печально спросила она, но на этот раз в ее голосе прозвучала мгновенно выдавшая ее фальшь.

— Мои чувства не имеют никакого отношения к происходящему. Я выполняю то, что от меня требуется.

— И что же от тебя требуется? — взвизгнула она, снова переполняясь гневом и горечью, отбросив всю напускную беспомощность. — Ты выполняешь то, что тебе приказывают, жалкая ты тварь! Ты кланяешься и унижаешься, потому что больше ничего не уме-

ешь! Что от тебя требуется? Лучше бы мне попасть в самую черную пропасть на земле, чем хоть раз выполнить чей-то наималейший приказ!

Он невольно улыбнулся.

— Так и получилось, — ответил он. — Где же мы еще, если не там?

Она вмиг отпрянула от него, жалкая, растерянная. Они долго молча сидели рядом. Химера спала, гнусаво всхрапывая, подергивая конечностями, словно ступни и ладони ей прижигали раскаленным железом. Дама один раз взглянула на нее и снова отвела глаза. Она не смотрела назад. Она не смотрела на рыцаря. Она смотрела в какую-то точку чуть вправо от себя, где трава в тени увяла, а почва растрескалась и пошла пылью. Она сидела так очень долго, а рыцарь незаметно наблюдал за нею — помимо воли, неохотно. Она была настоящей тайной, но причина ее страданий была гораздо более глубокой, чем она готова была ему признаться. Эта причина была громадной и тщательно скрытой, и его слабый разум не позволял ему проникнуть в ее источник.

Он ощутил, что в нем поднимается какое-то странное чувство. Ему следовало бы сказать что-то, что умерило бы ее боль. Ему следовало бы сделать что-то, что облегчило бы груз ее страданий. И тут он задумался над словами, которые она ему выпалила, над обвинениями, которые она ему бросила. В них была правда. Он отдан служению другому человеку, подчинен чужим желаниям, отстаивает чужие интересы. В этом суть его жизни в качестве защитника короля. Рыцарь в доспехах, чьи оружие и сила решают все проблемы, — вот его роль. Если задуматься, то это казалось слишком малым. Это было определением его сути и тем не менее вмещалось в одну только фразу. И это — сумма всех его элементов? Неужели в нем больше ничего нет?

Кто он?

— Знаешь ли ты, что ты со мной сделал? — вдруг услышал он вопрос дамы. Он мгновенно повернулся к ней. Она не смотрела на него. Ее взгляд был по-прежнему устремлен на тот же кусок голой земли. По ее щекам пролегли влажные полосы, начинавшиеся от холодных, пустых глаз. — Знаешь ли ты? — с отчаянием прошептала она.

Ночные тени окутывали и Заземелье. Все восемь лун зашли, тучами затянуло небо и скрыло звезды. Темнота была глубокой. После дневной жары воздух стал безветренным и влажным, и вся земля затихла, упарившись.

Бурьян не испытывал неприятных ощущений, выйдя из пещеры и углубившись в окружавший ее лес. Он был волшебным существом и не конфликтовал с природой, в каком бы настроении она ни находилась. Чудище двигалось вперед, как облако черного тумана: таким оно стало после своего долгого плена в Шкатулке Хитросплетений. Но эта нематериальная форма уже начинала сгущаться и определяться, потому что свобода возвращала ему лицо и тело, которым оно обладало прежде. Уже очень скоро оно получит обратно и то, и другое. Тогда будет возможно отомстить всем тем, кто причинил ему зло. Этой мести Бурьян жаждал отчаянно.

Долгие века у него не было никаких других мыслей. Когда-то он был могущественным эльфом, существом, чья волшебная сила потрясала и внушала трепет. Он использовал ее таким образом, что вызвал ярость и отвращение своих родичей, обитавших в волшебных туманах — мире всех эльфов. Они объединились, поймали его в тот момент, когда он считал себя неуязвимым, и заточили его. Его бросили в туманы Шкатулки Хитросплетений — устройства, которое они создали с помощью собственного волшебства и из которого ничто не могло вырваться. Снаружи на Шкатулку поместили замки — и Бурьян не мог до них дотянуться.

Такое заточение должно было вымотать его, разрушить его волю, заставить забыть все, что он знал до заключения, и в конце концов превратить в пыль. Но эта попытка не удалась. Он оставался в ловушке очень долго, но ничего не забыл, и его ненависть к тем, кто был виновен в его пленении, только росла.

И стала очень большой.

Бурьян легко двигался в ночи. До места назначения идти было недолго, и он не спешил. Он подождал, чтобы Хоррис Кью и птица заснули: ему надо было скрыть от них свои планы. Они по-прежнему должны считать его своим другом. Конечно, он им не был. Человек и птица были пешками, и Бурьян соответственно ими распоряжался. Если им нравилось считать себя чем-то бóльшим, если они считали нужным делать это из-за собственной жадности и глупости — тем лучше. Это в естественной природе вещей. Они смертные существа и поэтому стоят намного ниже Бурьяна. Ими всегда можно пожертвовать.

Бурьян перевалил за вершину холма и оказался на краю Сердца. Остановившись, он выпустил свои щупальца зрения и слуха, вкуса и запаха и не обнаружил ничего необычного, ничего опасного. Он осмотрел ряды белых бархатных скамей и подушек для коленопреклонения, блестящий помост и штандарты, кольцо Лазурных друзей. Он смаковал присутствие волшебства, исходившего от зем-

ли здесь, в источнике жизни всей страны. Сила этого волшебства была колоссальной, но Бурьян был пока еще не готов в нее вмешаться. Этой ночью она послужит совсем другой цели. Более сильное волшебство может использоваться для создания меньшей по силе магии. Так будет и сегодня.

Бурьян сконцентрировался и отправил формулу вызова, которую приготовил заранее. Огненные линии, которые не жгли и не дымили, ударяли в землю и исчезали. Ответ был получен тотчас же: резкий скрежущий грохот, стон рушащейся каменной стены. Через мгновение грохот затих и наступила звенящая тишина.

Бурьян ждал.

И тут воздух перед ним разодрался, словно сделанный из ткани: сначала треснул, а потом расползся в стороны. В разрыве прогремел гром, гулкий и угрожающий. В ночи образовалась дыра, и из этой дыры раздались стук и бряцание облаченных в доспехи всадников и шипение и вопли животных, на которых они ехали. Звуки страшно усиливались по мере того, как всадники набирали скорость. Яростный ветер пронесся по всему Сердцу, разрывая штандарты и свистя в ближайших деревьях.

Бурьян не двинулся с места.

Со страшным ветром и шумом из дыры в пространстве и времени материализовались те, кого он призвал. Они были построены из пластин и шипов брони, щетинились оружием, ехали на кошмарных чудовищах, лишенных названия. Их было пятеро, массивных темных существ, которые исходили паром даже в этой жаркой ночи, чье дыхание со свистом и хрипом вырывалось из-под забрал их шлемов. Они были худыми и бездушными, как темные привидения, и от их тел распространялось невообразимое зловоние.

Прибыли демоны Абаддона.

Первым ехал тот, кого называли Железным Марком — их избранный вождь, громадный угловатый урод с выгравированными на доспехах змеями и ожерельем из вражеских голов вокруг шеи. Он поманил остальных, и они встали рядом, держа оружие наготове. И все как один стали наступать на Бурьяна.

Бурьян дал им приблизиться. Когда они оказались на расстоянии плевка, он исчез на их глазах во вспышке зеленого света, возник в качестве одного из них, снова исчез и, наконец, появился в виде двух змеиных глаз. Пробравшись под их доспехи, он любовно их облизал, показывая, что они — дружественные создания. Он нарисовал им картины ужасов, которые когда-то творил своему народу, и дал демонам посмаковать его злобность.

Когда они убедились в том, что имеют дело с одним из своих, обладающим не меньшей силой, чем они сами, и что он вызвал их не случайно, Бурьян мягко зашипел, чтобы заставить их внимательно вслушаться в его слова, и сказал:

— А что, если я приготовлю путь, по которому вы свободно войдете в Заземелье? — Он помолчал, слушая их нетерпеливое рычание. Все было слишком легко. — Что, если Заземелье и его жители будут отданы вам навсегда?

Право, слишком легко.

ГЛАВА 7

ВИДЕНИЕ

Расставшись с Матерью-Землей, Ивица какое-то время шла по лесу в направлении Вечной Зелени, погрузившись в раздумья. День был ярким и солнечным, напоенным запахом летних цветов и зеленых трав, лес был переполнен шумом и пением птиц. Под пологом громадных деревьев было красиво, тепло и уютно, но Ивица ничего не замечала. Она шла, ни на что не обращая внимания, погрузившись в себя, снова и снова возвращаясь к тому, что Мать-Земля сказала ей о ребенке.

Полученные указания не давали ей покоя. Она должна собрать почвы из этого мира, из мира Бена и волшебных туманов. Она должна смешать их и пустить в них корни, чтобы дитя могло благополучно родиться. Она не знала, сколько времени ей для этого отпущено. Не знала, когда родится ребенок. Не знала, где это произойдет. Не могла поручить кому-то другому собрать для нее эти почвы — она должна сделать это сама. Бен не может идти с нею. Он не может ей помочь. Никто не может.

Нет, почти никто. Эльфы выберут для нее проводника, который поведет ее на двух последних этапах путешествия. Но кого они пришлют?

Она холодела внутри, несмотря на то что день был теплый. В тот единственный раз, когда она побывала в мире Бена, она там чуть не погибла, так что воспоминания, оставшиеся у нее от того визита, были отнюдь не добрыми. А волшебные туманы были даже хуже, потому что таили неизвестность, — ее пугало то, что могло с

ней там произойти. Потомкам эльфов их предательский характер даже более опасен, чем людям. Туманы могут так сбить вас с толку, настолько лишить разума и воли, так изменить вашу сущность, что в конце концов вы будете для себя окончательно потеряны. Туманы выводят на поверхность те страхи, которые вы прячете в самой глубине души, облекают их в плоть и дают им власть уничтожить вас. Жизнь в туманах эфемерна, ее создают мысли и фантазии. Реальностью является то, что вы сами за нее сочтете, и эта трясина может поглотить вас, не оставив даже следа.

Страх Ивицы перед миром эльфов достался ей в наследство от предков, тех, кто когда-то был эльфами, кто пришел из туманов. Конечно, не все ее предки ушли оттуда: некоторые остались, удовлетворяясь своим бессмертием. Иногда она во сне слышала их голоса: они звали ее, уговаривали вернуться к их образу жизни. Прошли уже сотни лет со времени ухода эльфов из туманов, но призывный шепот не замолкал.

Для нее он был одной из реалий жизни, как и для других потомков эльфов. Но вот только ей придется вернуться, несмотря на все предостережения, которые неукоснительно передавались от родителей к детям всех потомков эльфов, — нельзя идти обратно, нельзя возвращаться. Но она это сделает. Она рискнет всей своей жизнью ради ребенка. Ее потребности и потребности ребенка — этот конфликт грозил разорвать ее на части.

Она продолжала идти вперед, споря сама с собой. Лес начал заметно меняться: деревья поднимались выше, местность выглядела по-другому. Она увидела, что подходит к Вечной Зелени. В ее планы не входило посещение города. Там находился ее отец, а она не хотела с ним видеться. Он был хозяин речных просторов, предводитель потомков эльфов, Владыка Озерного края. Они никогда не были близки и еще сильнее отдалились друг от друга, когда она пренебрегла пожеланиями отца и пошла к Бену Холидею, который только появился в Заземелье. Она знала, что они с Беном предназначены друг для друга, что у них будет общая жизнь, и решила, что, каковы бы ни были последствия, она найдет способ быть с ним. Некстати оказалось и то, что ему удалось стать королем, когда другие, жаждавшие захватить власть над Заземельем (включая и ее отца), надеялись, что у него ничего не получится. Некстати было и то, что она ушла жить к человеку, бросив свой народ. Отношения портила и ее близость с матерью. Владыка Озерного края все еще был влюблен в мать Ивицы, единственную женщину, которую он пожелал и которой не смог овладеть. Он стал отцом Ивицы в ту единственную ночь, когда был близок с этой лесной нимфой, а потом она снова

вернулась к своей прежней жизни, так как была слишком своевольной, чтобы жить где-то, кроме своего дикого леса. Владыке Озерного края было почти нестерпимо, что она время от времени является своей дочери и, по обычаю эльфов, танцует для нее, делясь чувствами и мыслями, которые не принадлежат миру слов. У него было много жен и еще больше детей. Он должен был бы быть доволен жизнью. Но он не был доволен. Ивица считала, что без ее матери он никогда не будет по-настоящему счастлив.

Она пробралась по коридору из гигантских белых дубов и косматых гикори, который вел к серебряной ленте реки, впадавшей в Иррилин, направляясь к старинным соснам, где в сумерки к ней придет мать. Она вспоминала свою прежнюю жизнь, жизнь до Бена, которую вела здесь, в Озерном крае, в качестве ребенка его Владыки. Она почти все время была одна и никогда не чувствовала себя любимой. Она держалась только благодаря твердой уверенности в том, что ждет ее в будущем, ожиданием Бена и своей жизни с ним: это ей еще в раннем детстве обещала Мать-Земля, и эта мечта питала и поддерживала ее. Мечта эта долго не осуществлялась, но, считала она, не жалко было любого срока, лишь бы она осуществилась.

Она вышла к потоку, нашла мелководье и перебралась на другой берег. Тут она впервые почувствовала на себе чей-то взгляд и остановилась. Взгляд этот был смелым и долгим. Она повернулась к нему навстречу, но глаза уже исчезли. Видимо, это был такой же потомок эльфов, как и она, — возможно, кто-то из подданных ее отца. Ей следовало бы знать, что она не сможет прийти в Озерный край незамеченной. Ей следовало бы знать, что ее отец этого не допустит.

Она вздохнула. Теперь, когда он знает, что она здесь, он настоит на том, чтобы с ней поговорить. И скорее всего это может произойти прямо тут.

Она снова повернулась к речке и попила из быстрины. Вода здесь была чистой и вкусной. Она взглянула на свое отражение в ярком блике, упавшем на поверхность: маленькая и стройная женщина, с виду почти девочка. Большие выразительные глаза, волной ниспадающие на плечи густые волосы, тонкие и нежные, как паутина, там, где они шли по наружной стороне ее рук и ног, окрашенные во всевозможные оттенки зеленого. Она была такой, какой отражалась сейчас в водах потока, но к тому же она регулярно преображалась в деревце, в честь которого получила свое имя. Это было результатом ее генетических особенностей, но именно это сейчас стало причиной путешествия, в которое она вынуждена отправиться. Ивица на минуту попыталась представить себе, насколько все

было бы иначе, обладай она другой кровью, родись от других родителей. С тем же успехом можно было задуматься над тем, что случилось бы, если бы она родилась человеком.

Ивица встала — и перед ней оказался Владыка Озерного края. Он был высок и худ, кожа у него была почти серебряного цвета, зернистая и блестящая, волосы на макушке, загривке и плечах были густыми и черными. Его лесная одежда была облегающей и неброской и подпоясывалась ремнем. На голове была тонкая серебряная диадема — знак его власти. Черты лица его были мелкими и резкими, нос почти отсутствовал, рот в виде узкой прорези не выдавал его чувств.

— Даже для вас это быстро, — приветствовала она отца.

— Пришлось спешить, — ответил тот, — раз моя дочь явно не намеревалась меня посетить.

Его низкий голос звучал ровно. Он был один, но Ивица знала, что его прислужники находятся поблизости, прячась среди деревьев так, чтобы все слышать и быстро откликнуться, если их позовут.

— Вы правы, — словно извиняясь, сказала она. — Не намеревалась.

Ее честность была для него неожиданностью.

— Смелые слова ребенка своему отцу. Ты теперь жена Его Величества и поэтому мною брезгуешь? — В его голосе появились гневные нотки. — Ты забыла, кто ты такая и откуда ты? Ты забыла свои корни, Ивица?

Она не пропустила ехидный намек.

— Я ничего не забыла. Скорее, помню даже слишком хорошо. Я не чувствую, чтобы мне здесь были рады, отец. По-моему, вам не очень-то приятно меня видеть.

Мгновение он молча смотрел на нее, потом, понурив голову, сказал:

— Ты считаешь, что это из-за твоей матери? Из-за моих чувств к ней? Возможно, и так, Ивица. Но я научился справляться с этими чувствами. Я понял, что это необходимо. Так ты пришла, чтобы увидеться с ней? — Он заглянул в ее глаза.

— Да. — Дочь смело выдержала взгляд отца.

— Относительно ребенка, которого ты ждешь?

Ивица невольно улыбнулась. Ей следовало бы знать: у Владыки Озерного края повсюду шпионы, а они с Беном и не пытались скрывать известие о ребенке.

— Да, — надменно ответила она.

— Ребенка от Холидея, наследника престола. — Каменное лицо отца ничего не выражало, но голос выдал его чувства. — Ты должна быть довольна, Ивица.

— А вы — нет, — с ехидцей произнесла она.

— Этот ребенок не будет потомком эльфов и, значит, не будет одним из нас. Это дитя — наполовину человек. Я хотел бы, чтобы это было не так.

Она покачала головой:

— Вы смотрите на все с точки зрения ваших собственных интересов, отец. Это ребенок Бена Холидея и, следовательно, еще одна помеха вашим попыткам завладеть троном Заземелья. Теперь вы уже не можете просто его пережить. Вам придется иметь дело и с его ребенком. Разве вы не это имели в виду?

Владыка шагнул вперед и остановился прямо перед ней.

— Я не стану с тобой спорить. Я разочарован тем, что ты и не собиралась сообщить мне о рождении моего внука. Ты готова была рассказать об этом своей матери, и желала, чтобы я узнал об этом последним.

— Но вам же было очень легко быть в числе первых, правда? — спросила она. — С вашими-то шпионами.

В наступившей накаленной тишине они смотрели друг на друга — сильфида и речной дух, дочь и отец, разделенные расстояниями, которые ничем не измерить.

Владыка отвел взгляд. Солнце отражало блики на его серебристой коже, пока он смотрел в тени, отбрасываемые огромными лесными деревьями.

— Это моя родина. Здесь мой народ. Важно, чтобы я в первую очередь помнил о них. Ты забыла, что это значит. Мы смотрим на вещи по-разному, Ивица. И всегда было так. Я всегда был слишком далек от тебя, чтобы суметь изменить это. Отчасти я сам в этом виноват. Мое отношение к тебе было испорчено тем, что твоя мать отказалась со мной жить. Я не мог смотреть на тебя, не вспоминая ее. — Он пожал плечами, медленно и картинно, словно отбрасывая в прошлое то, чего уже не вернешь. — И все же я любил тебя, дитя мое. И сейчас люблю. — Он снова посмотрел на нее. — Ты не веришь этому, да? Не принимаешь этого.

Она почувствовала, как в душе ее что-то слабо шевельнулось — воспоминание о том времени, когда ей этого хотелось больше всего.

— Если вы меня любите, — осторожно сказала Ивица, — тогда дайте мне слово, что всегда будете защищать мое дитя.

Он посмотрел на нее долгим и жестким взглядом, словно видел кого-то другого, а потом положил узловатую руку себе на грудь.

— Даю, — пообещал он. — В той степени, в какой это зависит от меня, твое дитя всегда будет в безопасности. — Он помолчал. — Но просить меня давать в этом слово было излишне.

Ивица заглянула отцу в глаза:

— А мне кажется, что, возможно, и следовало.

Владыка Озерного края вздохнул:

— Ты несправедлива ко мне, дочь. Но я могу это понять. — Он обратил свой взор к небу. — Ты сейчас пойдешь к матери или заглянешь со мной в город, в мой дом? Твоя мать, — поспешно добавил он, — не придет до ночи.

Ивица мгновение колебалась, и несколько секунд ей казалось, что она могла бы принять его приглашение, потому что оно было сделано от души, без задних мыслей: она это почувствовала. Но потом все-таки отрицательно покачала головой.

— Нет, я не могу, — сказала она. — Мне... надо побыть одной, прежде чем с ней встретиться.

Владыка Озерного края кивнул, словно ожидал именно такого ответа.

— Ты не думаешь, что она... — начал он и замолк, не в силах продолжить. Ивица ждала. Он отвернулся, потом снова посмотрел на нее: — Ты не думаешь, что она потанцует и для меня тоже?

Ивице вдруг стало грустно за отца. Ему было очень трудно задать ей этот вопрос.

— Нет, не думаю. Если вы со мной пойдете, она даже не покажется.

Он снова кивнул, как будто и этот ответ не был неожиданным. Тогда она нежно взяла отца за руку:

— Но я спрошу ее, не потанцует ли она для вас в другой раз.

Он ответил пожатием руки. Они еще немного постояли так, держась друг за друга, и Владыка Озерного края снова заговорил:

— Я кое-что скажу тебе, Ивица. Сама решай, верить мне или нет. Но мои сны не обманывают, и мое видение верно. Из всех потомков эльфов я — самый могущественный и ближе всех к нашему миру. Прислушайся к моим словам. Еще до того, как мне сообщили о рождении, я знал о ребенке. У меня были сны. Они показали мне вот что: появление этого ребенка изменит ход твоей жизни. Вы должны найти силы перед лицом тех перемен, которые принесет это дитя, — и ты, и твой великий властелин.

Ивица подавила внезапно нахлынувший страх:

— Вы видели лицо моего ребенка? Вы видели что-нибудь, о чем можете мне рассказать?

Владыка Озерного края медленно покачал головой:

— Нет, Ивица. Мои сны — это тени и свет на жизненном пути, и больше ничего. Если хочешь узнать что-то определенное, поговори с Матерью-Землей. Возможно, ее видения яснее моих.

Ивица кивнула. Он не мог знать, что она уже разговаривала со стихией. Мать-Земля этого не допустила бы.

— Я так и сделаю. Спасибо.

Она отпустила его руку и отступила на шаг. Направившись к лесу, она остановилась и настороженно оглянулась.

— Вы не будете пытаться следовать за мной?

Ее отец снова покачал головой:

— Нет. Если ты не забудешь попросить о танце для меня.

Она отвернулась, а через какое-то мгновение до него донеслось:

— Не забуду.

И она пошла, больше не оглядываясь.

День стремительно шел на убыль. Тени становились все длиннее, солнце заметно спустилось к западу с безоблачного неба и наконец исчезло за горизонтом, широко плеснув багрянцем. Ивица сидела на краю поляны посреди старых сосен, ожидая темноты и появления матери. Ивица пришла рано и провела время в воспоминаниях, размышляя о повороте в своей жизни. Она чувствовала, что ей надо это сделать.

Малышкой она часто приходила к старым соснам с огромным желанием увидеть мать. Она приходила, потому что испытывала потребность узнать, какая у нее мама. Ей казалось, что благодаря этому она будет лучше понимать саму себя. Мать-Земля предупредила ее, что ее мать может не приходить очень долго, что она будет робеть и, возможно, даже бояться встречи с брошенной дочерью. Но Ивица не отступалась: даже тогда она была упорнее, чем думали окружающие.

Но вообще-то Ивица всегда была не такой, как думали другие. Она начала жизнь маленьким, стеснительным, замкнутым ребенком, не очень симпатичным на вид, лишенным материнской заботы и ласки отца, и никто не предполагал, что она может стать совсем другой. Но она всех удивила. Ей помогла Мать-Земля: она поощряла и учила, но главные перемены исходили от самой Ивицы и осуществлялись в основном благодаря ее настойчивости. Сначала она ничего не говорила. Поскольку девочка в основном была одна, она очень рано поняла, что, если ей действительно чего-то хочется, она должна сделать это сама. Она научилась не отступать, работать не покладая рук и быть терпеливой. Она поняла, что если чего-то по-настоящему хочется, то всегда можно найти способ этого добиться. Упорство и решимость были у нее всегда — остальное пришло позже. Она стала прекрасной, хотя сама себя такой не считала. Другие восхищались ее красотой, она же думала, что ее внешность

слишком экзотическая. Поскольку ей многое пришлось делать для себя самостоятельно, она приобрела уверенность в себе и прямоту. Она научилась не бояться никого и ничего. Она развивала свои способности и знания с той же яростной решимостью, с какой делала в жизни все. Она была такой не потому, что боялась неудачи: ей даже в голову не приходило, что у нее может что-то не получиться. Она была такой, потому что иного себе не представляла.

В конце концов ей пришлось три года дожидаться появления матери. Ивица приходила к старым соснам по крайней мере раз в неделю. Она ждала целые дни, а иногда и ночи. Ждать было трудно, но не невыносимо. Хотя она никогда не видела матери, временами она ощущала ее присутствие. Это чувство приходило с шорохом листьев, с зовом какого-нибудь зверька, шепотом ветра, запахом нового цветка. Оно никогда не было одинаковым, но всегда было узнаваемым. Ободренная, она рассказывала об этом Матери-Земле, и та, кивая, говорила: «Да, это была твоя мать. Она наблюдает за тобой. Она всматривается. Может, когда-нибудь она покажется».

И... показалась. В летнюю полночь она появилась в лунном луче, вынеслась легким прыжком на поляну и, кружась, начала танцевать девочке, которая задохнулась от счастья, увидев ее. В ее танце было волшебство, и Ивица тогда же поняла и больше никогда не забывала, что жизнь у нее будет особой и удивительной.

И теперь, после стольких лет со дня первого свидания в старых соснах, она пришла снова. Она пришла рассказать матери о ребенке, которого носит, о путешествии, которое ей предстоит, о предостережениях, которые она получила. Ее чувства были в крайнем смятении. С одной стороны, она была счастлива предстоящим рождением их с Беном ребенка, с другой стороны — испугана предстоящим ей путешествием и встревожена предостережениями, полученными от Матери-Земли и отца. Больше всего ее тревожило именно это — предупреждения двух самых могущественных и волшебных существ Заземелья. Оба сказали, что ей надо быть осторожной, оба предсказали, что этот столь желанный ребенок изменит всю ее жизнь.

Дожидаясь темноты, она пыталась разобраться в своих чувствах. Она раздумывала над полученными ею предостережениями. Но ни то, ни другое не дало ей каких-то новых озарений. Единственное, чего она добилась, — это немного свыклась со своими новыми мыслями и чувствами. Если бы рядом был Бен, она могла бы все с ним обсудить. Но, поскольку это было невозможно, она вынуждена была прибегнуть к тому, что всегда помогало ей, пока она росла.

По большей части она надеялась на то, что мать сможет ей помочь. Они будут общаться так же, как всегда, — через танец лес-

ной нимфы. Танец даст видение, видение — озарение. Так бывало уже не раз. Ивица надеялась, что так будет и сегодня.

Сгустились сумерки, и высыпали бесчисленные звезды. К северу на небе были видны две луны, одна — бледно-розовая, вторая — персиковая. Ночной воздух благоухал сосновой хвоей и ночными цветами, на поляне воцарилась тишина. Ивица сидела, думая о Бене. Ей очень хотелось бы, чтобы он был рядом. Если бы он был с ней, все было бы гораздо спокойнее. Она не любила с ним расставаться. Ей казалось, она потеряла какую-то часть собственной души.

Ее мать появилась ближе к полуночи. Легкими прыжками она вынеслась из-за деревьев, передвигаясь от одного пятна тени к другому. Она была крошечным воздушным созданием с длинными серебристыми волосами, бледно-зеленой кожей, как у Ивицы, и телом ребенка. На ней не было одежды. Она пробежала по краю поляны, словно проверяя воду в подлунном озере, а потом снова спряталась за ветвистыми деревьями.

Ивица ждала.

Мать вернулась вспышкой серебряных волос и, быстро кружась, промелькнула мимо, прикоснувшись пальцами к ее щеке словно легким дуновением шелка, и снова исчезла.

— Мама! — тихо окликнула ее Ивица.

И спустя секунду мать танцуя вышла из леса на самую середину лунного света, потоком лившегося сквозь тяжелые ветви. Она кружилась, изгибалась и взлетала ярким сиянием, изящно взмахивая руками, протягивая их к дочери. Ивица ответно протянула руки. Они не прикасались друг к другу, но между ними начали течь слова, слышные только им двоим, — видения, рожденные мыслью.

Ивица вспомнила данное отцу обещание и первым делом заговорила о его желании увидеть, как танцует ее мать. Та мгновенно отпрянула, и Ивица не стала настаивать. Она заговорила о Бене и своей жизни в замке Чистейшего Серебра. На этот раз в ответе ее матери было счастье, но слабое и неглубокое, потому что ее матери была непонятна жизнь за пределами танца и леса, любая жизнь, не похожая на ее собственную. Она была отстраненно рада за Ивицу — на большее она была не способна. Ивица научилась принимать то, что могла дать ей мать, и удовлетворяться этим.

А потом она дала матери говорить с ней через танец, поделиться той радостью, которую она испытывала. Когда-то эта радость казалась Ивице пьянящей. Теперь она находила ее блеклой и пустой, эту ограниченную радость, связанную с потворством своим желаниям и эгоистическими удовольствиями, лишенную интереса к окружающим и заботы о них, в конечном итоге непонятную и даже печальную. Ивица

знала, что они обе не могут по-настоящему понять друг друга. Но они разделяли, что могли, получая благодарность и поддержку, вновь подтверждая существующие между ними узы.

А потом Ивица сказала матери о ребенке и тех поисках, которые ведут ее из Заземелья на Землю и в волшебные туманы, а оттуда — обратно.

Ее мать откликнулась мгновенно. Ее танец стал стремительным и необузданным. Ночная тишина сгустилась еще сильнее, мир за пределами залитой звездным светом поляны отступил еще дальше в темноту. Остались только мать и дочь и тот танец, который соединил их духовно. Ивица завороженно смотрела, поражаясь грации матери, ее красоте, ее сильной личности, ее инстинктивной реакции на необычную просьбу дочери.

И вот из странных, невероятных поворотов и кружений танца, возникая в разделявшем их свете, появилось видение, которого ожидала Ивица.

Но в видении ей предстало не дитя, а Бен. Она ощутила, что он потерян — потерян так, что сам этого не может понять. Он был собой — и в то же время кем-то другим. Он был не один. С ним было еще двое, и, вздрогнув, она их узнала. Ведьма Ночная Мгла и дракон Страбон. Все трое бились в трясине тумана и серого света, исходившего не столько снаружи, сколько изнутри. Они безнадежно шли вперед, пытаясь отыскать что-то, скрытое от нее, отчаянно тычась в разные стороны в безрезультатных попытках найти это.

А потом она увидела себя: ее тоже поглощало пятно тумана и серости, она потерялась так же, как и они, и тоже что-то искала. Она была рядом с ними (и в то же время далеко), настолько близко, что могла к ним прикоснуться, но не там, где ее могли бы увидеть. Она танцевала, кружась в призме света. Она не могла остановиться.

И было еще что-то. Чуть заметно сдвинув звук и свет, видение показало ей последний ужас. В показанном ей будущем она увидела, что Бен забывает о ней, а она забывает Бена. Она видела, как это происходит в сумраке и тенях: они отвернулись друг от друга. Они никогда друг друга не найдут.

И она услышала, как в отчаянии зовет его:

— Бен! Бен!

Когда видение померкло, Ивица оказалась одна. Поляна опустела, мать исчезла. Девушка сидела и смотрела в пространство, где танцевала ее мать, пытаясь понять, что ей было показано. О ребенке ничего не открылось — все касалось Бена. Почему? Бен в безопасности, он в своей резиденции, а вовсе не потерялся в туманной

тьме. И какие обстоятельства могли бы свести его с Ночною Мглой и Страбоном, его заклятыми врагами?

Все это казалось бессмысленным. Отчего еще сильнее не давало покоя.

Теперь ее сомнения стали еще острее. Ей хотелось сию же минуту отправиться обратно, вернуться в замок Чистейшего Серебра и убедиться в том, что с Беном все в полном порядке. Эта потребность была настолько сильной, что она готова была идти и больше ни о чем не думать.

Но она понимала, что не может сделать этого. Теперь ее долг — это ребенок и путешествие, которое должно обеспечить его благополучное рождение. Она не могла позволить себе думать о чем-то еще — не важно, кого это касалось, насколько сильны были ее тревоги. Сначала она должна выполнить обязанность, которую взвалила на нее Мать-Земля. Бен тоже согласился бы с этим. Больше того — он на этом настаивал бы. Ей придется предоставить событиям развиваться вопреки своим желаниям, пока она не будет в состоянии прямо в них вмешаться.

Тогда она встала, чувствуя себя более усталой, чем ожидала. События этого дня высосали все ее силы. Она вышла в центр залитой лунным светом поляны. Нагнувшись над тем местом, где танцевала ее мать, она начала копать землю голыми руками. Это было нетрудно: почва оказалась рыхлой и легко поддавалась. Ивица набрала несколько горстей и положила в мешочек, который захватила, чтобы нести в нем запас еды. Одна часть волшебства, нужного ее ребенку, уже у нее. Ивица стянула мешочек тесемкой и снова привязала его к поясу.

Она повернулась к востоку. Небо начало светлеть.

Сильфида в последний раз осмотрела поляну. Она ждала, молчаливая и опустошенная. Торжественные свидетели-сосны никогда не расскажут, что они видели. В течение долгих лет здесь происходило так много того, что стало неотделимой частью ее жизни. И теперь вот это.

— Да свидания, мама, — тихо прошептала Ивица, обращаясь в никуда. — Жаль, что ты не можешь пойти со мной.

Она стояла одна, снова вспоминая свое видение. Новый прилив тревоги заставил ее зажмуриться. Что с Беном? А что, если видение было правдивым? Она стиснула веки еще сильнее, чтобы заставить вопросы сгинуть.

Когда снова открыла глаза, она уже думала о том, что ждет ее впереди. Земля, мир Бена, который лежит где-то за волшебными туманами, где необходимо собрать вторую часть почвы. Но где имен-

но в его мире? Куда она должна пойти? Какая почва ей нужна? Какое волшебство?

А ее проводник?..

И тут она увидела кота: он сидел на бревне у края поляны и вылизывал переднюю лапу. Он был серебристого цвета, с черными мордой, хвостом и лапами. Он был стройный и ухоженный и совсем не казался хищным. Он перестал умываться и уставился на нее зеленющими глазами, такими же яркими, как ее собственные. У нее было странное чувство, будто он ее дожидается.

«Я знаю этого кота!» — вдруг поняла она.

— Да, конечно, — сказал кот.

Ивица молча кивнула. Ей надо было бы догадаться: эльфы прислали ей Дирка с Лесной опушки.

ГЛАВА 8

КРИСТАЛЛЫ МЫСЛЕННОГО ВЗОРА

Хоррис Кью, нервно посвистывая, трусил под полуденным солнцем по дороге, ведущей к замку Чистейшего Серебра. Еще самое большее километров пять — и они увидят его. Предвкушение смешивалось с тревогой, и от этой мешанины чувств у него началась ужасная изжога. Он обильно потел — и не только от жары. Уголок глаза снова сильно дергался. Вид у него был такой, словно он жонглировал невидимыми мячиками.

Он испуганно оглянулся. Никаких проблем, все на месте. Вьючный мул по-прежнему был привязан к другому концу веревки, послушно плетясь следом за ним. Два сундука по-прежнему были крепко прикручены веревками к раме для тюков. Больши по-прежнему восседал на них.

— Смотри на дорогу, Хоррис, — сказала майна.

— Я просто проверяю, — раздраженно ответил он.

— Не трудись. Я для того здесь и сижу. Просто иди себе. Шаг за шагом. И старайся не плюхнуться.

Хоррис Кью побагровел.

«Старайся не плюхнуться. Ха-ха! Дивная шутка!»

Все еще глядя назад, он открыл было рот, собираясь приказать птице заткнуться, оступился и моментально плюхнулся на дорогу. Она

была пыльной и сухой, и он пропахал носом немалую борозду и набрал полный рот грязи. Поднявшись еле-еле, он злобно сплюнул.

— Молчи, Больши! — рявкнул он, начиная отряхиваться. Его неловкое тело резко дергалось от его попыток привести себя в порядок. — Тут была выбоина! Выбоина! Если бы ты меня не отвлек, я бы увидел ее и ничего бы со мной не случилось!

Больши устало вздохнул:

— Почему бы тебе не наколдовать нам карету, чтобы доехать до замка, Хоррис? Или, может, лошадь. Лошади, пожалуй, хватило бы.

— Лошадь! Великолепная мысль — лошадь! — Хоррис гневно сжал кулаки. — Мы же должны быть просителями, идиот! Бедными, нищими просителями! Ты что, забыл план?

Мул зевнул и издал громкий вопль.

— Заткнись! — яростно взвизгнул Хоррис.

Больши моргнул и задумчиво наклонил голову.

— Дай-ка сообразить. План? Ах да, план. Теперь вспомнил. Это тот, который не сработает.

— Не говори такого!

— Не говорить чего? Что план не сработает?

— Ш-ш-ш! — отчаянно одернул его Хоррис, опасливо втягивая голову в плечи и озираясь по сторонам. Глаз его так и дергался. — Может, он нас слышит!

— Кто, Бурьян? Здесь, под полуденным солнцем, на этой пустоши? — Больши презрительно хмыкнул. — Не думаю. Он существо ночное и не любит долго бывать на солнце. Кажется, это называется вампиризмом.

Хоррис бросил на птицу негодующий взгляд:

— Ты ужасно храбрый, когда его нет поблизости, верно ведь?

— Я просто хочу кое-что доказать.

— Вчера вечером тебе, однако, не хотелось ничего демонстрировать. Я не слышал, чтобы ты критиковал этот план, когда нам его излагали.

— Так, значит, тебе нравится этот план, а, Хоррис? Правда? Ты уверен, что все получится?

Хоррис упрямо стиснул зубы и встал посреди дороги, повернувшись лицом к Больши и мулу. Кулаки он упер в бока.

— Конечно, все получится! — провозгласил он.

Больши фыркнул с нескрываемым презрением:

— Ну вот и прекрасно. Я все сказал. Какой мне смысл спорить с этим чудищем, этим вонючим Бурьяном, если ты собираешься только кивать и соглашаться с любой его глупой идейкой? Что мне остается делать, Хоррис? От тебя самого я тебя не спасу. В таком

настроении ты никого не слушаешь. И уж конечно, не послушаешь меня. В конце концов я ведь всего-навсего твоя ручная птица.

Хоррис заскрипел зубами:

— Ручные животные обычно обожают своих хозяев, Больши. Когда, по-твоему, ты начнешь это делать? Когда?

— Наверное, когда у меня появится хозяин, которого стоит обожать!

Хоррис с шипением выдохнул воздух:

— Я в этом не виноват! Я вообще ни в чем таком не виноват! Бурьян здесь появился только из-за тебя! Это ведь ты первым его вызвал!

Больши щелкнул клювом:

— Если я правильно припоминаю, это ты произнес заклинание!

— Ты сказал мне, что говорить!

— А тебе не обязательно было меня слушаться!

Хоррис швырнул на землю веревку, на которой вел мула. Его трясло. Под палящим солнцем было жарко — здесь, вдали от лесной тени, на сухой и пыльной дороге. На нем были грубые одежды — одежды просителя. И от них воняло потом. Он шел с полуночи, потому что Бурьян захотел, чтобы они оказались у ворот крепости перед самым заходом солнца сегодняшнего дня. Это было нужно для того, чтобы его впустили в замок на ночь. Он устал и проголодался (просителю не положено еды, а от этих отвратительных Лазурных друзей его тошнит). Терпение у него кончилось.

— Послушай, Больши. — Он старался говорить с птицей как можно спокойнее. — Я не желаю больше с тобой спорить. У тебя была возможность что-нибудь сказать до этого момента — ты этого не сделал. Так что слушай меня. Все у нас получится, понял? Получится! Может, ты в это не веришь, и, может, я тоже, но если Бурьян говорит, что получится, значит, так оно и будет!

Он наклонился вперед, словно деревце под сильным ветром.

— Ты видел, насколько легко он избавился от Холидея? И Страбона с Ночною Мглой? Вот так, Больши! — Тут он картинно щелкнул пальцами. — Позволь сказать тебе, если ты сам не заметил, что у Бурьяна много волшебной силы. Теперь, когда нет короля, дракона и ведьмы, кто сможет с ним справиться? Вот почему все получится. И вот почему я не намерен задавать глупых вопросов!

Майна пристально на него посмотрела:

— Тебе следовало бы прислушаться к собственным словам, Хоррис. Было бы очень невредно. Вот так он избавился от Холидея, ведьмы и дракона, ну? — И он щелкнул клювом, передразнивая презрительный жест своего напарника. — А тебе не пришло в голову, что от тебя он избавится так же легко? То есть зачем мы ему

вообще нужны? Ты себя об этом не спрашивал? Мы мальчики на побегушках, Хоррис, вот что мы такое! Мы суетимся и делаем то, что это чудище само сделать не может, но как только мы все сделаем... Что будет тогда? Если его так называемый план сработает, зачем мы будем нужны ему?

Хоррис Кью почувствовал, что у него вдруг оборвалось сердце. Может быть, Больши прав. Он все еще не забыл, как Холидея, ведьму и дракона затаскивало в Шкатулку Хитросплетений. Он все еще не забыл, как они пытались освободиться, исчезая в тумане. Когда он поднял Шкатулку, ему показалось, что он ощущает, как они бьются о стенки, словно попавшие в ловушку мотыльки. Интересно, что Бурьян сделал со Шкатулкой Хитросплетений после того, как Хоррис отнес ее в пещеру. А вдруг в ней осталось место для новых пленников?

Хоррис с трудом сглотнул.

— Будь уверен, мы все равно нужны Бурьяну, — повторил он, но теперь в его голосе уже не чувствовалось прежней убежденности.

— Зачем? — резко спросил Больши.

— Зачем?!

— Нечего за мной повторять, Хоррис. Я тебя уже об этом просил. Да, зачем? И раз уж мы занялись вопросами, то задай себе еще один. Если Бурьян собирается отдать нам все Заземелье, то что он собирается оставить себе самому? И не говори мне, что он затеял все это в качестве благотворительности. И не говори, что ему самому ничего не надо. С помощью этого плана он собирается чего-то добиться и пока не говорит нам, чего именно.

— Ладно, ладно! — Теперь Хоррис уже пытался защищаться. — Может, за ним и стоит больше, чем было сказано нам. Конечно, а почему бы и нет? Послушай, у меня идея! Почему бы тебе не спросить у Бурьяна, Больши? Если тебя это так беспокоит, почему ты его не спросишь?

— По той же причине, по какой его не спрашиваешь ты, Хоррис! У меня пока нет желания отправиться к Холидею и остальным!

— А мне вполне можно рискнуть, так?

— Пока ты ему нужен — можно. Думай головой, Хоррис! Он ничего с тобой не сделает, пока ты ему нужен! Тебя наверняка должно тревожить то, что случится потом!

Хоррис яростно топнул ногой. По его узкому лицу текли грязные от пыли струйки пота.

— Но это ничего нам не дает здесь, на дороге, почти у самых ворот королевского замка, так? — гневно заорал он. — У тебя есть еще какие-нибудь дельные предложения?

Больши снова взъерошился. Его темные глазки смотрели дерзко и колюче.

— По правде говоря, есть. Весь план зависит от того, сработает ли волшебство, которое нам дал Бурьян. Если не сработает, то маг и собака швырнут нас в самую глубокую темницу, какая только у них найдется. Когда мы были в замке в первый раз, нашим союзником был Холидей, а теперь он давно исчез. Из-за его исчезновения настроение у всех будет поганое. Так что, если волшебство не подействует, Хоррис?..

Хоррис Кью бросил на птицу угрожающий взгляд:

— Мне это начало надоедать, Больши. Правду сказать, ты начал мне надоедать.

На Больши это не произвело абсолютно никакого впечатления.

— Я предлагаю, чтобы мы сами попробовали одну штуку, а уж потом входили в логово врага.

Угроза стала еще более сильной.

— Бурьян велел нам этого не делать, забыл? Он прямо предостерег нас!

— Ну и что? — не унималась майна. — Это ведь не Бурьян рискует жизнью.

— Он сказал, чтобы мы ни в коем случае не пользовались этим! Насколько я помню, он говорил очень определенно! — Хоррис уже кричал. — А если он не шутил, Больши? Предположим... предположим на минуту, что он знает, о чем говорит! В конце концов, чья это магия, идиот?

Больши сплюнул. Нелегкое дело для птицы.

— Ты просто невообразимо туп, Хоррис Кью. Ты невероятно глуп. И к тому же близорук. И чрезвычайно труслив — даже для человека.

Тут Хоррис окончательно вышел из себя и бросился на Больши. Взревев, словно разъяренный лев, он намеревался разорвать его на части. Но Больши был птицей, а птицы легко могут увернуться от человека, просто взлетев. Именно это Больши сейчас и сделал, небрежно и лениво поднявшись в воздух, после чего начал кружить совсем рядом с дергающимся и подпрыгивающим магом. Единственное, чего Хоррис добился, так это до смерти перепугал мула, который громко и тревожно взревел и во весь опор умчался в лес.

— А, будь оно проклято, будь оно проклято, проклято, проклято!.. — забормотал Хоррис, прибавив еще кое-что непечатное, когда наконец немного успокоился и сообразил, что он натворил.

Даже с помощью Больши он целый час потратил на то, чтобы изловить мула с его бесценными сундуками. Измученные, обозлен-

ные и лишенные возможности выбрать новый план, маг и птица продолжили свой путь.

Солнце уже почти село, когда они наконец оказались у ворот крепости.

Советник Тьюс не знал, что еще предпринять. После исчезновения Бена Холидея прошло уже три дня, и по-прежнему было совершенно непонятно, куда он делся. Сопровождавший короля отряд, потеряв его вблизи Сердца, моментально вернулся в замок, и советник смог сразу же начать поиски. Отправленные им люди обшарили весь лес вокруг Сердца, а потом и всю местность в отдалении. И следа короля не было. Криминал мирно пасся там, где его, видимо, оставил Холидей, — и все. В Сердце были следы какого-то происшествия: порванные штандарты, опаленные скамьи и подушки для коленопреклонений, помятая трава, но определенно сказать ничего было нельзя, и было непонятно, что могло случиться с Холидеем. Тьюс сам отправился туда посмотреть. В атмосфере ощущались следы какого-то странного волшебства, но разгадать его суть было невозможно.

Короче, Бена Холидея нигде не было. Советник Тьюс быстро предпринял шаги, чтобы скрыть его исчезновение, приказав охранникам отряда, сопровождавшего короля, и тем, кто участвовал в его розысках, ни с кем не говорить о случившемся. Однако Абернети предупредил его, что это все равно что пытаться пальцем заткнуть течь в плотине. Такие известия долго в тайне не сохранишь. Кто-то наверняка должен проговориться, и как только весть об исчезновении короля распространится, наверняка начнутся неприятности. Если смуту не начнет Владыка Озерного края, так начнут лорды Зеленого Дола, особенно Каллендбор из Риндвейра, самый сильный из лордов, непримиримый враг Бена Холидея. Каллендбор сильнее остальных аристократов и правителей Заземелья был недоволен тем, что коронация Бена Холидея лишила его власти. Внешне признавая верховную власть Холидея и подчиняясь его приказам, в душе он кипел, словно перестоявший на огне котелок. И он не единственный будет рад известию об исчезновении Бена Холидея — каким бы образом оно ни произошло. Советник понимал, что ему надо каким-то образом сразу же покончить со всеми слухами.

Он придумал достаточно хитрый план, которым поделился только с Абернети и кобольдами: таким образом, число людей, которым была известна правда, оставалось достаточно небольшим, чтобы тайну можно было сохранить на какое-то время. Абернети

объявил о прекращении поисков и сказал, что Его Величество благополучно вернулся. Чтобы убедить охранников замка в том, что это правда, а не очередной слух, Тьюс с помощью магии создал изображение Бена Холидея, которое в полдень проходило по окружавшему замок валу, откуда его хорошо было видно находящимся внизу. Он даже заставил его помахать всем рукой. Такие появления были повторены несколько раз, чтобы увеличить число очевидцев. И действительно, известие распространилось с быстротой молнии.

Тем временем советник каждую свободную минуту (которых было у него слишком мало) проводил в волшебных путешествиях с помощью Землевидения, разыскивая Холидея по всему королевству. Его усилия не дали никаких результатов. Его Величества нигде не было видно.

Конечно, жизнь в замке Чистейшего Серебра шла своим чередом. Был тут Холидей или нет, но то, что нужно было сделать, делалось так, словно Холидей по-прежнему занимался делами. Добиться этого было значительно труднее, нежели вызвать пару-тройку магических изображений. Поскольку Холидей не мог принимать никого из своих многочисленных представителей и администраторов, являвшихся со всех концов Заземелья, советник Тьюс с Абернети вынуждены были принимать их вместо него, делая вид, что им это поручено. Некоторые из приезжих являлись издалека, чтобы повидаться с королем. Некоторые были вызваны. Все они были недовольны тем, что их перепоручили другим. Чтобы умерить подозрительность, советнику приходилось предпринимать все более отчаянные уловки. Он подделывал подпись короля на приказах. Он раздавал подарки. Он присуждал премии и выносил благодарности. Он даже попытался с помощью магии вызвать за занавесью голос Бена Холидея. В результате этой попытки у него получился женский голос, что заставило всех слушавших недоверчиво переглянуться: что за женщина могла оказаться там с Его Величеством? Советнику пришлось спасать положение, и он поспешно придумал, будто какая-то новенькая служанка приняла Холидея за постороннего. Кое-какая магия все еще не была как следует отработана.

Некоторую проблему создавало и отсутствие Ивицы: король исчез, никак его не объяснив. Так что теперь пропал не один человек, а двое. Но поскольку Холидей казался не слишком обеспокоенным по поводу исчезновения Ивицы, советник решил, что ему тоже не следует тревожиться — по крайней мере пока. По правде говоря, поскольку безопасность Ивицы сомнений не вызывала, у него могла быть только одна причина ее искать — чтобы рассказать ей об исчезновении Его Величества. Советник решил, что и без того хва-

тает беспокойств. Если к моменту возвращения сильфиды Бен не отыщется, тогда Тьюс и сообщит ей о случившемся. В конце концов силы его были не бесконечны!

И их в этот момент, пожалуй, не хватало. Успеть выполнить все обязанности Бена плюс те, что налагали на него собственные хитрости, было все труднее. Когда перед самым заходом солнца Абернети пришел к его двери с новостью, он был отнюдь не настроен спокойно его выслушать.

— Вернулись Хоррис Кью с птицей, — без всякого энтузиазма объявил придворный писец.

Советник поднял голову от кипы бумаг, свалившихся на него в отсутствие короля, и застонал:

— Опять? Что теперь нужно этому проходимцу?

Абернети вошел в комнату, закрыв за собой дверь. Вид у него был неважный — даже для собаки.

— Он желает говорить с Его Величеством, а ты что думал? Разве в последнее время не все живут только ради этого? И не трудись приказывать мне, чтобы я его отправил прочь. Я был бы счастлив это сделать, но не могу. На нем одежды просителя: я вынужден его впустить.

Советник прижал пальцы ко лбу и принялся растирать виски:

— Он случайно не сказал, что ему нужно?

— Он сказал только, что у него важное дело. Он не упоминал о своем изгнании, если ты это имеешь в виду.

— По правде говоря, я и сам не знаю, что я имею в виду! — Казалось, волшебник вот-вот начнет рвать на себе бороду. — Знаешь, Абернети, я очень люблю короля. Очень. Если помнишь, я сам его выбрал. Я увидел в нем нечто особенное — и я не ошибся. Он оказался именно тем королем, о котором мы мечтали, таким королем, которого Заземелью так долго не хватало. — Он вскочил. — Но, право, мне бы хотелось, чтобы он прекратил так часто исчезать! Сколько раз он уже такое выкидывал? Не понимаю, как он может совершенно о нас не думать! Исчезнуть посреди ночи, ускакать, не сказав никому ни слова, предоставив нам заменять его, пока он не вернется. Должен тебе сказать, что меня это просто бесит.

Абернети отвернулся и прокашлялся.

— Ну, если уж честно говорить, советник Тьюс, то король не всегда исчезал по своей вине. Я совершенно уверен, что он сам хотел бы, чтобы этого не происходило.

— Да-да, знаю. Мой брат и все такое прочее. Черный единорог. — Тьюс отмахнулся от объяснений. — И все же у короля существуют обязанности, и к ним следует относиться серьезно. Король в таких

вещах должен консультироваться со своими советниками. Для того советники и существуют... — Он вдруг замолчал. — Ты не думаешь, что его могли украсть, а? Тогда мы ведь уже получили бы требование о выкупе. Если только его не захватила Ночная Мгла. Она не стала бы возиться с выкупом. Она бы его просто уничтожила! Но разве Паладин не защитил бы его? Почему Паладин не приходит к нему на помощь...

— Советник Тьюс! — попробовал строго прервать его Абернети.

— ...какая бы опасность ему ни грозила? Какой телохранитель бросает своего господина...

— Волшебник! — раздраженно гавкнул пес.

Советник подскочил от неожиданности:

— Да! Что такое?

— Прекрати это, будь любезен! Какой смысл так терзаться? Мы понятия не имеем, что произошло с королем, но если мы потеряем голову, то уж точно ему не поможем. Мы должны сохранять спокойствие. Мы должны действовать так, словно он по-прежнему здесь, и надеяться, что он вернется. — Абернети резко вдохнул. — Ты в Землевидении ничего не нашел?

Смущенный советник покачал головой:

— Ничего.

— Может, тебе следует послать на поиски Сапожка? Кобольд может обойти больше, чем двадцать поисковых отрядов, вместе взятых, — и при этом никто его не увидит. Может, тебе следует разрешить ему попытаться найти Холидея?

— Да, — глубокомысленно кивнул Тьюс. — Да, возможно.

— А тем временем, — добавил Абернети, с трудом справляясь с желанием почесать себе брюхо ногой, — как насчет Хорриса Кью?

Советник снова сжал виски, словно Абернети напомнил ему о забытой головной боли:

— О боги. Он! Ну конечно, ему нельзя видеть Его Величества. Проклятие, зачем ему вообще надо кого-то видеть?

— А ему не надо, — ответил Абернети. — Но, если я правильно понял всю глубину его решимости, он не оставит своих попыток, пока лично не встретится с королем. Не думаю, чтобы он ушел.

Советник вздохнул:

— Да, я тоже не думаю. — Он замолчал, задумавшись. — Абернети, я ведь не похож на этого человека?

Абернети изумленно на него уставился:

— Что за странный вопрос!

— Ну, я испугался — а вдруг похож? Я хочу сказать, мы ведь оба занимаемся магией, правда? Люди иногда говорят, что все вол-

шебники друг на друга похожи. Ты ведь слыхал такое, да? Кроме того, мы оба довольно высокие и худые и иногда бываем неуклюжи, и носы у нас большие и... ну, черты лица резкие...

Абернети медленно поднял руку:

— Ты так же похож на него, как я — на его птицу. Пожалуйста, прекрати. Просто реши, будем мы сегодня с ним встречаться или нет. Я предлагаю не откладывать.

Советник кивнул:

— Согласен. Давай поскорее с этим покончим.

Они вышли из комнаты и спустились на два этажа ниже, туда, где посетителей заставляли дожидаться приема. Они странно смотрелись рядом: седовласый долговязый волшебник в живописных одеждах с разноцветными заплатами и лохматый пес в аккуратнейшем костюме. Советник всю дорогу ворчал, жалуясь на одно и обижаясь на другое, и до того достал Абернети, что тот довольно грубо попросил его замолкнуть. Два старых приятеля, которые невольно сделались неразлучными, прекрасно знали друг друга.

— Знаешь, Абернети, — признался волшебник, когда они оказались на первом этаже замка у поворота в главный зал, — я почти готов считать, что Хоррис Кью имеет какое-то отношение к исчезновению Холидея. Его неуклюжая магия вполне способна на такое: он вызывает неприятности то тут, то там — и все чисто случайно. Но такой силы у него просто нет! — Он снова немного подумал. — И ума тоже.

Абернети фыркнул:

— Для того чтобы представлять опасность, ума не надо.

Они прошли по залу к передней, где их дожидались Хоррис Кью и его птица, и решительно вошли.

Хоррис встал со скамьи. Птица сидела на спинке, остроглазая и гладкая. Рядом с ними стояли на полу два окованных железом сундука.

— Советник Тьюс и Абернети! — с преувеличенным восторгом вскричал Хоррис Кью. — Добрый вам вечер! Спасибо, что вы так быстро вышли ко мне. Я глубоко тронут.

— Хоррис, давай обойдемся без любезностей, ладно? Зачем ты снова сюда явился? Насколько я помню, тебе было велено дожидаться, пока король за тобой не пошлет. Разве он сделал это втайне от меня?

Маг виновато улыбнулся:

— Нет, к сожалению. Но я продолжаю жить этой надеждой. — Тут он немного ободрился. — Я пришел не поэтому, советник. Я здесь совсем по другому делу. Я хочу поделиться необыкновенной

новостью. — Замолчав, он с надеждой заглянул за их спины. — А что, Его Величества нет?

Советник поморщился:

— В данный момент нет. Что за новость ты принес, Хоррис? Надеюсь, она не имеет отношения к домашним животным.

— Нет-нет, — поспешно согласился тот. — Я помню свое обещание и не нарушу его. Никакого колдовства. Нет, это нечто совсем иное. — Он опять помолчал. — Можно ли мне поделиться этой новостью с вами как с придворными волшебником и писцом, раз Его Величество сейчас занят?

Тьюс произнес какой-то ответ, но Абернети пристально смотрел на птицу. Он сходит с ума или она действительно гадко хихикнула? Он бросил на майну возмущенный взгляд, но та только равнодушно распушила перья и отвернулась.

— Итак, — проговорил Хоррис, торжественно откашлявшись, — бывают моменты (и весьма нередкие), когда стрессы от работы и груз обязанностей оказываются чересчур сильными и мы чувствуем, что нам не мешало бы найти какое-то развлечение, которое помогло бы расслабиться. Я уверен, что вы с этим согласитесь. Я говорю сейчас не только о высоких персонах, но и о простых людях, работниках полей и заводов, магазинов и рынков, на наших фермах и в наших городах. Я говорю о каждом мужчине и женщине, юноше и девушке, которые стремятся сделать свою жизнь лучше и продуктивнее...

— Ближе к делу, Хоррис, — устало перебил его Тьюс. — День был очень напряженный.

Хоррис замолчал, улыбнулся и пожал плечами.

— Конечно. Значит, развлечение. Способ на несколько часов устранить из нашей жизни стресс. Полагаю, что я нашел нечто, что даст облегчение.

— Очень похвально, — бросил Абернети. — Но кто-то уже давным-давно сделал это открытие. Это называется игрой. Иногда ее ведут группы, иногда может играть один человек. Их существует множество. Ты открыл новую игру? Ты сюда ради этого пришел?

Хоррис Кью вежливо рассмеялся, хотя казалось, что он смеется сквозь зубы.

— О нет, речь идет не об играх. Это нечто совсем иное. — Помолчав, он заговорщицки подался вперед. — Кристалл мысленного взора! — хрипло прошептал он.

— Что? — переспросил Тьюс, морща лоб.

— Кристалл мысленного взора, — тщательно выговорил его собеседник. — Вы о нем слышали?

Советник не слышал, но не хотел признаваться в том, что ему неизвестно нечто, с чем знаком Хоррис.

— Возможно, кое-что и слышал. — Он поджал губы. — Но можешь все равно мне рассказать.

— Кристалл, — сказал Хоррис, поднимая кверху палец, — кристалл, в который вы смотрите, как в зеркало. А когда вы это делаете, он показывает вам образы прошлого и будущего, ваше изображение и изображения ваших близких. Эти изображения приятны и милы вам и позволяют на время забыть о ваших проблемах. Идеальное отвлечение от забот. — Он потер руки. — Позвольте вам показать.

Он сунул руку в свои одежды просителя и извлек оттуда кристалл, который поднял перед ними. Размер его приближался к ширине и длине большого пальца среднего человека. У него было пять граней, острая верхушка и плоское основание, и он был прозрачным.

— Хотите попробовать? — спросил он у советника Тьюса, протягивая волшебнику кристалл.

— Минуту! — Абернети мгновенно встал между ними. — Эта вещь магическая, так?

Хоррис спокойно кивнул:

— Да.

— Мне казалось, ты пообещал оставить магию, если тебя не попросят об обратном. Больше того, ты поклялся Его Величеству, что вообще ее бросишь. Что стало с твоей клятвой, Хоррис? Откуда взялся этот кристалл, если ты его не наколдовал?

Хоррис Кью поднял руки, успокаивая писца:

— Я не нарушил своей клятвы, Абернети. Это, — он снова протянул им кристалл, — было явлено мне во сне. Я спал в глухом лесу... э-э... — помялся он, — к югу отсюда. Я заснул после поста и размышлений о моих ошибках и дурных поступках, о которых вы мне напомнили во время моего первого визита. И мне приснился сон. Это было вещее видение. Во сне был явлен кристалл мысленного взора. Было рассказано о кристалле и о том, где примерно он находится. Мне было велено его отыскать. Проснувшись, я испытал непреодолимую потребность исполнить веление. Я послушался — и нашел его, как и было обещано. Зная, что мне еще не разрешено вернуться из изгнания, я почувствовал потребность принести его вам. — Он помолчал, глядя в пол. — Признаюсь: я надеялся, что он склонит вас к тому, чтобы взять меня обратно.

На Абернети это особого впечатления не произвело. Он не сдвинулся с места. Его собачья морда оставалась неподвижной, его со-

бачьи глаза смотрели пристально. Он не сомневался, что где-то тут кроется ложь.

— Ты ни разу в своей жизни не употреблял магии так, чтобы не причинить зла всем, кто с ней соприкасался. Я не могу поверить, что в случае с этим кристаллом мысленного взора все будет иначе.

— Но я же стал другим! — запротестовал Хоррис Кью, театрально взмахивая рукой. — Я переменился, Абернети. Я покаялся в прошлых грехах и принял решение следовать иным путем. Этот кристалл — мой первый шаг по этому пути. — Он гордо выпрямился. — Вот что я вам скажу. Почему бы вам не испытать его первыми вместе с советником Тьюсом? Тогда, если возникнут какие-то проблемы, советник сможет применить свою грозную магию и сделать со мной все, что пожелает. Вы ведь не будете спорить, что если это уловка, то он справится со мной, поскольку сильнее? И вообще — зачем мне идти на такой глупый риск в непосредственной близости от тех самых темниц, в которые вам так хотелось бы меня бросить?

Это была правда. Абернети колебался.

— Я готов ждать от тебя чего угодно, Хоррис, — пробормотал он.

— Хоррису ура, Хоррису ура! — вдруг закаркала птица, щелкнув клювом.

Абернети гневно посмотрел на майну.

— Что ты думаешь, советник Тьюс? — спросил он, оглядываясь на друга.

Волшебник непримиримо сжал губы:

— Тут повсюду стража. Если случится что-то непредвиденное, Хоррис отправляется в тюрьму и там остается. Я буду наготове, если надо будет противодействовать какому-то колдовству. — Он покачал головой. — Тебе решать, Абернети.

— Вы не пожалеете, — позволил себе вмешаться Хоррис, придвигая кристалл еще ближе к писцу. — Обещаю.

Абернети вздохнул:

— Ладно. Все что угодно, лишь бы покончить с этим. Что мне делать?

Хоррис расплылся в улыбке:

— Просто возьмите кристалл, держите в руке, загляните в него и думайте о приятном.

Абернети поморщился:

— Боже правый! Ладно, давай его сюда.

Протянув руку, он взял у просителя кристалл, поднял к глазам и начал в него смотреть. Ничего не произошло. Ну еще бы, с презрением подумал Абернети. Ничего удивительного. Однако предполагалось, что он должен думать о приятном, так что он попробо-

вал представить себе что-то такое, что доставило бы ему удовольствие, и у него получилась картинка, где Хоррис со своей птицей сидит в камере. Он решил, что такая мысль сразу же исправит ему настроение, и невольно начал улыбаться.

В следующую секунду кристалл вдруг засветился и приковал к себе, высвободив его из телесной оболочки и утащив его взгляд в многогранную глубину камня, во вдруг разгоревшийся огонь. Он ахнул. Что он видит? Там что-то было, что-то дивное, знакомое...

И тут Абернети увидел все очень ясно. В глубине кристалла был мужчина, стремительно выходивший из дома навстречу дню, приветственно машущий рукой друзьям, окликающий прохожих... В руках у этого человека были книги, он шел на работу. На носу у него были очки, а одет он был в церемониальную одежду придворного писца...

Нет!

Этим мужчиной был Абернети — таким он был когда-то. Абернети как человек. Абернети до того момента, как его превратили в пса. Он снова стал самим собой!

Внезапное ликование поднялось в душе собаки, смотревшей в глубь кристалла, радость, которой он не испытывал уже много лет. Внутри кристалла он снова стал самим собой! Он стал прежним! Его самым заветным желанием было снова стать человеком. На этом желании он даже не смел останавливаться, после того как узнал, что советник Тьюс, превративший его в пса, не может снова сделать его человеком. Бесчисленные попытки исправить положение провалились, и Абернети перестал надеяться. Но теперь, внутри кристалла, он снова получил возможность ощутить, каково это — быть человеком! Он чувствовал тело того, другого, словно оно было его собственным. Он мог заново ощутить, что значит быть человеком.

Внезапно эмоции, которые давала ему магия, оказались невыносимо сильными. Он быстро сжал кристалл в кулаке, стремительно погасив видение. Ему трудно было дышать.

— Как ты это сделал? — ядовито прошептал он.

— Я ничего не делал, — моментально откликнулся Хоррис Кью. — И мы не могли увидеть то, что видели вы. Только тот, кто держит кристалл, видит в нем образ. Это личностное видение, принадлежащее только одному. Теперь вы понимаете, каким полезным может оказаться это волшебство?

Абернети кивнул, уже представляя себе, насколько здорово было бы иметь возможность вызывать для себя такой образ всякий раз, когда ему захочется вспомнить, какой была его прежняя жизнь.

— Да, понимаю, — негромко ответил он.

Теперь вперед шагнул советник.

— Эта штука работает? — спросил он, поворачивая своего старого друга лицом к себе и заглядывая ему в глаза. — Угу, действительно похоже, что работает. С тобой все в порядке?

Абернети кивнул, не чувствуя в себе сил говорить. Он все еще думал о том, что показал ему магический кристалл, о том, как он вернулся в то состояние, в котором был когда-то. Он изо всех сил старался быть спокойным и не выдать своих чувств.

Ни Тьюс, ни Абернети не заметили, каким взглядом Хоррис Кью обменялся с Больши. «Ну-ну», — словно говорили они.

— Вы можете оценить возможное применение такого волшебства, — быстро проговорил Хоррис. — Если у вас есть кристалл мысленного взора, то вы в любую секунду можете уйти от монотонных трудов и стресса повседневной жизни. Не нужно участия посторонних, не нужно никакого оборудования. Используйте кристалл во время перерыва в работе — и возвращайтесь к ней с новыми силами! — Он благосклонно улыбнулся. — Разве вы не чувствуете себя счастливым и отдохнувшим, Абернети? — настойчиво спросил он.

Абернети с трудом сглотнул.

— Да, — согласился он, — чувствую.

— Ну вот видите! — расплылся в улыбке Хоррис. — Абернети, этот кристалл ваш. Я хочу подарить его вам. Этот дар — благодарность за то, что вы дали мне шанс осуществить мои надежды.

— Спасибо, Хоррис, — ответил Абернети с искренней радостью. Он уже представлял себе, как снова заглянет в глубину кристалла. Вся его подозрительность относительно мотивов, которые руководили магом, была забыта.

— Вот видите, — продолжил Хоррис Кью, опередив советника Тьюса, который собирался было выдвинуть дальнейшие возражения. — У меня есть еще некоторое количество таких кристаллов. По правде говоря, довольно большое количество.

Он повернулся к одному из окованных железом сундуков, открыл замок и торжественно откинул крышку. Сундук был доверху наполнен кристаллами мысленного взора.

— Тут их тысячи, — сказал Хоррис, взмахнув рукой. — В видении мне был явлен только один, но когда я пришел туда, где он был спрятан, я нашел там множество таких. Два полных сундука, советник. Я привез оба. Я хочу отдать их вам. Пусть это будет небольшим искуплением моих давних проступков. Мне не понятно, почему именно я был избран, чтобы их найти, но я очень рад этому и решил взять на себя ответственность за их должное употребление. Поэтому я сейчас поручаю их вам. Это мой дар Заземелью. Раздайте их людям, и пусть они наслаждаются образами, которые

найдут в этих кристаллах. Пусть у них будет немного счастья, которое поможет смягчить неприятные моменты их жизни.

Советник Тьюс и Абернети смотрели на полный сундук кристаллов, открыв рты.

— Возможно, когда у людей будут кристаллы, с помощью которых можно занять свободное время, в стране станет меньше насилия, — глубокомысленно добавил Хоррис Кью, глядя куда-то под потолок, словно он искал там высшую истину. — Возможно, в стране станет меньше войн и убийств из-за пустяков — ведь у людей появится более легкий и безобидный способ развлечься. Возможно, и дурных слухов распускать будут меньше. — Тут он исподтишка взглянул на волшебника и пса, не пропустив взгляда, которым обменялись эти двое. — Меньше станет пустой болтовни относительно того, управляют ли Заземельем так, как надо, и правильную ли политику ведут правители.

— Гмм... — советник задумчиво разгладил бороду. — Да, возможно. Они действительно работают? — еще раз спросил он, глядя Абернети прямо в глаза и взяв его за руку, в которой был зажат кристалл.

Абернети отдернул руку с кристаллом, сжав его посильнее.

— Конечно, у меня есть кристалл и для вас, советник, — поспешно проговорил Хоррис Кью. Обернувшись, он закрыл крышку сундука. — Они все теперь ваши. — И он широко зевнул. — Но хватит разговоров. Вам обоим уже следует спать, набираться сил для борьбы с новыми трудностями, которые всегда приносит новый день. Я утомил вас своим делом. Если бы у вас нашелся лишний матрас, я был бы в высшей степени вам благодарен. Утром я снова уйду и буду дожидаться... — Тут он замолчал. — Если только, — добавил он, словно ему это только что пришло в голову, — вы не сочтете возможным разрешить мне хоть немного помочь вам раздать эти кристаллы.

Он с надеждой улыбнулся и стал ждать ответа.

ГЛАВА 9

ГРИНВИЧ-ВИЛЛИДЖ

Ивица два дня шла по Озерному краю прямо на запад в обществе Дирка с Лесной опушки. Они направлялись к волшебным туманам и невидимой тропе, которая выведет их из Заземелья в мир Бена. Дирк направлял ее, по большей части незаметно. Он был

готов идти вровень с нею или даже следом, опережая ее только тогда, когда ее путь отклонялся от выбранного им направления. Он шел не спеша, отказываясь торопиться, и вел себя так, словно время никакого значения не имеет, а их путешествие — не больше чем прогулка по парку солнечным днем.

Ивица прежде встречалась с Дирком с Лесной опушки только один раз, но немало слышала о нем от Бена. Дирк был постоянным спутником Бена во время поисков черного единорога, после того как Микс, старший брат советника Тьюса и бывший придворный волшебник Заземелья, заставил Бена подумать, что он потерял медальон, дававший ему королевскую власть. Утратив свою личность, отвергнутый друзьями как самозванец, бывший король, трон которого занял Микс, был оставлен умирать в диких зарослях. Но эльфы, по причинам, известным только им одним, прислали Дирка с Лесной опушки, чтобы помочь Бену выяснить правду. Дирк сопровождал его в странствиях, давая непонятные кошачьи советы и некие туманные указания, которым должен был следовать новоявленный король. Бен выслеживал Ивицу, а та, в свою очередь, выслеживала черного единорога, и дело закончилось бурным поединком между Дирком и Миксом. Этот-то поединок и поспособствовал выздоровлению Бена.

Произошло это почти два года назад. С тех пор Дирка с Лесной опушки никто не видел. Но теперь призматический кот вдруг снова объявился, и снова его прислали эльфы, и опять никто, кроме них самих, не знал для чего.

Дирк с Лесной опушки и сам был существом из рода эльфов — одним из самых независимых — в той же мере кот, как и нечто другое, и посему поступал так, как хотел, несмотря на желания окружающих, отчего его цели было крайне трудно определить. Он это прекрасно продемонстрировал во время своего путешествия с Беном. Дирк был существом, обладавшим очень редким видом магии. Он мог переходить из плотской формы в кристаллическую, которая прочнее стали. В этой форме он мог ловить свет и превращать его в смертельный огонь. Дирк редко пользовался этой способностью, но владел ею прекрасно. Каким бы отстраненным и равнодушным Дирк ни казался, насколько ни отдалялся от происходящего вокруг, шутить с ним было нельзя.

Вот почему Ивица следовала за ним с уверенностью, что, если ей будет угрожать опасность, Дирк скорее всего сможет ее отвратить. Она предпочла бы, чтобы с ней был Бен, но этот вариант уже был отвергнут Матерью-Землей. Иногда приходится брать то, что дают. У Ивицы и без того было достаточно тревожно на душе, так что она была рада любому спутнику.

Дирку, казалось, на все было наплевать.

— Тебя прислали из-за Бена? — спросила она его в первую ночь похода. Они сидели рядом у небольшого костерка, который был разожжен по настоянию Дирка, чтобы прогнать какую-то воображаемую прохладу. Ивица собрала сушняк, а он его поджег. Она решила, что это начало реального сотрудничества.

Дирк старательно вылизывал одну лапу.

— Меня не прислали. Меня никогда не присылают. Я сам иду, куда хочу.

— Извини, — попросила она прощения. — Тогда почему ты захотел прийти?

Тот продолжал сосредоточенно обрабатывать лапу язычком:

— Право, не помню. Наверное, захотел.

— А ты можешь мне сказать, куда мы идем?

— На запад, — ответил кот.

— Да, но...

Дирк перестал умываться и бросил на нее свой кошачий взгляд, тот, в котором можно было прочесть хитренькую насмешку, глубокое понимание, серьезную озабоченность и полное изумление — и все одновременно.

— Погоди-ка секундочку. Я что-то тебя не понял. Разве ты не знаешь, куда мы идем?

Она смущенно покачала головой:

— Нет, не очень-то.

Он задумчиво посмотрел на нее.

— О Боже, — сказал он. — Ну ладно. Надо полагать, мы все-таки найдем дорогу.

И он снова принялся приводить в порядок свою и без того лоснящуюся шерстку.

Некоторое время спустя она снова осмелела и попробовала опять спросить его об этом же, только немного в другой форме.

— Мы должны добраться до волшебных туманов послезавтра, наверное, — осторожно проговорила она. — А оттуда куда мы пойдем?

К этому времени Дирк уже закончил умываться и сидел на траве у огня, свернув под себя лапки и зажмурившись.

Теперь его глаза приоткрылись щелочками.

— Мы пройдем через туманы в мир Холидея.

Глаза снова закрылись.

— А как мы это сделаем?

Глаза снова открылись, на этот раз немного пошире.

— Что за вопрос? Признаюсь, никогда мне не понять этих людей!

— Я сильфида.

— И я сильфид.

Ивица поджала губы:

— Я просто тревожусь за ребенка. От меня требуется сделать массу всего, чтобы он мог благополучно родиться, но я не знаю, как должна это сделать. Помоги мне, Дирк.

Дирк рассматривал ее с искренним интересом.

— Кошки рано начинают понимать, что тревогами мало чего можно добиться. А еще кошки знают, что обычно все как-то улаживается, даже когда от нас скрыто, как именно. Лучше всего заниматься насущными вещами и предоставить будущее будущему.

— Мне это кажется ужасной близорукостью, — осмелилась заметить она.

Кажется, Дирк пожал плечами: у кошек это не очень заметно.

— Я кот, — сказал он, словно этим многое объяснялось.

Ивица больше не заговаривала об этом ни в ту ночь, ни на следующий день, но к наступлению темноты они уже прошли Озерный край и оказались среди холмов, находившихся на границе с волшебными туманами, и тут кот удивил ее, заговорив об этом без ее подсказки.

— Завтра утром я проведу тебя сквозь туманы, — сообщил он, пока она собирала сушняк для очередного костра. Она расстелила поблизости свой плащ, и Дирк удобно там расположился.

Ивица, посмотрев на него, спросила:

— А ты сможешь?

— Конечно, смогу, — ответил он немного обиженно. — Я же там живу, ты забыла? Я знаю все тропинки и проходы.

— Да я просто не имею понятия, что́ именно ты можешь или не можешь. Я не знала, могут ли эльфы выходить из туманов в любом месте и в любой мир. Я думала, может, это как-то ограничено.

Дирк зевнул:

— Ты ошибалась. Кошки могут ходить где угодно. В этом нет ничего нового.

— А ты знаешь, куда мы выйдем? — не отступалась Ивица.

Он на мгновение задумался:

— Кажется, в городе Гринвич-Виллидж. А это важно?

Она почувствовала, что досада на него становится неудержимой.

— Да, важно. Я возвращаюсь в мир, где один раз чуть не погибла. Я иду туда против моей воли, ради моего ребенка. Я хочу войти туда, сделать то, что должна, и сразу же обратно... Есть ли надежда, что это получится?

Дирк встал, потянулся и снова сел.

— Понятия не имею. — Он серьезно смотрел на нее. — Надо полагать, все зависит от тебя.

— Да, но я не знаю, куда мы идем, — настаивала она. — Мне известно только, что надо собрать почву в мире Бена, но я не знаю, где ее предполагалось найти. Знаешь ли, мир этот слишком большой, чтобы его можно было весь обыскать.

— Ну, я не знаю, — сказал кот. — Я там никогда не был. Но для кота все места более или менее одинаковы. Я совершенно уверен, что мы без особых усилий найдем то, что нам нужно. У меня есть дар открывать тайны.

Она принялась укладывать ветки для костра, а закончив свое дело, отступила на шаг и снова посмотрела на Дирка с Лесной опушки.

— Сколько тайн ты знаешь, Дирк? — тихо спросила она. — Обо мне ты что-то знаешь?

Кот моргнул:

— Конечно.

— А о Бене?

— О Холидее? Да, несколько.

— А мне мог бы их раскрыть?

— Было бы желание. — Дирк принялся умываться. — Но коты по природе своей загадочны и не рассказывают то, что им известно. По большей части потому, что никто нас не слушает. Я часто говорил об этом с Холидеем, когда мы путешествовали вместе. Но он такой же, как все. Я говорил ему кое-что, а он не слушал. Я предупредил его, что он совершает ошибку, что кошкам известно очень многое, только никто никогда не обращает на нас внимания. Я предостерег его от такой ошибки.

— Я выслушаю, если ты мне что-нибудь скажешь, — предложила Ивица. — Расскажи мне что угодно, Дирк. Открой любую из твоих тайн. Я так мало знаю о том, что происходит, я буду рада даже наималейшей информации. Ты можешь мне что-нибудь рассказать?

Дирк посмотрел на нее и снова принялся за умывание. Сначала он лизал себя против шерсти, потом — по шерсти, время от времени останавливаясь и проверяя, по-прежнему ли она внимательно за ним наблюдает. Он не спешил закончить свое занятие, но Ивица терпеливо ждала, отказываясь тревожиться. Наконец Дирк закончил и устремил на нее свои зеленющие глазищи.

— У тебя родится дитя, — объявил он. — Но все сложится не так, как ожидаешь ты или Холидей. Ожидания — опасная вещь для родителей, знаешь ли. Кошки их не имеют, и это очень им помогает в жизни.

Она кивнула:

— Мы ничего не можем с собой поделать. Как и с тем, что не прислушиваемся к кошкам.

— Наверное, это правда, — согласился Дирк. — А жаль.

— Расскажи мне что-нибудь еще.

Дирк сузил глаза:

— А ты уверена, что хочешь услышать то, что я могу сказать? Ведь отчасти именно поэтому кошек никто и не слушает.

Она чуть помедлила:

— Да, я хочу это услышать.

— Хорошо. — Он немного подумал. — Вы с Холидеем на время будете потеряны друг для друга. По правде говоря, вы уже сейчас друг друга потеряли. Ты об этом не знала?

— Видение, — проговорила она чуть слышно. — Видение моей матери.

Дирк посмотрел в сгущающуюся темноту.

— Тебе не кажется, что ты слишком много времени думаешь о том, кто ты такая? Ты суетишься, пытаясь отыскать свою личность, хотя по большей части это очевидно как дважды два. Ты мучаешься вопросами о смысле и необходимости, забывая о том, что ответы в основном в тебе самой. — Он снова помолчал. — Кошки в этот анализ не включены. Кошки не тратят времени на подобные сомнения. Кошки заняты тем, что живут.

— Так значит, видение было истинным? — спросила она, стараясь спрятать все растущее в ней чувство отчаяния из-за того, что с Беном происходит что-то ужасное, что-то, над чем она не властна.

Дирк моргнул:

— Какое видение?

— Бен в опасности? — настаивала она.

— Откуда мне знать, — пробурчал Дирк, снова потягиваясь. — Отойди-ка от сушняка.

Ивица послушалась, и Дирк засветился в меркнущем сумеречном свете, начиная кристаллизовываться, превращаться из плоти и крови в жидкое стекло. Он втянул в себя свечение заката, двух первых лун и начавших высыпать звезд и метнул острый луч света из своих изумрудных глаз. Сухое дерево жарко вспыхнуло, и призматический кот трансформировался обратно, удобно устроился на плаще Ивицы, закрыл глаза и мгновенно заснул.

Ивица какое-то время наблюдала за ним, а потом и сама заснула.

Она спала плохо: ее преследовали видения, в которых Бена и их дитя отнимали у нее невидимые руки и утаскивали куда-то, так что

не оставалось ничего, кроме эха, печально повторяющего ее оклики. В ее сне без слов было ясно, что в происшедшем почему-то виновата она сама, что она подвела их в какой-то самый важный момент.

Утром ей не хотелось завтракать, и, поскольку Дирка еда не интересовала вообще, они умылись и сразу же после восхода солнца направились к волшебным туманам.

Начинался жаркий и безветренный день. Летний воздух навалился на землю душным одеялом даже здесь, в горной местности. Роса покрыла всю землю тонкой пленкой и влажной дымкой поднималась в первых лучах солнца. Ивица с Дирком продолжали уходить все выше и выше, пока не оказались у перевала. Дальше дорога пошла вниз, в серый полумрак туманов.

Уже через час они оказались у цели и вошли в волшебные туманы. На ходу они не разговаривали. Теперь Дирк с Лесной опушки пошел первым, уже не доверяя Ивице выбирать путь. Он шел прямо перед сильфидой, осторожно пробираясь через рытвины, в обход валунов, по голой земле, где без солнечного света не росла даже трава. Они шли в дымке по тропе, пока тропа не исчезла, а свет восходящего солнца не скрылся за туманами. Вокруг них не осталось ничего, кроме тумана, упорно клубившегося повсюду, поворачивавшегося то в ту сторону, то в эту, заставляя смотреть то туда, то сюда, уничтожавшего все представление о направлении, лишавшего возможности запоминать, куда они идут или откуда. Ивица старалась не обращать внимания на это клубящееся движение и сосредоточила все внимание на коте, который неспешно двигался вперед со своим обычным равнодушием. Казалось, он находит дорогу скорее случайно, чем целенаправленно. Он не смотрел ни вправо, ни влево и не оборачивался, чтобы проверить, следует ли она за ним. Время от времени он нюхал воздух и почти не проявлял никакого интереса к тому, что их окружало.

Шла минута за минутой, но Ивица не могла бы сказать, сколько именно их прошло. Понятия времени и пространства для нее потеряли смысл, все стало отупляюще однообразным. Сначала царила тишина, глубокая и одуряющая, а потом начались какие-то тихие звуки, словно лесные зверьки шебуршатся в траве или птицы трепещут в листве. Постепенно звуки стали определеннее, говоря о присутствии чего-то иного. Начали появляться лица — где-то на периферии зрения, где их можно было заметить только мельком. Лица были резкие и худые, с острыми ушами и вздернутыми краями бровей, с волосами, напоминавшими клочья мха или охапки соломы. За ее шагами наблюдали глаза, зоркие, как у совы. Народ

эльфов вышел посмотреть на нее, оценить ее и, возможно, позволить ей пройти. Она не смотрела на них, не отрывала взгляда от собственных ног, ступавших по следам Дирка с Лесной опушки. Она не смотрела, потому что боялась: если посмотрит, то пропадет в ту же секунду.

Что-то коснулось ее щеки, и на глаза у нее навернулись слезы. Что-то потерлось об ее руку, и она почувствовала прилив жара. По коже у нее поползли мурашки, во рту пересохло. «Не смотри, — говорила она себе. — Не оглядывайся посмотреть, что это». Она шла вперед, усердно следуя за Дирком, думая о ребенке, думая о Бене, который ждет ее где-то позади, стараясь справиться со страхом...

И вот наконец туманы начали редеть и впереди сквозь дымку показалось что-то определенное. Темнота окутывала стену из камня, скрепленного известкой. Свинцовое небо сыпало мелким дождем. До нее начали доноситься странные механические звуки и приглушенные крики. Стена поднялась высоко вверх и потерялась в полумраке. Позади нее туманы отступили, и она обнаружила, что стоит под дождем в переулке, который пролег между двумя гигантскими строениями, словно ущелье. Облака закрывали небо и цеплялись за верхушки зданий. Тени стекали по стенам и скапливались в основании. Запахи просачивались из растрескавшейся каменной поверхности у них под ногами — резкие и затхлые.

— Где мы? — с ужасом прошептала она.

В стороне что-то зашевелилось. Это оказался оборванец, устроившийся спать под слабым прикрытием дверного проема. Чтобы защититься от непогоды, он завернулся в куски картона. В руке он сжимал пустую бутылку.

Дирк принюхался к мужчине и отвернулся. Потом он взглянул в обе стороны переулка. Один конец оказался тупиком. Второй выходил на шумную улицу. Повернувшись туда, он начал осторожно переступать через мусор, высыпавшийся из опрокинувшегося контейнера. Двигаясь в направлении шума, он подрагивал от отвращения, которое внушало ему окружение. Ивица пошла следом.

Они шли к концу переулка, и постепенно сквозь дождь все четче вырисовывалась улица: уже можно было видеть транспорт, и звуки стали громче. Мимо ехали машины и автобусы, перемещавшиеся рывками, взревывая гудками, визжа тормозами. Об этих вещах Ивица знала по своему прошлому визиту. Она понятия не имела, что знает Дирк. Ее воспоминания были неприятными. Она уже ежилась от резких звуков и запахов. Собравший грязь и копоть дождь размазывался у нее под ногами и собирался в лужи в сточных канавах и выбоинах посреди отбросов. Всюду блестело разбитое стекло.

Дойдя до конца переулка, они выглянули на улицу. Машины и автобусы теснились в полумраке и мороси, медленно продвигаясь в одну сторону к другой линии транспорта, который полз в поперечном направлении. Над головой мигали красные и зеленые огни. Желтоватый свет лился из уличных фонарей и окон зданий с облупившейся краской и растрескавшейся известкой.

И повсюду были люди — в основном в длинных плащах, а некоторые и в резиновых сапогах. Они шли, пригнув головы, и несли странные приспособления (Ивица не знала их названия) для защиты от дождя. Они двигались, шлепая и шаркая ногами, переполненные безнадежностью. Кое-кто поглядывал на нее, но поспешно отворачивался. Одни влезали в машины и автобусы и вылезали из них, другие входили в двери и выходили наружу. Некоторые переговаривались, но большинство фраз было гневными окриками.

Дирк принюхивался и озирался по сторонам: казалось, он ничуть не смущен. А потом он вышел из переулка и повернул по тротуару налево. Ивица пошла за ним. Толпа людей подхватила их и понесла вперед. Ивица поплотнее запахнулась в свою накидку. Ей противна была близость людей и исходивший от них запах. Она вспомнила, что в таком мире жил Бен, но почувствовала, что не может себе это представить.

Дойдя до угла, они остановились, потому что остальные остановились тоже. Несколько человек бросили на Ивицу довольно нахальные взгляды, но она их игнорировала. Она оглядывалась на дома — некоторые из них были чудовищными монолитами из камня и стекла, уходившими к облакам, безликими и неприступными. «Неужели в таких домах живут люди? — удивлялась она. — Или они предназначены для чего-то другого?»

К своему изумлению, она обнаружила, что понимает разговоры окружающих. Она не должна была бы их понимать, ведь они не разговаривали на языках Заземелья, однако понимала. Она посмотрела на вывеску на углу улицы. Могла ее прочесть. Там было написано «Гринвич-авеню».

У нее над головой сменился свет, и люди начали переходить улицу. Она с Дирком пошла за всеми.

На другой стороне, примерно через квартал, какая-то женщина с кольцом в носу попыталась лягнуть Дирка, оказавшегося перед ней. Удар должен был бы попасть в цель, но почему-то прошел мимо. Женщина ударила ногой по железному ограждению полуподвального окна, потеряла равновесие и упала. Она яростно завопила и начала осыпать Дирка проклятиями, но кот прошел мимо, даже не взглянув на нее. Ивица последовала его примеру.

— Эй, леди, мелочишки не найдется? — спросил желтолицый мужчина с длинными волосами и стриженой бородой. Она покачала головой не останавливаясь. — А зеленый костюм в честь святого Патрика ты не поздновато ли надела? — крикнул он ей вслед и расхохотался.

Она наклонилась к Дирку.

— Мы понимаем их язык? — с любопытством спросила она.

— Понимаем, — ответил кот. — Это результат небольшого волшебства эльфов.

Они какое-то время шли в толпе. Дождь перестал, небо расчистилось. Машины и автобусы поехали быстрее. На перекрестках стало опаснее. Толпы немного поредели и стали другими. Мужчин и женщин в строгих костюмах сменил народ, одетый более небрежно и пестро. Тут были люди в коже, с цепями и в ботинках с обитыми металлом носками, двигавшиеся с демонстративной агрессивностью или небрежно прислонявшиеся к стенам, люди в длинных одеждах абрикосового цвета с бритыми головами и серьезными лицами, раздававшие всем какие-то бумаги, оборванные люди в сопровождении кошек, собак и младенцев и с маленькими рукописными плакатиками, на которых значилось «Помогите, пожалуйста» или «Хотим есть», люди с хозяйственными сумками и кошельками, тесно прижатыми к груди, всякие люди — у всех был неспокойный, настороженный вид, у всех глаза метались и выискивали позы либо бросали вызов, либо говорили о готовности к бегству.

От вызывающего вида людей Ивица слышала в свой адрес замечания: некоторые — нахальные и оскорбительные, некоторые — шутливые и любопытные. Кто-то пытался ее остановить, но она просто проходила мимо, следуя по тротуару за Дирком.

Когда они оказались на особенно оживленном перекрестке, Дирк остановился. На табличке было написано «Америка авеню». Дирк взглянул на Ивицу, словно говоря: «Вот видишь?» Ивица ничего не видела. Она не понимала, где они и почему именно здесь. Больше всего ей хотелось скорее добраться туда, куда они добираются, где бы это ни находилось, а потом поскорее уйти. Ей хотелось спросить Дирка, представляет ли он себе хоть немного, куда идет, но ей показалось, что он не хочет, чтобы она обращалась к нему в присутствии всех этих людей. Кроме того, у него, видимо, был какой-то план: по крайней мере с таким видом он шел по улице.

— Вы заблудились? — спросила молодая леди, остановившаяся рядом. У нее была темная кожа. На руках она держала маленького ребенка.

— Нет, — не задумываясь ответила Ивица и только тут поняла, что может не только понимать язык Бена, но и говорить на нем. Видимо, волшебство эльфов по-прежнему работало.

— Вы уверены? Вид у вас растерянный. — Она улыбнулась. — В этом городе очень легко заблудиться.

— Спасибо, со мной все в порядке, — взволнованно сказала Ивица.

Свет переменился, и женщина ушла. Дирк с Ивицей вышли на новую улицу, которая называлась Восьмая Западная. Повсюду были люди. Улицу украшали броские витрины: овощные лавки, магазины поделок с украшениями и яркой одеждой. Двери вели к еде, питью и всевозможным товарам. Ивицу зазывали продавцы: не хотите ли купить вот это, посмотреть вот на то? Некоторые из них улыбались, и она отвечала трогательной улыбкой, отрицательно качая головой.

— Какой роскошный вид! — произнес кто-то у нее за спиной, и она обернулась. На нее смотрел молодой человек со светлой бородкой, в длинном темном плаще, новеньких полуботинках, с кожаной папкой в руках. — Вы ведь актриса, правда?

— Нет. — Она покачала головой. Дирк шел дальше по улице. — Мне надо идти.

— Подождите! — Он зашагал рядом с ней. — Э-э... послушайте, я подумал... Ну, поскольку вы зеленого цвета, я решил... Раз вы в костюме, значит, вы актриса или еще кто. Как в «Кошках». Извините, я не хотел вас обидеть.

Она улыбнулась:

— Я не обиделась.

— Меня зовут Тони. Тони Паоло. Я живу в нескольких кварталах отсюда. Учусь, чтобы стать актером. Я на втором курсе Американской академии искусств. Вы там были? Там учился Дастин Хоффман. Дэнни де Вито. Куча народу. Я только что прошел прослушивание на Бродвее. Комедия Нейла Саймона. А это — мой портфель, ну, знаете, фотографии и прочее. — Он указал на папку. — Ролька крошечная, всего несколько фраз. Но это только начало.

Она кивнула, продолжая идти. Она понятия не имела, о чем он говорит.

— Послушайте, можно угостить вас кофе? Если у вас есть время?

Дирк остановился и вернулся. Обогнув ее ноги, он посмотрел вверх на Тони.

— Это ваша кошка? — спросил Тони. — Эй, кис-кис!

— Убери руки, — огрызнулся Дирк, когда Тони собрался его погладить.

Тони моментально выпрямился, удивленно уставившись на Ивицу:

— Эй, а вот это здорово! Как вам это удается? — Он ухмыльнулся. — Более удачного я не слышал. Сделайте еще что-нибудь.

— Поесть нам не помешало бы, — сказал Дирк.

— Ого, я даже не заметил, чтобы вы двигали губами! — изумленно воскликнул Тони. — Ну, талант! Перекусим, да? Ладно, почему бы и нет? Тут за углом как раз есть кафешка. Знаете Виллидж? Вы не оттуда?

Он провел их через толпу в маленькое заведение, где круглые столы были покрыты клетчатыми скатертями и на железных стульях лежали клетчатые подушки. Тони помахал кому-то за стойкой и занял место у выхода. Ивица и Дирк сели с ним.

— Что вы хотите? — спросил Тони. У него были прямые темно-русые волосы и быстрая ненавязчивая улыбка.

— Выбирайте вы, — сказал Дирк.

Тони так и сделал: заказал еду для себя и Ивицы и блюдце молока для Дирка. Когда принесли заказ, Ивица поняла, как сильно она проголодалась, и съела все, не разбирая, нравится ей это или нет. Тони ел, с удовольствием болтая о том, как здорово у нее получается чревовещание и о том, как он старательно учится на артиста. Дирк сидел обиженный, игнорируя молоко.

— Знаете, я забыл спросить, как вас зовут, — сказал Тони, не проглотив куска.

— Ивица, — ответила она.

— Правда? Отличное имя! Так вы профессиональная чревовещательница или у вас есть другая специальность? — Ивица недоумевала, что ей на это надо ответить. — Ладно, можете не говорить, если не хотите. Но, похоже, вы не актриса, так?

— Да, не актриса.

Когда они поели, Тони снова спросил у нее:

— Вы живете где-то поблизости?

Она взглянула на Дирка, который смотрел в сторону двери, словно готовясь уйти.

— Нет, просто приехала ненадолго.

— Откуда?

— Из Заземелья, — ответила она не задумываясь.

— Ага, это в Мэриленде, да? Знаю я Заземелье. А у кого вы тут остановились? У вас здесь друзья?

Она покачала головой:

— Мне надо идти, Тони. Спасибо за угощение. Надеюсь, вы станете хорошим актером.

Она встала и направилась к двери. Дирк уже вышел и стоял на тротуаре.

— Эй, подождите! — крикнул Тони, кинув деньги на столик и бросаясь следом за ней. Он догнал ее на улице. — Может, мы снова увидимся?

Она покачала головой, пытаясь сообразить, как себя вести. Тони шагал рядом.

— Я знаю, что это немного нескромно... ну, мне правда хотелось бы сводить вас в ресторан или в театр. Даже если мне для этого надо будет приехать в Заземелье...

— Она замужем, — объявил Дирк. — И очень любит мужа.

Тони остановился:

— О! Извините. Я не подумал...

Ивица с Дирком перешли дорогу, лавируя между машинами, оставив Тони в полной растерянности. Он проводил их внимательным взглядом.

Вскоре начало смеркаться: небо вдруг потемнело, солнце зашло, и снова вернулись облака. В сумерках опять загорелись уличные фонари. Ивица и Дирк сидели на скамье в парке с большой мраморной аркой у входа. Он назывался Вашингтон-сквер. Всего несколько минут назад он был полон народу: тут сидели люди с газетами и собаками, с малышами и игрушками, но теперь, с заходом солнца, парк быстро опустел. Остались только несколько стариков на скамейках да кучка юнцов под деревом в дальнем конце. Оборванец с собакой стоял с металлической кружкой на углу улицы.

Прошло всего несколько часов с тех пор, как Дирк с Ивицей вышли сюда из Заземелья, где стояло раннее утро, и это значило, что в этих двух мирах время движется с разной скоростью. «Как это влияет на старение, когда переходишь из одного мира в другой?» — пыталась сообразить Ивица. Может, она стареет не так, как Бен? Она смотрела в полумрак на то, как разгораются городские огни за пределами парка. Дирк сидел рядом с ней, свернув под себя лапки и закрыв глаза. Когда они остались одни, кот сказал Ивице, что надо дождаться ночи, когда в парке никого не останется, чтобы им никто не мешал. Оказалось, что здесь она должна собрать нужную ей почву, но Дирк с Лесной опушки не дал никаких определенных указаний. Он вообще крайне редко это делал.

Шло время, темнота сгущалась, а они все сидели на скамье и ждали. Ивица была терпелива, и ожидание ее не тревожило. Ей наконец-то открылось, почему кот хотел, чтобы она поела. Сама она могла бы обойтись без еды, но растущее в ней дитя нуждалось

в пище. Ивица посмотрела на кота, стараясь понять, настоящее это равнодушие или напускное.

Вскоре они остались одни, если не считать редких прохожих. Перевалило за полночь, но не было заметно, чтобы город собрался засыпать. Магазинчики закрылись, но те места, где подавали еду и питье, по-прежнему работали. На улицах все еще были люди — целые толпы шли в разные стороны, перекликались, смеялись и кричали, то ли направляясь куда-то, то ли откуда-то возвращаясь. Казалось, сон никого не интересует. Казалось, домой никому не хочется.

Ивица издали смотрела на людей и огни, пытаясь представить себе, каково это — жить здесь. Куда ни взгляни, всюду были камень, известка и стекло, здания стояли, словно шеренги солдат на марше, дороги были плоскими и бесконечными, земля виднелась только на маленьких площадках с усталой зеленью, как в этом парке. Все это напоминало кошмар. Тут не было ничего настоящего — все было искусственное, сделанное. Запах, вкус, цвет и ощущение этого мира накатывались на нее со всех сторон, грозя поглотить, словно крошечную искру огня в кромешной тьме.

Кто-то сошел с тротуара напротив и направился к ним — знакомая фигура в длинном плаще, с прямыми волосами и легкой улыбкой.

— Я смотрю, вы по-прежнему здесь, — объявил Тони останавливаясь. — Скажите мне правду, Ивица. У вас есть где переночевать? Я слежу за вами, и, похоже, вам идти некуда.

Она устремила на него свои изумрудные глаза:

— Идите домой, Тони.

— Вам ночевать негде, правда? — настаивал он. — Я прошел тут мимо пару раз проверить, не ушли ли вы, — и точно, вы тут. Вы не сидели бы в парке так поздно, если бы вам было куда пойти. Послушайте, я за вас тревожусь. Хотите где-нибудь завалиться?

Она непонимающе уставилась на него:

— Что?

— Лечь спать, на ночь. — Он повернул кверху раскрытые ладони. — Обещаю, что не стану клеиться. Честное слово!

— Клеиться?

— Вы сказали мне, что замужем, так? Ну и где ваше кольцо? Считаю, вы все выдумали, но это не важно. Я просто хочу, чтобы вы знали: я вовсе не планирую брать вас силой. Просто вы мне понравились. Я не хочу, чтобы с вами что-то случилось. В городе опасно.

Дирк встал, потянулся и зевнул. Не говоря ни слова, он спрыгнул со скамьи и пошел через парк. Ивица бросила быстрый взгляд

на Тони, а потом встала и пошла следом. Дирк прошел по парку с севера на юг, неспешно шагая и принюхиваясь то к одному, то к другому. Казалось, он никуда не торопится и не имеет никаких определенных планов.

— Здесь опасно, — повторил Тони, шагая рядом с Ивицей и озираясь. — Особенно ночью. Вы просто не знаете.

Она покачала головой:

— Со мной ничего не случится.

— Но я не могу вас тут бросить! — заявил он. — Послушайте, тогда я составлю вам компанию, ладно? И не говорите мне, чтобы я шел домой. Я не пойду.

Дирк прошел к месту под старым тенистым деревом, спрятавшимся в зарослях молодых кленов в дальнем конце парка. Тут земля была лишена солнца и так истощена, что трава почти не росла. Именно здесь какая-то мама читала дотемна, лежа на одеяле вместе со своим малышом. Дирк немного принюхался, а потом уселся дожидаться Ивицу.

— Здесь, — только и сказал он.

Ивица кивнула. Встав на колени, она прикоснулась к земле и поспешно отдернула руку — у нее было такое чувство, словно ее ударило током.

— На этом месте произошло очень многое, — тихо проговорил Дирк с Лесной опушки. — Здесь зарождались великие мысли и страшные планы. Здесь делились надеждами и помыслами. Здесь убивали и уродовали и виновных, и невинных. Один раз здесь родился ребенок. Здесь прятались звери. Здесь шептали обещания и заключали любовные союзы. — Он посмотрел на Ивицу. — Эта почва пропитана воспоминаниями. Это — источник и прозрение многих жизней.

Тони подошел поближе:

— О чем вы говорите? Это все ведь не кот сказал? Ну, то есть, конечно, не кот... я хочу сказать, такого ведь не бывает, правда? Но звучало точно, словно это был он. Что тут происходит?

Не обращая на Тони внимания, Ивица начала копать. Она использовала охотничий нож, который был у нее под накидкой, взрывала землю, поднимала кверху нижние пласты, чтобы получить качественный материал. Жизненная сила и воспоминания других, чтобы напитать ее дитя... Чем они послужат: бальзамом, противоядием или еще чем-то? Будут они залечивать или обжигать — Ивица не знала. Она знала только, что эта почва сделает ее дитя сильным, будет ему защитой, сообщит правду жизни, как ее понимают люди.

Закончив копать, она начала укладывать почву в тот же кожаный мешочек, в котором уже была почва, взятая у старых сосен. Тони продолжал что-то говорить, но она не обращала на его слова никакого внимания. Дирк неспешно ушел навстречу какой-то кошке.

Ивица наполнила мешочек до половины и снова туго затянула шнурок. Потом она встала и повернулась лицом к Тони.

— Ну, это ужасно странно, — говорил он. — Заползли в парк посреди ночи и накопали мешок грязи? А какой в этом смысл? Послушайте, вы что, ведьма? Вы занимаетесь каким-то...

Он неожиданно замолчал и посмотрел куда-то за ее спину. На его лице отразилась тревога. Она обернулась. Позади нее стояла шайка парнишек, наблюдавших за нею. Казалось, они возникли из ниоткуда — так тихо появились. Возраст и рост у них был самый разный, но на всех были черные футболки и голубые джинсы. На некоторых были кожаные куртки. На футболках и куртках были какие-то надписи, но слов она не понимала. Один из них держал бейсбольную биту, другой — ломик. У нескольких были татуировки. У всех были жестокие, морщинистые лица и тусклые подлые глаза.

Она поспешно поискала взглядом Дирка, но призматического кота нигде не было видно.

— Что в мешке, ведьма? — с ухмылкой спросил один из них.

— Эй, послушайте, мы не хотим неприятностей, — начал было Тони, но говоривший шагнул вперед и ударил его по лицу. Тони упал на колени с окровавленным носом.

— Я спрашиваю: что в мешке? — снова повторил говоривший, протягивая руки к Ивице.

Она увернулась без труда и спокойно остановилась перед Тони.

— Лучше отойдите от меня, — предупредила она.

Несколько парней рассмеялись. Один сказал что-то насчет того, что ей надо дать урок. Все одобрительно зашумели.

Сбоку из теней появился Дирк с Лесной опушки.

— Думаю, вам не следует больше ничего говорить. Думаю, вам следует уйти.

Парни недоверчиво уставились на него. Послышались резкие возгласы и хохот. Говорящая кошка! Они осторожно подвинулись, окружив Ивицу и Дирка. Тот, у которого была бита, пошел вперед.

— Эй, киска, — сказал он, — как насчет пощекотать твои ребра?

В следующую секунду Дирк начал светиться. Члены шайки остановились, прикрывая глаза руками. Сияние стало сильнее, и Дирк

начал менять облик. Его кошачья фигура исчезла, сменившись чем-то настолько ужасающим, что даже Ивице стало страшно. Он стал чудовищно уродливым и огромным, словно видение из Абаддона: сплошные зубы и когти. Круг нападающих распался. Большинство бросилось бежать, окликая товарищей и осыпая Дирка проклятиями. Несколько парней застыли на месте в нерешительности и очень скоро об этом пожалели. Дирк зашипел с такой силой, что сбил их с ног, так что они откатились на сотню метров и остались лежать, ошарашенные и ушибленные. Немного опомнившись, они вскочили и бросились бежать следом за остальными.

В считанные секунды парк снова опустел.

Дирк перестал светиться и снова превратился в кота. Он минуту смотрел вслед парням, а потом зевнул и начал умываться.

Ивица помогла Тони подняться.

— С вами все в порядке? — спросила она.

Он кивнул, но все лицо у него было в крови.

— Как это кот мог?..

Договорить не дала Ивица.

— Идите домой, Тони, — сказала она, отряхивая его плащ. — Идите.

Тони пристально посмотрел на нее, и ей не понравилось выражение его глаз. А потом он повернулся и, спотыкаясь, ушел в темноту. Она смотрела ему вслед, пока он не добрался до улицы и не завернул за угол здания. Даже не оглянулся. Она решила, что больше его не увидит.

Ивица устало повернулась к Дирку. Ее тошнило, словно невыносимая жестокость мира Бена сумела пробраться в самую глубину ее души.

— Я не хочу больше здесь оставаться. Мы уже можем идти?

Дирк моргнул, блеснув зеленющими глазами.

— Тебе было необходимо сюда прийти, — напомнил он ей.

— Да. Но теперь мы закончили?

Дирк резко встал и пошел вперед.

— Какое нетерпение! Ну хорошо. Волшебные туманы в той стороне.

Ивица почувствовала, как у нее мурашки пробежали по коже. Волшебные туманы. Но она сделает все необходимое. Для нее, для Бена, для их будущего ребенка. Последний этап путешествия, и она снова будет дома.

Ивица решительно двинулась в ночь.

ГЛАВА 10
МАРЕВО

Через три дня блужданий по лабиринту рыцарь, дама и химера набрели на город.

Был уже вечер, но свет только чуть заметно померк: теперь они уже знали, что здесь никогда не бывает светлее сумерек. Они упорно шли по неменяющемуся лесному миру и вдруг, поднявшись на вершину холма, совершенно неожиданно увидели город. Скопище хлипких дощатых строений и грязных нечетких улиц жалось в лощине, где деревья были срублены. Казалось, лес обтекает его, словно воды реки — остров. Ни к городу, ни из города дорог не видно. Люди там были: рыцарь видел, как они ходят по улицам. Были там и животные, хоть и очень неприглядные, словно задавленные жизнью. В нескольких окнах светились огни. На их глазах загорелось еще несколько окон. Но это был слабый и удивительно безнадежный свет, словно слишком много раз огни вели свою борьбу с приближающейся ночью и смертельно устали.

Наверху, там, где деревья расступились, не было видно ни лун, ни звезд — только бесконечная пелена непроницаемого тумана.

— Люди, — сказала химера, и в ее голосе прозвучали удивление и отвращение.

Рыцарь ничего не сказал. Он думал, что устал двигаться по этому безрадостному миру, где все казалось одинаковым и ничто не менялось. Прошедшие три дня тянулись отупляюще медленно, наполненные молчанием, темнотой и неумолимым чувством безнадежности. Дважды дама пыталась его убить: один раз — подсыпав яд в питье, второй раз — попытавшись проткнуть заостренной палкой, когда думала, что он спит. Ее попытки были напрасными, потому что он шкурой ощущал все ее намерения. Казалось, она с этим смирилась. Она действовала словно для проформы, словно не сомневалась в неудаче, словно попытку необходимо делать, несмотря на то что результат известен заранее. И тем не менее рыцарь был ранен. Его мучило то, что он читал в ее взгляде. Он был воином и мог легко противостоять ее атакам. Но взгляды, полные ярости, отвращения и печали, стоили ему дорого, и от их постоянства у него щемило сердце.

Конечно, она ненавидела и химеру, но ее ненависть к ней была наследственной, безличной и почему-то переносилась легче.

— Почему здесь город? — тихо спросил он у своих спутниц.

Ответ последовал не сразу. Действительно, почему? Город появился из ниоткуда, материализовался, словно видение. Для его существования в вакууме не было ни повода, ни предлога. Раз тут нет дорог, то где торговля, которая бы его поддерживала? Раз нет полей, то где урожай, который бы его кормил? Это город охотников и звероловов? Если да, то куда они отвозят свой товар и откуда получают припасы? За три дня рыцарь почти не видел лесных существ, а те, что он видел, были маленькими и юркими и в чем-то естественными для сумрака, словно существовали благодаря ему, а не вопреки.

— Какая разница, почему он здесь? — раздраженно ответила дама. — Он здесь, и этого достаточно. У нас есть надежда снова найти дорогу. Какой смысл подвергать сомнению и это?

Химера сделала осторожный шаг вперед, согнулась и сгорбилась под своим темным плащом, как всегда, оставаясь в тени.

— Мне это не нравится, — сказала она. — Тут что-то не так.

Рыцарь кивнул. Он тоже это ощутил. Что-то тут не так. Тем не менее город здесь был, и они не могли просто пройти мимо. Кто-нибудь из его жителей должен знать способ выйти из Лабиринта, кто-то должен знать дорогу обратно в реальный мир.

— Мы спустимся и посмотрим, что можно выяснить, задерживаться не будем.

С этими словами рыцарь взглянул на остальных.

— Если меня обнаружат, то непременно убьют, — взволнованно сказала химера.

— Тогда останься здесь, — огрызнулась дама, ничуть не встревожившись.

— А-а, но я жажду услышать их слова, — пробормотала химера, словно стыдясь своего испуга. — В этом моя загадка. Я отвратительна тем, кого хотела бы узнать.

— Ты хотела бы ими стать, — издевательски бросила дама. — Признайся!

Но химера покачала головой:

— Нет, я не хотела бы ими стать. О нет, дама, ни за какие сокровища. Они такие неуверенные, нерешительные существа, поглощенные своей крохотной жизнью. А я уверенная и имею дар бессмертия. Я не обременена краткостью их существования.

— И не имеешь их красоты. Легко умалять тех, чьи жизни конечны, когда для тебя смерть настолько далека, что можно даже не думать о ее смысле. — Дама пронзила химеру холодным взглядом. — Моя жизнь длиннее, чем людская, химера, но и я ценю красоту. Я не стала бы такой уродливой, как ты, даже если бы могла жить вечно.

— Твое уродство внутри, — прошептала химера.

— А твое всегда и навечно, ясно на тебе отпечаталось, так что всем сразу понятно, что ты такое!

Рыцарь встал перед дамой, чтобы она смотрела не на химеру, а на него. Он содрогнулся, когда ее холодный взгляд встретился с его собственным, так что он увидел в ее глазах оценку себя.

— Мы будем держаться тихо и без нужды ни с кем разговаривать не станем. Мы с тобой, дама, постараемся получить ответы на нужные вопросы. Она, — он кивнул на сгорбившуюся фигуру в плаще у него за спиной, — будет молчать. Но предупреждаю: если ты попробуешь схитрить или предать нас, я заставлю тебя замолчать. Дай мне слово.

— Ничего я тебе давать не собираюсь!

Дама открыто издевалась над рыцарем, гордо выпрямившись.

— Тогда останешься с ней, — тихо проговорил он. — Мне там, внизу, одному будет спокойней.

Его слова заставили даму побледнеть. Ее ярость полыхнула холодным пламенем.

— Ты этого не сможешь сделать! — прошипела она отчаянно.

— Тогда дай мне слово.

Ее трясло от бессильного гнева и злобы.

— Хорошо. Ты его получишь, сэр рыцарь. Пусть оно сожрет твою душу!

Рыцарь отвернулся. Он предупредил химеру, чтобы та укуталась в плащ и держалась подальше от света.

— Не дай себя втянуть в разговор, — предостерег он. — И не отходи от меня.

В сгущающихся сумерках они быстро шли вниз. Город уже начал исчезать во тьме — здания оставались лишь проблесками света, окаймленного окнами: словно картины, развешанные на черном бархатном занавесе. Следуя вниз по склону, они проскользнули сквозь упавший полог мрака, как древесные духи, пришедшие из леса. Всего за несколько минут они добрались до дна лощины и оказались у городской черты. Их глаза приспособились к новому освещению, и они пошли по одной из коротких улиц, которая пролегала через центр города — ухабистую и раздолбанную площадку, начинавшуюся у одного края сгрудившихся домов и заканчивавшуюся у другого. В сумраке мимо них проходили мужчины и женщины, но никто с ними не заговаривал. Окна и двери домов и магазинов по обе стороны были закрыты. Собаки и кошки бродили вдоль домов и пробегали под тротуарами там, где они были приподняты над землей. Голоса звучали приглушенно и невнятно. Рыцарь при-

слушивался не только ушами, но и сердцем, однако не нашел и намека на утешение, ни капли успокоения. Город напоминал гроб, к которому только и оставалось забить крышку.

В центре города была таверна. Ее двери были распахнуты, и люди свободно могли входить и выходить. Здесь пахло дымом и свеженалитым элем, звенели кружки и стучали обутые в сапоги ноги, звучал добродушный смех, рожденный мимолетным уходом от монотонного труда. Рыцарь подошел к двери раньше дамы и химеры. Он увидел, что в помещении достаточно темно: результат дыма и плохого освещения. Лиц тут не разберешь — анонимность должна быть в цене. Он шагнул на крыльцо. Хотя в таверне было людно, нашлись там и свободные столики. Конечно, все признают в пришельцах чужаков — в таком маленьком городе это неизбежно. Надо только, чтобы основное внимание обращали на него, а не на его подопечных.

Они вошли на взрыв резкого хохота, который сосредоточился у стойки. Там с полдюжины рабочих стояли локоть к локтю, повернувшись лицом к бармену. Рыцарь прошел между столиками в дальнюю часть зала, уводя за собой спутниц. Они молча уселись. Химера повернулась лицом к темноте, осторожничая и тревожась, но дама села лицом в зал, распахнув плащ и сняв капюшон, смелая, словно открытый вызов. На нее сразу обратилось несколько взглядов. Некоторые были полны желания.

Рыцарь уселся так, чтобы отчасти ее заслонить. Теперь уже было слишком поздно приказывать ей, чтобы она спрятала лицо. Ему надо выдерживать позу ее защитника и надеяться, что этого будет достаточно в здешних обстоятельствах.

Когда их заметили, в зале вдруг стало тише: все присутствующие замолчали, чтобы распознать, кто они такие. Странные глаза дамы скользнули по залу, ни на чем не задержавшись, словно смотреть там было не на что. Рыцарь уже сожалел о том, что разрешил ей пойти с ним. Разумнее было оставить ее в лесу. Но он не хотел даже выпускать даму из виду — нельзя было рисковать тем, чтобы ее потерять.

Поймав взгляд бармена, он жестом заказал три кружки эля. Тот кивнул и поспешно ушел к бочкам.

Спустя несколько секунд на них уже перестали смотреть и разговоры возобновились. В зале находились и мужчины, и женщины — все бедно одетые, все с суровыми измученными лицами людей, которые перебиваются кое-как: без удачи, особых умений или помощи посторонних. Они могли быть кем угодно: фермерами, охотниками, шахтерами... Рыцарь не мог понять. Ясно было, что они работают

руками, но определить род их занятий не получалось. Возраста они были разного и сидели так, что невозможно было бы определить, кто с кем пришел. Казалось, отношения между ними не имели значения, словно они еще не оформились, словно о них еще даже не задумывались. Время от времени кто-нибудь вставал и переходил за другой столик, но никогда парой или группой. Можно было подумать, что каждый существует обособленно и имеет значение только как отдельный член всего сообщества.

Детей не было видно. Не было даже признаков присутствия здесь детей, не было младенцев, не было никаких намеков на то, что в городе жил кто-то, не достигший взрослости. Не было даже обычного парнишки, чтобы вытирать стойку или прибираться.

Бармен прошел через зал с подносом и поставил кружки перед рыцарем. Взглянув на его оружие, он нервно потер руки.

— Откуда вы? — спросил бармен, пока рыцарь шарил в кармане в поисках монет, в существовании которых даже не был уверен. Наконец достал золотой.

— Мы заблудились, — ответил он, вручая монету бармену. — Где мы?

Бармен попробовал золотой на зуб.

— В лабиринте, конечно. В самом центре, если уж на то пошло.

Бармен теперь с интересом разглядывал даму. Дама смотрела прямо на него, но словно его и не замечала.

— У этого города есть название? — продолжал расспросы рыцарь.

Бармен пожал плечами:

— Никакого названия. Оно нам не нужно. Вы пришли с севера?

Рыцарь замялся:

— Я точно не знаю.

Бармен заговорщицки понизил голос и чуть подался вперед. Теперь он сосредоточил свое внимание на рыцаре.

— Вы видели в лесу что-то странное?

— Странное?

— Да. — Бармен облизал губы. Казалось, ему не хочется произносить название, словно таким образом он мог бы вызвать к двери таверны то, о чем говорит.

— Мы ничего не видели, — сказал рыцарь.

Бармен секунду рассматривал его, словно проверяя, не лжет ли он, а потом с облегчением кивнул и отошел к стойке.

Дама подалась вперед, говоря холодно и ровно:

— На что он намекал?

Рыцарь покачал головой. Он не знал. Они молча сидели и пили эль, прислушиваясь к звучавшим вокруг разговорам. Говорили о

работе, но в самых общих чертах. Упоминались погода и времена года и отсутствие того и этого, но все очень туманно и неразборчиво. Никто не говорил ни о чем определенном и не упоминал о конкретных деталях своей жизни. В разговорах было что-то странное — тон, рисунок речи... Далеко не сразу рыцарь понял, что речи пронизаны тревожным ожиданием, словно все готовятся к чему-то невысказанному.

У столика остановился незаметно подобравшийся к нему старик.

— Пришли издалека, а? — Язык у него заплетался от выпитого эля.

— Да, — ответил рыцарь, поднимая взгляд. — А вы, отец?

— О нет, я никуда не хожу. Этот город — мой дом. Всегда и вечно. Я здесь уже... о, много-много лет. — Он беззубо усмехнулся. — Когда сюда попадешь, уже нельзя никуда уйти.

Рыцарь почувствовал, как у него в душе шевельнулось что-то холодное.

— Что вы хотите сказать? Вы ведь можете уйти, если пожелаете, так?

Старик закудахтал:

— Ты так думаешь? Что можешь уйти? Ты, видно, новенький, сынок. Это же лабиринт, отсюда нельзя выйти. Никто никогда отсюда не выходил!

— Если можно войти, то можно и выйти! — неожиданно рявкнула дама, и в голосе ее вспыхнул гнев.

— Ну так попробуй! — ответил старик, все еще хохоча. — Многие пробовали до тебя, но всегда возвращались. Раз сюда попав, все здесь остаются. И ты. И ты тоже.

Он заковылял прочь, бормоча что-то себе под нос. Рыцарь знаком заказал еще три кружки эля, пытаясь разобраться в запутанных словах старика. Выхода нет, лабиринт — это ловушка, откуда никто не может выбраться... Он прислушался к тихому шелесту этих слов у себя в голове.

— Хотите чего-нибудь поесть? — спросил бармен, подошедший с кружками. — У вас еще кое-что осталось от того золотого.

— Можете нарисовать нам план? — небрежно бросил рыцарь.

Бармен характерно пожал плечами:

— План чего? Планы все в конечном счете показывают дорогу в одно и то же место. Прямо сюда.

— Мне нужен план, который показал бы выход из лабиринта.

Бармен улыбнулся:

— И всем присутствующим тоже. Беда в том, что никто не может его найти. Некоторые, как тот старик, пытаются уже много лет.

Но выбраться не могут. Никто из нас не может. Мы пытаемся, но в конце концов возвращаемся сюда.

Рыцарь уставился на него, совершенно потрясенный.

— Да ничего страшного, — поспешно добавил тот, испуганный выражением лица рыцаря. — Привыкаешь. Забот у нас немного. Только... — Тут он встряхнул головой.

— Только что? О чем вы говорите? — нетерпеливо спросила дама.

Бармен глубоко вздохнул. Когда он снова заговорил, его голос упал до чуть слышного шепота:

— Марево.

Рыцарь быстро взглянул на своих спутниц. Обе молчали. Он снова повернулся к бармену:

— Мы не знаем, что это такое.

Бармен вдруг вспотел, словно в комнате неожиданно воцарилась полуденная жара.

— Лучше вам и не знать, — прошипел он. — Ходят всякие россказни. Поговаривают, будто оно живет в лесах. Выходит, когда его меньше всего ждут, и все пожирает, проглатывает! А когда уходит, то ничего после себя не оставляет! — Он сжал губы. — Сам я его никогда не видел. И вроде бы никто не видел. Но иногда мы его слышим. В последнее время все чаще, словно оно к нам подбирается. Говорят, его появлению всегда предшествует чудище — создание из сказок и легенд, животное из древнего мира. — Он покачал головой. — Я слишком разболтался. Даже упоминать о нем не положено. Говорят, оно редко приходит. Но когда это случается...

Он снова покачал головой и поспешно отошел. Рыцарь посмотрел ему вслед, а потом снова повернулся к своим спутницам.

— Вы знаете об этом? — негромко спросил он.

— Доходили слухи, — хрипло отозвалась химера откуда-то из глубины капюшона. — Есть древняя легенда — ей много тысяч лет. Люди видят в Мареве божественное возмездие за свои грехи.

— Какая чушь! — издевательски воскликнула дама. — Ты готова прислушиваться к суевериям этих простаков? Это так ты хочешь стать одной из них?

Химера ничего не ответила, не сводя глаз с рыцаря. А рыцарь пил эль и пытался собраться с мыслями. Выхода из лабиринта никто не знал. Они утверждают, что, в какую сторону ни пойдешь, обязательно окажешься в конце концов в этом безымянном городе. Неужели все жители города верят в это или среди них есть по крайней мере один, кто знает, что дело обстоит не так? Рыцарь разго-

варивал только с барменом и стариком. Может, надо попробовать расспросить кого-то еще?

— Оставайтесь здесь, — приказал он.

Он встал, прихватив кружку, и прошел к стойке. Он впервые заметил, что все обращают внимание на его оружие и кольчугу — больше ни у кого из горожан такого не было. Он начал задавать вопросы мужчинам, столпившимся у стойки. Бывали ли они за пределами лабиринта? Не знает ли кто-нибудь из него выхода? А кто-то может об этом знать? Мужчины покачали головой и отвернулись.

— Может, речные цыгане знают, — сказал один из них. — Они побывали всюду, где только можно бывать. Но конечно, сначала их нужно найти.

Раздался взрыв хохота — это, видимо, была шутка для посвященных. Рыцарь оглянулся на столик, за которым он оставил даму и химеру, и замер. К ним подошли двое мужчин, которые уселись по обе стороны от дамы. Она плотно завернулась в свой плащ и смотрела прямо перед собой, а они разговаривали и улыбались ей. Химера отодвинулась подальше в тень.

Рыцарь пошел от стойки через весь зал. Но опоздал. Один из мужчин дотронулся до дамы, и она накинулась на него, полоснув ногтями по лицу. Он с воплем отпрянул и наткнулся на химеру. Капюшон упал, открыв голову химеры, и в ту же секунду второй мужчина резко вскочил, громко закричав. В комнате мгновенно воцарился бедлам. Мужчины и женщины вопили от ужаса и отвращения, а химера пыталась снова закрыться плащом. Сверкнуло оружие — длинные охотничьи ножи и всевозможные кинжалы. Стараясь удержаться на ногах в поднявшейся сумятице, рыцарь пробился между теми, кто отделял его от его подопечных. Кружки начали разлетаться на полу, лампы — гаснуть. Люди кинулись к двери.

— Посмотри, что ты наделал! — дико крикнул бармен, обращаясь к рыцарю. — Ты привел в наш город чудовище! Ты навлек на нас беду! Будь ты трижды проклят!

Рыцарь добрался до столика, подхватил даму и взвалил ее на плечо. Высвободив свой палаш, он размахнулся и выставил его между собой и теми, кто на него наступал. Химера скорчилась у него за спиной, отчаянно трепеща своими бессильными крыльями и со свистом выпуская воздух сквозь острые зубы. Рыцарь со всей силой опустил палаш и расколол стоявший перед ним столик. Мужчины поспешно попятились, и он пошел к двери. Дама отчаянно билась и верещала, химера жалась к его спине. Один из мужчин попробовал подобраться сзади, но когти химеры расцарапали ему руку до кости. Тот сморщился от боли.

Уже через несколько минут они снова оказались в ночи. За ними неслись вопли и крики, но улица опустела — все разбежались по домам. Рыцарь быстро прошел через город, постепенно снова привыкая к темноте. Оставалось только самим искать дорогу. Он проклинал собственную неудачливость и невежество горожан.

У начала подъема он поставил даму на ноги, но не выпустил ее руки, чтобы не дать ей убежать.

— Отпусти меня! — огрызнулась она вырываясь. — Как ты смеешь ко мне прикасаться! — Она плюнула на него. — Я тебя ненавижу! Я тебя за это живьем на куски разорву!

Он не обращал на нее внимания, шагая вверх по склону к деревьям, чтобы скрыться в лесу. За его спиной слабым светом горели окна домов, и было видно, как суматошно мельтешат люди. Рыцарь кинул на них только один взгляд, а потом сосредоточил все внимание на кромке леса. Преследование казалось вполне вероятным.

Они добрались до края леса, когда химера вдруг резко повернула обратно и настороженно пригнулась.

— Что-то приближается! — предупредила она тонким прерывистым голосом.

В ту же секунду из города донеслись новые вопли ужаса. Рыцарь и дама тоже обернулись. Огромная стена злого зеленого света возникла среди деревьев на дальней стороне лощины. Этот свет колыхался, словно пламя, и шипел, как крепкая кислота, разъедая безмолвный мрак. Свет неспешно двигался вперед и по мере движения словно менялся, превращаясь в подобие ливня, порыва тени и света, безжалостно сметавшего все на своем пути.

Внизу вопли стали еще громче:

— Марево! Марево! Оно пришло! Бегите! Ох, спасайтесь!

Но бежать, казалось, было некуда да и некогда. Зеленоватый дождь вышел из-за деревьев и спустился вниз по склону к городу. За ним мир исчезал. Не оставалось ни кустика, ни деревца, ни одного живого кусочка. Все было уничтожено. Марево дошло до города и принялось наползать на здания. Одно за другим они скрывались за этой страшной занавесью. Горожане попадали туда тоже, отчаянно вопя, силясь убежать. Марево проглатывало их на бегу, и больше они не появлялись. Даже их крики были проглочены.

На краю лощины рыцарь застыл на месте: последние здания и обитатели безымянного городка исчезли, а Марево все шло вперед. Но неожиданно, без всякой причины, Марево начало отступать. За какие-то секунды оно повернуло, словно шторм, на который вдруг налетел порывистый ветер. Медленно, неспешно оно поднялось по

противоположному склону лощины, растаяло среди деревьев, исчезло.

Рыцарь, дама и химера уставились вниз в пустую лощину. Город, откуда они бежали, сгинул — до последнего здания, последнего жителя, последнего зверя, — не оставив и следа того, что было. Осталась одна голая земля, дымящаяся, словно обожженная плоть. Марево сожгло ее дочиста.

Рыцарь посмотрел на химеру. Оказалось, что Марево было не просто легендой. Но что вызвало его из леса этой ночью? Может, ему действительно предшествовало чудовище, как предупредил их бармен? Не была ли этим чудовищем химера? Не существует ли между ними какой-то связи, ужасного договора пожирать жизнь и терзать землю, на которой она живет? Ведь химера и правда была чудовищем, вышедшим из самых древних времен. Рыцарь задумался над такой возможностью. Дама тоже смотрела на их уродливую спутницу, и в ее холодных глазах читался страх. Уставившись в темноту, химера не отвечала на их взгляды.

Рыцарь отвернулся. Все эти люди погибли, думал он. Все. Мысленно он снова увидел, как они исчезают. Он все еще слышал их вопли. Они ужасали, но были ему знакомы. Он и прежде слышал такие крики. Он слышал их всю свою жизнь. Это крики людей, с которыми он сражался и которых убивал в бою. Это были вопли его жертв. Эти вопли остались в его памяти как души, пойманные в сеть, и он будет вечно носить их в себе.

И тут, как ужасный финал разрушений, которые он видел, ему пришло в голову: не должен ли он считать своим груз этих недавних криков.

ГЛАВА 11

РЕЧНЫЕ ЦЫГАНЕ

Они шли всю ночь, слишком встревоженные, чтобы спать. Они не говорили о происшедшем, но каждый знал, что двое остальных об этом думают. Бесконечный лес снова сомкнулся вокруг них — огромный непроницаемый полог густых ветвей и густо-серых небес. Лабиринт снова лежал перед ними, и спустя какое-то время им начало казаться, что города и его жителей вообще не существовало.

Когда настало утро и тьма сменилась голубоватым светом, они нашли поляну и немного поспали. Рыцарь отдыхал в полудремоте: он уже давно освоил это умение на случай необходимости — некий транс, при котором какая-то малая его частица, какой-то странный инстинкт продолжали бодрствовать и сохранять бдительность на случай опасности. Возможно, ему снились сны, но его не оставляли воспоминания о криках всех тех, кто умирал у него на глазах, и избавиться от них было невозможно. Это были тени погибших, все, что оставалось от тех, кто когда-то составлял армию людей. Они продолжали жить в нем, словно прилипли к нему и не отстанут, пока смерть не придет и за ним тоже.

Когда дремота рассеивалась, он лежал и думал о химере, пытаясь понять, какую роль это чудище сыграло в том, что случилось с городом. Его снова начало тревожить, что он не может вспомнить, как химера оказалась с ним, почему они путешествуют вместе. Он не мог вспомнить об этом существе ничего, кроме того, что оно должно было быть рядом. Откуда взялась химера? По какой причине она находится в лабиринте с рыцарем и дамой? Может быть, химера именно отсюда, думал рыцарь. Именно она с самого начала знала общее поверье о том, что из лабиринта нет выхода. Она первая сказала то, что потом повторили горожане. Химера знала о Мареве. Химера знала очень много такого, чего не знал рыцарь. Это было непонятно. Рыцарь не боялся чудища, но не был уверен в его целях. Он ощущал присутствие чести и чувства справедливости, но все равно не мог заставить себя верить химере.

Проснувшись, они пошли дальше. Теперь они шли потому, что ничего другого им не оставалось. Если они не будут идти вперед, они признают свое поражение. Рыцарь не мог этого допустить. Он ощущал, как его самообладание постепенно улетучивается, как его уверенность в себе и целеустремленность слабеют. Мало-помалу он убеждался в том, насколько незначительна его роль в мире. Здесь он стал орудием обстоятельств, которых не понимал и над которыми был не властен. В лабиринте не было ничего узнаваемого, а все, что он помнил о своей прежней жизни, — это игра смутных теней на каком-то почти неразличимом и далеком фоне. Как ни пытался он сосредоточиться и вспомнить, ничто из прошлой жизни не становилось четче. Казалось, словно он тут родился, и только присутствие дамы (и, возможно, химеры) убеждало его в том, что раньше тоже что-то происходило.

В тот день дама разговаривала с ним словно против своей воли. Это не была речь друга или близкого человека, а только его подопечной и спутницы. Она снова и снова спрашивала его, кто он

такой и почему оказался здесь. Она спрашивала, что он помнит о своей прежней жизни. Он уклонялся от ответа, стараясь половчее парировать ее вопросы. Он уклонялся, потому что не мог на них ответить. Ответов у него не было. Она настаивала, пока не утомилась, и тогда снова замолчала.

— Ты играешь мною, — проговорила дама, и в голосе ее снова прозвучали печаль и отчаяние, сменившие привычный гнев. — Ты ведешь какие-то игры потому, что я твоя пленница.

Он покачал головой, глядя вверх в голубовато-грязный туман:

— Я не стал бы так делать.

— Тогда, будь любезен, расскажи мне что-нибудь о себе! — взмолилась она, с трудом заставив свой голос звучать ровно. — Дай мне какое-то свидетельство того, что ты не лжешь.

Он некоторое время шел молча, а потом опустил голову:

— Мне неприятно, что все должно быть так. Мне хотелось бы, чтобы все случилось по-другому. Извини, что я взял тебя в плен — какова бы ни была тому причина. Если потом у меня будет такая возможность, я постараюсь это искупить.

Он ожидал, что она откровенно рассмеется такому предложению. Думал, что она обольет его презрением. К его изумлению, она ничего подобного не сделала. Только молча кивнула и пошла дальше.

Ближе к вечеру они вышли к реке. Она появилась так же, как город, — оказалась перед ними, когда они поднялись на вершину холма. Река была широкой и спокойной и простиралась в обе стороны насколько видел глаз. На дальнем берегу снова начинался лес лабиринта и уходил в бесконечность. Над их головами небеса оставались затянутыми облаками и чистыми вперемежку.

На берегу реки они остановились и посмотрели сначала на противоположный берег, потом вверх по течению и, наконец, вниз. Никаких признаков жизни видно не было. Там, где вода не кипела на быстринах и порогах, она казалась гладкой и туманной. В ней не плавало никакого мусора, и на зеркальной поверхности не расходилось кругов от играющей рыбы.

— Если есть река, то где-нибудь на ее берегу должен быть город, — обнадеживающе проговорила дама, ни на кого не глядя.

— Но лежит ли этот город внутри лабиринта или за его пределами? — спросил рыцарь. Он посмотрел на нее. — Можно пойти и проверить. Какое направление выберем?

Ее ответ снова удивил его.

— Решай сам. Ведь это ты нас ведешь.

Он направился вниз по течению. Берег реки был широким и поросшим травой, так что идти по нему было легко. Лес почти

повсюду кончался в нескольких сотнях футов от края воды. Серый день начал меркнуть, из гущи деревьев выполз туман и начал ложиться на реку и ее берега. Он поднялся сначала им по щиколотку, потом по колено. К ночи он был им по пояс, и уже невозможно было различить, где кончается берег и начинается вода.

Рыцарь как раз решил вернуться на ночь к деревьям, когда они услышали пение. Все трое моментально остановились, прислушиваясь. Звук доносился из-за поворота реки, находившегося всего в двухстах футах от них. Рыцарь отвел своих спутниц к лесу, подальше от воды, и они продолжили свой путь. Добравшись до поворота и обогнув деревья, они увидели огни нескольких костров. Пение доносилось оттуда. Они пошли к кострам, пристально всматриваясь в сумрак. По мере приближения стали видны несколько разноцветных кибиток. Поблизости были привязаны мулы, поставлены палатки из яркой ткани, закрепленные на шестах и задней части кибиток. Певцов оказалось больше дюжины. Это были и мужчины, и женщины, одетые в цветастые костюмы со множеством поясов, плащей и головных повязок. Собравшись у костров, все они пели.

Рыцарь и его спутницы приблизились и были замечены, но пение продолжалось, словно их появление не имело особого значения. Химера держалась позади, кутаясь в свою накидку, но один из певцов встал и поманил их к костру, проследив за тем, чтобы и чудище подошло поближе. Путники приближались медленно: осторожные по природе, они стали еще более осмотрительными в силу обстоятельств, даже перед лицом такого дружелюбия.

— Добро пожаловать в наш лагерь, — приветствовал тот, кто поманил их. — Не споете ли с нами? Может, заработаете так ужин себе?

Мужчина был грузный, с брюшком и с большими узловатыми пальцами. Волосы и борода у него были густыми и черными. На нем было несколько сережек и цепочка с медальоном. За пояс, завязанный на объемной талии, было заправлено несколько кинжалов, а из голенища сапога торчала рукоятка еще одного.

— Кто вы? — спросил рыцарь.

— Ах-ах! Никаких имен, друг мой, — ответил тот. — Имена — это для врагов, которых надо избегать, а не для друзей, которых надо приобрести. Не присядешь ли?

— Речные цыгане, — проговорила химера, остановившаяся как вкопанная, и рыцарь бросил на нее быстрый взгляд.

Толстяк расхохотался:

— Да, это мы! Ну, а посмотрим-ка на тебя, милая моя. Химера! Мало вас осталось на свете, а в лабиринте на моей памяти, кажется,

ни одной не видели. Ну-ну. Не робей, не жмись в тени. Мы тебе поистине рады. Проходи, садись с нами и спой. Погрейся у огня.

Он провел путников к костру. Сидевшие у огня потеснились, принесли им кружки, и пение продолжилось. Начало и конец каждой новой песни встречались улыбками. Один из мужчин играл на каком-то струнном инструменте, другой — на флейте. Рыцарь и его спутницы слушали песни, но сами к хору не присоединялись. Они пили предложенное им вино, но поначалу понемногу. Смотрели на собравшихся и гадали, как они сюда попали.

— Вы издалека? — спросил толстяк у рыцаря спустя какое-то время, наклоняясь ближе, чтобы лучше слышать.

— Шли пять дней, — ответил рыцарь. — Никак не можем найти выход.

— Здесь это достаточно распространенная проблема, — ответил тот кивая.

— А вы его знаете? — спросил рыцарь.

Его собеседник начал прихлопывать ладонями в такт песне:

— Возможно. Возможно.

Пение продолжалось довольно долго. Рыцаря начало клонить ко сну. Дама выпила больше него и уже лежала на траве, закрыв глаза. Химера сгорбилась под своей накидкой, спрятав морду в капюшон. Некоторые из цыган принялись плясать, подскакивая и кружась в отсветах пламени. Женщины надели на пальцы колокольчики, и к пению присоединился их серебристый звон. Мужчины развернули алые и золотые шарфы. Все много пили. Рыцарь припомнил, что шла речь о еде, но она так и не появилась.

— Ну, разве не так надо проводить жизнь?! — вдруг спросил толстяк, снова наклоняясь к нему. Он раскраснелся и улыбался. — Нечего думать о завтрашнем дне, пока он не наступил. Не надо волноваться о том, что не в нашей власти. Пой и танцуй. Пей и смейся. Оставь свои тревоги до другого раза. А лучше прогони прочь.

Рыцарь покачал головой:

— Тревоги имеют обыкновение вас догонять.

Тот рассмеялся:

— Ну что за пессимист! Только посмотри на себя! Не поешь, не танцуешь. Пьешь мало. Как можно получать при этом удовольствие от жизни? Надо же дать жизни шанс!

— Из лабиринта есть выход? — снова спросил рыцарь.

Цыган весело покачал головой, встал на ноги и пожал плечами.

— Думаю, не сегодня ночью. Может, завтра.

И он присоединился к пляшущим, удивительно легко двигаясь в свете костра.

Рыцарь допил остаток вина и посмотрел на своих спутниц. Дама все еще крепко спала. Химера исчезла. Рыцарь безуспешно поискал ее глазами, даже за кругом света. Она исчезла.

Рыцарь попытался встать и понял, что не может. Ноги его не слушались, тело словно налилось свинцом. Он попытался сбросить груз, вжавший его в землю, и почти сумел встать, а потом снова рухнул. Речные цыгане плясали и пели вокруг него, ничего не замечая. Цвета и формы проносились мимо, и он повернулся к темноте. Что-то случилось. Им устроили какой-то фокус.

Он все еще пытался понять, что произошло, когда провалился во тьму.

Когда он проснулся, вокруг никого не оказалось. Речные цыгане исчезли: мужчины, женщины, кибитки, мулы — все. Остался только пепел от костров, еще чуть дымившийся в туманном рассвете. Рыцарь лежал на поросшей травой земле, вытянувшись во весь рост. Он с трудом привстал на колени. Голова гудела от вина, тело ломило от долгого сна на влажной земле. Слева от него струилась река — гладкая, бесшумная и спокойная. Справа был темный занавес леса, полного тумана.

Рыцарь поднялся и стал ждать, когда пройдет чувство дурноты.

Дама тоже исчезла.

Он почувствовал, что дыхание у него участилось, а грудь сжалась от гнева и возмущения. Куда она ушла? Он озирался, пытаясь увидеть ее следы, но их не было. Она исчезла.

Он все еще не пришел в себя, когда из леса вышла химера и направилась к нему. Рыцарь вдруг заметил, что его оружие тоже исчезло — полностью. Он был беззащитен.

— Хорошо выспались? — с нескрываемым сарказмом поинтересовалась химера, подойдя к рыцарю.

— Где мое оружие? — гневно спросил рыцарь. — Что стало с дамой?

Химера присела перед ним, не снимая капюшона с головы:

— Они все у речных цыган. Они их взяли, пока ты спал.

— Взяли?! — поразился рыцарь. — Ты хочешь сказать — украли?

Химера тихо рассмеялась:

— Цыгане так не считают. С их точки зрения, оружие и женщина — это твоя плата за вчерашние удовольствия. По их мнению, это справедливо. Они взяли у тебя то, что имеет цену.

Рыцарь возмущенно посмотрел на химеру:

— И ты не попыталась им помешать?

Химера пожала плечами:

— А с чего мне было это делать? Какая мне разница, что будет с дамой или твоим оружием? Мне до них нет дела. По правде говоря, тебе без них легче. В лабиринте в оружии нет нужды — нужны только мозги и терпение. Дама была хомутом на наших шеях, помехой, которую не стал бы терпеть ни один нормальный человек.

— Это не тебе было решать!

— А я и не решала. — Химера оставалась совершенно хладнокровной. Она повернула свою уродливую морду к свету, и ее желтые глаза выражали спокойствие. — Я просто не вмешивалась в действия цыган, только и всего.

— Ты могла бы меня предупредить!

— Ты сам мог бы себя предупредить, если бы у тебя голова была на месте. В цыганах нет никаких тайн — они во всем мире одинаковые и никогда не меняются. Они живут по своим собственным правилам, и если ты решаешься пить и петь с ними, то ты признаешь это. Сочти это за урок, рыцарь, и забудем.

Рыцарь постарался подавить ярость. Но в душе затаился страх, вызванный тем, что он теряет контроль над событиями и ничего не может поделать. Дама и его оружие исчезли, и он был не в силах этому помешать. Почему он не предвидел, что может случиться? Почему не предпринял элементарных мер предосторожности?

Он сделал глубокий вдох и посмотрел в обе стороны реки.

— В какую сторону они направились?

Химера не ответила, и рыцарь стремительно повернулся к ней, воскликнув:

— Не давай мне повода не доверять тебе еще больше!

Химера стойко встретила его гневный взгляд:

— Я не давала тебе такого повода.

— Правда?! — рыцарь выпрямился. — Когда я очнулся в лабиринте, ты уже была тут. Ты знала, где мы находимся, ты назвала лабиринт его именем. Ты сказала, что из него нет выхода, раньше, чем мы это услышали от кого-то еще. Когда мы пришли в город и узнали о Мареве, ты знала эту историю. Бармен узнал в тебе чудовище, которое предвосхищает его появление. Вчера вечером, когда мы набрели на речных цыган, ты знала, кто они, хотя мы с дамой не знали. Похоже, тебе немало известно об этом местечке, хоть ты и утверждаешь, что ты не отсюда! Я не могу не подозревать, что у тебя здесь какая-то особая роль.

Химера воззрилась на рыцаря и долгое время ничего не говорила.

— Наверное, у тебя есть основания для подозрений, — наконец неохотно признала она. — Я бы на твоем месте тоже их испытывала. Может показаться, что я двурушничаю. Но это не так. Мои

знания — результат очень долгой жизни, за которую я перебывала в очень многих местах. Я приобрела знания, источник которых уже не назову. Я помню вещи, о которых услышала и которые обнаружила уже много веков назад. Я очень древняя. Когда-то, как сказал речной цыган, таких, как я, было много. А теперь во всем мире осталась только я одна. — Она помолчала, словно размышляя. — Это место, его жители и то, что здесь происходит, мне знакомо по другому времени, воспоминания о котором у меня давно уже стерлись. И я отчасти ощущаю то, что еще только произойдет. Я знаю это место. Я его узнаю. Я предвижу некоторые события. Но я не отсюда и не уверена, что прежде здесь бывала. — Химера нахмурилась. — Меня это беспокоит. Память у меня какая-то обрывочная, и должна признаться, что больше не могу ясно вспомнить никаких событий из прошлого. Если не считать того, — мрачно добавила она, — что я больше не та, кем была прежде.

Рыцарь медленно кивнул. Он ощутил, что химера говорит правду.

— И я тоже. Прошлое мне кажется давним и далеким.

— Но существуют ассоциации, которые освобождают воспоминания, как это было вчера с речными цыганами, — заметила химера. — Я знала их, хотя никогда с ними не встречалась. Знала, что они задумали. Могла сказать тебе об этом, это правда. Я хотела, чтобы они забрали даму, хотела, чтобы она исчезла. — Химера не отводила взгляда. — И мне не стыдно.

— Мне надо ее оттуда вызволить, — решительно сказал рыцарь.

— Почему? Какой в этом смысл?

Казалось, химеру искренне интересует его ответ.

Рыцарь молчал. Стараясь подобрать слова, он сжимал и разжимал кулаки.

— Потому что именно это мне было поручено, прежде чем я попал сюда. Это единственное, что я знаю твердо. Без нее я совсем потерян. Только благодаря ей еще держусь. Существую из-за нее. Ты понимаешь?

Химера немного подумала и кивнула:

— Кажется, понимаю. Единственная твоя цель — это доставить ее к твоему господину. Других целей ты не помнишь. Но помнишь ли ты хоть что-то, сэр рыцарь?

Рыцарь покачал головой:

— Кажется, лабиринт украл мое прошлое.

— И мое. — В голосе химеры звучала горечь. — Я хочу получить обратно свою жизнь. Я хочу, чтобы ко мне вернулись мои воспоминания.

— Ты видела, в какую сторону они отправились? — снова повторил свой вопрос рыцарь.

— Тебе без нее было бы лучше, — ответила химера. Рыцарь ничего на это не ответил, и лицо его не изменилось. Химера вздохнула. — Вверх по течению, откуда мы пришли. — Она безнадежно покачала головой. — Я пойду с тобой.

Они сразу же тронулись в путь, пробираясь по высокой прибрежной траве, следуя за лентой земляного цвета в серый туман. Следы отыскались в первые же минуты, так что рыцарь и сам смог бы определить, куда направились речные цыгане. Это заставило его снова засомневаться относительно той роли, которую играет в происходящем химера, — возможно, она сказала ему правду в собственных целях. Но такие мысли были чрезмерно жесткими, и рыцарю стало неловко. Ему казалось, что химера на самом деле существо порядочное. Он не ощущал в ее словах лжи. Они оба попали в этот мир из какого-то другого, и здесь их с дамой объединила общая судьба.

Они шагали весь день, упорно следуя по колеям кибиток, изредка останавливаясь, чтобы передохнуть. Хотели завершить свою погоню до заката. Постепенно река стала шире, и наконец дальний берег превратился в темную полоску на фоне облачного неба. Рыцаря угнетали постоянная серость, полное отсутствие солнечного света, давяще нависшее над землей небо. Ему не хватало живых существ, присутствия посторонней жизни. Он был уверен, что когда-то получал от этого удовольствие. Но больше всего ему недоставало ощущения собственной личности, которая за пределами нынешнего его существования совершенно размылась. Одного ощущения того, кто ты и что собой представляешь, мало; нужны еще воспоминания, яркие картины жизни, которую ты прожил, и дел, которые за эту жизнь совершил. Он был почти полностью лишен этого, кажется, даже в большей степени, чем химера. Он словно оказался в небытии, и чувство опустошенности начало рождать безумие.

Они нагнали речных цыган уже после захода солнца. Им повезло, что они заметили свет костра раньше, чем сами оказались замеченными. Цыгане снова разбили лагерь на берегу реки, и их песни беззаботно звучали в сумеречной тиши. Рыцарь и химера отступили в лес и стали пробираться под его прикрытием, вскоре оказавшись достаточно близко, чтобы рассмотреть, что происходит. Речные цыгане сидели у костров и пили вино, пока вокруг них сгущалась темнота. Дама была с ними. Казалось, она не связана. В одной руке она держала чашку, из которой пила. Лицо у нее было холодным и пустым, но страха на нем не было.

— Может, ей хочется быть с ними, — прошептала химера. — Может, с ними ей свободнее, чем с тобой.

— Мне нужен мой меч, — так же тихо прошептал рыцарь.

Химера укоризненно покачала головой:

— Ты ужасно упрямый, правда! Никаких отклонений. — Ее смех оказался низким и мягким. — Мы оба отлиты в форму, которую нельзя переменить. — Она внезапно встала. — Жди меня здесь.

Химера исчезла среди деревьев. Рыцарь ждал, наблюдая за лагерем. Темнота все сгущалась, пока все за пределами света костров не утонуло во мраке. Пение и питье вина продолжалось все с тем же усердием, не прерываясь. Все другие звуки и движения исчезли за весельем, утонув, как тонет в реке намокшее дерево. Шло время, и рыцарь не на шутку встревожился.

И тут химера снова оказалась рядом с ним, держа его палаш. Улыбка обнажила ее острые зубы. Рыцарь принял свое оружие, поднял на протянутой руке, проверяя его состояние, а потом снова вложил в ножны, которые носил на спине.

— А теперь мы попросим вернуть даму, — сказал он вставая.

— Подожди! — Химера вцепилась в него когтистой лапой. — Зачем просить, когда нет нужды? Дождись раннего утра, а потом проскользни в лагерь и возьми ее, пока они будут спать. Так будет проще.

Рыцарь несколько секунд прикидывал, а потом кивнул:

— Подождем, время терпит.

Они молча сидели под прикрытием леса. Речные цыгане начали плясать, веселье продолжалось. Оно закончилось только под утро, когда ночь почти миновала и костры догорели. Тогда мужчины и женщины завернулись в свои одеяла и затихли. Дама спала с ними. Она не сдвинулась с места, где сидела, а просто улеглась на траву. Туман прополз между кибитками и животными, больше не сдерживаемый жаром костров, и вскоре укрыл спящих.

Тут рыцарь и химера встали и выскользнули из-за деревьев. Они бесшумно пробрались по высокой траве к лагерю. Поискали охрану и не нашли. Дойдя до кибиток, они снова остановились и прислушались. Были слышны только звуки, издаваемые спящими цыганами, да отдаленное шуршание воды о берега. Они прокрались вдоль кибиток, пока не оказались неподалеку от спящей дамы. Тогда рыцарь двинулся вперед один.

Он нашел ее, опустился рядом с ней на колени и прикрыл ей рот рукой. Она мгновенно проснулась и посмотрела на него спокойным оценивающим взглядом, совершенно лишенным страха. Он начал было помогать ей подняться и тут заметил цепь, которая шла от кольца на ее лодыжке к колесу кибитки.

Рыцарь выпрямился, охваченный яростью. С него достаточно. Он бесцеремонно зашагал между спящими, пока не нашел того, кто так убедительно уговаривал его оставить свои заботы следующему дню. Нагнувшись, он сгреб на груди рубаху цыгана и рывком поднял его на ноги.

— Я разрежу тебя на две половинки, если она сию же секунду не будет освобождена, — прошипел страстно рыцарь.

Цыган посмотрел ему в глаза и молча кивнул. Рыцарь потащил его через весь лагерь, туда, где ждала дама. Бородач сунул руку в карман, достал ключ, открыл замок и отступил.

— Тебе не следует на нас сердиться.

Рыцарь сорвал кольцо с ноги дамы и помог ей подняться. Она нагнулась, растерла лодыжку, а потом повернулась и пошла из лагеря к лесу.

— Вино и развлечения стоят денег, — объявил цыган. — Ты у нас в долгу.

Рыцарь повернулся:

— Будь доволен тем, что я тебя не прикончил.

Цыган сунул пальцы в рот и пронзительно свистнул. Лагерь вмиг проснулся, и вокруг рыцаря образовалось кольцо из вооруженных мужчин. Они держали кинжалы, короткие мечи и топоры. Металлические клинки влажно поблескивали в утреннем воздухе. Мгновенно оценив ситуацию, цыгане начали медленно приближаться к рыцарю.

— Не делайте глупостей, — предостерег рыцарь.

— По-моему, это ты сделал глупость, — ответил бородач.

Они налетели на рыцаря всем гуртом, но он отогнал их одним мощным взмахом своего клинка. Кольчуга защитила его от брошенных в его грудь кинжалов, и, повернувшись, он быстро прошел мимо кибиток к лесу. Где его тяжелые доспехи? — вдруг вспомнил он. Где латы, ножи и шлем? Он снова ощутил их близость, и снова они к нему не явились. Вот уже второй раз он вынужден был принять бой без них. Прежде такого не бывало никогда. Его доспехи всегда являлись к нему, когда он в них нуждался. Почему теперь их нет?

Цыгане снова кинулись на него, и на этот раз он был вынужден защищаться. Он сразил двоих и ранил третьего, а сам остался невредим. Тут его окликнула химера. Оглянувшись, он увидел, что у края леса стоит дама и наблюдает за ним.

Отмщение овладело им. Он приготовился отразить новый натиск.

Но его не было. Знакомый едкий зеленый свет высоким занавесом поднялся от реки и стал наступать на лагерь. Цыгане обернулись при его появлении и закричали, узнавая. Марево налетело из

тумана и мрака — страшный шипящий дождь, разъедающий все вокруг. Рыцарь повернулся и бросился к лесу, воспользовавшись смятением и ужасом цыган. Он добежал до деревьев в тот момент, когда Марево достигло лагеря. Оно так быстро пожирало кибитки, животных и людей, что те исчезли в считанные секунды. Никому не удалось скрыться.

Все закончилось почти мгновенно. Марево двигалось вперед, пока не проглотило весь лагерь целиком, а потом отступило. Как и в городе, оно отошло назад по обожженной голой земле и исчезло.

Истерзанная земля дымилась в тусклом свете начинающегося дня. Рыцарь в шоке смотрел из леса. По одну его руку стояла дама, по другую — химера. Все молчали. Рыцарь пытался понять, как это произошло, почему Марево снова появилось, почему оно сожрало только лагерь и не тронуло их. Что его вызвало? Что помешало ему погубить и их тоже? Во всем этом было что-то странное. Во всем случившемся ощущалось что-то ирреальное: выход к безымянному городу, встреча с речными цыганами, появление Марева... Искажение реальности было лишено определенности, но не было лишено формы. Он не знал его источника, но тем не менее не сомневался в его существовании.

В подсознании у него начало зарождаться неприятное подозрение, настолько ужасное, что он не мог выразить его словами. В отчаянии, отказываясь верить, он постарался спрятать его как можно глубже.

— Какая-то чудовищная штука, — прошептала дама, делая шаг вперед и глядя на противоположный берег реки. — Неужели оно гонит нас, как свора псов — добычу?

— Да, — тихо прорычала химера. — Я ощущаю его голод.

Рыцарь тоже его чувствовал. И хоть он отказывался говорить об этом вслух, ему казалось, что этот голод еще не утолен.

ГЛАВА 12

СОВСЕМ БЕСПЛАТНО

Когда они приблизились к воротам Риндвейра, крепости Каллендбора, самого сильного властителя Зеленого Дола, Абернети решил, что они должны представлять собой достаточно странное зрелище. Высокий неуклюжий мужчина с птицей на плече, небольшой

жилистый зверь, немного напоминающий ненормальную обезьяну, собака с человеческими руками и в очках: Хоррис Кью, Больши, Сапожок и он сам. Они плелись по дороге через город, выстроенный вокруг крепости, неся перед собой (ну по крайней мере это Сапожок нес) штандарт все еще отсутствующего короля Заземелья. Следом за ними шли лошади, наверное, довольные, что избавились от седоков, которые не слишком понимали в лошадях. Мул с сундуками, полными кристаллов мысленного взора, трусил следом. День был жарким и безветренным, а потому душным, и все только и мечтали принять ванну и выпить чего-нибудь холодненького.

Горожане высыпали на улицы, чтобы поглазеть на них, и стояли в тени дверных проемов и навесов, подталкивая друг друга локтями и перешептываясь. Абернети подумал, что, может быть, они уже знают. Может быть, все уже знают.

Они выехали из замка Чистейшего Серебра три дня назад: делегация посланцев короля, отправленная специально, чтобы раздать кристаллы мысленного взора жителям Зеленого Дола: и высокорожденным, и беднякам. Решение позволить пользоваться кристаллами было принято не безоговорочно, но тем не менее оно было принято. Советник Тьюс начал уже приходить в отчаяние от бесконечных попыток скрыть отсутствие короля. Становилось все труднее находить предлоги, которые объясняли бы, почему король отказывается лично встречаться с людьми и поручает все дела своему главному советнику. Необходим был какой-то отвлекающий маневр, который бы умерил рвение самых любопытных. Возможно, кристаллы мысленного взора сделают хотя бы это. Надо их вывезти, распределить между людьми, и пусть они пока забавляются. Надо только надеяться, что интерес пропадет не слишком быстро.

Советник, конечно, поехать не мог. Поэтому было логично взамен отправить Абернети, несмотря на все его возражения против этого плана. Кто-то должен был представлять короля, ведь не Хоррису же Кью с его птицей доверить это! Поэтому дело было поручено Абернети, и с ним для защиты и поддержки отправили Сапожка. Предложили и отряд сопровождения, но с ним никто не хотел связываться, включая и Абернети, который предпочитал, чтобы все обстояло проще. Стоит только явиться к лордам Зеленого Дола в сопровождении отряда — и моментально привлечешь к себе внимание. Абернети решил, что это не слишком разумно, и поэтому от отряда отказались.

Кроме того, время было мирное. Ну какие неприятности их могут поджидать, если перед ними выставлен штандарт короля? Никакие.

И они отправились, выйдя из ворот замка и повернув на северо-восток. Путь их лежал через леса и холмы к степям Зеленого Дола. Всем, попадавшимся по пути, они предлагали один из кристаллов. Большинство людей с радостью брали, очарованные их свойствами. Пара встречных, более неприветливая, чем остальные, отказалась даже смотреть на эти глупости. Между Чистейшим Серебром и замками лордов Зеленого Дола было расположено множество ферм и небольших городков, так что они раздали сотни кристаллов. Об этом начали распространяться слухи, и вскоре вдоль дорог их уже поджидали люди. Раздавались все новые кристаллы, и все новые люди уходили осчастливленными. Пока все шло хорошо.

Абернети считал, что надо отдать должное Хоррису Кью. Маг следил за тем, чтобы каждый, кто получал кристалл, знал, что это подарок от короля и что он сам — только представитель короля. Он не пытался присвоить себе славу, нисколько себя не рекламировал. Было очень не похоже на того Хорриса Кью, которого помнил Абернети, и это снова внушило ему подозрение.

Но верный престолу придворный писец не был беспристрастным в этом вопросе. С каким бы недоверием он ни относился к Хоррису Кью и его планам, включая и этот, он безумно привязался к своему собственному, личному кристаллу. Когда он был честен с самим собой (а это бывало все реже и реже), он тревожился из-за того, что эта привязанность превращается в пагубную страсть. Казалось, он попал в плен в ту первую секунду, когда заглянул в удивительные глубины кристалла. Что было ему там явлено, не единожды, но всякий раз, как он туда смотрел? Он сам, снова ставший таким, каким был когда-то: человеком с нормальным лицом. Собачье тело, в которое он был заключен, исчезло навеки. Это было его самой дорогой, самой заветной мечтой, и, когда он заглядывал в многогранный свет кристалла мысленного взора, это становилось явью. Он мог и смотреть на себя прежнего столько, сколько хотел, и с каждым днем он делал это все дольше. Он не только видел, но и ощущал себя человеком, он мог вспомнить, как жил до того, как советник Тьюс произнес свое роковое заклинание и обрек его на нынешнюю судьбу.

Это было порочно-приятное времяпрепровождение, и Абернети не мог от него отказаться. Конечно, это было не столь хорошо, как быть снова собой и выглядеть по-прежнему, но ничего лучшего ему скорее всего не получить. И этим он был обязан Хоррису.

Даже сейчас, приближаясь к огромным воротам Риндвейра и с благодарностью думая о ванне и холодном эле, которые ждут его,

Абернети помнил и о своем кристалле и о перспективе остаться одному и снова заглянуть в его глубины.

Ворота перед ними распахнулись, и они прошли в крепость мимо стражников. Их встретил всего один мелкий служитель двора. Не было ни приветственных фанфар, ни почетного караула, ни личного присутствия Каллендбора, которые полагались бы королю. Посланцам было оказано минимальное внимание, а уж интерес, который они вызвали, был даже меньше минимального. Каллендбору никогда не нравился Холидей, но в последнее время его презрение становилось все более открытым. Кажется, воспоминания о триумфах и достижениях Холидея уже померкли. Холидей не один раз встречался лицом к лицу с Каллендбором и сумел сделать то, чего не удалось лордам Зеленого Дола: он победил Железного Марка, прогнал демонов обратно в Абаддон и объединил королевство под единым правителем. Он победил всех своих противников и преодолел все препятствия. Все это Каллендбор признавал, но не ценил. А теперь, похоже, и признание было под большим вопросом.

Каллендбор встретил их у дверей дворца, облаченный в красные одежды и драгоценные украшения, сопровождаемый советниками и очередными фаворитками. Он был высоким и хорошо сложенным мужчиной, с такими рыжими волосами и бородой, что в солнечном свете они сияли, словно золото. Руки у него были в мозолях и боевых шрамах. Он стоял, наблюдая за приближением делегации, высоко подняв надменную голову, так что создавалось впечатление, будто он смотрит на них сверху вниз, мол, уделяет им свое время и внимание исключительно в силу щедрости. Его поза не задела Абернети: писец уже давно к ней привык. Тем не менее такое демонстративное нахальство ему не понравилось.

— Лорд Каллендбор, — поздоровался шедший первым Абернети, чуть наклонив голову.

— Писец, — отозвался тот с еще менее заметным поклоном.

— Га! Сильный властитель! Сильный властитель! — гаркнул Больши.

Каллендбор моргнул:

— Что это тут? Обученная птица? Ну-ну. Может, это подарок для меня? — Он вдруг разулыбался. — Ну конечно же! Прекрасный выбор, Абернети.

Вот она, удобная возможность, за которую Абернети дал бы что угодно, шанс избавиться от Больши. Абернети невзлюбил птицу с самого первого дня, а птица невзлюбила его, и оба знали отношение друг к другу. В Больши было что-то, ужасно беспокоившее Абернети. Он не мог определить, в чем дело, но это было так. Он

не хотел брать птицу с собой, очень яростно сопротивлялся. Но Хоррис Кью настаивал на том, что птица должна их сопровождать, и главным образом потому, что все путешествие затевалось из-за кристаллов мысленного взора, которые были подношением мага, в итоге птица отправилась с ними.

Абернети открыл было рот, чтобы подтвердить это, чтобы сказать Каллендбору: да, действительно, эта птица в его полном распоряжении. Но он опоздал.

— Милорд, простите, что это жалкое создание отвлекло вас от истинной причины нашего приезда, — быстро вмешался Хоррис Кью. — Эта птица, увы, не дар. Она мой постоянный спутник, мое единственное сокровище, оставшееся от прежней жизни и людей, которые очень много для меня значили и сделали меня таким, каков я есть. Я уверен, вы меня поймете, — тараторил он. — Если уж говорить правду, то эта птица достаточно неприятная тварь, у нее бывают припадки раздражительности, во время которых она начинает клеваться. Она вам не понравится.

Словно в подтверждение его слов, Больши потянулся и сильно клюнул Хорриса Кью в ухо.

— А! Вот видите! — Хоррис замахнулся на майну, которая отлетела подальше, а потом уселась на его второе плечо, сохраняя бдительность на случай новой попытки ее наказать.

— Почему мне не предлагают эту птицу, если я этого хочу? — вопросил Каллендбор, потемнев от гнева. — Вы говорите, что я не могу получить эту птицу, если пожелаю?

— Милорд, птица ваша, если вы желаете, — мгновенно объявил Хоррис Кью. Больши снова гаркнул. — Но вы должны знать, что она почти не говорит, а та фраза, которую вы сейчас от нее слышали — «сильный властитель», — заучена им от короля. Другими словами, король научил ее так обращаться к себе.

Абернети изумленно раскрыл глаза. Наступило весьма долгое молчание. Каллендбор покраснел и выпрямился еще сильнее. Казалось, он готов был взорваться. А потом, очень медленно, опасная краска сбежала с его лица.

— Ладно, я вовсе не хочу ее получить, — презрительно бросил он. — Если выбор за мной, то этого достаточно. Пусть она остается у Холидея. — Он вздохнул, успокаиваясь. — Так. Мы разобрались с этой птицей. Тогда чего вы хотите?

— Милорд, — заговорил Хоррис Кью, снова опередив Абернети, — вы сделали правильное предположение. Мы действительно принесли вам дар, нечто более интересное и полезное, нежели птица. Это кристалл мысленного взора.

Каллендбор снова оживился:

— Дайте посмотреть.

На этот раз Абернети оказался быстрее.

— Мы будем счастливы показать его вам, милорд, но, может быть, в доме, где прохладнее и где нас проведут в комнаты, которые, я уверен, вы распорядились предоставить нам, как посланцам короля.

Каллендбор улыбнулся — не слишком приятное зрелище.

— Конечно. Вы, наверное, совсем измучились. Полагаю, вам нелегко ездить верхом. Пойдемте.

Абернети не пропустил намеренного оскорбления, но не стал на него отвечать, и небольшая процессия двинулась следом за Каллендбором и его свитой. Наконец принесли кружки свеженалитого эля из бочек, которые охлаждались в глубоких водах Берны и Коссельборны, рек, огибающих стены Риндвейра. Были отданы распоряжения относительно комнат и ванн. Каллендбор отвел их на террасу, откуда открывалось несколько дверей, выходивших на плац-парад, и усадил на полукруг стульев. Бóльшая часть его свиты осталась стоять, сгрудившись рядом со своим господином.

— Ну так что это за подарок? — снова спросил Каллендбор.

— Вот он, милорд, — объявил Хоррис Кью и живо достал из кармана один из кристаллов мысленного взора.

Каллендбор принял кристалл и хмуро начал его разглядывать.

— С виду недорогой. Чего он стоит? Погоди-ка! — Он подался вперед, глядя на Абернети, и указал на Хорриса Кью: — Кто это?

— Его зовут Хоррис Кью, — ответил писец, с трудом справляясь с желанием прибавить что-то еще. — Сейчас он на королевской службе. Он-то нашел эти кристаллы.

— «Эти»! — Каллендбор снова повернулся к Хоррису Кью. — Он не единственный? Сколько их?

— Тысячи, — с улыбкой ответил маг. — Но каждый — особенный. Поднимите его перед собой, милорд, чтобы на него падал свет, и загляните внутрь.

Каллендбор подозрительно посмотрел на него, но указание исполнил. Он поднял кристалл, чтобы поймать луч света, а потом наклонился над ним и заглянул в глубину. В этой позе он оставался, пока кристалл не загорелся белым огнем. Тут он вскрикнул и резко отшатнулся, но не оторвал взгляда от камня. А потом вдруг открыл рот и снова подался к кристаллу, и глаза его ярко вспыхнули.

— Нет, неужели? — пробормотал он. — Разве это возможно?

А потом он поспешно сжал камень в ладони, спрятав его свет и то, что он там увидел.

— Все — вон! — приказал он свите, заинтересованно пытавшейся заглянуть ему через плечо. — Сию минуту!

Они исчезли с удивительной быстротой. Когда все ушли, Каллендбор снова посмотрел на Хорриса Кью.

— Что это? — прошипел он. — Какую власть они дают?

Казалось, Хоррис сбит с толку.

— Ну, они... они показывают всевозможные видения, милорд, — свои для каждого владельца. Это развлечение, и только.

Каллендбор покачал головой:

— Да, но... Может быть, они показывают будущее? Скажи мне правду!

— Ну... Может быть, — согласился Хоррис Кью, поскольку был не дурак. — Конечно, не всем, а только некоторым.

И вдруг Абернети тоже начал думать, не так ли это на самом деле. Сам Хоррис, похоже, ничего об этом не знал, но что, если догадка Каллендбора верна? Может быть, видения в глубине кристалла могут стать реальностью? Может быть, Абернети видит себя не таким, каким был когда-то, а каким снова станет?

— Будущее, — задумчиво пробормотал Каллендбор. — Да, возможно.

Что бы Абернети там ни увидел, это ему явно понравилось, но его почти не заинтересовало, что бы это могло быть, — он был слишком поглощен мыслями о собственных видениях. Его грудь больно сжалась, когда он подумал, что сможет снова стать человеком. Если бы только это было правдой!

— Сколько у вас таких кристаллов? — вдруг спросил Каллендбор.

Хоррис Кью сглотнул, не зная, что предполагает этот вопрос:

— Как я уже сказал, тысячи, милорд.

— Тысячи. И сколько они стоят?

— Нисколько, милорд. Они бесплатные.

Казалось, Каллендбор задохнулся от какой-то своей мысли.

— И вы уже много раздали?

— Да, милорд, много. С этой целью мы и пришли в Зеленый Дол: раздавать эти кристаллы людям, чтобы они развлекались тем, что увидят, устав от дневных трудов. Конечно, вам, милорд, — поспешно добавил он, не упуская удобного случая, — они могут давать нечто большее.

— Да, нечто большее. — Каллендбор размышлял вслух. — У меня есть идея. Разрешите мне распределять кристаллы, предназначенные остальным лордам Зеленого Дола. Конечно, я буду передавать их от имени короля. Но так вам не будет необходимости ехать в каждый замок, и вы сможете посвятить себя простому люду.

Это была не просьба. Хоррис Кью взглянул на Абернети, ища у него помощи. Абернети догадался, чего хочет Каллендбор. Он не отдаст кристаллы даром, а потребует немалой платы. Возможно, он скажет им, что эти кристаллы в отличие от тех, что получает простой люд, предсказывают будущее. Но Абернети на это было наплевать. Новость распространится достаточно быстро. Пусть Каллендбор разбирается со своими соседями сам.

Абернети пожал плечами.

— Конечно, милорд, — ответил он. — Как пожелаете.

Каллендбор резко встал:

— Ваши комнаты готовы. Помойтесь и отдохните перед обедом. Тогда мы вернемся к этому разговору. — Каллендбор отвернулся, и было видно, что он с трудом удерживается, чтобы не заглянуть снова в свой кристалл. — О да. Если вам что-то понадобится, скажите слугам.

Он вылетел за дверь, словно камень из пращи, и мгновенно исчез.

Оставшись в комнате один, Абернети вымылся, оделся, выпил еще кружку прекрасного холодного эля и вытянулся на кровати. Достав кристалл, он поднял его к свету и заглянул внутрь. Свет и картины появились сразу же. Он смотрел на себя в своем прежнем облике — молодого человека с широкой счастливой улыбкой, довольно красивого, несмотря на ученый вид, довольно привлекательного. Он играл с детьми, а за ними наблюдала женщина, хорошенькая и скромненькая. Абернети почувствовал, что у него перехватило дыхание. В его жизни никогда раньше не было женщин — ни жены, ни возлюбленной... А теперь вот он ее видит. Возможно, это будущее? Возможно ли, что он видит то, что сбудется?

Он резко сжал кристалл в кулаке и сосредоточился на этой мысли. Будущее. Ведь все возможно, не правда ли? Чего бы только он не дал, если бы это было так! Он знал, что не пожалел бы ничего. Он уставился в потолок с трещинами в старой штукатурке, потом перевел взгляд на поблекшее панно, на котором когда-то была изображена какая-то процессия. Картина потускнела от времени, как и его прошлое. Очень многое из того, что когда-то там было, со временем потерялось. Ему и не хотелось бы снова получить многое, сказал он себе. Достаточно только того, кем он был. Полностью.

Он вдруг вспомнил о Бене Холидее, так желающем оставить прошлое позади. У короля было мало добрых воспоминаний, а перемены, которых он искал, относились не к образу жизни, но к самой жизни. С Абернети все обстояло иначе, но можно было най-

ти и общее. Он попытался представить себе, где находится Холидей, что с ним стало. Нигде не обнаружено и следа короля, хотя поиски были долгими и тщательными и все еще не были закончены. Было тревожно, что он исчез настолько бесследно. А если он никогда не вернется, то всех их ждет недоброе. Новый король может привнести перемены, которые окажутся совсем некстати. Новый король может быть лишен стойкости и упорства Холидея. Для нового короля волшебство может и не сработать.

Он допил эль, печально сидя на краю кровати. После исчезновения Холидея все пошло наперекосяк. Все казалось странным и ненадежным. Ему хотелось иметь возможность изменить положение.

Сапожок отправился разведать местность и посмотреть, не прояснится ли что-то относительно исчезновения короля. Может, ему что-нибудь удастся найти. Может, их поездка в Зеленый Дол окажется результативной. Может.

Абернети снова улегся на постель и поднял кристалл к свету.

Каллендбор не вышел к обеду. И Сапожок тоже. Хоррис Кью и Абернети пообедали одни. Больши смотрел со спинки кресла мага, словно вестник злого рока. Абернети старался не обращать на него внимания, но это было нелегко: птица сидела прямо напротив и злобно смотрела со своего насеста. Абернети ничего не мог с собой поделать. Улучив минуту, когда Хоррис отвернулся, он оскалился на птицу.

Больши потом рассказал об этом Хоррису, но Хоррис не заинтересовался. Они снова вернулись в отведенную им комнату и остались при свете всего одной свечи, горевшей на столике у кровати. Хоррис сидел на постели, а Больши съежился на широком подоконнике.

— Он на меня зарычал, слышал! — горланила птица. — Чуть ли не щелкнул зубами!

Хоррис тревожно озирался. Уголок его глаза резко дергался.

— Зарычал? Нет, я ничего не слышал.

— Ну, хорошо, может, и не зарычал. — Больши не хотел спорить из-за пустяков. — Но он оскалил все свои многочисленные зубы, и намерения его были самые... Хоррис, слушай, что я тебе говорю! Прекрати оглядываться!

Хоррис Кью осматривал комнату. Он только на секунду отвлекся, чтобы взглянуть на Больши затравленным, подозрительным взглядом. Уголок глаза судорожно бился. Птица наклонила голову:

— Что с тобой, Хоррис?

Хоррис Кью неуверенно кивнул:

— Я все время что-то вижу... — Он неопределенно взмахнул рукой. — Там... — Он пожал плечами. — Иногда в тени деревьев или зданий, иногда ночами, в темных углах... Я его вижу. У меня такое чувство, что за мной наблюдают. — Он сделал глубокий вдох. — По-моему, он где-то тут.

— Бурьян? — Больши вздохнул. — Не глупи. Как он может быть здесь? Он не выходит из пещеры. Тебе мерещится.

Хоррис обхватил себя руками, словно продрог. Его огромный нос агрессивно выдвинулся вперед.

— Я все вспоминаю Холидея, ведьму и дракона и то, что он с ними сделал. Я тревожусь: вдруг ты был прав и он то же самое сделает и с нами?

— Ну и не говори тогда, что я тебя не предупреждал. — Это признание доставило Больши огромное удовлетворение. — А с другой стороны, мы слишком далеко зашли с этими кристаллами, так что теперь об этом уже поздно думать.

Хоррис встал и начал беспокойно ходить по комнате, заглядывая в углы и за шкафы. Больши насмешливо наклонил свою черную с белым хохолком голову. Напрасная трата времени, думал он. Если Бурьян не захочет, чтобы его видели, так его и не увидят. Такое уж он существо.

— Может, ты все-таки сядешь и успокоишься? — раздраженно спросил Больши. Хоррис передал ему свою нервозность.

Хоррис вернулся к кровати и снова уселся.

— Знаешь, что сказал Бурьян, когда я спросил его, что станет с Холидеем и остальными в Шкатулке Хитросплетений?

Больши не мог вспомнить, и ему было в общем-то наплевать. Но он спросил:

— Что, Хоррис? Расскажи мне.

— Он сказал, что их поймали волшебные туманы. Он сказал, что заклинание забвения направит их по дороге, у которой нет конца. Они не будут знать, кем они были. Они не вспомнят, откуда они пришли. Они будут замурованы в туманах, и туманы будут играть ими и в конце концов сведут с ума. — Хоррис содрогнулся. — Бурьян сказал, что на это уйдет много времени.

— Не наша забота, — хмыкнул Больши. — У нас и так хватает всяких треволнений.

— Знаю, знаю. — Хоррис поерзал и снова всмотрелся в тени, словно что-то услышал. — Я просто никак не могу перестать об этом думать.

Больши стало противно.

— Ну так смоги. Нас ждет немало неприятностей, если это мероприятие с кристаллами пройдет не так, как ожидал Бурьян. А с другой стороны, нас ждет немало хорошего, если оно пройдет удачно. Для Бурьяна Заземелье — это всего лишь ступенька к чему-то другому, но для нас оно главный приз. Если будем вести себя поумному, то получим побольше, чем со Скэтом Минду.

— Знаю, знаю.

— Прекрати это повторять! Терпеть не могу, когда ты напускаешь на себя снисходительность.

Хоррис вскочил на ноги, дрожа от ярости:

— Заткнись, Больши! Захочу, так буду напускать на себя все, что угодно! — Заломив руки, он снова стремительно оглядел комнату. — Я знаю, что делать, и сделаю. Я ведь все это время так и поступаю, верно? Но мне не нравится, когда за мной наблюдают! Мне не нравится, когда кто-то сидит здесь, а я его не вижу!

Больши сплюнул:

— Хоррис, в последний раз тебе говорю: Бурьяна здесь нет!

Хоррис с досадой сжал кулаки:

— А если он здесь есть?

— Да, а если я здесь есть? — проговорил Бурьян из темноты бельевого шкафа, и Хоррис хлопнулся в обморок.

Когда Бурьян с ними покончил, когда он запугал их настолько, что мог не сомневаться: они выполнят все, чего от них он хочет, и ни на йоту не отступят от заданного им курса, чудовище, словно паук, спустилось по наружной стене замка. Достигнув земли, Бурьян обернулся человеком и вышел через крепостные ворота в город. Передвигаться ему становилось все легче: его магическая сила все прибывала с тех пор, как он высвободился из волшебных туманов и Шкатулки Хитросплетений. Теперь он уже мог принимать почти любой вид. Скоро он сможет быть кем и чем угодно.

Он внутренне улыбнулся, представляя себе все перспективы.

Хоррис и птица — идиоты, и Бурьян был намерен сохранять их только до того времени, как он завершит планы по уничтожению Заземелья. После этого он покончит с ними.

Они ведь не ожидали, что он тоже отправится в путешествие. Они не могли понять, как ему это удалось. Ну что ж, их ждет еще немало сюрпризов. Лучше всего не давать им успокаиваться, пусть немного дергаются. Пусть говорят о нем что хотят, только пусть при этом им будет страшно. Страх в умеренных дозах — очень полезная вещь.

Выйдя за пределы города, Бурьян снова изменил свой облик и двинулся к темной полосе леса, виднеющейся вдали, сам при этом став не более чем тенью, скользившей по земле. Они тревожатся о Холидее, ведьме и драконе, вот как? Ну и не напрасно. Там может быть жутко именно так, как они боятся. Наверняка его пленники в Шкатулке Хитросплетений уже мечтают о том, чтобы вырваться из своего кошмарного существования. Наверняка они гадают, что же им нужно сделать. Печально, но они никогда этого не узнают.

Бурьян добрался до леса и сосредоточил свою магию, чтобы вызвать демонов Абаддона. Настало время для нового совещания. Им уже скоро предстоит войти в Заземелье. Бурьян хотел, чтобы они были к этому готовы. Огненные линии протянулись от его рук, вонзаясь в землю.

Ответный недовольный рокот раздался почти в то же мгновение.

ГЛАВА 13

ШИШИГИ

Рыцарь, дама и химера шли через лабиринт весь этот день и потом следующий. Они двигались вдоль реки, направляясь вниз по течению. Временами река становилась настолько широкой, что ее противоположный берег совершенно исчезал в тумане и плоская серая поверхность уходила вдаль, напоминая гладкий камень. В ее глубине не играла ни одна рыбка, над ее поверхностью не пролетала ни одна птица. Они проходили по изгибам и излучинам, оставляя их позади, но река все текла дальше, не меняясь и не кончаясь.

Они больше никого не встретили — ни речных цыган, ни кого-то еще, не видели никаких животных. Легкое шебуршание, которое изредка настораживало их, всегда происходило в глубоком сумраке леса и исчезало в мгновение ока.

Рыцарь часто искал Марево, но его не было видно. Он долго пытался понять, каким образом оно появлялось: им двигала непонятно откуда взявшаяся уверенность, что оно как-то связано с ними. Как сказала химера, ощущалась некая алчность в том, как оно шло за ними. Оно двигалось следом не без причины, и эта причина была наверняка связана с тем, почему они застряли в лабиринте.

Он не видел и не слышал Марева, но ощущал его присутствие. Оно всегда было рядом, за пределами видимости. Оно ждало.

Но чего оно ждало?

Вечером того дня, когда он вызволил даму от цыган, она спросила его, почему он ее спас. Они сидели в сумраке — последние лучи дневного света просачивались в темноту — и смотрели, как из леса к реке ползет туман. Они остались вдвоем: химера куда-то скрылась одна, как часто делала по ночам.

— Ты мог бросить меня и идти дальше, — заметила дама спокойно-вопросительно. — Я подумала, что ты так и сделал.

— Я не стал бы так поступать, — ответил он, не глядя на собеседницу.

— Почему? Зачем было себя утруждать? Неужели я так важна для твоего господина, что ты готов ради меня рисковать своей жизнью? Неужели я настолько редкое сокровище, что ты скорее готов умереть, чем потерять меня?

Рыцарь смотрел в темноту не отвечая.

Она пригладила свои длинные черные волосы:

— Я твоя собственность, а ты никому не позволишь отнять у тебя твою собственность. Ты поэтому явился за мной, да?

— Ты мне не принадлежишь, — сказал он.

— Значит, я собственность твоего господина. Движимое имущество, которое ты не смеешь потерять, чтобы не навлечь на себя его гнев. В этом дело?

Рыцарь посмотрел на нее и увидел в ее глазах презрение и горечь.

— Скажи мне одну вещь, миледи. Что ты помнишь о своей жизни до той минуты, когда очнулась в лабиринте?

Она поджала губы:

— А с чего это я должна тебе рассказывать?

Рыцарь встретился с ней взглядом и уже не отвел глаз при виде гнева, пылавшего в ее взоре.

— Я о своей жизни почти ничего не помню. Знаю, что был рыцарем на службе короля, вел от его лица сотни боев и во всех победил. Знаю, что нас что-то связывает: тебя, меня и, по-моему, химеру тоже. Что-то случилось со мной и привело сюда, но я не могу вспомнить, что именно. Можно подумать, что вся моя жизнь украдена. — Он помолчал. — Я в бешенстве, что не могу ответить на твои вопросы, потому что у меня нет на них ответов. Я не знаю имя господина, которому служу. Я даже своего собственного имени не знаю. Не знаю, откуда явился и куда направляюсь. Я вызволял тебя не из преданности своему господину и не потому, что

выполнял долг, которого не могу припомнить, но потому, что ты — единственное, что у меня осталось в жизни. Если я потеряю тебя, если откажусь от тебя, то что у меня останется?

Она пристально смотрела на него, и ее горячий гнев начал остывать, сменяясь пониманием и даже долей страха.

— Я тоже ничего особенного не могу вспомнить, — тихо проговорила дама, и, казалось, ей больно было произносить эти слова. — Помню, была важной персоной, была сильной и знала, что мне нужно. Когда-то я владела волшебством. — Голос ее пресекся, словно она вот-вот заплачет. Но она не заплакала. Она овладела собой и добавила: — По-моему, меня послало сюда волшебство. Кажется, ты прав: мы были вместе и попали сюда по одной и той же причине. Но еще мне кажется, что это ты виноват в случившемся, а не я.

Он кивнул:

— Возможно.

— Я виню только тебя в этом.

Он снова кивнул:

— Говори, говори. Я не обижусь.

— Но я рада, что ты здесь и что именно ты меня вызволил.

Он был настолько изумлен, что не смог ответить.

На следующую ночь, когда химера исчезла в сгущающейся темноте и они устроились на берегу реки, дама снова с ним заговорила. Она куталась в свою накидку, словно ей холодно, хотя воздух был влажным и теплым и ветра не чувствовалось.

— Как ты думаешь, мы сумеем отсюда выбраться? — спросила она чуть слышно.

— Вырвемся, — ответил он уверенно.

— Лес и эта река тянутся и все не кончаются. В них нет никаких изменений. Туманы обволакивают нас и не дают ничего видеть. Здесь нет ни людей, ни зверей. Нет птиц. — Она медленно покачала головой. — Здесь повсюду волшебство: оно правит всем лабиринтом. Может, ты его не чувствуешь, но я чувствую. Это магическое место, и без помощи волшебства нам отсюда не вырваться.

— Нам встретится город, или перевал через горы, или какое-то...

— Нет, — прервала она его, быстро подняв тонкую руку, приказывая ему молчать. — Нет! Не будет тут ничего, кроме реки, леса и туманов. Никогда. Ничего.

На следующее утро он проснулся рано после беспокойной, почти бессонной ночи. Слова дамы преследовали его как мрачное предсказание, забыть которое было невозможно. Она все еще спала, распластавшись в высокой траве на своем плаще: лицо ее было безмятежным и гладким, и на нем не было ни следа гнева или отча-

яния, ни намека на горечь и страх. Она казалась прекрасной, когда лежала так, совершенно безупречная. Холодность, которая иногда в ней ощущалась во время бодрствования, во сне сменилась мягкостью.

Он смотрел на нее, пытаясь понять, чем они были друг для друга до того, как попали в лабиринт.

Спустя мгновение он встал и подошел к реке. Плеснув водой на лицо, он утер его краем плаща. Когда он обернулся, рядом с ним оказалась химера. Уродина скинула свою накидку. Роса блестела на ее щетинистой шкуре, словно капли воды на рептилии, только что вышедшей из глубин реки. Перепончатые крылья бессильно висели за ее сгорбленной спиной. Безобразное лицо казалось задумчивым. Химера смотрела на реку. Она не стала заговаривать, просто стояла рядом.

— Куда ты ходишь ночами? — спросил рыцарь.

Химера улыбнулась, показав желтые зубы:

— В лес, где самые густые тени. Там мне спится лучше, чем на открытом месте. — Она посмотрела на рыцаря. — А ты думал, я хожу на охоту и поедаю крошечных существ, которые двигаются слишком медленно и не могут оказать мне сопротивление? Или я устраиваю какое-то дьявольское кровавое жертвоприношение?

Рыцарь покачал головой:

— Ничего я не думал. Просто мне интересно.

Химера вздохнула:

— По правде говоря, я раба привычки. Мы ведь уже говорили о том, что́ помним или не помним? Лучше всего я помню свои привычки. Я уродлива, и большинство меня презирает. Это реальности моей жизни. Поскольку я так отвратительна окружающим, я стараюсь держаться в сторонке. Я выискиваю такие места, куда другие не пойдут. Я прячусь в темноте и тенях и предпочитаю оставаться наедине с собой. Для меня так лучше всего. — Она снова отвела взгляд. — Когда-то раньше я ела других существ. Я ела всех, кого хотела, и путешествовала там, где мне заблагорассудится. Я могла летать. Я парила в небесах, ничем не связанная, и ничто не могло удержать меня. — Ее желтые глаза снова обратились к рыцарю. — Но что-то переменилось, и мне кажется, что это как-то связано с тобой.

Рыцарь моргнул от изумления:

— Со мной?! Но я тебя даже не помню!

— Странно, правда? Я слышала, что говорила тебе дама: о ее уверенности в том, что лабиринт волшебный. Я слышала из-за деревьев. По-моему, она права. По-моему, нас перенесло сюда вол-

шебство, и именно это волшебство держит нас здесь в плену. Разве ты этого не ощущаешь?

Рыцарь покачал головой:

— Не знаю.

— У лабиринта нет ощущения реального места, — сказала химера. — Ему не хватает для этого множества разных мелочей. Он кажется искусственным, словно его создали сны, где все происходит чуть-чуть не так, как мы привыкли в реальной жизни. Разве ты не почувствовал этого в том городе и потом с цыганами? Волшебство на это способно, и, по-моему, именно это оно здесь и сделало.

— Если это так, — тихо проговорил рыцарь, — тогда дама права и когда говорит, что нам отсюда не вырваться.

Но химера покачала головой:

— Нет, это только значит, что раз нас сюда привело волшебство, то и вывести тоже должно волшебство. Это означает, что нам надо искать выход другим способом.

Рыцарь снова устремил взгляд вдаль. Какой еще способ мог существовать? Он ничего другого придумать не мог. Они сами лишены магических сил, у них остались только его оружие да их ум и изворотливость. Этого было недостаточно.

В тот день они снова шли вдоль реки и ничего не менялось. Река все катила свои воды, лес уходил вдаль, туман и сумрак окутывали все вокруг. Монотонность лабиринта становилась почти невыносимой. Рыцарь поймал себя на мысли, что они идут по тем местам, которые уже проходили. Он замечал знакомые приметы на местности, узнавал уже виденный ландшафт. Что, конечно, было невозможно. Они шли в одном направлении, не поворачивая, так что не было никакой вероятности, что они повторяют уже пройденный путь. Однако это чувство его не оставляло. Оно начало подтачивать былую решимость рыцаря.

Они остановились на ночлег у поворота реки, где лес подходил почти к самому краю воды и можно было укрыться под его пологом. Они сделали это потому, что рыцарю хотелось, чтобы химера могла спать с ними, не уходя куда-то в одиночку. На нее и без того наложила печать ее уродливая внешность, и ему казалось несправедливым, что ей приходилось каждую ночь прятаться. Им надо изо всех сил стараться, чтобы связывающие их узы оставались прочными. В этом путешествии они были спутниками и каждый мог рассчитывать только на остальных. Даже дама перестала подзуживать химеру и время от времени разговаривала с ней почти вежливо. Рыцарь решил, что это неплохое начало.

Его внимание было вознаграждено: химера не ушла в темноту, а свернулась клубочком всего в нескольких шагах от них в тени раскидистого дерева. По крайней мере этой ночью она будет спать рядом с ними.

Их разбудили грубые прикосновения, вытащившие из сна, словно они были дровами в поленнице. Мощным прыжком рыцарь вскочил на ноги, дико озираясь. Как настолько близко и неслышно подобрались к ним? Дама прижималась к рыцарю, и он слышал звук ее резкого дыхания. Химера скорчилась в нескольких шагах от них, поблескивая желтыми глазами в слабом свете начинающегося дня.

Вокруг них толпились чудовища, окружившие их лагерь и перекрывшие все пути к отступлению. Их было не меньше дюжины — громадных узловатых чудищ, стоявших на мощных ногах, правда, на полусогнутых, словно на четвереньках им было передвигаться не менее удобно. Внешне чудища смутно напоминали человека: две ноги, две руки, торс, кисти и ступни, голова... Но тела их были покрыты странными шишками и уродливыми узлами мускулов, обтянутых грубой шкурой. Лица их были почти плоскими, но глаза и рыла влажно поблескивали, когда они рассматривали своих пленников.

Одно из чудищ забурчало, и в широко раскрытой пасти блеснули громадные клыки. Оно бормотало что-то, больше похожее на хрюканье и рычание, неопределенно тыкая руками сначала в них, потом в сторону реки и, наконец, леса.

— Они хотят узнать, откуда мы взялись, — сказала дама.

Рыцарь изумленно посмотрел на нее:

— Ты их понимаешь?

Она кивнула:

— Понимаю. Я не могу это объяснить. Никогда раньше их не видела. Я не знаю их языка. Даже не могу облечь в слова все их звуки. Но смысл их мне ясен. Я могу его расшифровать. Ну-ка посмотрим, смогу ли с ними объясниться.

Она сделала несколько ловких движений руками. То чудище, которое говорило, снова похрюкало. Потом оно обвело взглядом своих приятелей и покачало головой.

— Они хотят знать, что мы здесь делаем. Говорят, что нам здесь не место, что мы чужие. — Дама опять отошла от рыцаря, вновь обретя спокойствие. — Им не нравится наш вид.

— А сами-то они что за штуковины? — прорычала химера, тоже обнажая зубы.

Дама снова «поговорила» с чудовищем.

— Они называют себя «шишиги», — сообщила она. Лицо ее напряглось. — Говорят, что собираются нас съесть.

— Съесть?!

Рыцарь ушам своим не поверил.

— Они говорят, что мы люди, а люди для того и существуют, чтобы их есть. Я не могу разобрать всего. Но речь идет о каком-то обычае.

— Пусть лучше держатся от меня подальше! — прошипела химера. Она свила свои мышцы в стальные тросы и выпустила когти. Вот-вот она сделает что-то роковое для них всех.

Шишиги начали новую дискуссию: все громко хрюкали и размахивали руками. Они явно не могли о чем-то договориться. Рыцарь окинул чудовищ оценивающим взглядом. Ох и громадные, и любые два могут оказаться сильнее его. Он ощутил тяжесть палаша у себя за спиной. Клинок поможет, но все же противников слишком много. Надо найти способ немного выравнять положение.

Химера думала о том же.

— Нам надо бежать, — проскрипела она.

— Оставайтесь на месте, — хладнокровно проговорила дама. — Они спорят о том, что с нами делать. Они примитивны и суеверны. Нескольким что-то в нас очень не понравилось. Дайте мне разобраться, что именно.

Спор продолжался, становясь все горячее. Оскалились клыки, выставились когти... Две шишиги рычали друг на друга. Вид у этих существ был крайне свирепый. Рыцарь встревожился, что они окажутся гораздо более быстрыми и сильными, чем ему показалось вначале.

— Нам надо выбраться из этого круга, — негромко сказал он, тайком берясь за рукоять палаша.

В эту секунду две спорившие шишиги накинулись друг на друга, выпустив когти, кусаясь и страшно вопя. Рыцарь и его спутницы отступили под таким напором, и круг, в котором они стояли, распался. В ту же секунду химера бросилась к реке. Рыцарь последовал за ней, таща за собой даму. К их изумлению, шишиги не бросились в погоню. Рыцарь на бегу оглянулся через плечо, но никого не увидел. Из-за деревьев доносились звуки боя между двумя спорщиками. Как это ни парадоксально, но пленники перестали их интересовать.

Добравшись до кромки воды, они пытались найти возможность пересечь реку, когда снова появились шишиги. Сразу стало ясно, почему они не поторопились вначале: они выпрыгнули из леса, словно тигры, и двигались настолько быстро, что настигли их в

считанные секунды. Теперь их было всего семь, но в сумраке они казались очень страшными: огромные мускулистые тела, сверкающие клыки и когти, напоминающие кинжалы.

— Вытаскивай меч! — предупреждающе вскрикнула дама, а когда рыцарь помедлил, сама схватилась за рукоять и попыталась высвободить клинок из ножен.

— Не надо! — резко бросил он, отталкивая ее руку. Она яростно добивалась своего.

Шишиги замедлили шаги и начали их окружать.

— Слушай! — крикнула она. — Твой меч делает больше, чем ты думаешь! Помнишь горожан? Помнишь цыган? Марево появлялось тогда, когда ты обнажал оружие и вступал в бой!

Он недоверчиво уставился на нее:

— Нет! Тут нет никакой связи!

— Должна быть! — прошипела она. — Больше мы никогда Марева не видели. А когда оно появляется, то нас никогда не трогает, а пожирает только тех, кто нам угрожает! Каким-то образом связаны. Меч и Марево! И то, и другое — это оружие, уничтожающее наших врагов. Подумай сам!

Она тяжело дышала, и ее бледное лицо блестело от пота. Химера придвинулась к ним поближе, не спуская пристальных глаз с окруживших их шишиг.

— Возможно, она права, — негромко проговорила химера. — Прислушайся к ее словам.

Рыцарь упрямо покачал головой.

— Нет! — снова повторил он, думая про себя: «Как это может быть, как это вообще могло быть?..»

И вдруг он понял. Правда открылась ему, словно возник перед ним выскочивший из укрытия зверь, чудовищный и жуткий. Ему следовало догадаться раньше, следовало распознать его сущность. Он подозревал, что между ними и Маревом есть какая-то связь, знал, что тут существует какая-то зависимость, которую он не может разгадать. Все это время он считал, что Марево охотится за ними, что оно преследователь, ожидающий, когда придет час нанести им удар. Но, как видно, ошибся.

Марево не выслеживало их, оно путешествовало вместе с ними. Потому что принадлежало только ему и никому другому.

Марево было его исчезнувшими доспехами.

Рыцарь ощутил леденящий холод. Его доспехов не было с ним, когда он очнулся в лабиринте, и тем не менее он ощущал, что они где-то близко. Его доспехи всегда были такими — они были скрыты и ждали лишь вызова. Они появлялись по его приказу и окутывали

его, так что он мог безбоязненно вести бой со своими противниками. Вот как всегда было.

Но здесь, в туманах лабиринта, вид его доспехов переменился. Волшебство их извратило, отравило, изменило до неузнаваемости. Его доспехи превратились в Марево. Совершенно очевидно, что именно так и есть. Иначе почему Марево всякий раз приходило на помощь, когда им грозила опасность, а потом снова пряталось в туманах? Как еще можно было бы объяснить это?

Он задыхался, его охватил такой жуткий холод, что он не мог пошевельнуться. Значит, то, чего он так боялся, оказалось правдой: он виновен в гибели всех тех людей, он в своем обличье воина уничтожил и горожан, и речных цыган, убил их всех, даже не сознавая, что губит всех именно он.

Рыцарь стоял, ошеломленный своим ужасным открытием.

— Нет! — прошептал в отчаянии он.

Рыцарь ощутил, что дама положила руки ему на плечи, поддерживая его, стараясь придать ему силы. Шишиги приближались все смелее при виде его явной нерешительности, его неспособности действовать.

— Сделай же что-нибудь! — вскрикнула дама.

Химера быстро кинулась на шишиг, но стоявший впереди всех только оскалил зубы и не отступил.

— У меня нет волшебства! — в отчаянии вскричала дама, изо всей силы встряхивая рыцаря.

Тут он скинул со своих плеч ее руки, пришел в себя и осознал, в какой опасности они оказались. Дама была бессильна против стольких врагов. Силы химеры были слишком малы. Чтобы остаться в живых, им нужна его помощь. Но если он обнажит свой палаш, появится Марево и уничтожит эти существа, так же, как оно уничтожило горожан и речных цыган. Этого он не сможет вынести.

Но есть ли у него еще какое-нибудь оружие?

В отчаянии, почти не сознавая, что делает, он сунул руку под рубашку и вытащил медальон, на котором было выгравировано изображение рыцаря, выезжающего на рассвете из замка. Высвободив его, он поднял медальон перед собой, словно это был талисман. Он не знал, на что надеялся. Он знал только, что этот медальон — единственное, что осталось у него из прошлой жизни, и от него исходит то же ощущение странности и удаленности, что и от его доспехов.

Эффект, который произвело на шишиг появление медальона, оказался просто потрясающим. Они мгновенно отпрянули. Некоторые упали на колени, другие заслонили глаза руками. Все стара-

лись отодвинуться от него как можно дальше, словно он был для них проклятием. Взвизгивая, скуля, дрожа от страха и благоговения, они начали уползать в лес. Рыцарь поднял медальон выше и шагнул вперед. Тут они не выдержали и бросились бежать, словно преследуемые силами ада. Забыв всю свою воинственность, они хотели только оставить как можно большее расстояние между собой и медальоном. Передвигаясь на четырех конечностях, они мощными прыжками унеслись прочь.

«Почему?» — изумленно подумал рыцарь.

В наступившей тишине громко разносились звуки его дыхания. Руки его опустились, и он поднял лицо вверх, к туманам.

Дама подошла к рыцарю и встала прямо перед ним, заглядывая ему в лицо. Он не видел ее — он смотрел прямо перед собой, ничего не замечая.

— Что ты сделал? — тихо спросила она. Он не ответил. — Ты нас спас. Все остальное не важно. — Он не откликнулся. — Послушай, — сказала ему дама, — забудь о жителях того города, забудь о цыганах. Ты не виноват в том, что с ними случилось. Ты ведь не знал. Ты сделал то, что должен был сделать. Если бы ты поступил иначе, мы сейчас были бы мертвецами или пленниками.

Химера скрючилась рядом с дамой, закутавшись в накидку, пряча лицо:

— Он тебя не слышит.

Дама кивнула. Лицо ее посуровело.

— Ты собираешься нас бросить? Ты сдашься из-за этого? Как защитник своего господина, ты всю жизнь убивал людей. Это твоя суть. Разве ты можешь это отрицать? Посмотри мне в глаза! — Его глаза словно остекленели. В них стояли слезы. Протянув руку, она три раза дала ему пощечину. Каждая отдалась в тишине звонким треском. — Посмотри мне в глаза! — прошипела она. — Теперь он послушался, и в его взгляде, обращенном к ней, загорелась жизнь. Она подождала, убеждаясь, что он ее видит. — Ты сделал то, что надо было сделать. Смирись с тем, что иногда последствия оказываются тяжелыми и неожиданными. Смирись с тем, что ты не можешь всегда рассчитать все наперед. В этом нет ничего постыдного.

— Есть, — прошептал он.

— Они нам угрожали! — взорвалась она. — Они могли нас убить! Разве стыдно, что ты убил их первым? Неужели твое чувство вины настолько сильно, что ты подарил бы им жизни за счет наших?

Неужели ты совсем обезумел? Где твоя сила? Если она исчезла, я не допущу, чтобы ты был моим хранителем! Я не сдамся в плен такому человеку! Если ты чувствуешь себя опозоренным, верни мне сейчас же мою свободу!

Он покачал головой:

— Я действовал инстинктивно, а должен был сверяться с рассудком. Мне нет оправдания.

— Ты так смешно выглядишь! — с издевкой бросила она. — Почему я трачу на тебя время? Из-за тебя я оказалась в ловушке и даже не знаю, как это произошло! Ты украл мою жизнь, ты лишил меня волшебной силы! А теперь ты хочешь лишить меня защиты твоей жалкой магии! Ты говоришь, что ею нельзя пользоваться, потому что она может причинить кому-то вред! Ты готов жалеть тех, кто попытается нас уничтожить. Но мы должны уничтожить их первыми!

Он сжал зубы:

— Я жалею всех, кто должен умереть от моей руки. И ничего тут не поделаешь.

— Значит, ты — ничтожество! Ты хуже, чем ничтожество! Оглянись вокруг и скажи, что ты видишь. Это мир туманов и безумия, сэр рыцарь! Неужели ты еще не заметил? Он быстро уничтожит нас, если мы будем недооценивать его опасности или проявим слабость. Не раскисай. Стой прямо, иначе ты — просто пес!

— Ты ничего обо мне не знаешь!

— Я знаю достаточно! Я вижу, что ты скис. Ты больше не можешь нас вести! — Ее лицо было жестоким и холодным как лед. — Теперь я сильнее тебя. Я могу идти одна! Оставайся на коленях, если не можешь встать! Оставайся и купайся в своей жалости! Я больше не желаю иметь с тобой дела!

Она хотела было повернуться, но рыцарь цепко схватил ее за запястье.

— Нет! — крикнул он. — Ты не уйдешь!

Дама попыталась ударить его кулаком, однако он удержал ее руку. Взглянув в его лицо, она увидела, что оно снова стало суровым и напряженным. В глазах не осталось и тени слабости.

— Если ты уйдешь, — прошипел он, — то только со мной!

Она смотрела на него молча. А потом свободной рукой медленно прикоснулась к его щеке. Почувствовав, как он содрогнулся, она улыбнулась. Проведя пальцами по его шее, она положила руку ему на плечо, подалась вперед и поцеловала рыцаря в губы.

ГЛАВА 14

ГОРСТЬ ПРАХА

Абернети остановился на середине лестницы, которая вела из его спальни в большой зал Риндвейра, и в ужасе прислушался. Внизу лестницы Каллендбор орал на Хорриса Кью. У ворот крепости жители Зеленого Дола пытались вломиться в замок. Повсюду царил хаос...

Плохие настали времена.

С самого начала Абернети знал, что с Хоррисом Кью и великой раздачей кристаллов мысленного взора выйдет что-то неладное. Он знал это так же хорошо, как знал свое собственное имя. Это было настолько предсказуемо, что рассказ о предстоящем вполне можно было высечь на камне. На протяжении долгих лет Хоррис Кью ввязывался во множество предприятий, накидывал целые вороха идей касательно быстрых исправлений и панацей и каждый раз терпел фиаско. Всякий раз случалось одно и то же. Все начиналось очень многообещающе, а потом вдруг шло вразнос. Каковы бы ни были обстоятельства, результат всегда был одинаков. Хоррис Кью каким-то образом терял управление процессом, который сам же и начинал.

Хоть Абернети и знал все заранее, это его не спасло. Знание остается бесполезным, если оно не подкреплено верой. По правде говоря, Абернети нужно было верить как раз в противоположное, потому что, если он считал, что с Хоррисом Кью и его идеями никаких изменений даже за эти двадцать лет не произошло, тогда ему надо было бы признать, что кристаллы мысленного взора — это совсем не то, что кажется. А он не мог заставить себя так думать. Абернети был в сетях серьезного самообмана. Его собственный дивный кристалл овладел им крепко. Видения поработили его. Он был пленником перспективы вечно иметь возможность снова видеть свое прежнее обличье и жить надеждой на то, что видимое может быть обещанием, которое когда-нибудь исполнится. Эти видения были его тайным экстазом, его скрытым от всех побегом от суровой правды жизни. Абернети всегда был реалистом и прагматиком, но устоять перед этим соблазном он был бессилен. Чем чаще он вызывал эти видения, тем сильнее они его завораживали. Его пристрастие из слабого превратилось в очень сильное. И дело было не только в том, что видения доставляли ему удовольствие, они давали ему единственный способ бегства, который не был лишен смысла.

И он игнорировал свои подозрения, свою врожденную недоверчивость, свой здравый смысл и шел с Хоррисом Кью и ненавистной птицей по пути к полному хаосу.

Неумолимые факты относительно того, к чему все это ведет, появились достаточно рано. Их небольшая группа прошла от Риндвейра, города Каллендбора, в другие области Зеленого Дола к другим людям, прослышавшим о кристаллах мысленного взора и нетерпеливо ожидавшим возможности убедиться, что слышанное ими — правда. У каждого перекрестка и хутора собирались толпы, которым они горстями раздавали кристаллы. Когда Хоррис Кью отказался посетить остальных лордов, положившись на обещание Каллендбора непременно доставить им кристаллы, лорды сами быстро пришли к ним с вопросами: где же их кристаллы? Разве им они не положены? Неужели их лишат сокровища, которое так щедро раздается простолюдинам? Опасаясь избиения и мысленно проклиная Каллендбора за его двуличность, маг поспешно выдал им желаемое. Абернети стало ясно, что Каллендбор взял лишние кристаллы не для того, чтобы их продать. Он взял их себе, чтобы иметь уверенность в том, что, будь его собственный украден или разбит, у него найдутся другие. Но его жадность была бессмысленной. Кристаллов хватало на всех, и с избытком. Их источник казался неиссякаемым. Сколько бы их ни раздавали, число оставшихся, похоже, не менялось. Абернети заметил этот феномен, но, поскольку кристаллы делали его мечту явью, благодушно его игнорировал.

А потом начались слухи. Поначалу их было немного, но число их все возрастало. Люди начали избегать работу. Фермеры запустили свое хозяйство: земли остались незасеянными, скот бродил по полям без присмотра. Изгороди падали, сараи рушились, ремонта никто не делал. Лавочники и купцы открывали и закрывали свои заведения когда им заблагорассудится и не проявляли особой заинтересованности в продаже своих товаров. Одни просто позволяли красть свои, другие раздавали их даром. Строители дорог и зданий бездельничали. Дома больше не возводились. Суды заседали по полдня, а иногда и меньше. Правосудие вершилось равнодушно и наспех. Гонцы с важными вестями являлись с огромным опозданием. Послания составлялись писцами кое-как. Семейная жизнь шла не лучше общественной. Мужья и жены не обращали внимания друг на друга и на детей. Уборку не делали, немытой посуды накапливалось горами. Чистой одежды не было ни у кого. Собаки и кошки бегали голодными.

Причина такого запустения ни для кого не была секретом. Все свободное время каждый проводил, глядя в свой кристалл мысленного взора.

Просто поразительно, насколько быстро вся жизнь пришла в упадок, когда всеми овладела страсть к кристаллам. Одна неполадка влекла за собой следующую, и вскоре получился эффект домино. Работа подождет, думал каждый. В конце концов всегда существует завтрашний день. И к тому же работа — это скучно. Работа — это утомительно. Рассматривать нутро кристалла несравненно интереснее и приятнее. Просто изумительно, до чего быстро летит время за этим занятием. Да ведь целые дни проходят как одно мгновение!

Так все и шло. И потеря одного дня влекла за собой потерю следующего. Все окончательно посходили с ума, и каждый только и делал, что сидел, уставившись в кристалл. Абернети где-то в глубине души, где еще мерцали, словно угасающая свеча, остатки здравого смысла, понимал, что все, происходящее с жителями Заземелья, происходит и с ним тоже. Но он также не мог отказаться от своего кристалла ни на одну секунду. Не сегодня... Может быть, завтра. Да и вообще, все не так уж и плохо, правда?

О Боже! Ну конечно, все было именно плохо. И с каждым днем становилось еще хуже. Абернети первым обнаружил, насколько плохо обстоят дела. Однажды утром две недели спустя после отъезда из Риндвейра он проснулся, сунул руку в карман, достал оттуда свой кристалл, вызвал свое самое любимое видение — и на его глазах драгоценный камень вдруг стал горсткой праха. Он уставился на свою ладонь сначала недоверчиво, потом испуганно и, наконец, в отчаянии. Он ждал, не составится ли кристалл заново, но нет, остался кучкой праха. Пес отнес его Хоррису Кью, отчаянно надеясь, что тот все исправит. Но Хоррис понятия не имел, что случилось. Может, кристалл оказался неудачным, предположил он, тогда даст Абернети новый.

Но когда он открыл сундук, чтобы достать кристалл мысленного взора, тот оказался пуст. И второй сундук тоже. Там не осталось ни единого кристалла, хотя Абернети был уверен, что накануне или по крайней мере два дня назад они там были. Но точно никто не мог сказать. Могло ли так получиться, что они раздали все кристаллы, сами того не заметив? Куда исчезли все кристаллы?

Они дошли уже до восточных границ Зеленого Дола, посетив почти все его уголки и некоторые части Мельхора. Пришлось быстро поворачивать назад. Может, на обратном пути кристаллы найдутся, с надеждой предположил Абернети, стараясь не проявлять слишком сильного беспокойства. Он чувствовал, что Хоррис и эта глупая птица жадно ловят каждое его слово. Может быть, согласился Хоррис. Да, вполне возможно. Но, судя по его словам, он не очень-то в это верил.

Пока Абернети, Сапожок, Хоррис и птица возвращались обратно, появились новые слухи. Кристаллы повсюду начали превращаться в прах. Люди пришли в ярость. Что происходит? Что они будут делать без своих видений? Летаргия сменилась волной насилия. Соседи перессорились друг с другом, пытаясь выпросить, одолжить или отнять силой кристаллы, которые бы заменили те, что они потеряли. Но кристаллов ни у кого не осталось. Все оказались в одинаково ужасном положении: они лишились того, что поначалу было всего лишь развлечением, но очень быстро превратилось в жизненную потребность. На несколько дней люди словно озверели — налетали друг на друга, охваченные гневом и отчаянием, разыскивая кристаллы. А потом они сделали то, что люди всегда делают, когда испытывают достаточно сильное раздражение, — они обратились против правительства. В этом случае их гнев пал на лордов Зеленого Дола. Разве это не они разрешили раздачу кристаллов, с самого начала содействуя ей? Значит, они должны знать, где можно взять новые.

Народ решительно направился к замкам и крепостям своих лордов, намереваясь потребовать, чтобы им вернули исчезнувшее.

Абернети уже тогда следовало бы понять, к чему все идет, но он все еще не оправился от травмы, вызванной потерей его собственного кристалла, и не мог больше ни о чем думать. Он подавленно плелся по дороге, пытаясь представить себе, какой станет жизнь, если в ней не будет кристаллов и видения исчезнут навсегда. Такая перспектива его просто ужасала. Он едва замечал остальных и не обращал внимания на их действия. Когда Хоррис и его птица начали обеспокоенно перешептываться и тревожно озираться, он не увидел этого. Когда к ним присоединился незнакомец в черном плаще, который то был рядом, то снова исчезал, он не осознал этого. Даже когда из разведки вернулся Сапожок, прошипевший ему, что незнакомец весьма подозрительный, Абернети почти его не услышал. Эти заботы его не трогали: он был поглощен своим личным горем, мог вот-вот уйти из реальности.

Прибыв в Риндвейр, они обнаружили такое смятение, что чуть было не прошли мимо замка. К этому моменту у них совсем не осталось припасов, и им очень хотелось выяснить, сохранил ли Каллендбор свой запас кристаллов. Пробившись сквозь осаждавшую ворота толпу и войдя внутрь крепости, они убедились, что, похоже, там все было в полном порядке. Каллендбор встретил их с эгоистичным равнодушием, коротко поздоровался с ними, а потом мгновенно исчез. Кажется, с его кристаллами ничего не случилось. Непонятно было, почему они остались целыми, когда все остальные превратились в прах. Это оставалось тайной, но они считали нера-

зумным пытаться эту тайну разгадать. Они планировали провести в замке ночь, пополнить свои запасы и с первыми лучами солнца уйти к Чистейшему Серебру. Решили, что задерживаться не станут. Никому из них не хотелось быть в замке, если с кристаллами Каллендбора что-то случится.

Абернети поднялся в отведенную ему комнату и не выходил оттуда. Он не был голоден, так что к обеду не спустился. Ему хотелось как можно меньше видеть Каллендбора. Сапожок исчез почти сразу же, как только они попали в замок, и Абернети не знал и не интересовался, куда подевался кобольд. Сапожок не попал в плен к кристаллам и их видениям. Как почти все кобольды, он не интересовался магией и не доверял никакому волшебству, так что с самого начала отказался им пользоваться. Предоставив Хоррису и Абернети заниматься крупномасштабной раздачей кристаллов, Сапожок все время проводил, рыская по Заземелью в поисках пропавшего Бена Холидея. Пока ему ничего не удалось узнать, но он был убежден, что рано или поздно найдет след исчезнувшего короля.

Поэтому Абернети был в одиночестве, когда опустилась ночь и толпа у ворот начала разводить огромные костры перед замком, бросая в них солому с крыш и доски от ближайших к замку магазинов и лавок. По мере того как костры разгорались все жарче, настроение толпы становилось все более мрачным и агрессивным. Вскоре они уже начали бросать что-то в ворота и через стены замка. Крики стали злобными и угрожающими. Надо что-то предпринять, кричали они, и предпринять прямо сейчас! Где их кристаллы? Они хотят получить свои кристаллы обратно! Охранники замка пригибались, пережидая бурю. Их собственное настроение было несколько неуверенным. Многие из них тоже потеряли кристаллы и сочувствовали требованиям толпы. У многих в городе были друзья и родные, которые сейчас кричали им из-за стен. Среди охранников были и такие, которые готовы были открыть ворота. Единственное, что их удерживало, — это слабеющее чувство долга, въевшаяся в душу привычка и вполне оправданный страх перед Каллендбором. Но трудно было сказать, как долго просуществуют эти сдерживающие начала.

Каллендбор, казалось, не замечал проблемы. Путники не видели его с момента возвращения, чему Абернети был глубоко рад. Но когда вопли толпы стали угрожающе меняться, он поймал себя на мысли, что господину замка не мешало бы что-то предпринять. Если Каллендбор будет руководствоваться своим темпераментом, то скорее всего выльет на голову собравшимся кипящую смолу. Но, может быть, Каллендбор заперся в своих личных покоях и свернул-

ся калачиком на кровати со своим дивным кристаллом. Может, он устремил взгляд в его глубины и поглощен такими же видениями, как те, которыми когда-то наслаждался и сам Абернети...

Абернети зажмурился и заскрипел зубами. Право, это было невыносимо. Его вдруг охватила ярость при мысли о том, что у Каллендбора есть кристаллы мысленного взора. Мало того что он пользуется одним — он припрятал несколько десятков! Разве он не должен был бы поделиться ими со своими гостями, в особенности с посланцами самого короля? Разве обычаи и вежливость не требуют этого? Разве не уместно возмутиться и даже потребовать, чтобы он вел себя должным образом?

Абернети сердитым вышел из своей комнаты. Им двигало душевное беспокойство, настоятельная потребность, которую он едва мог осознать.

Вот почему он оказался на лестнице и услышал громкую ссору Каллендбора с Хоррисом Кью, крики которых перекрывали даже шум толпы, собравшейся у стен замка.

— Они исчезли, шарлатан! — яростно орал Каллендбор, и его голос гулко разносился в лестничном колодце. — Все до единого исчезли! Превратились в пыль! Что ты на это скажешь?

— Милорд, я не...

— Слушай меня, идиот! — Каллендбора не интересовали извинения и объяснения. — Я считаю, что в этом ты виноват! Так что изволь найти способ восстановить их прямо сейчас, сию же секунду, или я причиню тебе такую боль, что станешь умолять прикончить тебя. Тебя и твою птицу!

Абернети затаил дыхание. Значит, кристаллы Каллендбора тоже рассыпались в прах! Он почувствовал одновременно и удовлетворение, и разочарование. Заставив себя держаться спокойно, он начал медленно красться вниз, ступенька за ступенькой.

— Ну? — Терпение Каллендбора было таким же коротким, как жизнь мотылька, залетевшего в пламя свечи.

— Милорд, пожалуйста! Для вас я сделаю все, что в моих силах...

— Ты сделаешь то, что я тебе прикажу! — заорал Каллендбор. Послышался звук энергичного встряхивания и стучащих зубов. Хрипло каркнув, Больши захлопал крыльями.

Абернети добрался до поворота лестницы, откуда ему было видно происходящее внизу. Каллендбор приподнял Хорриса Кью над полом, сграбастав его одежды просителя, и тряс изо всех сил. Несчастный маг мотался в руках лорда-великана, словно тряпичная кукла, голова на худой шее бессильно дергалась. Больши кружил над

ними, отчаянно вскрикивая, метаясь из стороны в сторону и явно не зная, что предпринять.

— Верни — мне — мои — кристаллы! — Каллендбор выплюнул свое требование, словно проклятие, для вящей убедительности встряхивая Хорриса Кью на каждом слове.

— Оставьте его, — жестко произнес из теней чей-то голос.

Изумленный Каллендбор повернулся:

— Что? Кто это сказал?

— Оставьте его, — повторил голос. — Во всем этом виноват не он.

Каллендбор швырнул Хорриса Кью на пол, где тот остался лежать, дергаясь и ловя ртом воздух. Лорд Зеленого Дола стремительно обернулся на голос. Его рука опустилась на рукоять меча, который всегда был при нем.

— Кто тут? Покажись!

Фигура, закутанная в черный плащ, отделилась от дальней стены, словно материализовавшись из ничего. Она не столько вышла, сколько выплыла вперед — мягко перетекающее пятно непроницаемого мрака. Абернети инстинктивно подался назад. Это был незнакомец, который присоединился к ним в пути. Как он здесь оказался? Разве он вошел в крепость вместе с ними? Что-то Абернети не помнит, чтобы так было.

— Кто вы? — резко спросил Каллендбор, но голос его немного потерял решительность. Теперь в нем появились нотки неуверенности.

— Друг, — ответил незнакомец. Он остановился шагах в десяти от лорда. Как Абернети ни пытался, лица незнакомца он рассмотреть не смог. — Трясите Хорриса Кью хоть до предела, чтобы у него кости выскочили, но так вам ваших кристаллов не вернуть. У Хорриса Кью их просто нет, чтобы дать вам.

Каллендбор застыл:

— Откуда вы это знаете?

— Я много чего знаю, — сказал незнакомец. В голосе его звучало какое-то странное шипение, словно его голосовые связки когда-то давно были сильно повреждены. — Я знаю, что Хоррис Кью и его спутники в этом деле всего лишь пешки, они делали только то, что им велено было делать, и у них для вас больше нет кристаллов. А еще знаю — им не было известно, что кристаллы, которые они раздают, после недолгого периода действия превращаются в прах. Вас провели, милорд. Обманули как мальчишку.

Рука Каллендбора сжалась на рукояти меча.

— Тогда чьих рук это дело? Если вы так много знаете, скажите!

Незнакомец не шевельнулся — загадочный, непроницаемый. Казалось, ярость лорда его ни капельки не пугает.

— Снимите руку с меча. Вы не можете причинить мне вреда.

Наступило долгое молчание. Хоррис Кью осторожно отодвинулся подальше от Каллендбора, не вставая с четвереньек. Больши застыл на краю лестничных перил, словно каменное изваяние. Абернети затаил дыхание.

Огромная рука Каллендбора опустилась вниз.

— Кто вы? — снова повторил он, совершенно сбитый с толку.

Незнакомец игнорировал его вопрос.

— Подумайте минутку, — настойчиво проговорил он. — Кто прислал вам эти кристаллы? Кто прислал мага с его птицей? Кто прислал писца с гонцом? Кому они служат?

Каллендбор весь напрягся.

— Холидей! — прошипел он.

«Ого!» — пронеслось в мозгу Абернети.

Незнакомец громко рассмеялся странно скрежещущим смехом:

— Ну вот видите! Можно ли придумать лучший способ ослабить ваше положение, милорд, чем выставить вас дураком? Вы с самого начала были как кость в горле короля, и он хочет наконец от вас избавиться. Кристаллы превращаются в прах — и народ обращается против вас. Вы их господин и, следовательно, должны быть в ответе за их беды. План прекрасно работает, как вам кажется? — Каллендбор не находил слов. Он задыхался от ярости. — Новые кристаллы есть, — говорил тем временем незнакомец мягко и убедительно.

Теперь Абернети подался вперед, ловя каждое слово. Кто этот лживый подстрекатель?

— В Чистейшем Серебре их целая комната — они припрятаны до срока, пока не понадобятся. Я сам видел эти кристаллы: их там тысячи тысяч. Разве они не должны по праву принадлежать вам?

На какую-то долю секунды Абернети ему поверил. Он видел перед собой только сверкающую, словно золото, груду драгоценных камней, скрытых от тех, кому они нужны. Но уже в следующую секунду он осознал всю лживость этих слов: он знал, что Бен Холидей никогда не сделал бы ничего подобного, к тому же он вспомнил, что кристаллы доставил Хоррис Кью и только после того, как король исчез.

И он вдруг впервые задумался — нет ли связи между этими двумя событиями.

— Вашу проблему очень легко решить, — добавил незнакомец. Он подошел к Хоррису Кью и с необычайной легкостью поднял его

на ноги. — Скажите вашим людям всю правду о происшедшем. Скажите им, что кристаллы тайно хранит король в Чистейшем Серебре. Посоветуйте им отправиться к королевскому замку и потребовать, чтобы он их раздал! Созовите всех лордов Зеленого Дола. Пусть они соберут свои армии и своих подданных и отправятся с ними к королю. Он не сможет отказать всем вам. Он не сможет противиться, даже если захочет.

Каллендбор кивнул, убежденный этими доводами:

— Хватит с меня Холидея, хватит с меня его интриг!

— Возможно, — задумчиво прошептал незнакомец, — настало время для нового короля. Возможно, настало время для такого человека, который будет прислушиваться к себе подобным, для человека, который не будет так заносчив перед своими подданными.

Абернети чуть не залаял. Он не мог бы гордиться своей реакцией, но она была честной. Он с трудом проглотил лай, лишь приглушенно ахнув.

— Есть люди, которым понятно, как надо употреблять власть. — Негромкий голос незнакомца завораживал. Он сделал короткий неопределенный жест в сторону Хорриса Кью. — Есть люди, которые знают, что такое верность, которые умеют создать подобную ситуацию. Другими словами, лорд Каллендбор, есть люди, которые готовы служить любому господину, который назначает за службу должную плату.

Хоррис Кью вылупился на незнакомца, раскрыв рот. Вновь наступило долгое молчание.

Потом Каллендбор глубокомысленно кивнул:

— Возможно, это так. Да, почему бы и нет? Естественно, если согласиться на определенные условия. Да. Почему бы не найти нового короля? — Но тут он резко покачал головой. — Но надо еще принять во внимание Холидея. Одно дело — потребовать раздачи кристаллов, и совсем другое — свергнуть короля с престола. Ему верно служит Паладин, а против него устоять невозможно.

— О, а что, если Холидей просто исчезнет? — ответил на это незнакомец. Он многозначительно помолчал. — А что, если он уже исчез?

Абернети почувствовал, что у него оборвалось сердце. Так вот оно что! Наконец-то всплыла правда! Исчезновение Бена Холидея действительно связано с Хоррисом Кью и кристаллами мысленного взора, а они, в свою очередь, с таинственным незнакомцем. Происходит нечто ужасное, что-то такое, чего Абернети еще до конца не разгадал. Но совершенно очевидно, что за всем этим стоит незнакомец.

Что же делать?

Он тихо выдохнул. Что бы он ни начал делать, он был уверен в одном: сначала надо выбраться отсюда, и как можно скорее.

Он медленно отступал к лестнице, осторожно поднимаясь по ступенькам.

Однако недостаточно осторожно. Его ботинок царапнул по каменной ступеньке. Звук получился очень тихий, но одна пара ушей оказалась достаточно чуткой.

— Га! Здесь кто-то есть! — предостерегающе гаркнул Больши.

Все стремительно повернулись к лестнице.

— Найди его! — мгновенно зашипел незнакомец.

Абернети бросился наутек, решив, что в этот момент ему не стоит попадать в плен. Первые два шага он оставался на двух ногах, но потом сдался и опустился на четвереньки. Скорость сейчас важнее достоинства — и ведь в конце концов значительная часть его была собакой. Он промчался по лестнице к себе в комнату, не соображая, куда ему деваться. Позади себя он слышал хлопанье крыльев, а в отдалении — топот ног. Шансы на то, что можно будет тихонько выскользнуть из крепости под покровом ночи, испарились. Что же делать? Если они найдут его, то засадят в самую глубокую темницу замка. И это еще в лучшем случае. А то и вообще пришлепнут на месте.

Стрелой влетев в свою комнату, он стремглав захлопнул за собой дверь и задвинул засов. В комнате было темно: свечи еще не зажгли. Он стоял в полумраке, привалившись спиной к двери и тяжело дыша, и слышал, как, хлопая крыльями, мимо пронесся Больши с криками:

— Сюда! Наверх! Он здесь спрятался!

Глупая птица говорит гораздо лучше, чем прикидывается, мрачно подумал Абернети и... внезапно увидел пару желтых глаз, уставившихся на него из темноты.

— Гав! — На этот раз он не удержался и взлаял. Теперь его обложили с двух сторон. Он вжался спиной в дверь, на какое-то время застыв на месте. Затем начал судорожно ощупывать свою одежду в поисках оружия, но оружия не оказалось, так что пришлось просто оскалиться. Желтые глаза с любопытством мигнули, и к нему приблизилось знакомое лицо.

— Сапожок! Фу ты, — облегченно выдохнул Абернети. Действительно, это оказался кобольд. — Ну и рад же я тебя видеть! — Сапожок что-то проверещал в ответ, но Абернети не слушал его. — Надо отсюда выбираться, Сапожок. Каллендбор, Хоррис Кью и тот незнакомец засекли меня, когда я подслушал их разговор. Они хо-

тят свергнуть Холидея! Кажется, они уже что-то с ним сделали. Я потом все расскажу, если ты сможешь нас отсюда вызволить!

Сапожок спрыгнул с подоконника, на котором сидел, пронесся как вихрь к двери, распахнул ее и с лету хватанул Больши, который пытался проникнуть в комнату. Больши, завопив, шарахнулся в сторону, но у Сапожка в руках осталась горсть черных перьев. Птица улетела, крича от боли и негодования. Сапожок из-за двери поспешно поманил Абернети, и писец выскочил следом за ним. Каллендбор и Хоррис Кью как раз показались в конце коридора. Незнакомца с ними не было.

Сапожок и Абернети бросились бежать в другую сторону, оба на всех четырех конечностях. Как побитые псы, на бегу подумал Абернети.

Они спустились вниз по черной лестнице и через коридор попали в маленькую кладовку. Там в стене за панелью оказался потайной ход, и через секунду они уже на ощупь пробирались по узкому тоннелю. По крайней мере Абернети в темноте мог двигаться только ощупью — он был лишен обостренного зрения Сапожка. Они шли осторожно и очень долго, но, когда подземный ход кончился, снова оказались за стенами крепости.

Незаметно они пробрались по почти уснувшему городу и вышли в поля. В пути Абернети снова вспомнил о пропаже своего кристалла. Это заставило его расплакаться, но он сумел спрятать свои слезы от Сапожка. Спустя некоторое время боль отступила. К тому же полегчало от мысли, что возвращение его прошлого было даром лжепророка. Хоррис Кью одурачил его, а это даже больнее, чем от потери сладких видений. Как ни неприятно ему было признаваться в этом себе, но, потакая своим слабостям, он сделал возможным этот спектакль, и, вероятно, теперь за это расплачивается Бен Холидей. Очевидно, что Абернети должен приложить все усилия к тому, чтобы постараться исправить положение, а для этого нужно как можно скорее сообщить советнику Тьюсу о происшедшем. После всего, что случилось, будет трудно смотреть волшебнику в глаза. Ведь Тьюс тогда так и не взял кристалла. Абернети еще подумал, что старик слишком упрям и горд, чтобы принять что-нибудь от Хорриса Кью. И, как теперь выяснилось, был совершенно прав! Да, будет очень нелегко предстать перед ним. Но это необходимо. Возможно, еще есть шанс все исправить.

Эту ночь беглецы провели в старом сарае в нескольких километрах к юго-западу от Риндвейра. Солома, на которой они прилегли, была полна блох и воняла навозом, но Абернети сказал себе, что это еще очень малая плата за его невероятную глупость и за то,

что он остался на свободе. Лежа в темноте и отчаянно почесываясь, прислушиваясь к спокойному дыханию спящего рядом Сапожка, придворный писец Заземелья поклялся себе, что, как только наступит час расплаты за все содеянное, он непременно позаботится, чтобы Хоррис Кью, его птица и незнакомец в черном плаще получили по заслугам.

ГЛАВА 15
ТАНЕЦ СНОВ

Ночь приближалась к концу замедленным, глухим отливом звуков и движений, и улицы Гринвич и Виллидж стали пустынными и тихими. По ним бесцельно ползли одинокие автомобили, и люди парочками еще бродили по тротуарам, но это было предрассветье. Огни светофоров с неизменной точностью меняли свой зеленый, желтый и красный свет и отражались от асфальта, на котором мелкий дождь оставил грязновато-влажную пленку. В дверных проемах и в переулках спали бездомные: оборванные груды одежды, тени, свернувшиеся в темноте. В воздухе стоял мерзкий запах отбросов, смешанный с испарениями, поднимавшимися из решеток сточных коллекторов и вентиляции подземки и от только что вымытых улиц. Где-то далеко, в гавани, завыл гудок какого-то судна.

Ивица в молчании шла с Дирком с Лесной опушки, ощущая себя одинокой и замученной. Ей не следовало бы испытывать такие чувства. Ее уверенность в себе должна была бы значительно укрепиться, она не должна бояться будущего. Две трети ее похода за почвами трех миров для рождения ее ребенка уже были завершены. Ей оставался только один, последний этап квеста. Но именно он страшил ее больше всего. Пусть мир Бена был ей неприятен и даже противен — эти огромные города, пожиравшие землю, и почти непреодолимое равнодушие к ценности жизни, — но больше всего ее пугали волшебные туманы.

С этим страхом трудно было справиться. Он проистекал из истории ее народа, из его намеренной отстраненности от туманов, его решения принять тяготы и ответственность перед реальностью, отказавшись от фантазии, его решимости вступить на дорогу смертности. Страх коренился в рассказах о том, что случалось со смертными, отва-

жившимися войти в волшебные туманы, о безумии, овладевавшем ими, когда они оказывались не в состоянии приспособиться к требованиям мира, где все было воображаемым и не было ничего постоянного. А еще он крылся в предостережении Матери-Земли, которая велела опасаться мотивов предложенной народом эльфов помощи, потому что они всегда скрывают свои истинные цели, тая их от таких, как Ивица.

Она взглянула на Дирка с Лесной опушки, пытаясь отгадать, какие секреты таит от нее призматический кот. Насколько им движут одному ему известные побуждения? Есть ли какой-то злой умысел в том, что он сопровождал ее в этот мир, а теперь поведет в следующий? Она могла бы спросить его, но не сомневалась, что он ничего не скажет. Ни та его часть, что принадлежит эльфу, ни та, что принадлежит коту, не допустит прямого ответа. По природе своей он был загадкой и не откажется от своей сущности.

Поэтому она продолжала идти, стараясь не задумываться над тем, что должно произойти дальше. Они сошли с главных улиц и начали пробираться по переулкам, заставленным мусорными контейнерами, заваленным всяким хламом, загроможденным ржавеющими машинами. Они перешли из света уличных фонарей в область туманного сумрака, и их путь освещался только далеким светом ламп, тускло отражавшимся от стен зданий. Туман и пар образовали узкий коридор, затянув тротуары и скрыв ночь. Их прикосновение заставило Ивицу содрогнуться: ей отчаянно захотелось снова увидеть сияющее солнце.

А потом они оказались в пространстве между двумя зданиями, где дымка была настолько густой, что за ней ничего не было видно. Дирк замедлил шаги и повернулся, и Ивица сразу же поняла, что у нее больше нет выбора.

— Вы готовы, миледи? — почтительно спросил он, что было нехарактерно для Дирка и моментально заставило ее испугаться еще сильнее.

— Да, — ответила она, но не была уверена, произнесла ли она это вслух.

— Держитесь ближе ко мне, — посоветовал кот и начал поворачиваться.

— Дирк, — быстро окликнула его Ивица. Он приостановился и оглянулся. — Это ловушка?

Призматический кот моргнул.

— Не моя, — сказал он. — Я не могу ручаться за то, что можешь задумать ты. Хорошо известно, что люди часто попадают в ловушки своего собственного изготовления. Может быть, и с тобой так случится.

Она кивнула, обхватив себя руками, чтобы согреться.

— Я доверяюсь тебе. Я боюсь за себя и за моего ребенка.

— Не доверяйся коту, — философски заметил Дирк, — если на тебе нет толстых перчаток.

— Я доверяюсь потому, что вынуждена — есть у меня перчатки или нет. Если ты меня обманешь, я пропала.

— Ты пропадешь, если только сама это допустишь. Ты пропадешь, если только перестанешь думать. — Кот пристально смотрел на нее. — Ты сильнее, чем тебе кажется, Ивица. Ты в это веришь?

Она покачала головой:

— Не знаю.

Между ними легкий ветерок вдруг протянул ленту тумана, и на секунду кот исчез. Когда он появился снова, глаза его по-прежнему пристально смотрели на Ивицу.

— Я когда-то сказал Холидею, что людям надо получше прислушиваться к тому, что говорят коты, ведь мы можем дать вам немало полезных советов. Я напомнил ему, что это наиболее распространенный среди людей порок: они слушают недостаточно внимательно. И тебе говорю то же самое.

— Я была внимательна, — ответила она, — но я не уверена, что поняла тебя.

Дирк наклонил голову:

— Иногда понимание приходит со временем. Так. Ты готова?

Ивица сделала шаг вперед:

— Не бросай меня, Дирк. Что бы ни случилось, не бросай! Ты мне это обещаешь?

Дирк с Лесной опушки покачал головой:

— Коты не дают обещаний. Ты готова или нет?

Ивица выпрямилась:

— Я на тебя полагаюсь. — Кот промолчал. — Да, — уверила она тогда. — Я готова.

Они вошли в узкий проход между домами, заполненный туманами, и мгновенно были ими проглочены. Ивица смотрела туда, где впереди шел Дирк, с трудом различимый сквозь дымку. Поначалу туманы были темными, но постепенно посветлели. Стены зданий исчезли, городские запахи пропали. В одно мгновение все вокруг них переменилось. Теперь они оказались в лесу, в мире огромных старых деревьев, чьи ветви сплетались вверху, закрывая небо. Трудно было продираться сквозь густые заросли кустарников и высоких папоротников. Пахло древними, забытыми временами. Воздух был переполнен запахами плесени и гниения и затянут туманным сумраком, окутавшим все вокруг, превращая лес в

тени и полумрак. Ощущалось какое-то движение, но ничего нельзя было рассмотреть.

Дирк смело шел вперед, и Ивица следовала за ним. Она один раз попробовала оглянуться, но от города не осталось и следа. Она вышла из того мира и оказалась теперь в этом. Она в волшебных туманах, и все снова будет незнакомым.

Сначала Ивица услышала голоса, невнятный шепот и бормотание, доносившиеся из полумрака. Она силилась разобрать слова, но у нее ничего не получалось. Голоса то становились громче, то затихали, но все время оставались неразборчивыми. Дирк шел не отвлекаясь.

Потом она увидела лица: из теней стали возникать странные и необычные черты, резкие и угловатые, с волосами из моха и бровями из кукурузных рылец. Устремленные на нее взгляды были острыми как кинжалы, а тела — такими тонкими и легкими на вид, что казались почти воздушными. Эльфы то стремительно передвигались, то приостанавливались, то появлялись, то исчезали — вспышки жизни в переменчивом сумраке.

Дирк все шел.

Они вышли на поляну, окруженную деревьями, туманом и более густым сумраком. Дирк вышел на середину и остановился. Ивица последовала за ним и, повернувшись, обнаружила толпящийся повсюду народ эльфов. Их лица и тела прижимались к дымке, словно к стеклу.

Ей начали нашептывать голоса, тревожные, убеждающие:

«Добро пожаловать, королева Заземелья.

Добро пожаловать, потомок эльфов, на землю твоих предков.

Мир тебе, останься с нами ненадолго.

Посмотри, что может здесь ждать тебя с ребенком, которого ты носишь...»

И она вдруг оказалась на поле ярко-красных цветов, которых никогда в жизни не видела. Она несла на руках ребенка, малыша, тщательно закутанного в белое одеяльце, закрытого от яркого света. Запахи поля были удивительно богатыми и завораживающими, солнечный свет — ярким и успокаивающим. Она ощутила невероятную легкость и счастье, она была переполнена надеждой, а перед ней расстилался целый мир: поселки, и города, и хутора, весь его народ, вся его жизнь. Дитя шевельнулось у нее на руках. Она приподняла край одеяльца, чтобы взглянуть на лицо ребенка. Дитя смотрело на нее. Оно было похоже на нее. Оно было бесподобным.

— Ах! — вскрикнула Ивица и расплакалась от переполнившего ее счастья.

И тут она снова очутилась на поляне, в мире волшебных туманов, снова глядя в сумрак.

И голоса снова шептали:

«Так и будет, если ты пожелаешь.

Сделай свое счастье таким, каким ты хочешь, королева Заземелья. У тебя есть право. У тебя есть возможность.

Оставайся в туманах. Тут ты и твой ребенок будете в безопасности, в безопасности среди нас, и все будет так, как ты видела...»

Она тряхнула головой, сбитая с толку:

— В безопасности?!

«Останься с нами, потомок эльфов!

Стань снова такой, какими были твои предки!

Останься. Если ты останешься, твое видение осуществится...»

И тут ей открылась истина. Она поняла, какую цену ее просят заплатить, чтобы дитя ее оказалось таким, каким ей его показало видение. Но на самом деле это будет не так: ведь они оба будут жить в вымышленном мире, и все вокруг будет не чем иным, как произведением их фантазии. И она потеряет Бена. Конечно, о Бене никто не упоминал, потому что он не будет принят в эту землю обетованную: чужак, житель другого мира, который никогда не сможет стать частью жизни эльфов.

Она посмотрела на Дирка, но призматический кот не обращал на нее никакого внимания. Он сидел полуотвернувшись и старательно умывался. Его внешнее равнодушие было демонстративным и неслучайным.

Она снова взглянула на море лиц в тумане.

— Я не могу здесь оставаться. Мое место в Заземелье. Вы должны это знать. Выбор был сделан за меня еще очень давно. Я не могу вернуться сюда. Да и желания нет.

«Серьезная ошибка, королева Заземелья.

Твой выбор касается и дитя. Как насчет ребенка?»

Голоса зазвучали по-другому, более настойчиво. Она уняла поднимающийся было страх перед тем, что это может означать.

— Когда мой ребенок станет достаточно взрослым, чтобы судить обо всем самостоятельно, он сам примет решение.

Раздался общий ропот, звучавший неодобрительно. Он говорил о недовольстве и плохо скрытом гневе, о дурных намерениях.

Ивица напряженно выпрямилась.

— Вы дадите мне почву, которая нужна моему ребенку? — спросила она.

Шепот сменился молчанием. Потом один голос ответил за всех:

«Конечно. Тебе была обещана почва, когда ты сюда шла. Ты можешь взять ее. Но, чтобы это получилось, ты сначала должна сделать ее своей...

Земля эльфов не может выходить из туманов, пока берущий ее не воздал ей хвалу и не принял в свои объятия...»

Ивица снова взглянула на Дирка. Никакой реакции. Кот по-прежнему умывался, словно в мире не было ничего более важного.

— Что нужно для этого? — спросила она у лиц.

«То, что в твоей крови, девочка-сильфида. Танцуй, как тебя научила танцевать твоя мать, лесная нимфа. Танцуй на земле, на которой стоишь. Когда ты это сделаешь, она станет твоей собственной и ты сможешь взять ее и уйти из наших туманов...»

Ивица застыла, пораженная такими словами. Танцевать? За этим что-то кроется. Она это ощущала, она была в этом уверена. Но никак не могла понять, что именно.

«Танцуй, королева Заземелья, если хочешь получить нашу землю для своего ребенка...

Танцуй, если хочешь закончить свой трудный путь и родить...

Танцуй, Ивица из потомков эльфов...

Танцуй...»

И она послушалась. Начала она медленно: несколько осторожных шагов, чтобы посмотреть, что будет, несколько небольших движений, чтобы проверить, все ли в порядке. Ее одежда казалась тяжелой и обременительной, но она решила не снимать ее, как сделала бы при других обстоятельствах. Она хотела быть готовой на тот случай, если произойдет что-то неожиданное. Но ничего не произошло. Она еще протанцевала, сделав побольше шагов и более сложные движения. Ее тревога и настороженность слегка улеглись, уступив место удовольствию от танца, — она всегда так любила танцевать! Лица эльфов, казалось, отступили в туман; острые глаза и тонкие носы, веревочные волосы, руки и ноги, похожие на палки, словно кусочки света и движения, вернулись в полумрак. Только что они были здесь — и вдруг исчезли. Она оказалась одна. Если не считать Дирка, который внимательно наблюдал за нею со стороны. Он застыл, словно был вытесан из камня.

Она начала танцевать быстрее, вдруг захваченная потоком шагов, ритмом движений, радостью, которая завихрилась и поднялась у нее в душе. Ей вдруг показалось, что здесь, в волшебных туманах, она может танцевать виртуознее, изящнее, грациознее, чем в реальном мире. Ее усилия были вознаграждены успехом, превосходившим все, что она прежде знала. Ее радость росла по мере исполнения все более сложных фигур: она кружилась и вертелась, подскакивала и выгиба-

лась, легкая, как воздух, быстрая, как ветер. Она танцевала и понимала, что вдруг стала танцевать гораздо лучше, чем когда-либо удавалось ее матери, что она за секунды освоила то, над чем ее мать билась всю свою жизнь.

Теперь она сбросила с себя одежду, забыв об опасениях, отказавшись от осторожности и сдержанности. Через мгновение она уже была полностью обнажена.

Она летала по поляне, оставшись одна в своем полете через туман и полумрак, забыв обо всем. Да, этот танец был всем, чего она могла бы желать! Да, он даст ей то, на что она никогда не надеялась! Она приподнималась и опускалась, и снова приподнималась, и танцевала все темпераментнее. Перед ее глазами возникли радужно-яркие краски, свежие, словно цветы в огромном, безграничном саду, тщательно подобранные и невообразимо благоуханные. Она парила над ними, как птица, была свободна, как ветер. С ней рядом были другие птицы, ярко расцвеченные, дивно поющие. Они летели рядом, показывая ей путь. Она поднялась из сада прямо в небо, направляясь к солнцу, к небесам. Ее танец нес ее, увлекал все дальше, давал ей крылья.

Она могла видеть то, что желала: любую возможность, любую надежду. Они все были здесь, и все принадлежали ей. Она танцевала, забыв про все на свете. Она больше не помнила, где она находится и почему она здесь. Она больше не помнила о Бене и своем ребенке. Танец затмил всех. Танец стал для нее целым миром.

Из окруживших поляну туманов за ней наблюдали эльфы и, невидимые, улыбались друг другу.

Тут Ивица могла бы пропасть, оказаться навеки в сетях своего танца, если бы Дирк не чихнул. Казалось, для этого не было причины: это вышло просто случайно. Это был крошечный звук, но его хватило, чтобы вернуть ее из пропасти. На долю секунды она увидела краем глаза призматического кота — и вспомнила. Она увидела, что он смотрит на нее, и его прямой непроницаемый взгляд был открытым осуждением. Что он сказал ей? Она спросила его о ловушках, и он предостерег ее: люди обычно попадают в те, что сделали сами. Да, как эта. Этот танец.

Но она не могла остановиться. Она была слишком захвачена его наслаждением и его чудом, чтобы прекратить движение. Она сделала как раз то, против чего он ее предостерегал: поймала сама себя и теперь не может высвободиться. Она поняла, что именно это и задумали для нее эльфы — чтобы она танцевала и танцевала без устали и никогда бы не ушла. Здесь родится ее дитя, здесь, в волшебных туманах, и когда оно родится, то будет принадлежать им.

Они оба навсегда будут принадлежать эльфам. Почему? Почему им этого хочется? Ответа она не знала.

Ее мысли разлетелись, и какие-то секунды она снова была на грани того, чтобы соскользнуть обратно в сны. Но, кружась по поляне, она не спускала глаз с Дирка, видела, как он смотрит на нее, и отчаянно старалась придумать, что ей делать. Танцевать всегда? Она никак не может остановиться. Но она должна! Должна! Она не допустит, чтобы такое с ней случилось, сказала она себе. Она найдет способ высвободиться.

Бен. Если бы Бен был здесь, он бы ей помог. Бен, на которого она всегда может рассчитывать, который мысленно всегда с нею, который навечно соединен с ней клятвой. Бен — сила, которая поддерживала ее тогда, когда не оставалось ничего больше. Он всегда приходит ей на помощь. Всегда.

Но как он может прийти к ней на сей раз?

«Бен!»

Она что, позвала его вслух? Ивица точно не знала. Просто почувствовала, что Дирк отдаляется. Она уже еле различала его сквозь завесу танца, сквозь волшебство, захватившее ее в плен.

«Бен!»

И на одну только секунду он оказался рядом — мелькнули, появившись из времени и пространства, его лицо, его глаза. Он был здесь — все еще далеко, но досягаем.

Ивица вдруг увидела возможность вырваться. Она обратит волшебство эльфов себе на пользу, применит его по-своему. Оно приготовило ей ловушку, и она позволила это, но выход все же существует. Танец — это сон, а сон можно изменить, если у нее хватит силы. Она еще не совсем пропала — пока. Если она сама этого не захочет. Если не забудет.

Она закрыла глаза и в вихре танца позвала Бена Холидея. Она может вообразить его, как могла вообразить и все остальное. Это — волшебство мира эльфов. Если она прогонит свой страх, она сможет управлять видениями, овладеть ими, воздействовать на их направление. Вот какой урок когда-то преподал Бен. Вот почему ее и предостерегал Дирк. Используй волшебство, чтобы освободиться. Используй танец, чтобы вырваться.

— Бен! — позвала она, и голос ее прозвучал звонко и уверенно.

И тут произошло нечто удивительное и совершенно неожиданное.

Рыцарь лежал в лабиринте и спал, вытянувшись во весь рост на земле, под сенью дубов, чья листва сомкнулась вверху, словно ша-

тер. Дама, примостившись поудобнее, спала, прижавшись к нему. Голова ее лежала у него на плече, рука нежилась на его груди. Она улыбалась. Этой ночью жесткость, так часто уродовавшая ее лицо, исчезла. Туман и сумрак висели повсюду, закутав весь мир и всех, кто в нем бродил, но на эту минуту рыцарь и дама забыли об остальном мире.

Химера сидела в нескольких шагах от них, съежившись под своим плащом, и беспокойно за ними наблюдала. Ей казалось, что происходит что-то не то. Она не могла бы объяснить, в чем дело, но в развитии событий она чувствовала некую ложь. Ощущение было безошибочным. Эта пара была врагами, и их новый союз был неразумен и неверен. Химера полагала, что их порыв обернется против них. Возможно, он даже их погубит.

Ее уродливые черты сморщились от отвращения, и она решительно отвернулась.

К рыцарю во сне пришло видение. Сначала сон был лишен фокуса: в неопределенных звуках и движениях он унесся куда-то сквозь время и расстояние, стремясь к какой-то неизвестной цели. Он был умиротворен и поэтому не сопротивлялся притяжению, захватившему его. А потом он начал слышать голоса — нет, один голос, который называл какое-то имя. Он слышал, как имя повторяется снова и снова. Он узнал этот голос, хотя и не мог вспомнить, кому он принадлежит. И имя тоже казалось знакомым — Бен.

На ходу он прислушивался к звукам, нутром ощущая, что приближается к ним, что его притягивают, что его зовут специально — Бен.

А потом его словно дернула огромная рука, и он почувствовал, что снова оказался на земле и стоит в полный рост. Теперь голос звучал совсем явственно и очень близко. Его звала женщина, и она была в опасности. Он ее знал, он был с ней связан, и она просила его защиты.

Рыцарь сразу же бросился к ней, вытягивая из ножен огромный палаш, пробиваясь сквозь лес, где деревья нависали над ним. Это был лабиринт — и в то же время это был не он. Он не мог объяснить, в чем дело, но эти два места были разделены — и в то же время соединены. Все элементы были теми же. Он поднял палаш перед собой, готовясь вступить в бой. У него по-прежнему не было тяжелых доспехов: он был только в кольчуге, кожаном одеянии, при ремне, в сапогах и перчатках. Но он почти не обратил на это внимания. Он не ощущал страха перед тем, что его ждало. Уверенность, которую давала ему его правота, прогнала все сомнения. Его долг — приходить на помощь тем, кому он поклялся, а звавшая его женщина была среди них первой.

Он добрался до поляны. Там, где она раскрывалась небу, в туманной дымке что-то светилось. При его приближении разбежались какие-то фигуры — небольшие существа, худые и угловатые, сплошные острые углы и кусочки моха и палочек. Они шарахались от него, словно от смертельной заразы, шипя и метаясь, будто загнанные в угол крысы. Он прошел между ними, не замедляя шага, и остановился в центре поляны.

Женщина, танцевавшая в неясном свете и полутьме, бросилась к нему в объятия и ухватилась за него, словно он был якорем спасения в бушующем море. Ее обнаженное тело дрожало, словно от сильного холода, и она прижималась к нему, уткнувшись лицом в грудь.

— Бен, — прошептала она. — Ты пришел!

Рыцарь прижал женщину к себе, пытаясь успокоить ее дрожь, и вдруг на него волной нахлынули воспоминания.

— Ивица! — яростно прошептал он в ответ.

И тут он все понял. Обман, сковывавший его, распался при ее прикосновении, при звуке ее голоса, при виде ее лица. Хоть он и спал, но каким-то образом этот сон был явью. Он был призван к ней во время сна, но они оказались вместе столь же реально, словно это был не сон и они были здесь во плоти. Она цеплялась за него, шепча его имя, рассказывая что-то, чего он не мог понять. Они были в волшебных туманах. Эльфы заключили ее в плен танца, и она не могла вырваться на свободу. Их дитя хотят отнять и оставить здесь навсегда. Но тут все становится реальностью, если только можно это себе вообразить, и поэтому она вообразила его появление, чтобы он спас ее, помог в отчаянной попытке освободиться. И он действительно пришел, но не так, как она думала. Он действительно оказался здесь. Как это произошло? Как он прорвался в волшебные туманы?

Вокруг них в сумраке шипел и метался разъяренный рой эльфов. Их обуревала ярость. Он увидел, что неподалеку сидит Дирк с Лесной опушки и наблюдает за ними в своей обычной кошачьей манере. Дирк с Лесной опушки? Что он тут делает?

Ах, но гораздо важнее — что было сделано с рыцарем из лабиринта, который теперь узнал, что он Бен Холидей? Чары забвения были разбиты, и на него нахлынули воспоминания. Волшебством его вырвали из Сердца и заключили в испещренной рунами Шкатулке. Это последнее, что он помнил до своего пробуждения в лабиринте. А еще — что там стоял Хоррис Кью, что он поставил Шкатулку на землю и отступил как раз в тот момент, когда Бен упал в нее, летя вверх тормашками с...

У него замерло сердце: с Ночною Мглой и Страбоном. С дамой и химерой.

Истина оглушила его, так что какое-то мгновение он не мог ни двигаться, ни дышать. Он цеплялся за Ивицу, словно они поменялись местами, и теперь она стала спасательным кругом, который не давал ему пойти ко дну. Она ощутила его потрясение и быстро подняла голову, обхватив руками его лицо.

— Бен, — снова прошептала она. — Пожалуйста, не переживай. Ничего страшного.

Он огромным усилием скинул с себя оцепенение. Краем глаза увидел разрывы. Ткань сна, который привел их друг к другу, начала распадаться, исчезать. Волшебство заканчивалось. Ивица тоже это почувствовала. С окончанием танца сну стало нечем питаться. Она начала одеваться, не обращая внимания на тихие звуки ярости, доносившиеся из туманов. Она снова пришла в себя и была полна решимости не поддаться новому обману. Одевшись, она наклонилась над землей, где танцевала, и собрала горсть почвы в мешочек, привязанный на талии.

Бен недоуменно наблюдал за ней. Он шагнул в ее сторону, но почувствовал, что не может двигаться. Посмотрев на себя, он с ужасом увидел, что начинает блекнуть.

— Ивица! — предупреждающе воскликнул он.

Она сразу же выпрямилась и поспешила к нему. Но он уже начал терять форму и четкость, возвращаясь в свое видение, в свой сон, в темницу, где по-прежнему был заключен. Он услышал, как она зовет его, увидел, как она протягивает к нему руки, как пытается его задержать. Но не смогла. Волшебство, которое свело их вместе в волшебных туманах двух миров, распадалось.

— Ивица! — снова вскрикнул он, на этот раз отчаянно. Он хотел замедлить свое исчезновение — и не мог. — Я сумею тебя найти! Обещаю! Я за тобой обязательно приду!

— Бен! — в последний раз услышал он ее оклик, а потом он снова поднялся вверх, став прозрачным, присоединившись к туманам, превратившись в частицу воздуха и ветра, уносимую через пропасть, которая их разделяла, обратно в сон.

Оставшись одна на замолкшей поляне, Ивица смотрела вверх, в клубящийся сумрак. Бен исчез. Волшебство ее видения было достаточно сильным, чтобы его вызвать, но не чтобы его удержать. Он освободил ее от танца, но не смог остаться и помогать ей дальше. Она почувствовала, как ее снова захватывает отчаяние и к глазам подступают слезы. Но на переживания времени не было — не

было времени ни для чего, кроме ее ребенка. Она сделала гнев своей броней и стремительно повернулась к Дирку с Лесной опушки.

— Я хочу уйти домой, — проговорила она негромко и уверенно. — Прямо сейчас.

Призматический кот моргнул:

— Так иди, королева Заземелья.

— Ты меня не остановишь?

— Я... нет.

— А эльфы, которые окружают эту поляну?

Дирк зевнул:

— Они потеряли интерес к этой игре. Тебе не кажется странным, что они не смогли бросить Холидею вызов?

Она задумалась. Это действительно было странно. Почему они его отпустили? И ее. Что не дало возможности им вмешаться?

— Какую дорогу мне выбрать, Дирк? — в замешательстве спросила она.

Дирк с Лесной опушки встал и потянулся.

— Подойдет любая. Все приведут тебя туда, куда тебе суждено попасть. Твой инстинкт поведет тебя. Как я уже говорил раньше, ты сильнее, чем тебе кажется.

Она ничего не ответила: ее слишком рассердило то, что с ней сделали, и ей было не до комплиментов. Он помог ей, как всегда, по-кошачьи странно. Она не знала, произошло это случайно или намеренно, но в любом случае призматический кот не был ей другом. Волшебные туманы и все живущие в них существа, включая и Дирка с Лесной опушки, были ей отвратительны. Она хотела поскорее убраться отсюда.

— Ты идешь со мной? — спросила Ивица.

— Нет, — ответил Дирк. — Я тебе больше не нужен. Твое путешествие закончено.

И это было правдой. У нее были почвы, которые ей приказали собрать, — почвы трех миров, откуда прослеживается кровь ее ребенка. Если верить Матери-Земле, то теперь ее ребенок может родиться. Больше ей ничего не надо делать, больше ничего от нее не требуется. Она может возвращаться домой.

Завернувшись в плащ, любовно прижимая к себе мешочек с почвой, она повернулась и пошла. Она поступила так, как ей было сказано, и повиновалась своим инстинктам. Как это ни странно, их голос был очень ясным. Они повели ее прямо сквозь деревья. Они вели ее в глубь туманов, пока она не исчезла...

ГЛАВА 16

ПРОБУЖДЕНИЕ

Бен Холидей, вздрогнув, проснулся. Он стремительно открыл глаза и посмотрел прямо перед собой, сквозь предрассветный сумрак, в лес лабиринта. Он не пошевелился — не мог заставить себя двинуться. Он застыл на месте, словно скованный льдом. Вопросы теснились в его мозгу, сменяя друг друга, — шепоты и мрачные насмешки. Встреча с Ивицей только приснилась или она произошла наяву? Это была правда или дикий плод его фантазии? Сколько из того, что он помнит о происшедшем, было на самом деле?

Дама, не пробудившись, теснее прижалась к нему. Химера сидела сгорбившись на краю леса в нескольких шагах от них, опустив голову. Бен моргнул. Ночная Мгла? Страбон?

Он закрыл глаза и какое-то время лежал так, стараясь сообразить, что случилось. Почему-то ему открылась правда — в этом можно было не сомневаться. Он не рыцарь — он Бен Холидей. Рыцарь — это лишь некое воплощение его настоящей личности. То же самое относится к даме и химере. Лабиринт и его волшебство изменили их. А возможно, изменило то волшебство, которое отправило их сюда, тот гнусный обман, который им еще предстоит понять. Им дана была личность, отражающая некую грань их собственной личности, доселе скрытую. Похоже, они сильно разнились с тем, чем были на самом деле. Сильнее всех переменился Страбон — он даже перестал быть драконом. Ночная Мгла осталась узнаваемой, но тоже изменилась, только он не мог объяснить, как именно. Они оба лишились магии. Оба потеряли силу и могущество, которыми обладали в Заземелье.

Бен снова открыл глаза. Между стволами и ветвями деревьев висел туман. Он ковром покрывал травы, на которых они лежали. Лабиринт был громадным, бесконечным миражом, сквозь который их взоры проникнуть не могли.

Что с ними сделали?

Хоррис Кью. Маг был причастен ко всему этому, хотя, по правде сказать, трудно поверить, чтобы у него хватило могущества для заточения их в этом не-мире. Но он был там, в Сердце, и смотрел на происходившее. Он достал Шкатулку, в которую их заманили, в которой они сейчас были в плену. Бен повторил эти слова: «В плену Шкатулки». Как, вдруг подумал он, это было осуществлено? Хоррис Кью. Бен старался дышать медленно и размеренно, чтобы

легче было думать. Можно ли как-то воспользоваться тем, что он знает об участии Хорриса Кью в происшедшем? Где они оказались? Ну да — в лабиринте, но где тот находится?

Мысли его переключились на другое. Ивица. Он пришел к ней. Это ему не привиделось, а если и привиделось, то в этом видении была большая доля реальности. Все становится возможным, когда находишься в волшебных туманах, где реальность подвижна и можно изменять ее по своему желанию. Его привело к Ивице волшебство, волшебство, рожденное ее танцем и ее воображением. Она позвала его к себе, потому что не могла высвободиться. А теперь она свободна? Помог ли он ей вырваться, прежде чем закончился сон? И вообще — что она делала в волшебных туманах?

На эти вопросы ответа не было — они приносили только новые вопросы. Бен не мог себе позволить долго на них останавливаться. Слишком большое количество вопросов его задушит. Сейчас важно только одно: вырваться из лабиринта и отыскать Ивицу. Должен существовать способ. Волшебство было использовано для того, чтобы скрыть от него, кто он такой, и этому должна быть причина. В этой скрытности должно найтись что-то, что поможет ему, что поможет им всем.

Он снова оглянулся на своих спутниц, на их с ящие молчаливые фигуры.

Конечно, они все узнают. Он им расскажет.

Бен осторожно отодвинулся от Ночной Мглы, думая о том, что произошло между рыцарем и дамой, осознавая зло, которое они по неведению себе причинили. Он помнил, как она его поцеловала. Он помнил ее прикосновение. В отчаянии он снова закрыл глаза. Как сказать ей, что все это было ложью? Как сказать, что она вовсе не его подопечная, что магия их тюрьмы обманула их, заставила решить, что их отношения совсем не такие, какими были в действительности, и они...

Он не мог додумать это до конца. Только одно было важно. Теперь, как и всегда, существовала только Ивица.

Бен встал и долго стоял в размышлении, поскольку не был еще готов действовать. Он отошел к краю леса, пытаясь составить обрывки того, что теперь знал, в некое узнаваемое целое. Он думал о том, какой образ ему был навязан: рыцарь без прошлого и будущего, безымянный воин, защитник господина, у которого нет имени и определенного дела. Его самый страшный кошмар. То, что внушает ему самый сильный...

Страх.

И тут он понял истину, которая была скрыта от него все это время. Они тоже находятся в волшебных туманах!

Внезапно рядом с ним оказалась химера — густая тень, вышедшая из Марева. Узловатые лапы свисали с ее плеч. Химера подалась вперед.

— Что случилось? — спросила она, разглядев лицо Бена.

Он посмотрел на чудовище, пытаясь проникнуть вглубь, за уродство, за маску, созданную волшебством. И не смог.

— Я знаю, что с нами сделали, — сказал он. — Я знаю, откуда мы. Я знаю, кто мы.

Лицо химеры исказилось и застыло, глаза вспыхнули как свечи.

— Скажи мне!

Бен покачал головой, указывая на даму:

— Нам надо разбудить ее.

Они подошли к постели, и Бен, нагнувшись, дотронулся до руки дамы. Она мгновенно проснулась. Ее правильные холодные черты смягчил сон, на лице появилась улыбка.

— Мне снился ты, — заговорила она.

Бен приложил палец к ее губам:

— Не говори ничего. Молчи. Сядь и выслушай меня. Мне надо сказать тебе что-то очень важное. — Бен отодвинулся от нее, чтобы она могла сесть. — Слушай внимательно. Я знаю, кто мы.

Дама мгновение смотрела на него, а потом быстро покачала головой:

— Я не хочу знать. — В ее голосе звучал страх, словно она понимала, что сейчас у нее что-то отнимут. — Какая от этого польза?

Он заставил себя говорить спокойно и ровно.

— Зная, кто мы и откуда, мы получаем возможность выбраться отсюда. Думаю, это наш единственный шанс.

— А как это получилось, что ты знаешь, а мы — нет? — огрызнулась она. Теперь она уже говорила гневно и недоверчиво.

— Мне было видение, — сказал он. — Во время сна я узнал, что с нами произошло. Нас здесь держит волшебство. Мы были посланы сюда из другого мира, нашего мира. Волшебство заставило нас забыть, кто мы такие, заставило казаться другими. Нас отправили сюда, чтобы мы вечно здесь скитались, чтобы весь остаток нашей жизни мы провели в безрезультатных попытках найти выход в свой мир. Но отсюда нельзя выбраться иначе, как только с помощью волшебства. Ты была права — лишь волшебство может нам помочь. Но сначала нам надо понять, как действует это волшебство. Чтобы этого добиться, мы должны понять себя: кто мы, откуда мы, что мы здесь делаем.

— Нет, — тихо проговорила она, отрицательно качая головой. — Не говори больше ничего.

— Я не рыцарь, — сказал он, стремясь поскорее покончить с этим трудным разговором. — Я Бен Холидей, король Заземелья.

Ее дрожащие руки метнулись к губам. Она издала сдавленный крик.

Не в силах выносить ее взгляд, Бен повернулся к химере. Чудовище смотрело на него с непроницаемым видом.

— Тебя зовут Страбон. Ты дракон, а не химера. Правда? — Он решительно повернулся к даме: — А ты...

— Ночная Мгла! — в ярости прошипела она. Ведьма отшатнулась от него, и ее гладкое лицо исказилось от отчаяния и осознания истины. — Холидей, что ты с нами сделал? Что ты сделал со мной, окаянный?

Бен покачал головой:

— Мы сами это сделали, каждый с самим собой. Лабиринт сделал это возможным. Волшебство отняло у нас память, когда мы были посланы сюда из Сердца. Помните? Там был мужчина со Шкатулкой. Были записки, которые мы якобы написали друг другу, — приманка, которой зарядили ловушку, куда нас заманили. Какие-то чары захватили нас и отправили сюда, в Шкатулку...

— Да, теперь я помню! — прорычал Страбон, который, несмотря на то что он теперь знал, кто он, все равно не походил на дракона. — Я помню человека и его Шкатулку и как волшебство заманило нас, словно рыбу в сеть! Какая мощь! Но зачем это сделано? Посмотри на меня! Как меня можно было настолько изменить?

Бен опустился перед ним на колени. Поляна затихла и затаилась. Казалось, их мир остановился и замер.

— Мы находимся в волшебных туманах, — тихо сказал он. — Подумай о том, какими мы кажемся. Мы стали такими, какими больше всего боялись стать. Ты — чудовище, презираемое и ненавидимое, изгнанник, на которого никто не хочет смотреть. Тебя все преследуют, обвиняя во всем, что не находит иного объяснения. И ты не можешь летать, правда? Твои крылья у тебя отняты. Разве тебя не страшила перспектива оказаться прикованным к земле? Полет всегда давал тебе возможность побега, как бы ужасно все ни оборачивалось. А здесь у тебя обманом отнято даже это. — Он помолчал. — Посмотри на меня. Я то, чем больше всего боялся стать. Я защитник короля, его избранный разрушитель, убийца его врагов, безымянный и лишенный всего, кроме боевых навыков и желания ими пользоваться. Даже мои доспехи превратились в оружие, в чудовищное явление, называемое Маревом, которое уничтожает всех врагов, угрожающих мне. Я больше всего на свете боюсь убийств, но для меня они стали реальностью.

Он замолчал, не желая добавить что-то еще. Они не знали, что он сейчас — это Паладин. Им было известно только, что Паладин служит королю. Он не скажет им всего.

— Ночная Мгла, — мягко сказал Бен, снова поворачиваясь к даме. Она сжалась, как загнанный в тупик зверек. — Чего ты боишься больше всего? Что тебя пугает? Конечно, потеря волшебства. Ты это говорила. Но есть и еще что-то...

— Молчи! — крикнула она.

— Человечность, — бросил Страбон. — Она теряет силу, когда признает, что она человек. Ее чувства делают ее слабой, они крадут у нее власть. Она не может позволить себе чувствовать. Она не смеет быть нежной и мягкой, дарить любовь...

Ночная Мгла кинулась на него, царапая ногтями морду дракона, но Бен оттолкнул ее, повалил на землю и прижал, пока она плевалась и вопила как безумная. Ночная Мгла изменилась во многих отношениях, думал он, удерживая ее. Бен никогда не сумел бы этого сделать в Заземелье: там Ночная Мгла была в десять раз сильнее его. Да, она действительно потеряла свою силу.

Наконец она затихла и отвернулась. По ее бледному лицу струились слезы.

— Я вечно буду тебя ненавидеть, — чуть слышно прошептала она. — За то, что ты со мной сделал, за то, что ты заставил меня чувствовать... И все это была ложь, чудовищный обман! Что я могла быть к тебе неравнодушна, могла полюбить тебя, могла сблизиться с тобой, как женщина сближается с мужчиной... Как я могла быть так глупа? Я вечно буду ненавидеть тебя, Холидей! Я никогда об этом не забуду.

Бен поднялся и оставил ее лежать на земле. Она так и не повернулась к нему. Он не мог бы сказать ничего, что помогло бы ей. То, что она вынуждена была что-то почувствовать по отношению к Бену, было непростительно, как и то, что она ошибочно могла считать его своим возлюбленным. Не важно, что она чувствовала прежде. Пропасть, которая между ними разверзлась, никогда не исчезнет.

— Лабиринт — это часть волшебных туманов. — Он поправил свой плащ, сбившийся во время борьбы с Ночною Мглой. — Во сне меня позвала Ивица. Она вызвала меня из другой области туманов. Когда я к ней пришел, я ощутил, что то место, где находилась она, и то, где был я, соединены. Я вспомнил, как волшебные туманы действуют на людей и на тех, кто ушел из их мира. Они используют против нас страх, меняя нашу сущность, полоняя нас, создавая такие видения, которые сводят нас с ума. Там, где нет иной реальности, кроме той, которую мы создаем сами, воображение ведет игру с наши-

ми чувствами. Особенно со страхом. Когда это происходит, мы гибнем. Мы не можем управлять этим волшебством так, как это делает народ эльфов. Когда-то они мне об этом рассказали. Они предостерегали меня против такого страха. — Он сделал глубокий вдох. — То, куда мы попадали во время наших скитаний, то, что мы делали, кого встречали, — это все ненастоящее. Или ненастоящее за пределами лабиринта. Понимаете? Мы это все придумали, с начала до конца! Вместе или порознь, уж не знаю. Горожане, речные цыгане, шишиги — это все воплощение существ из Заземелья. Народ Зеленого Дола, потомки эльфов, скальные тролли, кыш-гномы... или еще кто-то. Их не существует нигде, кроме нашего сознания, или этих туманов, или этой тюрьмы, в которую мы попали.

Страбон покачал головой:

— Волшебные туманы не подействовали бы на меня и на ведьму так, как на тебя. Мы ведь сами — волшебные существа. Но посмотри на меня! Я изменился сильнее, чем ты! И не меньше тебя изрешечен страхами. Но я этого не понял! А должен был бы понять, ведь я свободно прохожу сквозь туманы, перемещаясь из мира в мир. Ночной Мгле, может, и запрещено входить в туманы, но мне — нет. Нет, Холидей. Тут есть что-то еще.

— Тут есть Шкатулка! — бросил Бен. — Шкатулка — это нечто большее, чем просто вместилище туманов. Это ловушка, достаточно прочная, чтобы удержать таких, как мы. В ней действует еще какое-то волшебство.

— Возможно, — задумчиво согласился дракон. — Но если это так, то какое волшебство может нас освободить?

— Я об этом думал, — сказал Бен. — Когда я вспомнил, кто я такой, я вспомнил и кое-что еще. По-моему, у нас была отнята наша суть, чтобы лишить нас всякой возможности вспомнить что-то, что помогло бы нам выбраться. Ловушка действует двумя способами. Во-первых, она заставляет нас забыть, кто мы такие. А во-вторых, она крадет все волшебство, которым мы владеем, делая нас бессильными. Ну, с первым мы справились, так что осталось второе. У нас нет волшебства. А из этой ловушки без волшебства нам не выбраться.

Он посмотрел на своих спутников. Ночная Мгла уже поднялась и стояла, непримиримо выпрямившись. Лицо у нее было непроницаемо-жестким.

— Но кажется, Хоррис Кью или кто-то еще, кто нас сюда запрятал, совершил одну ошибку. Он украл волшебства, которые должны были принадлежать только нам одним. Вот почему мы изменились по-разному. Ты изменился сильнее всех, Страбон. Твое

волшебство было присуще тому, кого ты представляешь, — дракону. Поэтому ты превратился вообще в другое существо. Иначе ты смог бы воспользоваться своим огнем и вырваться из этой ловушки, ведь твой огонь — это твоя главная сила, и именно он позволяет тебе переходить из одного мира в другой. — Бен повернулся к Ночной Мгле: — И ты была лишена своего волшебства, хотя внешность твою менять не понадобилось, потому что твой вид никак не влиял на действие твоего волшебства. Но результат был тем же. Как и Страбон, ты оказалась в ловушке без возможности выбраться, потому что волшебство, на которое ты больше всего полагалась, волшебство, которое находилось в тебе самой, исчезло. — Бен помолчал. — Но со мной все обстоит иначе. У меня нет собственного, присущего только лишь мне волшебства. Я пришел в Заземелье без него и по-прежнему его не имею. Поэтому на меня волшебство не распространилось. Память моя была украдена, и этого оказалось достаточно. Пока я не помню, кто я такой, какую я могу представлять опасность?

— Переходи к сути, — холодно бросила Ночная Мгла.

— Это и есть суть, — ответил Бен. Засунув руку под рубаху, он вытащил медальон с выгравированным на нем изображением Паладина, выезжающего из замка Чистейшего Серебра на рассвете. — Медальон королей Заземелья, данный мне, когда я отправился туда из своего мира. Он облекает меня властью над страной и дает право приказывать Паладину. И у него есть еще одно свойство: он позволяет мне проходить сквозь волшебные туманы.

Наступило долгое молчание.

— Так ты думаешь... — начал было Страбон, но остановился.

— Возможно, что у талисмана волшебство не было отнято, как у вас. Возможно, наша тюрьма рассчитана на то, чтобы делать бесполезным волшебство живых существ, но не волшебство предметов. — Бен помолчал. — За пределами Заземелья медальон не дает права властвовать и не вызывает Паладина. Но он позволяет идти сквозь волшебные туманы. Возможно, он сделает это и здесь. Быть может, он сохранил свою связь с доспехами Паладина, хотя эти доспехи, возможно, появляются тут в виде Марева. Мне кажется, шишиги его узнали и он защитил нас от них. Может, он даст нам свободу.

— Если мы действительно заключены в какую-то часть туманов, — неприветливо напомнил Страбон.

— Если, — согласился Бен.

— Ты даришь нам очень малый шанс, — заметил дракон.

— Но другого у нас нет.

Страбон кивнул. Его уродливая морда была почти безмятежной.

— Да, другого нет.

Тут вперед вышла Ночная Мгла — сплошной гнев и острые углы — и остановилась перед Беном.

— Он действительно будет работать? — спросила она с опасным спокойствием, указывая на талисман.

Бен посмотрел ей прямо в глаза:

— Думаю, что да. Надо взять медальон в туманы и проверить. Если он будет действовать так, как должен, мы выйдем из туманов в том месте, где вошли.

— Став снова собой? — Ее глаза сверкнули.

— Не знаю. Когда мы окажемся вне нашей тюрьмы и ее волшебства, мы должны будем снова стать прежними.

Она кивнула. Лицо ее было беломраморным, глаза стали почти алыми. В них отражалась такая ярость, что он невольно содрогнулся.

— Да уж, тебе лучше надеяться, что так и будет, королек, — нервно сказала она. — Потому что если мы не выберемся из этого безумия и я снова не стану прежней, целиком и полностью такой, как была, я весь остаток жизни буду искать возможность погубить тебя. Даю тебе слово. — Она завернулась в свой длинный плащ, напомнив в туманном рассвете темный призрак. — А теперь выводи нас отсюда.

Казалось, время остановилось.

Ивица медленно и упорно шла сквозь туманы, осторожно делая шаг за шагом. Она не могла бы сказать, куда идет. Она едва различала землю, по которой ступала. Если это ловушка, то она погибла. Туман был таким густым, что она натолкнется на любую западню, ничего не заметив. Она шла, доверяя только своему чутью, а в том, что касалось эльфов, любое доверие было неуместным.

Но спустя какое-то время воздух начал расчищаться. Сумрак постепенно начал разжижаться, словно ночь отступала перед рассветом: глубокие тени постепенно сменялись все более легкими. Вместо темноты ее окружал сероватый свет, но солнца по-прежнему не было. Постепенно туман отодвинулся, так что переплетался теперь со стеной деревьев и кустарника. Ивица осмотрелась. Она оказалась среди зарослей и лоз, влажной зловонной земли и тишины. Вокруг нее — ни единого звука, никакого движения, словно вся жизнь была уничтожена.

Она сделала еще несколько робких шагов и остановилась. Снова осмотрелась. Сердце у нее оборвалось. Теперь она знала, где оказалась. Она была в Бездонной Пропасти, в доме Ночной Мглы.

На секунду она с надеждой подумала, что ошиблась. Как она могла прийти сюда? Она снова двинулась вперед, вглядываясь в

окружающие ее заросли, пытаясь заглянуть за густой полог ветвей, проникнуть сквозь тени, убедить себя в том, что обозналась. Но это ей не удалось. Ее инстинкты и воспоминания совершенно недвусмысленно говорили ей, что она в Бездонной Пропасти.

Ивица сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться. Возможно, это очередной трюк эльфов, подумала она. Возможно, так они решили отомстить ей — тем, что позволили забрести в логово ведьмы. Дирк с Лесной опушки посоветовал ей, чтобы она слушалась своих инстинктов. Да, не верь котам. Она протяжно выдохнула. Как бы то ни было, ей надо поскорее отсюда выбраться, иначе ее заметят.

Она быстро пошла сквозь густые зеленые дебри пропасти, надеясь выйти к лощине еще засветло. Хотя утро еще не настало, вполне вероятно, что она будет бродить по пропасти до ночи и так из нее и не выберется. Так бывало со многими. Она двигалась бесшумно, призвав на помощь свои умения потомка эльфов, ободряя себя мыслью о том, что по крайней мере вернулась в Заземелье. Она не могла понять, почему инстинкты могли так подвести ее. Наверняка ее обманула волшебство эльфов. Как это жестоко и гадко с их стороны, сердито подумала Ивица.

Внезапная боль пронзила все ее тело, и она согнулась вдвое. Упав на одно колено, она пыталась отдышаться. Боль длилась секунды и сразу же исчезла. Ивица снова поднялась и поспешно пошла дальше. Через несколько минут боль опять вернулась. На этот раз она была еще сильнее и длилась вдвое дольше. Сильфида опустилась на колени в высокой траве и обхватила живот руками. Что с ней?

И тут ее словно током пронизало осознание происходящего.

Это дитя! Настало время!

Она закрыла глаза в отчаянии и недоумении. Только не здесь! Пожалуйста, не здесь!

Она с трудом поднялась и двинулась дальше, но не прошло и минуты, как боль вернулась, снова бросив ее на колени. Боль была такой сильной, что Ивица едва могла дышать. Сжав зубы, она в последний раз попыталась встать — и сдалась. Дитя само решит, предупредила ее Мать-Земля. Очевидно, именно дитя это и делало. Стоя на коленях посреди Бездонной Пропасти, Ивица расплакалась. Дитя не должно было родиться в этом гадком месте! Оно должно было родиться не в тени и тьме, а среди солнечного света! Неужели эльфы имеют отношение к тому, что случилось? Неужели это они подстроили, неужели их настолько разозлило то, что они не сумели оставить себе ребенка, что теперь они хотят навредить ему?

Слезы продолжали катиться по щекам Ивицы, но руки ее уже нащупывали мешочек с драгоценными почвами. Она вытащила его из-под плаща и распустила завязки. Боль приходила неожиданны-

ми спазмами, раздиравшими все тело. У нее не было времени приготовиться к родам, приспособиться. Все происходило настолько стремительно быстро, что у нее не было времени даже задуматься.

Она с трудом проползла еще несколько шагов до того места, где земля была голой, и пальцами впилась в землю, чтобы взрыхлить ее. Это оказалось нетрудно: почва в Бездонной Пропасти была влажной и мягкой. Подготовив небольшой участок, Ивица открыла мешочек и рассыпала перед собой собранные ею почвы, а потом тщательно перемешала их. Боль стала постоянной, поднимаясь и спадая ритмичными волнами. Она жалела, что так плохо представляет себе, чего можно ожидать, жалела, что не расспросила об этом Мать-Землю. Рождение потомков эльфов бывало самым различным, индивидуальным для каждого ребенка, а она так мало знала, как это бывает! Она сильнее стиснула зубы, смешивая почвы: от старых сосен Озерного края, из места в мире Бена, которое называлось Гринвич-Виллидж, и из волшебных туманов. Она распределяла их по почве Бездонной Пропасти.

«Ну пожалуйста! — мысленно молила она. — Пожалуйста, пусть это не повредит моему ребенку!»

А потом она отбросила опустевший мешочек и с трудом поднялась на ноги. Раздираемая болью, ощущая, как беспокойно ворочается в ее чреве дитя, она приготовилась отдаться перемене. Дитя родится, когда она будет деревом. Она не смогла признаться в этом Бену. Она не была уверена, что сможет когда-нибудь это сделать.

Ивица скинула свою одежду и осталась нагой. А потом встала на середину приготовленной почвы и запустила в землю пальцы ног.

В момент преображения она почувствовала умиротворенность. Теперь от нее уже ничего не зависело. Она сделала все, что могла, чтобы обеспечить благополучное рождение ребенка, — выполнила поручение Матери-Земли, принесла необходимые почвы. Теперь ей необходимо было дать ребенку родиться. Ивица вдруг страстно захотела увидеть Бена. Ей хотелось ощутить его присутствие, прикосновение его рук, услышать негромкие слова утешения и поддержки. Ей неприятно было оставаться в эту минуту одной.

Ивица закрыла глаза.

Она преображалась медленно: пальцы ног ее превратились в корни, руки расщепились в ветви, ноги слились в ствол, все ее тело изменило форму, цвет и вид. Волосы исчезли. Лицо пропало. В тот момент, когда ее начала покрывать кора, она гибко изогнулась, а потом вздохнула в последний раз и застыла неподвижно.

Шли часы, а в Бездонной Пропасти, там, где пустило корни дерево-Ивица, ничто не шевелилось. Ветер не шелестел его листь-

ями. Птицы не садились на его ветви. Крошечные существа не карабкались по его стволу. Воздух посветлел и стал тускло-серым, летняя жара усилилась, захваченная волглой чащобой. Прошел хороший дождик. Вода стекала с гибких ветвей на землю.

Приближался полдень.

И тут дерево задрожало, словно от какой-то внутренней бури. Медленно, мучительно, в том месте, где ствол начинал ветвиться к небу, раскололась кора и на свет вырвался широкий росток. Он появился быстро, словно его рост был искусственно ускорен, закручиваясь и поднимаясь вверх. Увеличиваясь и меняя форму, он становился все шире.

В считанные секунды он превратился в стручок.

А в стручке заметно было движение.

ГЛАВА 17

ЗАНАЧКА

Советник Тьюс и Абернети стояли рядом на стенах Чистейшего Серебра и смотрели на берег озера, окружавшего замок. Там на луга текли толпы народа. Они собирались целый день — десятки превращались в сотни, сотни — в тысячи. Большинство пришли из Зеленого Дола, хотя были среди них и тролли из Мельхора, твари из Восточных пустошей, поселяне и фермеры из дюжины мелких поселений к северу и югу. Они пришли словно бродяги: без еды и постелей и даже без самых примитивных приспособлений для разжигания огня. Казалось, им все равно. Мужчины, женщины и дети, некоторые со старыми рабочими лошаденками или мулами, некоторые в сопровождении худосочных псов и кошек пробрались к замку отовсюду. Более пеструю толпу трудно было бы себе представить. Теперь они кружили на берегу озера и смотрели на замок Чистейшего Серебра, словно надеясь, что кто-нибудь может пригласить их туда на славный пир.

Однако им нужна была не еда. Что жаждал каждый из них, зачем сюда явились все без исключения, что они были намерены получить здесь любой ценой? Это — кристаллы мысленного взора.

— Посмотри на них! — пробормотал Абернети, качая головой, отчего его мягкие собачьи уши зашевелились. — Это просто ужасно!

— Боюсь, что это серьезнее, чем я думал, — невесело согласился советник Тьюс.

Они ожидали неприятностей с того дня, как Абернети и Сапожок вернулись из Риндвейра с рассказом о незнакомце в черном плаще и Хоррисе Кью. Незнакомец утверждал, что в Чистейшем Серебре спрятана громадная заначка кристаллов мысленного взора. Приходи и бери. Абернети постарался пересказать советнику Тьюсу все в точности, так что они морально были готовы. Однако они ожидали, что им придется иметь дело с Каллендбором и другими лордами Зеленого Дола, которые явились бы во главе своих армий, требуя расплаты, подошли бы к воротам замка, чтобы ворваться в него силой. А вместо этого к ним явились тысячи фермеров и торговцев и членов их семей: простые люди без оружия и доспехов. Все они были голодные и усталые, все были введены в заблуждение и теперь стояли вокруг замка, словно скот, который дожидается, пока кто-нибудь отведет его в хлев.

Да, но хлев остался далеко, там, откуда они пришли. Однако никто не хотел об этом и слышать. Не хотели слышать ни о чем, что не было бы связано со словами «кристаллы мысленного взора», — вот в чем заключался печальный и неопровержимый факт.

И уж определенно люди не желали слушать ничего, что им пытались сказать советник Тьюс и Абернети. Когда рано утром у замка появились первые путники, они взошли на мост, соединявший замок с берегом. Решетка на ночь опускалась, поэтому они остановились возле нее и потребовали, чтобы к ним вышел Бен Холидей. Советник Тьюс встал на крепостной стене и крикнул им, что короля сейчас в замке нет — что им нужно? «Кристаллы мысленного взора, — яростно объявили они, — по одному для каждого». «Ну так их нету», — ответил советник. Они назвали его лжецом и еще несколькими отборными словцами и начали поминать недобрым словом и его матушку, и прочую родню. Абернети (он все еще чувствовал себя виноватым во всей этой заварухе) подошел к своему другу и попытался убедить людей, столпившихся на мосту, число которых увеличивалось с каждой минутой, что советник Тьюс говорит правду, что в замке нет ни одного кристалла мысленного взора. Но этому никто не поверил. Угрозы и оскорбления не стихали. Толпа все росла.

В конце концов советник отправил отряд королевских солдат, чтобы те согнали народ с моста и поставили кордон прямо на берегу. Отпихивая и тесня толпу, солдаты освободили мост, но никто из толпы не отправился домой, на что надеялся придворный волшебник. Вместо этого они остановились у самого кордона и стали

ждать. Ничего не происходило, естественно. Советник так толком и не понял, на что они, собственно, надеялись. Как бы то ни было, к полудню толпа уже составляла несколько тысяч человек — все они спустились с плато и холмов на низинные луга перед замком. Летняя жара в этот роскошно безоблачный солнечный день стала почти нестерпимой, и настроение толпы стало резко ухудшаться.

Потом кто-то по одну сторону кордона сказал что-то, а кто-то по другую сторону соответственно ответил, и толпа мгновенно кинулась на ограждение, смела солдат и сбросила их в воду. А потом бросилась по мосту к воротам замка.

Это могло стать началом серьезных неприятностей, но, на счастье, Тьюс с Абернети все еще стояли на стене, пытаясь сообразить, что можно предпринять дальше. Когда советник увидел несущуюся к замку толпу, он засучил рукава своего серого одеяния и призвал на помощь свое волшебство. Это был крайне необдуманный шаг, поскольку в спешке заклинания Тьюсу никогда не удавались как следует (а если уж на то пошло, то и без спешки тоже), но к этому времени все уже плохо соображали, что делают. Он намеревался направить в гущу толпы удар молнии, которая бы заставила их рассеяться и сбросила бы в воды озера. Вместо этого он отправил эквивалент хорошей бочки масла — не кипящего или горящего, а обычного, растительного — прямо на передний край толпы. Масло расплескалось по деревянной поверхности моста, и все первые ряды завалились и образовали маслянисто блестящую кучумалу. Те, кто бежал следом, споткнулись о своих товарищей, не успев приостановиться или свернуть, и тоже упали. В считанные секунды весь мост был завален маслянисто-скользкими телами.

Советник Тьюс приказал закрыть ворота, и замок был решительно запечатан. Толпа уползла с моста, на каждом шагу рассыпая проклятия и угрозы. Дело еще не кончено, пусть они не надеются! Погоди, еще увидишь, советник Тьюс! Только подожди, пока явятся лорды Зеленого Дола! Они тебе устроят настоящие неприятности — и тебе, и всем остальным!

Тьюс мысленно согласился с тем, что это верно, но поделать он ничего не мог. И вот несколько долгих часов спустя они по-прежнему были в замке и на исходе дня ждали, что придет раньше — Каллендбор или закат.

Казалось, у заката шансов больше. Небо на востоке уже начало темнеть, а на западе — окрашиваться в золотистые тона. Несколько лун уже встало на севере и висело над самым горизонтом, медленно поднимаясь к звездам. Не было никаких признаков появления Каллендбора и лордов Зеленого Дола: ни криков, предвещающих

их скорое прибытие, ни столба пыли на плато, ни стука конских копыт или бряцания доспехов и оружия. Казалось, дальнейшие неприятности откладываются на завтрашний день.

Абернети надеялся, что так и будет. Ему очень нелегко было признаваться советнику Тьюсу, как он позволил Хоррису Кью себя провести. Легче, казалось, было бы вырвать несколько зубов, чем рассказывать, как он был настолько одурачен, что старательно помогал раздавать эти несчастные кристаллы мысленного взора жителям Заземелья, тем самым сделав возможным все то, что произошло потом. Он все еще не оправился от потери собственного кристалла и тех видений, которые тот дарил, и в конце концов рассказал Тьюсу и об этом тоже. Уж признаваться так признаваться, решил он. Какая теперь разница?

К радости Абернети, советник Тьюс проявил необычайное понимание и сочувствие. «Ничего, — сказал он. — Как тебя можно винить? Я на твоем месте вел бы себя точно так же». Он даже поблагодарил Абернети за то, что тот не пожалел своих самых сокровенных чувств ради наивысшего блага королевства Заземелья и пропавшего Бена Холидея.

— Я оказался не меньшим дурнем, чем ты, — невесело проговорил он, ероша свои длинные волосы, отчего стал напоминать ощетинившегося дикобраза. — Я поверил словам Хорриса Кью с такой же готовностью, что и ты. Я не подверг сомнению ценность предложенных нам кристаллов. Они показались мне идеальным выходом из наших затруднений. Сказать по правде, я уже готов был попросить кристалл и для себя.

— Но не попросил же, — печально заметил Абернети. — А у меня таких извинений нет.

— Глупости! — энергично покачал головой Тьюс. — Я чуть ли не силой навязал тебе камень, когда Хоррис предложил нам его испытать. Я мог бы проверить и сам, но я позволил рискнуть тебе. И вообще я совсем недавно был точно в таком же дурацком положении, дружище. Ведь это я создал заклинание, которое отправило тебя и медальон короля обратно в его прежний мир. Нет, я не могу тебя ни в чем винить.

Но все это ничуть не успокоило Абернети. Конечно, советник Тьюс пытался его немного утешить, и королевский писец был ему за это искренне благодарен. Но что бы действительно повысило ему настроение, так это какие-нибудь известия о том, что стало с Беном Холидеем. Советник этим утром снова воспользовался Землевидением, Сапожок еще раз обшарил все ближайшие окрестности, но оба абсолютно ничего не добились. Где бы ни находился

Бен Холидей, его прекрасно спрятали. Абернети с наслаждением впился бы зубами в незнакомца в черном плаще и сильно укусил бы за ухо или еще за что-нибудь. Ему было стыдно, что его животное естество становится сейчас таким сильным, но ему отчаянно хотелось исправить зло, которое он причинил.

— О-о! — вдруг сказал советник Тьюс, прерывая размышления писца. — Посмотри-ка вон туда!

Абернети вгляделся. Из-за деревьев вышла толпа мужчин, тащивших громадное бревно, из которого потом соорудили стенобитное орудие. Они проволокли бревно по склону холма, пронесли его по плоскому лугу к озеру, скандировали команды и пыхтели на ходу, а тысячи собравшихся придвинулись поближе и горячо их подбадривали.

— Все это несерьезно! — ахнул волшебник.

Ну конечно, они были настроены очень серьезно. Абсолютно серьезно. Их было тридцать или даже больше, и они равномерно распределились по обе стороны своего самодельного тарана. Рысцой они двигались по лугу к мосту. Повсюду люди вскакивали на ноги, потрясая в воздухе кулаками.

— Эй, вы там! — крикнул советник, его всклокоченные седые волосы развевались на ветру. — Сию же секунду прекратите! Бросьте это бревно!

Никто его не услышал — крики стали слишком громкими. Люди прямо-таки вопили, предвкушая победу. Команда мужчин с тараном вошла на мост и двинулась к замку, набирая скорость. Из их уст вырвался решительный крик.

Тьюс на крепостной стене снова засучил рукава.

— Ну, это мы еще посмотрим! — яростно пробормотал он.

Абернети застыл на месте. Что ему предпринять? Уши у него задергались, из горла вырвалось глухое рычание.

Мужчины на мосту разогнались изо всех сил и ударили своим тараном в ворота замка. Раздался звук чудовищного удара и ломающегося дерева. Таран и те, кто его нес, отлетели на несколько шагов и повалились на мост. Абернети показалось, будто сила направленного в ворота удара ощутилась даже наверху стены, где он стоял, пригнувшись и обхватив морду руками.

— Ну ладно! — выкрикнул советник Тьюс, взмахивая полами одежды. Казалось, он готов что-то сделать. Казалось, он готов нанести удар. На кончиках его пальцев сосредоточился ослепительно белый свет. Абернети сжал зубы. Вот-вот должно было произойти что-то нехорошее.

Мужчины с тараном поднялись и, не сдавшись, снова побежали вперед.

Советник Тьюс энергично взмахнул руками. Слишком энергично. Он настолько много энергии сосредоточил на том заклинании, которое выбрал, что потерял равновесие. Пытаясь удержаться на ногах, он наступил на край своей одежды и пошатнулся в опасной близости от края стены. Абернети поспешно протянул руки и ухватился за него. В этот момент волшебство Тьюса слетело с кончиков его пальцев и устремилось вниз, на толпу. Судя по звуку, который сорвался с уст волшебника, можно было понять, что вот-вот произойдет что-то неожиданное.

Абернети не ошибся в своем предположении. Волшебство пролилось на мост, словно серебряный дождь, мягкий и ласковый. Возможно, оно в действительности должно было бы стать молнией, которая бы рассеяла таранщиков. Возможно, оно должно было бы стать еще одной порцией масла. Но ни того, ни другого не произошло. Вместо этого волшебство упало на настил моста и впиталось в деревянную поверхность, как вода в песок...

А секунду спустя мост вдруг встряхнулся и выгнулся, словно просыпающаяся змея. Мужчины с тараном снова упали, всего в нескольких шагах от цели, вопя и сыпля проклятиями. Таран взлетел в воздух и скатился с моста в воду рва. Мужчины закричали и зачертыхались еще громче. Тьюс и Абернети цеплялись друг за друга, изумленно глядя вниз. Теперь мост уже извивался. Он отделился от замка и от берега и начал скручиваться в кольцо. Несколько человек, еще оставшихся там, покинули свой насест и нырнули в казавшуюся более безопасной воду. Доски трещали и ломались. Железные гвозди вырывались из дерева с громкими хлопками. Веревочные крепления напрягались и лопались. Мост приподнялся в последний раз, словно змей, выходящий из глубин, а потом разлетелся на миллион кусков, рухнул в озеро и исчез.

Никто ничего не мог понять — слышались только охи. Мужчины, которые принесли таран, с помощью друзей и родственников вылезали на берег. Остальная оборванная толпа собралась на берегу, уставившись на воду, которая кипела и бурлила, словно поставленный на огонь котел.

Тьюс посмотрел на Абернети и моргнул.

— Ну смотри же ты! — только и сказал он.

Наступил наконец закат — без новых происшествий. Толпе явно хватило событий этого дня, и теперь она занялась раскладыванием костров и поисками пищи. С разрушением моста была порвана последняя нить, связывавшая замок с берегом, и Чистейшее Серебро превратилось в настоящий остров посредине озера. Было ясно, что

до берега теперь добраться нельзя, если не пускаться вплавь. Большинство из собравшихся плавать не умели и во многих случаях вообще относились к воде с недоверием. Тьюс был склонен поздравить себя с удачно примененным волшебством, но воздерживался делать это вслух, поскольку все получилось совершенно случайно, и Абернети прекрасно знал это.

Абернети, в свою очередь, снова предался мучительным сомнениям, удастся ли им выпутаться из всего без помощи Холидея.

Еще не совсем стемнело, когда, несмотря на самые сокровенные надежды и невысказанные вслух предположения советника и Абернети, появился Каллендбор со своей ратью и занял позиции как раз напротив ворот замка. Крестьяне и простолюдины были бесцеремонно оттеснены в сторону, чтобы освободить место для солдат и их предводителя. Рядом с Каллендбором находились Хоррис Кью и его птица. Хоррис суетился вокруг, а птица восседала у него на плече, словно настоящий вестник злого рока. Абернети мрачно наблюдал за ними. Хоррис Кью и его птица! Если бы он мог до них дотянуться! Если бы они хоть на пару секунд попали ему в руки! Это видение не отступало.

Незнакомца в черном плаще с ними не было. Тьюс и Абернети высматривали его без всякого успеха. Может быть, он остался позади, хотя оба в это не верили.

Наступила темнота, солнце исчезло, костры запылали ярче на фоне ночи. По берегу озера была демонстративно выставлена гвардия, чтобы оставшиеся в замке поняли, что началась настоящая осада. Советник и Абернети остались на стенах крепости, где они провели весь день, и предались мрачным размышлениям.

— Что мы будем делать? — безутешно пробормотал Абернети.

Внизу в лагере кипела жизнь — люди слонялись по лугу, выискивая себе удобное местечко. Донесся запах жареного мяса. По кругу пошли кружки с элем, смех стал звучать громко и резко.

— Настоящий пикник, а? — раздраженно отозвался Тьюс. А потом вздрогнул: — Абернети, посмотри-ка туда!

Абернети посмотрел. Каллендбор стоял у кромки воды с Хоррисом Кью и птицей. А рядом с ними был незнакомец в черном плаще — нахальный донельзя. Они стояли в стороне от всех и смотрели через озеро на замок Чистейшего Серебра.

— Готов спорить — строят планы на завтра, — сказал волшебник. Он устало покачал головой. — Ну, с меня довольно. Я пойду и посмотрю в Землевидение, не появится ли чего-нибудь нового относительно короля. Я снова просмотрю всю землю. Может быть, на этот раз что-нибудь и обнаружится. — Он сделал такой жест рука-

ми, словно отмахнулся от всего, и повернулся, чтобы идти. — Все лучше, чем наблюдать за этими идиотами.

Он удалился, взметнув серыми одеждами, оставив Абернети стоять на дозоре в одиночестве. Размышляя над несправедливостью судьбы и идиотизмом людей, ставших собаками, Абернети остался на стене, несмотря на то что советник назвал это пустой тратой времени. Он стоял и прикидывал, не переплыть ли озеро, чтобы неожиданно наброситься на Хорриса Кью и его дерьмовую птицу... Но так он только станет пленником или еще чем-то похуже.

На дальнем берегу Каллендбор, Хоррис Кью, Больши и незнакомец продолжали совещаться в почти полной темноте — заговорщики в ночи.

Абернети размышлял, пытаясь разгадать, о чем они говорят, когда какая-то суматоха, начавшаяся позади него, заставила его резко обернуться. На лестнице появились два стражника замка, которые своими сильными руками удерживали две крошечные замурзанные фигурки, пытающиеся вырваться.

— Великий король! — жалобно стонала одна.

— Могучий Верховный лорд! — завывала вторая.

— Ну, вот вам сюрприз, — сказал вслух Абернети, пока к нему вели двух пленников. — Стоит только подумать, что хуже уже ничего быть не может, как положение каким-то образом ухудшается еще больше.

Обознаться он не мог: перед ним стояли два жирненьких волосатых, облепленных грязью тельца, волосатые хищные мордочки с острыми ушами и влажными носами, в обносках крестьян, а на голове — нелепые кожаные ермолки с крошечными красными перышками. Они были такими же знакомыми и нежеланными, как сильный зимний холод или удушающая летняя жара, эти неизбежные посетители, являвшиеся чаще, нежели экстремальные погодные условия. Это были кыш-гномы, самый презираемый народец Заземелья, отбросы отбросов, самая нижняя ступенька на лестнице эволюции. Они были ворами и жуликами, которые перебивались с хлеба на воду, намеренно навлекая неприятности на окружающих. Они принадлежали к тем существам-санитарам, которые поглощают то, что другие уже отвергли, очищая тем самым окружающую среду, — не считая, конечно, что кыш-гномы подчищали и то, что вовсе не отвергали другие. Особенно любили домашних кошек (что Абернети не склонен был осуждать) и домашних собак (что Абернети, естественно, не нравилось).

Эти конкретные два гнома были источником постоянного недовольства всех придворных Бена Холидея. С тех самых пор как

они неожиданно явились, чтобы поклясться в верности трону — года три тому назад, — они все время крутились под ногами. И вот снова возникли здесь, все те же баламуты, пришедшие портить Абернети жизнь.

Щелчок и Пьянчужка при виде Абернети съежились. Они все еще выли, зовя Холидея, который по крайней мере мог их выносить. Абернети такой мягкостью не отличался.

— Где великий король? — сразу же спросил Щелчок.

— Да, где король? — поддержал его Пьянчужка.

— Застукали их в спальне короля, — сообщил один из охранников, хорошенько встряхивая Щелчка, чтобы тот перестал вырываться. Гном захныкал. — Воровали, надо думать.

— Нет-нет, никогда! — воскликнул Щелчок.

— У дорогого короля — ни за что! — вскричал Пьянчужка.

Абернети почувствовал, что у него начинается мигрень.

— Отпустите-ка их! — со вздохом приказал он.

Охранники бесцеремонно бросили гномов на землю. Те упали на колени, приниженно пресмыкаясь:

— Великий придворный писец!

— Прекрасный придворный писец!

Абернети потер виски:

— А, заткнитесь! — Он отпустил стражников и жестом приказал гномам встать. Те нерешительно поднялись, испуганно озираясь по сторонам: то ли опасались чего-то ужасного, что могло с ними случиться, то ли надеялись сбежать.

Абернети утомленно разглядывал непривлекательную парочку.

— Что вам нужно? — рявкнул он.

Кыш-гномы хитро переглянулись.

— Увидеть могущественного короля, — поспешно ответил Щелчок.

— Поговорить с Его Величеством, — согласился Пьянчужка.

Врать они совершенно не умели, и Абернети сразу же понял, что они юлят. День выдался на редкость длинным и неприятным, так что церемониться с ними он просто не мог.

— Кушали в последнее время каких-нибудь бездомных животин? — мягко спросил он, подаваясь вперед, чтобы гномы увидели блеск его клыков.

— Ах нет, да мы никогда бы...

— Только овощи, честное слово...

— Потому что мне нередко ужасно хочется вдруг отведать жареного гнома, — демонстративно прервал их Абернети. Они застыли, словно окаменели. — А теперь говорите мне правду, а не то я не отвечаю за себя!

Щелчок нервно сглотнул.

— Мы хотим кристалл мысленного взора, — жалобно ответил он.

Пьянчужка кивнул:

— У всех, кроме нас, есть.

— Мы хотим всего один.

— Да, всего один на двоих.

— Это ведь так мало.

— Да, куда уж меньше.

Абернети готов был их придушить. Когда же наступит конец этим глупостям?

— Смотрите на меня, — сказал он с настоящей угрозой в голосе. Они с опаской вперились ему в глаза. — Здесь нет кристаллов мысленного взора. Нет. Ни одного. Ни единого. И никогда не было. А если что-то от меня зависит, то никогда и не будет! — Он чуть не подавился последними словами, но потом вдруг понял, что говорил искренне. Схватив гномов за худые узловатые руки, он с силой дернул их. — Пошли-ка вон! Кыш, кыш, гномы!

Он протащил их по стене замка, не обращая внимания на стоны и вопли, будто он сейчас бросит их на верную смерть.

— Глядите вон туда! — раздраженно рявкнул он. — Ну же, глядите! — Они посмотрели туда, куда он указывал. — Видите того человека с птицей? Который стоит рядом с лордом Каллендбором? Рядом с человеком в черном плаще?

Они некоторое время колебались, но потом дружно закивали.

— Вот он, — торжествующе провозгласил Абернети, — и есть тот человек, у которого найдете кристаллы мысленного взора! Так что идите и поговорите с ним!

Он отпустил гномов и шагнул назад, уперев руки в собачьи бока. Кыш-гномы неуверенно переглянулись, потом снова посмотрели на Хорриса Кью и, наконец, на Абернети.

— А здесь нет кристаллов? — обиженно спросил Щелчок.

— Ни единого? — спросил Пьянчужка.

Абернети помотал головой:

— Даю вам честное слово придворного писца и служителя короля. Если где-то и есть еще кристаллы, то найти их может именно тот человек. Обратитесь к нему.

Щелчок и Пьянчужка провели грязными пальцами по влажным мордочкам и слезящимся глазкам и с возрастающим интересом стали рассматривать стоящего внизу мага. Они озабоченно пошмыгали носом и пожевали губами. А потом шагнули назад.

— Тогда мы поговорим с ним, — объявил Щелчок, как всегда, беря инициативу в свои руки.

— Да, поговорим, — поддержал его Пьянчужка.

Они начали было поворачиваться, направляясь обратно к лестнице, но Абернети невольно схватил их за плечи.

— Стойте! — рявкнул он. — Погодите-ка минутку! — Он не считал, что имеет по отношению к ним хоть какие-то обязательства, но не мог отпустить их, не предупредив. — Выслушайте меня. Эти люди, особенно тот, в черном, очень опасны. Вам нельзя просто так подойти к ним и попросить кристаллы. Скорее всего они за такое разрежут вас на крохотные кусочки.

Щелчок и Пьянчужка переглянулись.

— Мы будем очень осторожны, — решительно заявил Щелчок.

— Очень! — поддакнул Пьянчужка.

Они снова собрались идти.

— Стойте! — во второй раз крикнул Абернети. Он только сейчас открыл для себя то обстоятельство, которое укрылось от него раньше. Кыш-гномы повернулись. — Как вы сюда пробрались? — с подозрением спросил он. — Вы не проходили по мосту. И по вам не скажешь, что вы переплыли озеро. Так как же вы все-таки попали в замок?

Гномы снова исподтишка обменялись осторожными взглядами. Оба молчали.

Абернети приблизился к ним вплотную и наклонился над ними.

— Вы прорыли сюда подземный ход, так? — Щелчок закусил губу. Пьянчужка стиснул зубы. — Верно я говорю?

Они кивнули. Неохотно.

— От самого берега? — недоверчиво переспросил Абернети.

Щелчок виновато признался:

— Вообще-то от леса.

Пьянчужка был еще смущеннее:

— От самых деревьев.

Абернети изумленно уставился на них:

— Нет, как вы могли успеть? На это нужны целые дни... Даже недели! — Тут он осекся. — Погодите-ка минутку! А сколько времени уже существует ваш ход?

— Сколько-то, — пробормотал Щелчок, скребя по каменной стене замка когтистой ногой.

— И где кончается этот тоннель?

Новая пауза, еще более долгая.

— В погребе при кухне, — признался наконец Пьянчужка.

Абернети снова распрямился. Воспоминания о таинственном исчезновении припасов из кухонного погреба всплыли в его памяти, словно снулые рыбы при восходе лун. Виновной считали ку-

хонную прислугу. Высказывались обвинения. Но решения так и не нашли.

— Отлично, — мягко проговорил он, растягивая слово, словно палач — петлю виселицы. — В погребе при кухне...

Щелчок и Пьянчужка съежились, ожидая самого страшного. Но Абернети даже на них не посмотрел. Он глядел вдаль, на стены замка и на то, что лежало за ними. Он не думал о том, как наказать кыш-гномов, вместо этого он прикидывал возможности сквитаться с Хоррисом Кью. Освещенный отблесками пламени дальних костров, отраженных темными стенами Чистейшего Серебра, он стоял на пороге решения, которое должно было либо восстановить его честь, либо стоить ему жизни.

Для решения ему понадобилось всего несколько секунд. Он снова пригнулся и решительно спросил:

— Я в этот ваш подземный ход пролезу?

ГЛАВА 18

ВРЕМЯ ГНОМОВ

Абернети совершенно чужды были импульсивность и любовь к риску, так что он не без некоторого удивления понял, что всерьез готов протискиваться в узкий подземный ход, вырытый Щелчком и Пьянчужкой в дальнем углу кухонного погреба, и собирается ползти по нему до леса, находящегося за кольцом осады, сомкнувшимся вокруг замка Чистейшего Серебра. А там он предпримет опасную и, возможно, роковую для себя попытку поймать Хорриса Кью и выбить из него необходимую информацию. И не то чтобы он не осознавал, что делает, или не оценивал, какая опасность в этом таится, — его сильнее всего тревожило то, что он вообще мог подумать о подобной авантюре.

Он попытался утешить себя мыслью, что в нем берет верх его собачья натура и, следовательно, виноват в этом исключительно советник Тьюс.

Волшебник понятия не имел, что задумал Абернети. Если бы он об этом узнал, то мгновенно положил бы конец сему предприятию или настоял бы на том, чтобы идти самому. Придворный писец не мог допустить ни того, ни другого. В конце концов долг

Абернети состоял в том, чтобы самому расхлебать кашу, которую он заварил, восстановить свою честь, вернуть себе самоуважение. А советник нужен был в Чистейшем Серебре, в стенах замка, где он представлял собой, хотя бы приближенно, некую оборону против неизбежного штурма, который обязательно организует Каллендбор. Пусть Тьюс действует несколько странно, тем не менее он представляет собой силу, с которой нельзя не считаться, и по крайней мере хотя бы на время остановит нападающих.

Вместе с тем пес надеялся разузнать, что же все-таки стало с Беном Холидеем.

Чтобы влезть в тоннель, Абернети пришлось раздеться — настолько он оказался тесным. Нагота была унижением, которое он готов был вытерпеть. В конце концов кыш-гномы вырыли свой подземный ход в расчете на себя, а не на него. В полутемном погребе, откуда бесцеремонно выгнали кухонную прислугу, оставив в полном неведении остальных обитателей замка, Абернети, сбросив с себя одежду, на секунду задумался над тем, что делает. Он не думал о Хоррисе Кью с его птицей, о Каллендборе или о незнакомце в черном плаще. Они его не волновали: грозящая с их стороны опасность была ему известна. Вместо этого он думал, что отдает себя в руки (и, возможно, в зубы) Щелчку и Пьянчужке. Если принять во внимание их репутацию трупоедов и пожирателей кошек и собак, то в лучшем случае их можно было считать ненадежными союзниками. Абернети нисколько не сомневался в том, что, если им представится удобный случай, они не колеблясь сожрут и его. А почему бы и нет? Ведь это их природа, правильно? Но поскольку это было так, то Абернети необходимо было учесть эту серьезную опасность и дать им веское основание не превращать его в закуску.

Он решил воззвать к единственному положительному качеству, которое знал за ними.

— Выслушайте меня внимательно, — обратился он к кыш-гномам, нагишом присев у входа в тоннель и чувствуя себя ужасно глупо. — Я не сказал вам еще одну вещь. То, что мы делаем, очень важно для благополучия нашего короля. Мы никому об этом не сообщали, но с ним случилось нечто плохое. Он исчез. Те люди, которых я вам показал, — тот, у которого кристаллы мысленного взора, и второй, в черном плаще, — в этом замешаны. У меня есть план, как спасти Холидея, но вы должны будете мне помочь. Вы ведь хотите спасти Его Величество короля, правда?

— О да! — отчеканил Щелчок.

— Еще бы! — поддержал его Пьянчужка.

Они так энергично закивали, что Абернети испугался, как бы у них головы не отвалились. Он немного кривил душой относитель-

но своего плана спасения Холидея, но исключительно ради благой цели. Единственное, на что он мог рассчитывать, когда речь шла об этих двух гномах, так это на их неизменную преданность королю. Она стала бетонно-прочной с момента их первой встречи, когда Бен Холидей сделал то, что никогда и никому не приходило в голову: он пришел им на выручку в случае, который явно надо было считать сомнительным. Бен решил, что король должен служить равно всем своим подданным. Он спас их жизни, и они этого никогда не забывали. Они по-прежнему оставались трупоедами и ворами и частенько вели себя глупо, но они уже не раз демонстрировали, что ради Его Величества короля готовы на все.

Сейчас Абернети на это сделал ставку. Он очень на это рассчитывал.

— Как только мы выйдем из подземного хода, я поделюсь с вами своим планом, — добавил он. — Но мы должны действовать сообща. Жизнь Холидея в опасности.

— Вы можете спокойно на нас положиться, — горячо сообщил Щелчок.

— Конечно, можете, — согласился Пьянчужка.

Абернети хотелось бы на это надеяться. Его жизнь тоже была в опасности.

Они спустились в подземный ход: первым Щелчок, потом Абернети и последним Пьянчужка. Они медленно ползли вперед, всем телом вытягиваясь в земляном тоннеле, который извивался, уходя в темноту. Абернети обнаружил, что совершенно ничего не видит. Он ощущал, как ползет Щелчок, и почти упирался головой в его ступни. Сзади Пьянчужка подталкивал его в пятки, подгоняя вперед. Корни скребли по его брюху и спине. Какие-то насекомые протискивались мимо, шевеля множеством ножек. Местами на него сочилась влага, склеивая шерсть. Пахло резко и затхло. Абернети ненавидел тоннели. Он ненавидел любую тесноту (видимо, опять его собачья натура!). Появилось огромное желание убежать из этого подземного хода, но он заставлял себя ползти к цели. Он сам начал это приключение и был намерен довести его до конца.

Очевидно, кыш-гномы прорыли свой подземный ход под озером. Абернети не мог понять, каким чудом им это удалось, если учесть, какой глубиной оно славится. Представил себе, как над ним обрушивается свод, воображал, как в тоннель врывается вода озера. Они ползли бесконечно долго, и ему не раз казалось, что больше уже не вынесет. Но он брал себя в руки и не сдавался.

Когда они снова вышли к свету лун и звезд, оказавшись в зарослях кустов за кольцом осады, где можно было стряхнуть с себя

грязь и насекомых и снова, с наслаждением и глубокой благодарностью, вдохнуть прохладный ночной воздух, который показался ему несказанно сладким и ароматным, он дал себе клятву: что бы ни случилось с этого момента, он ни при каких обстоятельствах не полезет обратно в этот подземный ход.

Немного очухавшись, Абернети последовал за гномами. Между кустами и деревьями они пробрались на холм, откуда было видно луг и странную армию, осадившую Чистейшее Серебро. Костры, на которых готовился ужин, уже догорали, и повсюду на траве спали люди. Стража из регулярной армии Каллендбора все еще охраняла берег, пристально наблюдая за островом-замком, небольшие группки людей все еще пили и беспокойно шутили, но в основном все уже устроились на ночлег. Абернети обшарил взглядом луг, особенно линию берега, надеясь увидеть Хорриса Кью или незнакомца в черном плаще. Однако их не было видно. Даже Каллендбор куда-то скрылся.

— Что нам теперь делать? — беспокойно спросил Щелчок.

— Да, что? — эхом повторил Пьянчужка.

Абернети толком не знал. Он тревожно облизнул нос. Каким-то образом ему надо отыскать Хорриса Кью. Но как это можно сделать в данных обстоятельствах? Прежде всего выглядит он как собака, и при отсутствии одежды этого факта не скроешь. Если он появится в лагере в таком виде, его моментально заметят.

Он неохотно повернулся к гномам:

— Как вы думаете, вы могли бы незаметно проскользнуть вниз и отыскать того человека, которого я показал вам из замка, — того, у которого птица?

— Человека с кристаллами мысленного взора, — радостно объявил Щелчок.

— Того, — провозгласил Пьянчужка.

Абернети только надеялся, что они смогут вспомнить что-то помимо кристаллов. Ему нужен был Бен Холидей, а кыш-гномы легко забывали о самом важном, отвлекаясь на то, что заинтересовало их в данную минуту. Больше всего Абернети боялся, что они забудутся. Казалось, они ничего не смогут с собой поделать.

— Конечно, мы найдем его, — сказал Щелчок.

— Запросто, — добавил Пьянчужка.

Абернети вздохнул:

— Хорошо, попробуйте. Но вы просто его отыщите, а потом вернитесь ко мне и скажите, где он. Чтобы я смог поведать вам дальнейший план. Ничего без меня не делайте. Пусть он и не подозревает, что вы здесь. Вы сможете это запомнить?

— Да, мы можем запомнить, — сказал Щелчок, старательно кивая.

— Запросто, — повторил Пьянчужка.

Они скользнули в темноту и исчезли из виду. «Мы обязательно будем помнить», — пообещали они. Абернети очень хотелось бы в этом не сомневаться.

Сравнительно неподалеку, несколько в стороне от сброда, сгрудившегося на поляне, Хоррис Кью и Больши сидели одни, тихо переговариваясь. Хоррис съежился в тени огромного раскидистого клена, вышедшего за край расположенного позади леса и свесившегося до половины склона, словно оглядывая округу. Больши уселся на стволе соседнего дерева, когда-то бывшего спутником этого клена, но павшего жертвой молнии. Хоррис прислонился спиной к клену и вытянул ноги, напоминавшие шесты палатки, прямо перед собой, так что они почти упирались в поваленный ствол.

— Ты трус, Хоррис, — с презрением говорила птица. — Жалкий, беспомощный трус. Никогда бы я этого не подумал!

— Я реалист, Больши. — Хоррис и слушать не желал про трусость. — Я понимаю, когда ситуация серьезная, а сейчас именно такой случай — я влип.

Ему горько было делать такое признание, но не внове. Рано или поздно махинации Хорриса Кью приводили к тому, что он серьезно влипал. Почему его планы никогда не срабатывали так, как он рассчитывал, почему они где-то обязательно срывались, попрежнему оставалось для него тайной за семью замками. Но было совершенно очевидно, что и на этот раз, как и много раз прежде, дела опасно расстроились.

Он это точно знал с того момента, как Бурьян показался Каллендбору и спровоцировал поход на Чистейшее Серебро. По крайней мере с того момента, поправился он. Возможно, он был уверен в этом и раньше, если принять во внимание природу существа, с которым он оказался связан. Бурьян был именно тем, чем считал его Больши: невероятно мощным чудовищем, которое в любую минуту может обратиться против них. Уже не оставалось сомнений в том, что рано или поздно оно это сделает. Со времени похода от Риндвейра Хоррис Кью сознавал, что его полезность для чудовища заканчивается. Во-первых, Бурьян получил обратно свой человеческий облик и мог появляться среди людей и ночью, и днем. Это означало, что Хоррис в качестве мальчика на побегушках ему больше не нужен. Что еще хуже, Бурьян вообще перестал обращать внимание на присутствие Хорриса. Когда начали устраивать осаду Чистейшего Серебра, чудовище обращалось к

Каллендбору как к равному и не удостаивало Хорриса своим вниманием. Были забыты все обещания относительно роли, которую Хоррис будет играть в новом порядке вещей. Больше не было упоминаний, ни открытых, ни намеками, о том, что Хоррис станет королем вместо Холидея. Хорриса оттирали на задний план, в этом сомневаться не приходилось.

— Так ты просто намерен снова сдаться? — огрызнулась птица, заставив его выйти из задумчивости. — Просто повернуться спиной к единственному в жизни шансу? Что с тобой случилось? Я думал, ты покрепче!

Хоррис возмутился:

— И что именно я, по-твоему, должен сделать, Больши? Сказать этому чудовищу, что мне не нравится, как со мной обращаются, и потребовать справедливости? Это должно получиться интересно. Если учесть то, что уже известно, надо полагать, нам еще повезет, если мы останемся в живых, даже если не будем открывать рот!

Больши сплюнул: у него при этом получался удивительно гадкий звук.

— Ты можешь сказать ему, что хочешь быть королем, Хоррис! Можешь ему сказать! В конце концов это ведь Бурьян предложил! Это прекрасный план. Ты станешь на денек королем, мы захватим столько денег, сколько получится, а потом сбежим отсюда. Не бежать же с пустыми руками!

Хоррис скрестил руки на своей костлявой груди и раздраженно запыхтел:

— Сказать ему, что я хочу быть королем, вот как? А ты вообще-то обращал внимание на то, что происходит? Ты прислушивался к разговорам? Дело не в кристаллах мысленного взора, или Чистейшем Серебре, или в том, кто станет королем! Здесь происходит еще что-то, несравнимо более сложное и хитроумное. Бурьян просто использует нас, включая Каллендбора, чтобы получить то, что ему нужно. Ему понадобилось немало времени, чтобы высвободиться из той Шкатулки, и он был весьма недоволен тем, что вообще туда попал! Задумайся-ка над этим!

Больши громко защелкал клювом:

— Что ты хочешь сказать?

Хоррис подался вперед:

— Для птицы с просвещенным умом ты бываешь ужасно глуп. Месть, Больши! Бурьян собирается неплохо отомстить, понял? Он хочет уплаты старых долгов за нанесенные ему обиды, и он добьется, чтобы их уплатили. Помнишь, что он говорил: Заземелье — нам, а волшебные туманы — ему одному! Тогда я не понял, что он

имел в виду, но теперь понимаю. Мы всегда руководствовались очень здравыми деловыми принципами, Больши, и они нас никогда не подводили. Если денег заработать нельзя, мы уматываем. Так вот на мести денег не зарабатывают, поэтому пора сматывать удочки и смываться, покуда еще есть возможность!

— Но тут можно заработать, Хоррис, — не сдавалась птица. — В том-то и дело! Тут масса всяких денег, посредине озера, за стенами замка. Если мы сможем продержаться еще несколько дней, у нас есть шанс прихватить с собой немало. Бурьян может нам помочь — даже неосознанно. Пусть этот зверюга получает свое отмщение, какое нам дело? Нам всего-то и нужно — попасть за те стены. Попасть — а потом найти дорогу из Заземелья. Или ты забыл, что мы тут в ловушке? Бурьян может обеспечить нам и то и другое.

— А что, если он обеспечит нам быструю прогулку в ту Шкатулку, к Холидею и остальным? — Хоррис упрямо покачал головой. — Ты же видел, что он натворил! Он отправил туда Холидея, как младенца! В мгновение ока — из Заземелья в Шкатулку Хитросплетений. И нет больше короля. И с нами он сделает то же самое, когда придет время. И не думаю, чтобы это время было далеко.

Больши перескочил к Хоррису на носок башмака и впился в него когтями.

— Может, нам следует поставить немного и на другую сторону, Хоррис. Допустим, ты прав. Значит, нам нужно только нечто, что помешает Бурьяну причинить нам вред. Шкатулка, например.

Хоррис моргнул:

— Шкатулка Хитросплетений?

— Мы уматываем прямо сейчас, этой ночью, — сказала майна. — Верхом за ночь можно добраться до пещеры и вернуться обратно. Берем Шкатулку и прячем. Будем использовать ее как рычаг, чтобы получить желаемое.

Лукавые птичьи глазки сверкнули.

Хоррис минуту молча смотрел на Больши, а потом недоверчиво встряхнул головой:

— Ты совсем сбрендил, Больши. Серьезно. Угрожать Бурьяну? Какое ему дело, есть у нас Шкатулка или нет? Мы даже не знаем, как ею пользоваться!

— Мы знаем слова, — прошептала птица. — Мы знаем заклинание. А что, если мы снова его произнесем?

Наступила долгая страшная тишина. Хоррис жалел, что вообще открыл когда-то эту Шкатулку, что произнес слова, которые дали свободу Бурьяну, что снова оказался в Заземелье. Он жалел, что не избрал себе какую-нибудь более спокойную профессию, например

скорняжную или вязание. Ему вдруг стало противно волшебство в любом виде.

— Ну же, Хоррис, поедем! — понукал его Больши. — Нечего тут сидеть! Вставай!

Больши ничего не понимал, конечно. Может, дело было в том, что даже просвещенный ум основывался по-прежнему на птичьих мозгах, которые сидели в маленьком, покрытом перьями черепе, и просто не в состоянии был охватить все детали. Или, может, Больши просто не хотел оценить реальность.

— Если мы это сделаем, — мягко начал Хоррис, — если мы решим бросить вызов Бурьяну, если мы действительно вернемся к пещере и украдем Шкатулку Хитросплетений...

Он не смог договорить. Он не смог заставить себя произнести эти слова вслух. Он бессильно привалился к клену, и тело его съежилось, словно сдувшийся воздушный шарик.

Больши скакал с башмака на ствол и обратно, шипя, как змея.

— Ах ты трус! Ах ты червяк! Ах ты жалкое подобие волшебника! Сплошное хвастовство и полная неспособность к действию! Ах ты слабак! Не могу понять, с чего это я с тобой связался!

За стволом дерева что-то шевельнулось, едва заметно: бесшумная тень, ничего более. Ни Хоррис, ни его птица ничего не заметили.

— Больши, Больши, ты не подумал...

— Я-то подумал! Я один только и думаю! — Больши раздулся, увеличившись чуть ли не вдвое, и превратился в яростного черного дикобраза. — Ну, делай что хочешь. Валяйся тут, словно тряпичная кукла, словно кусок мешковины с опилками вместо мозгов! Валяй!

Хоррис Кью зажмурился и начал растирать лицо ладонями.

— Я больше ни секунды не останусь с таким трусом! — бушевал Больши. — Ни единой отвратительнейшей...

Из-за ствола, на котором сидела майна, вынырнула грязная лапка, зажала ему клюв и шею и утащила в темноту.

Спустя мгновение Хоррис Кью снова открыл глаза и осмотрелся. Больши нигде не было. Раз! — и он исчез. Хоррис Кью озадаченно приподнялся. На бревне качалось единственное черное перо.

— Больши? — неуверенно окликнул он своего верного спутника.

Ответа не последовало.

Время приближалось к полуночи.

Абернети тихо сидел на краю леса и наблюдал за тем, как клюют носом последние гуляки. Вдали догорали ночные костры да виднелись неясные силуэты стражников, расставленных Каллендбором. Темнота вокруг него все сгущалась. Чистейшее Серебро казался

туманной громадой, высившейся на горизонте, почти полностью лишенной света. Над головой небо было ясным, и его заливал свет нескольких лун и тысяч звезд. Ночь была тихой и теплой, и при других обстоятельствах можно было бы не сомневаться, что всех ждут приятные сны.

А сейчас Абернети не смел и подумать о сне. Он уже страшно тревожился при мысли о том, сколько времени прошло с тех пор, как Щелчок и Пьянчужка расстались с ним, отправившись искать Хорриса Кью. Никакого шума он не слышал, так что не тревожился, что их застукали, тем не менее оставалось совершенно непонятным, почему их так долго нет. Существовало множество вариантов всяческих неприятностей, в которые могла бы впутаться эта парочка, слишком много неверных шагов, которые они могли бы незаметно для себя совершить. Абернети жалел, что не мог пойти вместе с ними. Он ругал себя за то, что отпустил их одних.

Он как раз принял решение отправиться их разыскивать, проскользнуть в лагерь, стащить у кого-нибудь плащ и высматривать кыш-гномов, как они вдруг снова появились. Они выскочили из темноты прямо перед ним, так что он невольно вздрогнул.

— Где вы пропадали? — раздраженно спросил Абернети.

Гномы улыбнулись, показав все свои зубы. Казалось, они на редкость довольны собой.

— Посмотрите, что у нас есть, — сказал Щелчок.

— Идите посмотрите! — подхватил Пьянчужка.

Абернети хотел было взглянуть, заметив, что они действительно что-то принесли — что-то шевелящееся, но они проскользнули мимо, не замедляя шага.

— Нет, не здесь, — быстро проговорил Щелчок.

— В темноте, подальше от лагеря, — добавил Пьянчужка.

И они вернулись обратно в лес, отдалившись от луга и тех, кто расположился там на ночлег. В лесу Щелчок и Пьянчужка снова повернулись к Абернети, и заправила гномов гордо вытянул перед собой руки.

— Вот! — с восторгом объявил он.

Абернети изумленно уставился на его ношу. Это оказалась птица — майна, кажется, — та, которая принадлежала Хоррису Кью. Ее шею крепко сжимали все в земле руки гнома, не слишком заботившегося о ее дыхании. При этом он зажал птичий клюв, чтобы она не смогла издать ни звука. Майна слабо трепыхала крыльями, но казалась совершенно выдохшейся.

Абернети разочарованно вздохнул:

— Я же сказал вам только посмотреть, просто найти хозяина птицы и вернуться ко мне! Я не говорил вам, чтобы вы ее ловили! Что нам толку в этой птице!

— Очень даже много толку, — возразил Пьянчужка, нисколько не смутившись. Он нетерпеливо ткнул Щелчка в бок. — Покажи ему.

Щелчок разжал пальцы, державшие клюв Больши, и чуть встряхнул его:

— Говори, птица.

Птица молчала. Она бессильно обвисла, представляя собой самое жалкое зрелище. Она казалась полумертвой. Абернети почувствовал, что у него начинается головная боль, и вздохнул.

Щелчок мрачно насупился. Он приблизил свою морду к голове птицы.

— Говори, глупая птица, иначе я сверну тебе шею и съем тебя! — сказал он, многозначительно сгибая свои когтистые пальцы.

— Ладно, ладно! — огрызнулась майна, вдруг оживая. Абернети изумленно дернулся. Птичья голова резко завертелась во все стороны. — Говорю, слышите? Что вы хотите от меня узнать?

Щелчок гордо продемонстрировал птицу Абернети:

— Видите?!

Абернети наклонился, чтобы лучше рассмотреть Больши.

— Ну-ну, — мягко проговорил он. — А говоришь-то ты гораздо лучше, чем показывала, а?

— Лучше, чем ты, кусок меха, — насмешливо бросил Больши. — Скажи этим кротовикам, чтобы они сию минуту меня отпустили, иначе вам же будет хуже!

Абернети неожиданно щипнул птицу:

— Повтори-ка, как тебя зовут? Больши? Так вот, Больши, знаешь что? — В голосе его слышалась явная удовлетворенность. — Мне понадобилось немало времени, но наконец-то я тебя вспомнил. Много времени утекло, а? Ты принадлежал придворному волшебнику, брату советника Тьюса. А потом в один прекрасный день вдруг, как нам поведали, ты исчез. Что случилось? Тебя отправили в прежний мир Бена Холидея — точь-в-точь как Хорриса Кью? Ну не важно. Сейчас это вряд ли имеет значение. Просто говори мне, что ты знаешь об исчезновении Его Величества, быстренько! И ничего не опускай.

Больши нарочно громко захлопнул клюв. Но прикидываться дурачком было слишком поздно. Щелчок и Пьянчужка подслушали большую часть его разговора с Хоррисом Кью и теперь наперебой пересказывали его Абернети. Они несколько раз сбивались и кое-что перепутали, но писцу не составило особого труда догадать-

ся, что именно произошло. Бурьян был каким-то чудовищем. Он пользовался услугами Хорриса Кью и Каллендбора. Кристаллы мысленного взора послужили оружием против законной власти. И, что самое главное, исчезновение Бена Холидея было связано с использованием мощного заклинания, которое надо каким-то образом нейтрализовать. Это означало, что необходимо найти пещеру этого чудовища и спрятанную в ней Шкатулку Хитросплетений.

Абернети снова повернулся к Больши. Птица не сказала ни слова после своей первой тирады — она молчала все то время, пока Щелчок и Пьянчужка разоблачали ее тайны. А теперь майна кинула быстрый взгляд на Абернети, наклонившегося над ней.

— Дать попочке сухарик? — злобно поддразнил ее придворный писец.

Несмотря на то что его крепко держали, Больши попытался клюнуть его в нос.

Абернети улыбнулся, показав мерзкой птице свои мощные зубы.

— Слушай меня, ты, бесполезный мешок перьев. Ты проведешь нас к пещере — сегодня же. А когда мы до нее доберемся, ты поможешь нам войти в нее. И ты покажешь Шкатулку Хитросплетений и научишь нас заклинанию. Ты понял меня?

Больши уставился на него своими блестящими глазками:

— Ничего подобного я не сделаю. Когда мое отсутствие заметят, меня начнут искать. Особенно Бурьян. Подождите, вот увидите, что он с вами сделает! Увидите!

— Что бы он с нами ни сделал, — хладнокровно пообещал ему Абернети, — ты уже этого не увидишь. — Наступило долгое многозначительное молчание. — Дела обстоят так, — ядовито добавил он шепотом, — если ты сию же минуту не покажешь нам, где эта пещера, я отдам тебя моим друзьям и разрешу им делать с тобой все, что угодно... — Абернети не спускал глаз с Больши. — Потому что я ужасно зол на то, как меня провели. А еще более зол на то, что вы сделали с нашим королем. Я хочу вернуть его, целого и невредимого. И ты должен помочь мне, если хочешь пережить эту ночь. Твой крошечный птичий умишко усвоил? — Опять наступило долгое молчание. — Отвечай быстро! — приказал Абернети.

Больши хрипло проскрипел:

— Пещера на западе, за Сердцем. — Потом он немного оправился. — Но это вам не поможет.

Абернети улыбнулся, снова продемонстрировав птице свой зловещий оскал.

— А вот это мы посмотрим, — пообещал он.

ГЛАВА 19

ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ БОЛЬШИ

Пока Щелчок крепко держал Больши, Пьянчужку отправили найти лошадей для поездки к пещере, причем все заинтересованные лица понимали, что под словом «найти» надо понимать «украсть». В их положении выбирать не приходилось, а кыш-гномы были прирожденными ворами, так что для них «найти» в любом случае значило бы «украсть». Сложность состояла не в преодолении высокоморальных принципов, а в самой необходимости воспользоваться лошадьми. Ни Абернети, ни кыш-гномы особой любви к этим животным не питали, и, сказать по правде, лошади отвечали им взаимностью. Тут имела место некая врожденная неприязнь, которую нельзя было преодолеть ни уговорами, ни привычкой. Но чтобы пройти пешком расстояние, отделявшее их от пещеры, им понадобилось бы не меньше целого дня, а верхом его можно было преодолеть всего за четыре часа. Поскольку время советника Тьюса и Чистейшего Серебра истекало — в конце концов ведь на рассвете Каллендбор и незнакомец в черном плаще начнут усиленно искать способы сократить осаду, — то в силу необходимости надо было смириться с использованием лошадей.

Хотя смириться было очень трудно.

Пьянчужка вернулся в рекордно короткое время, приведя двух взнузданных лошадей, покрытых попонами: соловую и гнедую, — причем очевидно было, что он отвязал обеих от ближайшей изгороди. Ему и в голову не пришло позаимствовать седло, что несколько осложнило ситуацию. Лошади уже шарахались и фыркали, выражая свое отвращение к маленькому, оборванному и перепачканному грязью коротышке, который их вел. За неимением седел Абернети решил не снимать с лошадей попоны. Он обрезал их охотничьим ножом Пьянчужки, чтобы они не свисали ниже крупа, и постарался покрепче подвязать самодельными подпругами, которые он сплел из обрезков. Выглядело все это ужасно непривлекательно, но ничего нельзя было поделать.

Потом они взгромоздились на лошадей: Абернети — на более горячую соловую, а Щелчок с Пьянчужкой — на гнедую. Щелчок держал уздечку, а Пьянчужка — птицу. Теперь лошади уже плясали и раздували ноздри: вероятно, понимали, что их ждет, и это отнюдь не радовало их. Сначала Абернети велел гномам пустить лошадей шагом — ему хотелось находиться как можно дальше от лагеря на тот

случай, если этим тварям придет в голову закусить удила. Это удалось с минимальными усилиями. Отъехав несколько миль и оказавшись среди холмов к западу от озера, Абернети легонько ударил свою лошадь пяткой в бок, и они понеслись. Стремглав вторая лошадь метнулась вперед, и обе помчались через леса и холмы, словно в них бес вселился. Абернети пытался поумерить свою соловую, но лошадь ничего и знать не желала. Ничем не сдерживаемая, она просто бежала, как ей вздумается. Абернети оставил попытки ею управлять и отчаянно старался не упасть. Позади себя он слышал кошмарный вой кышгномов. Если они упадут, они могут выпустить птицу. А уж если птицу выпустят, все они, считай, мертвецы. Абернети сжал зубы, борясь с желанием обернуться и начать давать полезные советы.

В конце концов лошади утомились, перешли на рысь, а потом даже пошли шагом. Все три всадника по-прежнему были в седле, не потеряв ни своей ноши, ни способности соображать. Они проехали очень большое расстояние за очень короткое время. Как выяснилось, не успели они толком опомниться, как уже оказались у Сердца, откуда проехали дальше на запад. Абернети время от времени оборачивался и спрашивал у Больши дорогу, и птица неохотно давала ему требуемые сведения. Луны лениво плыли вдоль горизонта и над головами путников — ночь приближалась к рассвету. Вид местности изменился: деревья росли чаще, лес стал гуще. Вскоре они уже были вынуждены ехать медленным шагом через заросли, где не было дороги и каждый неверный шаг грозил опасностью.

Почти час спустя они подъехали к пещере. Спешившись в конце крутого подъема, привязали лошадей к дереву и с трудом спустились вниз по склону к густым зарослям кустарника. Спуск одолевали медленно, потому что после поездки верхом все двигались с большим трудом. Гномы громко и безостановочно жаловались, так что Абернети всерьез подумывал о кляпах для них. У подножия холма они свернули в самую гущу кустарника и оказались у огромного плоского камня, на котором были вырезаны какие-то путаные знаки. Абернети не смог ни прочесть их, ни даже разобрать.

— И что нам делать теперь? — спросил он у взъерошенной птицы.

Больши казался довольно потрепанным, поскольку всю дорогу его держали за ноги, часто вверх тормашками, пока Пьянчужка отчаянно пытался удержаться на спине гнедой. Перья птицы были все в грязи и торчали во все стороны.

— Не знаю, с чего мне вообще вам еще что-то говорить, — огрызнулся Больши. — Когда вы меня отпустите?

— Когда снова увижу Его Величество целым и невредимым! — Абернети не был настроен дискутировать с этим страшилищем.

Больши презрительно сплюнул:

— И не ждите. Даже если я помогу вам войти в пещеру, даже если я покажу вам Шкатулку и даже если ты произнесешь заклинание, этого не будет, потому что ты не волшебник и не маг и не можешь пользоваться колдовскими силами.

— Чтобы я терпел такое от гадюшной птахи! — возмущенно отозвался Абернети. — Заводи нас в пещеру, Больши. А об остальном предоставь мне самому позаботиться.

Птица фыркнула:

— Ну и прекрасно. Поступай как знаешь. Прикасайся к знакам в том порядке, который я тебе укажу. Итак, поехали.

И он начал повторять последовательность действий, необходимых для того, чтобы открыть пещеру, — он запомнил их, наблюдая за Хоррисом Кью.

Спустя какие-то секунды камень отодвинулся назад, скрежеща о скалу и открыв зияющее чернотой отверстие, в котором тускло светилось серебристое сияние. Трое друзей короля тревожно уставились в неприветливый сумрак.

— Ну? — издевательски осведомился Больши. — Будете тут стоять весь день или все-таки войдете? Давайте-ка поскорее кончать с этим.

— Как далеко идет эта пещера? — озабоченно спросил Абернети.

— Пока не кончится! — огрызнулась птица. — Ха! Ха! Ха!

Абернети решил не обращать внимания на подзуживание Больши. Пещеры он не любил столь же сильно, сколь и подземные ходы, но не мог рисковать, пуская туда кыш-гномов одних. Невозможно было предсказать, что произойдет. С другой стороны, ему не слишком хотелось попасть в ловушку.

— Я пойду первым, — вызвался Щелчок, предлагая решение проблемы.

— А я вторым, — предложил Пьянчужка.

— Мы не боимся тоннелей и пещер.

— Мы любим темноту.

Абернети это вполне устраивало. Он был рад замыкать шествие. Так ему легче будет за всеми присматривать. Кроме того, если в пещере окажутся какие-нибудь ловушки, кыш-гномы заметят их лучше, чем он. Обидно, что нюх у него работает лучше, чем зрение, но такова уж его природа, и нет смысла ее оплакивать.

— Хорошо, — согласился он. — Но будьте предельно осторожны.

— Не беспокойтесь о нас, — жизнерадостно отозвался Щелчок.

— Ни минутки, — добавил Пьянчужка.

Заметано, подумал Абернети. Не то чтобы он вообще собирался о них беспокоиться.

— Только покрепче держите птицу, — напомнил он гномам.

Они осторожно прошли через вход, переключаясь с ночной темноты на темноту, царившую в пещере. Тускло светящиеся полосы мерцали на стенах коридора, напоминая свет свечи, каким он виден сквозь залитое дождем окно. У входа они задержались осматриваясь. Воздух в пещере, как это ни странно, оказался очень теплым. Тишина была мертвецкой.

Абернети поразила страшная мысль: а что, если Бурьян за чем-нибудь пришел сюда раньше и теперь их дожидается? Эта возможность так его напугала, что на мгновение он застыл на месте, не в силах шевельнуться. Придворный писец вдруг осознал, что вляпался по-крупному. У него не было ни оружия, ни волшебства, ни боевых навыков, с помощью которых он мог бы защититься. Кыш-гномы в бою были бесполезны: они только зароются в землю, чтобы спрятаться. Вся операция была полна опасностей и возможностей провала. О чем он вообще думал, когда на нее пускался?

А потом минутный ужас прошел и Абернети смог себя успокоить. Он сделал то, что должен был сделать, что было необходимо и правильно, и это оправдывает любой риск. Судьба великого короля Бена Холидея зависит от него, Абернети. Он не знал, каким именно образом она от него зависит, но явственно ощущал, что это так. Он снова напомнил себе, как бездумно помогал Бурьяну и Хоррису Кью в их попытках разрушить королевский трон Заземелья и совратить населяющий его народ. Он напомнил себе, что должен заплатить за свое глупое легкомыслие.

— Ну так идемте, — отважно позвал он.

Гномы, наблюдавшие, как он справляется со своей неуверенностью, пробрались через вход. Абернети сделал глубокий вдох и прошел следом.

И тут же за его спиной со скрежетом закрылась массивная дверь.

Абернети подскочил от неожиданности, гномы взвизгнули, и мгновение царила полная неразбериха. Абернети инстинктивно ударился в дверь, чтобы заставить ее снова открыться. Оба гнома кинулись ему помогать и в спешке натолкнулись друг на друга. В этот момент Больши изо всех сил клюнул державшую его руку, и Пьянчужка невольно ее разжал.

Больши мгновенно вырвался на свободу, взлетел ввысь и в ту же секунду понесся в глубь пещеры.

Внутри лабиринта Бен Холидей медленно пробирался сквозь туман, осторожно неся перед собой свой талисман-медальон. За ним по пятам шли Страбон и Ночная Мгла, напоминая преследую-

щих его безмолвных духов. Внутренне они все преобразились, узнав о своей истинной сущности, но внешне оставались измененными и лишенными своих способностей. Тяжесть заключения давила на них, как тяжелые цепи. Сейчас у них было такое ощущение, словно они идут последнюю версту, словно если они и в этот раз не смогут вырваться на свободу, то навсегда останутся пойманными. В них все росло чувство отчаяния.

Острее всего это ощущал Бен, в руках которого находилось их единственное спасение. Медальон не говорил с ним, он не испускал света и не указывал направления. Бен шел словно слепец: он не видел нужного ему пути, он только знал, что медальон прежде уже вел его сквозь волшебные туманы и каким-то образом должен снова это сделать, иначе они погибли. Ибо речь здесь шла о спасении или гибели, хоть никто не произносил этих слов. Если они останутся в туманах, то в конце концов сойдут с ума. Безумие ждало их впереди: они видели его столь же ясно, сколь и собственное отчаяние. Оно было пеленой, такой же неумолимой, как Марево, которое появлялось, когда им грозила опасность, но в отличие от Марева эта пелена пришла не спасти их, а уничтожить. Безумие делало это постепенно, медленно подтачивая уверенность, надежду и волю. Безумие разъедало их так же упорно, как болезнь разъедает здоровье, оно истощало их силы... В итоге им останется только смерть.

Но нет, они не уступят безумию, мысленно повторял Бен. То, что он снова нашел Ивицу — пусть во сне, пусть только на короткое мгновение, — и уверенность в том, что она надеется на него и ждет его где-то за цепкими туманами лабиринта, она и их неродившееся дитя, — все это давало ему волю к жизни. Он найдет выход. Медальон позволит им спастись. Иначе быть не может.

— Я не вижу никаких признаков перемены, — донесся до него сзади холодный голос Ночной Мглы.

По правде говоря, она была права. Никакого прогресса не наблюдалось, хотя они шли уже несколько часов. Разве они не должны были давным-давно оказаться на свободе, если медальон действует? Сколько времени им идти? Бен всматривался в сумрак, лежащий впереди, стараясь увидеть что-то новое в структуре или вязкости тумана. Он не замедлял шага, опасаясь, что тогда они могут остановиться, а если остановятся, то пропадут. Движение давало надежду — любое движение.

— Влажность стала меньше, — вдруг обнадеживающе сказал Страбон.

Бен посмотрел себе под ноги. Дракон был прав. Земля, по которой они шли, стала жестче, чем все то время, пока они бродили

по туманам. Может быть, это знак. Он решил, что это так и есть, и ускорил шаг. Впереди лес казался менее густым. Возможно ли это? В нем расцвела уверенность. Щеки его заалели. Деревья отступали, открывая лужайку, а лужайка, в свою очередь, превращалась в переход, в тоннель, проложенный по густому и высокому кустарнику. И этот тоннель уходил далеко, в темноту...

— Да! — прошептал он вслух.

Ибо они оказались у явного пути, у дороги, знакомой всем, кто проходил через волшебные туманы в Заземелье. Они нетерпеливо бросились туда. Даже Ночная Мгла заметно повеселела при виде долгожданного зрелища. Они все скопом вошли в мрак тоннеля и поспешно зашагали по лесной тропе. Именно такое место они и искали: путь обратно, туда, откуда они пришли. Здесь не было эльфов, не было ни звуков, ни движения, не было и намека на какую-то жизнь, если не считать деревьев и кустарника и окружающей их влажной пелены. Они по-прежнему находились в волшебных туманах лабиринта. Однако где-то поблизости, совсем рядом, их ждала дверь, через которую наверняка можно было выйти отсюда.

Но вдруг мрак впереди них тесно сомкнулся, став черным как сажа, превратившись в стену, которая поднималась вверх и уходила в обе стороны, так что конца ей не было видно. Приблизившись к ней, они замедлили шаги, недоумевая, почему она тут оказалась. Обнаружив, что стена не дает им идти дальше, они остановились, ощупывая ее поверхность. Она была твердой и гладкой, как камень. Они прошли вдоль нее в обе стороны, а потом вернулись обратно. В стене не было видно никаких дверей. Пройти сквозь нее было нельзя.

— Это же ловушка! — в ярости зашипела Ночная Мгла.

Бен был в смятении. Медальон отказывался обрушить стену или показать им путь в обход. Эта стена, чем бы она ни была, не поддавалась волшебству его талисмана. Как такое могло быть? Если их держат в плену волшебные туманы, тогда медальон должен был бы вывести их оттуда. Медальон дает проход через все препятствия в волшебных туманах.

И тут он вдруг понял, что видит в темноте. Черную стену составляли не волшебные туманы. Это были границы самой Шкатулки Хитросплетений, обладавшей иным волшебством, нежели туманы. Это было последнее препятствие для бегства. И он сильно опасался, что замок от этой двери не лежит внутри их тюрьмы. Он находится снаружи.

Бен шагнул назад, полный отчаяния. В своем сне он смог пройти сквозь туманы Шкатулки Хитросплетений, но сейчас, бодрствуя, он этого сделать не мог.

— И что мы теперь должны делать? — негромко спросил Страбон, горбясь рядом с Беном. В голосе его слышался гнев.

Бен Холидей ничего не ответил.

Больши в одну секунду оказался в дальней части пещеры, в зале, где Бурьян спрятал Шкатулку Хитросплетений. Больши спустился туда, где стояла Шкатулка — на каменном выступе в самом темном конце, — и уселся на карниз прямо над ней. И что дальше? До этого момента он думал только о том, как бы вырваться, и теперь, добившись своего, не знал толком, что делать. Выход из пещеры был только один — тот, через который они вошли. В скале над дверью были вырезаны руны — не такие, как снаружи, но Больши знал, в какой последовательности к ним надо прикасаться. Ему надо только чем-нибудь отвлечь пса и его хорьков и успеть открыть дверь.

Он уже слышал, как они приближаются: о камень скрежетали их когти, голоса звучали с подвыванием.

— Эй, пташка, пташка! — окликал один из них.

Больши презрительно мотнул головой. Как же, «пташка-пташка»!

Он терпеливо дожидался, пока они подойдут. Возникли они из темноты, словно лохматые свиньи, принюхивающиеся к полу пещеры. Какое жалкое зрелище! Это были те самые хорьки или как там они назывались — привязанные к земле идиоты, у которых было столько же шансов поймать его, как у него — выучить физику.

— Пташка, лети сюда! — терпеливо повторял один, тот, что побойчее.

— Сюда, глупая птица! — обезъянничал второй.

Наверное, этого он клюнул, решил Больши. Если бы клюв позволял, он бы улыбнулся. Больши надеялся, что этому коротышке было по-настоящему больно. Он надеялся, что этот звереныш заработает гангрену и сдохнет здесь. Ведь эта тварь не слишком заботилась о Больши. Держала вниз головой на лошади! Ударяла Больши головой о свою ногу, пытаясь удержаться верхом! Ну, они скоро увидят, что бывает с теми, кто связывается с Больши!

Он снялся со своего насеста и полетел обратно. Они сразу же его заметили (зрение у них оказалось острее, чем он ожидал) и подскочили, пытаясь его поймать, когда он проносился мимо. Безнадега, конечно. Он находился достаточно высоко над полом и двигался раза в два быстрее, чем они. Он пролетел мимо них и ринулся к выходу, пока они все еще размахивали лапами в воздухе. Может, пес тоже вышел на охоту. Может быть.

Но он не вышел. Пес стоял прямо перед каменной дверью и ждал его. Больши стремительно повернул, еле миновав протянутые

руки и оскаленные зубы пса. Пес был поумнее хорьков. Он не позволит Больши так легко сбежать.

— Иди сюда, ты, маленький...

Характеристики, которыми награждал его пес, слились с эхом и рассыпались по всему помещению. Больши полетел обратно. Ситуация получилась тупиковая. Они все заперты в пещере. Больши лихорадочно соображал. Теперь ему обязательно надо было выманить пса от каменной двери, увести его вглубь, чтобы проскользнуть мимо него и включить механизм, с помощью которого дверь откроется. Если он окажется вне пещеры, им его ни за что не поймать. А потом ими займется Бурьян. Он попытался сообразить, есть ли надежда на то, что Бурьян этой ночью вернется обратно в пещеру. Может, Хоррис и придет к нему с рассказом об исчезновении Больши. Может быть. Но это значило бы рассчитывать на то, что у Хорриса соображалка работает намного лучше, чем на самом деле. В последнее время Хоррис до того отупел, что скоро перестанет соображать, как шнурки завязывать. После того как Хоррис выпустил Бурьяна, он напуган, сбит с толку и вообще ни на что не годен. Больши стал подумывать, не пора ли ему подыскать нового напарника. И вообще — зачем ему нужен этот Хоррис? Из них двоих настоящие мозги только у него, Больши. Так было всегда.

Приближаясь к заветной стене, он поднялся к самому потолку, но даже и так ему с трудом удалось увернуться от Пьянчужки, когда гном прыгнул на него с каменного выступа у одной из стен, на который он забрался заранее. Гном пронесся мимо Больши и плюхнулся на пол пещеры. Больши прислушался к звуку его падения — глухому удару, после которого раздались стоны и невнятное бормотание. Прекрасно.

— Хорошая попытка, крысомордик, — насмешливо крикнул он и тут же увернулся от чего-то, что второй хорек швырнул ему в голову. Это была металлическая сковорода или тарелка — какая-то утварь, которую притащил в пещеру Хоррис Кью. Больши злобно гаркнул и взлетел до потолка. Пора предпринимать обходные маневры.

Тут в него полетели всевозможные предметы: гномы всерьез пошли в атаку, пытаясь сбить его на землю. Они швыряли в него все, что могли поднять, и все время на него орали, называя «глупой птицей» и еще более крепкими словцами, и с каждой минутой злились все сильнее. Это очень устраивало Больши. Злость заставляет делать ошибки, и он рассчитывал на то, что они очень скоро начнут их делать. Хорьки пока не видели Шкатулки Хитросплетений, и Больши старался держаться подальше от нее. Поворачивая, ныряя вниз, взлетая вверх, он все время дразнил и подначивал их, обзывая

по-всякому, приглашая его поймать. Эти полные идиоты все орали, подскакивали и пытались чем-нибудь в него попасть. Разве смогут? Как бы не так!

С другой стороны, он начал немного уставать от всего этого метания и кружения, и пока он все еще не мог придумать, как выманить пса от двери. Ему нужно было что-то, что заставит пса кинуться бежать сюда, что он не сможет проигнорировать. На секунду он попробовал представить себе, что произойдет, если он произнесет слова, державшие в плену Холидея и остальных. Ничего хорошего, решил он и поспешил отказаться от этой идеи. Эта Шкатулка слишком опасна. И к тому же — вдруг она освободит своих пленников? Лучше оставить ее там, где она стоит. Он снова оглядел пещеру, пытаясь придумать способ бегства, надеясь высмотреть какую-нибудь расщелину или вентиляционный ход. Но ничего не было видно.

Внизу кыш-гномы сдирали одеяла с постели Хорриса Кью и связывали из них сеть. Ну-ну, ухмыльнулся Больши. Он налетел на них, пока они работали, отвлекая их и раздразнив еще сильнее. Он видел, как их глаза вспыхивают желтым огнем, когда они шипели и уворачивались от него. Оба жутко разозлились. Так им и надо. Они закончили плести свою сеть — а в ней полно было огромных дыр (вот идиоты!) — и начали загонять его в угол, где можно было бы его поймать.

— Болваны! Жабы вонючие! Хорьки тупые! — гаркал он им сверху, легко увертываясь от их жалких попыток.

Он слетел вниз, подхватил несколько самых легких предметов, которыми в него швыряли, поднял их вверх и уронил на головы гномам. Те завопили от боли. Может, это выманит пса, с надеждой подумал Больши. Но пес все не шел. Наверное, шума еще недостаточно. Больши попробовал повторить тот же номер с предметом побольше — деревянным черпаком. Он уронил его прямо на голову Щелчку, и гном не удержался на выступе, куда забрался метра на три от пола, и упал прямо вниз головой. Боль, наверное, была дикая, но гном мгновенно снова вскочил на ноги. Чугунные башки, решил Больши. В таких толстых черепушках и мозгов-то, наверное, нет ни капельки.

Игра шла еще некоторое время: гномы пытались поймать Больши своей сетью, а Больши уворачивался и обзывал их. Перевеса ни у кого не было. Больши обзывал и пса тоже, но тот не откликался. Тогда он бросился обратно по коридору туда, где дежурил пес, пытаясь выманить его оскорблениями и резкими спусками, но пес не сдвинулся с места.

Первым терпение потерял Больши. Он больше не мог выносить то, что эти недоумки так долго держат его в ловушке, ему нестерпимо было сознавать, что эти идиоты загнали его в тупик. Он решил предпринять что-то, чтобы нарушить равновесие. Стремительно пролетев обратно в зал мимо подскакивающих и хватающихся за воздух гномов, он направился к Шкатулке Хитросплетений. Хватит осторожничать. Единственное, что заставит пса отбежать от двери, — это Шкатулка. Особенно если он решит, что с ней вот-вот произойдет что-то ужасное. Ну что ж, Больши ему это устроит.

Он приманил своих хорькоподобных преследователей к самому входу, заставив считать, что еще секунда — и они его схватят, а потом снова как вихрь пронесся к Шкатулке Хитросплетений. Он приземлился прямо на ее крышку, запустил когти в углубления рисунка, созданного символами волшебной силы, ухватился покрепче и взлетел. Это оказалось нелегким делом. Шкатулка была тяжелая и неудобная. Он смотрел, как кыш-гномы мчатся к нему, услышал, как они пронзительно завопили, поняв, что он делает. Однако вопли их оставались нечленораздельными, в них нельзя было разобрать слов «Шкатулка Хитросплетений» или что-то еще, так что пес все равно не прибежал. Надсадно щелкая клювом, Больши взмыл в сумрак пещеры, по-прежнему крепко ухватив когтями Шкатулку. Он отчаянно хлопал крыльями, чтобы удержаться в воздухе. Его маховые перья напрягались до предела.

Он натужно и тяжело поднимался к самому куполу пещеры. Шкатулка Хитросплетений раскачивалась в его лапах. Он планировал продержать ее еще несколько секунд, а потом бросить вниз. Либо одно, либо другое заставит-таки пса примчаться сюда.

— Глупая птица, спускайся! — в гневе провыл один из гномов.

— А почему бы тебе самому ко мне не взлететь? — поддразнил его Больши.

— Ты еще об этом жутко пожалеешь! — надсадно крикнул второй.

— Хотите увидеть, что будет, если я отпущу вот эту штуку? — издевался он, намеренно раскачивая Шкатулку. — Кажется, мне долго ее не удержать!

Это заставило их завопить как обезумевших. Они метались внизу, словно полевые мыши, у которых разорили гнездо. Больши получал истинное наслаждение от происходящего. Он полетел от одного угла пещеры к другому, увлекая за собой эту смешную глупую парочку.

А пес все не являлся. Вот скотина!

Больши потерял терпение. Прекрасно. Раз им хочется, чтобы все было так, — прекрасно! Он все равно ужасно устал. Метнув-

шись в другую сторону, он долетел до самой высокой точки пещеры и отпустил Шкатулку Хитросплетений.

К несчастью, его коготь прочно зацепился за какую-то выемку в Шкатулке.

Шкатулка Хитросплетений стремительно полетела вниз, к полу пещеры, и вместе с ней камнем полетел невезучий Больши. Птица отчаянно билась, пытаясь высвободиться, скребясь лапой по утягивающему ее вниз грузу, но коготь застрял очень прочно. Каменный пол стремительно приближался. Больши заверещал и закрыл глаза.

Однако того, что он ожидал, не произошло. Не было череподробительного удара о камень, Шкатулка и птица не разлетелись на кусочки. В последнюю секунду Пьянчужка успел подбежать и поймать их обоих своими узловатыми мохнатыми лапами.

Больши едва успел открыть глаза, как на его шее сомкнулись грязные пальцы.

— Попалась, глупая птица, — прошипел гном.

Абернети стоял у выхода из пещеры, прислушиваясь к суматохе, царившей в дальнем углу, — и вдруг наступила внезапная тишина. Он стал ждать, когда снова начнется шум, но он все не начинался. Очевидно было, что что-то произошло, но что именно? Ему нельзя было уйти со своего поста, чтобы это выяснить. Он знал, что, если он это сделает, Больши проскользнет мимо него и выберется из пещеры. Майна весь последний час пыталась выманить его с этого места, ожидая своего шанса. Абернети отправил Щелчка и Пьянчужку ловить мерзкую птицу, решив, что для этого дела они в любом случае годятся больше, чем он сам. Он не знал, как им в конце концов удастся поймать майну, но других вариантов, кроме как предоставить им такую возможность, не было. Насколько усердно они пытались это сделать, было видно по звукам их борьбы, непрекращающейся упорной какофонии, заставлявшей его рисовать самые неприятные повороты событий.

А теперь вдруг все стихло.

— Щелчок? — неуверенно окликнул он кыш-гнома. Никакого ответа. — Пьянчужка?

Он встревоженно ждал. Что ему делать?

И тут из фосфоресцировавшего мрака возникли две неясные, но знакомые фигуры, которые несли деревянный ящичек, украшенный сложной резьбой. У Абернети радостно затрепетало сердце: он узнал Шкатулку Хитросплетений.

— Вы ее нашли! — воскликнул он, с трудом справившись с желанием пуститься в пляс.

Гномы плелись ему навстречу, вид у них был несколько потрепанный.

— Глупая птица хотела ее уронить, — мрачно сообщил Щелчок.

— Хотела ее разбить, — пояснил Пьянчужка.

— Навредить нашему дорогому королю, — плаксиво сказал Щелчок.

— Может, даже убить Его Величество, — поддакнул Пьянчужка.

Они любовно погладили поверхность Шкатулки Хитросплетений, а потом осторожно передали ее псу.

— Глупая птица больше никому не принесет вреда, — сообщил Щелчок.

— Никогда! — подтвердил Пьянчужка.

И выплюнул сильно изжеванное черное перо.

ГЛАВА 20

ЧАС РАСПЛАТЫ

Солнце встало над замком Чистейшего Серебра кроваво-красным пятном, обещая плохую погоду на приходящий день. Советник Тьюс снова вернулся на крепостную стену и смотрел, как просыпается лагерь, где провели ночь профессиональная армия Каллендбора и оборванный сброд — разорившиеся фермеры и крестьяне, которые опередили ее в поисках кристаллов мысленного взора. Ночная тьма неохотно отступала на запад, отталкиваемая алым рассветом, лучи которого заливали скорчившихся во сне осаждающих, словно кровь.

Это едва ли можно считать хорошим предзнаменованием, решил волшебник.

Он не спал почти всю ночь, осматривая с помощью Землевидения все Заземелье в надежде отыскать Бена Холидея. Он прошел всю землю вдоль и поперек с севера до юга и с запада до востока и не нашел и следа Его Величества. В результате этих бесплодных поисков он испытывал усталость и разочарование и откровенно не знал, что еще предпринять. А что тут предпримешь? Замок в осаде, две трети населения открыто восстали против правителя королевства, а Тьюс вынужден один разбираться в такой неприглядной истории. Даже Абернети куда-то запропастился, что стало новым и неприятным источником раздражения. Ивица тоже все еще не вернулась. Если люди и дальше будут так исчезать, то монархия скоро лишится надежной опоры и опустеет, как сдутый воздушный шарик.

Сапожок вышел из темноты и остановился рядом с советником Тьюсом, глядя вниз, на просыпающуюся на лугу армию. Чуть ли не впервые кобольд не открыл своих многочисленных зубов в улыбке. Советник вздохнул и успокоительно похлопал корявого человечка по плечу. Сапожок тоже измучился и начал терять надежду. Казалось, исчерпаны все возможности действовать, и теперь им остается только ждать, что же будет дальше.

Ждать им пришлось недолго. Когда солнце начало вставать, а лагерь просыпаться, из лесного мрака вышел незнакомец в черном плаще и направился к дальнему краю луга, туда, где перед скалой росли густые заросли кустарника. Там никто не останавливался на ночлег: земля в этом месте была слишком каменистой и неровной, среди кустарника росло множество колючек и жгучек, солнце туда почти не проникало, и там густо лежали тени. Советник наблюдал за тем, как незнакомец удаляется от остальных. Никто не шел за ним. Казалось, никто вообще не заметил его присутствия. Он не скрывался, не прятался и двигался настолько решительно, что никто не осмелился бы вмешаться. Тьюс обвел взглядом широкий луг. Ни Хорриса Кью с его птицей, ни даже Каллендбора нигде не было видно.

Каким-то образом избегая плетей ежевики, незнакомец в черном плаще пробрался сквозь нерассеявшиеся еще тени. Что он замышляет? Советник Тьюс этого не знал, но был уверен, что ему не помешало бы знать. Он все время напоминал себе, что ему надо бы что-нибудь предпринять, да только вот никак не мог сообразить, что.

Сапожок проверещал что-то быстро и весьма настоятельно.

— Нет, подожди здесь, — посоветовал ему Тьюс. — Ни к чему переплывать ров, пока мы не поймем, что он задумал. И никакого геройства. Мы и так уже потеряли слишком много людей.

И он снова начал гадать, куда мог подеваться этот гнусный Абернети.

Теперь появился Каллендбор в сопровождении офицеров и приближенных. Большинство были в доспехах и готовы к битве. Седлали боевых коней. Из фургонов доставали оружие, и пешие солдаты выстраивались за ним в очередь. Тьюс сжал зубы. Видимо, Каллендбору уже наскучила осада.

Алый свет скользнул по Чистейшему Серебру и окружавшему его озеру и залил весь луг. Он достиг отвесной скалы, где незнакомец в черном плаще уже поднимался к лесу, находившемуся чуть дальше.

Советник прищурился от яркого света. Незнакомец вышел на открытое место и теперь стоял лицом к отвесной скале.

— Что он задумал? — с подозрением пробормотал волшебник.

В следующую секунду незнакомец поднял руки под окутывающим его плащом, тело его застыло, и в землю ударили дуги огня. Волшебник вздрогнул. Незнакомец прибег к волшебству! Тьюс встревоженно переглянулся с Сапожком. С луга донеслись испуганные крики: там заметили огонь. Каллендбор уже сидел верхом на своем скакуне и выкрикивал приказания своим воинам. Кругом суетились люди, плохо соображая, что им надо делать. Пешие и конные солдаты начали выстраиваться в боевые порядки. Фермеры и крестьяне со своими домочадцами не могли решить, пуститься им в бегство или остаться посмотреть, что будет дальше.

Если бы они обладали хоть небольшой предусмотрительностью, они выбрали бы бегство. Из-под земли донесся низкий, угрожающий рокот, послышался скрежет камней — словно открывалась огромная скрипучая дверь.

«Ох, ох!» — запоздало подумал советник Тьюс.

Отвесная скала раскололась, будто разорвалась, как бумага, скрылась за поднявшимся земляным фонтаном. Алый утренний свет ворвался в образовавшуюся черную дыру, заполняя ее нереальными цветами и дымными тенями. Загремел гром, сотрясая землю и всех тех, кто смотрел на происходящее разинув рты, — и на лугу, и на крепостных стенах Чистейшего Серебра. Шипение чудовищ слилось со звоном оружия и доспехов. Все это усилилось, превратившись в вопль, напомнивший смертельную агонию множества живых существ.

У Тьюса перехватило дыхание. Демоны! Незнакомец в черном плаще вызвал демонов!

Яростный вихрь пронесся по лугу, прижимая к земле палатки и штандарты, заставляя лошадей в ужасе вставать на дыбы, а пеших падать на колени. Каллендбор выхватил свой палаш, но мощное оружие казалось спичкой против урагана.

Демоны вышли из разрыва. Их доспехи ощетинились шипами — черные и обугленные, они словно обгорели на самом жарком огне. Их тела дымились. Они выскакивали из разрыва на луг, и при этом из-под их забрал и из креплений доспехов вырывались струи пара. Это были худые уродливые существа, согнутые и искореженные, словно выросшие на ветреном склоне деревья, которые ураганы ободрали догола и сделали твердынями. Они ехали верхом на зверях, не имевших названия, неописуемо жутких — на тварях из кошмаров и больных фантазий, существах из подземного царства теней.

Они выходили из самых темных недр Абаддона, становясь по правую и левую руку от фигуры незнакомца в черном плаще. Они выстраивались от озера до скалы, пока не заполнили весь дальний

край луга. В лучах кроваво-красного рассвета они напоминали угольев, раздуваемые кузнечными мехами. Жар сочился из трещин и ущелий их тел, словно огонь, пылающий в плавильне.

Советник Тьюс почувствовал, что у него перехватило дыхание.

Когда незнакомец в черном плаще повернулся и посмотрел на него через воды озера, волшебник понял, что на порог к нему явилась настоящая беда.

— Вы съели птицу? Съели?!

Абернети ошеломленно смотрел на кыш-гномов, которые стояли перед ним расстроенные. Довольные улыбки медленно сползали с их лиц.

— Она это заслужила, — пробормотал кыш-гном, оправдываясь.

— Глупая была птица, — буркнул Пьянчужка.

— Но есть-то ее было ни к чему! — крикнул Абернети, выходя из себя. — Вы хоть понимаете, что вы сделали? Только птица знала, как можно отсюда выбраться! Только она знала, как открыть Шкатулку! И что мы должны теперь делать? Мы заперты в этой пещере, а наш король заперт в Шкатулке, и мы ничего не можем поделать ни с тем, ни с другим!

Кыш-гномы переглянулись, жалобно заламывая свои волосатые ручонки.

— Мы забыли, — проныл Щелчок.

— Да, точно, мы забыли, — повторил Пьянчужка.

— Мы же не знали, — тянул Щелчок.

— Мы и не подумали, — оправдывался Пьянчужка.

— Это все он, это была его идея, — объявил Щелчок, указывая на Пьянчужку.

— Да, это была моя... — Пьянчужка осекся. — Неправда! Твоя!

— А я говорю, твоя!

— Нет, твоя!

Они начали спорить, кричать, толкаться и наконец сцепились в клубок и принялись кусаться и лягаться; упали на пол, продолжая мутузить друг друга. Абернети отошел в сторону, возвел глаза к небу и уселся, поставив Шкатулку Хитросплетений на колени. Пусть дерутся, решил он. Пусть вырывают друг у друга клочья волос и давятся ими. Ему наплевать. Он сидел, прислонившись спиной к каменной стене, и размышлял над превратностями судьбы. Трудно смириться с тем, что они были так близки к успеху — и вмиг все рухнуло. Он смотрел, как кыш-гномы катаются по полу. Он все еще не мог поверить, что они съели птицу. Ну вообще-то, пожалуй, мог. По правде говоря, если принять во внимание их натуру, это

вполне понятно. С их точки зрения, сожрать ту птицу было совершенно естественно. Злился он главным образом на самого себя — за то, что допустил такое. Хотя и не мог этого заранее предвидеть. И все же... все же...

Какое-то время он предавался размышлениям, не в силах справиться с собой. Шли минуты. Шум борьбы, доносившийся из темноты, смолк. Абернети слушал. Может, кыш-гномы сожрали друг друга? Достойная кара, коли так.

Но спустя секунды оба появились — изодранные и исцарапанные, взлохмаченные, понурив головы, поджав губы. Они молча уселись напротив Абернети, глядя в пол. Абернети вопрошающе посмотрел на них.

— Извините, — спустя мгновение виновато пробормотал Щелчок.

— Извините, — эхом отозвался Пьянчужка.

Абернети молча кивнул. Он не мог заставить себя сказать, что ничего страшного не случилось, потому что, конечно, случилось. Не мог он и сказать, что простил их, потому что не простил.

Спустя мгновение Щелчок жизнерадостно сказал Пьянчужке:

— А может, в дальнем конце пещеры еще остались кристаллы?

Пьянчужка ободренно поднял голову:

— Да, может и остались! Пойдем посмотрим!

И они поспешно помчались в темноту. Абернети вздохнул, но не стал их удерживать. Ведь это помешает им шкодить дальше. Прошло еще время — Абернети не мог бы сказать сколько. Он размышлял, не прибегнуть ли к методу проб и ошибок, чтобы попытаться узнать, какой порядок рун откроет пещеру, но над дверью было несколько дюжин всяческих знаков, так что найти нужное их сочетание надежды не было. И все же — что еще оставалось делать? Он поставил Шкатулку Хитросплетений на пол и начал вставать.

И в этот момент запоры каменной двери сработали и она задвигалась. Абернети застыл, а потом поспешно отпрянул к стене. Дверь медленно открылась, скрежеща и визжа, впустив слабый розовато-серый свет приближающегося рассвета.

Абернети затаил дыхание. А что, если это пришел незнакомец в черном плаще? Он невольно закрыл глаза и напрягся.

— Больши? — неуверенно позвал до боли знакомый голос.

Угловатое и большеносое лицо Хорриса Кью влезло в пещеру. Он дожидался, чтобы его глаза привыкли к полумраку. Абернети застыл как изваяние, не веря свалившейся на него удаче.

— Больши? — еще раз позвал маг и шагнул внутрь пещеры.

Каменная дверь начала закрываться за его спиной. Абернети бесшумно встал между дверью и магом и произнес:

— Привет, Хоррис.

Когда Хоррис обернулся, Абернети кинулся на него и свалил на пол. Хоррис завопил и попытался вырваться, напрягая все силы. Он был сплошные костлявые руки и ноги, и Абернети не смог его удержать. Хоррис вывернулся из-под нападающего, поднялся и потянулся к двери. Решившись во что бы то ни стало его остановить, Абернети впился зубами в поношенные одежды просителя, по-прежнему надетые на его противнике, и уперся в пол всеми четырьмя руками-лапами. Хоррис попытался высвободиться, но все-таки не сумел. Абернети зарычал. Они боролись перед дверью, и ни тот, ни другой не мог взять верх.

А потом Хоррис Кью увидел Шкатулку Хитросплетений, снова вскрикнул, мощным рывком высвободился и схватил деревянную коробку. Он был почти у самой двери, почти на свободе, он яростно отбивался от Абернети, когда из темноты выскочили Щелчок и Пьянчужка, налетели на Хорриса и сбили его с ног. Хоррис рухнул навзничь и остался лежать, ловя ртом воздух.

Абернети снова отобрал у него Шкатулку Хитросплетений, хотел было отдать ее Щелчку, но тут ему в голову пришла мысль получше. Свободной рукой он заставил Хорриса Кью встать и встряхнул его с такой силой, что было слышно, как у того застучали зубы.

— Слушай меня, ты, подлый обманщик! — гневно прошипел пес. — Ты сделаешь все, как я скажу, или пожалеешь, что родился на свет!

— Отпусти меня! — взмолился Хоррис Кью. — Я ни в чем не виноват! Я не знал!

— Ты никогда ничего не знаешь! — рявкнул Абернети. — В том-то и беда. И вообще, чего ты тут забыл?

— Я пришел найти Больши, — с трудом проговорил Хоррис, жадно глотая воздух и едва справляясь со страхом. — Где он? Что вы с ним сделали?

Абернети подождал, пока его пленник немного отдышится, а потом приблизился к нему вплотную.

— Птичку съели гномы, Хоррис, — мягко сказал он. Глаза у Хорриса округлились от ужаса. — И если ты не будешь меня во всем слушаться, я разрешу им съесть и тебя тоже. Ты меня понял?

Хоррис сразу же кивнул. Говорить он не мог.

Абернети чуть от него отодвинулся:

— Начнешь с того, что откроешь дверь пещеры и выпустишь отсюда нас всех. И не пытайся меня провести. Не пытайся сбежать. Я все время буду крепко тебя держать.

Он подтащил Хорриса обратно к двери. Щелчок с Пьянчужкой шли за ними по пятам и стояли наготове, пока запуганный маг

выбирал последовательность магических рун, открывавшую дверной замок. Дверь медленно открылась. Маг, писец и гномы вывалились на свет божий.

Абернети снова повернул Хорриса Кью лицом к себе и в сердцах сказал:

— Что бы ты ни говорил, а виноват во всем ты, Хоррис, во всем, что случилось, и чтобы я больше никаких оправданий не слышал. Даю тебе всего одну возможность все исправить и советую ею воспользоваться. Я хочу, чтобы Его Величество король был освобожден. Я хочу, чтобы Бен Холидей вернулся в Заземелье. Ты отправил его в Шкатулку, а теперь вызволи его оттуда!

Хоррис Кью судорожно сглотнул. Его кадык дернулся, щеки и рот ввалились, издав сосущий звук. Он походил на огородное пугало, которое не снимали долгое время после того, как оно перестало приносить всякую пользу. Казалось, он сейчас рассыплется и превратится в кучу грязных тряпок.

— Не знаю, получится ли у меня, — прошептал он досадливо.

Абернети одарил его самым гневным взглядом, на какой только был способен.

— Советую надеяться, что получится, — с ехидненькой улыбкой проговорил пес.

— Но что они со мной сделают, когда окажутся на свободе? Холидей, может и поймет, но как насчет дракона и ведьмы?

— У тебя будут заботы посерьезней, если ты их не освободишь. — Абернети не думал с ним церемониться. — Говори слова заклинания, Хоррис. Сию секунду!

Хоррис Кью облизал губы, посмотрел на кыш-гномов и сделал глубокий вдох.

— Я попробую.

Цепко держа мага, Абернети вручил ему Шкатулку Хитросплетений и зашел ему за спину. Одной рукой он сжал худую шею Хорриса:

— И помни: никаких фокусов.

Алым сиянием рассвет пробивался сквозь лесные тени, сомкнувшиеся вокруг них, медленно оттесняя темноту на запад. Абернети рассвет не понравился. Надвигалась непогода. Он уже думал о пути обратно к Чистейшему Серебру, об осаде, о Каллендборе и незнакомце в черном плаще. На мгновение он резко стиснул Хоррису Кью горло.

Хоррис начал говорить:

— Рашун, облайт, сурена! — Он облизал пересохшие губы. — Лэрин, кестел, мэнета! Рун!

И верхняя сторона Шкатулки Хитросплетений мгновенно исчезла в туманном завихрении неприятного зеленого света.

Бен Холидей увидел, как на черной стене перед ним появилась трещина, и мгновенно повернулся к ней. Даже когда она только чуть замерцала, он уже бежал к ней. Ночная Мгла и Страбон следовали за ним, поотстав на шаг. Трещина все росла, словно вся стена раскалывалась надвое. Волшебные туманы яростно кипели, устремляясь к трещине, будто живое существо, обладающее собственной волей. Бен кинулся в пролом, не думая о последствиях, сознавая, что только подобное отверстие может дать им шанс освободиться. Казалось, свет втянул его в себя, подхватил, закрутил в вихре, как сильный ветер подхватывает перышко. Он чувствовал, что ведьму и дракона увлекает следом за ним.

Сумрак и туман остались внизу. Лабиринт растаял. Над ними свет принял зеленоватый оттенок, и за его завесой качались, волновались какие-то тени... ветви деревьев и листья — вдруг понял он... А еще небо, все еще темное после ухода ночи... И запах земли, моха и прелой растительности... И медный привкус чего-то вроде серы... И чьи-то голоса и раздирающие душу крики...

А потом его вынесло в лесную сень Заземелья: он вернулся обратно в тот мир, откуда был похищен. Он обнаружил, что стоит всего в нескольких шагах от Абернети, Хорриса Кью и Щелчка с Пьянчужкой. Они смотрели на него, широко раскрыв глаза и разинув рты.

А потом появилась и Ночная Мгла, снова ставшая прежней. Сила ее волшебства ощутимо исходила от ее тела, рассыпаясь мелкими искрами и отсветами. Она импульсивно воздела руки к небу — белая прядь в ее черных волосах блестела, словно изморозь на антраците, — холодным профилем своего мраморного лица повернулась к красным отсветам рассвета.

— Свободна! — радостно вскрикнула ведьма.

Позади нее из Шкатулки Хитросплетений вырвался Страбон, снова обретя свою форму дракона, разворачивая чешуйчатое черное тело, расправляя крылья, поднимаясь к небу с чудовищной вспышкой пламени, вырвавшегося из его пасти. Пламя, словно молот, ударило в дверь пещеры и отразилось вверх, в небо. Дымясь и сверкая бесчисленными шипами и острыми краями, дракон гулко и раскатисто кашлянул, а потом умчался вслед за уходящей ночью.

— О великий король! — приветственно воскликнул Абернети. В голосе его явственно прозвучало облегчение. Он вырвал Шкатулку Хитросплетений у Хорриса Кью и поспешил к Бену. — С вами все в порядке?

Бен кивнул, осматриваясь, пытаясь убедиться, что это действительно так. Щелчок и Пьянчужка тихо повизгивали от восторга, глядя на него, одновременно стараясь отодвинуться подальше от черной фигуры Ночной Мглы. Хоррис Кью, похоже, искал, куда бы ему спрятаться.

Бен сделал глубокий вдох:

— Абернети, что происходит?

Писец выпрямился:

— Ну, по правде говоря, много чего...

Кыш-гномы вдруг разразились приветственными воплями, оборвав объяснения Абернети:

— Великий король Заземелья!

— Могучий король Заземелья!

Щелчок и Пьянчужка обнимались и радостно подпрыгивали. Видимо, они только теперь убедились, что это и на самом деле король. Бен неуверенно им улыбнулся. А они что тут делают?

Абернети попытался продолжить объяснения, но Ночная Мгла заметила Хорриса Кью и кинулась на него, взметнув черными одеждами.

— Ты! — прошипела она с нескрываемой яростью и злостью.

Бен быстро встал между ними:

— Погоди, Ночная Мгла. Сначала я хочу услышать, что скажет Абернети.

— Убирайся с моей дороги, шутейный король! — ядовито приказала ведьма. — Мы уже не в лабиринте и не подчиняемся его законам. Я получила обратно свою волшебную силу и могу поступать так, как мне вздумается!

Но Бен не отступил. Он достал из-под куртки свой медальон:

— Мы оба стали теми, кем были. Не испытывай свою силу против моей. Я узнаю от моего писца, что происходило за время моего отсутствия, и только потом приму решение относительно Хорриса Кью.

Ночная Мгла застыла на месте, мертвенно побледнев от ярости.

— Начинай рассказывать, Абернети, — негромко попросил Бен.

Абернети послушался. Он рассказал королю о Шкатулке Хитросплетений и Хоррисе Кью, о кристаллах мысленного взора, незнакомце в черном плаще, Каллендборе и осаде замка Чистейшего Серебра. Бен молча слушал, не сводя глаз с Ночной Мглы. Когда Абернети закончил рассказ, Бен встал рядом с Хоррисом Кью:

— Ну?

— Ваше Величество, мне нечего сказать в свое оправдание. — Казалось, маг совершенно сдался. Его худая высокая фигура жалко согнулась, выражая повиновение. — Незнакомец — это волшебное

существо, которое вышло из Шкатулки Хитросплетений... и в этом тоже виноват я. Оно очень злобное и могучее, и зовут его Бурьян. Он планирует каким-то образом отомстить обитателям волшебных туманов, после того как завоюет Заземелье. Поверьте, я очень сожалею, что содействовал ему. — Он помолчал, судорожно сглатывая. — Хочу только напомнить, что я все-таки помог вас освободить.

— Конечно, после того как сам устроил нам ловушку, — напомнил ему Бен и посмотрел на Ночную Мглу. — Мне он нужен на некоторое время. Он может понадобиться мне, чтобы справиться с этим волшебным существом.

Ведьма встряхнула своей темноволосой головой:

— Отдай его мне!

— Не он наш главный враг, Ночная Мгла. И никогда им не был. Он был игрушкой в чужих руках, как и мы, хоть с ним и не обращались настолько плохо. Справься со своим гневом. Поедем с нами к Чистейшему Серебру и сразимся с Бурьяном. Твое волшебство нам сильно поможет. Мы действовали заодно в туманах, мы можем это делать и здесь.

— Меня твои проблемы не интересуют! — огрызнулась Ночная Мгла. — Сам их решай!

Она бросила на Бена вызывающий взгляд. Тот глубоко вздохнул:

— Я понимаю, что то, что случилось в туманах, что было между нами...

— Замолчи! — заорала она с такой злобой, что Щелчок и Пьянчужка кинулись в лес и исчезли за деревьями. Она побледнела от гнева. — Не говори ни слова! Ничего не говори! Я ненавижу тебя, королек! Я ненавижу тебя всем своим существом! Я живу только мыслью увидеть твою гибель! То, что ты со мной сделал, как ты притворился...

— Притворства не было...

— Нет?! Ты не смеешь со мной говорить! — Ее холодное, суровое, прекрасное лицо исказилось, став уродливой маской. — Забирай своего мага! Я не хочу иметь дела с вами обоими! Но... — Тут она пригвоздила Хорриса взглядом, словно мотылька булавкой. — Если я еще тебя увижу, если я поймаю тебя одного... — Она перевела испепеляющий взгляд на Бена. — Я буду вечно тебя ненавидеть! — прошептала она. Слова ее проклятия повисли в наступившей тишине, словно бритвы, готовые полоснуть по живому.

А потом она широко взмахнула руками, стремительно завернулась в дым и туман и исчезла в золотистых лучах рассвета.

Бен смотрел ей вслед, раздираемый противоречивыми чувствами, осмысляя взрыв ее гнева. Ему казалось странным, что все так

повернулось после того, что было между ними, странным, но в то же время закономерным. Он попытался сообразить, можно ли было избежать этого, и решил нет, нельзя.

— Ваше Величество! — отчаянно вскрикнул Абернети, хватая Бена за рукав.

Бен обернулся.

На них упала чудовищная тень. Это Страбон снова спускался с небес, ломая ветки и поднимая тучу пыли и мусора, которая взметнулась вверх, когда его огромная туша грохнулась на землю.

— Холидей, — дружелюбно прохрипел он. — У нас с тобой еще дела не закончены. Это он виноват в том, что с нами было?

Бен покачал головой:

— Нет, Страбон. Тот, кто нам нужен, находится у Чистейшего Серебра и плетет новые козни.

Громадная рогатая голова дракона повернулась, желтые глаза ярко блеснули в полумраке.

— Мы начали путь вместе, хоть и не добровольно. Не закончить ли нам тоже совместно?

Приятно удивленный Бен улыбнулся.

— Вполне разумно, — согласился он.

Когда с поляны скрылись все — Холидей, Абернети, Хоррис Кью и Страбон (люди улетели верхом на драконе) — и когда прошло достаточно времени, чтобы стало ясно, что Ночная Мгла тоже не вернется, Щелчок и Пьянчужка вылезли из укрытия. Они прокрались сквозь деревья и стояли, тревожно оглядываясь, готовые в любую секунду броситься в бегство. Но кругом стояла тишина, да еще чуть заметный запах драконова огня, опалившего деревья.

— Они ушли, — сказал Щелчок.

— Ушли, — откликнулся Пьянчужка.

Гномы повернулись к пещере, прикидывая, какое расстояние отделяет их от входа. Дверь теперь осталась приоткрытой: вспышка огня, вырвавшегося из пасти Страбона, сорвала ее с петель и разбила запоры. С ее почерневшей поверхности поднимались тонкие струйки дыма.

— Теперь мы можем зайти внутрь, хочешь? — сказал Щелчок.

— Да, мы можем поискать кристаллы, — подхватил Пьянчужка.

— Там еще должно остаться несколько, — предположил Щелчок.

— Пусть мы их и не смогли найти раньше, — добавил Пьянчужка.

— Они хорошенько запрятаны.

— Где мы и не догадались посмотреть.

Наступило долгое молчание: кыш-гномы обдумывали свой план.

Сквозь лесной полумрак пробились лучи рассвета, окрасив все в золотисто-багровые тона. Птицы замолкли. Насекомые перестали стрекотать и жужжать. Все притаилось. Нависла тишина.

— По-моему, сейчас нам лучше идти домой, — тихо сказал Щелчок.

— По-моему, тоже, — согласился Пьянчужка.

И две одинокие фигурки засеменили не оглядываясь.

ГЛАВА 21

ИСКУПЛЕНИЕ

Глядя вниз со спины Страбона, летевшего высоко над Заземельем, Бен Холидей поймал себя на мысли о том, насколько быстро все может меняться. Всего час назад он находился в заключении внутри Шкатулки Хитросплетений и был так же далек от этого мира, как мертвые далеки от живых. Накануне днем он даже не знал, кто он такой. Он считал себя рыцарем, защитником какого-то господина. А кто был этим господином, сказать не мог. Ночной Мглы и Страбона не существовало: его спутниками были дама и химера. Они были потеряны для самих себя точно так же, как и он сам. Вместе они образовали странную компанию, лишенную реальных воспоминаний о своем прошлом, вынужденную начать жизнь заново в мире, о котором почти ничего не знали. Сблизившиеся в результате общего несчастья, вынужденные разделять жизнь, полную неизвестности и ложных надежд, они за время своих скитаний достигли некоего согласия, граничившего с дружбой.

Более чем просто с дружбой, щепетильно поправил он себя, в отношении Ночной Мглы.

А теперь все это ушло, было с них сорвано новым обретением их собственного «я» и возвращением в Заземелье. Можно было подумать, что их переделали дважды: один раз при попадании в Шкатулку Хитросплетений, а второй раз — по выходе из нее. Каждый раз они лишались знания жизни и должны были учиться всему заново — сначала став незнакомцами в непонятном мире, а потом снова старыми знакомыми в слишком хорошо понятном. И этот второй, знакомый мир требовал, чтобы они отказались от всего,

что было в первом, потому что все это было приобретено и выпестовано на ложных предпосылках. Бена это печалило. Он разделил с Ночною Мглой такую близость, какой никогда не будет больше. Там их связывала взаимозависимость, которая навсегда исчезла. И со Страбоном все произойдет точно так же. Сейчас он нес их в замок Чистейшего Серебра, чтобы сквитаться там с Бурьяном, но, когда с этим будет покончено, он снова исчезнет. Бен не питал иллюзий. Между ними не будет таких разговоров, какие вели рыцарь и химера: они не будут делиться страхами и надеждами, пытаясь совместно понять, как устроена жизнь. Они пойдут каждый своим путем, как это было до того, как их заманили в Шкатулку Хитросплетений, и проведенное в волшебных туманах время забудется, как забывается сон после пробуждения.

Бен старался справиться с соблазном и не оглянуться на Хорриса Кью, который сидел позади него, перед Абернети. Вот кто виновник их несчастий, мрачно думал он... И в то же время он слишком глуп и невежествен, чтобы возлагать на него ответственность за случившееся. Настоящим врагом был Бурьян. Как у него сложится столкновение с этим существом? Тот обладает немалой волшебной силой и не колеблясь пустит ее в ход, особенно когда узнает, что Бен, Ночная Мгла и Страбон снова выпущены на свободу. Почему это чудовище вообще сочло нужным заключить их в Шкатулку? Какую угрозу они для него таили, коли оно решило избавиться от них таким образом? Или ему просто было так удобнее, только и всего?

Каковы бы ни были ответы на эти вопросы, в одном, к сожалению, можно было не сомневаться: для того чтобы справиться с Бурьяном, Бен уже будет вынужден стать Паладином, странствующим рыцарем короля, существом, которым он боялся стать окончательно. Именно этот страх заставил его увидеть себя рыцарем внутри Шкатулки Хитросплетений, и он едва пережил то, что это принесло: уничтожение горожан, речных цыган. Еще немного — и к ним прибавились бы шишиги. Его страх перед своей темной стороной грозил ему гибелью в волшебных туманах, но он спасся. И вот он снова должен будет тревожиться относительно того, насколько много свойств Паладина он усвоил, потеряв при этом какие-то свойства Бена Холидея, как это бывало при каждом превращении.

Бен увидел, как внизу под ними промелькнуло Сердце: белые бархатные подушечки нетронутыми полосками лежат на пышной зелени, штандарты королей Заземелья ярко полощутся на ветру. Какая-то часть его души жаждала перемены, хотела превращения. Так бывало всегда. Именно это и пугало его сильнее всего.

Хоррис Кью тоже размышлял, и мысли его тоже нельзя было назвать приятными. Всего через несколько минут должно было произойти столкновение Бурьяна и Холидея, и, кто бы в нем ни победил, самого Хорриса ждали большие неприятности. Оба будут считать его виновным в том, что сделал противник — или пытался сделать, или даже только собирался сделать. В случае победы Бурьяна Хоррису можно было особо не сомневаться относительно того, каким будет его наказание: оно обязательно будет весьма неприятным. Возможно, Холидей был бы более удачным выбором. Хоррис жалел, что не может посоветоваться с Больши. Он обнаружил, что, как это ни странно, ему сильно не хватает той птицы. Они одинаково относились к жизненным неприятностям и шансам на успех. Очень обидно, что превратности судьбы настигли Больши немного раньше, чем они оба ожидали. Хоррис остро ощущал свою потерю. По крайней мере он мог бы рассчитывать, что часть вины удастся свалить на птицу.

Он вздохнул. Такие мысли ничего не дадут. Он постарался переключиться и сообразить, что можно предпринять, чтобы исправить положение. Ему надо действовать быстро. Уже видны были стены Чистейшего Серебра. Встану на сторону Холидея, решил он. Есть надежда, что король Заземелья, сотоварищ по человечеству, так сказать, обойдется с ним лучше, нежели Бурьян. Тогда что он может сделать, что пошло бы ему на пользу? Что он может сделать, что приняли бы во внимание, когда придет время решать его судьбу?

Впереди рассвет казался алым пятном, расплывшимся на горизонте, — странное и пугающее зрелище. Красный цвет был таким ярким, что, казалось, пропитал и саму землю, запятнав травы, деревья, кустарники, реки, озера, дороги, поля, города, фермы и все живые существа повсюду, где мог видеть глаз. Вокруг них начали собираться тучи. Накануне днем их не было, и ночью их тоже не было заметно. Они появились словно по волшебству и заволокли все утреннее небо от запада до востока, грозя проглотить встающее солнце, предвещая грозу, которая стремительно приближалась.

Страбон начал опускаться — это было плавное снижение из отступающей ночи. Поднимающееся в небе солнце на мгновение ослепило его седоков, и они сощурились. Отполированные стены и башни замка красновато поблескивали, отражая странный свет. Решетка была опущена, ворота закрыты. Мост, который вел от острова к берегу, был разбит на мелкие кусочки. Тени густо расползлись по лугу напротив ворот замка, но можно было различить медленное движение строящихся шеренг. Бен Холидей вздрогнул. Боевые порядки включали две противоборствующие силы: в одной стороне луга строились солдаты Зеленого Дола, в другой — демоны Абаддона.

— Ваше Величество! — в ужасе вскрикнул перепуганный Абернети.

Бен обернулся и кивнул. Демоны из Абаддона. Значит, их должен был вызвать Бурьян, чтобы они помогли ему осуществить его планы. Что он им пообещал? Какую награду предложил? Они не вышли бы, если бы считали, что их может остановить Паладин — они всегда страшились Паладина. Значит, Бурьян должен был обещать им, что в отсутствие короля Заземелья защитник короля им угрожать не будет. А после расправы с Ночной Мглой и Страбоном ему можно было вообще никого не опасаться.

Бен сжал губы. Теперь ему придется сразиться одновременно и с Бурьяном, и с демонами Абаддона. Даже при содействии Страбона шансов на победу у него было мало.

— Страбон! — окликнул он дракона. Хитрый желтый глаз повернулся в его сторону. — Спускай нас вниз! Приземлись прямо между ними!

Дракон резко зашипел, начал снижаться более круто, широкой дугой пронесся над полем боя, чтобы все могли его видеть, а потом медленно приземлился в центре луга.

Бен, Хоррис Кью и Абернети поспешно слезли со спины дракона. Можно было подумать, будто спускаешься в какую-то странную картину — жутковатое изображение ада на Земле. Алый рассвет заставил всю степь казаться ирреальной. Даже Лазурные друзья стали кровавыми. Мужчины, женщины и дети сгрудились у группы деревьев и у подножия скал к северу, напоминая призраки усопших.

Бен повернулся к демонам и медленно выдохнул сквозь зубы, оценив размер их армии. Их было слишком много. Немыслимо много.

— Ваше Величество, по-моему, у меня есть... — начал Хоррис Кью, но Абернети грубо заставил его замолчать, крепко схватив за загривок.

Бен повернулся к писцу, который все еще крепко держал второй рукой Шкатулку Хитросплетений.

— Возьми Шкатулку и Хорриса и отходи к озеру, — приказал ему Бен. — Крикни советнику, чтобы он прислал челнок-бегунок и перевез вас обоих в замок. Быстро!

Абернети поспешно кинулся к берегу, волоча за собой протестующего Хорриса Кью. Бен снова посмотрел на демонов. Бурьян встал впереди их рядов — даже при этом странном освещении его закутанная в черный плащ фигура казалась безликой. Бен вышел из тени, отбрасываемой драконом, и повернулся лицом к демонам. Засунув руку под куртку, он извлек медальон королей Заземелья. Рядом с ним Страбон открыл пасть и резко кашлянул. Это прозву-

чало как взрыв. По тесным черным рядам прошло шевеление, говорившее о тревоге, о неуверенности. Одно дело было сразиться с лордом Зеленого Дола и его армией. И совсем другое — встретиться в бою с Холидеем вместе со Страбоном.

— Каллендбор! — позвал Бен, оборачиваясь к рядам солдат Зеленого Дола.

Почти мгновенно послышался звук приближающегося к ним сзади всадника. Бен повернулся. Каллендбор, облаченный с ног до головы в доспехи — только его лицо еще не было закрыто забралом, — резко осадил своего боевого коня.

— Великий король! — приветствовал он Бена. Его рыжебородое лицо было бледным, глаза опасливо косились на дракона.

Бен прошествовал к нему.

— Я знаю, какую роль вы тут сыграли, Каллендбор, — отрывисто бросил он. — Когда мы покончим с этим делом, вы должны будете ответить передо мной за все.

Каллендбор кивнул. В его ярких голубых глазах не видно было раскаяния.

— Если надо будет — отвечу. И если мы оба будем к вечеру живы.

— Ладно. А сейчас давайте сосредоточимся на том, как отправить демонов восвояси — и обманщика в черном вместе с ними. Ваши люди готовы к бою? — дружески спросил Холидей.

— Мы к вашим услугам, король Заземелья.

Ответ был дан без малейших колебаний.

— Тогда поезжайте назад и ждите моего сигнала, — приказал Бен.

Каллендбор приветственно вскинул руку и галопом умчался обратно. Ему и сейчас не стыдно, изумился про себя Бен. Некоторых ничто не меняет.

Он снова повернулся к Бурьяну и демонам. Громадный черный всадник выезжал вперед. Железный Марк. Остальные последуют на битву за ним. Предводитель демонов остановился и посмотрел на Бена и Страбона.

Корявая голова дракона повернулась к Бену.

— Вызывай Паладина, Холидей. Демоны вот-вот начнут.

Бен кивнул. Он уже смирился с необходимостью, но все равно испытывал отчаяние. Опять ему приходится вызывать Паладина, чтобы тот вступал за него в бой. Опять будут убийства и разрушения, и снова они будут главным образом делом его рук. Еще одна страшная битва, и он бессилен ее предотвратить, бессилен предпринять что-то, кроме как вступить в бой и надеяться, что он постарается сделать его как можно более коротким. Слабая надежда,

рожденная отчаянием и отсутствием альтернативы. Он почувствовал, что Страбон наблюдает за ним. Во всем происходящем виновен Бурьян, и его надо заставить за это заплатить, но как это можно сделать? Много ли силы у этой гадины? Наверное, очень много, решил Бен, — ведь не зря эльфы пошли на такую крайнюю меру, чтобы запереть его в Шкатулке Хитросплетений и держать в ней неизвестно как долго.

— Холидей! — нетерпеливо проскрежетал дракон.

Запереть Бурьяна обратно в Шкатулку Хитросплетений... Вот что надо сделать. Запереть навсегда. Но как? Какое для этого нужно волшебство?

Больше не было времени думать об этом, не было времени решать, откуда можно призвать помощь. Демоны начали наступать, приближаясь по лугу черной стеной — медленно, размеренно, неумолимо.

— Холидей! — яростно прошипел Страбон.

Меч Паладина и огонь дракона — хватит ли их для того, чтобы спасти Заземелье?

Бен Холидей начал поднимать свой медальон, который скоро даст ему ответ на этот вопрос.

Хоррис Кью буквально бесился с досады. Он мрачно стоял рядом с Абернети у края воды, наблюдая, как на челноке-бегунке приближается советник Тьюс, и думал, что у него вот-вот отнимут его последний шанс на спасение.

Он попытался все сказать Холидею, но королю Заземелья было не до него. Он попытался все сказать Абернети, но писец и слушать не хотел. Он прикинул, не сказать ли все советнику Тьюсу, когда волшебник приедет, чтобы увезти их в относительную безопасность, под защиту стен крепости, но он был твердо уверен, что и с этой стороны ждать помощи ему не придется. Никто не желал слушать Хорриса — вот как ужасно обстояли дела!

А ведь именно сейчас Хоррис мог сказать всем нечто очень важное.

Он пошаркал огромными башмаками, обхватил свое туловище руками и попытался сохранить спокойствие. Но сохранять спокойствие было трудно, зная, что с ним станет, если Бурьян и демоны одолеют Холидея. Если Холидей победит, его положение все равно будет оставаться ненадежным, но все-таки терпимым. Но если победителем из боя выйдет Бурьян, из Хорриса Кью сделают котлету. Нет смысла прикидывать, какую именно приправу будут использовать, но результат получится один. Бурьян видел, как он стоял ря-

дом с Холидеем и драконом, он видел его совершенно ясно. Вывод очевиден: Хоррис перешел на сторону врагов. И прощения не будет. Никаких извинений не примут. Бурьян разжует его и выплюнет, вот и все.

Хоррис вспомнил, что он чувствовал рядом с этой гадиной, когда их пакостное приключение еще только начиналось. Он припомнил мягкий угрожающий голос и неотвязный запах смерти. Он все еще ощущал, как волшебная сила Бурьяна позволила чудовищу стиснуть его горло невидимыми пальцами. Ему вовсе не улыбалось испытать все это заново. Впервые с того момента, как он выпустил Бурьяна из Шкатулки, у него перестал дергаться глаз. И это его единственный шанс избавиться от тика навсегда.

На западе загромыхал гром, раскатываясь из массы сталкивающихся туч. Их тяжелая гряда быстро поднималась к солнцу, проглатывая его свет, превращая все в ночь. Ветер пронесся по лугу и по стоящим друг перед другом армиям. Лошади вздыбились, послышалось бряцание оружия и доспехов. В воздухе запахло дождем.

Хоррис Кью думал о Шкатулке Хитросплетений. Как туда вообще попал Бурьян? Надо полагать, изменивший своему народу эльф не пошел в нее по своей воле — так же, как Холидей, ведьма и дракон. Хоррису уже дважды приходилось произносить слова заклинания, которые высвобождали из Шкатулки ее пленников.

Можно ли повернуть это заклинание обратно?

Он вспомнил о том, как туда были отправлены Холидей и остальные двое. Бурьян составил сложную сеть волшебства, которую он растянул вокруг того места, куда надо было заманить три его жертвы. А потом Хоррис вышел со Шкатулкой, произнес заговор,- ожививший сеть, и ловушка захлопнулась.

Достаточно просто. На первый взгляд может показаться, что нужно предпринять такие же действия и для того, чтобы поймать в Шкатулку Бурьяна. Но только Хоррису не давала покоя одна мысль. Разве Шкатулка Хитросплетений не была создана специально для того, чтобы заточить в ней Бурьяна? Если это так, то тогда использование ее в качестве ловушки для Холидея и остальных было неестественным, было искажением ее главного предназначения. И кроме того, если бы Бурьян знал, что волшебство действует именно так, разве он позволил бы им себя поймать? А если он не знал этого тогда, то как узнал это с тех пор?

А как насчет вот этого: Бурьян помнил слова, которые его освободят, но не мог их произнести. Ему понадобилось воспользоваться Больши и всей этой комедией со Скэтом Минду, чтобы заставить Хорриса произнести эти слова вместо него. Разве это не

говорит о чем-то? Разве это не значит, что по какой-то причине эти слова для Бурьяна невыносимы и поэтому ему надо, чтобы их произносил кто-то другой?

А не значит ли это, подумал Хоррис Кью, что то же самое заклинание — заклинание, которым Бурьян ни в коем случае не желал пользоваться сам, — действует двояко?

Чем дольше он думал о таком варианте, тем более вероятным он представлялся ему. Эльфы, создавшие Шкатулку Хитросплетений, должны были применить особое волшебство, рассчитанное специально на то, чтобы заключить Бурьяна внутри, волшебство, которым он никогда не сможет воспользоваться сам для того, чтобы осуществить бегство. И такое волшебство не подействовало бы на других — например, на Холидея, Ночную Мглу или Страбона, — вот почему и понадобилось нечто другое, чтобы отправить их в ловушку. И возможно, это другое волшебство предохраняло и самого Бурьяна от того, чтобы снова не оказаться в Шкатулке Хитросплетений. И ради этого была создана тщательно продуманная сеть волшебства, которой воспользовался Бурьян.

Да, конечно, это были домыслы. Но Хоррис Кью находился в отчаянном положении, и его оппортунистически настроенный ум хватался за соломинку, потому что больше ухватиться было не за что.

Он полагал, что остальным следовало бы его выслушать. Холидею, Абернети, советнику Тьюсу — всем. Им следовало бы попробовать сделать то, что он предложит. Какой от этого может быть вред сейчас? Но с тем же успехом он может попросить сделать его королем. Глупо, конечно, надеяться, что кто-то захочет провести его план в жизнь.

Снова загромыхал гром: гулкие и долгие раскаты, сотрясшие землю, где он стоял. Из центра поляны Каллендбор ускакал к своей армии, а Холидей начал поворачиваться к Бурьяну и демонам. Марк встал во главе своего полчища и начал медленное наступление. Дракон приподнялся и принялся выпускать пар из ноздрей, накапливая в брюхе пламя. Хоррис оглянулся через плечо. Советник Тьюс был уже почти у самого берега. Абернети повернулся к волшебнику, на секунду забыв о Хоррисе.

Больши вечно обвинял его в нерешительности. Ему страшно неприятно было думать, что птица не ошибалась.

Хоррис Кью судорожно сглотнул, пытаясь смочить пересохшее горло. Сейчас или никогда, так ведь? Он снова взглянул на Холидея. Король Заземелья вытащил медальон своего сана из-под темной куртки и поднял его к свету.

«Ну же!»

Хоррис выдернул Шкатулку Хитросплетений у Абернети из-под мышки и тут же плечом столкнул изумленного писца в воду. А потом со всех своих длинных ног бросился к Бурьяну. Он думал, что, похоже, сошел с ума, что только что совершил самую серьезную ошибку в своей жизни. Его появление на поле боя вызвало громкие крики. Гневные возгласы летели в него со всех сторон. Краем глаза он успел заметить, как черная рогатая голова дракона поворачивается в его сторону, и уже представил себе, как будет охвачен пламенем. «Еще секунду! — думал он. — Одну только секунду!»

Бурьян наблюдал за Хоррисом не двигаясь. Он смотрел, как тот приближается, и, видимо, считал, что Хоррис снова возвращает ему Шкатулку Хитросплетений, до конца оставаясь глупой пешкой. Под плащом бури демоны передвигались, словно тени. Грозно поблескивало оружие. Хоррис Кью старался о нем не думать. Его долговязое тело тряслось от ужаса, неловкие ноги неуклюже вскидывались. Он обливался потом и задыхался от неимоверных усилий. Еще никогда не испытывал он подобного ужаса.

Хоррис услышал, как советник Тьюс выкрикивает его имя. Неровная струя огня пронеслась мимо его уха. Он в панике упал на одно колено и поставил Шкатулку Хитросплетений перед собой на землю. Посмотрел через луг на Бурьяна и по его страшным глазам понял, что тот наконец разобрался в происходящем. Черный плащ чудовища взметнулся: оно в ярости кинулось на Хорриса...

Хоррис Кью поспешно начал произносить слова спасительного заклинания:

— Рашун, облайт, сурена! Лэрин, кестел...

Бен Холидей замер на месте. На мгновение забытый медальон все еще оставался у него в поднятой вверх руке. Он заметил Хорриса Кью всего секунду назад. Советник Тьюс вытаскивал Абернети из озера. Оба гневно кричали и размахивали руками.Страбон разворачивал свое гигантское тело и расправлял крылья, готовясь взлететь. Огонь вырывался сквозь его сжатые зубы.

И все они уже не успеют вмешаться, с отчаянием и безнадежностью подумал Бен.

Из Шкатулки Хитросплетений темным облаком вырвался туман, крышка исчезла, и вновь открылся путь в лабиринт. Злобный зеленый огонь вырвался наружу и смешался с багровым светом солнца и темнотой приближающейся бури. Загремел гром, начали падать первые редкие капли дождя. Луг вдруг затих, шум противостоящих армий сменился выжидательным молчанием.

Из Шкатулки Хитросплетений вырвался рой теней, туманные формы, которые закручивались и извивались, словно выпущенные

на свободу темные видения, мелькающие в странном свете. Они тучей поднялись вверх, а потом стремительно ринулись через луг, к демонам. Бурьян издал ужасающий вопль отчаяния. Его пальцы начали плести сеть защитной магии, окружившую его тело, чтобы уберечь от нападения. Но тени прошли сквозь эту сеть, схватили Бурьяна и поволокли. Бурьян бился и вырывался. Он шипел, как кот. Он боролся, призвав на помощь всю свою силу и все магическое оружие, которыми обладал. Но тени были неумолимы. Они отволокли изменника-эльфа через луг к Шкатулке, окутали его своими телами и утащили вниз, в тюрьму, из которой он вырвался, как он считал, навсегда.

В ужасающую тьму волшебных туманов.

Они исчезли внутри, тени и Бурьян, и крышка Шкатулки Хитросплетений закрылась навсегда.

Ветер с воем промчался по лугу. Поднявшийся в воздух Страбон пронесся над Шкатулкой и Хоррисом Кью, словно смертная тень, но полетел дальше и опустился на демонов Абаддона, выдохнув среди них свое пламя. Десятки рассыпались в прах. Остальные, лишившись обещанной Бурьяном защиты и его волшебства, не хотели боя. Под предводительством Железного Марка они повернули к скале, из которой вышли, обратно к дыре в воздухе, послужившей им входом в Заземелье, и снова спустились в свой подземный дом. В считанные секунды они исчезли все до единого, и пространство, которое они ненадолго заняли в мире света, снова освободилось.

Страбон повернул обратно к армии Зеленого Дола, шипя в знак триумфа и вызова.

Бен Холидей все еще стоял в центре луга. Порывы холодного ветра продували насквозь, в лицо хлестали тугие струи дождя. Он медленно выдохнул и спрятал медальон королей Заземелья обратно под куртку.

ГЛАВА 22

ЗЕЛЕНЫЕ ГЛАЗА

Ивица проснулась в сером предрассветном полумраке. Сырость Бездонной Пропасти просачивалась в ее обнаженное тело. Она лежала на земле, свернувшись калачиком. Рядом с ней лежал ребенок. Сначала она его не заметила. Она сморгнула сон, все еще ту-

манивший ей ум, и попыталась вспомнить, где находится. А потом почувствовала, как пошевелился ребенок, и посмотрела на него.

Ее дитя!

Она долго рассматривала его, и к глазам у нее подступили слезы.

Тут она вспомнила все: как вышла в Бездонную Пропасть из волшебных туманов, как превратилась в свое второе воплощение, как вырастила стручок, как заснула... Она прижала к себе ребенка, стараясь получше согреть его, хоть немного защитить своим материнским телом.

А потом встала, снова надела на себя свою одежду и завернула ребенка в плащ. Дитя крепко спало — оно еще не проголодалось, и в отличие от Ивицы его нисколько не пугала та местность, где они оказались. Ивица никогда не выбрала бы местом рождения своего ребенка Бездонную Пропасть и теперь не собиралась задерживаться тут дольше, чем это было строго необходимо. Туман клубился среди ветвей густо росших деревьев и змеился вдоль стволов чащобы. Тишина окутывала все вокруг. Ничто не шевелилось. Это был мертвый мир, и здесь было место только для ведьмы, которая его таким сделала.

Ивица тронулась в путь, идя по направлению к свету — на восток, где над Заземельем вставало солнце. Ей надо поскорее выйти отсюда, пока ее не обнаружили. Она все еще ощущала слабость после родов, но главным ее чувством был страх. Она боялась не столько за себя, сколько за свое дитя, эту меру ее жизни с Беном, вершину их союза. Она снова заглянула в складки плаща, проверяя, хорошо ли она разглядела ребенка при пробуждении, не изменилось ли в нем что-то. Снова пришли слезы. У нее перехватило дыхание. Ей хотелось отыскать Бена и быть с ним, убедиться в том, что с ним все в полном порядке, и показать ему ребенка.

Казалось, она шла очень долго но, вероятно, на самом деле не слишком. Ее тело странно болело: тупая пустая боль сосала ей поясницу, грудь стиснуло, словно обручем, мышцы рук и ног ныли. Она не знала, связана ли эта боль главным образом с родами или с тем, что она нагая спала на холоде в пропасти. Движение помогло разогнать боль в груди и руках, размяв застывшие и сведенные судорогой мышцы. Боль в пояснице не проходила. Ивица не обращала на нее внимания. Она говорила себе, что должна быть уже совсем близко от края лощины. Если она не станет останавливаться, то скоро будет свободна.

Она прошла по древнему лесу, переплетенному сумраком и туманом, словно кружевом, вышла на поляну — и остановилась. Перед ней стояла Ночная Мгла, завернувшаяся в свой черный плащ,

выпрямившись во весь рост и застыв неподвижно, словно каменное изваяние. Только ее красные глаза неистово сверкали.

— Что ты здесь делаешь, сильфида? — негромко спросила ведьма.

У Ивицы оборвалось сердце. После того как она вынуждена была родить своего ребенка в этом неприветливом месте, ей хотелось только скорее выбраться отсюда, не встретившись с ведьмой. Но, похоже, даже этого Ивице не дано.

Ей удалось побороть страх и спокойно ответить:

— Я вошла сюда через волшебные туманы и по недоразумению. Я не хочу неприятностей. Я хочу только уйти.

Казалось, Ночную Мглу удивил ее ответ.

— Через волшебные туманы? Ты тоже была в заточении? Но нет. Ты ведь в его сне была где-то в другом месте, правда? — Она замолчала, стараясь овладеть собой. — И с чего тебе вздумалось выходить именно здесь? Почему тебе вообще понадобилось выходить, если уж на то пошло? Эльфы никого не выпускают из туманов!

Ивица на секунду подумала, что следовало бы солгать, но мгновенно решила, что не стоит этого делать. Ведьма это заметит — ее волшебная сила здесь, в ее логове, достаточно велика, чтобы разгадать обман.

— Эльфы были вынуждены меня отпустить, когда король пришел ко мне в своем сне и освободил меня от их волшебства. Они выпустили меня из туманов. Они не сказали мне, куда я попаду. Может быть, они отправили меня сюда в качестве наказания.

Взгляд Ночной Мглы опустился к свертку, который девушка осторожно держала в руках.

— Что ты тут несешь?

Руки Ивицы обвились вокруг ребенка.

— Мое дитя от короля Заземелья. Только недавно рожденное.

Ночная Мгла резко, со свистом втянула воздух.

— Ребенок шутейного королька? Здесь?! — Она расхохоталась. — Да, судьба действительно играет с нами в странные игры. Почему же ты носишь с собой это дитя? Ты носила его и в волшебные туманы? — Она вдруг замолчала. —Погоди-ка, я что-то ничего не слыхала об этом ребенке! А я не так уж долго отсутствовала в Заземелье. Мне следовало бы об этом знать. Недавно рожденное, так, кажется, ты сказала? И где же оно было рождено?

— Здесь, — тихо ответила Ивица.

Лицо Ночной Мглы исказилось, превратившись в уродливую маску.

— Здесь, в моем доме? Дитя Холидея? Пока я была заперта с ним в волшебных туманах, заключена в эту проклятую коробку? Я

была заключена с ним, девчонка, ты об этом не знала? Мы провели вместе несколько недель, потерявшие память, превратившиеся в существа, которых мы даже не узнавали. Он пришел к тебе во сне? Да, он мне об этом рассказал. Именно тот сон высвободил его из неведения, заставил сказать правду о нас обоих. — Она не говорила, а шипела. — Ты с ним виделась после его возвращения? — И она улыбнулась, наблюдая за реакцией Ивицы. — А, так ты даже не знала, что он вернулся, да? Вернулся обратно из другой жизни, жизни, где он был со мной, маленькая сильфида, в которой я была его подопечной, а он — моим защитником. А ты знаешь, что между нами произошло, пока ты рожала ему ребенка?

Она помолчала, и глаза ее огненно вспыхнули от предвкушения.

— Он переспал со мной, будто я — его...

— Нет!

Голос Ивицы был тверже камня, одно это слово прозвучало настолько решительно, что оборвало тираду ведьмы не менее верно, чем петля, затянутая на горле.

— Он был мой! — завопила ведьма Бездонной Пропасти. — Он принадлежал мне! Он остался бы моим навсегда, если бы не тот его сон, где он увидел тебя! Я потеряла все, все! У меня осталось только мое «я», могущество моего волшебства, сила моей воли. Их я получила обратно. Холидей у меня в долгу! Он украл у меня мою гордость и достоинство, и это превратилось в его долг мне, долг, который он обязан выплатить! — Ночная Мгла побледнела от ярости. — Это дитя, — прошептала она, — послужит неплохой платой.

Ивица похолодела. Ее трясло, в горле у нее пересохло, сердце замерло.

— Ты не получишь мое дитя, — сказала она.

Улыбка заиграла на губах ведьмы.

— Не получу? Что за глупые слова ты употребляешь, строптивая сильфида. И вообще дитя было рождено в моих владениях, здесь, в Бездонной Пропасти, так что оно по закону принадлежит мне. По моему закону.

— Никакой закон не позволяет отнимать дитя у матери. У тебя нет прав предъявлять такое жуткое требование.

— У меня есть все права. Я — госпожа Бездонной Пропасти и владею всем, что в ней оказывается. Дитя родилось на моей земле. Ты нарушительница законных границ владения и к тому же глупенькая девчонка. Не воображай, что ты сможешь мне что-то запретить.

Ивица не отступала:

— Если ты попытаешься отнять у меня мое дитя, тебе сначала придется меня убить. Ты согласна на такое злодеяние?

Ночная Мгла медленно покачала головой:

— Мне нет нужды тебя убивать. Для тех, кто владеет волшебством, существуют способы попроще. И судьба пострашнее смерти ждет тех, кто пытается мне мешать.

— Если ты украдешь дитя Его Величества, тебе несдобровать! — бросила ей Ивица. — Он найдет тебя даже в преисподней!

— Глупенькая сильфидочка, — мягко промурлыкала ведьма. — Твой королек даже не узнает, что ты тут побывала!

Ивица застыла. Ночная Мгла была права. Никому не известно, что Ивица попала в Бездонную Пропасть, никто не знает, что она вернулась из волшебных туманов. Если она пропадет, кто сможет проследить ее путь? Если ее дитя исчезнет, кто сможет утверждать, что оно вообще существовало? Возможно, эльфы, но захотят ли они помочь? Что ей делать?

— Кто-нибудь узнает правду и откроет ее, Ночная Мгла! — отчаянно настаивала она. — Такое навсегда не утаить! Даже у тебя это не получится!

Ведьма медленно и презрительно пожала плечами:

— Может, и не получится. Но я смогу сохранять эту тайну достаточно долго. Жизнь Холидея не бесконечна. В конце концов я останусь здесь, когда он умрет.

Ивица медленно кивнула, поняв наконец замысел Ночной Мглы.

— Вот почему тебе нужно дитя Бена, да? Чтобы после своей смерти он не смог оставить ничего. Ты сделаешь дитя своим и при этом сотрешь все его следы. Ты настолько сильно его ненавидишь?

Ночная Мгла сжала свои тонкие губы:

— Еще сильнее. Намного, намного сильнее!

— Но дитя ни в чем не виновато! — воскликнула Ивица. — Почему младенец должен стать причиной раздора? Почему дитя должно пострадать от твоей кипящей ярости?

— Дитя будет прекрасно расти. Я позабочусь об этом. Обещаю.

— Оно не твое!

— Мне надоедает с тобой спорить, сильфида. Отдай мне дитя, и, может быть, я разрешу тебе уйти. Роди другого ребеночка, если хочешь. У тебя есть такая возможность.

Ивица медленно покачала головой:

— Я никому не отдам мое дитя, Ночная Мгла. Ни тебе, ни еще кому-то. Посторонись и дай мне дорогу. Я ухожу.

Ведьма мрачно улыбнулась.

— Думаю, что не выйдет, — сказала она.

Ведьма уже шагнула вперед, начав поднимать руки под черным одеянием, намереваясь отнять дитя силой, когда знакомый голос проговорил:

— Сделай так, как она говорит, Ночная Мгла. Дай ей дорогу.

Ведьма замерла на месте, словно окаменев. Ивица быстро оглянулась, но не увидела ничего, кроме деревьев и туманного сумрака.

И тут из леса показался Дирк с Лесной опушки, изящно проскользнувший сквозь густые заросли кустарника. Его серебряная шкурка была безупречно чистой, черный хвост немного подергивался. Он вспрыгнул на полусгнивший ствол упавшего дерева и сонно прищурился.

— Дай ей дорогу, — мягко повторил он.

Ночная Мгла напряглась:

— Дирк с Лесной опушки. Кто дал тебе право прийти в Бездонную Пропасть? Кто разрешил тебе?

— Коты не нуждаются ни в разрешениях, ни в даровании прав, — ответил Дирк. — Ей-ей, тебе следовало бы это знать. Коты ходят где им вздумается. Так было всегда.

Ведьма рассвирепела:

— Убирайся немедленно!

Дирк зевнул и потянулся:

— Скоро уйду. Но сначала ты должна дать дорогу Ее Величеству королеве.

— Я не отступлюсь...

— Не болтай попусту, госпожа Бездонной Пропасти. — В голосе кота прозвучали нотки усталого презрения. — Королева и ее дитя пройдут в Заземелье. Так решили эльфы, и говорить тут больше не о чем. Если тебе не нравится их решение, то почему бы тебе не поговорить об этом с ними?

Ночная Мгла бросила на Ивицу испепеляющий взгляд, а потом повернулась к коту:

— Эльфы не могут диктовать, что мне делать!

— Конечно, могут, — рассудительно отозвался Дирк с Лесной опушки. — Я только что это сделал от их имени. Перестань поднимать шум. Вопрос решен. А теперь посторонись.

— Это дитя принадлежит мне!

Дирк быстро лизнул одну лапку и выпрямился.

— Ночная Мгла, — обратился он ласково, — ты, кажется, хочешь бросить мне вызов? — Наступило долгое молчание. Ведьма и призматический кот стояли друг против друга в полумраке Бездонной Пропасти. — Потому что, если ты хочешь это сделать, — добавил Дирк, — ты, конечно, должна знать, что, даже если я буду побежден, вместо меня пришлют другого, а потом еще другого и так далее. Эльфы — существа очень упрямые. Уж тебе ли этого не знать!

Ночная Мгла не шелохнулась. Когда она заговорила, в ее голосе прозвучало изумление:

— Почему они это делают? Почему их так заботит это дитя?

Дирк с Лесной опушки моргнул и мягко промурлыкал:

— А вот это очень хороший вопрос. — Он встал, потянулся и снова уселся. — Мне очень не терпится вздремнуть, как я всегда делаю по утрам. Я потратил на это дело уже слишком много времени. Пропусти королеву с младенцем. Сию минуту.

Ночная Мгла медленно покачала головой, словно отрицая нечто не поддающееся словесному выражению. Секунду Ивица была уверена, что ведьма кинется на Дирка, что она будет биться с призматическим котом, используя всю свою силу и все волшебство, которым владеет.

Но вместо этого Ночная Мгла повернулась к Ивице и тихо проговорила:

— Я этого никогда не прощу. Никогда. Передай своему игрушечному корольку.

А потом она исчезла в полумраке, словно призрак, скрывшийся в ночных тенях. Дитя проснулось и зашевелилось на руках у матери, сонно моргая. Ивица заглянула в глубокие складки своего плаща. Она нежно заворковала над младенцем. А когда она снова подняла глаза, Дирк с Лесной опушки уже исчез. Был ли он с нею все это время? Казалось, что эльфы прислали его на выручку, но с призматическим котом никогда нельзя было знать наверняка. Как бы то ни было, он спас ей жизнь. Или, что важнее, он спас ее дитя. Почему? И вопрос Ночной Мглы остался без ответа. Почему это дитя так важно для всех?

Заботливо обняв его, она снова двинулась в путь.

Время близилось к полудню, когда Бен Холидей оказался в местности, находившейся к югу от Бездонной Пропасти. Он никогда бы не добрался туда так быстро, если бы Страбон не предложил подвезти его в обмен на Шкатулку Хитросплетений. Дракон с самого начала хотел получить Шкатулку, но Бен отказывался ее отдавать: ему казалось, что наилучший вариант — это оставить ее у себя.

— Отдай ее мне, Холидей, — уговаривал его дракон. — Я спрячу ее в таком месте, куда никто не доберется, в Огненных Ключах в глубине пустошей, куда никто не приходит.

— Ну а вообще-то зачем она тебе? — спросил Бен. — Что ты станешь с ней делать?

Дракон вернулся после своей атаки на демонов. В центре луга они с Беном стояли одни. Хоррис Кью упал на траву в нескольких шагах от них. Советник Тьюс и Абернети сюда пока не добежали.

В голосе дракона звучало томление.

— Я бы время от времени ее доставал, чтобы на нее полюбоваться. Драконы обожают сокровища и собирают ценности. Это все, что осталось у нас от нашей прежней жизни... Все, что осталось у меня теперь, когда я один. — Рогатая голова Страбона нырнула вниз. — Я бы спрятал ее там, где никому не найти. Я хранил бы ее только для себя.

Бен прервал этот разговор, чтобы вступиться за перепуганного Хорриса Кью, на которого набросился вымокший и злющий Абернети. С помощью советника Тьюса ему удалось кое-как восстановить между ними некое подобие мира. Пришлось напомнить выходящему из себя писцу, что маг как-никак спас всем им жизнь. Потом Бен отправился отпустить Каллендбора и его армию, взяв с лорда Риндвейра клятву, что тот через неделю явится к королю с объяснениями всех своих поступков. Он приказал своим стражникам разогнать тех, кто пришел в поисках кристаллов мысленного взора, а получил гораздо больше, чем рассчитывал. Все эти люди были очень рады возможности отправиться восвояси.

И тут он вспомнил про Ивицу. Он сразу же бросился к Землевидению и нашел ее как раз в тот момент, когда она выбиралась из Бездонной Пропасти. Владения Ночной Мглы, с ужасом подумал он, самое неподходящее место для сильфиды. Вспомнил слова, которые сказала ему ведьма при расставании. Он думал о том, что Ночная Мгла сделала бы с Ивицей, если бы ей представилась вдруг такая возможность.

Ехать верхом до Бездонной Пропасти надо было два дня — слишком долгий срок при данных обстоятельствах. И Бен заключил сделку со Страбоном. Дракон подвезет его до владений ведьмы и обратно, а в обмен получит Шкатулку Хитросплетений.Только дракон должен пообещать, что ее больше никто не увидит, что никто, включая и его самого, никогда не попытается ее открыть. Страбон согласился. Он дал твердое и нерушимое обещание. Он дал свое драконье слово.

— Этого достаточно, — прошептал на ухо советник Тьюс. — Слово дракона — для него закон.

И вот Бен влез на спину Страбону, и они понеслись сквозь штормовые ветры и дождь и в конце концов вырвались из туч к чистому небу. Солнце снова лило свет на землю, золотя степи и холмы, простирающиеся к северу, прорезая светлую полосу в отступающем мраке.

— Она здесь, Холидей, — бросил через плечо Страбон, когда подлетали к месту. Его острые глаза разглядели сильфиду намного раньше Бена.

Они стремительно приземлились на вершине холма, вокруг которого раскинулся редкий лес. Ивица появилась на другой стороне

луга, поросшего цветами и окаймленного Лазурными друзьями, и Бен, забыв обо всем на свете, кинулся ей навстречу. Она окликнула его, сияя улыбкой, и на глазах у нее снова выступили слезы.

Он подбежал к ней и резко остановился: сверток, который она несла в руках, стал хрупким препятствием между ними. Что это у нее?

— С тобой все в порядке? — встревоженно спросил он, спеша убедиться в том, что она здорова, мечтая поскорее просто услышать ее голос.

— Да, Бен, — ответила она. — А с тобой?

Он счастливо улыбнулся.

— Я люблю тебя, Ивица, — сказал он.

Бен почувствовал, как волнение сдавило ей горло.

— Иди посмотри на наше дитя, милый, — прошептала Ивица.

Бен шагнул вперед, преодолев то небольшое расстояние, что разделяло их. Его переполняли ожидание и недоверие. Все случилось слишком быстро, думал он. Еще не пора. По ней даже не видно было, что она беременна. Как она могла так скоро родить?

Но сияние ее улыбки прогнало все его вопросы.

— Дитя? — переспросил он, и она кивнула.

Ивица раздвинула складки плаща, чтобы Бен мог посмотреть. Он наклонился, чтобы лучше видеть.

Пара ослепительно-зеленых глаз удивленно уставилась на него.

ГЛАВА 23

БЕСТСЕЛЛЕР

Журналист отпивал понемногу ананасово-клубничный коктейль в гостиной Гарольда Крафта в его роскошном доме на Бриллиантовом мысе и смотрел через огромный простор веранды и плавательного бассейна на только чуть-чуть более огромный простор Тихого океана. День клонился к вечеру, солнце медленно опускалось на запад, к прямой линии горизонта. Постепенная смена освещения обещала очередной невероятно прекрасный гавайский закат. Гранитные полы гостиной и веранды блестели, словно инкрустированные крупицами золота. Камень заканчивался у бассейна, сооруженного таким образом, что дальний его конец, расположенный чуть ниже, создавал впечатление, будто вода переливается из бас-

сейна и водопадом стекает в океан. В одном конце веранды приветливо бурлило джакузи. В другом конце царили бар и пространство для приготовления еды, снабженное всем на свете, включая пустые кокосовые орехи, в которых приготовлялись тропические напитки во время вечеров, часто устраиваемых писателем.

По самым скромным оценкам, этот дом стоил пятнадцать миллионов долларов, хотя цены на недвижимость всегда целиком зависят от рынка и не поддаются объективному анализу. Расположенные поблизости дома шли по десять миллионов и больше, но в отличие от этого особняка они были лишены как обширного земельного участка, так и великолепной панорамы, охватывавшей почти весь Гонолулу. Незастроенные участки в этом районе стоили по пять миллионов. Сам журналист жил в Сиэтле, в доме, купленном пятнадцать лет назад за сумму, несколько меньшую, чем та, которую Гарольд Крафт зарабатывал за один месяц.

Крафт вернулся из своего кабинета, куда ходил, чтобы ответить на телефонный звонок, оставив журналиста попивать великолепно смешанный коктейль и восхищаться роскошным видом. Коротко извинившись за то, что отсутствовал так долго, он прошел к бару, налил себе чаю со льдом, подошел к дивану, где его терпеливо дожидался журналист, добившийся права взять у него интервью, и снова уселся. Он был высок и строен, в волосах и в бородке клинышком начала пробиваться седина, но двигался он, как длинный, ленивый и изящный кот. На нем были шелковые брюки и рубашка и кожаные сандалии ручной работы. Его загорелое лицо украшал орлиный нос, бежевые глаза смотрели удивительно проницательно. Ходили слухи относительно косметических операций и жесткого режима тренировок, но для богачей и знаменитостей в этом не было ничего необычного.

— Хорошие новости, — с улыбкой сообщил он. — Раз уж вы находитесь здесь, могу ими поделиться. Киностудия «Парамаунт» только что купила права на «Волшебника». Два миллиона долларов аванса. Они хотят, чтобы главную роль играл Шон Коннери, а принца — Том Круз. Ну, что скажете?

Журналист уважительно улыбнулся:

— Скажу, что вы стали на два миллиона долларов богаче. Примите мои поздравления.

Крафт чуть поклонился:

— Погодите, пока включится торговля. Вот где настоящие деньги.

— Вы пишете свои книги в расчете на продажу экранизаций? — спросил журналист.

Пока он от Крафта добился слишком мало, чтобы это удовлетворило его самого или его журнал. Крафт за два года опубликовал

три романа, которые почти все время оставались в списках бестселлеров. Только книг в твердом переплете было продано свыше пяти миллионов. Но больше о нем никто ничего не знал. Несмотря на свой шумный успех и славу, он во многом оставался загадкой. Он утверждал, что находится в изгнании, но отказывался говорить, откуда его изгнали. Он утверждал, что он политэмигрант.

— Я пишу, чтобы меня читали, — непреклонно ответил писатель. — А все, что происходит потом, решает потребитель. Конечно, я хочу заработать деньги. Но больше всего я хочу быть счастливым.

Журналист нахмурился:

— Это звучит немного...

— Наивно? Да, наверное, это так. Но я в жизни немало испытал и перепробовал, и побывал во многих местах, а в результате не получил практически ничего. Что у меня есть — только я сам, а мое творчество — это продолжение моей личности. Знаете, ведь очень трудно отделить одно от другого. Писатель не может просто отметиться на проходной, отправляясь домой по окончании рабочего дня. Он постоянно носит свою работу с собой: думает о ней, оттачивает каждую фразу, словно чистит фамильное серебро. Если вы ею недовольны, вы вынуждены жить с этим недовольством. Вот почему я хочу быть счастливым в том, чем занимаюсь. Быть счастливым важнее, чем быть богатым.

— А быть счастливым и богатым еще лучше, — напомнил ему журналист. — За вами числится несколько поразительных успехов подряд. А вы часто вспоминаете свое житье до того, как вас начали публиковать?

Крафт улыбнулся:

— Постоянно. Однако я заметил попытку обойти меня. Позвольте вам напомнить, что, сколько бы вы ни старались, вы не заставите меня рассказать о моей прежней жизни. Только на этих условиях я согласился давать вам интервью, так ведь?

— Так вы сказали. Но моим читателям очень любопытно побольше узнать о вас. Вы не можете этого отрицать.

— А я и не отрицаю. И очень ценю их интерес.

— И все-таки не поведаете, как вы жили до того, как начали печататься?

— Я дал обещание этого не делать.

— Кому?

— Неким людям. Большего я говорить не намерен. Увольте!

— Тогда давайте поговорим о ваших персонажах и попробуем проникнуть в вашу жизнь через черный ход, если можно так выра-

зиться. — Журналист лелеял мечту когда-нибудь тоже опубликоваться. Он воображал, что прекрасно владеет словом. — Они основаны на реальных людях из вашей прошлой жизни? Например, недальновидный король вашей волшебной страны, его недотепистый придворный волшебник и грубоватый пес, который служит ему писцом?

Крафт медленно кивнул:

— Да, такие люди существуют.

— А как насчет вашего главного героя, ренегата-волшебника, который в каждой книге спасает положение? В нем есть немного от вас?

Крафт скромно кашлянул:

— Чуть-чуть.

Журналист помолчал, чувствуя, что ему наконец удалось за что-то зацепиться.

— А вы когда-нибудь баловались магией? Ну, знаете, пробовали заклинания и тому подобное? Это было частью вашей жизни?

На мгновение Крафт ушел в воспоминания. Когда он вернулся оттуда — а мысли уносили его так далеко, — лицо его стало серьезным.

— Вот что, — проговорил он. — Я нарушу свое правило никогда не говорить о моем прошлом и кое в чем вам откроюсь. Было время, когда я действительно пробовал свои силы в магии. По мелочам, на самом деле ничего серьезного. Если не считать того, что в один прекрасный день я натолкнулся на нечто, оказавшееся весьма и весьма опасным. Моей жизни и жизни очень многих грозила опасность. Я пережил этот ужас и дал обет неким людям, что больше никогда не буду пользоваться... то есть снова баловаться магией. И слово свое держу.

— Так что волшебство в ваших книгах, магия, заклинания и все такое прочее имеют некоторое основание в реальной жизни?

— Да, некоторое.

— А ваши сюжеты, эти увлекательные рассказы о чудовищах и эльфах, таинственных существах и волшебниках вроде вашего героя, они тоже основаны на реальной жизни?

Крафт медленно приподнял и опустил левую бровь. На мгновение закусил губу.

— Писатель излагает то, что хорошо знает. Нужен жизненный опыт. Он обычно принимает несколько иной вид, чем в реальности, но он всегда присутствует.

Журналист серьезно кивнул. Удалось ли ему узнать из разговора что-то новое? Он точно не знал. Все казалось весьма неопределенным. Как сам Гарольд Крафт. Журналист постарался скрыть сму-

щение, наклонившись проверить крошечный диктофон, стоявший на столе. Кассета по-прежнему вращалась.

— Можно ли сказать, что приключения, которые вы описываете, каким-то образом отражают вашу собственную жизнь? — попробовал он сформулировать вопрос по-другому.

— Да. Это будет точно и справедливо.

— Каким?

Крафт улыбнулся:

— Вам следует воспользоваться вашим воображением, сэр.

Журналист ответил ему улыбкой, хотя впору было заскрипеть зубами с досады.

— А у вас остались еще сюжеты для новых книг, мистер Крафт?

— Зови меня Гарольдом, пожалуйста, — попросил писатель, подчеркивая свои слова быстрым взмахом руки. — После трех часов, проведенных вместе в траншеях журнализма, мы имеем право перейти на «ты». И в ответ на твой вопрос я скажу — да. У меня еще остались сюжеты для книг и, как я хотел бы надеяться, время, чтобы их написать. Я и сейчас работаю над очередной книгой. Ее название — «Заклинание хищника». Хотите посмотреть обложку?

— Горю желанием.

Они встали и прошли из гостиной по короткому коридору в рабочий кабинет Крафта. На многочисленных столах высились персональные компьютеры и принтеры, повсюду грудами лежали книги и бумаги. По стенам были развешаны оправленные в рамки обложки книг. Центр комнаты занимал письменный стол из дорогого дерева коа, где высилась кипа исписанных листов, откуда Крафт извлек цветную фотографию и протянул журналисту.

На фотографии была изображена птица. Оперение ее было полностью черным, если не считать хохолка из белых перьев. Птица налетала на злобное существо, напоминающее заросли чертополоха. Из огромных когтей птицы ударяли молнии. При ее приближении какие-то черные создания убегали в лес.

Журналист несколько секунд завороженно рассматривал фотографию.

— Очень живописно. А птица тоже представляет собой кого-то из вашей прежней жизни?

Хоррис Кью, называвшийся теперь Гарольдом Крафтом, серьезно кивнул:

— Увы, бедный Больши. Я хорошо его знал, — проговорил он трагически.

И печально поцеловал фотографию.

Колдовское зелье

Все дети, кроме одного, вырастают. Довольно рано они узнают, что должны вырасти. Венди узнала об этом вот так. Когда ей было два года, играла она однажды в саду, сорвала цветок и побежала к матери. Должно быть, в эту минуту она была очень хорошенькой, потому что миссис Даунинг прижала руку к сердцу и воскликнула:

— Ах, если бы ты осталась такой навсегда!

Больше они об этом не говорили, но с тех пор Венди твердо знала, что вырастет. Об этом всегда узнаешь, как только тебе исполняется два года. Два — это начало конца.

Джеймс Барри
«Питер Пэн»

ГЛАВА 1

МИСТАЯ

По мере приближения летнего солнцестояния дни все увеличивались и разноцветные луны Заземелья все быстрее сменяли друг друга в ночном небе...

Наконец-то выдался прекрасный теплый весенний день, весьма подходящий для пикника: ясное голубое небо над головой, яркое солнышко, которое грело землю и молодую траву, прогоняя воспоминания о зимней прохладе. Повсюду благоухали цветы.

Красноглазая ворона сидела на ветке огромного белого дуба, скрытая густой листвою, и внимательно наблюдала за людьми, расположившимися внизу на залитой солнцем полянке. На весенней ярко-зеленой травке расстелили цветную скатерть и вывалили на нее содержимое принесенных с собой корзин. Если у тебя здоровый аппетит, эта еда вполне может показаться пищей богов, подумала ворона. На скатерти стояли блюда с мясными закусками и сырами, миски, наполненные салатами и фруктами, фляги с элем и охлажденной водой. У каждого участника пикника были тарелка, салфетка, бокал для питья и столовые приборы. Центральное место на скатерти занимала ваза с букетом полевых цветов.

Большую часть работы проделала Ивица, изящная маленькая сильфида с изумрудными волосами, заплетенными в косы. Она оживленно хлопотала, смеясь и переговариваясь с остальными. Ей помогали пес и кобольд: Абернети, придворный писец Заземелья, и Сельдерей, главный повар замка. Совстник Тьюс, седобородый чародей, бродил по окрестностям, изумленно изучая молодую весеннюю зелень и необычные полевые цветы. Второй кобольд, Сапо-

жок, самый пронырливый из них, способный унюхать что угодно, как всегда бдительно обходил полянку по периметру.

Король сидел в одиночестве как бы во главе стола. Бен Холидей, Его Величество король Заземелья. Глубоко задумавшись, он смотрел на верхушки деревьев. Пикник был его идеей — этот обычай Бен принес из того мира, откуда сам пришел сюда. Король решил приобщить к нему своих подданных, показать им нечто новенькое. А теперь, похоже, подданным это мероприятие нравилось гораздо больше, чем самому королю.

Красноглазая ворона сидела совершенно неподвижно в густой листве старого дуба, наблюдая, казалось, за всеми. Но на самом деле ее интересовал лишь ребенок. Птицы с ярким оперением, испуская мягкие трели, порхали по лесу, беззаботные и веселые, дерзкие и нагловатые. Ворона сознательно оставалась невидимой. Ничьи глаза, кроме глаз ребенка, не должны ее видеть. Ничье внимание не должно быть привлечено, кроме внимания девочки. Ворона терпеливо ждала, пока ребенок ее заметит, услышит немой призыв, послушается молчаливого приказа и яркие зеленые глаза поднимутся и посмотрят сквозь листву. Ребенок бродил там и сям, вроде бы бесцельно, но на самом деле в поисках того, кто его беззвучно звал.

Терпение, велела себе ворона. Когда так много поставлено на карту, стоит потерпеть.

Девочка наконец встала прямо под птицей и подняла крошечное личико. Зеленые глазенки ищуще забегали по веткам и вдруг... встретились с глазами вороны — зеленые с алыми, человечьи с птичьими. Им не требовалось переговариваться между собой, они обменялись мыслями о том, что имеешь и чего не имеешь, о приобретениях и потерях, о силе знаний и непреодолимом желании поскорей вырасти. Девочка замерев глядела вверх, и к ней пришло понимание того, что можно узнать что-то невероятное и значительное, если найдется подходящий учитель.

Этим учителем и собиралась стать красноглазая ворона. А вороной той была ведьма Ночная Мгла.

Бен Холидей оперся на локоть, принюхиваясь к возбуждающим аппетит запахам. После завтрака прошло уже много времени, а от обеда Бен сознательно воздержался, рассчитывая на пикник. Слава Богу, ожидание почти закончилось. Ивица с помощью Абернети и Сельдерея уже распаковывает и раскладывает снедь. Скоро можно будет начать трапезу.

Ивица перехватила взгляд мужа и одарила его улыбкой. «Какая прелесть у меня жена!» — подумал Бен. И он влюблен в нее, словно

увидел впервые. Ему показалось, что они только что встретились в полуночных водах Иррилина и она поведала ему, что они предназначены друг для друга судьбой.

— Тебе следовало бы помочь нам, волшебник! — рявкнул Абернети на советника Тьюса, прервав размышления Бена. Писец был явно раздражен тем, что волшебник не принимает участия в общем деле.

— Хм-м? — Советник с трудом оторвал взор от необычных пурпурно-желтых полевых цветов. Волшебник всегда имел рассеянный вид, независимо от того, действительно ли он витал в облаках или нет.

— Помогай! — резко повторил Абернети. — Кто не работает, тот не ест — так, кажется, в басне?

— Ну-ну, не стоит так злиться. — Советник Тьюс оторвался от изучения окружающей среды, чтобы предаться более дельному занятию — успокоить приятеля. — Разве так нужно делать? Давай покажу!

Некоторое время друзья препирались, пока не вмешалась Ивица, и они немедленно утихомирились. Бен покачал головой. Сколько же лет они вот так цапаются друг с другом? С тех пор, как волшебник превратил писца в собаку? Или еще раньше? Бен не мог сказать точно, отчасти потому, что прибыл в Заземелье относительно недавно и до сих пор еще не разобрался в этой истории, отчасти потому, что с момента появления в Заземелье время утратило для него смысл.

Бен Холидей прибыл в Заземелье, когда все его мечты в старом мире обратились во прах и отчаяние взяло верх над всеми жизненными устремлениями. В Рождественском каталоге универмага «Роузен» он прочитал объявление, в котором предлагалось купить волшебное королевство и начать там новую жизнь. Стать королем страны, где сказочные истории — часть реальности. Предложение было совершенно невероятным, но очень заманчивым. Чтобы пойти на такое, требовалась почти фанатичная вера, и Бен уцепился за это объявление, как утопающий хватается за соломинку. Он купил королевство и шагнул в неизвестное. И очутился в месте, которое, казалось, просто не могло существовать, но тем не менее существовало. Заземелье было и таким, как он полагал, и одновременно не таким. Здесь Бен столкнулся с проблемами, которые и вообразить себе трудно. Но по большому счету он все же получил здесь то, в чем нуждался больше всего: возможность начать все заново. Новый шанс. Новую жизнь. Заземелье овладело его воображением и полностью преобразило его.

Однако Бен до сих пор не переставал изумляться. Он все никак не мог разобраться в тонкостях. Таких, например, как этот времен-

ной переход. Учитывая отдаленность Заземелья от Земли — предположение скорее теоретическое, чем подтвержденное фактами. В конце концов каким образом можно определить границу, которая не отмечена никакими географическими точками, кроме волшебного тумана? Как определить границу, которую можно преодолеть за один миг, но только произнеся заклинание или имея волшебный амулет? И Заземелье здесь, и Земля здесь, если ткнуть пальцем направо и налево, но сей факт никак не помогал определить расстояние между ними.

С этой стороны Бен выглядел иначе, чем с Земли. Бен знал это не понаслышке, поскольку сам неоднократно ходил из одного мира в другой и каждый раз обнаруживал, что времена года там и тут не совпадают. Знал он это и по оказываемому на него воздействию — или отсутствию оного. В Заземелье он старел как-то иначе. Это был не постепенный процесс, последовательная смена: минута за минутой, час за часом, день за днем и так далее. В это трудно поверить, но каким-то образом в Заземелье он совсем не старел. Раньше Бен об этом лишь догадывался, но теперь знал точно. И к этому выводу он пришел вовсе не на основании наблюдений за собой, что само по себе непросто, поскольку себя со стороны не видишь. Нет, Бен пришел к этому заключению, наблюдая за Мистаей.

Он глянул на дочь. Девочка стояла под огромным дубом и напряженно смотрела вверх, куда-то сквозь листву. Бен нахмурился. Если и существовало одно слово, которым можно было описать его дочь, так это именно «напряженная». Девочка приступала к любому делу с целеустремленностью ястреба, бросающегося на дичь. И никогда не отвлекалась, пока не доводила дело до конца. Если она на чем-то сосредоточивалась, то с полнейшим вниманием. Мистая обладала удивительной памятью, и, возможно, именно поэтому девочка изучала любой вопрос или дело до конца, пока не усваивала все. Весьма необычное поведение для маленького ребенка. Впрочем, и сама Мистая весьма необычна.

Например, ее возраст. Именно наблюдая за ней, Бен пришел к выводу, что его домыслы по поводу своего собственного возраста не лишены оснований. Мистая родилась два года назад, если вести подсчет исходя из смены времен года в Заземелье. Точно таких же четырех времен года, как и на Земле. Следовательно, девочке сейчас должно быть два года. Но на деле это совсем не так. Мистая вовсе не выглядит как двухлетний ребенок, а скорее как десятилетний. Она выглядела двухгодовалой, когда ей было два месяца. Девочка росла неравномерными скачками. За месяцы она вырастала на годы. Но и это с ней происходило не в определенной логиче-

ской последовательности. Какое-то время она могла вообще не расти — во всяком случае, не очень заметно. Затем вдруг вырастала на месяцы, а то и на целый год за одну лишь ночь. Она росла физически, умственно, эмоционально, короче, во всех направлениях. Не во всех одновременно и по-разному, но в конечном итоге все выравнивалось. Кажется, в первую очередь развивался ее ум. Да, Бен был совершенно уверен, что именно так. В конце концов она ведь заговорила в три. Не года, а месяца. Заговорила, как восьми-девятилетний ребенок. Теперь, в два года — или десять лет, или сколько вам угодно, смотря откуда считать, — она разговаривала, как двадцатипятилетняя.

Мистая. Имя дочери выбрала Ивица. Бену оно сразу понравилось. Мистая. Мисти Холидей. Бену это сочетание показалось удачной игрой слов. Навевало ностальгические мысли о чем-то милом и приятном. И очень соответствовало взгляду, которым она одарила его, когда он впервые увидел ее. Тогда он только что выбрался из Лабиринта, а Ивица с дочерью сбежала из Бездонной Пропасти, где Мистая и родилась. Сначала Ивица ничего не сказала ему о дочери, но затем, когда они решили, что между ними не должно быть тайн, если они хотят и дальше оставаться вместе, то они поделились своими секретами. Бен рассказал Ивице о том, как Ночная Мгла была его леди, а Ивица поведала о Мистае. Это был трудный, но исцеляющий процесс. Ивица лучше справилась с новостями, которые обрушил на нее Бен, чем он совладал с ее известием. Мистая могла оказаться чем угодно, если принять во внимание обстоятельства ее рождения. Потомок дриады, вскормленная Землей, Заземельем и волшебными туманами, рожденная на свет в сумеречной мертвенности Бездонной Пропасти, Мистая являла собой смесь миров, магий и кровей. И вот он наконец впервые увидел ее, маленькую очаровательную девочку, завернутую в изысканные пеленки. Таинственные зеленые глаза дочки, казалось, заглядывали в самую душу, чистая нежно-розовая кожа, волосы цвета меда и лицо, в котором мгновенно угадывались черты и Бена, и Ивицы.

С самого начала Бен подозревал, что все это слишком хорошо, чтобы быть правдой. И довольно скоро обнаружил, что предчувствия его не обманули.

Он видел, как Мистая миновала младенчество за считанные месяцы. Видел, как в течение одной недели она пошла и научилась плавать. Девочка одновременно заговорила и забегала. Одолела чтение и элементарную арифметику в возрасте одного года. К тому времени голова Бена уже гудела от перспективы быть отцом вундеркинда, гения, равного которому родной мир Бена никогда не

знал. Но и тут дела пошли совсем не так, как он думал. Девочка взрослела, но всегда вразрез с его предположениями. Она доходила до определенной точки, и на этом все заканчивалось. К примеру, овладев элементарной математикой, Мисти полностью утратила интерес к предмету вообще. Научившись читать и писать, она также потеряла интерес к этим занятиям. Казалось, ей нравится скакать от одной новой вещи к другой, и не было никакого разумного объяснения тому, почему она доходила до определенного уровня, останавливалась и никогда не шла дальше.

Мистаю никогда не привлекали детские увлечения, ни разу. Куклы, игрушки, игра в мяч и скакалки были для других. Мистая же хотела знать, как устроен мир, почему что-то происходит именно так, а не иначе, и для чего он существует вообще. Природа зачаровывала ее. Девочка отправлялась на долгие прогулки — настолько длительные, что Бен не мог понять, как такой маленький ребенок может бродить так долго, — и все время изучала окружающий мир, задавая массу вопросов, раскладывая полученную информацию по полочкам своего необычного мозга. Как-то раз, когда дочка была еще совсем крошкой, несколько месяцев от роду, и только-только училась говорить, Бен увидел у нее в руках тряпичную куклу. На мгновение он решил, что Мисти просто играет, но девочка подняла на него свои внимательные глаза и серьезным тоном спросила, почему тот, кто сделал куклу, пользовался именно этим швом, чтобы пришить кукле конечности.

Такова Мистая. Обстоятельная и абсолютно серьезная. Обращаясь к нему, она всегда говорила «отец», никогда «папа» или «папочка» или как-то еще. «Отец» и все. Или «мать». Вежливо, но формально. Вопросы, которые она задавала, всегда были серьезными и важными, с ее точки зрения, и она очень серьезно к ним относилась. Бен тоже быстро выучился воспринимать их всерьез. Как-то раз он рассмеялся над чем-то, что она сказала и что показалось ему забавным. Мистая тогда поглядела на него с таким выражением, будто хотела сказать: «Когда же ты наконец повзрослеешь?» Не то чтобы она не умела смеяться и не видела ничего веселого в своей жизни. Проблема была в том, что у нее было очень своеобразное восприятие того, что смешно, а что — нет. Абернети часто заставлял ее смеяться. Она нещадно подтрунивала над ним, всегда с серьезной миной, затем внезапно расплывалась в широкой улыбке, когда до писца доходило, что над ним подшучивают. Абернети воспринимал ее выходки на удивление добродушно. Когда Мисти была еще совсем малюткой, она частенько ездила на нем верхом и трепала за уши. Девочка не хотела ничего плохого, просто забавлялась.

Абернети в жизни не позволял никому так с собой обращаться. А с Мисти он, казалось, даже получал удовольствие.

Но по большей части девочка считала взрослых скучными и ограниченными. Ей вовсе не нравились попытки взрослых наставлять ее и стремиться защитить. Она не очень хорошо реагировала на слово «нет» или на те ограничения, которые наложили на нее родители и советник. Абернети был ее воспитателем, но в частной беседе как-то признался, что его блестящая ученица частенько скучает на уроках. Сапожок был ее телохранителем, но, после того как она научилась ходить, он вынужден был прилагать массу усилий, чтобы не потерять ее из виду. Она любила и уважала Бена и Ивицу, хоть и в своей странной, несколько отстраненной манере. В то же время она полагала, что их нормам поведения и взглядам нет места в ее собственном мирке. Когда родители что-то ей объясняли, взгляд девочки зачастую давал им ясно понять, что они ровным счетом ничего о ней не знают, потому что если бы знали, то не тратили бы понапрасну время.

Похоже, Мистая считала, что взрослые являют собой неизбежное зло в ее юной жизни, поэтому чем скорее она вырастет, тем лучше. Бен часто думал, что этим вполне можно объяснить тот факт, что за два года она выросла на десять. И этим же можно объяснить, почему она, как правило, обращается к взрослым как равная, говоря полными и абсолютно грамматически верными фразами. Она мгновенно запоминала идиомы и идиоматические обороты, и Бену теперь казалось, что, беседуя с ней, он разговаривает с собой. Она говорила с ним в точно такой же манере, как он с ней. Он быстренько расстался с попытками обращаться с ней как с обычным ребенком и тем более — Боже упаси! — разговаривать с ней снисходительно, будто иначе она и не поймет. Как только с Мистаей начинали говорить снисходительным тоном, она немедленно отвечала тем же. С таким ребенком частенько возникал вопрос, кто из них взрослый, а кто — дитя.

Единственным исключением из правил был советник Тьюс. Отношения Мистаи с чародеем разительно отличались от ее взаимоотношений со всеми прочими, включая родителей. Общаясь с Тьюсом, Мистая, казалось, радуется, что является ребенком. Она никогда не разговаривала с Тьюсом так, как, к примеру, с Беном. Внимательно выслушивала все, что говорил ей Тьюс, обращала внимание на все, что волшебник делает, и в целом, казалось, вполне мирилась с тем, что чародей в чем-то ее превосходит. Их отношения напоминали связь, которая иногда возникает между дедами и внуками. Бен полагал, что причиной тому является магия, которой

владеет старый волшебник. Магия всегда зачаровывала Мистаю, даже если что-то не срабатывало и результат получался вовсе не таким, на какой рассчитывал Тьюс. А подобное случалось частенько. Советник постоянно демонстрировал девочке кусочки магии, пытаясь сделать что-нибудь новенькое, экспериментируя с тем или с этим. Он был достаточно осторожен, чтобы не затевать ничего опасного, когда рядом была Мистая. А она следовала за ним хвостом и могла просиживать рядом часами в надежде увидеть хоть крошечное проявление силы, которой обладает Тьюс.

Бен сначала беспокоился. Интерес Мистаи к магии имел явное сходство с интересом обычного ребенка к огню, и Бену вовсе не хотелось, чтобы дочка «обожглась». Но она не просила дать ей попробовать сотворить какое-либо заклинание или заклятие, не спрашивала, как действует та или иная магия, и с уважительным вниманием безропотно выслушивала поучения Тьюса об опасности некомпетентного использования заклинаний. Все выглядело так, будто она и не собиралась пробовать. Просто считала советника занятным «артефактом», чем-то, с чем следовало бы ознакомиться, но не углубляться. И это было весьма странно, но не удивительней всего остального, что касалось Мистаи. Несомненно, ее интерес к магии вызван ее происхождением — ребенок, рожденный при помощи волшебства, с волшебными предками, с магией в крови.

«Так к чему же все это приведет?» — размышлял Бен. Время шло, и он обнаружил, что ждет, когда же обрушится лавина. Мистая оказалась вовсе не тем ребенком, о котором он мечтал, когда Ивица сообщила ему, что он станет отцом. У нее вообще не было ничего общего с детьми, которых ему когда-либо доводилось видеть. Она представляла собой сплошную загадку. Бен, безусловно, любил дочку, считал ее весьма занятной и удивительной и не мог представить себе жизни без нее. Она переопределила для него термины «ребенок» и «родитель» и заставила задуматься над тем, в каком направлении идет его жизнь.

Но и пугала она его тоже изрядно — не тем, кем и чем являлась в настоящий момент, а тем, во что могла превратиться в один прекрасный день. Будущее девочки представлялось огромным путешествием в неизведанное, которое, он опасался, окажется ему совершенно неподвластным. Что он мог предпринять, чтобы это путешествие прошло для нее более или менее спокойно?

Ивицу, казалось, эти проблемы не занимали вовсе. Но ведь Ивица смотрела на воспитание ребенка философски, как и на все остальное. Жизнь создает препятствия, выуживая из каждого его возможности и предоставляя право выбора, и сталкивает с ними, когда

приходит пора, и ни на секунду раньше. Так что Ивица совсем не беспокоилась о том, что пока ей было неподвластно. Каждый проведенный с Мистаей день представлял для нее вызов, который необходимо принять, и радость, которой следует наслаждаться. Ивица отдавала дочери все, что могла, принимала взамен то, что давали, и была благодарна за это. Она без конца твердила Бену, что Мистая весьма своеобразная, дитя разных миров и рас, эльфов и людей, королей и существ, владеющих магией. Она отмечена судьбой. Когда-нибудь она совершит нечто удивительное. И они обязаны предоставить ей такую возможность. Обязаны создать условия, чтобы она могла развиваться так, как ей заблагорассудится.

Угу, все чудесно и замечательно, мрачно думал Бен. Только легче сказать, чем сделать.

Он наблюдал за дочерью, стоящей под ветвями раскидистого дуба и вглядывающейся в крону дерева, и размышлял, что еще он может предпринять. У него было ощущение, что задача вырастить дочь ему не по силам. Его подавляло то, кем и чем она являлась.

— Бен, пора есть, — нежно позвала Ивица, прервав его размышления. — Позови Мистаю.

Бен поднялся на ноги, отбросив прочь беспокойные мысли.

— Мисти! — крикнул он. Девочка не реагировала, упорно продолжая вглядываться в листву. — Мистая!

Никакой реакции. Она стояла неподвижно как статуя.

К нему подошел советник Тьюс:

— Похоже, она снова потерялась в своем мирке, Ваше Величество. — Подмигнув Бену, он поднес ладони рупором ко рту. — Мистая, иди сюда! — приказал он едва слышным голосом.

Девочка обернулась, чуть поколебавшись, и побежала к ним. Ее длинные светлые волосы сверкали на солнце, изумрудные глаза сияли. Проходя мимо советника Тьюса, она коротко улыбнулась чародею.

Бена она едва заметила.

Ночная Мгла наблюдала, как девочка отошла от дуба и присоединилась к остальным. Ворона оставалась сидеть неподвижно среди ветвей на тот случай, если кому-то придет в голову подойти поближе и посмотреть, что же так заинтересовало ребенка. Но никто не пришел. Расположившись вокруг заставленной снедью скатерти, смеясь и переговариваясь, они и представления не имели о том, что произошло прямо у них под носом. Девочка теперь принадлежит ей, зерно посеяно глубоко, нужно только подождать, когда оно взойдет, и тогда настанет час ее, Ночной Мглы. И это время придет. Скоро.

Долгосрочный план Ночной Мглы только что начал воплощаться в жизнь. А когда он осуществится, Бен Холидей будет мертв.

Красноглазая ворона все помнила, и эти воспоминания жгли ее огнем.

Прошло уже два года с того дня, как Ночная Мгла бежала из Лабиринта. Исполненная горечи от предательства короля, униженная провалом попытки отомстить ему за счет его жены и ребенка, она терпеливо ждала подходящего момента, чтобы нанести удар. Холидей уволок ее в Лабиринт, поймал в туманную ловушку, отнял у нее ее личность, лишил магии, сломил ее защиту и хитростью заставил отдаться ему. То, что тогда ни один из них не знал, что собой представляет другой, не играло роли. То, что могучая магия столкнула их обоих с драконом Страбоном, тоже не имело значения. Так или иначе, во всем виноват Холидей. Холидей обнаружил ее слабость. Холидей заставил ее испытать те чувства, которые она давным-давно поклялась никогда больше не испытывать по отношению к мужчине. А то, что она всегда его ненавидела, злило еще сильнее. И потому принять то, что с ними произошло, было для Ночной Мглы совершенно невозможно.

Она не давала гневу остыть, и он готов был прорваться наружу в любое время. Гнев полыхал в ней, и боль не позволяла отвлечься, вынуждая сосредоточиться на том, что должно быть сделано во что бы то ни стало. Возможно, она бы удовлетворилась тогда, если бы ей в Бездонной Пропасти отдали ребенка сразу после рождения. Возможно, ей хватило бы, если бы она вытребовала дитя и уничтожила его мать в процессе торговли, оставив Холидею сожаления в наказание за предательство. Но вмешались эльфы и не дали ей забрать ребенка. С тех пор она вынуждена жить с воспоминаниями о том, что с ней сделали.

Так было до сих пор. Теперь же девочка достаточно взрослая, чтобы быть независимой от людей и эльфов, вполне может узнать истину, о которой ей еще никто не сообщал. Достаточно взрослая, чтобы ее можно было увлечь не силой, а другими способами, Мистая станет для Ночной Мглы целительным бальзамом, в котором ведьма Бездонной Пропасти остро нуждалась, чтобы вновь обрести целостность, и в то же время орудием мести, с помощью которого будет уничтожен Бен Холидей.

Красноглазая ворона поглядела на веселящуюся внизу компанию и подумала, что для каждого из них это последний счастливый миг.

Затем легко взлетела с ветки и отправилась восвояси.

ГЛАВА 2

РАЙДЕЛЛ ИЗ МАРНХУЛЛА

На следующее утро, когда солнце серебристым отблеском только появилось на восточном горизонте, а вся земля еще была укрыта ночной мглой, Ивица так резко подскочила на кровати, что разбудила Бена. Открыв глаза, он увидел, что жена дрожит от напряжения. Одеяло лежало в ногах, и кожа Ивицы была ледяной. Бен немедленно привлек ее к себе и крепко обнял. Через некоторое время дрожь прекратилась, и Ивица позволила укрыть себя одеялом.

— Это был вещий сон, — прошептала она, когда вновь обрела дар речи. Ивица неподвижно лежала возле него, будто ожидая удара. Бен не мог видеть ее лица, которое она спрятала у него на груди.

— Сон? — спросил он, ласково и успокаивающе поглаживая ей спину. Напряжение все еще не покидало ее. — О чем?

— Не сон, — возразила она, касаясь губами его кожи. — Вещий сон. Предсказание чего-то, что должно произойти. Чего-то ужасного. Будто меня окутала непроглядная тьма и я тону в ней. Я не могла дышать, Бен.

— Уже все в порядке, — нежно проговорил он. — Ты проснулась.

— Нет, — вновь возразила она. — Все явно не в порядке. Предупреждение касалось нас всех — тебя, меня и Мистаи. Но особенно тебя, Бен. Тебе грозит опасность. Я не могу сказать, какая именно, знаю лишь, что опасность. Что-то должно вот-вот произойти, и если мы не подготовимся, то...

Она замолчала, не желая произносить это вслух. Вздохнув, Бен притянул жену ближе. Длинные изумрудные волосы Ивицы укрывали его плечи и рассыпались по подушке. Бен молча уставился в темноту. Он уже давно перестал сомневаться в словах Ивицы, когда речь шла о снах и предупреждениях. Они являлись неотъемлемой частью жизни эльфов, которые полагались на них, как люди на свои инстинкты. И редко ошибались. К Ивице во сне приходили волшебные существа и мертвецы. Они давали ей советы и предупреждали о грядущих событиях. Предупреждения встречались реже и были менее надежны, но все же достаточно ценны, чтобы можно было позволить себе не обращать на них внимания. Во всяком случае, раз Ивица полагает, что они вместе с дочерью в опасности, лучше поверить, что так оно и есть.

— А не было никаких намеков на то, какого рода опасность? — спросил Бен некоторое время спустя, пытаясь прикинуть возможные варианты.

Ивица помотала головой, не отрывая лица от его груди.

— Но опасность огромная. С тех пор, как я впервые увидела тебя, мои ощущения ни разу не были столь сильны. — Она помолчала. — Но что меня больше всего беспокоит, так это то, что я никак не могу определить, чем это вызвано. Как правило, этому предшествуют какие-нибудь незначительные происшествия, обрывки сведений, какие-нибудь подсказки. Сны навевают нам другие существа, чтобы выразить свои мысли, дать совет. Но предупреждения — это безликие, безголосые послания, предназначенные лишь для того, чтобы предупредить, подготовить к неопределенному будущему. Они приходят к нам во сне в виде подозрений и сомнений, которые хранят нас от непредвиденного. Во сне для нас открыты такие пути, которые не открываются никогда, если мы бодрствуем. Путь, по которому пришло ко мне это предупреждение, должно быть, невероятно широк и прям, учитывая силу его воздействия.

При этом воспоминании ее снова затрясло, и она теснее прижалась к мужу.

— На протяжении многих месяцев нам ничего не грозило, — припоминая, спокойно сказал Бен. — В Заземелье царит мир. Ночная Мгла и Страбон надежно упрятаны. Лорды Зеленого Дола не ссорятся между собой. Даже тролли в Мельхорских горах поутихли. В волшебных туманах никакого волнения не наблюдается. Так что ничего нет.

Оба замолчали, тесно прижавшись друг к другу на широкой постели, наблюдая, как за окном постепенно рассветает и растворяются ночные тени, прислушиваясь к звукам просыпающегося замка. Маленькая блестящая алая птичка промелькнула за окном и исчезла в небе.

Ивица наконец подняла голову и заглянула Бену в глаза. Ее прекрасное лицо было бледным и напряженным.

— Я не знаю, что делать, — шепнула она.

Бен чмокнул ее в носик:

— Будем делать то, что потребуется.

Встав с постели, он направился к умывальнику, стоящему возле восточного окна. На мгновение замерев, он посмотрел на разгорающийся день. Небо было ясным и светлым, освещенное лучами утреннего солнца, падающими на зелено-синюю долину. Лесистые холмы, окружавшие еще окончательно не проснувшуюся землю, виднелись за сияющими стенами замка Чистейшего Серебра. На лугу возле простиравшегося вокруг озера начали раскрываться цветы. Во внутреннем дворике замка шла смена караула, а конюхи тащили корм лошадям.

Бен умылся водой, которую замок подогрел к началу нового дня. Этот великолепный дворец был живым и обладал собственной магией, позволявшей ему заботиться о короле и его приближенных, словно любящая мать. Когда Бен впервые появился в Заземелье, то не переставал изумляться тому, что вода в ванне всегда нужной температуры, свет появляется по первому требованию, холодными ночами каменные полы замка становятся теплыми под ногами, пища по необходимости охлаждается или вялится. Но теперь он уже привык к подобным маленьким чудесам и больше не задумывался над этим.

Однако этим утром по какой-то непонятной причине Бен обнаружил, что вновь поражается свойствам замка. Вытерев насухо лицо, он посмотрел на блестящую водную поверхность в умывальнике. Оттуда на него глядело его собственное отражение — волевое, загорелое лицо с резкими чертами и проницательными синими глазами, орлиным носом и выбритыми висками. Из-за легкого колебания воды у отражения появились морщинки, которых у Бена на самом деле не было. Бен подумал, что выглядит точно так же, как в тот день, когда впервые появился в Заземелье. Внешность обманчива, гласит поговорка, но в данном случае он вовсе не был уверен в правоте данного высказывания. Магия являлась краеугольным камнем самого существования Заземелья, а там, где замешана магия, возможно все.

Как и с Мистаей, которая постоянно подтверждает этот конкретный постулат, напомнил себе Бен.

Ивица поднялась с постели и подошла к мужу. Никакой одежды на ней не было, но она, как всегда, вроде бы этого даже и не замечала, поэтому ее нагота выглядела естественной и само собой разумеющейся. Бен обнял жену и прижал к себе, вновь подумав, как же ему повезло, что она у него есть, как сильно он ее любит и как отчаянно она нужна ему. Ивица по-прежнему оставалась самой красивой из всех известных ему женщин, и красота ее была не только внешняя, но и внутренняя. Она была для него той великой любовью, что он потерял со смертью Энни там, в прежнем мире, — событие, которое он теперь едва помнил, так давно это, кажется, было. Ивица являлась для него партнером на всю жизнь, которого он уже и не мечтал обрести вновь, существом, придававшим ему силу, наполнявшим его радостью и вносящим порядок в его жизнь.

В дверь спальни постучали.

— Ваше Величество? — раздался резкий и взволнованный голос Абернети. — Вы проснулись?

— Проснулся, — ответил Бен, продолжая прижимать Ивицу к груди и глядя поверх ее склоненной головки.

— Прошу прощения, но мне необходимо с вами поговорить, — произнес из-за двери Абернети. — Немедленно.

Ивица выскользнула из объятий Бена и быстро накинула на себя длинный белый халат. Бен подождал, пока она оденется, и открыл дверь. Абернети, переминаясь, стоял под дверью, тщетно пытаясь скрыть нетерпение и растерянность. И то, и другое ясно читалось в его глазах. Вообще-то у собак всегда несколько обеспокоенное выражение глаз, и Абернети, хоть и был собакой лишь внешне, не являлся исключением. Он напряженно стоял в своей багряной, расшитой золотом ливрее — официальной одежде придворного писца, — и пальцы его рук (единственное, что осталось в нем от человека после превращения в лохматого пшеничного терьера) нервно теребили пуговицы, будто проверяя, все ли на месте.

— Ваше Величество. — Абернети приблизился к Бену, чтобы говорить как можно тише. — Прошу прощения, что врываюсь к вам с утра пораньше, но у ворот стоят два всадника. Судя по всему, они прибыли, чтобы бросить вам вызов. Они отказываются назвать себя кому бы то ни было, кроме вас, а один даже швырнул перчатку на середину моста. Они ждут вас.

Бен кивнул, перебирая в уме варианты вразумительных ответов:

— Сейчас буду.

Закрыв дверь, он начал быстро одеваться, одновременно пересказывая Ивице суть дела. Вызов в виде брошенной перчатки звучит смешно для человека двадцатого столетия на Земле, но в Заземелье в этом вовсе не было ничего смешного. Правила поединка здесь соблюдались строго, и когда кому-то бросали перчатку, то двух мнений быть не могло. Брошен вызов, и он требует ответа. Даже король не может проигнорировать этого. А возможно, подумал Бен, натягивая сапоги, в особенности король.

Он поднялся и оправил тунику, на миг коснулся медальона, висевшего на шее, — символа власти, защитного талисмана. Если брошен вызов, то его примет рыцарь по имени Паладин, защищавший всех королей Заземелья с начала времен. С помощью медальона короли призывают Паладина, который на самом деле является альтер эго самого короля. Поскольку Бен как бы переходит в тело и мозг Паладина, когда тот ведет сражение, то на некоторое время перевоплощается в рыцаря, становясь своим вторым «я». Бен далеко не сразу разобрался в истинном происхождении Паладина. И еще больше времени у него ушло на то, чтобы переварить эти сведения.

Он выпустил медальон. На эту тему можно будет поразмышлять позже, если это действительно вызов на бой, если понадобится Паладин, если угроза не вымышленная, если, если, если...

Бен вышел из спальни, взял Ивицу под руку и направился к воротам. Они быстро прошли по коридорам и поднялись по лестничному пролету наверх, в башню, возвышавшуюся над воротами крепости. К расположенному на острове посреди озера замку Чистейшего Серебра с берега вел мост, который в свое время выстроил Бен — и уже не раз перестраивал, — и по нему в замок приезжали посетители. Заземелье не находилось в состоянии войны, мир здесь установился с тех пор, как Бен утвердился на престоле, и он давно решил принимать у себя в резиденции ходоков, поскольку не было причин в изоляции короля от народа.

Конечно, у народа не было в обычае бросать вызов своему королю.

Бен распахнул дверь на башню и быстрым шагом пошел к площадке. Советник Тьюс и Абернети уже стояли тут, тихо переговариваясь между собой. Сапожок бродил туда-сюда по парапету, когти кобольда легко держались за камни. При желании Сапожок мог запросто спуститься вниз прямо по стене. Его ярко-желтые глаза грозно сверкали, рот растянут в подобии улыбки, демонстрируя полный набор весьма впечатляющих клыков.

Советник и Абернети обернулись и поспешили навстречу Бену и Ивице.

— Ваше Величество, вы должны разрешить эту проблему в угодной вам форме, — как всегда напыщенно проговорил Тьюс, — но я осмелюсь посоветовать вам проявить чрезвычайную осторожность. Вокруг этих двоих чувствуется магическая аура, сквозь которую не могу пробиться даже я.

— Какое веское доказательство! — ехидно заметил Абернети, насторожив уши. Он с болью посмотрел на Бена: — Ваше Величество, это наглые, возможно, умалишенные создания, и вам стоит рассмотреть возможность того, чтобы предложить им провести некоторое время в темнице. Мы не поприветствовали вас. Извините. Доброе утро.

— И вам тоже доброе утро, — ехидно ответил Бен. — Прекрасный день, чтобы бросать перчатки, не так ли? — Одарив обоих сухой улыбкой, он двинулся дальше. — Вот что я вам скажу. Давайте-ка послушаем их самих, прежде чем принимать решение.

Бен глянул вниз. На середине моста стояли два всадника в черных плащах. Тот, что крупнее, был одет в доспехи, к седлу приторочены палаш и боевой топор. Забрало шлема опущено. Тот, что поменьше, одетый в балахон с натянутым на голову капюшоном, сидел скрючившись, засунув руки в рукава. Оба не двигались. Никаких опознавательных знаков — герба или вымпела.

Черная перчатка рыцаря валялась в центре моста.

— Понимаете теперь, о чем я? — многозначительно прошептал Тьюс.

Бен ничего не понимал, но это не имело особого значения. Не желая затягивать дело, Бен крикнул стоящим на мосту:

— Я Бен Холидей, король Заземелья. Я слушаю вас. Что вы хотите?

Шлем рыцаря чуть качнулся вверх.

— Лорд Холидей. Я Райделл, король Марнхулла и всех земель за пределами волшебных туманов до Великого Провала. — Голос мужчины звучал низко и гулко. — Я пришел, чтобы принять твою покорную сдачу, лорд. И предпочел бы решить это мирным путем, но не колеблясь прибегну к силе, если потребуется. Я желаю получить твою корону, твой трон и медальон власти. Я желаю получить власть над твоими подданными и твоим королевством. Достаточно ясно для тебя излагаю?

Кровь бросилась Бену в лицо.

— Для меня ясно то, Райделл, король Марнхулла, что ты дурак, если рассчитываешь, что я стану обращать на тебя внимание!

— А ты дурак, если не прислушаешься к моим словам, — быстро возразил рыцарь. — Дослушай, прежде чем скажешь еще хоть слово. Мое королевство, Марнхулл, лежит за волшебными туманами. Все, что существует по ту сторону границы, принадлежит мне. Я завоевал это мечом и огнем много лет назад, завоевал все. Годами я искал возможность преодолеть волшебные туманы, но их магия не пускала меня. Но теперь все переменилось. Я пробил брешь в твоей основной защите, лорд Холидей, и наконец-то твоя страна открылась передо мной. У тебя крошечная, совершенно неукомплектованная армия. Моя же, наоборот, огромна и хорошо оснащена, она сметет твое войско в одно мгновение. Если я ее призову, она пройдет по Заземелью, как смерч, уничтожая все на своем пути. У тебя нет практически никакой возможности остановить ее шествие, а как только моя армия придет в движение, то потребуется время, чтобы вновь взять ее под контроль. Мне едва ли нужно пояснять что-либо еще, не так ли, Ваше Величество?

Бен быстро глянул на Ивицу и советников.

— Кто-либо из вас когда-нибудь слышал об этом парне? — тихо спросил он. Все трое покачали головой.

— Холидей, ты сдашься мне? — крикнул Райделл громовым голосом.

Бен снова повернулся к рыцарю:

— Вряд ли. Может, в другой раз. Король Райделл, я сомневаюсь, что ты действительно пришел сюда в расчете на то, что я выполню

твое требование. Никто из нас отродясь о тебе ничего не слышал. У тебя нет никаких доказательств того, что ты действительно тот, за кого себя выдаешь, и что у тебя есть войско. Ты воссседаешь тут на лошади и сыплешь угрозами и требованиями, только и всего. Два человека, прибывших невесть откуда. — Бен помолчал. — Что, если я прикажу вас схватить и упрятать за решетку?

Райделл засмеялся низким и глубоким, как и его голос, смехом и решительно заявил:

— Я бы вам не советовал этого, милорд. Это может оказаться не так просто, как кажется.

Холидей кивнул:

— Забирай свою перчатку и проваливай. Я еще не завтракал.

— Нет, Ваше Величество. Это вы должны поднять мою перчатку и принять вызов, раз отвергли мои требования. — Райделл заставил коня двинуться чуть вперед. — Ваши земли лежат на пути моих армий, и я не могу их обойти. И не хочу. Ваши земли так или иначе станут моими. Но кровь тех, кто падет в этой битве, будет не на моей совести, а на вашей. Выбор за вами, Ваше Величество.

— Выбор уже сделан! — ответил Бен.

Райделл снова рассмеялся:

— Храбро сказано. Что ж, я и не думал, что ты, Холидей, легко сдашься, по крайней мере до тех пор, пока не убедишься в моей силе и не получишь основания поверить в то, что твой отказ принять мои условия причинит тебе, а может, тем, кто тебе дорог, вред.

Бен снова вспыхнул, на сей раз от неприкрытой злости:

— Угрозы на меня мало действуют, Райделл из Марнхулла. Разговор окончен.

— Подождите, Ваше Величество! — торопливо воскликнул рыцарь. — Не спешите прерывать...

— Убирайся туда, откуда пришел! — рявкнул Бен, повернувшись к всаднику спиной.

И тут увидел Мистаю. Она стояла в одиночестве возле парапета, в десятке шагов от основной группы, и смотрела вниз, на Райделла. Девочка стояла совершенно тихо, ее длинные медные волосы рассыпались по узеньким плечикам, тонкое лицо эльфа было напряжено, изумрудные глаза устремлены на всадников у ворот. Кажется, она совершенно не замечала ничего вокруг, полностью сосредоточив свое внимание на Райделле с напарником.

— Мистая, — нежно окликнул ее Бен. Ему не хотелось, чтобы ее увидели, и не нравилось, что она стоит так близко к краю. Он вдруг почувствовал, что покрывается потом. Голос Бена возвысился: — Мистая!

Она не расслышала или не пожелала услышать. Бен направился к ней, молча схватил за талию и унес от края стены. Мистая не сопротивлялась. Обняв отца за шею, она позволила отнести себя в сторону и опустить на землю.

Склонившись к ней, Бен постарался скрыть раздражение.

— Уйди, пожалуйста, внутрь, — велел он ей.

Она задумчиво на него посмотрела, будто стараясь отгадать какую-то загадку, затем послушно повернулась и ушла.

— Лорд Бен Холидей! — проревел снизу Райделл.

Стиснув зубы, Бен в последний раз наклонился вниз.

— Я закончил с тобой, Райделл! — грозно проорал он.

— Позвольте мне поймать его и притащить к вам! — рявкнул Абернети.

— Это последнее! — крикнул Райделл. — Я уже сказал, что и не ожидал, что ты сдашься, не получив доказательств правдивости моих слов! Хотите, чтобы я представил вам доказательства, Ваше Величество? Доказательства того, что я могу привести свои угрозы в исполнение?

Бен набрал в грудь побольше воздуха:

— Можешь делать все, что тебе заблагорассудится, Райделл из Марнхулла. Но помни: тебе придется отвечать за свой выбор.

Повисло долгое молчание, двое мужчин уставились друг на друга. Несмотря на злость и уверенность в себе, Бена вдруг охватил озноб, ему показалось, будто Райделл знает о нем больше, чем кажется. Неприятный момент.

— Прощай пока, король Бен Холидей, — произнес наконец Райделл. — Я вернусь через три дня. Возможно, тогда твой ответ будет другим. Перчатку оставляю там, где она лежит. Никто, кроме тебя, не сможет ее поднять. А ты ее таки поднимешь.

Рыцарь развернул коня и поскакал прочь. Второй всадник чуть помедлил, по-прежнему сидя неподвижно и ссутулившись. За все это время он не произнес ни слова и не пошевелился. Невозможно было понять, кто это. Затем неторопливо развернул лошадь и поехал вслед за Райделлом. Оба всадника пересекли усыпанный цветами луг — две темные тени на свету — и исчезли за деревьями.

Бен Холидей со своими друзьями смотрел им вслед, пока они не пропали из виду. Никто не произнес ни слова.

Завтрак в это утро не удался. Бен, Ивица, советник и Абернети сидели, собравшись кучкой на одном конце стола, вяло жуя и нехотя переговариваясь. Мистаю покормили отдельно и отправили играть. Спохватившись, Бен послал Сапожка приглядывать за ней.

— Так, значит, никто об этом Райделле раньше не слышал? — снова спросил Бен. Он все время возвращался к этому вопросу. — Вы уверены?

— Ваше Величество, этот человек — чужак в Заземелье, — заверил его советник Тьюс. — В пределах государства нет никакого Райделла из Марнхулла.

— И насколько нам известно, нигде за пределами тоже! — с жаром воскликнул Абернети. — Райделл заявил, что прошел сквозь волшебные туманы, но это лишь его слова. Никто не может преодолеть туманы, Ваше Величество. Эльфы не дадут. Только магия позволяет пройти, и только эльфы и их создания обладают ею. А на мой взгляд, Райделл не похож ни на кого из них.

— Возможно, он, как и я, обладает открывающим проход талисманом, — предположил Бен.

Советник, нахмурившись, наклонился вперед:

— А что вы думаете о его спутнике в черном балахоне? Я же вам говорил, что почувствовал наличие магии у этой парочки, и, по всей вероятности, ею обладает отнюдь не Райделл. Может быть, этот второй и есть волшебное существо, создание эльфов наподобие Бурьяна. Такое существо может обеспечить проход.

Бен вспомнил Бурьяна, темного эльфа, которого отпустили и привезли обратно в Заземелье, когда родилась Мистая. Создание такого сорта вполне могло продать секрет волшебных туманов и наслать как можно больше несчастий на тех, кто попробует ему помешать.

— Но с какой стати существо, обладающее такой огромной силой, станет служить Райделлу? — резко спросил он. — Может, здесь что-то другое?

— Возможно, волшебное создание каким-то образом попало к нему в зависимость, — спокойно предположила Ивица. — А может, все совсем не так, как кажется на первый взгляд, и на самом деле это Райделл слуга, а тот — господин.

— Если именно этот, в балахоне, владеет магией, то такое вполне возможно, а со стороны может казаться наоборот, — задумчиво проговорил Тьюс. — Как жаль, что я не смог проникнуть за их защиту.

Бен откинулся на спинку стула:

— Давайте-ка еще раз сначала. Эта парочка, Райделл и его спутник, появляются невесть откуда. Один из них — а может, и оба — владеет магией, весьма мощной магией, как они заявили. Но нам не известно, что эта магия может. Нам известно лишь, что они желают безоговорочной капитуляции, престол Заземелья и что они кажутся абсолютно уверенными в том, что так оно и будет. Почему?

— Почему? — отсутствующим тоном повторил весь ушедший в себя Тьюс.

— А если подойти к этому по-другому, — продолжал Бен. Он отодвинул тарелку и взглянул на чародея. — Они выдвинули требование, не предъявив никаких доказательств того, что к ним стоит отнестись серьезно. Они не продемонстрировали никакого волшебства, которое могло бы припугнуть нас, и не показали своей хваленой армии. Просто выдвинули требование и удалились, дав нам три дня на размышление. Размышление о чем? Об их требованиях, которые мы уже отвергли? Сомневаюсь.

— Ты полагаешь, они намерены продемонстрировать нам свою силу? — догадалась Ивица.

Бен кивнул:

— Именно так. Не зря они дали нам три дня. И, уходя, кинули весьма недвусмысленную угрозу. Уж слишком легко Райделл отказался от своего требования немедленной капитуляции. Зачем это делать, если только не собираешься усилить нажим? Здесь ведется какая-то игра, и я вовсе не уверен, что мы знаем ее правила.

Остальные серьезно закивали.

— И что же нам делать, Ваше Величество? — спросил наконец Тьюс.

Бен пожал плечами:

— Понятия не имею. — Поразмышляв некоторое время, он добавил: — Давайте-ка воспользуемся Землевидением, советник, и выясним, имеются ли хоть какие-нибудь признаки Райделла или его армии на территории Заземелья. Проведем тщательный осмотр. Я не хочу зря пугать население, сообщая о нависшей опасности, до тех пор, пока не выясним, что она реальна. Но и особого вреда не будет, если на несколько дней усилить пограничную охрану.

— Не повредит и усилить охрану здесь, — прорычал Абернети, гордо выпрямившись. — В конечном счете угроза была именно нам.

Бен не возражал. Поскольку никаких других предложений больше не последовало, все встали из-за стола и приступили к повседневным обязанностям, большинство из которых были внесены в еженедельный план работы и не имели никакого отношения к Райделлу и его угрозам. Бен спокойно приступил к своим делам, однако дурные предчувствия, связанные с королем Марнхулла, так его и не покинули.

Когда у него появилась свободная минутка, Бен поднялся на самую высокую башню замка в маленькую круглую комнату, где стена доходила лишь до середины, чтобы оглядывать страну. На уровне груди вдоль стены шли поручни, предохраняя от падения, а

в середине уходил в облака серебряный аналой, весь испещренный рунами. Это и было Землевидение. Бен закрыл дверь в комнату и запер ее на ключ, достал из ящика свернутую карту Заземелья и направился к аналою. Расстелив карту на его поверхности, он прикрепил ее кнопками.

Затем встал прямо напротив аналоя, ухватился за поручень и сосредоточил свое внимание на карте. Под руками началась слабая вибрация. Бен сосредоточился на Озерном крае, поскольку именно оттуда намеревался начать просмотр.

Мгновение спустя стены башни исчезли и он уже летел над Заземельем, держась только за поручень. Но это была лишь иллюзия. На самом деле он по-прежнему стоял в башне замка, и лишь его разум облетал Заземелье. Но иллюзия, созданная магией Землевидения, была весьма реалистичной. Он летел над Озерным краем, его лесами, реками, озерами, болотами, отчетливо видел все детали ландшафта, глаза его приобрели орлиную зоркость. Поиск ничего не дал. Никаких признаков Райделла или его компаньона в балахоне. Никаких признаков армии. На границе волшебных туманов все спокойно.

В полдень Бен все еще размышлял на эту тему, когда Ивица отозвала его в сторону. Они прошли в личный королевский сад, в который выходили апартаменты нижнего этажа, оставленные Ивицей за собой и Мистаей. Девочки в саду не было. Она обедала на кухне вместе с Сельдереем.

— Я хочу отослать отсюда Мистаю, — безо всякого вступления заявила Ивица, глядя в упор на мужа. — Завтра же.

Бен некоторое время молча смотрел на жену.

— Твой вещий сон?

Она кивнула:

— Предупреждение было слишком явным, чтобы игнорировать его. Возможно, оно предвещало визит Райделла. А может быть, и нет. Но я буду чувствовать себя гораздо спокойнее, если Мистая некоторое время побудет где-нибудь в другом месте. Вполне возможно, что нам самим окажется довольно трудно защититься.

Они дошли до зарослей рододендронов и остановились. Бен вдохнул нежный аромат. Ему припомнились слова Райделла о возможном вреде тем, кто ему, Бену, дорог. А Райделл успел увидеть стоявшую на стене Мистаю.

Скрестив руки на груди, Бен устремил взгляд куда-то вдаль.

— Скорее всего ты права. Но куда мы можем ее отослать, где будет безопаснее, чем за стенами замка?

Ивица коснулась его руки:

— К моему отцу. К Владыке Озерного края. Я помню, насколько сложно с ним бывало временами, как он иногда был настроен против нас. Я не защищаю его. Но он любит свою внучку и проследит, чтобы о ней хорошенько заботились. Он защитит ее лучше, чем мы. Никто не может без приглашения прийти в страну эльфов. Их магия, хоть ее сила и уменьшилась с тех пор, как они перестали жить среди туманов, все еще очень могущественна. Мистая будет в безопасности.

Безусловно, она права. Владыка Озерного края и его подданные обладают серьезной магией, и его владения надежно защищены от нежелательных пришельцев. Найти туда дорогу, не имея проводника, совершенно невозможно, а найти путь оттуда еще сложнее. Но Бен все еще сомневался. Владыка не был особенно близок со своей дочерью, и хоть он и обрадовался рождению внучки и даже приехал в Заземелье, чтобы увидеть ее, все же оставался таким же отчужденным и независимым, каким был всегда. Он весьма неохотно признал Бена королем Заземелья и вовсе не был убежден, что монархия имеет какое-то значение в жизни эльфов. Он не единожды игнорировал Бена и даже не старался скрыть свои амбиции и желание расширить свои владения.

Однако Бен был обеспокоен не меньше Ивицы тем, что, возможно, в замке Чистейшего Серебра Мистае оставаться небезопасно. Он размышлял на эту тему с того самого момента, как заставил дочку уйти вниз со стены. Если вещий сон Ивицы верен — а нет никаких поводов полагать, что это не так, — то наличествовала реальная опасность, потому что малейшая угроза для семьи не оставляла Бена равнодушным. Имело прямой смысл отправить Мистаю прочь из замка, а во всем Заземелье не найти более безопасного места, чем Озерный край.

— Хорошо, — согласился он. — Ты поедешь с ней?

Ивица медленно покачала головой:

— Нет, Бен. Моя жизнь только с тобой. Я останусь здесь. Если смогу, то помогу защитить тебя. Может быть, мне придет другой вещий сон.

— Ивица, — начал было он.

— Нет, Бен. И не проси. Я покидала тебя против воли и каждый раз при этом чуть было не теряла тебя. На этот раз я тебя не оставлю. Мой отец хорошо позаботится о Мистае. — В глазах жены Бен прочел, что вопрос никакому обсуждению не подлежит. — Отправь с ней кого-нибудь другого, кто обеспечит ее безопасную поездку к деду. Пошли с ней советника или Абернети.

Бен сжал ее ладонь:

— Я сделаю еще лучше — отправлю их обоих. Советник присмотрит за Мистаей, а Абернети не даст ему баловаться с магией. А в охрану дам эскорт из королевских гвардейцев. — Ивица молча прижалась к его груди, и Бен сжал ее в объятиях. Так они и стояли, обнявшись в лучах полуденного солнца. — Но должен тебе сказать, мне совсем не нравится то, что мы отсылаем ее от себя, — пробормотал наконец Бен.

— Мне тоже, — прошептала в ответ Ивица. Он чувствовал, как колотится ее сердце. — Я переговорила с Мистаей. Спросила, зачем она пришла на стену и смотрела на Райделла. — Тут она немного помолчала и добавила: — Мистая сказала, что знает его.

Бен мгновенно напрягся:

— Знает!

— Я спросила — откуда, но она не смогла вразумительно ответить. — Ивица покачала головой. — Думаю, она понимает не больше, чем мы.

Они еще некоторое время постояли, прижавшись друг к другу, наслаждаясь цветочным ароматом, слушая стрекот насекомых и пение птиц в вышине. Какая-то связь между Мистаей и Райделлом? Бен почувствовал, как в желудке образовался холодный комок.

— Мы отправим ее с первыми лучами солнца, — прошептал он и почувствовал, как Ивица в ответ крепче обвила его руками.

ГЛАВА 3

СТОЙСВИСТ

В тот же вечер родители сообщили Мистае, что решили отправить ее погостить к деду в Озерный край и уедет она завтра утром. Со свойственной ей прямотой девочка поинтересовалась, не случилось ли чего, на что ей ответили, что вовсе нет. Но по тому, как это было сказано, Мистая безошибочно поняла, что что-то стряслось.

Однако она достаточно хорошо знала, что собой представляют родители, чтобы не спорить и не задавать лишних вопросов, хоть и была совершенно убеждена — их решение связано с тем человеком, который утром приезжал к замку. Девочка отложила выяснение на потом, когда представится возможность поговорить с кем-нибудь из родителей отдельно. Скорее всего с матерью, потому что мать

более открыта с ней, чем отец. Не то чтобы он хотел ее огорчить, просто он упорно продолжал считать ее ребенком и старался защитить от того, что полагал жестокой реальностью жизни. Весьма раздражающая привычка, но Мистая старалась воспринимать ее с максимумом терпения. Отец и так с трудом понимал ее, гораздо хуже, чем мать. Он подходил к ней с мерками, о которых девочка и представления не имела, мерками, которые принес из своего старого мира, называемого Землей, где о магии, почитай, и слыхом не слыхивали, а эльфов представляли мифическими существами. Конечно, он очень любит дочку и готов сделать для нее все, что в его силах. Но в жизни любовь и понимание не всегда идут рука об руку. Именно так и было в ее взаимоотношениях с отцом.

И отец был не единственный, кто оставался в недоумении. Большинство обитателей замка считали ее странной по той или иной причине. Мистая понимала это чуть ли не с самого начала, но ее это не очень беспокоило. Мать в ней души не чаяла, а отец, хоть и не понимал толком, всячески поддерживал. Абернети позволял ей вытворять с собой такое, за что любой другой ребенок был бы немедленно отправлен к себе в комнату поразмышлять о своем поведении. Сельдерей с Сапожком и сами были необычными созданиями — зубы, когти, длинные уши и взъерошенная шерсть. Они разговаривали между собой на своем таинственном языке, который, как они полагали, Мистая не понимает. А она, конечно же, прекрасно их понимала.

Но самый лучший из всех — советник Тьюс. Она любила старика так, как ребенок любит любимого дедушку, тетю или дядю. Их связывали какие-то таинственные узы, будто оба они родились с одинаковыми взглядами на жизнь. Советник никогда не разговаривал с ней снисходительным тоном. Никогда не смеялся над ее вопросами или мнением, всегда выслушивал ее и немедленно давал ответ. Он был рассеянным и немного ворчал, когда показывал ей кусочки магии, но это делало его лишь еще симпатичней. Мистая чувствовала, что советник действительно считает ее необычной личностью — личностью, а не ребенком — и уверен, что она может все. О, конечно, он то и дело поправлял ее, но с таким тактом, что обижаться на него было невозможно. Мистая даже была тронута его заботой. У него не было безрассудной любви ее матери или железной решительности отца, да и скорее всего их безоговорочной преданности ей — тоже, но он с лихвой компенсировал это своей дружбой, той ее разновидностью, которая так редко встречается в жизни.

Мистая обрадовалась, узнав, что советник будет сопровождать ее во время путешествия на юг. Конечно, компании Абернети она

тоже была рада, но все же присутствие советника ее обрадовало больше. Да и само путешествие обещало быть весьма захватывающим. Она не покидала замка с самых тех пор, когда отец брал ее с собой; она тогда только-только научилась ходить в однодневные походы. Пикники и прогулки верхом не в счет. А это — настоящее приключение, путешествие в земли, где она никогда не была прежде. Ей предстоит сделать массу открытий, и с ней будет советник, с которым можно разделить радость познания. Путешествие обещает быть весьма захватывающим.

Размышляя на эту тему, Мистая вынуждена была признать, что привлекательность поездки отчасти вызвана возможностью расстаться на время с родителями. Когда они рядом, за ней особенно тщательно присматривают и запретов больше. Не делай то, не трогай это. Держись поближе. Держись подальше. А уроки, которые они ей давали, казались бесконечными и по большей части совершенно излишними для того, что ей действительно было нужно. Только когда девочка оставалась наедине с Тьюсом, она чувствовала, как расширяются горизонты и открываются огромные возможности. Главным образом ее энтузиазм был вызван тем, что волшебник пользовался магией, по-настоящему важным и захватывающим полем исследования. Мистая любила наблюдать за тем, что умел делать Тьюс при помощи заклинаний и чар, даже когда он творил их с ошибками. Она думала, что в один прекрасный день сможет научиться владеть магией, как он. В этом Мистая была совершенно убеждена.

Втихомолку она попробовала пару-тройку заклинаний и выяснила, что у нее почти что получается.

Конечно, она никому об этом не сказала. Все, включая и советника Тьюса, твердили ей, что использование магии очень опасно. Все талдычили, чтобы она и думать не могла о том, чтобы начать пробовать себя в волшебстве. Мистая каждый раз давала клятвенные обещания, но держалась своей точки зрения.

В отличие от всех остальных она понимала, что магия является неотъемлемой частью ее жизни. Мать давно уже рассказала Мистае о ее происхождении. Дочь человека и сильфиды, дитя трех миров, рожденное на трех почвах. Она родилась в ведьмином логове, провале, именуемом Бездонной Пропастью, обиталище Ночной Мглы. Магия была у девочки в крови. Именно поэтому она в отличие от обычных детей достигла десятилетнего возраста за два года. Именно поэтому она росла рывками. Как она растет, Мистая и сама до конца не понимала, но все же ей это было понятней, чем родителям. Сначала всегда рос ее интеллект, затем эмоции и тело. Она

никогда не могла ни предсказать, ни управлять этим процессом, но всегда понимала, когда он начинался.

Она также была совершенно уверена, что быть ребенком — не очень желательно, что в принципе это всего лишь неизбежная ступень для того, чтобы стать взрослой. А стать взрослой она хотела больше всего на свете. Дети стоят лишь на ступеньку выше домашних животных. О них заботятся, их регулярно кормят, часто отсылают прочь поиграть, и больше им практически ничего не разрешают. Взрослые могут делать все, что им заблагорассудится, при условии если согласны отвечать за последствия. Мистая разобралась в динамике развития с самого начала, и ей не терпелось пройти поскорее промежуточную стадию и попытаться сделать что-нибудь стоящее. Она тяготилась ограничениями, наложенными на нее родителями и собственным, еще детским, телом, не имея возможности управлять ни тем, ни другим. И поездка к дедушке была для нее отдушиной.

Поэтому она покладисто согласилась с решением родителей, втайне радуясь обломившемуся счастью, и начала строить свои собственные планы. Поскольку время пребывания у деда вроде бы пока что не ограничивалось, можно было предположить, что она пробудет там не меньше нескольких недель. Что очень устраивало Мистаю. Провести всю весну, а может, и все лето у эльфов — весьма радужная перспектива. Она хорошо относилась к деду, хоть и видела его всего один раз. Он приезжал в замок, чтобы посмотреть на нее, когда она была еще совсем крошкой, всего нескольких месяцев от роду. Владыка Озерного края был высоким, крепким и сильным мужчиной, с серебристой чешуйчатой кожей и густыми темными волосами, ниспадавшими на грудь. Сдержанный и холодный на вид, как бы не желающий знакомиться с ней поближе, с подозрением относившийся к тому, кем и чем она могла быть. Но девочка на это не купилась. Не обращая внимания на его отчужденность, она направилась прямиком к нему и сказала:

— Привет, дедушка. Я очень рада тебя видеть. Надеюсь, мы станем друзьями.

Бесстрашие и напористость сделали свое дело. Дед немедленно потеплел, на него произвело огромное впечатление, что такой маленький ребенок так доброжелателен. Ему понравилось, что она хочет с ним подружиться. Дед взял ее на прогулку, все время с ней разговаривал, а в конечном итоге пригласил в гости. Владыка Озерного края пробыл в замке всего один день и уехал. Мать объяснила, что он не любит спать в закрытом помещении, а замок в особенности действует ему на нервы. Она также сказала, что он речное со-

здание и редко выбирается далеко от дома. И то, что он приехал посмотреть на нее, — большая честь. Мистая, очень довольная, поинтересовалась, когда она сможет поехать в гости к дедушке, но вопрос остался без ответа и так и повис в воздухе. С тех пор она ни разу не видела деда. Будет интересно узнать, как он воспримет ее теперь.

После ужина Мистая начала готовиться к отъезду, и ей так и не представилась возможность поговорить ни с матерью, ни с отцом о человеке у ворот. Ночь она провела беспокойно и проснулась еще до рассвета. Распрощавшись с родителями, Мистая на заре отбыла из замка вместе со своим эскортом: советником Тьюсом, Абернети и дюжиной королевских гвардейцев. Девочка ехала на своем любимом пони, Быстроножке, и наблюдала, как солнце постепенно освещает луг, холмы и лес. Шестеро охранников ехали впереди нее, шестеро — сзади. Советник ехал рядом с ней верхом на старой кляче, совершенно непонятно почему именуемой Филином. Абернети, который терпеть не мог лошадей, предпочел путешествовать в карете, загруженной вещами девочки. Правил каретой кучер, постоянно подгонявший коней. Вся кавалькада двигалась на юг.

Дождавшись момента, когда замок Чистейшего Серебра исчез из виду, Мистая подъехала поближе к советнику и спросила:

— Тьюс, а кто был этот человек у ворот? Которому отец не хотел меня показывать?

Советник фыркнул:

— Некий смутьян по имени Райделл. Заявил, что он король какой-то страны Марнхулл, о которой никто из нас отродясь не слышал. Сказал, что она лежит по ту сторону волшебных туманов, но это в высшей степени сомнительно.

— Это из-за него меня отправили к деду?

— Да.

— Почему?

Волшебник пожал плечами:

— Возможно, он опаснее, чем кажется. Он угрожал кое-чем.

— Чем именно?

Лохматые седые брови чародея сошлись на переносице.

— Трудно сказать. Угрозы были довольно туманные. Райделл хочет, чтобы твой отец уступил ему корону и трон. Полная чушь. Но он сказал, что, возможно, для всех будет полезней, если дать ему то, что он требует. Твой отец пытается прояснить ситуацию.

Мистая некоторое время молча размышляла.

— А кто был тот, второй, в черном балахоне?

— Не знаю.

— Волшебник?

Советник удивленно посмотрел на нее:

— Да, возможно. Там была магия. Ты ее тоже почувствовала?

Девочка кивнула:

— По-моему, я одного из них знаю.

Удивление советника переросло в полное изумление.

— Знаешь?! Откуда?!

Мистая нахмурилась:

— Сама не знаю. Я просто ощутила это, когда стояла на стене. — Она помолчала. — Сначала я подумала, что это тот здоровенный мужчина, Райделл. Но теперь не уверена. Возможно, это второй. — Она пожала плечами, утратив интерес к теме. — Советник, мы увидим по дороге водяных?..

Они ехали весь день, останавливаясь несколько раз лишь для того, чтобы дать передохнуть лошадям и один раз перекусить, и на закате уже были в южном конце Иррилина. Здесь они расположились на ночлег. Мистая немного поплавала в теплом озере, половила вместе с Абернети и двумя гвардейцами рыбу на ужин. За короткий промежуток времени они поймали довольно много рыбы и Мистая пожаловалась писцу, что это слишком просто. Гвардейцы потащили улов в лагерь, чтобы почистить и приготовить, а девочка с Абернети осталась сидеть на берегу, созерцая, как багряное солнце тонет в серебристой воде.

— Думаешь, отцу с матерью грозит опасность, Абернети? — спросила девочка, когда они остались одни. При этом ее личико и голос были невероятно строгими.

Абернети некоторое время поразмышлял, затем помотал лохматой головой:

— Нет, Мистая, не думаю. А если и так, то им это не впервой. Когда ты король или королева, опасность существует всегда. Вообще-то говоря, опасность вообще существует всегда, если ты обладаешь хоть какой-то властью. Но твои родители очень могущественные люди и пережили многое. На твоем месте я бы не стал за них беспокоиться.

Девочке понравился такой ответ, и она довольно кивнула:

— Хорошо, не буду. А вы с советником останетесь со мной, когда мы приедем в Вечную Зелень?

— Только на день или два. А потом нам надо будет возвращаться. Мы нужны твоему отцу и не можем отсутствовать долго.

— Да, конечно, — охотно согласилась Мистая, в глубине души довольная, что останется одна. Дед тоже владел магией. Интересно,

сумеет ли она уговорить его научить чародейству? Может, он позволит ей немного поэкспериментировать?

Какая-то тень выскочила из-за деревьев и исчезла в кустах, растущих вдоль озера. Мистая и Абернети сидели на камнях, возвышавшихся над кустарником, и могли видеть всякого, кто попытался бы приблизиться. И промелькнувшее существо не ускользнуло от их внимания.

— Водяной? — затаив дыхание прошептала Мистая.

Абернети покачал головой:

— Какая-то тварь, не очень старая и не очень умная, судя по неосторожности.

Девочка подтолкнула писца локтем:

— Облай его, Абернети, а? Как следует!

— Мистая...

— Ну что тебе стоит? Пожалуйста! Я не буду трепать тебя за уши весь оставшийся путь.

Пес вздохнул:

— Душевно тебе признателен.

— Гавкнешь? — настаивала она. — Один разок! Я хочу увидеть, как он подпрыгнет.

— Хм-м, — поиграл челюстями Абернети.

А затем гавкнул. Короткий резкий звук разорвал сумеречную тишину. Тварь выскочила из кустов, как камень, выпущенный из пращи, и с невероятной скоростью исчезла в лесу.

Мистая была в восторге.

— Великолепно! Так весело! Я очень люблю, когда ты так делаешь, Абернети! Меня это очень смешит!

Девочка крепко обняла песика и слегка потрепала за уши.

— Ты меня смешишь, лохмушка.

— Хм-м, — снова проскрипел Абернети. Но он был явно доволен.

Рыба была приготовлена отлично, ужин удался на славу. Все члены маленького каравана ужинали вместе и с едой покончили очень быстро. Гораздо лучше любого пикника, пришла к выводу Мистая. Несмотря на явное неудовольствие Абернети, она засиделась допоздна, слушая разные истории, рассказываемые королевскими гвардейцами, и, когда наконец добралась до постели, отказавшись от специально взятой для нее перины (ведь гвардейцы не спят на перине, верно?), моментально заснула.

Сама не зная почему, Мистая проснулась, когда было еще темно. Все спали. Большинство, особенно советник Тьюс, громко храпели. Моргнув, девочка села и огляделась по сторонам.

В нескольких метрах светилась пара чьих-то горящих в свете костра желтым огнем глаз, устремленных прямо на нее. Мистая, ни капельки не испугавшись, прищурилась. На нее смотрел болотный щенок. Она никогда их прежде не видела, но как они выглядят, знала по урокам Абернети, который рассказывал о различных обитателях Заземелья. Мистая немного подождала, пока глаза привыкнут к темноте, чтобы разглядеть получше. Болотный щенок терпеливо ждал. Когда глаза пообвыкли, Мистая обнаружила забавное существо с длинным телом коричневого цвета различных оттенков, короткими паучьими лапками, мордочкой грызуна, длинными собачьими ушами и гибким, как у ящерицы, хвостом. И вправду болотный щенок, подумала девочка.

Она прищелкнула языком. Щенок моргнул.

Тут она вспомнила, что болотные щенки — волшебные существа. Встречаются крайне редко, и никогда за пределами Озерного края.

— Ты очень славный, — прошептала она.

Болотный щенок вильнул хвостом. Затем чуть отошел в сторону и, остановившись, выжидательно посмотрел на девочку. Мистая вылезла из-под одеяла и встала. Болотный щенок снова двинулся вперед. Совершенно ясно, чего он хочет, подумала Мистая. Приключения! Вот повезло! Натянув сапожки, она тихо выскользнула из лагеря следом за новым приятелем. Болотный щенок бежал впереди, но тщательно следил, чтобы девочка не отставала.

Мистая слишком поздно спохватилась — с каждой стороны лагерь охраняют часовые — и едва не налетела на одного из них. Но часовой ее, казалось, не видел. Он всматривался в темноту, не замечая присутствия девочки. Болотный щенок, а следом за ним и Мистая спокойно прошли мимо.

«Волшебство!» — с восторгом подумала девочка.

Болотный щенок уводил ее в сторону от Иррилина, в глубину леса. Они шли довольно долго, пробираясь сквозь чащу и кустарники, пересекая ручьи и овраги, взбираясь на холмы. Стояла тихая теплая ночь, воздух был насыщен запахом хвои и жасмина. Трещали сверчки, в траве шуршали мелкие грызуны. Мистае все было интересно, она прислушивалась к звукам, не упуская ничего. Девочка не имела ни малейшего представления, куда идет, но совершенно не боялась заблудиться. Она думала, что болотный щенок приведет ее к кому-то, и надеялась, что этот кто-то — существо, владеющее магией.

Наконец они вышли на поляну. Яркая луна отражалась в небольшом озере, в которое впадал какой-то ручей. Вода была гладкой, как зеркало. Болотный щенок подошел к озеру и сел. Мистая пристроилась рядом.

Ждать пришлось недолго. Почти сразу же вода забурлила, раздалась и что-то поднялось на поверхность. Это оказалась женщина, темное тело которой, скользкое и гладкое, было из ила. Она возвышалась над Мистаей, как скала, будучи намного выше любой женщины, которых девочке доводилось видеть прежде. Женщина стояла на водной глади, будто у нее под ногами твердая почва, ее глаза смотрели прямо на Мистаю.

— Привет, Мистая, — поздоровалась она мягким глубоким голосом, напоминавшим о холодных тенях и шепоте болот.

— Привет, — отозвалась девочка.

— Я Мать-Земля, — сказала женщина. — Подруга твоей матери. Может, она рассказывала обо мне?

Мистая кивнула:

— Ты была ее лучшей подругой, когда мать была маленькой. Ты сказала ей о моем отце еще до того, как он пришел в Заземелье. Помогаешь заботиться о земле и обо всех, кто на ней живет. Ты владеешь магией.

Мать-Земля мягко рассмеялась:

— Чуть-чуть. А в основном я занимаюсь тяжелым трудом. Так, значит, тебе нравится магия?

— Да, очень. Но мне никто не разрешает к ней прибегать.

— Потому что это опасно для тебя.

— Да.

— Но ты этому не веришь?

Мистая заколебалась:

— Не то чтобы не верю... Скорее просто не понимаю, как я смогу научиться защищаться от нее, если не умею сама ею пользоваться.

Глаза женщины сверкали, как серебряные блюдца.

— Хороший ответ. Незнание не защищает, а знание защищает. А известно ли тебе, Мистая, что я помогла твоей матери подготовиться к твоему рождению? Я велела ей собрать почвы, на которых ты родилась. И сделала это, потому что мне известно о тебе кое-что такое, чего не знает твоя мать. Я знала, что магия будет очень важным элементом в твоей жизни и что ты не сможешь защититься от нее, если ее элементы не станут составной частью твоего тела. Тебе требовалась земля из волшебных туманов, как и земля из страны твоего отца и твоей матери.

— А я волшебное создание? — быстро спросила Мистая.

Мать-Земля помотала головой.

— Не так легко определить, кто ты есть, дитя мое, — ответила она. — Ты не просто то или другое, ты смесь всего. Ты очень осо-

бенная. Нет больше никого, подобного тебе, во всем Заземелье. Что ты думаешь по этому поводу?

Мистая задумалась:

— Думаю, мне придется к этому привыкнуть.

— Это будет не так-то просто, — продолжила Мать-Земля. — Тебе придется преодолеть немало трудностей. Возможно, ты думаешь, что расти тяжело, но станет еще тяжелей. Тебе предстоит усвоить трудные уроки. Есть вещи, которые могут уничтожить тебя, если ты не будешь осторожна. Опыт — неизменный учитель всех детей, когда они взрослеют. Тебе предстоит много открытий, разочарований и радостей, взлетов и падений. Задача у тебя непростая — надо найти равновесие и выжить, чтобы обратить знания в мудрость. Тебе будет вдвойне тяжело, Мистая, потому что тебе предстоит усвоить уроки трех миров и придется быть особенно внимательной и осторожной.

— Я не боюсь, — храбро заявила Мистая.

— Да, это так.

Мистая задумчиво нахмурилась:

— Мать-Земля, ты можешь сказать, что мне предстоит? Можешь увидеть будущее?

Глаза Матери-Земли медленно закрылись и снова раскрылись.

— О, дитя мое, как бы мне этого хотелось! Насколько легко тогда было бы жить. Но я не могу. Я предвижу лишь вероятность. Будущее может быть таким или этаким. Как правило, совокупностью разных вещей. Я вижу отблески темных облаков и радуги в жизни тех, кто живет на моей земле, иногда могу предсказать или повлиять на грядущее. Будущее никогда не бывает постоянным, Мистая. Для каждого из нас это чистый лист, на котором мы должны изобразить нашу жизнь.

— Мать с отцом считают, что нам грозит опасность, — сказала девочка. — Это правда?

— Правда, — ответила Мать-Земля. — Одно из темных облаков, о которых я говорила, идет к тебе. Это проверка твоей решимости и вызов твоему предначертанию. Очень черное облако, кстати сказать, и ты должна помнить об этом. Именно поэтому я и позвала тебя сегодня ночью.

— Чтобы предупредить?

— Не только, Мистая. Тебя уже предупредили, так что моего предупреждения тебе не требуется. — Мать-Земля указала рукой. — Болотного щенка, который привел тебя сюда, зовут Стойсвист. Он давно и преданно служит мне. Твоя мать, будучи ребенком, знала его. Стойсвист — волшебное создание, когда-то давно он пришел из туманов, чтобы стать моим компаньоном. Болотные щенки мо-

гут жить как в волшебных туманах, так и за их пределами и служат только тем, кого выберут сами. Они независимы в своем выборе, но безоговорочно преданы тому, кого выберут. Они владеют очень сильной магией. Это доброе волшебство, магия исцеления. Она противостоит магии, которую используют для того, чтобы навредить или уничтожить кого-то. Конечно, полностью она защитить не может, но уменьшает воздействие, так что последствия не так ужасны. Стойсвист своей магией защищает того, кому служит, а иногда и друзей своего хозяина.

Мистая поглядела на Стойсвиста, смотревшего на нее огромными мудрыми глазами.

— Он кажется очень славным, — сказала она.

— Отныне он твой, — ласково произнесла Мать-Земля. — Я отдаю его тебе на то время, пока ты не станешь взрослой. Пока ты растешь, Стойсвист будет твоим другом и защитником. Он сможет уберечь от зла, которое несет тебе темное облако. — Рука Матери-Земли мелькнула в лунном свете. — Но помни, Мистая, Стойсвист не сможет защитить тебя от всего на свете. Никто не сможет. Если против тебя воспользуются черной магией, он станет твоим щитом. Но если твоя собственная магия черная, он ничем не сможет помочь. Тебе самой придется отвечать за то, что ты решишь сделать из своей жизни. Ответственность за твои поступки и решения лежит только на тебе. Ты будешь совершать ошибки и делать глупости, и Стойсвист не сможет помешать тебе. Это те самые уроки взросления, которые тебе придется усваивать самой.

Брови девочки сдвинулись, губы вытянулись в ниточку.

— Я не стану делать ошибки или глупости, если это будет зависеть от меня, — твердо заявила она. — Я буду очень осторожна в выборе, Мать-Земля. Обещаю.

Глаза женщины внезапно наполнились печалью.

— Ты сделаешь все от тебя зависящее, дитя. Не рассчитывай на большее.

Мистая задумалась.

— А я владею магией, которая мне поможет? — вдруг спросила она. — Собственной магией?

— Да, Мистая, владеешь. И конечно, она поможет тебе. Но она может и навредить. Ты подвергнешься определенному риску, если решишь прибегнуть к ней.

— Но я даже не знаю, что она собой являет. Как же я могу ею воспользоваться? И как она может мне навредить?

— Когда придет время, ты все узнаешь.

Мистая неторопливо вздохнула:

— Теперь ты говоришь, как отец.

— Тебе пора возвращаться, — сказала Мать-Земля, проигнорировав реплику. — Но прежде, чем уйдешь, я расскажу тебе, что нужно знать о Стойсвисте. Он всегда будет с тобой, но ты не всегда сможешь его видеть. Он будет присматривать за тобой так, как лучше в той или иной ситуации, так что не расстраивайся, если иногда не сможешь его найти. И ты никогда не должна пытаться коснуться его. Болотных щенков нельзя трогать. Помни об этом. Стойсвиста не нужно поить и кормить. Он сам о себе позаботится. Но хотя бы раз в день ты должна звать его по имени. В какой угодно форме, но ты должна произнести его имя. Если ты этого не сделаешь, то рискуешь его потерять. Если он не будет чувствовать себя нужным, он уйдет от тебя и вернется ко мне. Ты все поняла?

Мистая твердо кивнула:

— Да, Мать-Земля. Я буду хорошо заботиться о Стойсвисте. — Тут она спохватилась: — Мать-Земля, я еду в гости к деду в Озерный край. Что, если он не разрешит Стойсвисту жить у него в доме? Он очень жесткий человек и весьма щепетилен в ряде вопросов.

— Не волнуйся, дитя мое, — заверила девочку Мать-Земля. — Болотные щенки — волшебные существа. Они приходят и уходят по своему желанию. Им нельзя помешать прийти туда, куда они хотят, разве что прибегнуть к сильной магии. Стойсвист будет с тобой, куда бы ты ни пошла.

Мистая посмотрела на болотного щенка и мило улыбнулась:

— Благодарю тебя, Мать-Земля. Благодарю тебя за Стойсвиста. Я его уже люблю.

— До свидания, Мистая. — Мать-Земля начала быстро уходить в глубину озера. — Помни мои слова, дитя.

— Буду помнить, — пообещала Мистая. — До свидания! — Спохватившись, девочка воскликнула: — Подожди! Когда я снова тебя увижу?

Но Мать-Земля уже исчезла, растворилась в озере. Лишь на том месте, где она стояла, чуть колыхалась вода.

Мистае вдруг снова захотелось спать. Это было чудесное приключение, и она с нетерпением ждала следующего. Девочка зевнула, потягиваясь, и улыбнулась Стойсвисту.

— Ты тоже устал? — ласково спросила Мистая. Стойсвист уставился на нее. — Пошли спать, хорошо, малыш?

Стойсвист нерешительно вильнул хвостом. Он вовсе не был уверен, что это хорошая мысль.

Мистая уже тронулась с места, и болотный щенок послушно побежал следом. Они вместе шагали по лесу обратно в лагерь навстречу своей судьбе.

ГЛАВА 4

ЗАКЛИНАНИЕ

Красноглазая ворона, которая в человеческом обличье являлась не кем иным, как Ночной Мглой, сидела высоко на ветке огромного гикори и наблюдала за возвращающейся из ночного леса Мистаей. Девочка появилась внезапно, как тихая крадущаяся тень. Околдованные Матерью-Землей часовые не видели девочку и глядели как бы сквозь нее, когда она проходила мимо. Мистая быстро пробралась к своей постели, завернулась в одеяло, легла и закрыла глаза. Через считанные секунды она уже сладко спала.

Ворона внимательно оглядела поляну и ближайший лес. Никаких следов болотного щенка не видно. Прекрасно.

Появление Стойсвиста сильно огорчило Ночную Мглу, поскольку нарушало ее план. Она не предвидела его появления и по-прежнему так и не понимала, зачем он, собственно, приходил. Конечно, она знала, что он служит Матери-Земле, но это вовсе не объясняло, что привело его к девочке. Приказ Матери-Земли? Возможно. Точнее, так оно и есть. Скорее всего. Но почему Мать-Земля вызвала к себе девочку сегодня ночью? Неужели знает о намерениях ведьмы? Может быть, она каким-то образом предупредила ребенка? Вряд ли такое возможно. Точно так же, как Ночная Мгла не смогла пробиться сквозь магию Матери-Земли и выяснить, зачем та прислала болотного щенка, так и Мать-Земля не может проникнуть сквозь магию ведьмы и узнать о ее намерениях насчет девочки. Конечно, каждая из них могла почувствовать намерения другой, но не более того. Именно такой у них расклад. Так что любые попытки проследить за болотным щенком и за девочкой, чтобы выяснить, что нужно Матери-Земле, были бы мгновенно обнаружены. И конечно, стало бы известно о том, что Ночная Мгла находится в Озерном крае, и тогда бы все планы ведьмы пошли прахом.

Впрочем, девчонка вернулась одна, значит, Мать-Земля отпустила ее. Сам факт, что Мистая появилась одна, говорил о том, что ей ничего не известно о планах Ночной Мглы, так что волноваться особо не о чем. Не то чтобы ведьма Бездонной Пропасти вообще сильно беспокоилась. Если бы Мать-Земля и ее четвероногий посланец решили вмешаться, Ночная Мгла нашла бы способ заставить их сильно пожалеть об этом. Колдовство ведьмы было намного сильнее, чем магия Матери-Земли, так что Ночная Мгла быстренько заставила бы ее спасаться в поисках укрытия.

Красноглазая ворона довольно мигнула. Все идет как надо. Должно быть, Мать-Земля вызвала к себе девчонку, как старая подруга и защитница ее матери, чтобы познакомиться. А теперь девочка вернулась сюда, где ее терпеливо дожидалась Ночная Мгла, спокойно спит возле своих совершенно бесполезных защитников и даже не догадывается о том, что ее жизнь скоро круто изменится.

Ведьма была абсолютно уверена, что Холидей отошлет дочку из замка, как только Райделл начнет угрожать его семье. Ведьма совершенно точно предугадала, как поступит в этом случае король Заземелья. Вещий сон сильфиды — тот самый, который наслала ей сама Ночная Мгла, настолько мрачный и черный, насколько ведьме удалось, — послужил неплохим толчком для принятия подобного решения обеспокоенным папашей. А появление Райделла довершило дело. Что бы ни произошло в дальнейшем, Холидей и сильфида ни за что не стали бы рисковать своим обожаемым чадом. Ночная Мгла не знала, куда именно отошлют девчонку, хотя и предполагала, что скорее всего это будет Озерный край, но вообще-то это не имело особого значения. Куда бы Мистая ни поехала, ее все равно поджидала бы Ночная Мгла.

И вот время пришло.

Полагаясь не только на зрение, но и на инстинкт, красноглазая ворона вновь оглядела поляну и окружающий лес в поисках каких-нибудь подозрительных теней. Ничего. Красные глаза радостно полыхнули. Ночная Мгла была довольна. Теперь спящие люди и девчонка принадлежат ей.

Ворона взлетела с ветки, на мгновение поднялась ввысь, облетела поляну и медленно по спирали спустилась. Текли последние ночные часы, предвестники нового дня, когда сон особенно глубок и сладок. Тьма и тишина окутывали спящих. Никто, включая и животных, не услышал подлетавшую ворону. Она пролетела над ними неслышной и невидимой тенью. Ночная Мгла облетела всех дважды, но никто, даже часовые, вновь тщательно бдившие после того, как девочка благополучно вернулась в лагерь и чары Матери-Земли перестали действовать, не заметили ничего.

Ворона медленно пролетела над Мистаей, затем обратно, ее тень коснулась маленькой неподвижной фигурки, как нежная рука матери. И каждый раз из-под черных крыльев вороны на девочку сыпалась странная зеленая пыльца, сверкая и змеясь в серебристом лунном свете. Четырежды пролетела над ребенком ворона, и четырежды на девочку сыпалась пыльца. Мистая во сне вдохнула ее, улыбнулась и поуютней укуталась в одеяло. Постепенно сон ее становился все глубже и глубже, она все дальше и дальше уходила в

страну грез. Яркие видения манили ее, воплощая в себе самые яркие мечты, и Мистая уносилась прочь в их мягком свете.

Ворона снова взлетела вверх и укрылась в ветвях дерева. Теперь девочка будет спать, пока Ночная Мгла не разбудит ее. Мистая будет спать и не увидит того, что произойдет дальше.

Перепрыгивая с ветки на ветку, постепенно спускаясь, ворона доскакала почти до низа и тут превратилась в ведьму. Из вороха черных перьев возникла облаченная в черные же одежды Ночная Мгла, высокая и прекрасная, с холодной и поразительной красотой свежевыпавшего снега. Волосы цвета воронова крыла с белой прядкой были отброшены назад, на лице ледяная улыбка. Сконцентрировав вокруг себя свою магию, Ночная Мгла выступила из тени на залитую лунным светом поляну.

Во сне Мистая видела себя белой птичкой, летящей над красочной страной. Она вихрем проносилась над изумрудными лесами, ярко-желтыми полями, лакричными и шоколадными горами, малиновыми и фиолетовыми холмами, лазурными озерами, золотыми и серебряными реками. И повсюду цвели полевые цветы, сверкая по всей земле, как волшебная пыльца.

Рядом с ней летела черная птица, указывая путь и показывая простиравшиеся внизу чудеса. Она ничего не говорила, в словах не было необходимости. Ее мысли и чувства окутывали тело Мистаи. Она купалась в них, как в потоках ветра, взлетая на гребнях, качаясь на волнах. Это было чудесное ощущение, и оно рождало в девочке захватывающее чувство, будто весь мир у нее на кончике крыла.

Полет продолжался. Они пролетали над смотрящими на них снизу людьми. Люди выворачивали себе шеи и указывали пальцами вверх. Некоторые окликали ее и кланялись. Когда-то в другой жизни Мистая знала этих людей. Тогда она жила в другом теле. Когда-то они любили ее и заботились о ней, возможно, даже помогли выкормить ее, когда она была еще ребенком. Теперь они пытались вернуть ее, заставить спуститься, чтобы посадить в клетку. Они хотели лишить ее обретенной свободы. Не могли смириться с тем, что больше не властны над ее судьбой. В их голосах слышались гнев, разочарование и зависть. И Мистае вдруг очень захотелось улететь от них как можно дальше. И она пролетела над ними, не замедляя полета и ни разу не обернувшись. Она устремилась к своему будущему.

Летящая рядом черная птица оглянулась, и Мистая прочла одобрение в ее красных глазах.

Выйдя из тени деревьев, Ночная Мгла в первую очередь занялась часовыми, несущими охрану по обеим сторонам лагеря. Она

позволила им увидеть себя, высокую черную фигуру, исполненную смертельной угрозы. Когда солдаты, инстинктивно почувствовав исходящую от нее опасность, обратили против нее оружие, она простерла руки и с ладоней сорвались зеленые молнии, ударившие часовых прежде, чем те успели издать хоть звук. Когда зеленый огонь погас, на месте солдат лежали два камня, сверкающие и переливающиеся, как антрацит.

Ведьма из Бездонной Пропасти продвинулась еще на несколько шагов. Взмахнув рукой, она обратила в пепел веревки, которыми были привязаны животные, и лошади, включая Быстроножку и Филина, помчались прочь. Ночная Мгла небрежно махнула в сторону почти погасшего костра, и он взметнулся ввысь к самому небу, как некий волшебный фонтан, бьющий из земли. Мгновение спустя загорелась и карета.

Проснулись остальные гвардейцы и, щурясь на ярком свете, пытались на ощупь найти оружие. Их медлительность вызывала лишь жалость. Ночная Мгла превратила пятерых в камень, прежде чем они успели хоть что-то сообразить. Остальные были попроворнее, кое-кто даже успел вскочить и броситься на нее. Но она — черный «ангел» разрушения — метнула в них молнии, и солдаты упали. В считанные секунды не осталось ни одного.

Теперь на поляне находились только Ночная Мгла, спящая девочка и изумленные и ошарашенные советник Тьюс с Абернети. Эти двое стояли, защищая собой Мистаю. Все произошло настолько быстро, что они едва успели вскочить и подбежать к девочке. Советник Тьюс пытался сотворить какие-то защитные чары, его сухие, сморщенные руки делали пассы в свете разгоревшегося костра. Ночная Мгла разрушила заклинание, прежде чем оно успело вступить в силу, затем вышла вперед и встала на свету. Отбросив капюшон, ведьма взглянула на противников.

— Не стоит беспокоиться, советник Тьюс, — пресекла она повторную попытку чародея. — На сей раз не спасет вас никакая магия.

Старик уставился на нее, трясясь от гнева и возмущения.

— Что ты натворила, Ночная Мгла?! — громким шепотом воскликнул он.

— Натворила?! — возмущенно и с визгом переспросила ведьма. — Ничего такого, чего не собиралась, чародей. Ничего, кроме того, что планировала в течение двух долгих лет. Теперь ты начинаешь понимать, насколько все безнадежно для тебя? — Абернети медленно отодвигался в сторону, намереваясь найти какое-нибудь оружие, которое можно было бы использовать против ведьмы. Ночная Мгла шевельнула рукой, и он замер. — Будет гораздо лучше, если ты останешься там,

гда стоял, писец. — Она улыбнулась, довольная исходящей от нее силой.

Советник Тьюс выпрямился, старясь держаться с чувством собственного достоинства.

— Ты зашла слишком далеко, Ночная Мгла, — храбро заявил он. — Его Величество этого не потерпит.

— Его Величество будет слишком занят, пытаясь сохранить собственную жизнь, я полагаю, — ответила Ночная Мгла. Ее улыбка стала еще шире. — О, чрезвычайно занят! Печально, что тебя не будет с ним рядом, чтобы помочь. Вас обоих не будет.

До советника Тьюса начало доходить истинное положение вещей.

— Ты ведь пришла за девочкой, верно? За Мистаей? И не вздумай отнекиваться!

— Она принадлежит мне! — заявила ведьма. — Она всегда была моей! Она родилась на моей земле, в моем убежище, с помощью моей магии! Ее должны были отдать мне еще тогда, но вмешались эльфы. Но на сей раз я заполучу ее. А когда я обработаю ее, она никогда больше не захочет покинуть меня.

Тишину нарушал лишь треск огня, как бы подтверждая слова ведьмы. Советник Тьюс и Абернети беспомощно стояли, не имея возможности бежать. Но они отказывались сдаваться.

— Холидей придет за ней! — упрямо повторил старец. — Даже если мы исчезнем!

Ночная Мгла расхохоталась:

— Ты меня плохо слушал, советник Тьюс. Сначала Холидею нужно разобраться с Райделлом, а уж Райделл постарается его уничтожить. Я об этом позаботилась и прослежу, чтоб так оно и было. Король Марнхулла — мое творение, и он станет оружием гибели Холидея. Это так же верно, как то, что солнце встает на востоке. Холидей будет сопротивляться своей судьбе, и мне доставит огромное наслаждение наблюдать за ним, но в конце концов он падет. Лишенный своего дитя, друзей, а позже и жены, он умрет в одиночестве и забвении. Ничто иное меня не удовлетворит. Ничто иное не компенсирует мне моих страданий.

— Райделл — твое творение? — в шоке прошептал чародей.

— Вообще все это — моя задумка: то, что происходит сейчас, и то, что произойдет потом. Я сделала целью своей жизни обратить этого короля в ничто, и разочарование мне не грозит.

Абернети шагнул вперед:

— Ночная Мгла, ты не можешь этого сделать. Отпусти Мистаю. Она ведь еще ребенок.

— Ребенок?! — Улыбка исчезла с лица ведьмы, будто ее стерли губкой. — Нет, писец, именно им-то она вовсе не является. Тут вы

все ошиблись. Вам следовало бы это знать. В ней я вижу себя. Вижу, чем я была. И вижу, чем она может стать. Я дам ей те знания, которые вы от нее скрываете. Обучу ее так, как следовало учить. Она ждет, когда ее внутренние демоны вырвутся на свободу, и я помогу ей освободить их. Она обладает детским воображением, и я им воспользуюсь. Пусть это будет вашей последней мыслью. Когда я закончу с ней, она станет в моих руках оружием, которое уничтожит шутейного короля! Холидей увидит ее всего лишь один раз, прижмет к себе, маленькую змею на груди, и в этот день испустит свой последний вздох!

Замолчав, она увидела безнадежность в их глазах и стала поджидать ответной реакции. Советник Тьюс уже пытался привлечь свою жалкую магию, его тощие скрюченные пальцы творили защитное заклинание. Она лишь улыбнулась бесполезной попытке.

Никто из них не видел, что на краю поляны появился Стойсвист и внимательно следил за происходящим, перебирая лапками и насторожив уши.

— Что ты собираешься с нами сделать? — спросил Абернети, украдкой оглянувшись на спящую Мистаю. Он не понимал, почему девочка так долго не просыпается.

— Да, Ночная Мгла, что? — присоединился Тьюс. Он пытался выиграть время, чтобы успеть довести заклинание до конца, не понимая, что уже давно опоздал. — Тоже превратишь нас в камни?

Ночная Мгла улыбнулась:

— Нет, чародей, когда дело имеешь с тобой, не стоит использовать что-то столь прозаическое. И с тобой тоже, писец. Вы долго служили для меня постоянным источником раздражения, но теперь вы вмешались в последний раз. Здесь вашей жизни пришел конец. Ни одного из вас никто больше никогда не увидит.

Наступило мгновение, когда, казалось, время застыло и слова ведьмы повисли в воздухе. Затем советник Тьюс выбросил вперед руку и магическая радуга полыхнула перед ним. Абернети мгновенно кинулся к Мистае и нагнулся, чтобы схватить девочку на руки. Ночная Мгла рассмеялась. Она вскинула руки, с ее ладоней сорвались зеленые молнии и полетели в советника с Абернети, готовые поглотить их и унести во тьму.

В те считанные секунды, пока разворачивались события, Стойсвист нагнул голову, тело его напряглось, шерсть на загривке встала дыбом, и с его напряженной фигурки слетело нечто похожее на замороженный лунный свет и полетело через поляну. За мгновение до того, как зеленые молнии Ночной Мглы, сметая на пути выставленный Тьюсом магический щит, коснулись советника и Абернети, замороженный лунный свет достиг их.

А затем молнии ведьмы поглотили чародея с писцом, и они исчезли. Не осталось ничего, кроме дыма и запаха чего-то горелого.

Ночная Мгла повернулась. Что это такое было? Этот странный свет, появившийся неизвестно откуда? Она внимательно обвела взглядом поляну, вгляделась в окружающий темный лес. Ничего. Ведьма посмотрела пристальней. Должно же здесь что-то все-таки быть, не так ли? Подняв руки, она послала колдовской свет в глубину леса в поисках спрятавшегося живого существа. Маленькие грызуны, насекомые, несколько гнездившихся на земле птиц. И больше никого.

Наконец она повернулась к Мистае, разочарованная в своих поисках. На поляне не осталось никого, кроме нее и спящей девочки. Королевских гвардейцев она обратила в камень, придворный волшебник и пес испарились, чтобы больше никогда не воскреснуть. Она могла спокойно продолжить воплощение в жизнь своих планов. И все же...

Раздраженно отбросив подозрения, ведьма подошла к спящей девочке и посмотрела на нее. «Как много мне предстоит с тобой сделать, малышка, — с удовлетворением подумала Ночная Мгла. — Сколько уроков предстоит тебе преподать, сколько секретов передать, сколько хитрости использовать. Слышишь ли ты мои мысли?»

Девочка во сне сладко потянулась под одеялом.

Да, спи, мысленно приказала ведьма из Бездонной Пропасти. Завтра для тебя начнется новая жизнь.

Наклонившись, она подняла ребенка на руки. Девочка оказалась легкой как пушинка. Ночная Мгла посмотрела на свое новое дитя и улыбнулась.

Затем превратила воздух вокруг себя в ледяной туман, и мгновение спустя поляна опустела.

ГЛАВА 5
ВЫЗОВ

Точно через три дня после своего первого появления Райделл вновь возник у ворот замка Чистейшего Серебра. На сей раз Бен Холидей уже поджидал его.

Бен ни на секунду не сомневался, что Райделл выполнит свое обещание. Только один вопрос оставался неясен: к какому способу

прибегнет король Марнхулла, чтобы убедить Бена принять свои чудовищные требования? Проснувшись еще до рассвета, Бен было подумал, не пробежаться ли ему для проветривания мозгов. С той поры, когда боксом у него осталась привычка регулярно тренироваться, совершать пробежки, заниматься с гантелями и колотить грушу. Изредка, правда, он боксировал с кем-нибудь из своих гвардейцев, но среди них не было достойных противников. А может, они предпочитали, чтобы король так считал. Поэтому, как правило, он тренировался в одиночестве. В это утро Бен тоже собрался было пробежаться, но передумал. Вместо этого он взобрался на стену замка вместе с Ивицей и Сапожком и оттуда наблюдал за восходом солнца, ждал появления Райделла.

Ночь была прохладной, и, когда темнота начала отступать на запад, а на востоке горизонт осветился первыми лучами солнца, Бен увидел, что ночью выплывший из-за деревьев туман покрыл простиравшийся перед замком луг. Туман лежал на влажной траве, как серое покрывало, — от деревьев до кромки воды. Когда солнце появилось из-за горизонта, туман начал медленно отползать назад, и там, где начинался шедший к замку мост, возник Райделл. Верхом на боевом коне, в полном рыцарском облачении, увешанный оружием. Его молчаливый, одетый в черный балахон с капюшоном спутник тихо сидел, сгорбившись на лошади. Оба выглядели точно так же, как в прошлый раз, будто и не уезжали вовсе.

Бен молча взирал на них со стены, поджидая, когда они приблизятся. Брошенная три дня назад Райделлом перчатка по-прежнему лежала на том же месте. Бен приказал ее убрать, но никто не смог выполнить приказа. Попросту ее не смогли поднять. Хотя бы пошевелить. Даже советник Тьюс. Какое-то волшебство удерживало перчатку на месте, и убрать ее можно было, только разрушив мост. Бен, однако, еще не настолько отчаялся, так что перчатка спокойно продолжала лежать там, куда ее бросил пришелец, чуть поблескивая от влаги, — молчаливое напоминание об обещаниях короля Марнхулла.

— Холидей! — грубо окликнул Райделл. Ни тебе «король», ни «Ваше Величество» на сей раз. Никакого уважения. — Ты подумал над моим предложением?

— Мой ответ такой же! — крикнул Бен, чувствуя, что Ивица тихо прижалась к нему. — И ты знал, что так и будет!

Конь Райделла нетерпеливо перебирал ногами, и всадник взмахнул рукой.

— Тогда я должен просить тебя переменить решение. Точнее, должен настáивать на этом. У тебя больше нет выбора. С нашего последнего разговора кое-что изменилось. У меня твоя дочь.

Повисло долгое молчание. Ивица вцепилась в руку мужа. Бен слышал, как она тяжело дышит. У него пересохло во рту. «У меня твоя дочь». Но Мистая в безопасности. Два дня назад она уехала в Озерный край, к своему деду, и теперь вне досягаемости Райделла. Или нет?

— Я же сказал, что найду способ убедить тебя выслушать меня, — продолжил Райделл, прервав затянувшуюся паузу. — И теперь, полагаю, тебе придется прислушаться к моим словам. Смею предположить, дочка тебе дорога.

Бена затрясло от ярости.

— Ты снова затеял какую-то игру, Райделл! Я уже сыт по горло твоими выходками!

Снова небрежный взмах руки.

— Нисколько не сомневаюсь и знаю, что вряд ли ты поверишь мне на слово, Холидей. Такие, как ты, всегда требуют доказательств, даже если правда лежит у них перед носом. Что ж, так и быть.

Он свистнул, и из тумана появилась пара лошадей. Они приблизились, и у Бена упало сердце. Быстроножка и Филин. Вне всякого сомнения. Лошади пронеслись мимо Райделла и помчались по мосту к замку.

— Пошли кого-нибудь, пусть принесут тебе то, что привязано к седлу пони! — крикнул Райделл.

Бен глянул на Сапожка. Кобольд немедленно помчался вниз по стене. Неспособный от ярости произнести хоть слово, Бен крепче прижал к себе Ивицу. Мгновение спустя Сапожок вернулся. Его странная морщинистая физиономия не выражала ничего. Он молча протянул Бену ожерелье и шарфик. Бен внимательно посмотрел на них и с горечью протянул Ивице. Вещи принадлежали Мистае. Они были на девочке, когда она отправилась в Озерный край.

— О Бен, — тихо прошептала Ивица.

— Где советник Тьюс и Абернети? — заорал Бен. — Где эскорт?

— У меня, — ответил Райделл. — Ну, теперь ты готов вновь выслушать мои требования, правитель Заземелья?

Бен судорожно старался подавить всплеск эмоций, грозящий лишить его способности соображать здраво. Он обнял Ивицу не столько для того, чтобы утешить ее, сколько для того, чтобы совладать с собой. Он все еще никак не мог принять услышанное. Не мог Райделл так легко захватить Мистаю. Как это ему удалось? Как удалось одолеть эскорт? Советник Тьюс и Абернети скорее умрут, чем позволят захватить девочку.

— Райделл! — вдруг взревел он, сам удивившись мощи своего голоса. — Я ни за что не отдам трон Заземелья и не предам своих

подданных! И не дам себя шантажировать! Похоже, ты предпочитаешь воевать с малыми детьми, поэтому позволю себе усомниться в том, что ты возглавляешь многотысячную армию! Полагаю, ты просто трус!

Райделл рассмеялся:

— Смелое заявление для человека в твоем положении! Но я не стану обращать внимания. Как и не жду на самом деле, что ты добровольно отдашь мне трон. Я захватил твою дочь не для того, чтобы шантажом вынудить принять мои условия, а для того, чтобы заставить выслушать меня. Ты прежде не пожелал этого сделать. А теперь придется. Слушай меня, и слушай хорошенько. Полагаю, тебе теперь некуда деваться. — Райделл указал на лежащую перчатку. — Вызов, который я тебе бросаю, вовсе не тот, что ты ожидаешь. Как я уже говорил, я не жду, что ты передашь мне трон. Я выдвинул это требование потому, что должен был это сделать, естественно. Король всегда должен сначала попробовать простейший вариант. Именно так проходят завоевания. И иногда противники соглашаются. Я вовсе не думал, что ты из их числа, но все равно попробовать должен был. Теперь мы уже миновали эту стадию, как и стадию переговоров, и стоим перед жестокой реальностью. У меня твоя дочь и твои друзья. У тебя — мое королевство. Один из нас должен уступить. Так кто же это будет?

Райделл проехал вперед и встал у въезда на мост.

— Думаю, это должен быть ты, король Заземелья, но не возражаю разрешить эту проблему благородно. Значит, вызов. И вызов вот какой. Я пришлю семерых бойцов сразиться с тобой. Каждый приедет тогда, когда я захочу. И каждый будет иметь свою форму. И придет, чтобы убить тебя. Если ты не дашь им этого сделать, если сумеешь их всех убить, я освобожу твою дочь, друзей и откажусь от Заземелья. Но если один из них добьется успеха, то твое королевство обречено и вся твоя семья отправится в вечное изгнание. Ты принимаешь вызов? Если да, то спустись и подними мою перчатку.

Бен остолбенело смотрел на короля Марнхулла.

— Да он псих, — прошептал наконец Бен Ивице, которая согласно кивнула.

— У тебя есть поборник, который защищает тебя, — продолжал Райделл. — Всем известно о Паладине, королевском странствующем рыцаре и защитнике. Так что у тебя есть в некотором роде защита от тех существ, которых я пришлю. — Теперь уже существ, а не бойцов, подумалось Бену. — Насколько я понимаю, еще никому не удалось поразить Паладина. И это означает, что у тебя есть вполне реальный шанс победить, верно? Так ты согласен?

Бен молчал, его мысли мчались со страшной скоростью. Глупее не придумаешь, но это, похоже, единственный шанс вернуть Мистаю. И дает время выяснить, где ее прячут, и, возможно, освободить. А также советника Тьюса, Абернети и солдат. Но сам этот торг совершенно сумасшедший! Его жизнь против семерых убийц Райделла? Если он примет вызов, если спустится и поднимет перчатку, то будет связан точно так же, как если бы дал обет. Ведь есть свидетели — обитатели дворца, гвардейцы, и законы Заземелья не позволят ему отказаться от слова, как только оно будет дано. Он мог бы убить Райделла и таким образом решить проблему, но предложенный вариант весьма конкретен, четко определен и не предоставляет такой возможности.

— Если ты не примешь вызов, — внезапно крикнул Райделл, — я велю привязать твою дочь и друзей к лошадям, которых погонят впереди моей армии, когда она войдет в Заземелье. И они умрут первыми. Мне, конечно, будет очень жаль, но это будет необходимо, если мне придется посылать на смерть моих солдат из-за твоего упрямства. Я тебе уже говорил, что предпочел бы получить твое королевство без лишнего кровопролития. Ты, возможно, желал бы того же, хоть и по несколько иным причинам. Мой вызов предоставляет тебе такую возможность. Ты его принимаешь?

Бен теперь размышлял о том, что если он согласится, то должен также и согласиться на то, чтобы стать Паладином, если хочет спасти свою жизнь. Причем стать им не раз и не два, а семь раз. Этого-то он и боялся больше всего. Каждый раз ему приходилось бороться, чтобы не утопить свое «я» в сущности своего альтер эго, и каждый раз ему доводилось все труднее и труднее. Стать Паладином означает полностью слиться с другим существом. И каждый раз было чуть труднее вылезать из закованного в латы тела, избавляться от воспоминаний и образа жизни, который вел поборник. Если он примет вызов Райделла, то у него появится перспектива не только быть убитым в сражении, но и навсегда превратиться в свою темную суть.

— Ваше Величество, вы принимаете вызов? — снова вопросил Райделл.

— Нет, не соглашайся! — вдруг воскликнула Ивица, схватив его за руку. — За всем этим скрывается нечто гораздо большее, чем он говорит! За словами Райделла кроется что-то! Я это чувствую, Бен! — Она заступила ему дорогу. В глазах ее стояли слезы, и она говорила так тихо, что Бен едва слышал: — Даже если мы потеряем Мистаю, не принимай вызова.

Бен и представить себе не мог, чего ей стоило произнести эти слова. Она всегда отчаянно старалась защитить дочку. Сделала бы

все, чтобы спасти ей жизнь. И все же предоставляла ему возможность сохранить свою. Как же глубока ее любовь к нему!

Бен обнял жену и привлек к себе.

— Я должен попытаться, — мягко проговорил он. — Если я этого не сделаю, то как же я смогу дальше жить?

Нежно поцеловав Ивицу, Бен отодвинул ее в сторону и, кивком велев Сапожку следовать за собой, направился к лестнице.

— Жди меня здесь! — бросил он Ивице.

Спускаясь к воротам, он размышлял о том, что ему предстоит сделать, когда поднимет перчатку. Выбор, прямо скажем, ограничен. Нужно найти Мистаю, советника, Абернети с гвардейцами и освободить их. Это первое. Затем убедить Райделла забрать вызов и отказаться от Заземелья. А если это не удастся, то убить короля Марнхулла. Альтернатива — биться с семью бойцами Райделла и надеяться на то, что убьет их прежде, чем они убьют его. А так ли необходимо их убивать? Может, достаточно лишь нанести им поражение? Но Райделл, кажется, говорил довольно конкретно. Во второй раз он назвал их «созданиями». Бен поймал себя на том, что пытается вообразить, что же это будут за существа.

Бен пересек двор. По пятам за ним следовал Сапожок, угрожающе сверкая клыками. Было совершенно ясно, что у кобольда на уме.

— И думать не смей, Сапожок, — тихо предупредил его Бен. — Сначала надо вернуть Мистаю и остальных.

Кобольд что-то буркнул в ответ, и Бен понадеялся, что это означает согласие.

Он прошел в ворота и двинулся по мосту. День постепенно разгорался, небо над головой было голубым и ясным, туман окончательно испарился с лежащего перед замком луга. Райделл и его молчаливый спутник сидели на своих лошадях и ждали. Бен прошел по мосту, готовый к любой неожиданности, и с каждым шагом его ярость все росла. Может, Сапожок и прав. Насколько трудно призвать Паладина и покончить с Райделлом раз и навсегда? Довольно просто, если захотеть, решил Бен. Но что тогда будет с Мистаей?

Тут он вдруг подумал, не является ли вся эта затея каким-то хитроумным трюком, и не предназначены ли кони, ожерелье и шарфик для того, чтобы выманить его, Бена, из замка? Может, Мистаи с эскортом вовсе и нет у Райделла? Вполне возможно, что все это сплошная ложь.

Но в глубине души Бен Холидей точно знал, что это не так.

Дойдя до дальнего конца моста, он остановился. Всадники смотрели на него с высоты своих лошадей. Бен молча наклонился и под-

нял перчатку. Та легко оказалась в его руках, будто в течение трех дней ее удерживала на земле лишь чья-то злая воля. Выпрямившись, Бен посмотрел на Райделла. Король Марнхулла оказался гораздо более крупным мужчиной, чем казалось со стен замка, просто гигантом огромной мощи. Его спутник в черном, наоборот, оказался меньше. Лица обоих были скрыты: у одного забралом, у другого — капюшоном.

Бен швырнул перчатку Райделлу. Гигант ловко поймал ее и взмахнул рукой в ироническом приветствии.

— Не ищи за этим ничего, кроме того что есть, Райделл, — спокойно произнес Бен. — И вот что. Если что-нибудь произойдет с Мистаей, советником Тьюсом или Абернети, либо с кем-нибудь из моих гвардейцев, я убью тебя, даже если ради этого мне придется гореть в пламени Абаддона!

Райделл наклонился вперед:

— Ну зачем же такие жертвы, мистер Холидей. И не думай, что я хоть на секунду испугался твоих слов. — Натянув удила, он начал разворачивать жеребца. — Три дня, король Заземелья. Первое из моих созданий придет через три дня. На твоем месте я бы начал размышлять о том, как остаться в живых.

Резко пришпорив коня, Райделл поскакал прочь. Его спутник снова задержался. Бен чувствовал, как внимательные глаза пристально изучают его из-под капюшона, будто отыскивая что-то. Может, признаки страха? Бен решительно уставился на странное существо. Тут подоспел Сапожок и сердито двинулся на всадника, выставив клыки и когти.

Тот развернулся и поскакал по лугу за Райделлом. Бен с кобольдом-телохранителем стоял и смотрел им вслед, пока те не исчезли за ветвистыми деревьями.

Скрывшись за деревьями и удостоверившись, что из замка их не видно, всадники остановили лошадей и спешились. Ночная Мгла откинула капюшон и, отбросив маскировку, придала своему телу обычный вид. Затем быстро сотворила заклинание невидимости, чтобы защититься от нежелательных свидетелей, на случай если кто-то вдруг пройдет мимо. Покончив с этим, она превратила лошадей в крошечных полосатых ящерок, которые быстренько взобрались ей на руку и исчезли в складках балахона.

Райделл наблюдал за ней, не поднимая забрала.

— Не похоже, что он напуган, — проворчал он.

Ночная Мгла засмеялась:

— Нет, пока еще нет. На данный момент его спасает гнев. Он все еще сомневается, что его дочь у нас. Ему нужно в этом убедить-

ся, и тогда он начнет потихоньку бояться. Затем мои создания одно за другим придут за ним, и страх охватит его еще сильней. Он станет думать о разных вещах, одна хуже другой. Начнет искать нас, но не найдет и следа. И вот тогда, лишенный всякой надежды, он перепугается окончательно, обещаю тебе.

— Не забывай, ему все еще помогает сильфида.

Красные глаза Ночной Мглы полыхнули гневом.

— Не смей так со мной разговаривать, король Райделл, который и не Райделл вовсе, и не король. Ты мой слуга, не забывай этого.

Рыцарь молча стоял, похожий на железный столб. Но ведьма почувствовала его неуверенность и осталась довольна.

— Да, пока что она с ним, — признала она. — Но в конце концов я и ее отберу. Под конец он останется совсем один.

Райделл нетерпеливо махнул рукой:

— Я чувствовал бы себя гораздо более уверенно, если бы был целиком в курсе твоего плана. А вдруг что-нибудь пойдет не так?

Ночная Мгла выпрямилась, и Райделлу показалось, что она вырастает прямо у него на глазах.

— Все пойдет так, как надо. Я очень тщательно все спланировала. А что касается моих намерений, то пока что будет лучше, если я кое-что оставлю при себе. Ты знаешь ровно столько, сколько тебе требуется знать. — Она одарила Райделла ледяным взглядом. — А теперь я тебя отошлю обратно. Займись своими делами и жди вызова.

Райделл посмотрел вдаль, его латы заскрипели.

— Я мог бы убить его прямо там, на мосту, и вопрос был бы решен. Ты должна была мне это позволить.

— И испортить весь замысел, который я вынашивала в течение двух лет? — возмутилась Ночная Мгла. — Нет уж. К тому же я не уверена, что ты его одолеешь. Ты пока что не доказал своего великого умения.

Рыцарь, гневно рыкнув, начал было спорить, но она оборвала его взмахом руки:

— Молчи. Сделаешь так, как я сказала. С Холидеем я разберусь лично. А ты сыграешь ту роль, которая тебе отведена. И никаких споров. Ты ведь не собираешься оспаривать мое решение, не так ли?

Последовало длительное молчание.

— Нет, — ответил наконец рыцарь.

Ночная Мгла взмахнула руками, и Райделл исчез в мерцающем тумане. Ведьма немного подождала, чтобы убедиться в том, что ее спутник отправился туда, откуда пришел. Он ей не нравился, и она не доверяла ему, но он был ей нужен и станет слушаться, пока она не покончит с Холидеем. Ох, как она жаждет этой смерти!

Представив себе последние мгновения жизни короля Заземелья, ведьма аж прищурилась от удовольствия. Она снова и снова представляла себе эту картину, вырисовывая ее и обтачивая, пока не довела до совершенства. Ночная Мгла представляла себе всю сцену в мельчайших деталях, видела его последний вздох, его взгляд, когда до него дошло, что с ним происходит, слышала отчаяние в его голосе, когда он пытался кричать.

О, так оно все и будет! Наверняка будет. Однако сейчас ее внимания требуют иные вещи.

Ведьма в последний раз взмахнула руками. Тьма поглотила ее, и она исчезла.

Возвращаясь по мосту в замок, Бен Холидей предавался гневным мыслям. Ивица спустилась вниз и ждала его во дворе. Увидев мужа, она кинулась к нему, и он сжал ее в объятиях.

— Мы вернем ее, — прошептал он, чувствуя, как пальцы жены вцепились ему в спину. — Обещаю тебе. Не переживай!

Затем повернулся к топающему за ним Сапожку.

— Немедленно отправляйся в Озерный край, — приказал он кобольду. — Сообщи Владыке, что его внучку похитил Райделл из Марнхулла, и попроси его организовать поиски. Скажи, что любая помощь с его стороны будет принята с благодарностью. Убедись, что Владыка Озерного края понял, что девочку похитили тогда, когда она направлялась к нему, чтобы укрыться. По пути внимательно следи за всем, что происходит вокруг. И, Сапожок, будь поосторожнее, — добавил Бен. — Не рискуй. Я уже потерял советника и Абернети. И не хочу потерять еще кого-то.

Кобольд ухмыльнулся, демонстрируя свои внушительные зубы. Вряд ли что-нибудь может случиться с существом, способным не моргнув глазом разорвать подвальника или лесовика, однако на Бена произвело впечатление, как легко Райделлу удалось справиться с эскортом Мистаи. Конечно, если это действительно имело место быть. Бен вовсе не уверен в этом, но предпочитает предполагать худшее. Поездка Сапожка к Владыке Озерного края совершенно необходима.

Сапожок развернулся и исчез с такой скоростью, что Бену пришлось напомнить себе, по какой причине он в первую очередь назначил его королевским посланцем. Кобольды — самые быстрые существа на свете. Путешествие в Озерный край займет у него максимум день. Странные они создания — искореженные тела, кривые руки и ноги, обезьяноподобные физиономии, а здоровенные зубы как у аллигатора. Этакая непонятная помесь странных форм. Но кобольды служили королям Заземелья многие годы и всегда были

преданны и надежны. Бен знал, что может доверять Сапожку целиком и полностью.

Король зашагал через двор, Ивица семенила рядом.

— Я собираюсь воспользоваться Землевидением, может, найду какие-нибудь следы Мисти. Будь добра, отмени все дневные встречи. Спущусь, как только смогу.

Взобравшись на самую высокую башню, Бен настроил волшебный инструмент, позволявший путешествовать по всему Заземелью, не покидая замка Чистейшего Серебра. Он призвал магию и вознесся над замком, будто в полете, и принялся внимательно просматривать страну в поисках дочери, друзей или признаков того, что с ними могло произойти. Он быстренько посетил Вечную Зелень, резиденцию Владыки Озерного края, но не обнаружил никаких признаков того, что эльфы знают что-либо о происшедшем.

Оттуда он двинулся к западным границам, отыскивая разрывы в волшебном тумане, начиная от Огненных Ключей на юге, но никаких следов Райделла или Мистаи не увидел. Поискал он и Страбона, но обнаружить дракона тоже не смог. Спит, наверное, в одной из огненных дыр, которые именует домом. Бен передвинулся к северу, к Мельхорским горам, и наконец добрался до Бездонной Пропасти — единственного места, куда он не мог проникнуть с помощью Землевидения. Колдовство Ночной Мглы не позволяло ему этого. Там Бен на мгновение остановился, подумав, что то, что он ищет, может запросто быть спрятано именно там, и он никогда об этом не узнает. Но тогда напрашивался вывод, что во всей этой истории замешана Ночная Мгла. А как бы сильно она ни ненавидела его, Бена, чужаков она ненавидела еще больше. Она никогда не станет связываться с кем-то, кто замыслил завоевать Заземелье. К тому же ее никто не видел вот уже несколько месяцев.

Бен двинулся дальше.

Весь остаток утра он провел в поисках Мистаи и своих друзей, но так и не нашел никаких следов. Складывалось впечатление, будто они просто исчезли с лица земли. Когда Бен наконец вернулся обратно в замок, то был совершенно вымотан. Землевидение подточило его силы, а результат нулевой. Он был разочарован и напуган. Спустившись вниз, Бен направился к себе и рухнул на постель спать.

Проснувшись, он увидел сидящую рядом Ивицу, жаждущую услышать новости. Но ему нечего было ей сказать. Остаток дня они провели, планируя встречи и приемы на следующую неделю, и в конечном итоге отменили большинство запланированных мероприятий. Кое-какие пришлось оставить, потому что имелись определенные обязательства, которые не могли ждать. Но по большому счету это было

зряшным времяпрепровождением, потому что Бен все равно не мог думать ни о чем другом, кроме как о пропавших дочке и друзьях. Он не имел ни малейшего представления, что же делать дальше. Похоже, ничего другого не остается, как ждать прихода бойцов Райделла. У него в запасе три дня. Затем прибудет первый из них. Бен еще не говорил об этом с Ивицей, но понял по ее глазам и интонации, что она думает о том же. Ему предстоит семь раз биться насмерть, если он хочет выжить. И семь раз воспользоваться телом и боевыми навыками Паладина. Семь раз подчинить себя жизни и мировоззрению существа, чьим предназначением является уничтожение врагов короля. Весьма ужасающая перспектива.

В ту ночь супруги спали мало, часто просыпались и прижимались друг к другу. Молча лежа в темноте, они размышляли о том, что день грядущий им готовит. Никогда еще Бен не чувствовал себя столь опустошенным. Ему казалось, что, отослав Мистаю из замка, он предал дочь, что следовало держать ее подле себя. Может быть, так он лучше сумел бы защитить ее от Райделла. С Ивицей он своими мыслями делиться, естественно, не стал. Легко понимать задним умом, когда уже поздно что-либо менять. Что сделано, то сделано. Рассуждения на тему «что было бы, если» теперь мало чему помогут. Остается лишь попытаться найти какой-нибудь способ поправить дело. Но как это сделать? Что еще можно предпринять?

Примерно в полдень следующего дня появился Сапожок. Он виделся с Владыкой Озерного края. Мистая и остальные не приезжали в Вечную Зелень. И никто в Озерном крае не имел ни малейшего понятия, что с ними произошло. Не было даже никаких признаков того, что они ехали в том направлении.

Бен Холидей и Ивица обменялись долгим беспомощным взглядом и постарались скрыть охватившее их чувство отчаяния.

ГЛАВА 6

ИСКУШЕНИЕ

Мистая проснулась и обнаружила, что ее окружает мягкий свет и глубокая тишина. Она лежала на земле, по-прежнему завернувшись в свое одеяло, но совсем не там, где заснула. Девочка это сразу поняла, как и то, что спала она необычайно долго. Глаза ее

припухли, в теле ощущалась какая-то тяжесть, которая обычно бывает после долгого и глубокого сна. Что-то с ней приключилось. Что-то совершенно неожиданное.

Мистая села и огляделась по сторонам. Она была совершенно одна. Никаких признаков присутствия советника Тьюса, Абернети и королевских гвардейцев. И никаких следов Стойсвиста. Лошади тоже куда-то подевались, так же как и карета с багажом. Мистая почему-то вовсе не удивилась. Значит, ее куда-то перенесли, пока она спала. Девочка сильно сомневалась, что вообще находится в Озерном крае. Здесь все выглядело не так. Она подняла голову. Неба над головой не оказалось. Правда, кругом росли деревья, но они были старые, замшелые и в паутине. Свет был тусклым и туманным. Пахло болотом, землей и гнилью. Но почему-то все это казалось странно знакомым.

Мистая встала и отряхнулась. Ей вовсе не было страшно. Наверное, следовало бы испугаться, но почему-то страха не было. Во всяком случае, пока. Конечно, имелась во всем этом какая-то странность, которую Мистая не могла объяснить, но вреда ей никакого нанесено не было. Безусловно, девочка недоумевала, что же произошло с ее друзьями, но пока не имела достаточных оснований предполагать, что ей грозит опасность.

Очень осторожно Мистая начала поворачиваться, стараясь рассмотреть получше, куда же это ее занесло, но не увидела ничего, кроме древних деревьев, и не услышала ничего, кроме тотальной тишины.

Сделав полный оборот, она оказалась лицом к лицу с высокой, стройной женщиной.

— Добро пожаловать, Мистая, — улыбнулась женщина весьма холодной улыбкой.

— Где я? — спросила Мистая, думая про себя: «Мне знакома эта женщина. Я ее знаю. Но откуда?»

— Ты в Бездонной Пропасти, — спокойно ответила одетая в черное женщина. Ее волосы цвета воронова крыла со странной белой прядью свободно спадали на плечи. Кожа женщины была алебастрово-белая, глаза...

— Ты меня помнишь, верно? — Вопрос прозвучал скорее как утверждение.

— Да, — ответила Мистая, теперь уверенная в этом, хоть и по-прежнему не понимая, откуда эта женщина ей знакома. Значит, как сказала женщина, это Бездонная Пропасть, а в Бездонной Пропасти живет только один человек. — Ты Ночная Мгла.

— Да, это я, — ответила довольная ведьма. Глаза, бывшие до этого момента серебряными, внезапно стали красными.

— Ты та самая ворона, — внезапно заявила Мистая. — Которая была во время пикника. Ты наблюдала за мной.

Улыбка Ночной Мглы стала еще шире.

— Да. А ты смотрела на меня, разве не так? У тебя великолепная память.

Мистая неуверенно огляделась по сторонам:

— А что я здесь делаю? Это ты меня сюда перенесла?

— Я, — согласилась ведьма. — Ты спала, когда на ваш лагерь напали люди короля Райделла из Марнхулла, того человека, который недавно приезжал к замку твоего отца. Помнишь такого? — Мистая кивнула. — Нападение было внезапным. Предпринятое для того, чтобы похитить тебя. Если бы ты оказалась в руках Райделла, он смог бы вынудить твоего отца выполнить его требования — отдать корону Заземелья и уйти в изгнание. Твои родители полагали, что Райделл не узнает о твоей поездке к деду в Озерный край, но король Марнхулла намного опаснее, чем они думают. Это большое счастье, что я присматривала за тобой и беспокоилась за твою сохранность. Поэтому-то я и смогла унести тебя прежде, чем до тебя добрались люди Райделла. И принесла тебя сюда, в Бездонную Пропасть, чтобы ты побыла здесь со мной.

Мистая промолчала, но старательно отводила глаза.

— Ты мне не веришь, да? — без обиняков спросила Ночная Мгла.

Губы Мистаи сжались в узенькую полоску.

— Моему отцу не понравится, что я нахожусь здесь, — спокойно ответила девочка.

— Потому что мы с ним не дружим и он мне не доверяет, — согласно кивнула ведьма. — Это так. Но дело в том, что ему известно, что ты здесь, и он может действовать по своему усмотрению.

— Известно? — нахмурилась Мистая.

— Конечно. Я послала ему сообщение. Тайное, конечно, чтобы Райделл не узнал. Когда на вас напали, мне пришлось действовать очень быстро, поэтому я не могла оставить сообщения твоим друзьям. Думаю, что с ними все в порядке, но точно не могу сказать. Советник Тьюс вроде бы держался достаточно прочно, а когда ты исчезла, полагаю, атака довольно скоро прекратилась. Ведь основной объект атаки, то есть ты, исчез.

— Потому что ты меня забрала.

— Совершенно верно. Но Райделл об этом не знает. Он полагает, что ты либо вернулась в замок Чистейшего Серебра, либо уже у деда в Вечной Зелени. Конечно, ни в том, ни в другом месте совсем небезопасно. Он станет тебя искать там, но не додумается искать

здесь. Так что тебе лучше побыть со мной, пока все не успокоится. И твой отец тоже придет к такому же выводу, когда поразмыслит как следует.

Мистая переминалась с ноги на ногу, тщательно обдумывая слова ведьмы. Все это ей не нравилось.

— А откуда ты знаешь о Райделле? И почему ты за мной следила?

— Я очень заинтересована в тебе, Мистая, — медленно проговорила Ночная Мгла. — Мне известно о тебе много такого, чего ты и сама о себе не знаешь. И мне хотелось рассказать тебе об этом, только я не могла придумать как. Потому-то я и следила за тобой, поджидая удобного случая. Мне прекрасно известно, как относятся ко мне твои родители. У нас с ними не всегда были хорошие отношения, когда-то мы даже воевали. Но и они, и я одинаково относимся к тебе. — Она помолчала. — А известно ли тебе, Мистая, что ты родилась здесь, в моих владениях?

— Здесь? — Брови девочки изумленно взметнулись вверх. — В Бездонной Пропасти?

— Значит, твоя мать тебе об этом не говорила? Так я и думала. — Чуть отвернувшись, Ночная Мгла с отсутствующим видом уставилась на деревья. — А говорила ли она тебе, что ты владеешь магией?

У Мистаи отвисла челюсть, и в изумрудных глазах зажегся огонек неподдельного интереса.

— Я? Владею магией? Настоящей магией?

— Конечно. Каждая ведьма владеет магией. — Ночная Мгла уставилась на девочку, и красные глаза засверкали. — Ты ведь знаешь, что ты ведьма?

Мистая набрала в грудь побольше воздуха:

— Нет, не знаю. А ты не врешь?

Ночная Мгла промолчала, лишь взмахнула рукой, и тут же появились стол и пара стульев. На столе, покрытом алой скатертью, стояла ваза с фруктами и орехами, хлеб, сыр и кувшин сидра.

— Садись, — предложила ведьма. — Мы можем продолжить беседу за трапезой.

Мистая заколебалась, но голод не тетка, поэтому она села напротив Ночной Мглы и осторожно взяла орешек и кусочек сыра. И то, и другое оказалось изумительным на вкус, поэтому девочка принялась за еду, запивая сидром. Ведьма задумчиво жевала кусочек хлеба.

— Я должна сказать тебе кое-что, Мистая, — проговорила она. — Я принесла тебя сюда, потому что мне представилась такая возможность, и я боялась, что второй такой возможности мне больше не представится. Конечно, мне просто повезло. Если бы я ждала, когда ты придешь ко мне сама или твои родители пришлют тебя — если бы

я, конечно, осмелилась попросить их об этом, потому что сами они никогда бы не предложили, — ты скорее всего никогда не оказалась бы здесь. Я этого вовсе не отрицаю. Я прекрасно понимаю, как обстоят дела. Многие придерживаются отнюдь не лестного мнения обо мне. Уверена, что ты слышала про меня много скверного.

Мистая подняла голову от тарелки, и в глазах ее мелькнула настороженность. Но никакой угрозы ни в голосе Ночной Мглы, ни на ее лице девочка не заметила.

— Тебе не следует меня бояться, — заверила ее ведьма. — Я принесла тебя сюда, чтобы обеспечить тебе безопасность, а не для того, чтобы причинить вред. Ты можешь уйти отсюда в любое время. Но прежде мне бы хотелось, чтобы ты меня выслушала. Ты согласна на такое предложение? — Пережевывая орешки, Мистая обдумала слова ведьмы и кивнула. — Молодец! Ты весьма благоразумна. Я имею в виду твое отношение к моим словам о том, что тебе безопасней сейчас здесь, чем с твоей семьей. — Ведьма взмахнула рукой. — Райделл — чужак, желающий завладеть троном, завоеватель, стремящийся присоединить Заземелье к своим владениям. Какие бы у нас с твоим отцом ни были разногласия, мы с ним солидарны в одном: Райделл не должен завладеть Заземельем. Я же ведьма, Мистая, а ведьмам известно больше, чем другим. Ведьмы первыми узнают обо всем и глубже понимают сущность полученных сведений. О Райделле я узнала, как только он пересек волшебные туманы вместе со своим облаченным в черный балахон спутником. Чародеем, как я выяснила. И очень могущественным, возможно, таким же могущественным, как я. Узнав об их появлении, я проследовала за ними до замка твоих родителей. И слышала их требования. Понимая, что они предпримут дальше, я уже поджидала их, когда они пришли за тобой. — Ведьма вновь обратила свой взор на деревья. — Но у меня имелись и другие причины для вмешательства. Я хотела принести тебя сюда. Хотела, чтобы ты провела некоторое время со мной здесь, в Бездонной Пропасти. Я чувствовала, что второй такой шанс мне уже не представится. Так что я поспешила воспользоваться моментом. Мне думается, для тебя важно услышать правду о тебе самой — это важно и тебе, и мне.

— Тебе? — с сомнением поглядела на ведьму Мистая.

— Да, Мистая, — ответила ведьма, потирая маленькие, напоминающие белых мышек, ручки. — Я — Ночная Мгла Бездонной Пропасти, единственная ведьма во всем Заземелье, и я так долго ждала появления еще одной ведьмы. Мне хотелось передать свои знания, поговорить с кем-то, кто разделял бы мое увлечение магией. Ты и есть тот самый долгожданный человек.

Мистая перестала есть и в замешательстве уставилась на Ночную Мглу.

— Мне казалось, что, возможно, я обладаю магией, — неуверенно проговорила девочка, вспомнив о Матери-Земле. — Иногда я почти что ее ощущаю. Но я не уверена полностью.

— Ты просто не обучена ею пользоваться, не умеешь ее призывать, и тебя держали в неведении о том, что ты вообще ею обладаешь. Но ты ею действительно обладаешь, — сообщила ведьма. — И всегда обладала.

— Но почему мне об этом не говорили? — Мистая еще не до конца поверила Ночной Мгле, но уже начала размышлять над проблемой. — Почему родители и даже советник Тьюс говорили мне, что пользоваться магией — любой магией — опасно? Или ты хочешь сказать, они мне лгали?

Ночная Мгла помотала головой:

— Нет, ни в коем случае. Они бы никогда этого не сделали. Они просто скрывали от тебя то, что, по их мнению, ты еще не готова знать. Со временем они, безусловно, рассказали бы тебе все. Однако я полагаю, они ошибались, скрывая от тебя эти сведения столь долго. Но теперь существуют уже и другие причины, по которым тебе следует знать о своих возможностях. Причины, не имеющие ничего общего с разногласиями между мной и твоими родителями, а связанные с появлением Райделла и угрозой, которую он представляет для твоего отца.

— Какой угрозой? — последовал мгновенный вопрос. — Расскажи.

Но Ночная Мгла, подняв узкую ладонь, вновь помотала головой:

— Терпение, Мистая. Позволь мне рассказать тебе обо всем так, как я считаю нужным. А ты сделаешь выводы, когда я закончу.

Ведьма поднялась со стула, и Мистая встала следом за ней. Ночная Мгла легонько взмахнула рукой, и стол со стульями исчез. Полянка вновь опустела. Ночная Мгла улыбнулась девочке той же ледяной улыбкой. Но на сей раз улыбка ведьмы показалась Мистае более дружелюбной. Она поймала себя на том, что улыбается в ответ.

— Мы с тобой подружимся, — выгнув бровь, проговорила ведьма. — Станем делиться своими секретами. Пойдем.

Ночная Мгла повернулась и не оглядываясь направилась с поляны в глубь леса. Мистая, исполненная любопытства и жаждущая узнать больше, последовала за ней. Она теперь не думала об обстоятельствах, приведших ее в Бездонную Пропасть. Не думала даже о родителях, советнике Тьюсе и Абернети. Мысли девочки занимала лишь магия, та самая магия, присутствие которой в себе она ощущала всегда и

которую так долго искала. И вот теперь наконец-то она все узнает. Мистая почувствовала это в словах высокой женщины.

Они немного углубились в лес, где тьма стала гуще, а свет тусклее, когда Ночная Мгла остановилась и повернулась к девочке.

— Тебя не так-то просто напугать, да, Мистая? — спросила она. Девочка кивнула. — Ты не считаешь использование магии поводом лить слезы и прятаться под одеяло, как делают детишки во время грозы?

Мистая снова кивнула, на сей раз абсолютно решительно.

— Я вообще ничего не боюсь! — храбро заявила она и почти что так и думала.

Ночная Мгла кивнула, глаза ее вновь стали серебристыми и прозрачными.

— Я принесла тебя сюда, в мои владения, потому что ты ведьма. Ведьма, — повторила Ночная Мгла. — Как я. Ты родилась в Бездонной Пропасти, на земле, пронизанной моей магией, в твоих жилах кровь эльфов. Ты пришла в мир, где сильные и решительные благословенны обладанием магией. Именно поэтому ты в некотором роде и являешься энигмой для твоих родителей. Энигмой. Тебе знакомо это слово?

— Это означает тайна, — кивнула Мистая.

— Да, тайна. Потому что нет больше никого подобного тебе во всем Заземелье. Ты обладаешь способностями, о которых они даже и не подозревают. Магией, которую понимаю только я. Никто не может сделать для тебя то, что могу сделать я. Ни твои родители, ни советник Тьюс. Никто. Никто из них не понимает, что собой являем мы, ведьмы, поэтому никто из них и не может дать тебе то, что нужно. Да, пользоваться магией действительно может быть опасно. Это не секрет. Но опасность эта идет от непонимания того, что эта магия собой представляет и еще надо научиться держать свою магию под контролем. Тебе понятно?

Мистая кивнула, в полном восторге от невысказанного обещания, сквозившего в словах ведьмы.

— Отлично. Тогда приступим. — Ночная Мгла наклонилась и сорвала нераспустившийся цветок. Держа его перед Мистаей, она провела пальцем по одному из крошечных бутонов, и тот мгновенно распустился в алый цветок. — Видишь? Магия пробудила его к жизни. Теперь попробуй сама.

Она протянула стебелек с несколькими бутонами и единственным распустившимся цветком девочке. Мистая нерешительно взяла его в руку и осторожно зажала в ладошке, будто хрустальный.

— Сосредоточься на бутоне, — велела ведьма из Бездонной Пропасти. — Представь себе, как он выглядит, когда распустится. Ощу-

ти глубоко внутри себя, как он пробуждается к жизни, ощути там, где царит тьма и мелькают картинки, вызванные воображением. Представь себе цветок, затем медленно протяни руку и коснись бутона.

Мистая сделала так, как велела Ночная Мгла, сконцентрировав всю свою внутреннюю энергию и представив, как распускается бутон. Протянув руку, она осторожно коснулась бутончика.

Цветок наполовину распустился.

— Очень хорошо, Мистая, — похвалила ведьма, забрав у девочки цветок и отбросив его в сторону. — Ну, разве это так трудно?

Мистая затрясла головой. Во рту у девочки пересохло, сердце бешено колотилось. Только что она сотворила волшебство. Она чувствовала, что цветок отозвался на ее прикосновение, видела, как он распустился точно так же, как в руке у Ночной Мглы. Но дело не только в этом. В процессе она коснулась внутри себя чего-то мягкого и глубокого, которое ласкалось как кошка и вызывало желание касаться еще и еще.

Хрупкая рука Ночной Мглы коснулась ладошки девочки. Мистая не отреагировала. Прикосновение ведьмы показалось знакомым и успокаивающим.

— Попробуй вот это, — сказала Ночная Мгла.

Она подобрала с земли толстую черно-оранжевую гусеницу. Гусеница немедленно свернулась в клубок, затем немного спустя развернулась и попыталась удрать. Ведьма тронула ее пальцем, и гусеница превратилась в золотую.

— А теперь попробуй обратное превращение, — предложила Ночная Мгла, протянув гусеницу Мистае. — Сосредоточься. Представь себе, что ты собираешься сделать. Вообрази, что это уже произошло.

Мистая облизнула губы, затем решилась. Сосредоточившись на гусенице, она вообразила ее живой, вновь обращенной из металла в живую органику. Сперва она представила это в мыслях, затем почувствовала всем сердцем. Потянув руку, девочка коснулась гусеницы.

Гусеница вновь стала черно-оранжевой и поползла в поисках спасения.

— Получилось! — заверещала Мистая. — Ты видела? У меня получилось! Я воспользовалась магией!

В это мгновение девочка забыла обо всем на свете: о своих сомнениях, догадках, родителях и друзьях. Ночная Мгла сбросила гусеницу на землю и резко наклонилась к девочке. Взгляд ее стал острым, как клинок.

— Теперь ты понимаешь, Мистая? Убедилась в своих возможностях? Но то, что ты только что сделала, это так себе, мелочь. Лишь начало того, что ты действительно умеешь. Но ты должна слушаться меня, хорошенько усваивать то, чему я стану тебя учить. Делать только то, что я тебе скажу и покажу. Тебе придется хорошенько потрудиться. Ты готова к этому?

Мистая закивала так отчаянно, что ее светлые волосы разлетелись веером вокруг головы. Глаза девочки горели, как у кошки в темноте.

— Да, конечно, но... — Тут она остановилась, припомнив обстоятельства, приведшие ее в Бездонную Пропасть. — Мой отец...

— Твой отец знает, что ты здесь, и придет за тобой, если решит, что тебе не следует здесь находиться, — быстро ответила Ночная Мгла. — Вопрос сейчас в том, хочешь ли ты сама остаться. Выбор за тобой. Но прежде чем ты примешь какое-либо решение, есть еще кое-что, о чем тебе необходимо знать. Помнишь, я говорила, что существует еще одна причина, по которой ты здесь, со мной, рассказывала о твоих потенциальных возможностях, об изучении той магии, которой ты обладаешь?

Она выжидательно замолчала. Мистая, несколько поколебавшись, кивнула:

— Да, помню. Ты сказала, что расскажешь мне позже.

Ночная Мгла улыбнулась:

— Почти так. Вообще-то я сказала, что расскажу, когда сочту нужным. Так что слушай теперь внимательно. После твоего отъезда Райделл из Марнхулла снова приезжал к твоему отцу. И сказал, что использует против него своего чародея. Советник Тьюс постарается защитить твоего отца, но ему не хватает умения. Чародей Райделла намного превосходит его могуществом.

Она легонько коснулась пальцем кончика носа девочки. Жест, похожий на укус змеи.

— Но в тебе, Мистая, скрыты огромные возможности, ты можешь стать намного сильнее этого чародея. Ты обладаешь магией. Еще, правда, неразбуженной, но которая может сокрушить Райделла и его чародея и спасти твоего отца. Я чувствую в тебе эту силу и именно по этой причине сочла правильным принести тебя сюда и помочь тебе встретить свое предназначение. Потому что ты будешь выдающейся ведьмой, к тому же принцессой, и тем, насколько ты овладеешь обеими своими ипостасями, и будет определяться твоя жизнь.

Мистая застыла, раскрыв рот.

— Я смогу спасти отца? Моя магия станет настолько сильной?

— Настолько сильной, насколько ты и представить себе пока не можешь. — Ведьма помолчала, затем внезапно расцвела в улыбке: — А разве Мать-Земля тебе об этом не говорила?

— Да, она... — Мистая заколебалась, внезапно подумав, что не следует давать лишней информации тому, кому и так уже столько известно. В конце концов ее встреча с Матерью-Землей предположительно должна оставаться тайной. — Она сказала мне что-то о моем наследии, но предоставила мне либо самой выяснять, какой именно магией я обладаю, либо чтобы мне рассказали родители, когда сочтут нужным.

Тут девочка вспомнила о Стойсвисте. Где сейчас болотный щенок? Может, он тоже остался там, на поляне, когда ведьма переносила ее в Бездонную Пропасть? Она хотела было спросить Ночную Мглу, но что-то удержало. Ведьма не упомянула Стойсвиста, когда рассказывала об остальных спутниках Мистаи. Может, ей неизвестно о болотном щенке?

— Мать-Земля — твой друг, как была другом твоей матери, — продолжила Ночная Мгла. — Хорошим другом, как я понимаю, не так ли? — Мистая кивнула. — Она вызвала тебя к себе перед самым нападением, я видела. Она предупредила тебя о нем?

— Нет, — ответила Мистая, подумав про себя: «Почему Ночная Мгла этого не знает?»

— Тогда чего же она от тебя хотела? — мягко спросила ведьма. — Расскажи мне.

Мистая машинально пожала плечами. Внутренне она оставалась холодной и собранной. Происходило что-то такое, чего она никак не могла понять. Девочка сумела беззаботно улыбнуться:

— Мать-Земля предупредила меня, что грядет какая-то опасность и что я должна быть к этому готова. Сказала, что мне придется самой о себе позаботиться.

С застывшей на лице улыбкой девочка выдержала пристальный взгляд ведьмы. «Она мне не верит!» — мелькнуло в мозгу у девочки, и Мистая вдруг подумала, почему это имеет такое значение и чего она, Мистая, так вдруг испугалась.

Ночная Мгла опустила глаза и выпрямилась. Тонкая белая рука ведьмы осталась лежать у девочки на плече.

— Ты хочешь остаться со мной здесь, в Бездонной Пропасти, Мистая? Хочешь изучать магию с моей помощью?

Прикосновение успокоило Мистаю, слова приободрили.

— Сколько мне придется здесь пробыть? — спросила девочка, все еще думая об отце.

— Сколько захочешь. Ты можешь уйти в любое время. — Тут ведьма снова наклонилась и пристально посмотрела Мистае в гла-

за. — Но если ты уйдешь отсюда домой, то уйдешь навсегда. Так вот обстоят дела. Когда ты начнешь обучение, тебе придется остаться, пока оно не закончится, либо, уйдя, отказаться от учебы совсем.

— А если отец придет за мной, что тогда?

— Тогда мы с ним поговорим и примем решение, — ответила ведьма. — Но, Мистая, ты должна твердо понимать вот что. Магия — это очень хрупкий сосуд, который несет в себе огромную силу, но может разбиться, как стекло. Как только он вскрыт, его больше нельзя оставлять без присмотра. Таким образом, если мы приступим к занятиям, тебе придется согласиться пройти все до самого конца. Ты хочешь это сделать?

Мистая вспомнила, как распустился бутон и ожила гусеница, вспомнила приятное ощущение, когда она почувствовала магию внутри себя, мягкую и шелковистую. В сравнении с этим все сомнения по поводу обстоятельств, приведших ее в Бездонную Пропасть, казались ерундой.

— Хочу, — твердо ответила девочка.

— Значит, ты согласна остаться?

Мистая кивнула с чисто детской решительностью:

— Согласна.

Ночная Мгла ласково улыбнулась девочке:

— Тогда приступим немедленно. Пошли со мной. — Развернувшись, ведьма направилась обратно на поляну. — Для начала, Мистая, усвой определенные правила, — начала на ходу Ночная Мгла. — Ты должна слушаться меня и делать то, что я скажу. Ты никогда не должна прибегать к магии без моего ведома. Тебе необходимо пользоваться волшебством только так, как я скажу, даже если не понимаешь, чему именно я тебя учу. И... — она оглянулась, чтобы встретиться взглядом с Мистаей, — ты никогда не должна уходить без меня из Бездонной Пропасти. — Ведьма помолчала, давая возможность девочке переварить услышанное. — Потому что Райделл будет искать тебя, а я никогда себе не прощу, если из-за моей небрежности ты попадешь к нему в руки. Так что, пока я за тебя отвечаю, ты будешь держаться подле меня. Никогда не покидай пропасть. Поняла?

Мистая кивнула. Она все поняла.

Ведьма повернулась и пошла дальше. На ее скрытом от Мистаи гладком холодном лице появилась довольная улыбка, красные глаза победно горели.

Весь день они посвятили занятиям. Смысла некоторых уроков Мистая не понимала, как и предупреждала ведьма. Некоторые уп-

ражнения казались лишенными всякого смысла, другие включали в девочке такие силы, что Мистая чувствовала: волшебная энергия бьется в ней, как пульс во время бега. Иные оказались столь мягкими и нежными, что не вызывали и вовсе никаких ощущений и состояли лишь из слов и пассов.

К вечеру Мистая испытывала двойственное чувство к тому, чем занималась весь день. С одной стороны, она ощутила и видела магию, которой обладала. Этакое странное эфемерное создание, пробуждающееся к жизни и слегка высовывающее мордочку из тех глубин, откуда девочка пыталась его достать. А с другой стороны, то, как эта магия себя проявляла и действовала, оставалось загадкой. Ночная Мгла, казалось, была довольна, но сама Мистая чувствовала некоторое разочарование.

Один раз, например, они создавали монстра. Причем выбрала сама Мистая, поощряемая учительницей, которая побуждала девочку сотворить настолько неуязвимое чудовище, насколько она может себе вообразить. И достигнутые в этом Мистаей успехи порадовали ведьму больше всего остального. Ночная Мгла сказала, что у девочки все отлично получилось, и добавила, что завтра они попробуют создать другого монстра.

Почему монстры? Мистая никак не могла этого понять, но ведь Ночная Мгла сказала же, что иногда она не будет понимать смысла заданной задачи, верно?

Лежа, завернувшись в одеяло, возле костра, который Ночная Мгла позволила ей зажечь для тепла — самой ведьме, казалось, этого и вовсе не нужно, — девочка смотрела в темную тишь Бездонной Пропасти и размышляла, правильно ли она поступила. Конечно, узнать, что действительно обладаешь магией, очень приятно, но нельзя игнорировать то, что ее занятия ею несколько, скажем так, незаконны. Действительно ли отец это одобряет? Должно быть, да, раз до сих пор не пришел за ней. Но нельзя исключать и того, что он просто не знает о том, чем они тут с Ночной Мглой занимаются. А если знает и захочет эти занятия прекратить, что она тогда станет делать? Мистая не знала. Правда, здесь она в большей безопасности, чем там, где Райделл станет ее искать. И правда то, что здесь намного интереснее, чем у деда. Ночная Мгла удивительная, обладает странными знаниями и потрясающими умениями. Хоть она и учитель, но обращается с ней как с равной, это приятно. Но главное, ведьма относилась к ней с уважением, чего девочка была лишена дома.

Наконец Мистая пришла к выводу, что останется на некоторое время в Бездонной Пропасти. Настолько, чтобы выяснить, что же

произойдет дальше. В конце концов она ведь может уйти в любое время, Ночная Мгла так сказала. Может уйти, когда захочет, если согласится заплатить за это прекращением учебы.

Да, пожалуй, она задержится здесь подольше.

Мистая вновь вспомнила о Стойсвисте. Мать-Земля обещала, что болотный щенок всегда будет с ней. А так ли это? Ему не требуется ни пищи, ни воды. Чтобы он оставался всегда с ней, Мистае всего лишь нужно раз в день звать его по имени.

Девочка в ужасе прикрыла рот ладошкой. Она забыла сегодня это сделать! Ни разу не позвала щенка. Даже подумать об этом забыла!

Мистая собралась было окликнуть Стойсвиста и остановилась. Ночная Мгла не знает о болотном щенке. Как она отреагирует? Отошлет Стойсвиста прочь? И Мистаю вместе с ним?

Девочка сжала губы. Что же, не имеет значения, если щенка здесь нет. Однако стоит это выяснить, прежде чем беспокоиться о реакции Ночной Мглы.

— Стойсвист, — едва слышно позвала Мистая.

Рядом с ней мгновенно возник болотный щенок и уставился из темноты на девочку своими огромными мудрыми глазами. Изумившись, Мистая потянулась было к нему, но тут же отдернула руку. «Никогда не пытайся коснуться болотного щенка, — предупредила Мать-Земля. — Никогда».

— Привет, малыш, — улыбнувшись, прошептала Мистая.

Стойсвист в ответ вильнул своим странным хвостом.

— Ты звала меня, Мистая? — раздался из темноты голос Ночной Мглы. Девочка резко подняла голову. Внезапно возникшая из Бездонной Пропасти ведьма склонилась к девочке. — Ты что-то сказала?

Мистая моргнула и глянула на Стойсвиста. Болотный щенок исчез.

— Да нет. Должно быть, я разговаривала во сне.

— Что ж, тогда спокойной ночи.

Ведьма растворилась во тьме.

— Спокойной ночи, — пробормотала Мистая.

Глубоко вдохнув, она медленно выдохнула и снова поискала глазами Стойсвиста. Тот опять сидел на том же месте, материализовавшись из ниоткуда. Некоторое время девочка с улыбкой смотрела на занятное существо, затем глаза ее закрылись, и она погрузилась в глубокий сон.

ГЛАВА 7

КАЛЕЙДОСКОП

В то самое мгновение, как волшебный огонь Ночной Мглы коснулся советника и Абернети, Заземелье исчезло и время остановилось. Мягкий матовый свет обволок Абернети, и он полностью потерял советника из виду. Писец висел в световом коконе и полной тишине, не чувствуя абсолютно ничего. Абернети не понял, что с ним произошло. Он предположил, что мертв и так выглядит смерть, но не был уверен до конца. Абернети попытался пошевелиться, но тщетно. Попробовал разглядеть что-либо за пределами обволакивающего его светового кокона, но тоже не сумел. На самом деле писец вообще с трудом мог даже шевелить мозгами и не имел представления, дышит он или нет.

Свет вдруг внезапно сменился резким ветром и яркими красками, и Абернети вновь ощутил запахи и цвета окружающего мира. Озерный край исчез. И Абернети был твердо уверен, что находится вообще не в Заземелье. Он сидел на травяной лужайке, окружавшей большой каменный бассейн. Из фонтана посреди бассейна били вверх струи воды, разлетавшиеся в разные стороны мелкими брызгами, в которых играла радуга. На лужайке и на краю фонтана сидели люди, в самом фонтане играли дети, залезая в чашу, прыгая вниз, бегая туда-сюда под струями воды и хохоча. Стоял теплый солнечный летний день.

Абернети огляделся. Кругом было полно людей. Судя по всему, сегодня какой-то праздник, и все веселились. На дорожке работала пара жонглеров и вышагивал на ходулях красочно одетый клоун. Возле столика разрисовывали красками личико маленького мальчика. Одна из окружавших фонтан дорожек была заставлена лотками, на которых торговали сувенирами и изделиями ручной работы: хрустальными кубиками, резными фигурками, металлическими статуэтками и различной одеждой, на других дорожках продавали еду и питье. Повсюду висела реклама продаваемой продукции. Абернети не нашел ни одного знакомого названия.

Но буквы были знакомы. Если он не в Заземелье, то и не должен знать местного алфавита, верно?

Первой мыслью писца было: «Где я?»

Второй: «Почему я не умер?»

Рядом с писцом стоял какой-то мужчина с длинными черными волосами и бородой, усыпанной чем-то пурпурным, и женщина с

множеством косичек с вплетенными в них крошечными колокольчиками. У обоих в ушах серьги и золотые цепочки на шее, оба одеты в одинаковые рубахи с розами на груди. Они изумленно смотрели на Абернети.

— Эй, мужик, это было что-то! — заявил мужчина тоном, преисполненным глубокого уважения. — Как ты это делаешь?

— Это что, какой-то фокус? — спросила женщина с косичками.

Абернети никак не мог взять в толк, о чем это они. Но прекрасно понимал их речь, что изумило его не меньше, чем то, что он сумел прочитать надписи. Отовсюду вперемешку со смехом и веселым гамом доносилась музыка. Пешеходные дорожки шли вдоль больших каменных зданий и павильонов, битком набитых людьми. Дома казались незнакомыми и в то же время знакомыми. Музыка — самая разная и совершенно неузнаваемая. Громкая и нестройная. Одна группа музыкантов расположилась на эстраде, воздвигнутой в павильоне по ту сторону фонтана. Исполняемая ими мелодия, казалось, льется непосредственно из воздуха. На каждом углу висели флажки и транспаранты. Люди танцевали и пели. Везде кипела жизнь.

— Эй, это ведь не все, что ты можешь, верно? — спросил мужчина с пурпурной бородой.

— Давай, изобрази еще что-нибудь! — воскликнула его спутница.

Абернети улыбнулся и пожал плечами, желая, чтобы они поскорей ушли. Что здесь вообще происходит? Во всяком случае, он явно не умер. Так что же с ним приключилось? Он ощупал себя в поисках возможных ран. Вроде бы все на месте. Две руки, две ноги, туловище, пальцы на руках и ногах — он мог пошевелить ими в сапогах. Все цело. Абернети провел пальцами по волосам, отбросив их назад со лба, потер подбородок. Да, не мешало бы привести шерсть в порядок... Писец поправил очки. Кажется, с ним все в порядке.

Обернувшись, он оказался нос к носу с советником Тьюсом. Чародей уставился на него во все глаза. Смотрел так, будто видел впервые в жизни.

— С вами все в порядке, советник Тьюс? — обеспокоенно спросил Абернети. — Что, скажите на милость, происходит?

Тьюс открыл рот, но не издал ни звука.

Абернети немедленно вышел из себя:

— Да что с вами, волшебник? Ведьмины чары лишили вас дара речи? Прекратите так на меня смотреть!

Советник взмахнул рукой, будто отмахиваясь от привидения.

— Абернети, это вы? — с недоверием спросил он.

— Конечно, я, кто же еще? — рявкнул Абернети. И тут сообразил, что с чародеем что-то не то. Это было видно по его глазам,

слышно по голосу, и к тому же он казался неспособным принять очевидное, даже не признал своего старинного приятеля, шут побери! Возможно, он в шоке?

— Советник Тьюс, не хотите ли прилечь? — ласково предложил писец. — Хотите, я принесу вам воды или эля?

Советник долго смотрел на него, затем отрицательно потряс головой:

— Нет, это не.. это... Со мной все в порядке, правда, а вот ты... — Он замолчал, явно обескураженный. — Абернети, — спокойно продолжил он через мгновение. — Что с тобой случилось?

Теперь уже Абернети вылупился на Тьюса. Случилось с ним? Писец снова оглядел себя. Тело, руки, ноги, знакомая одежда, все на месте. Подняв глаза на друга, Абернети недоуменно спросил:

— О чем ты? — Ему пришлось почти кричать, чтобы переорать музыку.

Морщинистое бородатое лицо искривилось в гримасе.

— Ты... Ты превратился снова! Посмотри на себя! Ты больше не собака!

Не собака... Абернети засмеялся, но тут же оборвал смех, вспомнив... Все верно, он же был псом! Длинношерстным пшеничным терьером, в которого его обратил советник Тьюс, когда Мичел Арт Ри, сын старого короля, захотел причинить ему серьезный вред, да так и остался псом, потому что Тьюс не смог вернуть ему прежний облик.

Да, псом.

Вот только он больше уже не собака, внезапно сообразил писец. Он снова человек! Как же он не заметил, ведь раньше вместо ног у него были лапы!

— Ой, мамочки... — пробормотал он, все еще не веря. — Быть не может!

Он быстро ощупал себя снова. Да, руки, ноги, пальцы. Его прежнее тело! Человеческое тело! Он ощупал себя под одеждой. Шерсти нет. Кожа, мягкая, гладкая кожа, как у нормального мужчины! Абернети расплакался: слезы градом потекли у него по щекам. Он заметался в поисках чего-нибудь, во что можно посмотреться, и в конечном итоге оторвал одну из серебряных пуговиц со своей ливреи. Абернети нерешительно посмотрелся в зеркальную поверхность пуговицы, и у него перехватило дыхание.

На него смотрело человеческое лицо, лицо, которого он не видел вот уже тридцать лет.

— Это я! — нервно сглотнув, прошептал писец. — Смотри, советник Тьюс, это действительно я! Спустя столько лет!

Теперь он уже плакал и смеялся одновременно и даже испугался, что вот-вот свалится в обморок. Но советник Тьюс подскочил к нему и крепко обнял.

— Дружище, ты вернулся! — восторженно вскричал волшебник, тоже расплакавшись.

И тут от избытка чувств они начали хлопать друг друга по спине, жать руки, обниматься, не способные произнести больше ни слова.

Собравшаяся за это время вокруг толпа с интересом смотрела на друзей. Сначала людей привлекли необычные костюмы и проявленный первой подошедшей парочкой интерес, и они остались стоять, предположив, что разыгрывается какая-то трагическая постановка на свежем воздухе. Прекрасно сыграно, думали они, хоть и не совсем подходяще к случаю.

Раздались вежливые аплодисменты.

Абернети вцепился в советника, словно боясь, что если отпустит, то вновь обратится в пса. Он чувствовал дуновение ветерка и теплые солнечные лучи, запах пищи, слышал музыку и от души наслаждался — он был лишен такой возможности целых тридцать лет. Если бы он родился заново, подумал писец, то испытывал бы то же самое!

— Что с нами произошло? — сумел наконец выговорить Абернети, выскользнув из объятий друга. — Каким образом я превратился в человека? Как это случилось?

Советник, нехотя выпустив приятеля, помотал взлохмаченной головой.

— Не знаю, — недоуменно проговорил он. — Ничего не понимаю. Я думал, мы умерли!

Толпа вновь разразилась аплодисментами. Абернети наконец обратил внимание на зрителей, окруживших их тройным кольцом. Он изумился и сильно засмущался.

— Сделай что-нибудь, советник Тьюс! — горячо взмолился он, указав на людей вокруг.

Чародей удивленно огляделся, но каким-то образом сумел сохранить невозмутимость.

— Привет всем! — поздоровался он. — Может кто-нибудь сказать, где мы находимся?

В толпе раздался смех.

— На «Калейдоскопе», — ответил высокий худощавый парнишка.

— Калейдоскоп? — с сомнением в голосе повторил советник Тьюс.

— Ну да. «Калейдоскоп» — это фестиваль искусств, — ухмыльнулся парень. Ему нравилась игра, в которую играла эта необычная парочка.

— Нет, нет, он хочет знать, в каком городе, — подхватил стоящий рядом с парнишкой мужчина. Он тоже балдел от игры. — Вы в Сиэтле, штат Вашингтон, парни.

— Соединенные Штаты Америки, — добавил чей-то радостный голос.

Со всех сторон посыпались различные названия городов и штатов. Аудитория теперь пришла к выводу, что это представление с участием зрителей. Присутствующие были в восторге, и толпа разрослась почти вдвое.

— Советник! — резко позвал Абернети. — Вы понимаете, где мы находимся? Это старый мир Его Величества! Мы снова перенеслись сквозь волшебный туман! Ну и дела!

У чародея отвисла челюсть.

— Но как такое могло произойти? Ночная Мгла собиралась уничтожить нас! Так что же мы здесь делаем?

— Попросите Скотти отослать вас обратно! — заорал кто-то из зрителей.

— Это треккеры? — с надеждой в голосе поинтересовался кто-то еще.

Толпа взвыла от хохота и принялась скандировать, приглашая «артистов» продолжать дальше. Музыка, доносившаяся из павильона, на мгновение смолкла, и друзьям показалось, что внимание всех присутствующих на фестивале обращено на них и зрители с нетерпением ждут, когда продолжится представление. Абернети запоздало сообразил, что их неожиданное появление привлекло всеобщее внимание. Они материализовались из воздуха, как по волшебству — это и было волшебство, конечно, но местные жители такого и предположить не могли. Это ведь Земля, прежний мир Его Величества, и магия здесь не в ходу. Не в чести. Большинство в нее даже не верят. Зрители считают, что пес со старцем — участники фестиваля, такие же, как жонглеры, клоуны и им подобные. Какой бы магией они ни обладали, это лишь иллюзия, предназначенная для развлечения толпы.

— Нам необходимо срочно выпутаться из этой ситуации! — настойчиво проговорил Абернети. — Люди считают, что мы даем какое-то представление!

Он быстро вскочил на ноги и снова оглядел себя, свое человеческое тело, изумляясь, что он опять чудесным образом стал самим собой. Его голос рокотал.

— Нам нужно все обсудить! Но наедине, советник Тьюс!

Волшебник согласно кивнул, поднявшись одновременно с Абернети. Оба были одеты в одежды Заземелья, которые были здесь

совершенно не к месту, но их принимали за актеров, исполняющих какие-то роли. Тьюс быстро сообразил, что не стоит пытаться что-то объяснять публике, а следует исходить из сложившейся ситуации. Как и Абернети, он тоже не имел ни малейшего представления, что же с ними произошло, и ему тоже не терпелось спокойно сесть и все это обсудить с писцом.

— Хм-хм! Леди и джентльмены! Прошу минуточку внимания, пожалуйста! — обратился волшебник к зрителям самым внушительным тоном и воздев руки, чтобы привлечь их внимание. Толпа мгновенно затихла. — Нам с коллегой требуется некоторое время, чтобы подготовиться к дальнейшему представлению. Так что если вы пока немного погуляете по окрестностям, посмотрите другие фестивальные сценки, то мы с вами встретимся на этом же самом месте примерно через час. Или не встретимся, — докончил он себе под нос. А потом опять торжественно выкрикнул: — Спасибо, огромное спасибо всем вам.

Советник опустил руки и отвернулся. Толпа не двинулась с места. Люди не были готовы вот так взять сразу и уйти, ведь не всегда удается поверить в то, во что следовало бы поверить. Может, эта речь является частью представления? Два пришельца из другого мира неожиданно возникли из воздуха — весьма интригующее начало. Что же будет дальше? Желание увидеть продолжение победило, и никто не уходил.

— Ничего не вышло! — пожаловался Абернети, раздраженный, обескураженный и озадаченный всем происшедшим. — Давай же, волшебник, вытащи нас отсюда!

Советник Тьюс вздохнул, не имея понятия, что же делать, затем решительно схватил Абернети под руку и пошел прямо сквозь толпу.

— Извините, прошу прощения, очень любезно с вашей стороны, извините нас, пожалуйста.

Слегка разочарованная толпа вежливо расступилась. Советник Тьюс и Абернети безболезненно удрали и быстрым шагом направились через лужайку.

— Куда мы идем? — поинтересовался Абернети, не осмеливаясь оглянуться и проверить, не идет ли кто следом.

— Куда-нибудь, я полагаю, — пожал плечами Тьюс. — Все равно мы не знаем, где тут что.

Они прошли по дорожке мимо художника-портретиста, шаржистов, лотков с едой и питьем, по травяной площадке возле конструкции из стекла и металла, откуда раздавалась визжащая музыка.

— И что это за шум такой? — недоуменно покачал головой советник.

— Рок-н-ролл, — машинально ответил Абернети. — Когда я был здесь в последний раз, наслушался его в большом количестве. — Его начали одолевать воспоминания, но он постарался от них отделаться. Развернувшись, писец схватил Тьюса за плечо и притянул к себе. — Что происходит, волшебник? Посмотри на меня! Я не знаю, плакать мне или смеяться! Я снова человек, елки-палки! Как это случилось? Уж наверняка Ночная Мгла такого не планировала! Она пыталась нас убить! Почему же мы живы? И почему мы здесь?

Советник сжал губы и быстро заморгал.

— Ну, либо она что-то неправильно сделала, либо вмешалась какая-то другая магия и изменила конечный результат. Я склоняюсь к последнему. — Советник прикоснулся к щеке писца трясущейся рукой. — А вот еще новость! Абернети, ты хоть отдаешь себе отчет, что ты не постарел ни на один день с того момента, как я превратил тебя в пса много лет назад?

— Этого быть не может! — недоверчиво вскричал Абернети. — Ни на один день? Да нет же, я обязан был состариться! Почему я не должен был постареть? Это что, воздействие магии? Той, которая, по-твоему, вмешалась в действия заклинания Ночной Мглы? Она обратила меня не просто в человека, а именно в того человека, которым я был много лет назад. Почему, советник? Почему она так подействовала?

Они уставились друг на друга в недоуменном молчании. Музыка, смех и веселье фестиваля бурлили вокруг них, чужаков из иного мира, изгнанников по причине, о которой они не имели ни малейшего представления. «О, но я снова человек! — подумал Абернети с радостью и некоторым испугом. — Как бы там ни было, но я опять тот, кем был и кем всегда хотел стать!»

— Мне не хочется тебя расстраивать, но все это очень странно, — серьезно заявил Тьюс.

— Прошу прощения!

Друзья резко обернулись на девичий голос и обнаружили стоящую в двух шагах от них внимательно смотрящую на них девушку. Лет девятнадцати, подумал Абернети, невысокая, с вьющимися светлыми волосами и усыпанным веснушками носом. На девушке были короткие штаны, узкая небесно-голубая блузка с какой-то надписью и сандалии. Вид у нее был озадаченный.

— Я стояла в толпе зрителей несколько минут назад, — сказала она, пристально глядя на них, особенно на Абернети. — И пошла потом за вами следом, потому что ваш голос... Я понимаю, это звучит глупо, но... вы мне кое-кого напоминаете...

Она замолчала, нахмурившись, и пристально посмотрела на советника Тьюса.

— Я вас помню. Теперь я точно в этом уверена. Вас зовут советник Тьюс.

Советник Тьюс и Абернети быстро переглянулись.

— Она подслушала наш разговор, — мгновенно отреагировал Абернети.

— Вовсе нет, — покачала головой девушка и шагнула вперед. — Абернети, это ведь ты, правда? Ты больше не собака, поэтому я и не поняла сразу. Но голос у тебя все тот же. И глаза. Ты меня не помнишь? Я Элизабет Маршалл. — Она улыбнулась. — Я Элизабет.

И тут Абернети вспомнил. В последний раз он видел ее, когда двенадцатилетняя Элизабет бродила по Граум-Вит, крепости Мичела Арт Ри, бывшего принца Заземелья, сына старого короля. Это было еще до прихода Бена Холидея. Тогда Абернети, отправленный на Землю советником Тьюсом при помощи какого-то очередного неполноценного заклинания, оказался запертым в комнате трофеев своего заклятого врага и ожидал скорой смерти, когда Элизабет нашла его и спасла. Вместе они постарались утаить от Мичела присутствие Абернети и отыскать путь обратно в Заземелье. Элизабет оставалась с писцом до конца. Даже когда она обнаружила, что ее собственная безопасность находится под угрозой, то и тогда девочка не захотела предать своего нового друга.

— Никогда не думала, что увижу тебя снова, — тихонько произнесла она, будто все еще сомневаясь, что это действительно он.

— Я тоже, — изумленно выдохнул Абернети.

Элизабет быстро подбежала к писцу и крепко обняла его.

— Не могу поверить, — пробормотала она, уткнувшись ему в плечо, — это просто невероятно.

— Ну да, — согласился Абернети, прижимая девушку к себе, неспособный произнести ничего более связного.

Наконец она оторвалась от писца. В глазах ее стояли слезы.

— Смотри-ка, разревелась, как ребенок. — Она смахнула слезы рукой. — Когда я увидела тебя, вернее, вас обоих, в окружении толпы, то никак не могла понять, как такое может быть. То есть... — Элизабет замолчала, помотав головой. — Абернети, что ты здесь делаешь?

Писец смущенно пожал плечами:

— Сам толком не знаю. Мы как раз пытались разобраться. Мы даже не очень понимаем, как вообще сюда попали. Вообще-то это долгая история. — Он посмотрел на Элизабет. — А ты выросла.

Девушка засмеялась:

— Ну, не то чтобы до конца, но определенно подросла с тех пор, как мы расстались. Мне будет шестнадцать через несколько месяцев. Так что привет. И вам привет, советник Тьюс.

— Очень рад снова видеть тебя, — ответил Тьюс. Прокашлявшись, он добавил: — Э-э, хотелось бы знать, Элизабет, можем ли мы на тебя рассчитывать...

— Вам негде остановиться, верно? — перебила девушка чародея. — Конечно, негде. Вы ведь только что прибыли? Что же, пока вы здесь, вам нужно где-то жить. Сколько вы здесь пробудете?

Советник вздохнул:

— В настоящий момент мы еще не решили.

— Не важно. Вы можете остановиться у меня. Я по-прежнему живу в Вудинвилле, но уже не в Граум-Вит. У нас с папой свой дом дальше по дороге. Папа по-прежнему является управляющим имением и замком, но его не будет до следующей недели, так что дом целиком в нашем распоряжении. Есть еще, правда, миссис Аллен. Она смотрит за домом. И за мной тоже. Потом расскажу. — Она хихикнула. — Абернети, я все еще не могу поверить. Посмотри на себя!

Абернети покраснел, как помидор.

— Ну... — промямлил он.

— Может быть, — предложил Тьюс, — нам следует отправиться к тебе домой, Элизабет. Нам действительно нужно сесть и спокойно поговорить.

— Конечно, — мгновенно согласилась Элизабет. — Только скажу друзьям, что ухожу. Я приехала сюда на автобусе, так что и домой нам придется тоже ехать автобусом. Думаю, у меня достаточно денег, чтобы оплатить три билета. Во всяком случае, надеюсь, потому что готова поспорить, что у вас нет ни цента. Ух, а все-таки действительно странно вот так снова встретиться, верно?

Советник Тьюс кивнул, глядя отсутствующим взглядом на праздничную толпу. Повсюду продолжала грохотать музыка, в воздухе парили воздушные шарики. Пахло готовящейся едой, раздавались смех и пение. «Калейдоскоп» — фестиваль искусств. Сиэтл, штат Вашингтон, Соединенные Штаты. Старый мир Его Величества. А теперь еще и Элизабет. Все это действительно странно. Совершенно невероятное стечение обстоятельств или что-то гораздо более сложное. Советник не стал говорить вслух, но про себя решил, что он, пожалуй, считает второе предположение более верным.

И подумал, что им просто необходимо понять, что к чему, прежде чем произойдет еще что-нибудь.

ГЛАВА 8

ГРАУМ-ВИТ РЕДУКС

Распрощавшись со своими друзьями, Элизабет повела Абернети с советником сквозь праздничную толпу мимо здания, именуемого Центром, катающихся на механических каруселях галдящих детей, большого количества палаток с едой к платформе монорельса — вещь новая для советника, проведшего в старом мире Его Величества гораздо меньше времени, чем Абернети. Немного подождав, они сели в поезд и поехали в город. Абернети радовался тому, что все ему знакомо, и размышлял над невероятным фактом своего превращения. Пока они двигались по направлению к высоким домам, он все время не сводил глаз со своего отражения в окне, все еще не веря до конца, что это правда, и в глубине души опасаясь, что в любой момент может превратиться снова в пса.

Но факт оставался фактом, и не было никаких признаков обратного превращения. Он снова стал самим собой, стал человеком, причем человеком прежним, каким когда-то был. Мужчина неприметной внешности, среднего роста и веса, темные прямые волосы обрамляли узкое лицо. Очки без оправы привычно сидели на носу, одинаково удобные ему и в человеческом, и в собачьем обличье. Широко поставленные карие глаза, полные, хорошо очерченные губы и твердый подбородок. В общем-то, конечно, ничем не примечательная физиономия, но все же вполне привлекательная.

К тому же его собственная. Глядя на свое отражение, Абернети чувствовал себя так, будто с его плеч спал огромный груз. Когда он в последний раз посетил мир Бена Холидея, то вынужден был прикидываться настоящим псом, чтобы избежать всяких неприятностей. Магия здесь не приветствовалась. И о говорящих собаках никто слыхом не слыхивал. Абернети оказался здесь почти что чудом света, и не раз предпринимались попытки использовать этот факт. Так что он пробирался аки тать в ночи, изображая то, чем на самом деле вовсе не являлся, испуганный и потерянный. В этот же раз он спокойно шел, как и все остальные, потому что выглядел, как все. Он чувствовал себя полностью в своей тарелке. Ну во всяком случае, гораздо больше, чем чувствовал бы себя в облике собаки. В конце концов это ведь чужая страна. Но когда он наконец вернется обратно в Заземелье...

Эта мысль вызвала у него улыбку.

— Ну и на что это похоже? — внезапно спросила Элизабет. Все это время она пристально наблюдала за писцом. — Ну, то есть снова быть человеком?

У Абернети хватило совести покраснеть.

— Я никак не могу насмотреться на свое отражение. Прошу прощения. Но это совершенно чудесно. Не могу передать словами, насколько чудесно. Прошло уже очень много времени, Элизабет, с тех пор как я... — Он замолчал. — Я... Я очень счастлив.

Девушка в ответ улыбнулась:

— Знаешь, что? Ты очень симпатичный. — У Абернети отвисла челюсть. Он почувствовал, что заливается краской. — Нет, правда, — настойчиво продолжила Элизабет. — Действительно симпатичный.

Абернети ждал ехидного комментария со стороны советника Тьюса, но чародей, казалось, не обращал ни малейшего внимания на разговор. С отсутствующим выражением лица волшебник смотрел куда-то в пространство, погрузившись в свои мысли. Пробормотав что-то невразумительное, Абернети уставился в окно на проносящиеся мимо дома. Хватит любоваться собой. Ему тоже есть над чем поразмыслить. Необходимо постараться понять, что же все-таки происходит. Что же перенесло их сюда именно в это время и место, превратило его снова в человека и снова связало его с Элизабет? Как и советник Тьюс, писец полагал, что вряд ли это случайное стечение обстоятельств. У него было такое чувство, что происходит что-то такое, чего он не понимает, а понять необходимо. Но пока что он был так озадачен своим превращением, что не мог думать больше ни о чем другом.

Абернети снова взглянул на свое отражение в окне и чуть не расплакался. Может же он еще немного порадоваться, разве нет? Ведь он так долго ждал этого момента!

На конечной остановке они вышли из поезда и вошли в высотное здание, стоящее среди таких же высотных домов. Весь ансамбль производил огромное впечатление, едва ли не подавляющее. Отсюда они двинулись по лестницам, некоторые из которых двигались сами, на подземную станцию, где сели в автобус. Советник никогда не видел раньше автобусов, поэтому Абернети уделил некоторое время объяснению принципа их работы и все переврал. Элизабет хихикала, чем привела в смущение обоих. Теперь они оказались уже довольно далеко от «Калейдоскопа», и люди начали обращать внимание на их странные одеяния — советник в сером балахоне с яркими обшлагами и Абернети в алой с серебряным шитьем ливрее для верховой езды, — но все вели себя тактично, не сказав ни слова. Автобус по подземному проезду выехал на дорогу, дважды оста-

навливаясь в пути, затем они выехали из тоннеля на улицу, освещенную вечерним солнцем, и оказались на трассе, забитой другими машинами, двигающимися рядами, исчезающими вдали. Все ехали довольно медленно. Они сидели в конце автобуса и молча смотрели в окно.

— Как поживают Бен Холидей с Ивицей? — спросила наконец Элизабет у Абернети.

Он ответил, что хорошо. Рассказал о Мистае. Одно влекло за собой другое, и, поскольку советник Тьюс не кинул на него предостерегающего взгляда, Абернети в конечном счете рассказал Элизабет о Ночной Мгле и ночном нападении на их караван, когда они везли Мистаю к дедушке. Говорил Абернети очень тихо, так что соседи не слышали ни единого слова. Хотя они и так вряд ли что могли услышать из-за шума двигателя. Он поведал девушке, что они с советником уже считали, что им пришел конец, когда Ночная Мгла призвала свою могучую магию, но вдруг неожиданно оказались в старом мире Его Величества, в Сиэтле, на «Калейдоскопе». А остальное ей известно.

— Все это очень странно, — задумчиво произнесла Элизабет, когда Абернети закончил свое повествование. — Хотелось бы мне понять, почему вы в конечном итоге оказались именно здесь.

— Да уж, — бросил советник Тьюс, не поворачивая головы.

— Хотела бы я жить в вашем мире, — внезапно заявила девушка. — Там всегда происходит так много интересного.

Абернети бросил на нее удивленный взгляд и тут же отвел глаза.

Доехав до Вудинвилла, они вышли из автобуса и пошли по дороге, убегающей вдаль среди холмов. Кроме них, на ней не было ни души. Дома и оживленная магистраль остались в стороне. Стало прохладней, солнце начало клониться к видневшимся на горизонте горам. Местность оказалась довольно холмистой и лесистой, слышалось пение птиц и пахло травой, листвой и цветами.

— Я должна рассказать вам о миссис Аллен, — немного спустя начала Элизабет. При этом она решительно вздернула подбородок, как делала всегда, когда касалась какой-то неприятной темы. — Она экономка. Живет с нами. Папа часто и подолгу отсутствует, и она присматривает за мной, когда его нет. Вообще-то она довольно милая, но считает, что все дети — а в эту категорию вхожу я и все, кто моложе двадцати пяти, — постоянно во что-нибудь влипают. Не то чтобы она полагала, что мы сами напрашиваемся на неприятности. Нет, просто мы не в состоянии их избегать. Так что главным образом она занята тем, что всячески старается удержать меня дома, в безопасности. Она возражала, когда я сообщила ей, что

собираюсь поехать на «Калейдоскоп», но папа сказал, что не имеет ничего против, так что она ничего не могла поделать. Поэтому нам лучше придумать какую-нибудь удобоваримую историю о том, откуда вы появились, иначе наверняка возникнут проблемы.

— Правда, как я полагаю, в данном случае не пойдет? — спросил советник.

Элизабет ухмыльнулась:

— От правды у нее крыша поедет.

— Мы можем пожить где-нибудь еще, раз из-за нас могут возникнуть проблемы, — предложил Абернети.

— Да, в каком-нибудь амбаре или просто в чистом поле, например, — заявил советник, укоризненно глянув на писца. — Право же, Абернети!

— Нет-нет, вы будете жить у меня, — быстро возразила Элизабет. — У нас полно места. Но нужно что-то придумать для миссис Аллен. Ну, например, ты, Абернети, можешь представиться моим дядей, приехавшим из Чикаго. А советник Тьюс — твой друг, профессор... профессор-геолог. Занимаетесь изысканиями. Хотя нет, лучше вы едете в университет на форум по полезным ископаемым, а по дороге решили навестить папу, не зная, что его нет. И я пригласила вас погостить. Да, это, пожалуй, сойдет.

— Мы полагаемся на тебя, — торжественно провозгласил советник Тьюс, мило улыбаясь. — Если повезет, то наш визит окажется очень кратким.

— Я бы на это не очень рассчитывала, — задумчиво ответила Элизабет, и оба ее компаньона не стали возражать.

Вскоре они подошли к маленькому двухэтажному домику, стоящему чуть в стороне от дороги среди кизиловых деревьев и елей. Дом был окружен цветами, вдоль дорожек росли петунии и рододендроны. Обшитое деревом строение было окрашено в приятный синий цвет. На окнах стояли цветочные горшки, вдоль фасада тянулось резное крытое крыльцо. Окна мансарды были завешены яркими занавесками, и по обе стороны крыши торчали массивные каменные трубы. Солнце освещало домик сквозь ветви деревьев. В кустах быстро скрылся бело-рыжий кот. Они подошли к дверям, и Элизабет решительно позвонила. Ответа не последовало. Похоже, миссис Аллен куда-то вышла. Элизабет достала из кармана ключ, открыла замок и ввела друзей в дом.

— Придется нам придумать и почему у вас нет багажа, — объявила девушка, убедившись, что миссис Аллен действительно отсутствует. — Похоже, дело окажется труднее, чем я думала.

Она показала им спальню на втором этаже, их комнату на время пребывания в доме, затем принесла кое-что из одежды отца. Одежда в

основном оказалась практически впору и, уж во всяком случае, меньше привлекала внимание, чем их собственные наряды. Когда друзья переоделись, девушка отвела их на кухню, посадила за стол и принялась готовить сандвичи. Довольно скоро они приступили к еде. Абернети с советником обнаружили, что они гораздо более голодны, чем полагали, и мгновенно проглотили все, что было предложено.

Покончив с едой — к этому времени за окном начало стремительно темнеть, — они приступили к обсуждению происшедшего. Усевшись поудобнее, упершись локтями о стол и подперев подбородки, они являли собой этакую задумчивую троицу.

— Что же, по крайней мере в одном мы можем быть твердо уверены, — заявил советник Тьюс, открывая дискуссию. — Ночная Мгла собиралась нас уничтожить, а не перенести в этот мир. Таким образом, мы оказались здесь не благодаря, а вопреки ее магии.

— Да, безусловно, — нетерпеливо согласился Абернети. — Это мы уже выяснили, волшебник. Скажи что-нибудь новенькое. О том, что произошло со мной, к примеру.

— Твое превращение произошло одновременно с переносом. Точнее, сперва ты снова стал человеком, а потом перенесся сюда вместе со мной. — Советник задумчиво потер переносицу, нахмурился. — Все это каким-то образом связано между собой, тебе не кажется?

— Я вообще не знаю, что и думать, — изрек Абернети. — Что ты имеешь в виду, говоря, что все это связано между собой?

Советник сцепил пальцы и уперся в них подбородком.

— Следует предположить, как я уже упомянул ранее, что вмешательство какой-то магии помешало ведьме нас уничтожить. Возникает вопрос: чьей магии? Она могла исходить от эльфов, возможно, вмешался сам Владыка Озерного края, чтобы спасти внучку. Возможно, Мать-Земля. Она всегда была близка с Ивицей, и у нее имелись все основания защитить ребенка своей подруги.

Абернети нахмурился:

— Кажется, ни то, ни другое не годится. Если Владыка Озерного края и Мать-Земля присматривали за Мистаей, то каким образом тогда Ночная Мгла сумела вообще подойти так близко? К тому же я не увидел ничего такого, что могло бы спасти Мистаю после нашей гибели.

— Да, действительно, что-то не клеится, — признал советник.

Вмешалась Элизабет, внимательно слушавшая, но не проронившая пока ни слова.

— А не могла спасти вас сама Мистая? Она владеет какой-нибудь магией?

Друзья уставились на девушку, тщательно взвешивая высказанное предположение.

— Прекрасная мысль, Элизабет, — немного спустя заявил советник. — Но Мистая не обучена пользоваться той магией, которой, возможно, обладает, а волшебство, которое противостояло колдовству Ночной Мглы, было утонченным и тщательно отработанным.

— Кроме того, — добавил Абернети, — Мистая спала. Я видел своими глазами, когда посмотрел на нее, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Она спала сном младенца, будто ничего и не происходило вовсе. Думаю, ведьма наложила на нее какие-то чары, чтобы помешать девочке убежать.

— Очень даже может быть, — согласился советник. Откинувшись на спинку стула, он облизал губы. — Ну что ж. Значит, вмешалась какая-то магия и спасла нам жизнь. И переправила нас в старый мир Его Величества, превратила Абернети снова в человека и даровала нам владение местным языком. Но — и это главное — она переправила нас в то самое место, где мы появились в прошлый раз, где Абернети непреднамеренно обменялся местами со Злыднем, в место, где расположен Граум-Вит, являвшийся прежде домом Мичела Арт Ри. И, — тут он многозначительно кивнул на Элизабет, — буквально в нескольких метрах от тебя.

Абернети уставился на чародея:

— Погоди-ка минуточку, советник Тьюс. Что это ты пытаешься сказать?

— Только то, о чем мы все так или иначе говорили с момента встречи на «Калейдоскопе». Вряд ли является случайным совпадением, что мы оказались именно здесь, поблизости от Граум-Вит, и практически свалились на голову Элизабет. Готов поспорить, что у всего этого есть вполне конкретная причина. Кто бы ни спас нам жизнь, сделал он это неспроста. А с определенной целью. Нас спасли по какой-то весьма веской причине. И послали в старый мир Его Величества не абы куда, а в одно, вполне определенное место, преднамеренно выкинув нас поблизости от Граум-Вит.

Он помолчал, размышляя.

— Элизабет, по-моему, ты сказала, что Граум-Вит все еще стоит?

— Пошли, сами увидите, — пригласила девушка, поднявшись из-за стола.

Она провела их во внутренний двор, по дорожке среди елей к решетчатому забору, остановилась там, где между деревьями был просвет, и указала рукой направо. Там, отчетливо видный на фоне неба, стоял Граум-Вит. Замок возвышался на холме, последние лучи солнца освещали его стены и башни. Основательный, черный и мрачный.

Элизабет опустила руку. Ее кудри сверкнули на солнце.

— Все там же, где и стоял. Помнишь, Абернети?

Абернети вздрогнул:

— Вполне бы мог обойтись без подобных воспоминаний. Должен сказать, что он все такой же противный. — Внезапно пришедшая мысль заставила его вздрогнуть еще сильней. — А Мичел Арт Ри не вернулся ли, часом?

— Ну что ты, конечно, нет! — рассмеялась Элизабет. — Он переехал в Орегон, это в нескольких сотнях километров отсюда. А Граум-Вит подарил государству как музей. Создан специальный трастовый фонд, который возглавляет мой отец. Он за всем тут и присматривает. Нет, не волнуйся, Мичел давно уехал.

— И моя магия этому поспособствовала, — не преминул подчеркнуть советник Тьюс.

— Очень на это надеюсь, — пробормотал Абернети, размышляя о том, что на волшебство советника Тьюса никогда нельзя было особенно полагаться.

Вернувшись в дом, они вновь заняли свои места за столом. Опустилась темень, последние лучи солнца скрылись за горизонтом. Элизабет налила всем по стакану холодного молока и достала корзиночку печенья. Советник Тьюс охотно приступил к еде, а вот Абернети обнаружил, что у него напрочь пропал аппетит.

— Все-таки я думаю, никакое это не совпадение, а часть какого-то таинственного плана, — с сомнением в голосе подвел итоги писец. — Только вот какого плана?

Советник посмотрел на него, как на невнимательное чадо, выгнув брови домиком:

— Ну, ответа на этот вопрос у меня, безусловно, нет. Если бы был, то не было бы необходимости в нашей сегодняшней дискуссии, не так ли?

Абернети пропустил эту реплику мимо ушей:

— Вмешательство чьей-то магии спасло нас от Ночной Мглы и отправило в старый мир Его Величества, на Землю. Причем конкретно к Граум-Вит и Элизабет. — Он взглянул на Элизабет, затем на советника. — Я все равно не понимаю.

— Я тоже не очень понимаю, — признался Тьюс. — Но давайте предположим на минуточку, что кто-то или что-то, что помогло нам, помогло и Мистае. Насколько нам известно, никто, кроме нас, не в курсе, что случилось с девочкой. Мы знаем, что ее забрала Ночная Мгла. Знаем также, что ведьма собирается использовать ребенка, чтобы отомстить Его Величеству, и что Райделл из Марнхулла участвует в ее планах. Так что мы можем передать сообщение

Бену Холидею, чтобы он смог предпринять что-нибудь для того, чтобы сорвать планы ведьмы. Возможно, именно это от нас и требуется. Мы живы и находимся здесь с какой-то определенной целью, Абернети. А какая цель может быть лучше, чем найти способ обезвредить Ночную Мглу, прежде чем она воплотит в жизнь свой план?

— Спасены, чтобы принять участие в следующем сражении, да? — поинтересовался Абернети, машинально почесав голову, даже не заметив, что делает это именно рукой, а не задней лапой, как прежде. — Может быть, нас сюда послали просто для того, чтобы убрать с дороги. Может, наш спаситель помог также и Мистае.

Но советник Тьюс помотал головой:

— Нет. Нет, я совершенно уверен, что все не так. Начнем с того, что если наш спаситель был там все время, охраняя нас именно на предмет неожиданной опасности, требующей немедленного вмешательства, то почему он не спас Мистаю до того, как ведьма нанесла свой удар? Почему выжидал до самого последнего момента? Если наш спаситель собирался просто убрать нас с дороги, как ты говоришь, зачем ему было отправлять нас на Землю? Почему не отослать обратно в замок Чистейшего Серебра или еще куда? Нет, Абернети, мы здесь по какой-то конкретной причине, и это как-то связано со спасением Мистаи из лап ведьмы.

— И ты считаешь, что ответ лежит в Граум-Вит, верно? — заявила Элизабет, первая придя к логическому выводу.

— Именно, — ответил Тьюс. — В Граум-Вит великое множество волшебных артефактов, и некоторые из них очень могущественные. А один, возможно, может помочь нам вернуться в Заземелье. Или подсказать, как справиться с ведьмой. Дело в том, что без магии мы здесь в ловушке и не можем помочь Его Величеству и Мистае. У нас нет возможности пройти сквозь волшебные туманы. И никто в Заземелье не знает, где мы. Никто за нами не придет. Так что, полагаю, нам самим нужно изыскать способ вернуться домой. На самом деле мы обязаны это сделать, если хотим спасти Бена Холидея и Мистаю.

Троица уставилась друг на друга. Каждый оценивал про себя значимость сказанного.

— Может быть, — в конечном итоге признал Абернети.

— Никаких «может быть». В Граум-Вит лежит ответ на нашу дилемму, — торжественно продолжил советник Тьюс. — Но ключом к Граум-Вит являешься ты, Элизабет. Нас послали к тебе, потому что твой отец — управляющий замком и всеми его сокровищами. Ты жила в замке и знаешь, что там есть. Имеешь доступ

туда, куда не пустят никого постороннего. То, что нам нужно, лежит где-то в замке. Я в этом совершенно убежден. Просто нам нужно это найти.

— Можем начать прямо завтра утром, когда замок откроется, — сообщила Элизабет. — Это-то как раз самое простое. Гораздо труднее найти то, что вам нужно, потому что вы сами не знаете, что конкретно надо искать.

— Верно, — признал советник Тьюс, слегка пожав плечами.

— Но какое все это имеет отношение к моему превращению в человека? — гнул свое Абернети.

Он все еще ждал ответа, когда послышался звук поворачивающегося ключа в замке и входная дверь распахнулась. Три головы повернулись одновременно.

— Элизабет, ты дома? — послышался хрипловатый женский голос.

— Миссис Аллен! — объявила Элизабет, скорчив кислую гримасу.

Вопрос Абернети повис в воздухе на неопределенное время.

Миссис Аллен оказалась не столь примечательной, как ожидалось. Крупная женщина с седеющими волосами, грубовато-простодушным лицом, недоверчивая, но не вредная. Элизабет преподнесла ей заготовленную историю о том, что Абернети и советник приехали проведать отца и она пригласила их остаться. Миссис Аллен после нескольких вопросов и общих заявлений на тему, что она снимает с себя всякую ответственность, согласилась с их присутствием без особых споров и удалилась к себе в комнату, чтобы возле телевизора выпить чашечку травяного чая. Абернети с советником отправились спать с чувством глубокого облегчения.

На следующее утро они проснулись рано и, спустившись вниз, обнаружили, что миссис Аллен ушла на весь день к своей сестре. Желая как можно раньше приступить к поискам в Граум-Вит, они торопливо поели, вымыли посуду и вышли из дома во главе с Элизабет.

Стоял чудесный солнечный день. В небе ни облачка. На деревьях пели птички, в воздухе витал аромат цветов. В хорошем настроении троица сошла с крыльца, пересекла двор, свернула налево и направилась по дороге к замку.

Элизабет, заговорщицки улыбаясь, взяла Абернети под руку. Писец почувствовал себя крайне неловко и напрягся.

— Ты классно выглядишь в папиной одежде, — сообщила девушка. — Очень элегантно. Тебе нужно все время так ходить.

— А также чаще улыбаться, — смеясь, добавил советник Тьюс.

— Это настолько невероятно, что ты снова здесь, Абернети, — продолжала между тем Элизабет, сжимая руку писца. — Ты по-

смотри на себя, только посмотри! Кто бы мог поверить, что такое когда-нибудь произойдет! Разве не здорово? Ты не рад?

— Очень рад, — признался Абернети, стараясь не выдать своих истинных чувств, потому что на самом деле он размышлял над тем, какую цену ему придется заплатить за свое чудесное, но все еще необъяснимое превращение. Ведь ничто не дается даром. Ему вспомнились кристаллы Хорриса Кью. Ничто не дается даром.

— У тебя есть семья? — внезапно спросила Элизабет. — Жена и дети?

Он несколько озадаченно помотал головой.

— А отец с матерью?

— Их нет уже много лет. — На самом деле он их едва помнил.

— Братья и сестры?

— Нет. Боюсь, что нет.

— Гм-м. Довольно грустная картина, тебе не кажется? Может, мне следует тебя усыновить! — сверкнула она улыбкой. — Шучу. Но ты действительно можешь стать членом моей семьи, поскольку она небольшая и вполне может позволить себе увеличиться на одного или двух человек. Что скажешь? Неофициальное усыновление, а?

— Спасибо, Элизабет, — поблагодарил действительно тронутый вниманием девушки Абернети.

Так они и шли по дороге к Граум-Вит — старик с торчащими в разные стороны белыми волосами, молодой человек с задумчивым лицом и очками на носу и кудрявая девушка, которая взяла на себя ответственность за обоих мужчин ну точно как Дороти со своими друзьями в сказке Баума «Волшебник Страны Оз». Только вот этот самый Граум-Вит, выглядевший как грозный замок, не имел совершенно ничего общего с Изумрудным городом. Он не был ни зеленым, ни сверкающим, а, наоборот, мрачно-серым и тусклым.

Впрочем, Абернети с советником ничего не знали ни о Стране Оз, ни об Изумрудном городе. Если бы сказка была им знакома, возможно, им бы пришло в голову сравнить мрачность Граум-Вит с яркостью замка Чистейшего Серебра, например. На самом же деле они размышляли совсем о другом. Абернети пытался представить свою дальнейшую жизнь, когда он уже не в облике собаки, а самый настоящий мужчина. Он пытался представить себя в новом обличье в различных ситуациях. Советник Тьюс, в свою очередь, вспомнил заданный вчера вечером его другом вопрос, какое отношение имеет превращение пса обратно в человека к их появлению на Земле, и надеялся, что возникшие у него в этой связи подозрения, не высказанные вслух, окажутся напрасными.

Небольшая компания подошла к каменной стене, окружавшей замок, и прошла сквозь металлические ворота на мост. Над ними возвышался Граум-Вит — массивное скопление башен и парапетов. Мост был опущен, а решетка поднята, так что друзья прошли в замок и оказались на устроенной во дворе автомобильной стоянке. В ее дальнем конце виднелась одинокая машина. Сувенирный киоск, расположенный в бывшей караульной, закрыт. Граум-Вит казался совершенно вымершим.

— Все в порядке, — заверила Элизабет. — Музей еще не работает для публики, но мы можем войти.

Девушка провела их к лестнице, которая вела к массивным металлическим дверям. Она постучала тяжелым подвесным кольцом и подождала. Минуту спустя дверь открылась, и мужчина, которого Элизабет поприветствовала, назвав Харви, впустил их внутрь, улыбнувшись. Они вошли в тот же холл, где несколько лет назад Бен, Ивица и Майлз Беннетт — поверенный Бена, одетые в костюмы для Хэллоуина, разрабатывали план побега писца из казематов Мичела Арт Ри. Абернети с опаской огляделся, но Мичела с охранниками здесь уже давно не было, и сам холл переоформили, украсив яркими коврами, установили стенд и пропускной пункт, где восседал Харви. Обменявшись с ним парой шуточек, Элизабет повела Тьюса и Абернети внутрь замка.

Весь день решено было потратить на поиски. Они обошли все коридоры и комнаты, открытые для посетителей, пересмотрели множество предметов, выставленных на обозрение. Однако то, что было нужно, они так и не нашли.

К полудню результата все еще не было. В обед они перекусили в маленьком кафе, устроенном в помещении бывшей кухни. К этому времени в замок начали приезжать автобусные экскурсии и туристы-одиночки на машинах. Чтобы не попасть в толпу зевак, Элизабет отвела друзей к складским помещениям замка, куда вход посетителям был воспрещен, чтобы осмотреть предметы, признанные либо нестоящими, либо еще не готовыми к выставке. Ящиков было множество, но они исхитрились заглянуть в каждый. Затем друзья все вместе осмотрели кабинеты, заваленные необычными камнями и минералами, резными фигурками и статуэтками, картинами и самыми разными поделками. Но ничему из всего этого Тьюс не видел достойного применения.

— Это здесь, я точно знаю, — бормотал он, качая взлохмаченной головой. — Я никак не могу ошибиться. Это здесь, но я просто никак не могу это увидеть. Придется завтра возвращаться и начинать все по новой. Тьфу!

Троица нехотя отправилась обратно с пустыми руками. Особенно огорчился советник Тьюс.

Элизабет с Абернети всю дорогу перешептывались. Они совершенно не были против, чтобы потратить на поиски еще день. Если бы советник Тьюс не был столь погружен в свои мысли, то заметил бы, что Элизабет держит Абернети за руку и им так хорошо вместе.

ГЛАВА 9

ЧТО ТЫ ВИДИШЬ

Первый из бойцов Райделла из Марнхулла, как и было обещано, появился точно через три дня после того, как Бен Холидей принял вызов.

К восходу солнца воин уже стоял по ту сторону ворот замка Чистейшего Серебра — крупная одинокая фигура, возвышавшаяся на дальнем конце моста. Это был мужчина гигантского роста и огромной силы. В этой стране воины зачастую достигали двухметрового роста, но этот был намного выше. Массивный гигант с широченными плечищами и древоподобными ногами был одет в звериную шкуру, крепившуюся кожаными шнурками. Высокие сапоги доходили до самого туловища, на руках — перчатки с металлическими шипами. Черная борода и густые черные же волосы почти скрывали лицо, виднелись лишь сверкающие на утреннем солнце глаза. Из оружия у него была одна обшитая железом деревянная булава.

Бен Холидей, стоя на башне вместе с Ивицей и Сапожком, неотрывно смотрел на бойца короля Райделла. Появление воина, конечно, никого не удивило. С момента исчезновения Мистаи, Абернети и советника Тьюса Бен пребывал в уверенности, что угрозы Райделла не шуточные. То, что никто прежде и слыхом не слыхивал о самом Райделле или его королевстве, или откуда он появился и куда подевался, или — что самое важное — что он сделал с дочерью Бена и его друзьями, вовсе не делало его угрозы менее реальными. В течение трех последних дней с момента отбытия Райделла Бен при помощи Землевидения излазил Заземелье вдоль и поперек, но не обнаружил ровным счетом ничего. Никаких следов Райделла, никаких признаков, что он где-либо проезжал. Король Марнхулла как сквозь землю провалился.

Сапожок также искал повсюду, используя скорость кобольда и потрясающие способности следопыта. И тоже ничего не нашел. Так что в конечном итоге оставалось прийти к одному-единственному выводу, каким бы нелепым он ни казался: король Марнхулла действительно каким-то образом появился из страны, лежащей за пределами Заземелья, проникнув сквозь волшебные туманы. Схватив Мистаю с охранниками, советника и Абернети, вместе с ними ушел так же, как и появился, вынудив Бена принять брошенный вызов и биться один на один с каждым из семи воинов, которых Райделл выставит против короля Заземелья.

Бен не спал с полуночи, ожидая появления первого бойца. Однако не чувствовал усталости и не испытывал неуверенности в себе. Лишь печаль. Ему придется сразиться с этим существом, чем бы оно ни являлось, и скорее всего он победит. Он сделает это в облике Паладина, но сие совершенно не говорит о том, что именно он, Бен, будет драться и, возможно, убьет противника. Естественно, не избежать превращения в железного воина — защитника королей Заземелья, превращения, которого Бен боялся и которое ему претило. Ведь с каждым таким превращением частичка его души проваливалась навсегда во тьму безумия, наполнявшую жизнь Паладина. Воин и странствующий рыцарь, защитник и боец, Паладин в первую очередь был разрушителем, с которым ни один нормальный человек, будучи в здравом уме, не захотел бы связываться. А Бен был с ним связан, причем пожизненно.

«Но я сам сделал выбор, когда променял свою прежнюю жизнь на новую, — напомнил себе Бен. — Сам принял решение».

— Может быть, нам не следует обращать на него внимание, — спокойно заметила Ивица. Бен взглянул на жену, но та не сводила глаз с гиганта. — Если мы оставим его стоять у ворот, что он сможет сделать? Думаю, устанет ждать. Время работает на тебя, Бен. Пусть постоит.

Бен поразмыслил над словами жены. Что ж, такое вполне возможно. Неплохая идея, хотя что это даст? Ни выйти из замка обслуге, ни войти в него. Да и сам он превращается в заключенного в собственной крепости.

— Он не выдвигал никаких требований? — спросил Бен Сапожка, все еще прикидывая различные возможности.

Кобольд тихонько пророкотал:

— Нет, гигант не произнес ни слова.

— Ну что ж, — уверенно сказал Бен. — Тогда пусть подождет, когда мы позавтракаем. А потом поглядим.

Бен начал было разворачиваться, чтобы уйти, но гигант внезапно поднял руку и указал прямо на него. Ошибиться в значении жеста было невозможно. Не смей отворачиваться, означал он.

Бен повернулся обратно. Рука гиганта опустилась, и он вновь принял выжидательную позу, уперев одну руку в бок, а вторую положив на массивную булаву. Странные глаза его сверкали. Боец казался вытесанным из камня.

— Кажется, твоя идея ему не по нраву, Ивица, — пробормотал Бен, почувствовав ладонь жены на своем плече. Он прекрасно понял ее мысль: будь осторожен. Не поддавайся на его выходки. Не вступай в бой, пока не будешь полностью готов.

Она не сказала «не ходи», потому что понимала, что у него нет выбора. Знала, что он не имеет права уклониться от этой схватки, как и от последующих, если они хотят вновь увидеть Мистаю живой. Сложившаяся ситуация нравилась ей ничуть не больше, чем Бену, но с того самого момента, как Райделл сообщил об исчезновении их дочери, они оба понимали, что им не избежать этой смертельной игры и необходимо найти способ выйти из нее победителями. К тому же надо помнить и о королевском авторитете.

— В чем его преимущество? — вдруг спросила Ивица, раздраженно указав рукой на великана. — Конечно, он могучий и сильный, но ему не сравниться с Паладином. Почему его прислали?

Бен и сам думал об этом. Паладин лучше вооружен и лучше защищен. Как этот великан может надеяться победить?

Стоявший рядом Сапожок что-то тихонько пробормотал. Он хотел спуститься вниз и испытать силу гиганта, выяснить, в чем его слабость, где уязвимые места. Бен помотал головой. В схватке с Райделлом он не собирается рисковать ничьей жизнью, кроме собственной. Сейчас, когда под угрозой жизнь Мистаи, Абернети и советника Тьюса, нужна осторожность.

— Он запрещает нам покидать стену, — произнес наконец Бен. — А что будет, если мы не послушаемся? Может, попробуем проверить? Сапожок, стой на месте и наблюдай.

Крепко сжав руку Ивицы, Бен повернулся и направился к лестнице, ведущей со сторожевой башни во двор. Но едва они успели ступить на первую ступеньку, как сзади раздался предупредительный свист Сапожка.

Гигант начал вдруг колебаться, как мираж в знойной пустыне. Воздух вокруг него стал вязким, по желеобразной массе побежали радужные волны.

Бен замер, выжидая. Затем Сапожок вскрикнул и посмотрел вниз.

Гигант исчез!

Бен уставился на кобольда, не зная, что предпринять, затем пошел поглядеть сам, желая убедиться собственными глазами. И в этот самый миг Ивица ахнула. Бен резко развернулся и проследил за ее взглядом во внутренний двор замка. Солдаты и вассалы вскочили, когда столб света, переливаясь всеми цветами радуги, залил центр двора.

Гигант появился вновь, возникнув из ниоткуда, только теперь уже внутри крепостных стен. Вырос из пустоты, огромный и темный. Булаву он взвалил на плечо, и вид его стал еще более угрожающим. Дюжина солдат осторожно приблизилась к нему, встав между великаном и королем. В любую минуту мог начаться бой.

Но Бен уже понял, что этого допустить сейчас никак нельзя.

— Стойте на месте! — приказал он.

Солдаты выжидательно посмотрели на него. Великан тоже задрал голову.

Бен почувствовал, что Ивица отпустила его руку, но он не решился посмотреть на жену. Сунув руку за пазуху, он извлек медальон королей Заземелья, талисман, хранивший их от опасностей. Держа его так, чтобы в медальоне отражалось солнце, Бен нехотя призвал Паладина.

Мгновенно у подножия лестницы возник столб ярко-белого света, и из него появился Паладин. Пеший, с обнаженным мечом в одной руке и кистенем, прикрепленным к запястью другой. Облаченный в серебряные доспехи, сияющие на солнце.

Бен вмиг ощутил возникшую между ним и Паладином связь, в мозгу сформировалась картинка — необычная комбинация огня и льда, смешанных между собой, образуя что-то третье. Чувства и мысли Бена и Паладина начали переплетаться, соединяя их в единое целое. Бен выскользнул из своего тела и лучом света скользнул в латы Паладина. Он оказался как бы привязанным к Паладину дюжиной крепких нитей, втянут внутрь и заключен в железо, став единым целым со своим защитником. Он погрузился в воспоминания о баталиях, в которых бился и побеждал на протяжении тысяч жизней. Вспоминал места и времена, давно ушедшие и всеми позабытые. Бен погрузился в темную половину своего «я», и эта другая половина воспряла в ярости из небытия, жаждущая кровавой схватки с великаном Райделла.

Они яростно сцепились, металл скрежетал о металл, меч сталкивался с булавой. На мгновение замерев, противники отскочили друг от друга, немного отдышались и схватились снова. Великан оказался весьма решительным. Используя преимущество в росте,

он вложил всю свою силу в могучий удар. Но Паладин был слишком опытным бойцом, и с ним не так-то легко справиться. Он мгновенно парировал удар, отведя его в сторону, выбил из рук великана булаву и сшиб его с ног.

Великан тяжело рухнул, увернулся от меча и вскочил на ноги с булавой в руках, не получив ни единой царапины. И тут же снова напал на Паладина. Паладин парировал еще один чудовищный удар и врезал гиганту плашмя клинком по голове. Тот упал, откатившись в сторону. Пыль под ногами оросилась кровью.

Но он снова оказался на ногах, кровь высыхала прямо на глазах. Паладин впервые замешкался. Гигант был ранен, но его раны моментально затягивались. Полученный удар должен был либо замедлить его реакцию, либо ослабить. Но ни того, ни другого не произошло.

Великан атаковал опять еще сильнее, чем прежде, напав на Паладина с такой мощью, что поборник короля отступил к стене. Гигант прижал его к камням, зажав руку с мечом, и надавил булавой под подбородок, намереваясь сломать противнику шею. Паладин попытался вырваться из смертельных объятий, но не сумел. Кряхтя от усилия, великан все сильнее давил рыцарю на шею. Темные глаза сверкали. Огромное могучее тело все больше наваливалось на серебряного воина. Паладин едва дышал. Он не мог освободиться от хватки.

В отчаянии рыцарь рванулся и двинул обоими кулаками в железных перчатках гиганту в живот. Тот взвыл от боли. Паладин ударил снова, на сей раз в подреберье. Великан отшатнулся, согнувшись, и выронил булаву. Паладин теперь нанес мощный удар по слине. Гигант замертво рухнул на землю.

Но тут же, что казалось абсолютно невозможным, опять поднялся, выпрямился, будто и не падал вовсе, булава оказалась у него в руке, и гигант вновь ринулся в атаку. Паладин, выронивший свой меч, схватился за кистень. Кистень был короче булавы, но не менее смертоносен. Однако Паладину было нечего противопоставить той скорости, с которой великан оправлялся от падений. Складывалось впечатление, что удары лишь придавали ему силы.

Гигант опять атаковал Паладина, нанося по закованному в доспехи телу сокрушительные удары и отбивая кистень с такой легкостью, будто тот игрушечный. Тогда Паладин пошел на ближний бой, проскользнув под булавой и обхватив руками торс противника. Он старался опрокинуть врага на землю. Гигант взревел от неожиданности. Что-то в этом виде боя ему явно было не по нутру. Паладин насел сильнее. Противники, сцепившись, передвигались по двору, кряхтя и постанывая от усилий. Великан старался высвободиться, забыв о булаве, отчаянно молотя огромными ручищами

по закованному в латы торсу Паладина. Но Паладин успел выявить кое-что полезное для себя. Когда он отрывал противника от земли, гигант явно обессилевал. Ярость и быстрота его атак ослабевала. Великан выл от негодования. Он хотел быстро коснуться земли, поэтому Паладин прилагал все усилия, чтобы держать его в подвешенном состоянии, потому что, как уяснил рыцарь, именно от земли и черпал гигант свою силу.

Наконец Паладин доволок великана до ступеней сторожевой башни и поставил на камни. Гигант лягался и брыкался, стараясь ступить с камней на землю, но рыцарь держал крепко. Великан взревел. Из носа и рта у него потекла кровь, снова вскрылись раны. Паладин поднял противника еще выше по ступенькам, оттащив еще дальше от земли. Великан конвульсивно дернулся и рухнул. Паладин протащил тяжеленное тело еще, и гигант перестал дышать. Он обмяк совсем, беспомощно раскинув на ступеньках руки и ноги.

Так рыцарь и держал его, распятого и беспомощного, пока тот не замолк. А когда жизнь покинула великана, то тело его немедленно обратилось в прах.

Позже, когда Паладин исчез и Бен снова стал самим собой, он задал себе вопрос, а смог бы он сохранить великану жизнь. На этот вопрос оказалось не так-то просто ответить. Неизвестно, позволил бы рыцарь это сделать, поскольку когда Бен превращался в Паладина, то жил и действовал согласно этике воинствующего рыцаря, а она сильно отличалась от этических норм самого Бена. Паладину не было никакого резона оставлять своих противников в живых. Врагов следовало убивать быстро и без всяких угрызений совести. Бен вовсе не был уверен, что великан согласился бы сотрудничать, останься он в живых. Возможно, гигант также начисто лишен всяческого сострадания, как и Паладин, и сражался бы до конца. Еще неизвестно, реальное ли существо этот самый великан или творение волшебства. Умерев, он обратился в прах, а существа из плоти и крови мгновенно в прах не превращаются. Вероятнее всего великан — продукт чьей-то магии, и его уничтожение было неизбежным при столкновении с более могущественным волшебством.

Впрочем, все это, вместе взятое, вовсе не повысило Бену настроения и не добавило оптимизма по поводу того, через что ему еще предстояло пройти. Моральная травма, полученная Беном от убийства великана, не стала меньше от того, что тот оказался вовсе не человеческим существом. Смерть его оказалась вполне реальной, и принял он ее от руки Бена. Холидей все еще чувствовал, как слабело сопротивление гиганта, когда он держал того прижатым к

ступенькам. И Бен будет помнить до конца дней своих, как из тела великана медленно уходила жизнь.

Вернувшись вместе с Ивицей в спальню, он долго не мог заснуть, ему никак не удавалось избавиться от воспоминаний. Он не сказал Ивице, что произошло. Он никогда ей не рассказывал — вообще-то никогда никому не рассказывал, если на то пошло — правды о Паладине. Ни одна живая душа не догадывалась, что король Заземелья и его поборник — один и тот же человек, обреченный магией медальона защищать королевство. Никто не знал, что, когда появлялся Паладин, король отступал, один подавлял другого, но рыцарь доминировал. Бену становилось все труднее и труднее сохранять это в секрете от жены. Огромные усилия, затрачиваемые им после каждой трансформации на то, чтобы вновь стать самим собою, когда частичка его души оставалась где-то там, начинали сказываться на его состоянии. Он не мог не учитывать, что каждый раз, когда становился Паладином, был заворожен силой магии, превратившей его в рыцаря, и не желал обратного превращения. Бен даже опасался, что в один прекрасный день не устоит и поддастся искушению навсегда остаться Паладином. Пока он лежал с открытыми глазами, Ивица не покидала мужа. Тихо лежа рядом с ним, она гладила прохладными ладонями ему грудь и плечи, ласковым голосом шепча ему что-то успокаивающее. Бен не знал, как бы он жил без нее, настолько она была близка ему, настолько стала частью его самого. Если Паладин являл собой темную сторону его сущности, то Ивица наверняка была ее светлой стороной. Согреваясь в ее лучах, он постепенно забылся в мирном сне.

Проснулся Бен далеко за полдень. Ощутив вдруг волчий голод, поел и приступил к делам, требующим особого внимания.

Среди сегодняшних посетителей замка были представители комитета по землеустройству, которых Бен назначил следить за применением новых сельскохозяйственных технологий и за ирригацией в различных частях королевства, в частности в засушливых западных землях. Бен принял их, чтобы заслушать отчет о том, насколько они продвинулись в переговорах с лордами Зеленого Дола о предоставлении рабочей силы и средств производства для осуществления его проекта. Итоги встречи оказались несколько сумбурными и поэтому подтолкнули Бена нанести визиты особо упиравшимся лордам, в частности — что, впрочем, его нисколько не удивило, — Каллендбору из Риндвейра. Каллендбор сопротивлялся любому предложению Бена, а два года назад при помощи махинаций темного эльфа Бурьяна его убедили присоединиться к восста-

нию против короля. Каллендбор охотно примкнул к заговорщикам, именно поэтому Бен Холидей сурово наказал его. «Год изгнания и лишение некоторых титулов и земель» — гласил приговор. Каллендбор принял наказание безропотно, возможно, сознавая, что полученное наказание могло быть — а некоторые поговаривали, что и должно было быть, — гораздо более суровым. Год изгнания ему сократили и даже восстановили кое-какие титулы и земли. Но он по-прежнему при каждом удобном случае вставлял Бену палки в колеса, и Холидею было совершенно ясно, что, несмотря на то, что Каллендбору пришлось пережить, выводов он никаких не сделал.

После встречи с представителями комитета Бен принял нескольких своих юридических представителей, что заняло немного времени, затем принял участие в обсуждении законодательных актов, касающихся вопросов собственности. Занятия подобными делами без помощи Абернети снова привели его к мысли об исчезновении Мистаи. Бен задумался, а все ли он сделал, чтобы отыскать ее, стараясь гнать отчаяние, охватывавшее его всякий раз, когда он думал о том, что, возможно, потерял дочку навсегда. Его и без того бурлящая ненависть к Райделлу возросла многократно. То, что король Марнхулла прибег к столь низменной тактике, чтобы вынудить его принять участие в идиотской игре и сражаться с бойцами Райделла, было непростительно. И в то же время озадачивало. Во всем этом не хватало логики, отсутствовал здравый смысл. Что-то указывало на то, что за всей этой неразберихой скрывается нечто большее, чем видел Бен.

Возможно, он предавался бы размышлениям на эту тему и дальше, но ворвался Сапожок с известием, что прибыл следующий боец Райделла.

Бен обалдел. Второй, так скоро? Он же едва успел отделаться от первого! Похоже, Райделл желает разрешить проблему Заземелья как можно быстрее.

Бен направился к башне следом за Сапожком. На его пути стражники расступались, бормоча вслед подбадривающие слова и весьма нелестно отзываясь о брошенном королю вызове. К этому времени все уже поняли, что происходит на самом деле, знали, что какая-то неизвестная сила извне пытается узурпировать трон. После поражения Бурьяна два года назад в Заземелье царил мир, а вот теперь возникла новая угроза. Бен отвечал на приветственные слова коротким кивком и изредка кидал ответные подбадривающие реплики. Когда он уже поднимался по ступенькам башни, к нему присоединилась Ивица. Изумрудные волосы сильфиды развевались за спиной, а прелестное личико выражало непреклонную волю. Королевские гвардейцы в полном составе собрались во дворе, готовые к

бою. Вассалы вывели боевых коней и выстроились в линию. Все готовились к сражению.

Бен вместе с Ивицей и Сапожком взобрался на сторожевую башню и замер как вкопанный.

Закованный в серебряные латы, подняв в воинском салюте копье, по другую сторону моста его поджидал одинокий рыцарь. Даже на расстоянии ошибиться было невозможно. Бен Холидей смотрел на Паладина.

Лишившись дара речи, он уставился на рыцаря, не веря глазам своим. Паладин? Здесь? Без вызова? Пришел сражаться со своим хозяином? Райделлу каким-то образом удалось перехватить его?

— Такого быть не может! — пробормотал Бен.

— Это не тот Паладин. — Ивица первая высказала эту мысль. — Потому что это невозможно. Ты его не вызывал, а никто другой этого сделать не может. Этот рыцарь поддельный.

Но весьма реальный, мрачно подумал Бен. Что ж, с этим ничего не поделаешь. Перед ним та же дилемма, что и при появлении великана. Ждать бессмысленно. Если он откажется биться снаружи, рыцарь вскорости окажется внутри замка.

Бен оперся руками на парапет и попытался решить, хватит ли у него сил снова так скоро вступить в схватку. Трансформация в Паладина хоть и не требовала физических усилий, но стоила огромных эмоциональных и умственных затрат. Когда битва заканчивалась и противник лежал мертвым, то страдала психика Бена.

С кислой миной он посмотрел вниз на очередного ставленника Райделла. По крайней мере у этого не видно лица, но перспектива сражаться с самим собой — или частью самого себя — действовала на нервы, хоть этот рыцарь и не был настоящим, а лишь казался Паладином.

Бен приказал себе прекратить рассусоливать. Это может оказаться смертельно опасным. К тому же у него нет выбора. Если Райделлу взбредет в голову прислать сегодня трех бойцов, то придется биться со всеми тремя.

— Бен, — тихонько окликнула мужа Ивица, коснувшись его руки.

— Знаю, — кивнул Бен. — Тебе не нужно ничего говорить вслух. Но эта штука внизу не уйдет, если я ее проигнорирую.

— Здесь должна быть какая-то хитрость, — сказала она. — Как было с великаном.

Она нехотя отпустила его руку, и Бен потянулся за медальоном. Мгновение спустя он призвал Паладина. Бен испытал некоторое облегчение, когда тот возник в столбе света на краю луга. Теперь он

может быть уверен, что Райделлу служит ненастоящий Паладин. Поборник короля Заземелья поскакал к самозванцу с копьем наперевес. Бен снова ощутил, как переносится в тело Паладина, пережив это на сей раз гораздо легче — видимо, немного привыкнув утром, — даже отчасти приветствуя трансформацию. Очутившись в доспехах Паладина, Бен снова погрузился в воспоминания рыцаря. В предвкушении битвы кровь быстрее побежала по жилам, жаром налились мускулы, энергия переливалась из ладоней в оружие.

Паладин пришпорил коня и понесся в атаку. Лже-Паладин развернулся и помчался навстречу. Копья наперевес, они неслись по лугу под грохот копыт... Звон металла, треск ломающегося дерева, и оба копья разлетелись в щепки.

Оставшись в седле, с расколотыми щитами, бойцы снова развернули коней, выхватили боевые топоры и размахивая ими, полетели друг на друга. Паладин отбил тяжелое лезвие другого рыцаря, а тот, в свою очередь, парировал его удар. Второй выпад достиг цели, но и выпад соперника тоже. Рыцари рубанули друг друга, у топоров сломались рукоятки, и оружие выпало, непригодное к битве.

Жестоко понуждая коней занять боевую позицию, противники выхватили мечи.

Они сошлись в третий раз, клинки горели огнем на солнце, от лат и мечей летели искры. Кони слабели. Они храпели от напряжения под весом всадников, принимая на себя пропущенные удары. Наконец оба коня рухнули на колени, сбросив рыцарей, поднялись на трясущихся ногах и встали, опустив головы, с кровавой пеной на мордах, неспособные к продолжению битвы.

Оба Паладина тоже вскочили с мечами в руках и продолжили биться уже пешими. Если они и устали, то не показывали виду. Они целеустремленно двинулись друг на друга, и всем наблюдавшим за ходом сражения стало ясно, что ни один не намерен отступать, пока противник не будет повержен.

С верха сторожевой башни Ивица следила за схваткой с растущим вниманием. На каждый нанесенный одним из противников удар следовал ответный — точно такой же. Паладины действовали как зеркальные отражения друг друга, наступая и отступая, атакуя и парируя, двигаясь совершенно синхронно в каком-то странном смертельном танце. По идее подлинный Паладин должен был превосходить противника по опыту и умению, но этого было не видно. Чем дольше длился бой, тем труднее становилось отличить одного рыцаря от другого. Они атаковали и защищались абсолютно одинаково — удар на удар, рана на рану, урон на урон — никакой разницы в облике, в стратегии. Любой финт тут же повторялся соперником. Что-то было

не так в этой битве, и Ивица скоро поняла, что именно. Паладин не мог победить в этом сражении, потому что бился сам с собой. Это все равно что смотреть на себя в зеркало и видеть свое отражение, которое в точности повторяет все твои движения. Отражение никогда не устает и не замедляет движений раньше тебя. Пока ты стоишь перед зеркалом, ты не можешь опередить свое отражение...

Ивица замерла. Она сообразила, что разгадала тайну бойца Райделла. И поняла, как его можно победить.

— Бен! — возопила она. Ивица схватила мужа за руку, но он не реагировал. Он стоял рядом с ней, наблюдая за сражением, совершенно неподвижный, молчаливый и как бы отсутствующий. — Бен! — снова крикнула она, отчаянно тряся его за плечо.

Он чуть повернул голову. Казалось, он смотрит на нее откуда-то издалека.

— Бен, отошли Паладина! — закричала Ивица. — Отошли его! Воин Райделла черпает свою силу от него! Он использует его! Да слушай же меня, Бен! Если ты отошлешь Паладина, боец Райделла тоже исчезнет!

Какой-то глубинной частью разума Бен слышал просьбу. Но он был слишком далеко, чтобы ответить, заключенный в тело Паладина, захваченный ужасной битвой с противником-близнецом, который, казалось, предугадывал каждое движение, предвидел каждую внезапную атаку, просчитывал всю его стратегию.

«Бен! — слышал он отчаянно звавший его голос. — Бен, послушай меня!»

Паладин отогнал этот голос и возобновил атаку. Ему померещилось, что противник слабеет. Он отказывался думать, что это лишь отражение его собственной слабости.

Отчаявшись, Ивица перестала трясти застолбленного Бена и помчалась с башни вниз. Бен казался неспособным к каким-либо действиям. С ним творилось что-то неладное. А поскольку он не мог помочь Паладину, то придется ей действовать самой. Вылетев во внутренний двор, она схватила копье, промчалась туда, где группа королевских гвардейцев стояла перед раскрытыми воротами замка, наблюдая за битвой, вскочила на ближайшего боевого коня и, игнорируя раздавшиеся крики, пулей вылетела из ворот.

Ивица пронеслась по мосту, выскочила на луг и помчалась к сражавшимся. Вслед ей летели тревожные крики, но она не обращала на них внимания. Сильфида знала, что делает. Паладин и боец Райделла вели битву отражений, в которой должны были погибнуть оба. Единственное, что могло спасти Паладина, — это разрыв магической связи с воином Райделла. На сей раз не земля дава-

ла силу бойцу короля Марнхулла, как было с гигантом, а собственные сила и умение Паладина. Боец Райделла был своего рода инкубом, зеркальным отражением, кормящимся за счет своего оригинала, копирующим каждое движение, вытягивающим из него жизнь.

Но если зеркало темнеет...

Ивица доскакала до бойцов и, не замедляя аллюра, подлетела прямо к ним, колотя обоих копьем. Этого оказалось достаточно, чтобы привлечь к себе внимание. Оба одновременно повернулись, только сейчас заметив ее. Ивица остановила коня и развернула животное, опустив копье и вновь готовая атаковать. Оба Паладина явно растерялись, не совсем понимая, что означает ее появление. Ивица понадеялась, что такого вмешательства достаточно, чтобы нарушить волшебную связь между ними, что Бен каким-то образом все еще общается с Паладином и их защитник откликнется на зов.

— Разойдись! — яростно взвизгнула она и швырнула в них копье.

Ближайший рыцарь отбил копье в сторону, отмахнувшись, как от назойливой мухи. Второй, стоявший чуть в сторонке, немедленно повторил движение, хоть в этом и не было необходимости.

«Вот оно! — торжествующе подумала Ивица. — Вот творение Райделла!»

Приблизившись насколько посмела к подлинному Паладину, Ивица осадила коня. На лугу воцарилась тишина.

Сильфида глянула на Паладина.

— Убери меч и уходи! — приказала она. — Только так ты можешь победить!

Повисла долгая неуверенная пауза, шло молчаливое сражение между сильфидой и двумя рыцарями в полном боевом облачении. Затем настоящий Паладин вдруг убрал свой двуручный меч в ножны и подозвал движением руки своего обессилевшего коня. На мгновение задержав взгляд на Ивице, он сел на лошадь.

Развернувшись, рыцарь направился к замку Чистейшего Серебра, на его серебряных доспехах играло солнце. Отраженный луч пролетел в направлении башен и сверкнул на висящем на груди Бена медальоне. Медальон немедленно потускнел.

И тут же конь и всадник исчезли в вспышке света. Паладин ушел.

Ивица мгновенно повернулась ко второму рыцарю и затаила дыхание, выжидая.

Творение Райделла, замерев, глядело на то место, где исчез Паладин. С исчезновением противника исчезла и цель его существования. Повязанное создавшей его магией, оно в последний раз скопировало свой оригинал. Рыцарь убрал меч, подошел к коню и сел на него. Но ему некуда было ехать. Магия больше не держала его.

Поэтому он просто-напросто распался в воздухе, осыпавшись на землю облачком пепла.

Ивица в одиночестве стояла посреди луга. Она все вычислила правильно. Как только Паладин исчез — не важно, по какой причине, — боец Райделла был обречен. Позволив себе удовлетворенно улыбнуться, Ивица с облегчением медленно направилась обратно в замок. К Бену.

ГЛАВА 10
АРДШИЛ

Было еще светло, солнце только-только повернуло на запад, к горам, когда возле дверей спальни Ивицы и Бена возник посланец Владыки Озерного края. Король с сильфидой удалились к себе, чтобы привести себя в порядок и переодеться к ужину, не только вымотанные физически событиями дня, но и эмоционально и умственно истощенные до предела, не способные даже думать о сне, пока полностью не успокоятся. Как это создание издалека добралось, никем не замеченное, их нисколько не интересовало. Пусть над этим поразмышляют другие. Бен уже давно уяснил для себя, что эльфы, и Ивица в том числе, могут пройти незамеченными практически везде.

Посланец тихонько постучал, и когда Ивица открыла дверь, то обнаружила его невозмутимо стоящим перед дверью. Это был лесной эльф, прямой и тонкий, как тростинка, с глазами, сверкающими, как драгоценные камни, на лице, практически лишенном каких-либо черт. Он почтительно поклонился Ивице и подождал, пока выйдет Бен.

— Ваше Величество, — поприветствовал он Холидея, вновь поклонившись. — Владыка Озерного края просит свою дочь и ее мужа незамедлительно пожаловать в Вечную Зелень. Он желает узнать больше о пропаже внучки, а также дать совет и оказать содействие ее родителям. Вы поедете?

Бен с Ивицей быстро переглянулись. Оба были не в настроении ехать сейчас куда бы то ни было, но в то же время прекрасно понимали, что приглашение необходимо принять. Если они останутся в замке, то можно быть в полной уверенности, что вскоре препожалует следующий боец Райделла. Может быть, уехав, они отодвинут его неизбежное появление. Выиграют время для поисков

Мистаи и выхода из сложившейся ситуации с Райделлом. Не так-то много у них осталось возможностей. К тому же, вероятно, Владыка Озерного края, обладающий огромными магическими возможностями, собирается дать им какой-нибудь талисман или сообщить заклинание, которое поможет им защищаться. Или у него могут быть сведения о внучке, поскольку он узнал о ее исчезновении несколько дней назад и к настоящему моменту его подданные должны были прошерстить весь Озерный край в поисках девочки.

Ни одного слова не было сказано между супругами, но Бен с Ивицей частенько общались на ином уровне, так что в словах не было необходимости.

— Передай своему Владыке, что мы приедем, — сказал Бен посланцу.

Лесной эльф кивнул, снова откланялся и ушел. Он дошел по коридору до ближайшего затененного места и просто-напросто растворился.

Супруги поужинали у себя в комнате, предпочтя остаться наедине, предоставленные самим себе, насколько это было возможно в их положении. В замке еще бродили королевские гвардейцы, готовясь к ночному патрулированию. Два нападения в один день — слыханное ли дело! Даже Сапожок где-то бегал, выискивая следы, хотя Бен был готов поспорить, что кобольд не обнаружит ничего. На последующие несколько дней отменили все встречи, и весь гарнизон замка находился в состоянии боевой готовности. Никто не мог войти или выйти из замка, не подвергшись тщательному досмотру.

Впрочем, все эти предосторожности не имели особого значения, когда дело касалось магии, о чем и свидетельствовало несколько неортодоксальное появление посланца Владыки Озерного края. Бен нисколько не сомневался, что в распоряжении Райделла имеется какая-то могущественная магия, которая, по всей вероятности, и позволяла его бойцам избегать предпринятых Беном мер безопасности, по идее они должны были им помешать. Наверное, это одетый в черный балахон спутник Райделла владел волшебством, а тот лишь указывал, как это волшебство использовать. Но на самом деле распределение ролей особого значения не имело. Первые два посланных против Бена бойца владели магией, и можно поспорить, что последующие пять будут наделены еще более сильным волшебством.

Так что Бен с Ивицей за ужином снова обсуждали ситуацию и пришли к выводу, что им лучше всего отправиться в Озерный край на несколько дней. Может, Райделлу не удастся их там найти. Может быть, их отъезд каким-то образом нарушит его планы. Остаться здесь и беспомощно ожидать дальнейших событий означает лишь

играть Райделлу на руку. Кроме того, крайне мало шансов найти Мистаю, а также Абернети с советником без посторонней помощи. От Землевидения толку оказалось мало. Поисковые партии тоже вернулись ни с чем. Но остается шанс, что кто-то, с кем они не удосужились поговорить, что-то знает. Или кто-то, обладающий большим могуществом, чем они, и большими возможностями, как Владыка Озерного края, например, может что-то знать.

Они решили отправиться нынче же ночью, уехать под покровом темноты еще до рассвета. Супруги рассчитывали отбыть незаметно, чтобы не повстречать очередного бойца Райделла. Бен все еще не отошел от дневных сражений. И Ивица никак не могла понять, почему. Бен не сказал ни слова о том, что произошло во время второй схватки, почему не реагировал на ее зов, почему казался тогда таким отстраненным от всего, но был совершенно вымотан после. Он поблагодарил Ивицу за помощь и не подумал обругать за то, что она выскочила на поле брани, внезапно оставил эту тему, уйдя куда-то глубоко в себя, и пребывал в этом состоянии вплоть до появления посланца тестя. Ивица со своей стороны не стала настаивать. Было совершенно очевидно, что за этим скрывалось что-то такое, о чем Бен расскажет сам, когда настанет время, и сильфида удовлетворилась тем, что помогла победить творение Райделла. Однако ее крайне беспокоило, что же произойдет в следующий раз. Ей совершенно не понравилось поведение мужа во время битвы Паладинов. Она просто недоумевала, в чем же дело.

Они дождались возвращения Сапожка и предложили поехать с ними кобольду из соображений дополнительных мер безопасности. Он тут же отправился выполнять все поручения Бена. Проинструктировав особо приближенных, отменив все оставшиеся встречи до конца недели и заявив, что король отправляется отдыхать, Бен с Ивицей уехали через боковой западный выход, на пароме переплыли озеро к самому дальнему от замка краю, где их уже поджидал Сапожок с Криминалом, каурым жеребцом Бена, и Цаплей, беломордой гнедой кобылой Ивицы. Здесь они сели верхом и потрусили в ночь за бегущим впереди Сапожком.

Супруги ехали до рассвета. К этому времени они уже удалились от замка на весьма значительное расстояние и приближались теперь к Озерному краю. В нескольких километрах от Иррилина они свернули к гикори, спешились, стреножили лошадей, завернулись в одеяла и заснули. Под охраной неутомимого Сапожка они спокойно проспали до позднего утра. Когда проснулись, Ивица распаковала сыр, хлеб, фрукты и эль, которые прихватила с собой, и они поели на залитом солнцем пятачке возле корявого старого гикори.

Сапожок, на секунду появившись, схватил пару кусков и умчался, торопясь предупредить обитателей Озерного края о прибытии короля Заземелья с супругой. Они втроем сошлись во мнении, что, как только они окажутся на территории владений духа, Райделлу будет сложновато до них добраться.

Покончив с едой, Бен с Ивицей двинулись дальше на юг. Сапожка решили не ждать — он наверняка присоединится к ним где-нибудь по дороге. Утро выдалось тихое и жаркое, солнце вовсю заливало лесную обитель. Ни малейшего ветерка, чтобы облегчить зной, поэтому, как только они добрались до Иррилина, Ивица тут же направила Цаплю к берегу, спешилась, привязала лошадь к дереву, скинула с себя одежды и залезла в воду. Бен соблазнился тоже. Некоторое время они плескались в озере, лежали на воде, глядя на верхушки деревьев и голубое небо, не говоря ни слова. Бен вновь вспомнил, насколько порывистой была Ивица. Он припомнил их первую встречу, когда увидел ее в водах этого самого озера на закате, мечтавшую о ком-то сказочно прекрасную сильфиду, не знавшую, кого именно она здесь ждет. «Ты предназначен мне, — сказала она тогда. — Это было предсказано, когда меня зачали. Я знала, что ты придешь».

Ивица подплыла к мужу, обняла и поцеловала.

— Я люблю тебя, — сказала нежно, потершись щекой о его щеку.

И уплыла прочь.

Освеженные, они вылезли из воды, оделись, снова сели на лошадей и тронулись в путь. Супруги ехали до середины дня и добрались до старого дуба, обозначавшего границу между Вечной Зеленью и страной эльфов. Здесь их поджидал Сапожок на том самом месте, где дорога исчезала во мхах. Владыка Озерного края уже ждет, доложил кобольд. Эскорт, который сопроводит их до города, остановился чуть дальше.

Они оставили дорогу в том месте, где она обрывалась, и поехали дальше среди огромных пихт и елей, косматых гикори и белых дубов, красных ильмов и ясеней. Деревья высились над головой, подпирая небо и застилая солнечный свет. Кругом стояла такая тишина, будто в этих лесах никто и не жил вовсе. Но Бен все время ощущал чье-то пристальное внимание.

Когда почва стала мягкой и запахло болотом и тиной, показался обещанный эскорт — существа с длинными зелеными волосами и настолько тонким изящным телом, сливавшимся с окружающим лесом, что легко могли пролезть в самую узкую дыру. Они повели Ивицу с Беном по длинной извилистой тропинке среди могучих деревьев и топких болот. Со всех сторон из тумана возникали любопытные глаза и физиономии, мгновение смотрели на прибыв-

ших и тут же исчезали. Вокруг простирались болота, и водяные обитатели поднимались из тины и травы, чтобы поглазеть на королевскую чету.

Время остановилось. Вечная Зелень лежала в глубине древней страны, окруженная элементами земли и магии, и никто не мог пройти здесь без разрешения. Эльфы были таинственными существами, подозрительно относились к внешнему миру и опасались живших там существ. Бену удалось довольно далеко продвинуться в преодолении этой подозрительности и боязни, и обитатели Озерного края теперь путешествовали по всему Заземелью и даже изредка привозили с собой чужаков. Но старые привычки и укоренившиеся сомнения умирают тяжело, и должно было пройти еще немало времени, чтобы пали последние барьеры.

Бен смог бы найти дорогу в Вечную Зелень с помощью Ивицы или Сапожка, но было бы неэтично нарушать традиции и законы гостеприимства. Эскорт, присланный Владыкой Озерного края, был проявлением уважения к дорогим гостям. Бен призвал себя к терпению. Вскоре болота остались позади, и они вновь ступили на твердую почву. Здесь деревья были еще больше, старые и могучие, простоявшие, видимо, больше двухсот лет. Воздух стал теплым и свежим, наполненным цветочным ароматом. Появились люди. Некоторые робко приветствовали Их Величества. Среди жителей мелькали дети, со смехом храбро проносившиеся возле лошадей. Из ниоткуда снова возникла ухоженная дорога, широкая там, где деревья расступались. Впереди показалась Вечная Зелень, чудо инженерной мысли и изобретательности, которым Бен не уставал удивляться.

Город стоял среди лесного массива, значительно превышавшего знаменитые калифорнийские леса. Ветви деревьев переплетались так, что образовывали дороги над землей, и сам город возвышался от земли до средних ветвей гигантских деревьев, похожий на груду игрушек на рождественских елках. Дома и магазины стояли вдоль дорог и аллей, образовывавших сложную паутину. Солнечные лучи пробивались сквозь ветви, и город сиял. Повсюду сновали эльфы, трудолюбивый народ, понимающий важность всякого труда. Основную часть их деятельности составляло небольшое волшебство — главный объект торговли. Многие занимались оздоровлением и поддержанием их лесного мира. Просто дух захватывало, сколько аспектов жизни они затрагивали своей деятельностью. Бен Холидей, властелин Заземелья, едва только еще начал это познавать.

Ивица подбадривающе улыбнулась Бену, как бы обещая, что ее родной город по-прежнему дружелюбен к ним обоим. Они ехали в молчании (Сапожок бежал впереди вместе с эскортом), разгляды-

вая сложное построение Вечной Зелени, по мере того как деревья расширялись и уровни города становились все более видимыми. Впереди во всей красе предстал амфитеатр, в котором эльфы собирались по случаю различных торжеств. Сформированный в виде подковы, с рядами сидений на ветвях, начинавшихся далеко в вышине и спускавшихся до самого низа, амфитеатр впечатлял не меньше, чем город, в котором находился.

Владыка Озерного края поджидал их у входа. Одетый в простую неброскую одежду, он стоял в окружении своих приближенных. Если не знать его в лицо, то едва ли эльфийского властителя можно было выделить среди остальных по одежде. Однако он выделялся внешне: высокий, прямой, внушительного вида мужчина, водяной эльф с серебристой кожей, настолько яркой, что походила она на рыбью чешую, и густыми черными волосами, струившимися, как и у Ивицы, почти до середины икр, и чертами столь резкими, что лицо казалось высеченным из камня. Оно представляло собой невозмутимую маску, но глаза были живыми и блестящими, и Бен научился читать по ним, о чем думает Владыка.

Когда прибывшие подъехали и спешились, речной дух направился к ним, быстро подошел к Ивице и обнял дочь, шепнув ей на ухо, что очень рад ее приезду. Ивица обняла отца, чувствуя себя несколько неловко от столь непривычно теплого приветствия со стороны родителя. Их отношения всегда были довольно сложными, натянутыми и полными взаимного недоверия. Матерью Ивицы была лесная нимфа, настолько дикая, что не могла жить нигде, кроме как в лесу, и отец Ивицы так и не смирился с ее отказом жить с ним вместе. А Ивица, пока росла, являлась для него постоянным напоминанием о женщине, которую он любил, но не смог удержать больше чем на одну ночь. По этой причине он с неприязнью относился к своей дочери и с самого раннего детства девочки был с ней эмоционально холоден и держал ее на расстоянии. Ивица росла в одиночестве, лишенная отцовской ласки. И взрослая, Ивица оставалась для него постоянным источником раздражения. Владыка Озерного края весьма неодобрительно отнесся к ее замужеству с Беном, человеком и чужаком, хоть тот и стал толковым королем Заземелья. Он считал, что Ивица таким образом предала свой народ, и отцу потребовалось довольно много времени, чтобы смириться с решением дочери. Теперь он относился к дочери несколько теплее, чем раньше, однако прежние воспоминания еще тревожили обоих.

Но при всем при том речной дух искренне заботился о Мистае, разногласия между отцом и дочерью почему-то совершенно не отразились на его отношении к внучке. И если имелись хоть какие-то

способы помочь девочке, дед, несомненно, приложил бы все возможные усилия. Именно по этой причине Бен с Ивицей и приняли его приглашение приехать в Вечную Зелень.

Повернувшись к Бену, Владыка Озерного края отвесил ему церемонный поклон. На большее Бен и не рассчитывал. Он коротко кивнул в ответ.

— Сегодня состоится торжественный ужин в вашу честь, милорд, — сообщил Владыка, несказанно изумив дочь и зятя. — А пока идут приготовления, пойдемте побеседуем немного.

Он повел их от арены, где в это время ставили столы, в парк, расстилавшийся перед Вечной Зеленью и доходивший до крайних домов. Мимо них проносились дети, не обращая ни малейшего внимания на окрики взрослых. Это напомнило Бену иные времена и иные места, об Энни и детях, которых они могли бы иметь, о давно забытых мечтах. Но эти воспоминания быстро улетучились. Теперь он редко вспоминал о своем прежнем мире. Да и желания особого не испытывал. У него была Мистая, и он помнит ее озорство.

Гости в сопровождении хозяина и свиты прошли мимо игровой площадки к дорожке, проторенной вдоль ручья, весело журчавшего по камням, оставив позади детскую площадку, откуда доносился веселый смех и гам. Теперь они остались втроем, хоть и ясно было, что охрана речного духа где-то рядом, среди деревьев, невидимая и неслышная. Дойдя до усыпанного кувшинками пруда, возле которого стояли две скамьи, Владыка предложил присесть. Ивица с Беном опустились на одну, речной дух автоматически сел напротив.

— Здесь нас никто не потревожит, — сообщил эльф. Его необычные глаза внимательно обежали лужайку и вновь остановились на супругах. — Вам следовало сообщить мне, что вы отправляете Мистаю сюда, — обвиняющим тоном заявил он. — Я бы выслал эскорт, чтобы защитить ее.

— Времени не было, — спокойно возразил Бен, усилием воли подавив желание резко ответить. — Я посчитал, что сопровождения советника Тьюса и Абернети с дюжиной гвардейцев вполне достаточно. Я надеялся, что Райделл будет занят только мной.

— А теперь Мистая — козырь, который он использует против тебя, — злобно заявил эльф.

— Тебе-то удалось что-нибудь узнать? — вмешалась Ивица, желая утихомирить разраставшийся гнев отца.

Владыка Озерного края покачал головой:

— Мне удалось выяснить немногое. Я сумел найти то место, где было совершено нападение. Когда Мистаю выкрали, то использовали довольно много волшебства. Следы его применения остава-

лись в течение нескольких дней. Но я не смог определить его источник. И никаких признаков нападавших и защитников. И с поля боя не вели никакие следы.

От Бена не ускользнул тщательный подбор слов. Поле боя.

— Никаких следов? Как такое может быть?

По резко очерченному лицу Владыки Озерного края скользнула тень.

— Либо всех людей уничтожили, либо уцелевшим не было необходимости идти пешком. — Он помолчал. — Как я уже сказал, там активно использовалась магия.

— Вы выяснили еще что-нибудь?

— Я никогда не слышал о Райделле или Марнхулле. В Заземелье их не существует, — сказал гневно Владыка. — Возможно, Марнхулл лежит за его пределами. Я попытался выследить Райделла и его напарника, но безуспешно. Я искал их повсюду, ставил ловушки. Но их нигде нет.

— А Мистая с эскортом?

— Как и не бывало.

Бен кивнул. Взглянув на Ивицу, он увидел разочарование в ее глазах. Она так надеялась услышать хоть здесь какие-нибудь хорошие новости.

— Следовательно, мы ни на йоту не продвинулись в поисках Мистаи, — промолвил Бен огорченно. — Тогда не понимаю, почему вы нас вызвали?

Владыка, сидевший на краю скамейки, невозмутимо смотрел на них. Глаза его не выражали никаких эмоций.

— Я попросил вас приехать, — поправил он ровным и спокойным тоном. — Я хочу предложить свою помощь в розысках Мистаи и возвращении ее домой. Это верно, что на данном этапе я не очень много сделал, но, возможно, теперь смогу больше.

Он замолчал, ожидая ответа. Бен кивнул.

— Любая оказанная вами помощь будет принята с благодарностью, — ответил он тестю.

Эти слова, казалось, успокоили эльфа. Его плечи чуть заметно обмякли.

— Я знаю, что наши взаимоотношения не отличаются теплотой, — спокойно заметил эльф. Он мельком взглянул и на Бена, и на Ивицу, подчеркнув этим, что имеет в виду обоих. — Но сие вовсе не означает, что я желаю вам зла. Вовсе нет. Вам обоим прекрасно известно, как я отношусь к Мистае. С ней ничего плохого не должно случиться.

— Верно, — согласился Бен.

— Ты можешь ее найти? — внезапно спросила Ивица.

Владыка Озерного края заколебался, в упор глядя на Бена:

— Возможно. — Он оценивающе посмотрел на дочь. — Но я не стал бы столь быстро сбрасывать со счетов возможность, что вы найдете ее сами. Не стал бы я и отрицать вероятность того, что она сама сумеет освободиться. Она очень предприимчивый ребенок. И очень могущественный. Она обладает очень мощной магией, Ивица. Ты знаешь об этом?

Ивица с Беном снова переглянулись, и в немом изумлении одновременно помотали головой.

— Я почувствовал это, как только ее увидел, — сообщил Владыка Озерного края. — Ее сила еще дремлет, но она, безусловно, есть. Она эльфесса с невероятным потенциалом, и как только раскроет свой талант, ее возможности станут безграничными.

Бен уставился на тестя, пытаясь сообразить, хорошая это новость или плохая. Он никогда всерьез не рассматривал возможность того, что Мистая может обладать магией. Теперь ему это самому казалось глупым. Ее происхождение и наследие, странная манера расти — все говорило о наличии волшебных свойств. Но она его дочь, и он просто не желал верить в то, что Мистая может оказаться чем-то большим, чем ожидал.

— Ты ей об этом не сказал? — спокойно поинтересовалась Ивица.

— Это не мое дело, — вздохнул эльф. — Насколько я понимаю, это не дед должен делать.

— А Райделл может почувствовать ее магический потенциал? — вдруг спросил Бен.

Речной дух задумался:

— Если он сам владеет магией, а похоже, так и есть, если он один из нас, например, эльф, существо с врожденными магическими свойствами, то я бы сказал, что он увидит ее силу.

— Но сама-то она об этом не знает, значит, врожденные магические свойства ей не помогут, — задумчиво произнес Бен. — Разве что Райделл скажет ей правду. Или она сама каким-то образом узнает.

Владыка Озерного края пожал плечами:

— Я сообщил вам о ее магическом потенциале, чтобы вы знали, что девочка не совсем беспомощна в этой ситуации. Она наделена волшебным даром. И вполне может найти способ спастись.

— Но ты продолжишь поиски внучки, — настойчиво сказала Ивица.

Владыка Озерного края кивнул:

— Я буду искать ее до тех пор, пока она не найдется. Я никогда не полагаюсь на случай, Ивица. Тебе-то это должно быть хорошо

известно. — В его словах звучал укор. — Но немедленную помощь я могу оказать вовсе не внучке, а тебе. Или, чтобы быть точным, — эльф перевел взгляд на Бена, — вам обоим.

Маленькая черно-желтая птичка вспорхнула с ветки и села на край пруда. Посмотрев на них блестящими серьезными глазками, она принялась быстро пить. Напившись, взлетела и умчалась прочь. Речной дух проводил ее внимательным взглядом.

— Опасность грозит вам, Ваше Величество, — заявил он, глядя Бену в глаза. — Райделл, кем бы он ни являлся и откуда бы ни пришел, стремится уничтожить именно вас. С этой целью он использует Мистаю, а тот, кто способен использовать ребенка, чтобы уничтожить противника, безусловно, очень опасен. Я наслышан о вчерашних боях. Опасность для вас велика, и она не уменьшится до тех пор, пока не найдется Мистая и Райделл не будет уничтожен. Но на это может уйти довольно много времени. И это будет непросто. А пока суд да дело, нам необходимо изыскать способ сохранить вам жизнь.

Бен выдавил из себя улыбку:

— Уж постараюсь не разочаровывать вас, обещаю вам.

— Нисколько не сомневаюсь. Но проблема в том, что вам не хватает возможностей. Магией, которую можно было бы использовать против Райделла, вы не владеете, если не считать Паладина. И Райделлу это прекрасно известно. Подозреваю, что он на это и рассчитывает. Что-то непонятно мне с этим вызовом, который он вам бросил. Семеро бойцов против Паладина, и если хоть один из них победит, то вы отрекаетесь от престола. Почему? Зачем затевать такую игру? Почему бы просто не приказать вам сейчас же отдать трон, пригрозив убить Мистаю?

— Я и сам об этом все время думаю, — признался Бен.

— Значит, вы согласны, что за этой игрой скрывается нечто большее. Райделл затеял против вас что-то хитрое. Собирается, очевидно, преподнести сюрприз. — Владыка посмотрел вдаль. — Вам, стало быть, стоит подготовить сюрприз и для него. — Он резко встал. — И у меня имеется один такой, который вам, возможно, понравится. Пошли.

Бен с Ивицей поднялись, и они втроем углубились с поляны в лес. Они прошли не очень далеко по узенькой тропинке, ведущей сквозь густую чащу елей и пихт. Вся земля была усыпана иголками, пахло хвоей. Средь этих деревьев было невероятно тихо, звуки поглощались почвой и разлапистыми верхушками, скрывавшими небо.

Солнце клонилось к западу, и его багровое сияние виднелось средь ветвей. На лесную обитель опускались сумерки, длинными тенями предвещая скорое пришествие ночи.

Владыка Озерного края вывел их на очередную поляну, где стояла какая-то фигура в плаще с наброшенным на голову капюшоном. Даже когда они приблизились, существо не двинулось с места, а продолжало стоять совершенно неподвижно.

Владыка Озерного края остановился метрах в шести от неподвижной фигуры, поднял руку и помахал. Существо подняло руки в ответном жесте и опустило капюшон. Это оказалось создание среднего роста, неопределенного пола и происхождения, с кожей древесного цвета, рот, нос и глаза едва выделялись на плоском, практически лишенном черт лице. Только чуть посверкивали глаза, вот и все. Ничего особенного, но под плащом чувствовалось худое, гладкое, очень сильное тело.

Бен перехватил взгляд Ивицы. В ее глазах мелькнуло узнавание и еще то, чего Бен не видел уже давно. Страх.

— Это Ардшил, — сказал Владыка Озерного края. — Стихийный дух. Ей не нужно есть, пить, спать. Вообще ничего не нужно. Ее создали при помощи магии эльфов для одной-единственной цели — защищать вас. Ивица знает. С Ардшил не справится ни одно живое существо.

Бен кивнул, не зная, что сказать. Такого подарка он не ожидал. И даже не был уверен, хочет ли его получить. Он взглянул на Ардшил. Существо не реагировало. Казалось, оно находится в спячке.

— Это создание будет меня защищать? — переспросил Бен.

— До смерти, — ответил Владыка Озерного края.

— Ардшили очень опасны, отец, — мягко заметила Ивица.

— Только для врагов. Не для тебя. Не для Его Величества. Она будет действовать согласно своему предназначению. Без специальных указаний она будет делать только то, для чего создана, то есть защищать вас. — Он с любопытством поглядел на дочь. — Ты их все еще до сих пор боишься?

Ивица кивнула со странным выражением лица.

Бен, задумавшись, ничего не заметил.

— Почему вы решили мне это подарить? — спросил он наконец. — Я имею в виду Ардшил как противовес другой магии?

— Хороший вопрос. — Владыка Озерного края повернулся к зятю, и Ардшил оказалась у него за спиной. — Райделл ожидает, что вас будет защищать Паладин. У него должны быть причины полагать, что в один прекрасный момент Паладин потерпит поражение. Возможно, так оно и произойдет. И тогда в дело вступит Ардшил. Вы защищаетесь от противника, которого не знаете и не понимаете. Поэтому вам требуется средство защиты, которого ваш противник, в свою очередь, не ожидает. Ардшил и будет тем самым

средством. Возьмите ее. Это придаст вам уверенности. И даст время на поиски Мистаи. — Владыка Озерного края шагнул вперед, приблизив свое точеное лицо: — Вы нужны живым, Ваше Величество Бен Холидей. Если умрете, то скорее всего ваша дочь умрет вместе с вами. Она нужна им для одного: уничтожить вас. Если цель будет достигнута, то назовите хоть одну причину, по которой ей могут сохранить жизнь? На минуточку хотя бы задумайтесь серьезно о характере вашего врага.

Бен выдержал взгляд Владыки Озерного края, но его мудрые мысли огорошили.

— Он прав, — тихо, цедя сквозь зубы, признала Ивица.

Бен обнаружил, что у него тоже нет веских аргументов против высказывания тестя. И не требовалось быть семи пядей во лбу, чтобы оценить значимость второго защитника. Возможно, это даст ему преимущество перед созданиями Райделла. К тому же даже если Ардшил хоть раз избавит его от необходимости призывать Паладина, то и это будет на пользу.

— Я принимаю ваш дар, — наконец ответил Бен. — И благодарю.

Владыка Озерного края удовлетворенно кивнул:

— Правильное решение. А теперь я приглашаю вас на ужин.

Пир был совершенно грандиозным и выполнен в экстравагантной манере, свойственной эльфам. Столы ломились от яств, стояли кувшины с ледяным элем. Отовсюду свисали цветочные гирлянды, дети и взрослые разоделись в яркие наряды. Играла музыка, и народ танцевал. Владыка Озерного края усадил Бена и Ивицу во главе стола, сообщил об их присутствии всем гостям, официально поприветствовал короля Заземелья с супругой и произнес тост за их здоровье от имени всех эльфов. И в течение всего вечера, пока длился праздник, обитатели Вечной Зелени подходили к Бену с Ивицей, чтобы выразить свое почтение высочайшим особам лично. Некоторые преподносили скромные подарки, другие желали всяческих благ. Столь трогательное отношение не могло не вызвать улыбки, и Бен с Ивицей почувствовали себя совершенно раскованными. На несколько часов они позволили себе забыть о Райделле из Марнхулла и тех несчастьях, которые он на них навлек. Они ели, пили и веселились вместе с эльфами, пребывая в праздничном настроении, их обвевал легкий ветерок, шелестящий в кронах деревьев, и согревало теплое отношение окружающих.

В полночь супруги удалились в домик для гостей, который отвели королевской чете, и рухнули в кровать, усталые, но довольные. Они, обнявшись, лежали в темноте, ограждая друг друга от

страхов и сомнений, которые на время удалось отодвинуть на второй план. Наконец, сморенные усталостью, они заснули.

Позже, за несколько часов до рассвета, Бен проснулся, мягко высвободился из объятий Ивицы и подошел к окну. Ночь была удивительной, светили луны и звезды, проглядывающие из-за облаков сквозь перевитые ветви деревьев. Бен вгляделся в темноту зелени в поисках Ардшил, размышляя, здесь она или нет. Он не видел ее с тех пор, как их познакомили. Тогда она казалась вполне реальной, но теперь почему-то больше напоминала видение.

«Ардшили очень опасны, отец», — робко сказала тогда Ивица.

И тут он увидел ее, стоящую за деревьями, темную тень среди теней. Он бы не заметил ее присутствия, если бы она не шевельнулась. Чуть-чуть, ровно настолько, чтобы он понял, что она здесь, стоит на страже и бдит.

Почему Ивица так ее боится? Хорошее это существо или плохое, учитывая ее предназначение?

Бен не знал. Он спрятал оба вопроса в дальний уголок своей памяти, куда складывал все оставшиеся без ответа вопросы, и вернулся в кровать. Завтра он попытается все выяснить. Прижавшись к жене, Бен обнял гибкое тело сильфиды и долго лежал с открытыми глазами, пока сладкий предутренний сон наконец не забрал его в свой плен.

ГЛАВА 11
РАССКАЗ НОЧНОЙ МГЛЫ

Для Мистаи дни в Бездонной Пропасти пролетали с такой скоростью, что она едва замечала их бег. Захваченная уроками овладевания магией и изучением своих собственных возможностей, выполняя все возраставшие требования Ночной Мглы, девочка не обращала внимания на время. Возможно, она провела в Бездонной Пропасти считанные дни, а возможно, и недели. По правде говоря, это не имело значения. Важным было только то, чем она занимается, и, конечно, достигнутые успехи. А в этом плане Мистая была совершенно счастлива, хоть и не очень удовлетворена. Она обучилась уже многому, но все же еще недостаточно.

Девочка практически совсем не вспоминала дом и родителей. Для нее они являлись чем-то отдаленным. Поскольку Мистая пребывала в

уверенности, что им известно, где она, то считала, что волноваться не о чем, и полностью абстрагировалась от них. Растущее доверие к Ночной Мгле и энтузиазм в учебе только облегчили дело. Сначала Мистая не была уверена, что ее пребывание во владениях ведьмы правомерно. И сомневалась, что родители знают о ее местонахождении. Но заверения Ночной Мглы и собственное желание поверить вскоре позволили Мистае убедить себя, что ее опасения беспочвенны и все в полном порядке. Ночная Мгла ведь сказала, что Мистая вольна уйти в любое время, так что легко проверить, обманывает она или нет. И этого аргумента оказалось достаточно, чтобы Мистая решила, что ведьма не лжет. Кроме того, ее растущее мастерство в обращении с магией поможет отцу в битве с Райделлом. Эта мысль послужила дополнительным аргументом в пользу того, чтобы оставаться пока у ведьмы. Отец нуждается в ней, она не может его подвести.

Место, где девочка находилась, тоже влияло на течение времени. Бездонная Пропасть превращала день в ночь, а ночь в день, свет в тьму, а тьму в свет, тогда в сейчас, делая все похожим друг на друга. Густые джунгли во владениях ведьмы не пропускали солнечных лучей, поэтому все здесь было серым и затянутым дымкой. Луны и звезды тоже были не видны. Температура ровная, и окружавший девочку мир оставался неизменным и неприметным. Цвета и яркие краски появлялись только благодаря магии Мистаи, чудесам, которые она творила. С каждым уроком Ночная Мгла открывала для девочки что-то новое, но ограничивала поле деятельности Мистаи, чтобы она видела лишь то, что создает, не замечая внешнего мира.

Ведьма оказалась отличным учителем, бесконечно терпеливым, мягко поправляющим и подсказывающим, иногда, в случае необходимости, немного помогающим. И никогда не злилась и не ругала за неудачу. Мистае показалось, что сначала ведьма была заинтересована лишь в результатах, но, по мере того как пробуждались скрытые способности девочки, Ночная Мгла все больше и больше увлекалась механизмом действия магии Мистаи. Похоже, магия девочки удивляла ведьму не меньше самой Мистаи. Это тоже способствовало их сближению. И они стали очень близки, настолько близки, что Мистая начала думать о Ночной Мгле как о второй матери. И это не казалось девочке странным. Конечно, никто не мог заменить мать, но Мистая не видела причины, почему бы ей не иметь еще одну, причем каждая выполняла бы определенные функции в ее жизни. Ночная Мгла была сильной натурой, а ее владение магией и раскрытие магических тайн были огромным соблазном для Мистаи. Девочка была еще очень юной и восприимчивой. Ночная Мгла спасла ее от Райделла, привела ее к себе в Бездонную

Пропасть, чтобы сохранить ей жизнь. Обучала искусству овладевания магией, чтобы девочка могла во всем стать опорой отцу. Ведьма выказала себя хорошим другом и мудрым советчиком. О большем Мистая и не мечтала.

Однако бывали моменты, когда девочку начинал точить червячок сомнений. В основном эти сомнения были связаны с появлениями Стойсвиста, который тайно приходил к ней каждую ночь. Хотя она больше не переживала за родителей и советника Тьюса с Абернети, постоянное появление болотного щенка напоминало Мистае о другой жизни, ожидавшей ее за пределами Бездонной Пропасти. Как ни старалась, девочка не могла отбросить воспоминания о прежних днях, и хотя Стойсвист никогда ни во что не вмешивался и не говорил, Мистая почему-то была уверена, что болотный щенок находится здесь именно для того, чтобы она не забывала о внешнем мире. Это было неприятно сознавать, но девочка помнила предупреждение Матери-Земли о грядущих опасностях и обещание, что болотный щенок защитит Мистаю, если она удержит его при себе, не забывая звать по имени хотя бы раз в день. Поэтому девочка вела как бы двойную жизнь, полностью отдаваясь днем урокам Ночной Мглы, а ночью страдая от всплесков воспоминаний о том, что оставила за Бездонной Пропастью.

Стойсвист никогда не покидал Мистаю. Она рисковала, сохраняя в тайне присутствие болотного щенка. Ночная Мгла это может не одобрить, хотя какое право имеет ведьма одобрять или нет? Мистае постоянно казалось, что она видит, как Стойсвист наблюдает за ее работой, спрятавшись за туманом в джунглях. Он все время давал увидеть себя: то глаз мелькнет, то ухо, лапа или нос. Ночью он являлся на едва слышный шепот, садился вне пределов досягаемости в туманной темноте, чуть более четкий, чем дымка, из которой материализовался. Славный Стойсвист, говорила Мистая. И улыбалась, когда песик вилял в ответ хвостиком.

Однако сомнения возникали и по другому поводу, сомнения, не имеющие ничего общего со щенком. Больше всего девочку беспокоило настойчивое желание ведьмы, чтобы она создавала чудовищ. В первый раз Ночная Мгла велела создать двоих, и Мистая охотно выполнила задачу, рассматривая ее как этап обучения. В конце концов сотворение необычного являлось основой учебы. Девочка совместно с ведьмой обращала камни в жидкий металл, цветы в бабочек, клубы пыли в радугу. Она заставляла насекомых говорить, а мышей летать. Мистая даже открыла способ петь так, что ее пение окрашивало воздух в радужные цвета. И она думала, что создание монстров — задача того же порядка. Ей же было ска-

зано, что ей придется делать вещи, смысла которых она может не понимать, и безропотно выполнять задания. Она так и сделала. Попытайся придумать нечто такое, от чего нет защиты, говорила ведьма. Мистая для начала сотворила существо, описанное в книжке, которую отец принес из своего старого мира, а девочка отыскала в его личной библиотеке. В заглавии говорилось что-то о мифологии или мифах. Книжка оказалась страшно интересной и по сюжету, и по языку. Мистая довольно быстро с ней расправилась. И описанные там существа крепко засели у нее в памяти. Гигант, черпавший силу от земли. Подменыш, который мог превращаться в кого и что угодно. Первых двух монстров она и создала на основе этих воспоминаний. На самом деле они были не совсем монстры, всего лишь существа с нечеловеческими возможностями.

И вплоть до сегодняшнего дня Ночная Мгла, казалось, была вполне удовлетворена. Но утром ведьма заявила, причем довольно резко, что хочет, чтобы Мистая создала третьего монстра, причем более могущественного и менее человекоподобного, чем первые два. Впервые с момента своего пребывания в Бездонной Пропасти Мистая поинтересовалась, зачем. Для чего нужен третий монстр? В чем смысл задания, если она успешно справилась с первыми двумя? На секунду ей показалось, что Ночная Мгла разозлилась. Необычные глаза ведьмы чуть потемнели, и напряглись мышцы на тонкой шее. Затем Ночная Мгла на мгновение отвернулась, чтобы девочка не видела ее лица, и сразу же повернулась обратно:

— Слушай меня, Мистая. — Ведьма говорила спокойно, взвешенно и тихо. — Я хотела скрыть это от тебя, но, похоже, не удастся. На твоего отца уже напал Райделла со своим чародеем. Против Бена выставляют различные существа, и он вынужден прибегать к чарам советника Тьюса и магии Паладина, чтобы уцелеть. Пока что ему это удается. Но чародей Райделла призовет более могучие силы. И в конечном счете твой отец не сможет защититься. И тогда настанет твой час. Лучшая защита от монстра — другой монстр. В этом и есть цель упражнения.

Логика Ночной Мглы победила сомнения Мистаи. Поэтому весь день девочка усиленно работала над заданием. Близился закат, и она устала. Понукание ведьмы завело ее далеко, и кое-что из того, что она наколдовала, испугало саму девочку. Кое-какие созданные ею существа действительно ужасали. Но Ночная Мгла быстренько убрала их прочь туда же, куда убрала и первых двух, и тщательно заперла, к великому облегчению Мистаи. Она не испытывала ни малейшего желания когда-либо вновь увидеть первые плоды своей фантазии.

И вот теперь девочка сидела в одиночестве у костра — единственного освещения, которое допускала ведьма в Бездонной Про-

пасти после наступления темноты, — и месила хлеб, чтобы запечь вместе с овощами. Сельдерей в свое время обучил ее этому. Мистая в основном готовила себе сама, поскольку ведьма ела меньше болотного щенка. Вообще-то говоря, Ночная Мгла редко задерживалась по окончании дневных занятий, исчезая туда, где пребывала, возможно, в одиночестве. Изредка она оставалась поблизости, исчезнув всего лишь из поля зрения. Когда ведьма так поступала, Мистая всегда ощущала ее присутствие. Чем ближе они становились друг другу, тем лучше Мистая чувствовала ведьму. Как будто при совместном использовании магии что-то связывало их все больше и больше как физически, так и эмоционально, образовывая узы, позволявшие девочке лучше понимать ведьму. Она не могла читать мысли или намерения Ночной Мглы, но чувствовала ее присутствие и передвижение. Мистая размышляла, чувствует ли ведьма то же самое в отношении нее, и каким-то образом поняла, что нет.

Этой ночью Ночная Мгла не исчезла, как обычно, а присела рядом с Мистаей у костра. Она молча наблюдала, как девочка раскатывает тесто в лепешки, моет и чистит овощи, выкладывает все это на сковородку и ставит на огонь. Она продолжала тихо смотреть, когда Мистая сняла сковородку с огня и принялась есть. Ведьма сидела как изваяние, смотря на манипуляции девочки так, будто в жизни ничего интереснее не видела. Мистая не тормошила ее, не приставала. Девочка знала, что ведьма заговорит только тогда, когда сама решит.

Но ведьма заговорила лишь тогда, когда сковородка и тарелки были вымыты и сложены в большой деревянный ларь, стоявший посередине поляны.

— Я довольна тобой, Мистая. Меня радует твое умение. Поразительный прогресс.

Девочка глянула на ведьму.

— Спасибо, — сказала она и опустила глаза.

— Сегодня ты особенно хорошо поработала. То, что ты сотворила, просто чудо. А ты сама довольна?

— Да, — солгала Мистая.

Ночная Мгла подняла белое холодное лицо вверх, будто хотела увидеть звезды, затем снова посмотрела на огонь костра.

— Скажу тебе правду. Я не была уверена, что тебе окажутся по силам задачи, которые я ставила перед тобой. Боялась, что ты не сможешь овладеть секретами магии. — И глаза ведьмы уставились на девочку. — С самого начала мне было ясно, что магия в тебе очень сильна. И что твои потенциальные возможности безграничны. Но просто обладать магией недостаточно. Нужно еще кое-что. Первое — это желание. Второе — решительность. Умение сосредо-

точиться и понимание цели. Магия похожа на большую кошку. Ты можешь укротить ее и управлять ею, но никогда нельзя допускать, чтобы в твоих глазах заметили страх.

— Я не боюсь магии, — твердо заявила Мистая. — Она принадлежит мне. И похожа на старого друга.

Ведьма одарила девочку короткой улыбкой:

— Да, я вижу, ты обращаешься с ней как с другом. Тебе с ней легко, но при этом ты не относишься к ней легкомысленно. У тебя прекрасное чувство равновесия. — Ночная Мгла помолчала. — Ты напоминаешь меня в твоем возрасте.

— Правда? — удивилась Мистая.

Ведьма посмотрела куда-то мимо девочки отсутствующим взглядом.

— И даже очень. Теперь это кажется странным, но когда-то мне было столько же лет, сколько тебе сейчас. Я тоже была девочкой, раскрывшей свой дремлющий дар. Тогда я только начала искать свое место в жизни, изучала свои колдовские возможности. Я была моложе тебя, когда впервые обнаружила, что обладаю магией. Это было очень-очень давно.

Она замолчала, по-прежнему глядя куда-то вдаль. Мистая придвинулась ближе.

— Расскажи подробнее, — попросила девочка.

Ночная Мгла пожала плечами:

— Прошлое давно ушло.

— Но мне бы хотелось услышать. Я хочу знать, что ты чувствовала тогда. А вдруг твой рассказ поможет мне лучше разобраться в себе самой. Пожалуйста, не отказывай мне.

Странные красные глаза сфокусировались и впились в глаза девочки. Они смотрели столь зло, что Мистая на мгновение испугалась. Затем глаза ведьмы стали тусклыми и как бы покрылись дымкой.

— Я родилась в волшебных туманах, — начала свой рассказ Ночная Мгла, неподвижная, как отбрасываемая луной тень в безветренную ночь. Она провела тонкими пальцами по прямым черным волосам. — Как и ты, я унаследовала кровь нескольких миров. И как ты, унаследовала дар. Моей матерью была колдунья, пришедшая из одного из граничащих с Заземельем миров, где магии боятся. Моя мать была очень могущественная и могла свободно ходить туда-сюда сквозь волшебную пелену. Она не относилась к волшебным существам, но спокойно жила среди них. Однажды, переходя из одного мира в другой, она повстречала моего отца. Отец был оборотнем, существом, не имеющим постоянной формы,

и принимающим ту форму, которая в данный момент удобнее всего. Он увидел мою мать и влюбился. И превратился в то, что привлекло ее внимание. В волка, черного зубастого волка. В конце концов он соблазнил ее и сделал своей. — Ночная Мгла рассказывала ровным, лишенным эмоций голосом, но все-таки Мистая уловила легкое напряжение. — Какое-то время он держал ее рядом с собой, а потом покинул и пошел дальше. Он был легкомысленным и безответственным созданием, как большинство волшебного народа, неспособным понять требования и ответственность в любви. Я родилась от этого союза, зачатая в весеннем свете, когда осколки зимы разлетаются тающим льдом.

Взгляд ведьмы снова устремился вдаль. Ее слова, поэтичные, исполненные лирики, остались для девочки совершенно непонятными.

— Когда отец зачал меня, он был в волчьем обличье. Мать рассказывала, что жарко обнимала его тогда и, полагаю, не уступала ему в страсти. — Ведьма моргнула, как бы прогоняя возникшие в мозгу видения. — Я взяла от каждого из них, зверя и колдуньи, эльфа и человека, магию одного мира и магию другого. Я родилась с глазами, способными заморозить тебя живьем. Родилась с умением превращаться в животных, с презрением и к жизни, и к смерти. — Ночная Мгла грустно вздохнула. — Но все же я была ребенком, и рано осталась совсем одна. Отец ушел еще до моего рождения. Мать дала мне жизнь, и вскоре ее забрали.

Ведьма замолчала, а горечь ее последних слов как бы повисла в воздухе. Мистая терпеливо ждала, понимая, что раскрывать рта не стоит.

— Эльфы обрекли ее на скитания за то, что она старалась стать вровень с ними. Она связалась с эльфом и понесла от него ребенка, а это было запрещено. Из-за этого она стала изгоем. Ее выгнали из волшебных туманов и запретили возвращаться. Она умоляла эльфов сжалиться. Она хотела, чтобы я прошла выучку и приобрела опыт, который могли дать только они. Она хотела, чтобы я жила как отец и она сама. Хотела для меня многого. Но ей отказали. Отправили в ее собственный мир. А это было равносильно смертному приговору. Слишком долго она переходила из одного мира в другой, проходила сквозь волшебную пелену, порхала туда-сюда как бабочка. Оказаться привязанной к одному миру было для нее невыносимо. Она терпела, сколько могла. А потом отбросила всякую предосторожность и попыталась снова пройти сквозь пелену. Вошла в нее и никогда больше не вышла. Исчезла, как дымок на ветру.

Казалось, силу ее слов можно пощупать руками.

Глаза ведьмы снова сфокусировались, и чудилось, что вот-вот проткнут насквозь.

— Видишь, насколько мы с тобой похожи. Как и ты, я была предоставлена самой себе и сама узнала, кто я есть. Как и от тебя, от меня утаивали права, положенные мне по рождению. Меня отдали на воспитание другим людям, мужчине и женщине, которые не понимали моих потребностей, не признавали магии, которая росла во мне. Они держали меня у себя так долго, насколько я позволила, а потом от них сбежала. Я начала ощущать свою силу, но не понимала ее назначения. Это были позывы, которые я не могла определить. Как и ты, я выросла как эльф, рывками, не свойственными человеческим детям. Мужчина с женщиной боялись меня. Если бы я осталась у них подольше, возможно, они убили бы меня.

«Как тебя», — едва не выпалила она, но смолчала. Тем не менее Мистая услышала недосказанное и удивилась. Конечно, она не такая, как Ночная Мгла. Во всяком случае, в том, что касается последнего. Это девочка понимала совершенно отчетливо. Однако Ночная Мгла явно чувствовала потребность верить, что у них обеих гораздо больше общего, чем есть на самом деле. Что-то сейчас происходило такое, чего девочка не понимала, и от этого почувствовала себя не в своей тарелке и насторожилась.

Глаза ведьмы сверкали в свете костра.

— Я убежала в лес, граничащий с волшебными туманами, убежище всех тех, кто принадлежит к обоим мирам, но отвергнут обоими. Там я нашла себе компаньонов самых разных видов. Друзьями мы не были, но у нас имелось много общего. Все мы безвинно оказались вне закона. Пострадали лишь за то, кем мы были. Мы делились своими знаниями, учились друг у друга. Изучали наши способности. Открывали в себе волшебные тайны. Это было опасно, поскольку все мы были неопытны, а некоторые из наших талантов запросто могли убить. Многие из нас и погибли. Многие потеряли разум. Мне посчастливилось избежать и того, и другого и выявить свой дар. Я вышла оттуда взрослой женщиной и могущественной чародейкой. Я обнаружила магические знания и овладела ими.

Дрова в костре внезапно затрещали, и в воздух взвился искристый сноп. Мистая вздрогнула, но Ночная Мгла даже не шевельнулась. Она сидела, окаменев от напряжения, а глаза ведьмы смотрели на Мистаю.

— Я была моложе тебя, когда узнала о своей силе. И совсем одна. Меня некому было учить, а тебе повезло — у тебя есть я. Но мы с тобой похожи, Мистая. Я была очень решительной и твердой, и ничто не могло сломить меня. Я была тверже камня. Не позволя-

ла себя обмануть, уговорить, разжалобить. Я знала, чего хочу, и находила пути получить желаемое. Все эти качества я вижу и в тебе. Такую же решительность. Ты сделаешь все, что задумала, и ничто не заставит тебя пойти на попятную.

Мистая кивнула, не столько в знак согласия — она вовсе не была уверена, что согласна с данным заключением, — сколько для того, чтобы ведьма продолжила говорить. Ей хотелось услышать больше. Рассказ ведьмы захватил ее.

— Через некоторое время, — медленно заговорила Ночная Мгла, — я решила, что пойду в волшебные туманы. Меня оттуда изгнали, но это произошло до того, как я узнала границы моих возможностей. Теперь, думала я, все изменилось. Я принадлежу к миру эльфов. Это мое право — путешествовать между мирами, как когда-то путешествовала моя мать. Я пошла к границе туманов и позвала. И звала долго-долго. Но никто не ответил. В конечном итоге я просто вошла в волшебные туманы, решив встретиться с теми, кто меня изгнал. Они нашли меня сразу же. Но не стали слушать. Они отказали мне в поддержке. Я была изгоем и не могла этого изменить, несмотря на силу моей магии.

Губы ведьмы сжались в узкую полоску.

— Но я не сдалась. Я возвращалась снова и снова, не желая смиряться с их поведением, решив окончательно и бесповоротно, что я скорей умру, чем сдамся. Шли годы. Я прожила несколько человеческих жизней, но не старела. Время было не властно надо мной. Ведь я больше эльф, чем человек. И мое место было в волшебном тумане. И все же мне не разрешали туда войти. И вот в один прекрасный день я обнаружила лазейку, позволявшую мне проникнуть в туманы незамеченной. Я изменила свой облик, чтобы меня не увидели, прошла в туманы и спряталась среди менее значительных существ. И никто не узнал меня. Сперва я имела одно обличье, затем другое, и все время старалась держаться в тени. Меня приняли. Я обнаружила, что могу свободно передвигаться среди эльфов, и потихоньку начала прибегать к магии, как и они. Творила заклинания, накладывала чары и жила, как они. Мой план сработал. Я стала одной из них. — Она улыбнулась цинично и горько. — А потом, как и моя мать, я влюбилась. — Голос ведьмы вдруг стал тихим и пронзительным. — Я встретила создание настолько прекрасное, настолько желанное, что ничего не могла с собой поделать. Я должна была заполучить его. Я жаждала принадлежать ему. Я повсюду следовала за ним, подружилась с ним и в конце концов отдалась ему целиком и полностью. Но при этом была вынуждена открыться. А как только я это сделала, он немедленно отверг меня.

И предал. Рассказал, кто я есть. Эльфы обошлись со мной не очень ласково. И меня тут же изгнали. Потому что я влюбилась. Потому что перестала рассуждать здраво. — Брови ведьмы горестно изогнулись. — Как моя мать.

«Да она ведь чуть не плачет!» — вдруг поняла Мистая. Слез не было, но девочка нутром чувствовала всю остроту боли, испытываемой Ночной Мглой.

— Меня сослали сюда, в Бездонную Пропасть. Изгнали из волшебных туманов, изгнали из родных мест. Отправили в Заземелье пожизненно. Я воспользовалась своей магией и оставила свою метку в их мире, не будучи одной из них. То есть совершила преступление. И меня наказали. Меня отправили к воротам, ведущим во все миры, куда мне нет доступа. Отправили на границу волшебных туманов, через которые я никогда больше не пройду. — Ночная Мгла стиснула руки так, что побелели костяшки пальцев, и медленно помотала головой. — Да, эльфы были не больно ласковы.

— Мне это кажется несправедливым, — мягко сказала Мистая.

Ночная Мгла рассмеялась:

— Это слово не имеет никакого значения для эльфов. Они не имеют о нем ни малейшего понятия. Для них существует лишь то, что можно и что нельзя. Если подумать, то сама идея справедливости — глупая сказка. Посмотри на наш мир здесь, в Заземелье. Справедливость устанавливают те, кто может сам ее отринуть. Призыв к справедливости — это мольба нищего о помощи, когда больше уже ничего другого не остается. «Будьте ко мне справедливы!» Какое жалкое зрелище! — При последних словах ведьма плюнула с отвращением. Затем вдруг наклонилась к девочке: — И из того, что со мной сотворили, Мистая, я сделала кое-какие выводы. Поняла, что нельзя умолять и просить, не стоит рассчитывать на чью-то доброту, полагаться на случай или удачу. Надо верить в себя. И моя магия помогает мне. Придает силу. И я надежно защищена.

— И не надо влюбляться, — торжественно добавила Мистая.

— Да, — согласилась ведьма, и на лице ее отразилась такая злоба, что на мгновение она стала неузнаваемой. Появился зверь. Из тех, в кого, по ее утверждению, она умела превращаться. — Да, — повторила она, и слово упало тяжело, как молот ударил по наковальне. Мистая поняла, что Ночная Мгла думает о ком-то конкретном, о каком-то недалеком времени, о событии, воспоминания о котором до сих пор жгут ее изнутри. — Да, никогда больше.

Мистая тихо сидела у затухающего костра и дожидалась, когда утихнет ярость ведьмы, стараясь превратиться в тень, маленькую и незаметную. Ей показалось, что если она не будет сидеть тише мыши, то гнев ведьмы обрушится на нее.

Ночная Мгла, будто прочитав мысли девочки, посмотрела на нее и обезоруживающе улыбнулась.

— Мы с тобой похожи, — снова повторила она, как бы стараясь убедить себя самое. — Ты и я, Мистая. Магия связывает нас, мы в первую очередь ведьмы, рожденные с могуществом, о котором другие могут лишь мечтать, но которым никогда не смогут обладать. Это наше благословение и проклятие — жить отлично от других. Это наша судьба.

Она подняла руки, и воздух наполнился изумрудным светом, который как пыль растворился в темноте.

Позже, лежа под одеялом, Мистая все продолжала размышлять над тем, что поведала ей Ночная Мгла. Сколько несчастья, горечи и одиночества в ее темной жизни. Сколько злости. «Как я, — вновь и вновь повторяла ведьма. — Ты и я».

Чем больше Мистая размышляла над этими словами, тем больше росла неуверенность. Возможно, в них заключено больше правды, чем ей хочется верить. Такая мысль ей прежде не приходила в голову, но теперь девочка начала задумываться. Раз она тоже ведьма, быть может, ее место здесь, в Бездонной Пропасти?

Мистаю настолько взволновала такая перспектива, что она чуть было не забыла позвать Стойсвиста, прежде чем уснуть.

ГЛАВА 12

ДЖАГГЕРНАУТ

На рассвете погода в Озерном крае изменилась, и, когда Ивица с Беном проснулись, за окном шел моросящий тихий дождь. Они встали, оделись, позавтракали фруктами и хлебом с джемом, запили козьим молоком, накинули дорожные плащи и отправились к Владыке Озерного края. Под хмурым небом Вечная Зелень казалась сумеречной, и с переплетенных веток, прикрывающих город, на голову падали редкие холодные капли. Супруги шли не спеша. Владыке, должно быть, уже сообщили, что гости проснулись. И он выйдет им навстречу прежде, чем им придется просить позвать его. Так уж он устроен.

Бен исподволь поглядывал вокруг в поисках Ардшил, но духа видно не было. Однако Холидей ощущал его присутствие. Чувствовал, что он смотрит сквозь морось.

Речной дух явился, когда супруги подошли к центру города. Он стоял в одиночестве на полянке, где проходила дорога. Кивком поздоровавшись с Беном, он коротко обнял Ивицу и сообщил, что лошади оседланы и ждут. Даже не поинтересовался, не желают ли они побыть у него еще. Теперь, когда он вручил им Ардшил, Владыка Озерного края ожидал от зятя с дочерью, что они немедленно продолжат поиски Мистаи. Эльф напомнил им об обещании держать его в курсе событий. Появился Сапожок с Криминалом и Цаплей в поводу. Корявое тело кобольда в дождливую погоду казалось еще кряжистей, глаза превратились в узкие желтые щелочки. Когда Бен и Ивица взобрались на лошадей, Владыка отбросил сдержанность и заявил, что, если понадобится его помощь, Бену достаточно лишь позвать, и он немедленно приедет. Это было совершенно неожиданным в поведении речного духа, обычно соблюдающего нейтралитет. Бен с Ивицей изумились, но не подали виду. Поблагодарив, супруги тронулись в путь.

Лесные эльфы встретили их возле дубовой рощи на выезде из Вечной Зелени, чтобы провести обратно через болота и лесной массив, охраняющий город. Дождь продолжал лить, превращая дорогу под копытами лошадей в вязкую скользкую массу. Когда проводники вывели королевскую чету в прореженный лес, супруги остановились передохнуть.

— Ты видела ее нынче утром? — спросил Бен Ивицу, когда они, стоя под кронами деревьев, передавали друг другу сосуд с элем.

— Нет, — ответила сильфида, — но Сапожок видел. Она следует за нами, держась в тени. Сапожку нравится ее присутствие не больше, чем мне.

Бен оглянулся. Сапожок лежал на боку под деревьями и, казалось, был не в своей тарелке.

— Да, безусловно, даже для кобольда он выглядит несчастным.

— Он считает себя твоим телохранителем. А присутствие Ардшил наводит его на мысль, что он не справляется со своей задачей.

Бен взял руку жены в свою ладонь:

— И ты тоже полагаешь, что Ардшил здесь не место, верно?

— По правде говоря, я думаю вовсе не об этом. Ардшил защитит тебя лучше, чем кто бы то ни было. — Она посмотрела на мужа долгим холодным взглядом и высвободила руку. — Однако сие вовсе не означает, дорогой, что мне нравится ее присутствие.

— Ты об этом говорила вечером. Но почему?

Ивица заколебалась:

— Позже расскажу. Вечером. — Она немного помолчала. — Я сказала Сапожку, что Ардшил — подношение моего отца и что было

бы крайне невежливо и даже опасно отвергнуть этот дар. Сапожок согласился.

Бен еще раз взглянул на кобольда. Тот посматривал на них издали, желтые глаза его хищно поблескивали. Заметив, что Бен изучает его, кобольд расплылся в улыбке голодного аллигатора.

— Что ж, надеюсь, ты права, — задумчиво сказал Бен. — Я тут размышлял. Не стоит ли нам попытаться найти Мать-Землю? Она вроде бы всегда в курсе всего, что происходит в Заземелье. Может, она сможет подсказать нам, что произошло с Мистаей и остальными. Возможно, ей известно и что-нибудь о Райделле.

Капли дождя упали с капюшона на лицо Ивицы, и сильфида поправила капюшон обеими руками.

— Я тоже об этом думала. Но Мать-Земля давно уже явилась бы мне во сне, если бы ей было что сказать. Мистая ей тоже дорога, важна для каких-то свершений. Она бы не позволила нанести вред девочке, если бы смогла помешать.

Бен поддал сапогом гнилушку.

— Хотелось бы мне, чтобы вся эта публика оказала более существенную помощь в розысках дочери, — мрачно пробурчал он.

Сильфида нежно погладила мужа по щеке:

— Помощь, милый, — это дар, и его не стоит выжидать. Ладно, так куда мы едем?

Пожав плечами, Бен поглядел на лес. Ему не нравилось, что он не видит Ардшил. Достаточно того, что за ним тайно следуют враги. Так какого дьявола еще и защитник в маске-невидимке? Он вздохнул:

— Ну, особых оснований возвращаться в замок я не вижу. Если мы сейчас вернемся, Райделл просто-напросто пришлет очередного монстра. И мы ни на йоту не продвинемся в поисках Мистаи. — Тут он нахмурился, как бы усомнившись в собственных рассуждениях. — Думаю, нам следует поехать в Зеленый Дол. Каллендбор знает о каждом противнике, который когда бы то ни было угрожал Заземелью. Он сражался с большинством из них. Может быть, ему что-нибудь известно о Райделле из Марнхулла. Может, он внесет какую-то ясность, что поможет в поисках Мистаи.

— Каллендбору нельзя доверять, — немедленно возразила Ивица.

Бен кивнул:

— Верно. Но у него нет причин поддерживать и чужеземных захватчиков. Кроме того, он передо мной в долгу за то, что я избавил его от более сурового наказания, чем то, к которому приговорил за его выступление на стороне Бурьяна. И он это прекрасно понимает. Думаю, стоит попробовать.

— Возможно. — Ивица отнюдь не казалась убежденной в правоте супруга. — Но тебе следует быть особенно осторожным, общаясь с ним.

— Безусловно, — заверил ее Бен, одновременно размышляя, насколько осторожнее ему надо быть теперь, когда в его распоряжении Паладин, Сапожок и Ардшил, стоящие на страже.

Они продолжили путь дальше. Сапожок, которому сообщили о цели поездки, помчался вперед, осматривая территорию, по которой им предстояло ехать, временно оставив короля с королевой под присмотром их невидимого телохранителя. Ардшил не показывалась. День тянулся удручающе медленно, утро плавно перешло в день, — день в вечер. Дождь шел и шел. Они продвигались на север к Зеленому Долу, деревьев становилось все меньше, по мере того как Озерный край переходил в холмы, окружавшие замок Чистейшего Серебра. Они остановились перекусить возле речки, укрывшись от дождя под старым разлапистым кедром. Дождевые капли шумно шлепались с лап кедра, исчезая в вязкой почве. Было прохладно, сыро и тихо. Утолив голод, они двинулись дальше. За весь день им не встретилась ни одна живая душа.

Ночь застигла их на границе Зеленого Дола, где поросшие травой поля простирались дальше по землям младших лордов Мельхора. Заходящее солнце за свинцовыми тучами, висящими над горами, выглядело светло-серым кругом. Бен с Ивицей разбили лагерь возле вишневых деревьев, пышно зеленеющих на небольшой возвышенности. Сапожок вернулся к ужину, который состоял из холодных закусок, поскольку из-за сырости костер развести не удалось, и вновь исчез. Ардшил не появилась вовсе.

Наступила ночь, и супруги остались в одиночестве, окруженные тишиной. Дождь сменился густым туманом, расползавшимся над полями как призрачный саван. Бен обнял Ивицу, они тесно прижались друг к другу и вместе смотрели в темноту.

— Расскажи мне об Ардшил.

Ивица сначала ничего не ответила, напрягшись в его объятиях. Бен чувствовал, как она дышит, как вздымается и опускается ее грудь и дыхание облачком слетает с губ. Он терпеливо ждал, глядя через ее голову на расползающийся туман.

— Ардшили существовали всегда, — произнесла наконец сильфида. — Их создали для того, чтобы они защищали эльфов, когда те покинули туманы и пришли в мир людей. Ардшили — очень древние маги, исходящие из чрева земли, а поскольку это стихийные духи, их можно вызвать где угодно. Эльфы прибегали к их помощи крайне редко, потому что Ардшили — разрушители, призываемые лишь в случае

острой необходимости или безысходности. Когда угроза была столь велика, что эльфы боялись больших потерь среди своих, они призывали Ардшилей. Как правило, требовалось лишь несколько штук. Много лет назад, еще до старого короля, когда Заземелье только появилось и обрастало землями и населением, между людьми и эльфами велись войны. Люди первыми заняли Заземелье. Эльфы пришли позже, и их посчитали захватчиками. Начались сражения, и Ардшилей призвали, чтобы они сражались с созданиями, сотворенными чародеями, которые служили людям. — Сильфида замолчала, собираясь с мыслями. — Все это было очень давно. С тех пор к помощи Ардшилей прибегали крайне редко. В последний раз относительно недавно. Это случилось, когда один из демонов Абаддона проник во владения Вечной Зелени, прикинувшись эльфом. Это было колдовское отродье, оборотень, который искал лазейку для того, чтобы его друзья смогли проникнуть в сердце Озерного края. Он полагал, что тогда магия, которая здесь имеется, станет принадлежать им. Так что он прикинулся эльфом и пришел в город. А потом попытался убить моего отца.

— Потому что он Владыка Озерного края? — мягко спросил Бен.

— Да, поэтому. Потому что он вождь. — Ивица говорила еле слышно. — Демон предпринял попытку, но неудачно. Стараясь убить отца, он уничтожил других, включая нескольких детей. Демону удалось уйти. Среди эльфов поднялась ужасная паника. И ярость. Отец и старейшины вызвали пятерых Ардшилей и отправили их на поиски демона. Ардшили следовали за ним по пятам, обшаривая один дом за другим, нашли наконец в одном из его многочисленных обличий и убили. — Ивица глубоко вздохнула. — Это в моем доме он скрывался, когда они его обнаружили. Он превратился в одну из моих сестер. Очень мудро с его стороны. Спрятаться именно там, где безопаснее всего, — в доме самого Владыки Озерного края. Но Ардшилей невозможно остановить. Они идут по запаху, на ощупь, определяют на вкус, по звуку, реагируют даже на ничтожное изменение температуры. И в то же время они вовсе не непогрешимы. Во всяком случае, не в тот день. Их создали очень быстро и некачественно. Торопливость ведет к небрежности. Демон несколько раз менял обличье, прежде чем принял именно то, в котором его и поймали. И предпоследнее обличье, которое он принял, было моей сестры Кэйльн. Ардшили тогда уже наступали ему буквально на пятки, и, когда они ворвались в наш дом, разнеся в щепки все закрытые двери, они думали, что демон все еще в облике Кэйльн. И они убили ее, — прошептала она, — даже не потрудившись проверить. Они действовали инстинктивно. Они убили ее прямо у меня на глазах.

Бен с трудом сглотнул. У него внезапно пересохло в горле.

— Твой отец не мог им помешать?

Ивица помотала головой:

— Они слишком быстрые. И слишком могучие. Ардшил, когда она нападает, нельзя остановить. Так и было тогда с Кэйльн. Они убили ее в мгновение ока. Не задумываясь.

Воцарилось долгое молчание. Бен крепко прижал сильфиду к груди. Они неподвижно смотрели во тьму. Где-то прокричала ночная птица, другая ей ответила. Вокруг разливалась сырая прохлада.

— Нам не следовало ее брать с собой, — нарушил наконец молчание Бен. — Нужно было отказаться.

— Нет! — На сей раз голос Ивицы прозвучал твердо и решительно. — Ничто не может устоять перед Ардшил. Ничто! Она нужна тебе, чтобы защитить от того, что Райделл нашлет на тебя. К тому же отец приложил массу усилий, чтобы эта Ардшил делала только то, для чего создана, и ничего иного.

Ивица внезапно повернулась у него в объятиях и посмотрела мужу прямо в глаза:

— Как ты не понимаешь? Совершенно не важно, что я ее боюсь. Единственное, что имеет значение, это то, что она поможет тебе уцелеть. — Ивица потянулась к нему. — Я так тебя люблю, Бен Холидей.

И она поцеловала его. И целовала до тех пор, пока он не забыл про все на свете.

Утром снова была дорога. День стоял пасмурный и туманный, хотя дождик и перестал. Сапожок вернулся ночью и теперь радостно бежал впереди по травяному покрову, показывая путь. Ардшил тоже объявилась — вышла из леса и двигалась за ними метрах в двадцати. Так и топала весь день, следуя за ними как тень. Некоторое время супруги наблюдали за ней, оглядываясь через плечо и восторгаясь легкой скользящей походкой духа. Одежды Ардшил не носила, и тело ее, казалось, не имело очертаний — руки, ноги, торс и голова склизкие от сырости, кожа гладкая и тугая, огромные черные глаза устремлены вдаль. Она, казалось, никого не замечала. И не издавала ни звука. Останавливалась, когда останавливались они, терпеливо ждала, когда они снова тронутся в путь, и следовала за ними размеренной походкой.

К полудню Бен с Ивицей перестали оборачиваться, а к середине дня и вовсе о ней забыли.

Луга покрывал туман, и фермы обитателей Зеленого Дола, как и замки лордов, внезапно материализовались из ничего. Путешественники нигде не останавливались, стремясь добраться до Ринд-

вейра и Каллендбора до наступления ночи. Они купили горячего бульона у рыночного торговца на окраине одного из городишек и выпили его на ходу. Сапожок прикончил свою порцию в мгновение ока и исчез. Ардшил топала сзади, не положив в рот ни крошки.

Бен с Ивицей ехали молча, наслаждаясь обществом друг друга и не нуждаясь в разговорах. Бен большую часть дня размышлял над рассказом Ивицы об Ардшил и Кэйльн. И с удивлением поймал себя на том, что сравнивает Ардшил с Паладином. Оба разрушители, оба безупречные боевые машины, оба у него на службе, и, следовательно, он и в ответе за любой ущерб, который они могут нанести. Это сопоставление обеспокоило его гораздо больше, чем он думал. И вновь заставило задуматься о том, что творит с его психикой превращение в Паладина. Достигнет ли он в один прекрасный день точки, когда различия между обоими его «я» исчезнут? Станет ли он тогда, как Ардшил, равнодушной, не испытывающей никаких угрызений совести машиной для убийств, существом, лишенным мысли, служащим лишь своему господину? Бен обнаружил, что вспоминает те дни, когда в облике Паладина оказался в ловушке Шкатулки Хитросплетений, как утратил свое основное «я», став полностью рыцарем короля, как утратил все, кроме умения воина. Мысли роились и кружились, вновь заставляя задаться вопросом о целесообразности битвы с монстрами Райделла. Он сопротивлялся этим мыслям как умел.

Ближе к вечеру показался Риндвейр. Замок Каллендбора стоял на утесе у слияния двух рек. Стены, парапеты и башни замка мрачно возвышались над лугами. У ворот замка лежал город, шумный и многолюдный. Продавцы и покупатели, купцы, фермеры, охотники и мастеровые заполняли улицы. Снова начался дождь, мелкие капли смешивались с туманом, окрашивая и дома, и людей в одинаковый цвет, делая все серым и мрачным.

Бен с Ивицей приехали без фанфар и эскорта, без предварительного уведомления. Здесь их никто не ждал, некому было и сопроводить их в замок. Но Бен так и задумал. Он хотел преподнести сюрприз Каллендбору, застать владетеля Риндвейра врасплох, чтобы не дать тому возможности подготовиться. Лучший способ заручиться сотрудничеством строптивого лорда — не дать ему времени взвесить все «за» и «против».

Подъехав к мосту через реку, Бен придержал коня и подозвал Сапожка. Затем повернулся и жестом велел Ардшил тоже приблизиться. К его удивлению, та послушно подошла. С невозмутимой физиономией она встала рядом с ним, глядя строго перед собой. Бен покосился на Ивицу, приказал всем держаться рядом и пришпорил Криминала.

Переехав мост, они двинулись по городу сквозь толпу и дождь. На улице стремительно темнело. Народ спешил по домам, так что немногие обращали внимание на всадников и их слуг. А те, кто обратил, быстро отводили взгляд. Ардшил и кобольд не вызывали ни малейшего желания задавать вопросы.

Маленькая группка подъехала к воротам замка, где ее остановила стража. Охранники вылупили глаза, и со всех сторон посыпались различные возражения, но Бен попросту приказал ближайшему стражнику проводить их в замок. В любом случае они получат приказ пропустить, и Бен совершенно не собирался его дожидаться. Один из офицеров, что похрабрее, осмелился возражать против Ардшил, но резкий ответ Бена заставил его замолчать. Ардшил — личный телохранитель Их Величеств. Куда бы ни пошел король или королева, Ардшил пойдет с ними. Офицер понял, что возражать бесполезно, и их пропустили.

Они въехали в ворота, проехали под каменной аркой, сквозь несколько линий обороны, мимо казарм, где жили солдаты Каллендбора, и подъехали к замку. Сопровождавший старался идти как можно медленнее, чтобы лорду успели сообщить о прибытии короля и тот успел подготовиться, но Бен пришпорил Криминала и чуть не сбил с ног плетущегося офицера. В результате они оказались у входа в считанные мгновения.

Надо отдать должное Каллендбору, он моментально вышел навстречу. Лорд Каллендбор был высоким, статным мужчиной с огненной шевелюрой и соответствующим характером. Боевые шрамы украшали его руки и лицо, не очень портя его красоту. Свой двуручный меч лорд носил на поясе, как будто тот был естественным дополнением к наряду. Он двинулся навстречу королю. Лицо его при этом налилось кровью, а в глазах полыхал гнев. Но он тем не менее отвесил гостям глубокий уважительный поклон.

Лорд вышел один, не считая дворецкого, нервно переступавшего с ноги на ногу у входа. На то, чтобы созвать вассалов, Каллендбору явно не хватило времени.

— Если бы я знал заранее о вашем прибытии, Ваше Величество, то смог бы лучше приготовиться к вашему приему, — произнес он. Под милой улыбкой ему почти удалось скрыть раздражение. Он едва глянул на Сапожка и тут увидел Ардшил.

— Что все это значит? — рявкнул он, гнев прорвался наружу. — Почему вы привели сюда это создание?

Бен посмотрел на Ардшил, будто только что вспомнил о ее присутствии.

— Это подарок Владыки Озерного края. Мой телохранитель. Не пройти ли нам внутрь, где сухо, и продолжить наш разговор там?

Каллендбор заколебался, будто собираясь возразить, но затем передумал. Он провел их сначала в зал, затем по коридору в гостиную, где горел огромный, от пола до потолка, камин. Огонь освещал весь зал от стенки до стенки, и в отблеске пламени их тени танцевали, пока они шли через зал и устраивались в креслах. Сапожок остался присмотреть за лошадьми. Ардшил остановилась возле дверей и слилась с тенью.

Каллендбор уселся напротив Бена с Ивицей. Его ярость еще не утихла.

— Ардшили были врагами жителей Зеленого Дола на протяжении столетий, Ваше Величество. Их здесь не любят. Вам это наверняка должно быть известно.

— Времена меняются.

Бен многозначительно посмотрел на пустые стаканы и бутылку с янтарным напитком, стоящие на столике, и подождал, пока Каллендбор наполнит два и передаст ему и Ивице. Губы владетеля Риндвейра превратились в узкую полоску, а огромные руки сжались в кулаки.

— Теперь вы удовлетворены, Ваше Величество? — резко спросил он.

— Да, благодарю, — кивнул Бен, не обращая внимания на грубый тон хозяина. — Приношу свои извинения за то, что привел Ардшил в Риндвейр, но нынешние обстоятельства вынуждают прибегнуть к необычным мерам предосторожности. Полагаю, вам известно о нависшей надо мной угрозе.

Каллендбор небрежно отмахнулся:

— Вы имеете в виду Райделла из Марнхулла? Как же, слышал. И он приступил к выполнению своих угроз?

— Уже было два поединка.

Каллендбор пристально поглядел на короля:

— Два. Значит, остается еще пять, насколько я осведомлен. Но ничто не может противостоять Паладину. А теперь у вас еще и Ардшил. Она наверняка вас выручит.

Бен наклонился вперед:

— И вы будете ужасно разочарованы, если им это удастся, не так ли?

Каллендбор впервые за все время улыбнулся. Его лицо исказила сардоническая и горькая улыбка.

— Мы с вами не являемся добрыми друзьями, Ваше Величество. И у меня нет особых причин желать вам добра. Но и с Райделлом из Марнхулла мы тоже не приятели.

— Значит, вы с ним знакомы? Кто он? И что собой представляет? — тут же насел Бен.

Каллендбор помотал головой:

— Мне о нем ничего не известно. Должно быть, он пришел откуда-то извне, из-за границы Заземелья.

— Но если это так, то как ему удалось пройти сквозь волшебные туманы?

— Полагаю, так же, как и вам, — пожал плечами Каллендбор. — Он прибег к магии.

Ивица заерзала, теряя терпение и желая как можно скорее завершить разговор. Ей не нравился Каллендбор, Риндвейр и вообще Зеленый Дол. Она была эльфом, а лорды Зеленого Дола никогда не были друзьями эльфов.

Бен на секунду посмотрел на огонь, затем быстро перевел взгляд на Каллендбора, поняв, что серьезного разговора не получится.

— Это краткий визит. Всего лишь на ночь, чтобы обсохнуть, а утром мы отправимся дальше. Нельзя ли поесть нам в своей комнате, вам вовсе не требуется особо хлопотать. Ардшил будет при нас и не будет нигде маячить. Сапожок тоже останется.

Каллендбор кивнул с явным облегчением:

— Как вам будет угодно, Ваше Величество. Я велю приготовить для вас горячую ванну.

— Отлично. И еще одно. — Бен наклонился вперед, пристально глядя Каллендбору в глаза. — Если бы я знал, что вам хоть что-то известно о Райделле и вы это от меня скрываете, то немедленно приказал бы вас заковать.

Каллендбор напрягся, лицо его стало пунцовым от ярости.

— Ваше Величество, я не должен...

— Потому что я не забыл, как вы не так давно выступили против меня на стороне Бурьяна, — оборвал его Бен. — У меня были все основания изгнать вас пожизненно и лишить всего. У меня были все основания приговорить вас к смерти. Но вы сильный вождь и человек, пользующийся определенным весом в своей среде, и я ценю услуги, оказанные вами королевству. Я не хотел бы, чтобы Зеленый Дол лишился вас. Кроме того, я полагаю, что в той ситуации вас дезинформировали. В некотором роде нас всех дезинформировали. — Он помолчал. — Но если такое повторится, я не колеблясь пересмотрю свое отношение к вам, лорд Каллендбор. Не забывайте этого.

Каллендбор едва заметно кивнул. Он с трудом мог говорить.

— Это все, Ваше Величество?

— Нет. — Бен не сводил с собеседника глаз. — Райделл захватил нашу дочь. Ваши шпионы могли вам об этом не сообщить. Она является заложницей до тех пор, пока Паладин либо победит, либо проиг-

раст одному из монстров, с которыми должен сражаться. Сейчас мы заняты ее поисками. Но никаких следов Райделла из Марнхулла обнаружить не удалось. Никто не смог нам в этом помочь, и вы в том числе. Я решительно настроен вернуть дочь, Каллендбор. Если вы можете помочь, это было бы весьма мудро с вашей стороны.

Каллендбор некоторое время молчал.

— Мне нет необходимости захватывать детей в заложники, чтобы победить врага, Ваше Величество, — выдавил он наконец.

Казалось, слова давались ему с трудом. «Интересно, почему?» — подумал Бен.

— Значит, если вы узнаете что-то, что может помочь найти Мистаю, вы мне немедленно сообщите?

Лицо Каллендбора стало непроницаемым. В глазах появилось решительное выражение.

— Даю вам слово, что сделаю все возможное для того, чтобы ваша дочь оказалась дома. Ничего другого я вам обещать не могу.

Бен медленно кивнул:

— Ловлю вас на слове.

Повисла тяжелая длинная пауза. Затем Каллендбор неловко выпрямился в кресле:

— Если вы готовы, милорд, то я провожу вас в ваши апартаменты.

На данный момент оба были сыты друг другом по горло.

Миновала полночь. Дождь, принесенный грозой с гор, хлестал вовсю. Молнии рассекали ночное небо, освещая краткими вспышками луга. У стен Риндвейрского замка воды двух рек бились о берега.

Бен Холидей спал беспокойным сном. Уже дважды он просыпался и поднимался. В первый раз его разбудила тишина, во второй — разбушевавшаяся стихия. И оба раза он подходил к двери и прислушивался, затем шел к окну и смотрел вниз. Их разместили в восточной башне, в апартаментах, предназначенных для важных персон, подальше от слуг и всех остальных гостей. Их окна возвышались на добрую сотню футов над утесом и водами реки. От двери вниз вела длинная вереница ступеней мимо нижних этажей и свободных комнат к холлу, соединявшему башню с основным строением замка. Таков обычай: апартаменты, отведенные королю Заземелья, должны быть в стороне от всех, и к ним должна быть только одна дорога.

Однако этой ночью Бен никак не мог отделаться от мысли, что и выход у них тоже только один.

Впрочем, он был здесь в безопасности. За дверью стоял на страже Сапожок, а Ардшил слонялась по лестнице и коридору внизу. На улице сверкали молнии, грохотал гром и ревел ветер. Но гроза не

могла проникнуть туда, где спали Бен с Ивицей, и вроде бы ничто не должно было беспокоить короля.

Однако Его Величество беспокоился.

И когда на лестнице раздался грохот и послышался предупреждающий крик Сапожка, он уже бодрствовал, сидя на кровати. Ивица тоже мгновенно проснулась, лицо ее побледнело, глаза расширились. Обитая железом дубовая дверь разлетелась вдребезги, и супруги едва сумели уклониться от летящих во все стороны щепок. Что-то огромное и темное заполнило дверной проем. Сапожок вцепился в непонятное создание, стараясь разорвать его зубами и когтями, но существо, казалось, даже не заметило висящего на нем кобольда. Оно вошло в спальню, напрочь разнеся косяки, а заодно и кусок каменной стены. Молния осветила чудовищное явление. Бен с Ивицей глазам своим не поверили: перед ними стоял гигант, закованный в металл с головы до ног.

«Господи, — в немом изумлении подумал Бен. — Это же робот!»

С металлическим скрежетом тварь развернулась к ним, подняв руки с растопыренными пальцами. Она вся состояла из металлических пластин и соединений. Робот! Но в Заземелье нет роботов, вообще никаких механических людей! Здесь никто и слыхом не слыхивал ни о чем подобном!

Ивица взвизгнула и слетела с кровати, оглядывая комнату в поисках убежища. Бен вскочил на ноги, запутался в простыне и упал, ударившись головой об изголовье так, что из глаз посыпались искры и слезы потекли ручьем. «Бен!» — услышал он вопль Ивицы, но не смог вымолвить ни слова. Он понимал, что должен что-то немедленно предпринять, но удар оказался настолько сильным, что Бен никак не мог сообразить, что же именно.

Оружие! Ему необходимо оружие!

Сквозь пелену слез он видел, как робот отшвырнул Сапожка, будто кобольд был из папье-маше. Огромные металлические ступни впечатывались в пол, робот приближался к кровати. Подойдя, он оторвал изножье и отбросил прочь. Кровать с треском рухнула, и Бен скатился на пол, стараясь встать на ноги. Сапожок снова кинулся в атаку, и на сей раз робот наотмашь ударил его так, что кобольд с треском влетел в стену, рухнул на пол и остался недвижим.

— Бен, вызови Паладина! — закричала Ивица, швыряя в монстра простыни и обломки двери в тщетной попытке остановить его продвижение.

И тут появилась Ардшил, влетев в дверь из тьмы коридора, и обрушилась на монстра сзади. От толчка робот покачнулся, прежде чем обернуться назад. Ардшил бесстрашно вцепилась в робота, ста-

раясь опрокинуть на пол. Вновь сверкнула молния, осветив сражавшихся. Ивица проскользнула мимо них, стремясь подойти к Бену. Бен поднялся на ноги и прислонился к стене, стараясь очухаться. По его виску текла кровь. Он потянулся за медальоном, чтобы призвать Паладина, но, к своему ужасу, его не обнаружил. Медальон и цепь, на которой он висел, исчезли!

Возле оконной стены дрались робот и Ардшил, сцепившись в смертельном объятии, как два огромных медведя. Ардшил вцепилась в металлическое предплечье робота и выкручивала его с неимоверной силой. Раздался жуткий скрежет ломающегося металла, и внезапно рука робота по локоть отвалилась и с грохотом упала на пол. Робот немедленно сгреб Ардшил в охапку, ухватив целой рукой за оставшуюся часть поврежденной, и стиснул, как тисками. Ардшил напряглась и откинула голову назад. Что-то внутри ее сломалось с отчетливым хрустом.

Ивица схватила кусок разбитой двери и с воплем кинулась в атаку, колотя общипанной дубинкой робота по лицу. Тот даже не обратил внимания, по-прежнему сосредоточив все свои усилия на Ардшил. Вновь обретя способность видеть, Бен кинулся вперед. В голове у него прояснилось. Он оттолкнул Ивицу в сторону, схватил кусок простыни и набросил роботу на голову, потянув за концы. Металлический гигант откинул голову, затем начал поворачиваться, не выпуская Ардшил.

Но запутался ногой в простыне и зашатался. Чтобы не упасть, он был вынужден ослабить объятия.

Ардшил немедленно воспользовалась моментом и высвободилась. Изо рта и носа у нее текла темная жидкость, руки и ноги болтались, как на шарнирах. Но она, казалось, не замечала ран. Ардшил снова атаковала, колотя робота кулаками и вынуждая отступить к открытому окну. Как только робот шагнул назад, Ардшил яростно кинулась на него, и оба бойца впечатались в металлическую решетку окна. Камень и рама поддались под их весом, железные прутья лопнули. Окно и часть стены обрушились.

Ардшил вцепилась в робота, выпихнула его в провал, и оба рухнули вниз.

Бен с Ивицей подскочили к дыре в стене мгновение спустя, однако слишком поздно, чтобы увидеть падение, но успели услышать, как Ардшил с роботом ударились о камни внизу и рухнули в воду. Супруги высунулись побольше, чтобы рассмотреть, что творится внизу. Дождь хлестал их головы и плечи. Сверкнула молния, осветив мокрые стены замка, пустые скалы и реку. На скалах ничего не двигалось. И ничего не виднелось в воде.

Бен втащил Ивицу обратно в комнату и прижал к себе. Она зарылась лицом ему в грудь, и он услышал, как она ловит ртом воздух.

— Чертов Райделл! — тихонько выругался Бен, стараясь сдержать дрожь.

Она вцепилась пальцами ему в предплечье и отчаянно закивала, соглашаясь.

ГЛАВА 13
ДРАКОНОВО ЗРЕНИЕ

И только сейчас Бен обнаружил, что медальон по-прежнему висит у него на шее. Он глянул вниз и увидел его мирно свисающим на цепочке. На мгновение он глазам не поверил. Знакомое изображение Паладина, выезжающего на восходе из замка Чистейшего Серебра, сверкнуло во вспышке молнии. Он был совершенно уверен, что потерял его. Искал и не нашел.

— Что случилось, Бен? — быстро спросила Ивица, увидя выражение его лица.

Он помотал головой, опустив медальон под рубашку:

— Ничего. Я просто...

Он замолчал, смешавшись. Должно быть, он ударился головой сильнее, чем думал. Но он был совершенно уверен! Он старался нащупать медальон, но его не было!

Ивица не стала настаивать, подошла к шкафу и достала чистые халаты. Секунды спустя по лестнице взлетела замковая стража с оружием на изготовку, отреагировав наконец на шум. К этому времени Бен с Ивицей занимались Сапожком и не обратили на солдат никакого внимания. Кобольда изрядно поколотили, но в основном он выглядел вполне сносно. Кобольды — крепкий народец, с любовью подумал Бен, поняв, что его друг не очень сильно пострадал, тогда как практически любой другой был бы убит.

Стражники обшарили комнату, выглянули в дыру, образовавшуюся вместо окна, и чувствовали себя неловко, главным образом оттого, что вообще оказались здесь, в этом помещении. У них было стойкое ощущение, что покушение практически удалось, и их чрезвычайно волновала реакция и короля, и Каллендбора на то, что они не смогли предотвратить нападения.

Бен же, в свою очередь, был слишком занят другим, чтобы тратить время на ругань. Он все еще размышлял о внезапности нападения и обстоятельствах оного. Но Каллендбор, ворвавшийся в комнату полуодетый и с мечом в руке, оказался не столь милосерден. Выслушав краткую версию событий в изложении Бена, он обрушился с бранью на всех присутствующих стражников, а затем немедленно отослал группу солдат вниз, чтобы те поискали следы падения Ардшил и монстра, ежели таковые имеются. Остальным велел тщательно обшарить замок. Бена, Ивицу и Сапожка переселили в другие апартаменты, и стражникам было велено весь остаток ночи никуда от дверей не отходить. Явно обескураженный происшедшим и желая как можно быстрее исчезнуть с глаз долой, Каллендбор пробурчал «спокойной ночи» и удалился досыпать.

Измотанные Ивица и Сапожок тоже довольно быстро заснули.

Бен, однако, еще долго размышлял о последнем монстре. Его беспокоили две вещи, и он не находил объяснения ни одной.

Первое — каким образом это создание вообще попало в замок. Как смогло проскользнуть мимо охранников Каллендбора и самой Ардшил? Такая шумная громадина в принципе не могла пройти незамеченной. Даже войти в ворота. Если, конечно, робот вообще сквозь них проходил, а не был доставлен сюда при помощи магии. А это единственное логичное объяснение. И это наводило на мысль — хоть и с натяжкой, надо признать, — что во время нападения также была использована магия, чтобы заставить его думать, будто медальон потерян. Иначе почему он не смог его найти, пусть даже ударившись головой и в спешке, когда медальон спокойно висел у него на шее?

И второе, что беспокоило Холидея, заключалось в том, что Бен признал в этом роботе что-то страшно знакомое, но не мог понять, как такое может быть. В Заземелье нет роботов. Более того, насколько ему известно, никто даже представления не имеет, что это такое. Значит, он видел подобного робота в своей прежней жизни либо в кино, либо в каком-нибудь комиксе, поскольку даже на Земле подобных роботов еще не изобрели. Он порылся в памяти, пытаясь сообразить, где же все-таки видел такого уродину, но тщетно.

Засыпая ближе к утру, он все еще безуспешно пытался вспомнить.

Ивица разбудила его довольно поздно. Небо опять было ясным, грозовой фронт сдвинулся на запад. Бен некоторое время тихо лежал, глядя на сидящую рядом жену, а она, лукаво улыбаясь, глядела на него. Внезапно он принял решение. Было бы неправильно держать свои мысли при себе, ведь Ивица страдает не меньше от того, что дочь исчезла, а угрозы Райделла всем действуют на нервы. Они были одни — Сапожок с утра пораньше удалился по своим собственным

делам, о которых не счел нужным поведать. И Бен рассказал жене о том, о чем не говорил никому и никогда: медальон и Паладин связаны между собой, один вызывал другого для защиты короля. А во время схватки с роботом медальон вдруг исчез. Ивица внимательно выслушала рассказ Бена, затем взяла его за руки и сжала их.

— Если с медальоном проделали такую штуку, — спокойно заявила она, — следовательно, тот, кто это сделал, знает, что он связывает тебя с Паладином. — Она пристально поглядела на мужа. — Кому, кроме меня, об этом известно?

Проблема была в том, что никому. Даже советнику Тьюсу, знавшему о медальоне больше всех. Большинство знали лишь, что медальон принадлежит тому, кто правит в данный момент Заземельем. Очень немногие были в курсе, что он позволяет пройти сквозь волшебные туманы. И только Бену было известно, а теперь и Ивица знает, что медальон вызывает Паладина. Вот только Бену не хватило духу поведать Ивице о том, что Паладин и он связаны между собой, что рыцарь является его вторым «я», его темной половиной, которая приобретает телесное обличье, когда возникает необходимость сражаться. Он уже не раз собирался рассказать ей об этом. Это последний секрет о волшебных свойствах медальона, который он утаивал от нее, и внезапно бремя этой ноши показалось Бену совершенно невыносимым.

И все же Бен смолчал. Он еще не был готов к такому разговору. Подобное откровение могло навредить их взаимоотношениям. Он не желал подвергать проверке прочность супружеских уз, выкладывая столь ужасную правду. Даже теперь, спустя столько лет, он все еще боялся потерять ее.

— И что мы теперь будем делать, Бен? — внезапно спросила Ивица, прервав ход его мыслей. — Ты ведь не собираешься здесь задерживаться, не так ли?

— Не собираюсь, — ответил Бен, ухватившись за возможность сменить тему. — От Каллендбора, судя по всему, помощи ждать не приходится, так что нет смысла торчать здесь. Мы уедем незамедлительно. Кстати, а где Сапожок?

Кобольд возник на пороге, едва Бен успел умыться и натянуть одежду. Повязка, наложенная ночью Ивицей на разбитую голову кобольда, исчезла. Сапожок, крепко запомнив специфический запах робота, оказывается, отправился по следу, чтобы выяснить, откуда тот пришел. Но это не заняло много времени. Большая часть следов оказалась затоптанной стражниками, бегавшими ночью вверх-вниз по лестнице, однако не настолько, чтобы Сапожок не определил, что робот материализовался из ниоткуда на лестничной пло-

щадке ниже этажом. Бен поглядел на Ивицу, затем снова на Сапожка. Все они прекрасно поняли, что сие означает.

Сапожок также поведал, что тщательный осмотр берегов реки, проведенный стражниками Каллендбора, не дал ровным счетом ничего. Никаких следов ни робота, ни Ардшил.

Супруги приказали принести завтрак, который быстро проглотили, собрали вещи и спустились вниз. Там их встретил Каллендбор, мрачный и подавленный ночными событиями. Бен сообщил ему, что они отбывают, и в глазах лорда промелькнуло явное облегчение. Бен ни на что другое и не рассчитывал, поскольку их трудно было назвать друзьями даже в лучшие времена. Он поблагодарил хозяина за гостеприимство и заставил подтвердить обещание немедленно сообщить, если узнает что-то новое о Мистае и Райделле. Каллендбор выдал им провизию на дорогу и сопроводил до дверей, где у крыльца их поджидали оседланные кони. Бен улыбнулся про себя. Из Каллендбора никогда не получится хороший игрок в покер.

Бен, Ивица и Сапожок выехали из ворот крепости и покинули город. Переехав мост через реку, маленькая команда двинулась на юго-запад, в направлении замка Чистейшего Серебра. Ивица кинула на Бена вопрошающий взгляд, желая знать его дальнейшие планы, но он в ответ лишь приподнял бровь и промолчал. И только когда они значительно удалились от крепости Риндвейр и оказались посреди лугов, Бен осадил Криминала и остановился.

— Я не хотел, чтобы Каллендбор увидел, куда мы действительно поедем, — сообщил он.

— И куда же?

— На восток, в Пустоши, к еще одному существу, которое может знать что-нибудь о Мистае.

— Понятно, — спокойно ответила Ивица, успевшая уехать вперед.

— Он станет с тобой говорить. Я знаю, ты ему нравишься.

— Может, и станет, — кивнула сильфида.

Они повернули обратно к реке и весь день ехали вдоль берега. К вечеру они достигли границы Пустошей. Тут заночевали, укрывшись под пихтами на холме, откуда открывался прекрасный обзор по всем направлениям. Ужин разогревать не стали, поели холодным. Сапожок предложил дежурить всю ночь напролет, но Бен и слышать об этом не пожелал. Кобольду тоже нужно отдохнуть, особенно если потребуется его помощь в случае следующего нападения, а то, что оно будет, уже не вызывало сомнений. Поэтому Бен настоял, чтобы дежурить по очереди.

В эту ночь никаких монстров не появилось, и Бен спокойно поспал. Утром он чувствовал себя заново родившимся. Ивица тоже,

судя по всему, отдохнула. Только все трое совершенно не радовались тому, что ждало их впереди. Даже Сапожок — и тот понял. Он побежал впередсмотрящим, а Бен с Ивицей двинулись следом, не очень торопясь. Покинув Зеленый Дол, они вошли в Пустоши. День опять был хмурый и облачный, но дождя вроде бы не намечалось. Здесь даже в отсутствие солнца воздух был сухим и горячим, почва иссохшая и потрескавшаяся, а простиравшаяся впереди земля лишена жизни и растительности и такая тихая, как смерть.

К полудню они довольно прилично углубились в Пустоши. Прискакавший обратно Сапожок сообщил, что Огненные Ключи прямо по курсу и дракон Страбон дома.

— Если кто и знает что-либо о Райделле, так это Страбон, — сказал Бен Ивице, пока они ехали по барханам, окружавшим Огненные Ключи. — Страбон летает везде, где хочет, и вполне мог когда-нибудь во время своих полетов за волшебные туманы побывать в Марнхулле. В любом случае стоит спросить. При условии, конечно, что вопросы будешь задавать ты.

Действительно, по большому счету Страбону было глубоко наплевать на Холидея, хоть они и несколько сблизились после совместных приключений в Лабиринте. Но вот Ивицу дракон обожал. Он постоянно твердил, что испокон веку драконы питают слабость к прекрасным девам, хотя время от времени полагал, что ошибается и что драконы получают удовольствие, поедая этих самых дев. Слишком гордый, чтобы признаться в таком грехе, он позволял себе изредка попадать под очарование сильфиды. Однако каждый визит к Огненным Ключам был рискованным предприятием, а дракон Страбон отличался весьма вспыльчивым норовом.

Когда они подъехали достаточно близко, чтобы ощутить жар, но много позже того, как увидели дым и почувствовали запах, они спешились, стреножили лошадей и дальше пошли пешком. Маршрут был трудным: по крутым, каменистым холмам через довольно глубокие провалы. Сапожок, как всегда, показывал путь, но теперь далеко не убегал, держался рядом. Пройдя несколько минут, они услышали какой-то хруст. Сапожок оглянулся и продемонстрировал свои зубы в невеселой улыбке.

Дракон питался.

Они перевалили через холм и увидели здешнего хозяина.

Страбон лежал, обвившись вокруг одного из Ключей — двенадцатиметровая черная туша, вся в шипах и гребнях, местами лоснящаяся, местами шишковатая. Он доедал останки какой-то скотины, похожей на корову, хотя точно определить было трудно, поскольку оставались лишь ноги и куски туловища. Гигантские почерневшие зубы сверкну-

ли, когда дракон вцепился в огромную кость, сдирая с нее остатки мяса. Желтые глаза, опушенные необычными красными ресницами, не отрывались от добычи, но, как только пришельцы взошли на гребень и оказались в поле зрения, массивная рогатая голова поднялась и повернулась.

— Компания? — не очень-то довольным тоном прошипел он. Желтые глаза расширились и моргнули. — А, Холидей, это всего лишь ты... Какая скука. Чего тебе? — Голос дракона был низким и гортанным, с явно слышимым присвистом. — Нет, не отвечай, дай самому догадаться. Ты хочешь поинтересоваться насчет вот этой коровы. Ты проделал длиннющий путь от своего шикарного сверкающего замка, чтобы пожурить меня за эту тварь. Ну так не напрягайся. Это беспризорная корова. Она забрела в Пустоши, и поэтому стала моей. Так что не читай мне нотаций, будь любезен.

Бен не переставал поражаться, что дракон умеет говорить. Это противоречило всему, чему научила его жизнь на Земле. Впрочем, на Земле и драконов-то не было.

— Мне наплевать на корову, — сорвался Бен. В свое время он взял со Страбона обещание не воровать скот.

Пасть дракона распахнулась в жутком хохоте.

— Да?! Ну, в таком случае я, пожалуй, сознаюсь, что она была не совсем на территории Пустошей, когда я поймал ее. Ну вот, сказал и душу облегчил. Истина освобождает. — Огромные глаза вновь сузились. — Так-так, не наша ли это миленькая сильфида пришла с тобой, Холидей? — Дракон никогда не титуловал Бена «Ваше Величество». — Ты привел ее навестить меня? Нет, такого внимания от тебя не дождешься. Значит, у вас есть причина прийти сюда. И что же это?

Бен вздохнул:

— Мы пришли спросить...

— Подожди, ты прервал мой ужин. — Из ноздрей дракона повалил дым, и он громко кашлянул. — Вежливость прежде всего. Пожалуйста, присядьте, пока я закончу. А уж потом я выслушаю вас. Если будете краткими.

Бен взглянул на Ивицу, и они нехотя присели на камень рядом с Сапожком, терпеливо дожидаясь, когда дракон закончит есть. Страбон не торопился, обсасывал каждую косточку и поглощал мизерные кусочки мяса, пока от коровы не осталось ничего, кроме рогов и копыт. Дракон устроил целое представление, с каждым укусом довольно урча и облизываясь. Бесконечный спектакль, который достиг требуемого эффекта. К тому времени, когда дракон закончил трапезу, терпение Бена настолько иссякло, что он с трудом сдерживался.

Страбон отшвырнул в сторону бренные останки и выжидательно посмотрел на визитеров:

— Ну, я освободился, теперь давайте послушаем, что там у вас.

Бен едва удержался, чтобы не заскрежетать зубами от переполнявшего гнева.

— Мы пришли попросить тебя помочь кое в чем, — начал было он, но закончить ему не дали.

— Побереги дыхание, Холидей, — перебил дракон, взмахнув передней лапой. — Я уже оказал тебе всю возможную помощь, которую ты мог получить от меня за свою жизнь. На самом деле даже больше, чем заслуживаешь.

— Да дослушай меня хотя бы, — раздраженно рявкнул Бен.

— А я должен? — Дракон поерзал, как бы стараясь устроиться поудобнее. — Ладно, в честь прекрасной юной леди, так и быть выслушаю.

Бен решил сразу перейти к делу:

— Мистая пропала. Мы думаем, ее захватил король Райделл из Марнхулла. Во всяком случае, он заявляет, что Мисти у него. Мы пытаемся вернуть ее, но пока безуспешно.

Страбон некоторое время молча смотрел на него.

— А я должен знать, о ком идет речь? Мистая? Райделл из Марнхулла? А кто это такие?

— Мистая — наша дочь, — быстро вмешалась Ивица, прежде чем Бен окончательно вышел из себя. — Ты помог Бену найти нас, когда я вызволяла ее из Бездонной Пропасти.

— А, да, припоминаю. — Дракон мотнул рогатой головой. — Очень мило с моей стороны, верно? Так вы назвали ее Мистаей? Очень красиво. Мне нравится ее имя. Оно поет о красоте, подобной твоей.

Полцарства отдал бы за кляп, мрачно подумал Бен, но благоразумно промолчал.

— Да, она красивая девочка, — согласилась Ивица, стараясь удержать внимание дракона на себе. — Я очень ее люблю и твердо намерена вернуть ее домой в целости и сохранности.

— Естественно, намерена, — возмущенно заявил Страбон. — А что это за король Райделл, который захватил ее?

— Мы не знаем. Мы надеялись, что ты нам в этом поможешь.

Ивица затаив дыхание ждала ответа.

Страбон медленно помотал рогатой головой:

— Нет. Нет, не думаю. Никогда о таком не слышал. Еще один из массы мелких королишек, полагаю. Их буквально сотни, все надутые и гордые собой. Можно подумать, что они способны на кого-

нибудь мало-мальски значительного произвести впечатление. — Он загадочно посмотрел на Холидея. — Ну, кем бы он ни был, я все равно его не знаю. Значит, он из какого-то местечка, именуемого Марнхулл? Правильно? Марнхулл? Похоже на то, что остается, когда щелкаешь орех.

Дракон расхохотался и, задохнувшись от хохота, опрокинулся в один из Огненных Ключей, разбрызгивая во все стороны пепел и обломки камней. Он с усилием вылез обратно. — Марнхулл! Смехота!

— Значит, и об этом месте ты тоже ничего не слышал, — возник Бен, который уже не мог и дальше хранить молчание.

— Никогда. — Страбон выдохнул грязь и пар из ноздрей. — Они не существуют, ни тот, ни другой.

— Даже за пределами Заземелья, за волшебными туманами? — недоверчиво уточнил Бен. — Даже там?

Огромная черная голова резко приблизилась.

— Холидей, слушай сюда. Я был во всех странах, которые когда-либо существовали, и в нескольких, которые не существовали вовсе. Я был во всех странах, которые лежат вокруг волшебных туманов. И гораздо дальше. Я живу уже очень долго, и мне всегда нравилось путешествовать, особенно в тех местах, где меня не любят и я могу питаться жителями. — Желтые глаза засияли. — Итак. Если страна под названием Марнхулл существует, я бы в ней уже побывал. Если король Райделл существует, я бы его знал. А я не был и не знаю. Следовательно, их нет.

— Значит, есть кто-то, кто называет себя королем Райделлом, потому что он дважды приезжал в замок Чистейшего Серебра и угрожал мне, заявил, что захватит Мистаю и пришлет монстров, чтобы убить меня! — Терпение Бена лопнуло. — Мистая пропала, а на меня уже нападали трижды! И по-твоему, ничего не происходит, да?

— Вот именно, — заявил дракон, внезапно утратив всякий интерес к разговору. — Поскольку я понятия не имею, о чем ты толкуешь. У меня были дела поважней, чем выслушивать местные сплетни. Так что если на тебя и нападали, то для меня это новость. Довольно незначительная новость, хочу добавить.

Ивица взяла Бена за руку и ласково оттащила назад, затем шагнула к дракону:

— Страбон, выслушай меня, пожалуйста. Я понимаю, что все, что мы тебе рассказываем, особого интереса для тебя не представляет. Твои заботы гораздо значительней, чем наши. И раз ты говоришь, что никогда не слышал о Райделле из Марнхулла, значит, так оно и есть. Всем известно, что драконы никогда не лгут. — Бен впервые слышал об этом, но данное заявление вроде бы понрави-

лось Страбону, который любезно кивнул в ответ. — Теперь я хочу попросить тебя, как того, кто был мне когда-то другом, — продолжила Ивица, — подумать о том, чтобы помочь мне найти дочь. Она исчезла, и мы безуспешно обшарили все Заземелье. Мы говорили со всеми, с кем могли, пытаясь выяснить, где она. Никто не смог нам помочь. Ты наша последняя надежда. Мы подумали, что если кто и знает что-либо о Райделле или Марнхулле, то только ты. Пожалуйста, скажи, можешь ты что-нибудь сообщить нам, что-нибудь, что может нам помочь? Знаешь ли ты кого-нибудь, кто может быть Райделлом? Или известно ли тебе какое-то место, которое кто-либо называет Марнхулл?

Дракон долго молчал. Огненные Ключи вокруг него шипели и булькали, разбрасывая пепел и дым. Унылый серый день стал еще серее. Солнце клонилось к западу, а облака образовали в небе плотную серую завесу. Окружающий ландшафт становился все мрачнее.

— Я дорожу одиночеством, — произнес наконец Страбон. — Поэтому здесь и живу, знаешь ли.

— Знаю, — подтвердила Ивица.

Дракон вздохнул:

— Ну хорошо. Расскажи мне побольше об этом Райделле. Расскажи все, что знаешь и кого подозреваешь.

Ивица так и сделала, не упустив ничего, кроме сведений о медальоне. Когда она замолчала, Страбон погрузился в размышления.

— Что же, Холидей, — тихо проговорил он, — похоже, мне придется подсобить тебе еще разок, хоть это и противоречит моим взглядам. Однако должен заметить, что оказываю тебе помощь исключительно из-за моей неизбывной привязанности к этой сильфиде. — Он прочистил горло. — Ничто не проходит сквозь волшебные туманы без моего ведома. Так уж устроен мир. Драконы обладают великолепным слухом и зрением, и ничто не ускользает от их внимания... — он помолчал, размышляя, — если они считают, что это достойно их внимания, вот. — Похоже, дракон припомнил свое давешнее заявление, что понятия не имеет о происходящих в замке Чистейшего Серебра событиях. — Дело в том, что за последнее время никто не проходил сквозь волшебные туманы. Но даже если я ошибаюсь — положим, что несколько отвлекся именно тогда, когда Райделл или кто-то еще прошел сквозь них, — то еще до сих пор оставались бы следы этого прохода. Короче, я все равно могу это выяснить. — Он ухмыльнулся во всю пасть и добавил: — Если только захочу.

Страбон склонил свою уродливую голову к Ивице:

— Я вот думаю, миледи, не соблаговолите ли вы одарить меня одной из ваших прекрасных песен? Я безумно скучаю по звукам девичьего голоса.

Это было то, что дракон любил больше всего на свете, и, хотя когда-то он жутко стеснялся просить петь для себя, похоже, ему удалось преодолеть застенчивость. Ивица ждала этой просьбы. В свое время она очаровала дракона именно пением, так что теперь она не колеблясь сделала то же самое. В действительности же имел место быть небольшой торг, и цена, запрошенная Страбоном, была поистине мизерна. Ивица запела о цветущих лугах, на которых танцуют девушки, и о драконе, который царствовал над всеми. Бен никогда прежде не слышал этой песни и счел ее очень приторной, но Страбон, сложив рогатую голову на каменный выступ, наслаждался пением, мечтательно прикрыв глаза.

К тому времени, когда Ивица закончила, он размяк почти до желеобразного состояния. Из огромных глаз текли слезы.

— Когда вернешься, — сказала Ивица, напомнив ему о его стороне сделки, — я спою тебе еще одну в награду.

Страбон медленно поднял голову с камня и обнажил зубы в безнадежной попытке улыбнуться.

— Je t'adore*, — тихонько проговорил он.

И не сказав больше ни слова, развернул огромные крылья, и змеевидное тело взвилось в воздух. Сделав круг, дракон исчез из виду.

Весь день и всю ночь они ждали его возвращения. Сапожок сбегал за одеялами, и они, установив очередность дежурства, расположились с наветренной стороны от Огненных Ключей, чтобы не дышать дымом и серой. Из кратеров вылетало пламя, оплавившиеся куски камня падали через равные промежутки времени, мешая спать. Жара периодически становилась невыносимой, и облегчение приносил лишь легкий ветерок. Но здесь они были в полной безопасности, поскольку едва ли кто осмелится залезть в логово дракона.

Страбон вернулся почти на рассвете. Он появился в небе, когда луны Заземелья уже опустились и на востоке начали меркнуть звезды. Массивная тень казалась внезапно отколовшимся осколком неба. Он приземлился мягко и нежно, как гигантская бабочка, беззвучно и легко, несмотря на чудовищные габариты.

— Леди, — поприветствовал он Ивицу глубоким низким голосом. И в этом одном-единственном слове звучали горечь и сожаление. — Я облетел все четыре границы страны от Огненных Ключей до Мельхора, от Зеленого Дола до Озерного края, от одной горной гряды и до другой. Я обыскал все границы, где есть проходы из Заземелья в миры эльфов. Обнюхал все следы, осмотрел все знаки,

* Я обожаю тебя *(фр.)*.

искал малейшие признаки. Никаких следов Райделла из Марнхулла. И никаких следов вашей девочки.

— Никаких? — спокойно переспросила Ивица, будто дракон говорил о чем-то малозначащем для нее.

Страбон отвернул рогатую голову:

— За последние дни никто не проходил сквозь волшебные туманы. Никто. — Он зевнул, продемонстрировав ряды мощнейших зубов. — А теперь, если позволите, я хотел бы поспать. Мне очень жаль, но я больше ничего не могу сделать. Я освобождаю вас от обещания спеть еще песню. Сожалею, но я вынужден признаться, что слишком устал, чтобы слушать. До свидания, сильфида. До свидания, Холидей. Приходите снова когда-нибудь, только не очень скоро, м-м-м?

Он прополз между скалами, проскользнул возле кратеров, свернулся в клубок среди камней и вскоре захрапел.

Бен с Ивицей уставились друг на друга.

— Не понимаю, — вымолвил наконец Бен. — Как такое может быть, что вообще нет никаких следов? Что бы это значило?

Лицо Ивицы было бледным и осунувшимся.

— Если Райделл не прошел сквозь туманы, то откуда тогда взялся? И где он теперь? И что сделал с Мистаей?

— Не знаю. Кроссворд какой-то. — Бен поднял одеяло и начал сворачивать. — Во всей этой истории кроется какая-то тайна. И так или иначе я доберусь до истины. А сейчас уходим.

Взяв Ивицу за руку, он направился вслед за Сапожком, безутешный и огорченный, прочь от Огненных Ключей и спящего дракона.

ГЛАВА 14

ЧЕРВЬ

Они скакали прочь от Огненных Ключей по пустоши, направляясь на запад. Солнце у них за спиной висело над горизонтом в виде размытого белого шара, закрытое туманом, облаками и жарким летним маревом. Уже было довольно тепло, и день обещал стать еще жарче. С запада бежали облака, налетая друг на друга и грозя пролиться дождем еще до полудня. Впереди лежала высохшая однообразная земля.

Бен ехал молча, настроение его по мрачности вполне соответствовало окружающему пейзажу. Конечно, он храбрился, но сам прекрасно понимал, что исчерпал все свои возможности. Страбон был его последней надеждой. А поскольку даже дракон не смог сказать, где искать Райделла, то Бен подозревал, что и никто не сможет. А раз он не может найти Райделла, то соответственно не сможет отыскать Мистаю и советника с Абернети. А если он не сможет отыскать дочку и друзей, то ему не остается ничего другого, как вернуться в свою резиденцию и поджидать там оставшихся монстров Райделла. Три уже были, осталось четыре. Малоутешительная мысль. Им уже несколько раз почти удалось достать его — точнее, Паладина, поправился он, но это одно и то же. Бен не думал, что сумеет одолеть оставшихся четверых, а если и сможет, то все равно вряд ли вернет Мистаю.

Ужасные думы, Бен мысленно обругал себя за них. Но это правда. Он действительно так думал. Райделл не походил на человека, который держит слово. Человек, который поглощает страны, насылает монстров на королей и крадет детей, используя их как заложников, едва ли соблюдает условия сделки. Нет, Райделл играет со своими жертвами, а когда кто-то играет в подобного рода игры, сам устанавливает такие правила, чтобы не проиграть ни в коем случае. Не имеет значения, победит Паладин всех семерых чудищ или нет. Мистаю не вернут. Разве что Бен сам отыщет ее и привезет домой.

А вот на это в настоящий момент он уже совсем не надеялся.

Бен вспомнил, что сказал Страбон. Нет никаких следов прохода Райделла сквозь волшебные туманы. Ни свежих, ни старых. И никаких признаков Мистаи. Так о чем это говорит? Что Райделл солгал? Или Страбон что-то упустил? Но Райделл сказал, что прошел сквозь волшебные туманы. И что его армия придет следом за ним. Сквозь туманы. А может, вдруг подумал Бен, одетый в балахон напарник Райделла владеет магией, позволяющей пройти сквозь волшебные туманы, не оставляя следов? Может, свойства этой магии таковы, что она прячет следы прохода? Но разве тогда Страбон не обнаружил бы признаки этой самой магии? Ничто не может укрыться от дракона. Неужели Райделлу удалось то, что не удавалось прежде никому и никогда, — обмануть зверя?

Тут Бена осенило, что в Заземелье есть еще один путь — через Абаддон, мир демонов. Возможно, Райделл пришел оттуда? Но для этого ему нужно было пройти мимо демонов. Или заручиться их поддержкой, как в свое время сделал Бурьян, пообещав им что-нибудь взамен. Мог Райделл из Марнхулла пойти на такое? Вряд ли. Демоны ненавидят людей. И никогда не идут с ними на сделку,

разве что вынужденно. Одно дело объединиться с таким существом, как Бурьян, который был продуктом черной магии. И совсем другое — с кем-то вроде Райделла. К тому же Райделл заявил, что прошел сквозь туманы, а это далеко не одно и то же, что пройти через Абаддон.

Криминал шел ровным шагом, осторожно выбирая дорогу на каменистой почве и двигаясь так медленно, что, казалось, топчется на месте. Бен этого даже не замечал, погрузившись в мысли. Ивица ехала рядом, посматривая на супруга, но не стала его отвлекать. Сапожок бежал рядом, переводя взгляд своих блестящих глаз с одного на другого и нервозно поглядывая вперед. Настроение короля его не касалось. Огненные Ключи остались позади, исчезнув за горизонтом. Об их наличии напоминал лишь темный столб пепла и дыма, устремленный в небо.

С востока появилась красноглазая ворона и начала описывать у них над головой ленивые круги. Путники не обратили на нее внимания.

Так что же упустил он, размышлял Бен? Вне всякого сомнения, существует что-то такое, что он проглядел или не понял. Или не смог распознать. Что-то, что может вывести на Райделла. А что, если он изначально неправильно подошел к оценке ситуации? Предположим на минутку, что Райделл лгал, кто он и откуда. Вполне допустимое предположение, учитывая приверженность Райделла к играм. Придумай правила, введи их в игру и посмотри, что получится. Такая схема вполне вписывается, исходя из того, что известно о Райделле. Однако оставался вопрос, который Бен задавал себе с самого начала и не мог найти ответ: зачем Райделл вообще все это затеял? Тот же вопрос задал и Владыка Озерного края. Почему Райделл насылает на него монстров, вместо того чтобы просто-напросто потребовать его жизнь в обмен на жизнь Мистаи? Почему он тратит время на дуэли с Паладином, вместо того чтобы попросту ввести войска в Заземелье и захватить трон силой? Хочет избежать кровопролития и лишних потерь? Вряд ли.

На самом деле — и чем дальше, тем больше — Бен начал сомневаться в том, что Райделла вообще интересует Заземелье как таковое.

Потому что вся эта заваруха начинала носить отчетливый личный характер. Бен не мог вычислить причину, но нутром чувствовал, что так оно и есть. Что-то загадочное в облике этих монстров, в особенностях применяемой ими магии, в том, как они нападали. Конфронтация с Райделлом, похоже, больше касалась лично их двоих, чем Заземелья в целом. Заземелье выглядело скорее как пред-

лог, пешка, которую разыграли и забыли. Райделл явно не торопится со своим завоеванием. Не был назначен точный срок передачи трона, вообще не упоминалось, когда эта передача должна состояться. Просто заявил свои права, и все.

Почему Райделл теряет так много времени, если всего лишь стремится убедить Бена уступить престол? Разве Бен не уступил бы его ради того лишь, чтобы вернуть Мистаю?

А уступил бы?

Он искоса посмотрел на Ивицу и почувствовал вину, потому что колебался с ответом. Она глядела на него, и в ее изумрудных глазах он не увидел ни осуждения, ни подозрительности, только обеспокоенность и грусть, и за всем этим глубокую любовь. Ему вдруг стало стыдно. Он ведь знал ответ, не так ли? Когда на Земле его жена Энни и их нерожденное дитя погибли, он думал, что никогда не оправится от удара, — они ушли навсегда, и он не мог их вернуть. Теперь у него есть Ивица и Мисти, и их потери он тоже не вынесет. Он ради них отдаст все что угодно. Такую потерю он больше не переживет.

Наступил полдень, и жара в Пустошах стала практически невыносимой.

Бен повернулся к жене:

— Еще миля-другая, и остановимся передохнуть. Там и потолкуем обо всем.

Ивица молча кивнула, и они медленно поехали дальше.

Кружащаяся над ними красноглазая ворона развернулась и улетела.

Неся в клюве отчаянно сопротивляющегося червя, Ночная Мгла быстро летела к лощине, через которую должны были пройти Холидей с остальными. Она с трудом сдерживала ярость. Всю ночь ведьма прождала Бена, считая, что он обязательно явится, будучи уверенной, что дракон откажет ему в помощи и прогонит прочь. А вместо этого летучая тварь отправилась для него на поиски — на поиски, как домашняя собачонка! — и Холидей не вернулся, как ожидалось, а провел ночь в Огненных Ключах, практически единственном месте, куда Ночная Мгла не могла проникнуть без опаски, несмотря на всю свою магию! И она была вынуждена ждать, провести всю ночь в Пустошах, следя за своей добычей.

Будто отвечая на ее ярость, червь извернулся и попытался укусить ее.

Ведьма посмеялась про себя, увидев, как лязгнули крошечные клычки. Изначально это был обычный земляной червяк. Теперь же это — ее творение, которое выполнит свое предназначение, став четвертым монстром Райделла.

Ведьма до сих пор бесилась, что пришлось использовать четвертого. Робот должен был стать последним, и стал бы, если бы не Ардшил. То, что Владыка Озерного края выступил на стороне Холидея — ради внучки или нет, — выводило из себя. Холидей с эльфом были друзьями ничуть не больше, чем Холидей с драконом. Так чего ради неприкрытые враги выступили вдруг на стороне этого шутейного короля, смешав ее планы? Что за сумасшедшая выходка?

Впрочем, подумала она, стараясь найти и положительную сторону, она с самого начала планировала, чтобы Холидей дожил до задуманного ею финала и принял смерть от руки Мистаи. Будет не так приятно, если он умрет раньше. А появление на сцене Ардшил навело ее на мысль, какой еще трюк можно сыграть с затравленным королем Заземелья. Так что она ничего не потеряла, верно?

Она спикировала вниз и скользнула в тень лощины, лежащей между двумя высокими холмами, преграждавшими путь на запад и восток. Холидей с товарищами прошел здесь по пути к дракону. Об этом свидетельствовали следы подков. Значит, и вернутся тем же маршрутом. Но теперь их тут будет поджидать ее червь. Она допрыгала на птичьих лапках до небольшого прудика со стоячей водой, укрытого в тени скал и поэтому еще не испарившегося от жары. Требуется лишь капелька воды, и все. Одной крошечной капли больше чем достаточно.

Ночная Мгла окунула червя в воду, наблюдая за его попытками высвободиться. Ей надоело его нести. И так уже достаточно скверно, что пришлось проделать весь путь до Восточных Пустошей в нечеловеческом облике, не рискуя прибегнуть к магии, дабы не обнаружить своего присутствия и не провалить все дело. Но держать все время этого крошечного монстрика — это уже чересчур! Ночью ей удалось пристроить его среди камней, где почва совершенно сухая и твердая и откуда маленькая тварюшка не смогла удрать. Теперь она готова выпустить его совсем. Ведьма подумала, что с удовольствием осталась бы понаблюдать за ходом событий, но она уже довольно давно ушла из Бездонной Пропасти, и то, что девочка так долго предоставлена самой себе, может быть опасным. Мистае начали надоедать направление и ограниченность уроков. На самом деле червя придумала сама Ночная Мгла, когда девочке не удалось изобрести ничего нового. Мистая пока еще послушна, но имелись все признаки того, что она попытается нарушить установленные ведьмой правила. Девочка оказалась невероятно одаренной, обладая и талантом, и воображением, а под руководством ведьмы ее навыки в использовании магии значительно возросли. Если она когда-нибудь решит выступить против Ночной Мглы...

Ведьма, зашипев, отбросила эту мысль прочь. Она не боится Мистаи. Она никого не боится.

Но осторожность не повредит. Лучше ей вернуться в свои владения как можно быстрее. Лучше убедиться, что Мистая не выкинула что-нибудь непредвиденное.

Она выронила червя и проследила, как тот тонет. А потом быстро умчалась.

Бен Холидей смотрел вдаль, ища глазами лощину, которая вела из Восточных Пустошей на равнину. Сегодня свет такой слабый, видимость настолько сужена маревом и туманом, что все кажется рассеянным и искореженным. Даже линия горизонта больше походила на мираж, который к тому же грозил вот-вот рассеяться. А вот и лощина. Больше походит на сгусток непроницаемой тени.

Он пришпорил Криминала, переключившись на более серьезные вещи.

Бен вновь задумался о роботе. Почему он показался таким знакомым? Где же он его видел? Бен теперь был совершенно уверен, что видел, и бесился от того, что никак не мог вспомнить, когда именно. Осложняло положение и то, что он начал подозревать, что и остальные монстры Райделла ему знакомы. И он готов был поспорить на что угодно, что они попадались ему еще до того, как он пришел в Заземелье. Но как такое может быть? Они не были реальными, иначе он бы помнил. Не упоминали ли о них советник Тьюс и Абернети? Или кто-нибудь ему их описывал? Может, он видел рисунок или картинку?

Они достигли глубокой тени, обозначавшей въезд в лощину. Бен глянул на кобольда, который смотрел назад, проследил за его взглядом, прикрыв глаза ладонью от солнца. Сначала он не увидел ничего. Затем разглядел крошечное темное пятнышко, висящее низко над горизонтом. Пятнышко вроде бы росло.

Бен недоуменно моргнул:

— Что за...

И это все, что он успел произнести перед тем, как земля перед ними взметнулась фонтаном грязи и камней и что-то огромное и темное вылезло из тени лощины. Сапожок пулей метнулся к Цапле и сдернул Ивицу с седла за секунду до того, как тварь заглотила лошадь целиком. Раздалось дикое ржание и хруст костей. В горячем воздухе клубилась пыль. Криминал в панике отскочил назад, чудом избежав огромных челюстей, нацелившихся на него и проскочивших у Бена над головой буквально в нескольких сантиметрах. Бен вцепился в гриву судорожно отскочившего коня и лишь

мельком успел увидеть напавшую на них тварь — какая-то гигантская змея, без морды, без глаз, состоящая лишь из огромной пасти с зубищами, длинное красноватое тело, гладкое и кольчатое, как...

Как у червя, Боже ты мой!

Бен инстинктивно потянулся к медальону, но Криминал так подбрасывал задом, стараясь взобраться вверх по склону, что он быстро оставил эти попытки и вцепился в седло и поводья, чтобы не свалиться. Он увидел, как Сапожок и Ивица карабкаются по противоположному склону лощины и укрываются за камнями. Чудовище внезапно нырнуло головой вниз, ввинчиваясь в почву, как гигантский бур, и его туша исчезла, как кит под водой. Оно передвигалось, и там, где ползло, вздыбливалась земля. Направлялось чудовище прямо к Бену.

Бен отчаянно пришпорил Криминала, пытаясь вынудить коня спуститься. Но конь ничего не соображал от ужаса и, наоборот, старался забраться как можно выше. Бесполезное дело — подковы скользили, и он не сдвинулся ни на йоту. Бен развернул коню голову и направил вдоль склона, надеясь заставить-таки спуститься. Земля сзади вздымалась и опускалась, — монстр повернул за ними следом.

Расстояние сокращалось.

В отчаянии Бен отпустил седло и полез за медальоном. Но в то же мгновение Криминал споткнулся и Бен вылетел из седла головой вперед. Охваченный ужасом жеребец немедленно вскочил на ноги и на сей раз помчался вниз, к спасению. Бену повезло значительно меньше. Оглушенный, заливаясь кровью, он поднялся и помчался вперед, не соображая, куда бежит, и сознавая лишь, что подземное кошмарище его догоняет. Оно быстро продвигалось за Беном, лишь комья земли и камни разлетались в разные стороны. Бен схватил медальон, но никак не мог выпутать его из складок одежды. Пот и кровь заливали глаза, мешая смотреть. Монстр мог вылезть на поверхность в любой момент. И в любой момент напасть. Бен чувствовал пальцами гладкую грань медальона, ощущал гравировку на нем. Еще секундочку! Всего лишь одну...

И тут земля и камни фейерверком взлетели вверх, сбив Бена с ног. Он выпустил медальон и шмякнулся спиной о твердую почву. От удара перехватило дыхание. Червяк-переросток возвышался над ним, тело наклонилось вперед, зубастая пасть приближалась.

Бен резко крутанулся, пытаясь увернуться, понимая, что опоздал, что не успевает. «Медальон! — подумал он. — Я должен...»

И тут что-то непонятное, еще больше, темнее и злее монстра, обрушилось с неба. Огромные когти вцепились в извивающееся тело, рванув его вверх и назад. Клацнули гигантские челюсти, напрочь

откусив безглазую голову. Голова с еще разинутой пастью упала, откатилась прочь, заливая все вонючей кровью, но тело продолжало судорожно биться. Огромные челюсти клацнули еще раз и еще, и монстр затих.

Страбон бросил то, что осталось от чудища, взмахнул крыльями и медленно приземлился. Сапожок с Ивицей уже неслись к ним с дальнего конца лощины.

— От тебя действительно сплошные неприятности, Холидей, — прошипел дракон. Рогатая голова наклонилась, и желтые фонари глаз вперились в Бена. — Сплошные.

— Знаю, — сумел выговорить Бен, хватая воздух ртом и поднимаясь. — Но все равно спасибо.

Подлетевшая Ивица повисла у мужа на шее.

— Спасибо тебе, Страбон, — эхом повторила она, чуть ослабив объятия, чтобы взглянуть на дракона. — Ты ведь знаешь, как много он для меня значит. Большое тебе спасибо.

Страбон шмыгнул носом:

— Ну, если я дал тебе повод улыбнуться, то я рад, — заявил он. В голосе чудища явственно прозвучали довольные нотки.

— Как ты узнал? — поинтересовался Бен. — Когда мы уехали, ты спал.

Дракон сложил крылья, и глаза его засияли.

— Пустоши принадлежат мне, Холидей. Они мои. Это все, что у меня осталось от того, что когда-то не имело конца. Следовательно, порядок в них тот, какой устанавливаю я. Никакая иная магия, кроме моей собственной, здесь недопустима. И если кто-то лезет на мою территорию, я узнаю об этом немедленно. Даже во сне. Я узнал об этой твари, как только она появилась. — Он помолчал. — Ты знаешь, что это такое?

Бен с Ивицей помотали головой.

— Это червь. Ч-е-р-в-ь. Обыкновенный червяк, превращенный в хищника. Капни на него водой, и он вырастает до таких вот размеров. — Страбон глянул на разодранные части монстра и сплюнул от отвращения. — Трогательный повод нарушить мой отдых.

— Снова Райделл, — спокойно заметил Бен.

Страбон повернулся к нему.

— Не знаю, как насчет Райделла, — мягко прошипел он, — но хорошо знаю ведьм. Ведьмы просто обожают червей.

Бен тупо уставился на дракона.

— Ночная Мгла? — выдохнул он наконец.

Дракон поднял голову:

— Помимо всех прочих. — Зевнув, он поглядел на восток. — Пора возвращаться в постельку. Постарайся остаться в живых, пока

не выберешься из моих владений, Холидей. За их пределами я за тебя ответственности уже не несу.

С этими словами он расправил крылья, взлетел и скрылся вдали. Бен с Ивицей проводили его взглядом. Сапожок постоял возле них, потом, по приказанию Бена, пошел ловить Криминала.

Ивица стерла с лица Бена кровь краешком своей рубашки. Помолчав, она спросила:

— Может Ночная Мгла быть замешанной во всем этом деле?

Бен пожал плечами:

— С Райделлом? А зачем ей это?

Улыбка Ивицы стала жесткой.

— Она ненавидит тебя. А это вполне веское основание.

Бен рассеянно посмотрел на пустынные холмы, залитые солнцем. Ивица погладила его лицо и легонько поцеловала.

— Она всех нас ненавидит.

Бен кивнул. Ему внезапно пришла в голову совершенно иная мысль.

— Ивица, — произнес он, — я вспомнил, где видел райделловских монстров. Всех троих.

Сильфида даже сделала шаг назад:

— И где же?

Бен посмотрел на жену. Глаза его были полны изумления.

— В книге.

ГЛАВА 15

КЫШ-ГНОМ

В то утро Мистая проснулась рано и обнаружила, что впервые с момента появления в Бездонной Пропасти осталась одна. Сначала она не поверила. Ночная Мгла никогда прежде не оставляла ее. Поднявшись на рассвете, хмуром и туманном, девочка огляделась, ожидая появления хозяйки пропасти. Когда ведьма не появилась, Мистая позвала ее. Когда та и после этого не появилась, Мистая облазила все уголки поляны в поисках учительницы. Никаких следов.

Мистая вдруг почувствовала облегчение.

За последнее время произошли некоторые изменения, в основном в ее взаимоотношениях с ведьмой. Вначале Ночная Мгла прояви-

ла себя как доброжелательный, полный энтузиазма учитель, товарищ в мире магии, жаждущий поделиться знаниями, тайный друг, способный обучить Мистаю владению необычной силой, которой девочка обладала. Ночная Мгла сказала, что Мистая находится здесь, чтобы узнать правду о правах, данных ей по рождению. Чтобы найти способ помочь отцу в борьбе с Райделлом из Марнхулла. Девочке было приятно видеть результаты их совместных усилий и чувствовать, как растет ее собственное мастерство. Но почему-то все это постепенно куда-то подевалось. Райделл и права по рождению больше не упоминались, вообще мир, находящийся за пределами Бездонной Пропасти, практически исчез из разговоров. Все, что имело теперь значение, — насколько быстро и покладисто Мистая выполняет указания ведьмы. Терпение, которое вначале казалось у ведьмы железным, испарилось. Разнообразия в занятиях тоже больше не наблюдалось. Вот уже много дней подряд они не делали ничего, кроме монстров. А если не творили чудовищ, то говорили о них. И от этого взаимоотношения между ученицей и учителем сильно пострадали. Мистае теперь казалось, что вместо того, чтобы еще больше сблизиться, они с Ночной Мглой все больше и больше отдаляются друг от друга. Похвалы и поощрения сменились критикой и недовольством. На девочку посыпался поток упреков. Мистая плохо старается, несобранна. Не думает как следует. Девочке стало уже казаться, что она дошла до той стадии, когда вообще ничего не делает правильно.

Когда Мистая сотворила робота — еще одно создание из книжки отца, — Ночная Мгла сказала, что это просто великолепно. А потом, не прошло и двух дней, заявила, что это полный провал. Робот оказался недостаточно хорош, нужно что-нибудь получше. Мистая попыталась придумать другого монстра, но под давлением возрастающих требований ведьмы и из-за того, что сама Мистая утратила интерес к данному виду магии, девочке не удалось придумать ничего путного. Придя в крайнее раздражение, Ночная Мгла сама изобрела чудовище — червя, как она его назвала, которого они сотворили совместными усилиями, превратив безобидного ползуна в грозного хищника. На сей раз Мистая открыто взбунтовалась, заявив, что ей надоели монстры, утомило такое применение магии и она желает заняться чем-нибудь другим. Ночная Мгла отмела возражения девочки сердитым взглядом и напомнила ей об обещании делать все, что скажут, в обмен на привилегию учиться. Мистая хотела было возразить, что их договор с некоторых пор приобрел односторонний характер, но придержала язык.

По правде говоря, девочка не понимала, что происходит. Несмотря на возникшие трения, она по-прежнему считала Ночную

Мглу другом. Возникшая между ними близость превалировала над недовольством девочки, но Мистая обнаружила, что на самом деле близость эта базировалась на имевшейся у обеих колдовской силе и все больше и больше приобретала характер состязания, будто каким-то образом обе вдруг пришли к выводу, что их дружбе суждено перерасти в соперничество. С каждым днем они все больше состязались между собой, чем работали совместно, и разрыв между ними ширился. Мистая вовсе не хотела такого поворота событий, но обнаружила, что бессильна что-либо изменить. Ночная Мгла не слушала ее, даже не старалась найти компромисс или попытаться договориться. Она желала лишь, чтобы Мистая выполняла приказы, не задавала вопросов, и отметала все возражения девочки. Мистая начала постепенно приходить к выводу, что не может выполнять требования ведьмы.

Итак, нынче утром она осталась одна, и девочке показалось, что воздух стал как-то чище. Довольная неожиданно обретенной свободой, она сотворила простенькое заклинание, чтобы убедиться, что Ночная Мгла не затеяла какого-нибудь подвоха. Не обнаружив никаких признаков ведьмы, Мистая позвала Стойсвиста. Болотный щенок немедленно появился, материализовавшись из мрака, и уставился на нее мудрыми глазами, насторожив уши и помахивая хвостом.

— Милый Стойсвист, — улыбаясь приветствовала щенка Мистая. — Доброе утро!

Щенок сел на задние лапки и заколотил хвостиком по земле.

— А не предпринять ли нам с тобой чего-нибудь, как считаешь? — спросила девочка своего четвероногого приятеля. — Лишь ты и я?

Она оглядела полянку как бы в поисках ответа. Ее окружал знакомый сумеречный пейзаж. Деревья и кустарники таились во мраке, небо оставалось невидимым, и царила мертвая тишина. Девочке надоело сидеть в замкнутом пространстве, хотелось увидеть что-нибудь еще, кроме тумана. Мистая вспомнила внешний мир, и ей вдруг отчаянно захотелось вновь его видеть — солнце, зеленую травку, голубые небеса, озера, леса и горы, и живых существ. Последнее время она часто думала о родителях, чего не делала довольно долго. Она не понимала, почему они не приехали ее навестить или не прислали весточку. И остальные ее друзья в замке Чистейшего Серебра. Почему не подает вестей советник Тьюс? Ведь они же с ним лучшие друзья. Что со всеми происходит?

Ночную Мглу она об этом не спрашивала. И так знала, что ответит ведьма: они опасаются связываться с ней, потому что ее

ищет Райделл. Не желают рисковать ее безопасностью. Но почему-то такой ответ перестал удовлетворять Мистаю. Почему-то казался неполноценным. Наверняка у родителей и друзей должен быть способ связи с ней, даже здесь. Хотелось ей этого или нет, но Мистая начала скучать по дому.

— Ну, хватит стоять на месте, — импульсивно заявила она. — Пошли прогуляемся.

И, не раздумывая больше ни секунды, девочка решительно направилась к выходу. Мистая рисковала и прекрасно это понимала. Девочка собиралась пойти туда, где светло и тепло, где есть жизнь. Она вознамерилась выйти из Бездонной Пропасти, то есть нарушить строжайший запрет ведьмы. Но, как ни странно, это ее совершенно не волновало.

Мистая быстренько наколдовала себе пакетик крекеров и принялась жевать их на ходу, спеша увидеть то, чего не видела уже довольно давно. Идти оказалось легко. Раньше она едва ли смогла бы найти выход из Бездонной Пропасти. Теперь же Мистая, практически не задумываясь, прибегла к магии и в мгновение ока оказалась у подножия склона, за гребнем которого находился выход из пропасти. Девочка отыскала тропинку и двинулась наверх, к свету. Стойсвист неотрывно трусил за ней следом.

Спустя несколько минут Мистая вылезла из туманного полумрака наружу, где сияло солнце и пахло летом. Солнечные лучи осветили ей лицо и руки. Мистая заулыбалась. Моргая от яркого света, она оглядела поросшие лесом темно-зеленые холмы, затем перевела взгляд на долину, усыпанную голубыми и желтыми цветами. Вдали темно-пурпурные горы поднимались к небу, возле ближайших деревьев порхали птички, по траве во все лопатки куда-то мчался заяц.

— Ну а мы куда пойдем? — спросила Мистая Стойсвиста, сияя улыбкой.

Поскольку у Стойсвиста определенных идей явно не наблюдалось, Мистая сама приняла решение. Они двинулись по лесу на восток, проходя по лужайкам и полянкам, перепрыгивая через ручейки и обходя прудики, наблюдая за лесными зверюшками и вдыхая запах цветов и ягод. Мистая шла без всякой цели, зная, что при помощи магии в любой момент отыщет обратный путь. Мелькнувшую было мысль о Райделле девочка отмела прочь. Магия заранее предупредит ее о приближении кого-либо, и она успеет подготовиться. К тому же Мистая сомневалась, что Райделл сможет ее здесь отыскать. Или кто-нибудь другой.

Поэтому несказанно удивилась, когда, перескакивая по камушкам через небольшой прудик, вдруг ощутила чье-то присутствие.

Замерев, она с помощью магии попыталась определить, кто там. Ночная Мгла многому ее научила, и Мистая легко отыскала чужака. Мужчина, совсем один. Никакой исходящей от него опасности девочка не почувствовала. Поразмыслив о дальнейших действиях, она решила, что будет забавно поговорить с ним. В конце концов вот уже несколько недель она не разговаривала ни с кем, кроме ведьмы. Надо на него взглянуть и, если он окажется безобидным, показаться.

Щенок шел за ней по пятам, и Мистая скользила между деревьями, бесшумно ступая и окутав себя волшебной невидимостью. Незнакомца она обнаружила сидящим на лужайке возле крошечного костерка. Он жевал поджаренное мясо какого-то зверька. Странного вида мужичок, маленький, кругленький и весь заросший волосами. Бакенбарды свисали, как щетки, а крошечные остренькие ушки на концах покрыты шерстью. Скверно пошитая одежда сидела плохо, к тому же была сильно поношена. В одном ухе сверкало золотое кольцо, в которое было вдето рваное перышко. И он был в грязи с головы до ног.

Мистая покопалась в памяти, стараясь понять, что же это за создание, и в конце концов пришла к выводу, что это кыш-гном.

С ним вполне можно потолковать, решила девочка и храбро вышла на лужайку.

— Доброе утро, — вежливо поздоровалась она.

Мужичок у костра подскочил и выронил косточку, которую обгладывал.

— Прыг-попрыг, не делай так больше! — раздраженно воскликнул он. — Предупреждай, будь любезна! И вообще, откуда ты взялась?

Наклонившись, он быстренько поднял оброненную косточку и пальцами счистил с нее грязь.

— Извини, — мягко сказала Мистая. — Я не хотела тебя пугать.

— И не напугала! Ни чуточки! — мгновенно взъерошился гном. — Просто застала врасплох. Думал, я тут один. И имел все основания к этому. Никто не ходит в эти леса, знаешь ли. Так кто ты такая есть?

Мистая заколебалась.

— Мисти, — ответила она. Это имя ей никогда не нравилось, но девочка предпочла гордости осторожность. — А ты?

— Щелчок. А это твоя зверюшка, вон тот симпатяга позади тебя? — Взгляд гнома вдруг стал пронзительным. — Что это за создание?

Мистая подошла к гному и посмотрела на него сверху вниз. Стойсвист последовал за ней.

— Что ты ешь? — спросила она вместо ответа.

— Ем? Э-э-э... кролика. Да, кролика. Сам поймал.

— Пожалуй, для кролика у него слишком длинный хвост, тебе не кажется? — Она указала на остатки трапезы, сваленные кучкой возле ног кыш-гнома.

Щелчок недовольно нахмурился:

— Ну, запамятовал. Может, и не кролик. Может, еще что. А какая разница?

— Похоже на кошку.

— Может быть. Ну и что?

Мистая пожала плечами и смело села напротив кыш-гнома.

— Я просто не хотела, чтобы у тебя появились мысли насчет Стойсвиста, только и всего. — Она кивнула на болотного щенка, который обнюхивал почву. — Ты ведь кыш-гном, верно?

— И тем горжусь, — заявил тот с нехарактерным для одного из самых презираемых в Заземелье существ самодовольством.

— Ну а всем известно, что кыш-гномы едят домашних животных.

Щелчок с отвращением выплюнул кость:

— Это наглая ложь! Кыш-гномы едят диких животных, а не домашних! Конечно, заблудившуюся скотину время от времени лопают, но скотина сама виновата! И вот что, девчонка, давай договоримся сразу, если ты намерена дальше со мной беседовать. Я не желаю слышать гадости в свой адрес. Не желаю слышать обвинения. И не собираюсь оправдываться. Я первый сюда пришел, и если ты и дальше собираешься высказываться по поводу характера и поведения кыш-гномов, то убирайся вон!

Мистая выгнула бровь:

— По-моему, ты зануда первостатейная.

— Ты бы тоже стала занудой, если бы тобой всю жизнь помыкали. Кыш-гномов еще на заре времен ложно обвинили в грехах, которых они не совершали. Их гоняли и высмеивали, не задумываясь о тяжелых последствиях. Невинная маленькая девочка вроде тебя не должна подражать невежественным и полным предрассудков взрослым. Не все, что говорят, правда, знаешь ли.

— Ладно, — покладисто согласилась Мистая. — Извини за подозрительность. Но о вас много чего рассказывают.

Щелчок почесал свою заросшую физиономию:

— Пфа! Вот уж действительно, рассказывают! — Он снова глянул на Стойсвиста. — Так что же это все-таки за зверь?

— Болотный щенок.

— Никогда не слышал. — Щелчок протянул чумазую руку. — Иди сюда, Стойсвист. Иди, мальчик. Старина Щелчок тебя погладит.

— Болотных щенков не гладят, — быстро вмешалась Мистая. — Их нельзя трогать.

Щелчок подозрительно уставился на нее:

— А почему нет?

— Нельзя, и все. Это может быть опасно.

— Опасно? — Щелчок посмотрел на болотного щенка. — Он не кажется опасным. Скорее смешным.

— Но трогать его нельзя.

— Как скажешь, — дернул плечами кыш-гном и перевел взгляд на сваленные на коленях кости. — Есть хочешь?

Мистая покачала головой:

— Нет, спасибо. А что ты тут делаешь?

Щелчок откусил кусочек мяса с одной из костей. Зубы у него оказались весьма острыми.

— Путешествую. — Он снова пожал плечами. — Наслаждаюсь своим собственным обществом, убравшись подальше от шума и домашней суеты, сбежав от разного всякого.

— У тебя проблемы?

— Нет у меня никаких проблем! — метнул на нее сердитый взгляд кыш-гном. — Разве похоже, что у меня проблемы? А? А ты сама? Маленькая девочка, гуляющая в глуши. У тебя проблемы?

Мистая некоторое время поразмышляла. Проблемы у нее, надо полагать, были. Но она вовсе не собиралась делиться ими с кыш-гномом.

— Нет, — соврала она.

— Нет, значит? Тогда что ты тут делаешь одна? Совершаешь длительную прогулку? Или потерялась?

Мистая упрямо сжала челюсти. А потом выпалила:

— Я не потерялась. Я здесь в гостях.

— Ха! — скорчил рожу Щелчок. — В гостях у кого? У ведьмы, что ли? Это у нее ты гостишь? — Увидев выражение ее лица, он мгновенно переменил тон. — Ну-ну, я ведь шучу. Не надо бояться, — поспешил успокоить он девочку, неверно истолковав увиденное. — Но она ведь здесь живет, знаешь ли. Примерно в километре-двух отсюда, в Бездонной Пропасти. Тебе не стоит гулять возле ее обиталища. Помни это. — Прокашлявшись, он отбросил прочь оставшиеся кости. — Так у кого ты здесь гостишь?

Мистая хитро улыбнулась:

— У тебя.

— У меня! Хо-хо! Вот это здорово! Гостишь у меня, значит? — Гном покатился со смеху. — Надо полагать, у тебя был не большой выбор! Гостишь у меня! Будто это сделала бы маленькая девочка!

— Ну а я сделала.

— Что сделала?

— Пришла к тебе в гости. Ведь я сижу здесь и разговариваю с тобой, значит, я у тебя в гостях, верно?

Кыш-гном остро поглядел на Мистаю:

— Уж больно ты шустрая, малышка. Мисти, значит? Тогда скажи мне вот что, если мы друзья: кто ты такая?

Мистая постаралась изобразить смущение:

— Но я ведь уже тебе сказала.

— Сказала. Мисти, гуляющая в глухомани. Пришедшая навестить нового друга, которого до сей поры и знать не знала. — Щелчок покачал головой. — Знаешь, мне кажется, от тебя следует ждать неприятностей, так что я больше не желаю с тобой разговаривать. Мне и без того хватает проблем в жизни. У кыш-гномов этого добра и так достаточно. Прощай.

Он встал и отряхнулся, осыпав все вокруг пылью и ошметками. Мистая недоверчиво уставилась на него. Он действительно хочет, чтобы она ушла. Девочка вскочила на ноги.

— Не понимаю, какая, собственно, разница, кто я есть, — сердито заявила она. — Почему мы не можем просто поговорить?

— Потому что я не люблю маленьких девочек, которые хитрят, — пожал плечами кыш-гном. — А ты хитришь, верно? Ты знаешь, кто я такой, но я не знаю, кто ты. И мне это не нравится. Так не честно.

— Не честно?! — воскликнула Мистая.

— Ни капельки.

Она молча смотрела, как он собирает свои немногочисленные пожитки.

— Я ведь тоже не знаю, кто ты на самом деле, — быстро сказала она. — Мне известно о тебе не больше, чем тебе обо мне. Только имя. А ты знаешь мое, так что мы квиты.

Кыш-гном прекратил свое занятие и взглянул на Мистаю:

— Ну, возможно, ты права. Да, пожалуй, права.

Он положил мешок с пожитками и уселся обратно. Мистая села рядом.

— Предлагаю сделку. — Кыш-гном многозначительно поднял грязный палец. — Ты расскажешь мне что-нибудь о себе, а я — о себе. Идет?

Девочка вытянула палец и коснулась чумазого пальца гнома, скрепляя сделку:

— Но сперва ты.

Щелчок нахмурился, дернул плечом и устроился поудобнее.

— Х-м-м. Дай-ка подумать. — Он принял до смешного задумчивый вид. — Хорошо. Я расскажу тебе, чем тут занимаюсь. Я королевский охотник за сокровищами, личный охотник Его Величе-

ства. — Он заговорщицки посмотрел на девочку. — И нахожусь здесь со специальным заданием. Ищу очень ценный сундук с золотом, укрытый где-то в этих местах.

Мистая изогнула бровь:

— Неправда.

— Истинная правда! — немедленно возмутился кыш-гном. — Откуда ты знаешь?

— Потому что знаю, и все, — невольно ухмыльнулась Мистая. Щелчок смешил ее почти так же, как Абернети.

— Ну так ничегошеньки ты не знаешь! — отмахнулся гном. — Я являюсь королевским охотником за сокровищами вот уже многие годы. И нашел много ценностей, должен сказать! Я знаю о поисках сокровищ больше, чем кто бы то ни было, и Его Величество это высоко ценит. Именно поэтому и пользуется моими услугами.

— Спорим, он вообще не знает о твоем существовании! — Мистая наслаждалась игрой. Впервые за долгое время она так развлекалась. — Спорим, он в жизни тебя никогда не видел!

Щелчок вышел из себя:

— Знает! И я прекрасно его знаю! Знаком даже с его семьей! С королевой! И с их дочкой, которая пропала! Возможно, мне даже удастся отыскать ее, пока я ищу этот сундук с золотом!

Мистая уставилась на кыш-гнома. Пропала? Она крепко сжала губы:

— Ты с ней незнаком. Все ты врешь.

— Не вру! И скажу больше, раз уж ты вознамерилась грубить. Маленькая дочка Их Величеств намного лучше тебя, вот!

— Нет, не лучше!

— Ха! Чушики! Откуда ты знаешь?

— Потому что я она и есть!

Слова вылетели прежде, чем Мистая успела сообразить. Она произнесла их в порыве гордого возмущения, но подумала, что все равно в конечном счете сказала бы это, потому что они играют и кыш-гном не знает, верить ей или нет. К тому же ей страшно хотелось увидеть выражение его лица после такого заявления.

И оно того стоило. Он уставился на нее с неописуемым изумлением, бормоча что-то нечленораздельное, затем возмущенно всхрапнул:

— Ха! Чушики! Так кто же из нас сказочник?

— И я вовсе не пропала! — решительно добавила Мистая. — Вот она я, с тобой рядом!

— Ты не дочка Их Величеств! — злобно воскликнул кыш-гном. — Не можешь ею быть!

— Откуда ты знаешь? — собезьянничала она. Затем закрыла руками лицо и изобразила смущение. — О, прости, я забыла! Ты же личный королевский охотник за сокровищами и знаком со всей семьей!

Щелчок аж взвился. Он наклонился вперед так, что его кругленькое тельце на кривых ножках грозило опрокинуться совсем.

— Слушай, — осторожно произнес он. — Хватит глупостей. Одно дело изображать кого-то, когда игра безобидная, и совсем другое дело пользоваться чьим-то несчастьем. Я знаю, ты всего лишь маленькая девочка, но умненькая девочка и достаточно взрослая, чтобы понимать разницу.

— О чем ты говоришь? — прикрикнула Мистая, разозленная нотацией.

— О дочке Их Величеств! — рявкнул, в свою очередь, кыш-гном. — Вот о чем я говорю! И помолчи, что ты в курсе. — Он вдруг умолк. — Вообще-то, может, и не знаешь. Девочка, разгуливающая в одиночестве по лесам и натолкнувшаяся на парня вроде меня. Так кто ты на самом деле? Ты ведь так и не сказала. Эльфесса, пришедшая из туманов к кому-то в гости? Фея или кто-то еще из Озерного края? В последнее время мы мало кого оттуда видим. Кыш-гномы, во всяком случае. — Он помолчал, собираясь с мыслями. — Ну так вот что произошло, если ты и в самом деле не знаешь. Дочка Их Величеств исчезла, и все ее ищут. Она пропала вот уже несколько дней назад, а может, и недель, но исчезла, это точно. И по всему Заземелью рыщут поисковые партии. — Он наклонился ближе, понизив голос: — Говорят, ее поймал король Райделл. Он пришел из какой-то местности, называемой Марнхулл. И девочка у него. Он ее не отдает. Заставил поборника Его Величества сражаться с монстрами. Не знаю, правда это или нет, но так говорят. В любом случае, девочка пропала, и тебе не следует так шутить.

Мистая обалдела.

— Но это я и есть! — настойчиво повторила она, уперев руки в боки. — Правда это я!

Справа среди деревьев что-то шевельнулось. Мистая краем глаза уловила движение и резко повернулась, готовая бежать. Душа у нее ушла в пятки. Движение среди деревьев окрасилось ядовито-зеленым цветом, залившим пространство между корнями и стволами. Свет стал насыщеннее и обрел форму. Форму человеческой фигуры, тонкой, темной и ясно очерченной.

Вернулась Ночная Мгла.

Ведьма вышла из тени, тихая, как привидение. Алые глаза смотрели на Мистаю.

— Тебе было сказано не покидать Бездонной Пропасти, — тихо промолвила она.

Мистая застыла. На какое-то мгновение ее мысли застыли тоже, и она не могла думать. Но сумела едва заметно кивнуть.

— Извини, — прошептала она. — Мне хотелось увидеть солнце.

— Подойди сюда, — приказала ведьма. — Встань рядом со мной.

— Это всего лишь на день, — попыталась оправдаться Мистая, напуганная выражением ведьминого лица. — Я была совсем одна и не думала...

— Иди сюда, Мистая! — гавкнула Ночная Мгла, грубо оборвав ребенка.

Мистая, опустив голову, медленно пересекла лужайку. Но все же исхитрилась мельком взглянуть на Щелчка. Тот стоял возле костра, глядя на ведьму широко раскрытыми глазами. Мистае стало его жаль. Ведь все произошло по ее вине.

— Я жду, Мистая, — произнесла Ночная Мгла.

Взгляд Мистаи вновь обратился к ведьме. И тут она внезапно поняла, что Стойсвист исчез. Когда она разговаривала со Щелчком, щенок сидел рядом. Так куда же он подевался?

Подойдя к ведьме, она остановилась, со страхом ожидая дальнейшего. Ночная Мгла выдавила из себя улыбку, но тепла в этой улыбке не было.

— Ты меня очень огорчила, — процедила сквозь зубы ведьма.

Мистая кивнула, устыдившись сама не зная чего.

— Этого больше не повторится, — пообещала девочка. И, вспомнив о Щелчке, поторопилась добавить, глянув через плечо на несчастного кыш-гнома: — Он не виноват. Это я во всем виновата. Он даже не хотел со мной разговаривать. — Чуть поколебавшись, она спросила: — Ты ведь не обидишь его, правда?

Ночная Мгла взяла девочку за плечи и ласково, но твердо отодвинула в сторону:

— Конечно, нет. Это ведь всего лишь глупый гном. Просто отправлю его восвояси.

— Прошу прощения, — осмелился возникнуть Щелчок тоненьким голоском. — Мое присутствие здесь не требуется, да? Хочу сказать, я больше не нужен? Я... Я могу забрать вещи и...

Ночная Мгла вскинула руки, и на кончиках ее пальцев заплясал зеленый огонь. Щелчок взвизгнул и в ужасе отшатнулся. Ночная Мгла дала огню разгореться, затем собрала его в ладони и ласково погладила, не сводя глаз с кыш-гнома. Мистая попыталась

что-то сказать, но не смогла вымолвить ни слова. Она повернулась к Ночной Мгле, умоляя взглядом, вдруг совершенно уверенная в том, что ведьма собирается в конечном итоге убить Щелчка.

И тут девочка увидела Стойсвиста. Болотный щенок возник на опушке вне поля зрения ведьмы. Шерсть его встала дыбом, а голова склонилась вперед, будто щенок задумался. С его спины поднималось что-то белое и замерзшее на вид.

Что он делает?

Внезапно ведьма швырнула зеленый огонь в Щелчка. Но замерзший лунный свет Стойсвиста достиг кыш-гнома первым. Мистая вскрикнула. Огонь и холод взорвались одновременно, и Щелчок исчез. На земле остался его мешок, и запахло пеплом и дымом.

— Что это было? — тут же воскликнула ведьма, обшаривая глазами лужайку. Она развернулась к Мистае: — Ты это видела? Видела?

Мистая моргнула. Воздух из легких девочки вырывался короткими всхлипами. Конечно, она видела. Только никогда не скажет об этом ведьме. Никогда, после того что та сделала с Щелчком. Хоть щенок спасся. И не оставил никаких следов.

Она накинулась на Ночную Мглу, голос ее дрожал:

— Что ты сделала с Щелчком? Я же просила тебя не трогать его!

Ведьма поразилась ярости девочки.

— Успокойся, — постаралась она утихомирить Мистаю. — Ничего с ним не случилось. Я просто отослала его домой, к его народцу, прочь отсюда, где ему совсем не место.

Но Мистая не желала успокаиваться.

— Не верю! Я вообще больше ничему, что ты говоришь, не верю! И хочу поехать домой сейчас же!

Ночная Мгла одарила ее холодным и разочарованным взглядом.

— Хорошо, Мистая, — спокойно ответила она. — Но сперва выслушай. Это ты можешь для меня сделать, да?

Мистая коротко кивнула, поджав губы.

— Ничего с твоим приятелем не случилось, — еще раз повторила ведьма. — Но ему нельзя было позволить оставаться здесь. То, что он тебе рассказал, — правда, насколько ему известно. Все думают, что ты у Райделла. Это твой отец сделал, чтобы все так считали. Пустил слух, когда Райделл попытался тебя похитить. Даже организовал поиски для пущей убедительности. Он это сделал, чтобы запутать Райделла и всех, кто пытается найти тебя для короля Марнхулла. Именно поэтому никто и не знает, где ты находишься на самом деле. — Она сочувствующе улыбнулась Мистае. — Но теперь маленькому гному известна правда. Предположим, он кому-нибудь расскажет. Что тогда? Предположим,

он расскажет, где ты прячешься. И слух долетит до шпионов Райделла. Риск слишком велик. Поэтому я отправила его туда, откуда он пришел, и с помощью магии стерла воспоминания о происшедшем. Я сделала это, чтобы защитить тебя.

— Он ничего не будет помнить? — осторожно переспросила Мистая.

— Ничего. Так что никакого вреда ему не причинили, верно? — Ночная Мгла погладила девочку по голове. — А что касается отъезда домой, то можешь отправляться хоть сию минуту, если хочешь. — Она помолчала. — Или можешь остаться со мной еще дня на три, а потом уехать. Если ты останешься, я тебе кое-что пообещаю. Я не буду больше просить тебя делать монстров. Я прекрасно понимаю, что тебе это надоело. Ты была чрезвычайно терпелива, а я слишком требовательна. Так что мы с тобой займемся чем-нибудь еще. Что ты думаешь по этому поводу?

Мистая уставилась на ведьму, пораженная неожиданным поворотом событий. Глаза Ночной Мглы снова стали серебряными, мягкими и завораживающими. Мистая вспомнила, как все было, когда они впервые встретились, как жаждала ведьма обучить ее, а она сама стремилась научиться. Девочка вспомнила свой восторг, когда впервые сумела вызвать магию. И почувствовала, что ее злость и недоверие чуть угасают. Ей хотелось продолжить учебу. Хотелось остаться. Не обязательно ехать домой прямо сейчас, не обязательно, если с Щелчком действительно все в порядке и ей не придется больше создавать чудовищ.

— Родители в порядке? — внезапно спросила Мистая.

Ночная Мгла, казалось, была шокирована.

— Конечно, в порядке. Где, по-твоему, я была нынче утром? Превратилась в ворону и слетала в замок Чистейшего Серебра. Все в порядке. Твои отец с матерью живы-здоровы, советник Тьюс защищает их от Райделла, поэтому у нас с тобой есть время закончить твое обучение. И тогда ты будешь готова помочь им всем.

Мистая молча смотрела на ведьму. Ночная Мгла вроде бы говорит правду. И Щелчок ничего не сказал о том, что родители в опасности или что им причинен какой-то вред. Конечно, размышляла девочка, трудно сказать, что в словах гнома правда, что нет.

Она вдруг почувствовала себя совершенно запутавшейся. Вздохнув, Мистая отвела глаза. На пустой и тихой полянке не было никого, кроме них. Над головой сияло солнце, освещая кроны деревьев. Она чуть было не усомнилась, а был ли вообще Щелчок.

— Ну, — вымолвила наконец Мистая, — думаю, что могу остаться еще дня на три.

— Очень мудро с твоей стороны, — одобрила Ночная Мгла. Мистая не заметила промелькнувшей жесткости в ее тоне и не увидела, как чуть расслабилась напряженная спина ведьмы. — Но ты не должна больше выходить из Бездонной Пропасти.

— Не буду, — смиренно пообещала Мистая. Она нерешительно взглянула на ведьму: — А чем мы теперь займемся?

Ночная Мгла облизнула губы.

— Медициной, — ответила она. — Излечением с помощью магии.

Обняв Мистаю за плечи, она повела девочку обратно к провалу.

— Мистая, — мягко произнесла она, — хотела бы ты узнать, как с помощью магии вернуть к жизни что-то умершее?

Ведьма улыбнулась девочке, и глаза ее засияли от удовольствия.

ГЛАВА 16

ПОИСКИ

После трех дней бесполезных поисков в Граум-Вит советник Тьюс окончательно пришел к выводу, что они каким-то образом умудрились пропустить очевидное.

— Мы просто слепцы! — вдруг заявил он. Усевшись на ящик, волшебник подпер руками подбородок и нахмурился. Кустистые седые брови сошлись на переносице. — Это где-то здесь, но мы просто-напросто не видим!

Элизабет с Абернети молча уставились на чародея. Они находились в одном из многочисленных хранилищ Граум-Вит в глубине замка — маленькой комнатушке без окон, куда никогда не проникало солнце и где воздух был затхлый и спертый. Они уже один раз обыскивали эту комнатенку и теперь занимались этим повторно. К настоящему моменту они, к сожалению, обшарили уже весь замок и начали терять надежду.

— На это не должно было уйти столько времени, — твердо заявил Тьюс. — Если нам суждено отыскать этот предмет, если нас перенесли сюда именно для этой цели, то мы уже давно должны быть в выигрыше.

— Было бы гораздо проще, если бы мы знали, что искать, — проворчал Абернети, с тяжким вздохом усаживаясь на соседний ящик.

Ему до смерти надоело обшаривать старые коробки и пыльные углы. Он хотел на улицу, где светит солнышко и воздух чист и прозрачен. Писец жаждал получить максимум удовольствия от того, кем он теперь стал, обретя свой прежний облик. Все собачьи годы забылись так же быстро, как первый зуб, будто их и не было никогда, а все это Абернети просто приснилось, и вот теперь он наконец проснулся.

Элизабет надула губы, отчего ее конопатый носик забавно сморщился.

— А ты не мог ошибиться, определяя причину вашего переноса на Землю? — нерешительно спросила она советника Тьюса. — Может такое быть, что вы попали сюда по счастливой случайности? — Она уселась возле Абернети. — Или вас отправили сюда еще за чем-то?

— Возможно, — милостиво согласился советник. — Но вряд ли. Результаты воздействия магии редко бывают случайными. Как правило, у любого результата есть определенная причина. Ночная Мгла ни за что не оставила бы нас в живых, она твердо намеревалась нас погубить. Нет, вывод мы сделали абсолютно верный. Вмешалась другая магия и спасла нас. И послали нас сюда с определенной целью. А я не вижу никакой другой цели, кроме спасения Мистаи.

— А ты не мог ошибиться, предположив, что нужная вам магия находится в Граум-Вит? — не отступала Элизабет. — Она не может быть где-нибудь в другом месте?

Советник Тьюс поскреб щеку:

— Нет. Это здесь, я уверен. Это должна быть магия, происходящая из Заземелья. Все остальное бессмысленно!

Некоторое время они безмолвно глядели друг на друга, затем снова осмотрели комнату.

— Это не может быть второй медальон? — вдруг спросил Абернети. — Такой, как у Его Величества?

Советник задумчиво выгнул лохматую бровь. Такой возможности он не рассматривал. Пожалуй, вряд ли. Такого рода талисман Мичел Арт Ри быстро бы отыскал и не прилагал бы столько усилий, чтобы вынудить Абернети предать Его Величество, когда писец оказался несколько лет назад у него в плену в Граум-Вит.

Волшебник покачал головой:

— Нет, тут что-то другое. Нечто, что Мичел не смог распознать. Или как минимум что-то такое, чем он не мог воспользоваться. — Он задумчиво потер подбородок. — Да, чрезвычайно огорчительно, должен заметить.

— Может, пойдем перекусим? — предложила Элизабет, игриво ткнув Абернети локтем. — На сытый желудок лучше думается.

Советник Тьюс молча наблюдал за ними. Ему не нравилось то, что он видел. Абернети начал слишком хорошо втягиваться в новую жизнь. Стал слишком доволен жизнью, будто возвращение в Заземелье вовсе и не значит теперь ничего, когда он снова человек. Писец начал забывать свои обязанности. Его Величество с семьей все еще рассчитывает на них, а советник опасался, что Абернети перестал об этом думать. Тьюс понимал, что не ему судить, но происходящее было совершенно очевидным. Абернети заново открывал сам себя и в процессе приспосабливался к новым обстоятельствам, то есть к Земле. Опасная тенденция.

Советник громко кашлянул. Элизабет с Абернети даже подскочили.

— Может быть, прежде чем отправимся есть и спать, еще разок обсудим наше дельце, — улыбкой смягчил Тьюс резкость высказывания. — Еще буквально несколько минут, если не возражаете. Признаюсь, я почти что отчаялся.

Элизабет ободряюще улыбнулась:

— Не волнуйся, советник. Рано или поздно ты найдешь, что бы это ни было. — Она взъерошила свои кудри. — А даже если и не отыщешь, то Земля не самое плохое место, а?

В последних словах девушки звучала надежда. Советник не рискнул высказать все, что он думает по этому поводу.

— Нам необходимо вернуться в Заземелье, — лишь спокойно заявил он. — И мы должны отыскать магию, которая поможет нам это осуществить.

Элизабет вздохнула.

— Понимаю, — произнесла она без особого убеждения. — Эта самая магия должна быть чем-то, что ты опознаешь, как только увидишь, да? Если эта вещь действительно здесь?

— Мы уже как минимум по разу просмотрели все, — встрял Абернети, поправив очки.

— Может быть, мы искали не там, где надо, — вслух размышлял советник.

Элизабет вытянула ноги и принялась изучать свои кроссовки. Все опять замолчали.

— Погодите-ка! — воскликнул вдруг Абернети. — Может, то, что мы ищем, и не вещь вовсе. Может, поэтому мы и найти не можем. Сюда нас перенесло заклинание, то есть магия, выраженная словами. Может, и обратно мы должны попасть при помощи заклинания?

Глаза советника Тьюса стали как блюдца, и он мухой слетел с коробки, на которой сидел.

— Абернети, ты гений! Конечно, это именно то, что нужно! Заклинание! Мы ищем вовсе не талисман! Мы ищем гримуар!

Абернети с Элизабет поднялись тоже, но выглядели далеко не столь уверенно, как Тьюс.

— Но разве Мичел не распознал бы такую книгу? — усомнился Абернети. — И не воспользовался бы ею, чтобы попасть в Заземелье, когда хотел вернуть себе трон? Или твой брат не отыскал бы ее, когда Холидей его победил? Я понимаю, моя идея гениальна, но при ближайшем рассмотрении она мне вовсе не кажется удачной. Если существует заклинание, с помощью которого можно попасть в Заземелье, то почему ни один из них им не воспользовался?

— Может быть, потому, что не могли, — сообщил советник, вышагивая из одного конца комнатушки в другой, склонив голову и отчаянно жестикулируя. — Потому что для них оно не сработало бы. Не знаю. Но думаю, что ты тем не менее высказал стоящую идею. Заклинание перенесло нас сюда. Следовательно, вполне логично предположить, что заклинание и отправит нас обратно. Контрзаклинание, так сказать. Обратное произнесение слов...

И тут у него мелькнуло гнусное подозрение, то самое, что пришло ему на ум еще на кухне Элизабет, когда они обсуждали возможные причины происшедшего. Тогда советник отмел его, не желая рассматривать более пристально, неспособный даже думать о такой возможности. Теперь подозрение возникло вновь, и на сей раз от него нельзя было просто так отмахнуться.

Он перестал вышагивать и затравленно посмотрел на Абернети:

— Абернети, мне трудно говорить тебе такое, но что, если...

Закончить он не успел. В дальнем конце комнаты что-то сверкнуло, и все трое дружно развернулись в ту сторону. Что-то ослепительно вспыхнуло и исчезло, а на бетонном полу остался сидеть трясущийся, чумазый и до смерти перепуганный кыш-гном.

Увидев уставившуюся на него троицу, он ахнул и закрылся руками.

— Не бейте меня! — взмолился он, отчаянно моргая и пытаясь свернуться калачиком. — Я просто хочу домой!

Советник с Абернети изумленно переглянулись. Кыш-гном? Здесь? Это еще что такое?

— Ну-ну, никто тебя не обидит, — успокоил гнома советник Тьюс, шагнув вперед и тут же остановившись, поскольку гном начал судорожно глотать воздух. — С тобой все в порядке?

Кыш-гном неуверенно кивнул:

— Если быть сожженным ведьминым огнем значит быть в порядке, то тогда да, наверное.

Ведьминым огнем? Тьюс с Абернети снова переглянулись.

— Как тебя зовут? — спросил советник. Чумазый маленький человечек оказался перед сложной дилеммой. — Ну-ну, мы не желаем тебе зла. Мы друзья.

Гном шмыгнул грязным носом, украдкой глядя из-под руки.

— У кыш-гномов повсюду есть несколько надежных друзей, — серьезно заявил гном. Он поднял голову. Невероятно неряшливое создание, оборванное, лохматое и срочно нуждающееся в хорошей ванне. — Сперва скажите, кто вы такие.

Советник вздохнул:

— Меня зовут советник Тьюс. Это Абернети, а это Элизабет. — Он поочередно указал на каждого. — Ну а теперь скажи, кто ты такой?

— Щелчок, — сообщил кыш-гном с гордостью в голосе. Он опустил руки и слегка выпрямился. — Советник Тьюс? Придворный волшебник? Я слышал, вы в плену у Райделла. Вы и пес. Значит, мы находимся в темнице у Райделла? Это туда меня отправила ведьма?

— Погоди минутку. — На сей раз советник подошел и решительно поставил гнома на ноги. — Ведьма, говоришь? Ты имеешь в виду Ночную Мглу?

Щелчок кивнул:

— Кого же еще? — Он вдруг как-то скис. — Это она со мной такое сотворила. Послала сюда, уж не знаю куда. Своим ведьминым огнем. Эй, вы не ответили! Мы в темнице Райделла? И вообще, что происходит?

Советник Тьюс взял гнома под локоть, подвел к свободному ящику и усадил. Кыш-гном, утирая рукавом мокрый нос, тщетно пытался храбриться. Он не сводил глаз с советника, будто таким образом хотел избежать еще больших неприятностей.

— Щелчок, — торжественно обратился к нему советник. — Я хочу, чтобы ты подробно рассказал обо всем, что с тобой произошло, особенно о ведьме.

— Это я могу, — заявил гном. И с подозрением оглядел троицу. — А вы гарантируете, что вы не ее друзья?

— Гарантирую, — ответил Тьюс.

Щелчок кивнул, взвесил все еще разок и прокашлялся.

— Ну, я думал, она меня убьет, ведьма эта. У нее в глазах прочел. Она действительно обозлилась на меня из-за девочки. Застукала меня, когда я с ней разговаривал на полянке примерно в километре от Бездонной Пропасти. Право же, смешно это все. Я ее даже и не знал вовсе. Возникла из ниоткуда посреди леса и захотела со

мной поговорить. Ну мы и сидели с ней, толковали, потом появилась ведьма. Девочка просила ее не обижать меня, сказала, что я не виноват, но ведьма ей не очень-то поверила, так что...

— Эй! Стоп! Остановись! — поднял руку советник. Он сердито нахмурил брови. — О какой девочке ты толкуешь? Как она выглядит? Она сказала тебе свое имя?

Щелчок уставился на советника, ошарашенный выражением лица чародея. Посмотрев на остальных и не найдя у них поддержки, он снова взглянул на Тьюса:

— Не знаю, как она выглядит. Кто ж такое помнит? Худенькая такая... Не очень взрослая, лет десяти. Веснушчатая и белоголовая. — Он нахмурился. — Очень умная. Пыталась обхитрить меня, когда мы разговаривали. Выдавала себя за... Заявила, что она королевская... — Он замолчал. — Она сказала, ее зовут Мисти.

— Мистая, — задохнулся советник Тьюс, отшатнувшись. — Значит, она у ведьмы. Или была у нее. Она убежала, Щелчок? Ты это видел?

Кыш-гном тупо посмотрел на Тьюса:

— Убежала? Не знаю. И не знаю, откуда пришла. Я даже точно не знаю, кто она такая есть. Все, что мне известно, так это то, что ведьма обозлилась, увидев, что я с ней разговариваю... и поэтому я здесь! — Он помолчал, потирая свой щетинистый подбородок. Посыпались ошметки грязи. — А может, я и не прав. Знаете, она просила ведьму не обижать меня. Девочка просила. Но, по-моему, Ночной Мгле было наплевать на ее просьбу, и она собиралась поджарить меня, как кусок старого мяса.

— Но не поджарила ведь. — Советник Тьюс старался подстегнуть рассказчика, желая поскорее разобраться в ситуации.

Щелчок помотал головой:

— Ну, видите ли, там был этот болотный щенок. Думаю, может, он помешал ведьме. — Гном снова смутился. — Могло такое быть?

Постепенно друзьям удалось вытянуть из гнома всю историю, хоть на это и ушла уйма времени. Они узнали, как Мистая вышла к костру, возле которого расположился кыш-гном, и втянула его в разговор. Узнали о Стойсвисте, который, по словам гнома, вроде бы был вместе с Мистаей. Наконец они узнали о неожиданном появлении Ночной Мглы, о том, как разозлилась ведьма, обнаружив Мистаю за пределами Бездонной Пропасти, и ее нападении на Щелчка, которое вроде бы частично было отведено магией болотного щенка, в результате чего кыш-гном и оказался в Граум-Вит.

— Точно так же, как и мы! — воскликнул Абернети, когда гном закончил свое повествование. К этому времени писец уже стоял

возле советника и выглядел очень оживленно. — Должно быть, то же самое произошло и с нами, Тьюс! Вмешался болотный щенок, изменил ведьмино колдовство и отослал нас сюда! Все в точности как с кыш-гномом!

— Действительно, — согласился советник, в раздумье закусив губу.

— Куда это сюда? — спросил Щелчок. — Вы до сих пор так мне и не сказали, где я.

— Сейчас, — ответил Тьюс, на мгновение повернувшись к гному и тут же отвернувшись обратно. — Но кто послал болотного щенка к Мистае? Это могло произойти только в ту ночь, когда мы все спали, до появления ведьмы. Мы находились уже в Озерном крае, так что это мог сделать только Владыка Озерного края. Но единственный болотный щенок, живущий за пределами волшебных туманов, о котором мне доводилось слышать, служит Матери-Земле.

— Да какая разница? — оборвал Абернети советника. — Важно только то, что Мистая в лапах ведьмы и та использует девочку против Его Величества, как и обещала. Ты был прав, советник Тьюс. Мы здесь оказались с вполне определенной целью, и это как-то связано с помощью Бену Холидею. Нам нужно только найти требуемое.

— Гримуар, книгу заклинаний, — напомнил советник. — Ну ладно. — Он повернулся и, быстро подойдя к Щелчку, положил руки на узенькие плечики кыш-гнома. — Не имеет значения, куда ты попал, Щелчок. Важно только, что тебе в данный момент ничто не угрожает. Но вот девочка, Мисти, в опасности. Мы должны выбраться отсюда и попасть туда, где она находится. Здесь, в этом замке, есть нечто, что может нам помочь, если мы сумеем это отыскать. Именно поисками мы и занимаемся. А пока мы будем заняты, я хочу, чтобы ты сидел здесь и никуда не вылезал.

Щелчок подозрительно огляделся:

— А это почему? Почему я не могу просто пойти домой? Как только я снова окажусь на улице, то легко отыщу дорогу.

Советник с сочувствием поглядел на кыш-гнома:

— Но не отсюда, понимаешь? Отсюда не можешь. Поверь мне на слово. — Чуть подумав, он добавил: — Если попытаешься, то, возможно, снова попадешь в лапы Ночной Мглы. Понял?

Кыш-гном быстро закивал. Да, это он прекрасно понял.

— Ладно, будь по-вашему, — нехотя согласился он. — Сколько мне тут сидеть?

— Не знаю. Может, довольно долго. Наберись терпения.

Щелчок шмыгнул носом:

— У меня поесть ничего нет. А я голоден.

Абернети закатил глаза. Советник сжал кыш-гнома за плечи и отпустил.

— Знаю. Потерпи. Мы постараемся найти тебе что-нибудь. Но ты должен сидеть здесь, что бы ни случилось. Это очень важно, Щелчок. Ты ни при каких обстоятельствах не должен покидать эту комнату. Договорились?

Гном вытер нос и пожал плечами:

— Ладно. Подожду. Только поторопитесь.

— Постараемся как можно быстрее. — Советник оглянулся на Элизабет с Абернети. — Придется начать все сначала, невзирая на туристов. Сначала обычные комнаты, затем — складские. Но я готов поспорить, что книга лежит на открытом месте.

— Знаешь, — задумчиво проговорила Элизабет, — кажется, несколько книг хранят отдельно от остальных. Те, которые написаны на непонятном языке. Отец как-то упоминал о них.

— Наконец хоть что-то! — с нескрываемой радостью воскликнул Тьюс. — Книги, написанные на языке Заземелья и привезенные сюда Мичелом или моим братом! Полагаю, это то, что нам нужно.

Троица во главе с улыбающимся советником вышла из комнаты, помахав Щелчку на прощание.

Книги они искали дольше, чем планировали. Поиски затянулись до вечера, когда уже последние туристы покинули замок и разъехались по домам. Друзья обшарили комнаты замка дважды, прежде чем нашли искомое. Практически в каждом помещении имелись книги, большинство — под замком. Отвлекая туристов и гидов, они вскрывали запоры и быстро проглядывали содержимое шкафов. Советник колдовал над замками, что значительно убыстряло процесс, но сам просмотр занял колоссальное количество времени, практически большую часть дня, причем с нулевым результатом.

И лишь перед самым закрытием Элизабет вспомнила о кабинете за массивной стеклянной дверью, который находился на верхнем этаже и куда можно было попасть через одну из спален. Кажется, там лежало несколько книжек. Совсем немного, но она вспомнила о них, потому что в свое время отец что-то говорил по поводу их обложек. Друзья понеслись в указанном девушкой направлении как раз тогда, когда звонок возвестил о закрытии музея. Пока Элизабет с Абернети стояли на страже, советник перелез через оградительные канаты, подошел к двери кабинета и заглянул внутрь. Да, там действительно ле-

жали книги, примерно дюжина, завернутые в темную обертку, скрывающую названия. Кабинет был заперт на замок, но одно маленькое заклинание — и советник прошел внутрь.

Тьюс нетерпеливо протянул руку над коллекцией аметистовых подстаканников, стоящих перед книгами, и схватил верхнюю. К его глубочайшему разочарованию, она оказалась на английском и не имела никакого отношения к Заземелью. Он просмотрел следующие две. То же самое. Похоже, очередной тупик. С постепенно умирающей надеждой советник начал быстро проглядывать остальные. Книги по садоводству, о путешествиях и по истории.

— Быстрее, советник! — прошипел Абернети, услышав приближающиеся голоса.

Тьюс раскрыл восьмую по счету книгу, и у него брови полезли на лоб. Эта оказалась на древнезаземельском языке, которым когда-то вовсю пользовались чародеи. Он быстро пролистал ее, чтобы окончательно убедиться. Голоса раздавались совсем близко: смех, обмен приветствиями с Элизабет. Советник лихорадочно рванулся в угол за дверью, где его нельзя было увидеть из коридора.

— Все здесь лазаешь, Элизабет? — поинтересовался кто-то, подойдя к заградительному канату. — Еще не проголодалась?

— Ой, да мы почти закончили, — с нервным смешком ответила девушка. — Можно, мы чуть задержимся?

— Только на час, — согласился голос. — А потом мы уходим. Позови, если что понадобится.

Голоса слышались дальше по коридору и замолкли вдали.

— Советник! — рявкнул шепотом Абернети. Терпение писца явно подходило к концу.

Волшебник вылез из укрытия и внимательно поглядел на свою находку. Он осторожно снял обертку. На кожаном переплете золотыми буквами было написано «Мифология Врат».

— Тьфу!

Тьюс сунул книгу на место и взял следующую — История Зеленого Дола. Он потянулся за третьей — «Теория магии и ее применение».

— Вот она! — облегченно прошептал чародей.

Советник понимал, что здесь прочитать ее не сможет — времени нет. На всякий случай он проглядел оставшиеся тома, но не нашел больше ничего интересного. Оставалось надеяться, что книга, которую он держит в руках, — именно то, что им нужно. Советник быстро направился к выходу.

— Нашел! — победно провозгласил он, подойдя к Элизабет с Абернети.

Внезапно раздался сигнал тревоги. Троица подскочила, у Элизабет вырвался крик. Советник моментально сунул книгу в припасенный для этой цели пакет.

— Что случилось? — воскликнул он, вертя всклокоченной головой. — Что я такого сделал?

— Не думаю, что ты вообще имеешь к этому отношение! — Элизабет крепко ухватила его под локоть, поскольку Тьюс начал вертеться во все стороны в поисках воображаемых врагов. — Это пожарная тревога! Но я не имею представления, чем она вызвана!

Тьюс и Абернети мгновенно переглянулись.

— Щелчок! — хором воскликнули они.

И понеслись по коридору к лестнице. Они мчались вниз, сталкиваясь и спотыкаясь, говоря все одновременно.

— Не следовало оставлять его одного! — стонал Тьюс, прижимая к груди драгоценную ношу.

— Его следовало связать и сунуть ему кляп! — рявкнул Абернети. Снизу доносились крики.

— Может, он вовсе ни при чем! — заступалась за кыш-гнома Элизабет.

Но, разумеется, Щелчок был очень даже при чем. Охранники выволокли его как раз в тот момент, когда друзья добежали до низа. Взъерошенный и с ног до головы покрытый пеплом гном сопротивлялся и трогательно стонал, а здоровенные охранники тащили его за руки, не совсем понимая, что это за зверь такой.

— Боже, ничего подобного никогда не видел! — пробормотал один.

— Заткнись и держи крепче! — раздраженно буркнул второй.

Щелчок увидел советника и собрался было позвать на помощь, но чародей сделал быстрый пасс, и изумленный кыш-гном онемел. Он отчаянно разевал рот, но не мог издать ни единого звука.

— Не подходите, ребята, — велел один из охранников, волоча кыш-гнома мимо ошарашенной троицы.

— Что это у вас такое? — поинтересовался советник, изобразив недоумение.

— Понятия не имею. — Охранник на мгновение отвлекся, поскольку Щелчок попытался тяпнуть его за руку. — Похоже, какая-то обезьяна. Грязный, как свинья, и страшный, как смерть. Нашли на кухне, пытался костер разжечь. Смахивало на то, что он вроде бы собирался приготовить жратву, которую украл, но ведь это же обезьяна, верно? Короче, сработала пожарная сигнализация, не то он бы весь замок спалил. Видели бы вы, как он дрался! Злобный дьяволенок! Должно быть, из зоопарка сбежал или еще откуда. Только вот не пойму, как он сюда попал?

— Вы уж поосторожнее с ним, — посоветовал Тьюс, тщательно избегая сердитого взгляда Щелчка.

— Уж постараемся! — засмеялся охранник.

— Ну-ну, малыш, — обратился советник к отчаянно сопротивляющемуся гному. — Кто-нибудь скоро за тобой придет!

— Хорошо бы побыстрей! — отозвался второй охранник, и несчастного лягающегося и пинающегося Щелчка уволокли.

Абернети, советник и Элизабет некоторое время молча смотрели кыш-гному вслед. Затем волшебник произнес:

— Моя вина. Я совсем о нем забыл.

— Ты велел ему ждать нас в комнате, — напомнил Абернети, явно не испытывая ни малейшего сочувствия к кыш-гному. — Ему следовало тебя слушаться.

— Советник, а как тебе удалось помешать ему говорить? — поинтересовалась Элизабет.

Волшебник вздохнул:

— Небольшое заклинание. Не мог же я позволить ему рассказать, кто мы такие, а именно это он и собирался сделать. К тому же для Щелчка дело могло обернуться совсем худо, если бы они узнали, что он умеет говорить. Гораздо лучше для него, если его примут за животное, уж поверьте.

— А он и есть животное, — пробормотал Абернети. — Всего лишь глупый гном.

— Глупый или нет, значения не имеет, и мы должны ему помочь, — решительно заявила Элизабет.

— Что мы должны, так это пойти домой, — быстро возразил советник, — где я спокойно изучу книгу и выясню, то ли это, что нам нужно.

— Уж лучше пусть будет то, — пробурчал Абернети. — Я уже сыт по горло Граум-Вит!

— Как вы думаете, куда они его потащили? — спросила Элизабет, озабоченно хмурясь.

— Туда, откуда, по их мнению, он пришел, — рассеянно ответил советник. В этот момент он глядел на вложенную в пакет книгу.

— Я просто не хочу, чтобы мы снова о нем забыли, — настойчиво заявила Элизабет. Друзья шли к выходу. — Он выглядит таким беспомощным.

— Уж поверь мне, гном какой угодно, только не беспомощный, — хмыкнул Абернети. Он как раз размышлял о склонности кыш-гномов лопать домашних животных. — Он совершенно не заслуживает ни грамма твоего сочувствия. Это чистой воды гвоздь в ботинке.

Элизабет взяла писца за руку и сжала:

— Ты иногда зануден, Абернети. Он здесь не по своей вине оказался.

— Но и не по нашей. И мы за него не отвечаем.

— А знаешь, она права, — вмешался Тьюс.

Абернети одарил друга убийственным взглядом:

— Знаю, что права. Не нужно мне об этом говорить, советник.

— Я всего лишь хотел подчеркнуть...

— Черт побери, волшебник, почему вы ломитесь в открытую...

Продолжая переругиваться, не обращая внимания на тщетно пытавшуюся их угомонить Элизабет, чародей с писцом прошли по коридору и вышли во двор замка как раз тогда, когда полицейская машина покидала территорию Граум-Вит.

Вернувшись в дом Элизабет, советник Тьюс всю ночь просидел над книгой. Удобно устроившись в кресле в дальнем углу спальни возле настольной лампы, он тщательно проглядывал страницу за страницей. Тьюс был совершенно уверен, что именно эту книгу они и искали и в ней скрыто объяснение их невероятному побегу от Ночной Мглы. Теория магии и ее применение. Вот они, все открытия, совершенные чародеями Заземелья с начала времен, изложенные в постулатах и аксиомах, доказанных и недоказанных теориях. Не было только рецептов и перечней необходимых ингредиентов для каждого заклинания. Теория, а не формулы заклинаний, но этого вполне достаточно, чтобы понять принцип. Советник даже знал, что именно нужно искать. И ненавидел себя за это. Но правда настолько бросалась в глаза, что он больше не мог делать вид, что ее не угадывает. Он работал над книгой, не обращая внимания на усталость и подавляя растущий ужас, решительно читал страницу за страницей.

В противоположном углу безмятежно спал Абернети, отвернувшись к стене. Ну и прекрасно. Советнику вовсе не хотелось, чтобы друг видел сейчас выражение его лица.

В какой-то момент во время долгих часов после полуночи Тьюс нашел то, что искал. Но и после этого он продолжал чтение, не желая принимать ничего на веру и расставаться с мыслью о более приемлемом решении, хоть и знал уже, что иного ответа не будет. Он читал и читал книгу еще и еще раз от начала до конца. Изучал отдельные пассажи и рассматривал альтернативные варианты, пока у него не начала раскалываться голова. Тогда он вернулся к найденному ответу и прочитал его опять, медленно и внимательно. Никакой ошибки. Это то, что он искал. Ответ, который хотел получить.

Вздохнув, Тьюс положил книгу на колени. Он поднял взгляд на спящего Абернети, и глаза волшебника наполнились слезами. Лицо

его исказилось, и грудь сдавило от сдерживаемых рыданий. Жизнь иногда настолько несправедлива! Как бы ему хотелось, чтобы все обернулось иначе! Или чтобы такое случилось с кем-нибудь другим. Старого чародея скрутило от внутренней муки, сердце грозило вырваться наружу.

Наконец, опустошенный мучительной болью, он наклонился, выключил свет и тихо уставился в темноту, ожидая рассвета.

ГЛАВА 17
ПРИЗРАК

— Книга называется «Монстры человеческие и мифические», — сообщил Бен Ивице на ухо.

Они ехали вдвоем на Криминале, Ивица сидела впереди. После долгой погони Сапожку удалось отловить жеребца, и теперь они медленно двигались к Зеленому Долу. Впереди стояла черная стена грозового фронта. Позади — останки червя и сернистый запах пепла и газа Огненных Ключей. Над головой нещадно палило солнце, слепящий огненный шар, превращавший Восточные Пустоши в пекло.

Сейчас очень бы пригодился хороший дождик, подумал Бен, пытаясь забыть о мучившей жажде.

— И монстры Райделла описаны в этой книге? — спросила Ивица, полуобернувшись, чтобы видеть лицо мужа.

Он кивнул, уткнувшись в ее изумрудные волосы, вдыхая их дымный запах.

— Гигант, черпающий силу из земли, демон, копирующий облик и движения любого, с кем встретится, механический человек-робот, весь бронированный и несокрушимый. — Бен устремил взгляд вдаль, пытаясь сообразить, далеко ли до грозы. — Рассказов я не помню, но вот изображение робота помню отлично. Он на обложке ну точь-в-точь копия Райделлова. Но они все там есть. Можно подумать, что Райделл ее читал!

— Но ведь такого быть не может, верно?

Бен вздохнул:

— Да, вряд ли.

Ивица отвернулась. Было жарко и пыльно. Сапожок умчался куда-то вперед, вынюхивая возможные опасности. Если таковые

обнаружатся, он попытается найти способ их обойти. Еще одного столкновения в их нынешнем состоянии им не выдержать.

— А где эта книга? — поинтересовалась Ивица.

— В библиотеке, там же, где и остальные, — ответил Бен. — Это одна из немногих книжек, которые я принес с собой в Заземелье, подумав, что авось пригодятся. И отлично помню, почему взял именно эту. Она у меня с детства и вроде бы воплощала в себе мою надежду что-то обрести здесь, в Заземелье. Ну, в общем, как если бы то, что было вымыслом в моем прежнем мире, могло стать реальностью в этом. — Бен покачал головой. — Похоже, мечта сбылась, а?

Ивица некоторое время молчала.

— Но откуда Райделл мог узнать об этом?

Бен пожал плечами:

— Представления не имею. Ерунда какая-то. Откуда ему знать о существовании данной конкретной книги и ее отличии от остальных? Он что, прочел всю мою библиотеку? Или его магия позволяет ему отыскать любую завалявшуюся книжку и прочесть ее, даже не появляясь в библиотеке? — Он сглотнул, чтобы избавиться от сухости во рту, и постарался сдержать гнев. — Но вот о чем я думаю, Ивица: уж больно вся эта история носит личностный характер. Райделл использует против меня мою же вещь, угрожает моей семье и друзьям. Похищает Мистаю, советника и Абернети. Устраивает подлинную охоту на нас с тобой лишь для того, чтобы вынудить Паладина сразиться с очередным монстром. Вновь и вновь преследует меня. Я ничего не понимаю. Предположительно все это затеяно ради того, чтобы вынудить меня уступить престол и Заземелье, но складывается такое впечатление, что Заземелье как таковое его меньше всего интересует.

Ивица, не оборачиваясь, кивнула.

— Да, — согласилась она и снова замолчала.

Они ехали дальше, пока не въехали в грозу, бушевавшую на границе Зеленого Дола. Черные тучи закрыли солнце и небо, сильнейший ливень промочил их с ног до головы, смывая грязь и пыль. Стало заметно прохладнее. Криминал мерно трусил вперед, опустив голову от дождя и ветра. Вскоре появился Сапожок и провел их к кленовой роще, где можно было укрыться от ненастья. Супруги спешились, сняли промокшую одежду, выжали ее и повесили сушиться возле костра, который кобольд умудрился каким-то образом развести. Сидя на мягком ковре из листьев, они смотрели на дождь. Стемнело. Бен с Ивицей оделись, лениво пожевали, завернулись в дорожные плащи и уснули.

Проснувшись, они обнаружили, что дождь все еще идет. Мелкие капли медленно сыпались с серого неба. Все вокруг было се-

рым и расплывчатым в предрассветной дымке. Они опять уселись на Криминала и поехали дальше, невзирая на морось. Сапожок, как всегда, побежал вперед, и вскоре корявая фигура кобольда исчезла из виду.

Стоял теплый летний день, наполненный запахом сырой земли. Впереди простирался Зеленый Дол, представлявшийся на расстоянии как чередование коричневых и зеленых полос — возделанные поля и зеленые луга, великолепные леса и свежие посадки, и все это вперемежку с реками и озерами, свинцово-серыми от дождя.

К полудню вернулся Сапожок и привел лошадь. Он и не подумал объяснять, где взял животное, а Бен с Ивицей не стали спрашивать. Конь был явно не фермерский. Великолепный скакун. Ивица ласково поговорила с гнедой кобылкой, затем уселась на нее верхом и подъехала к Бену. Она с улыбкой подмигнула Сапожку, и кобольд опять исчез.

Так они ехали весь день и большую часть следующего. И все время шел дождь, отчего они промокли насквозь, и во время кратких остановок сохли у костров, разожженных Сапожком. Проехали мимо Риндвейра и замков других лордов Зеленого Дола, но не пожелали там останавливаться. Бен не хотел никого видеть, стараясь свести к минимуму возможность очередной атаки Райделла, которой, к их вящему изумлению, пока не было. Поскольку Райделл со своим червем исхитрился отыскать их в Восточных Пустошах, Бен предполагал, что он может отыскать их повсюду. Учитывая частоту и напористость атак, Холидей, естественно, ожидал следующую буквально вот-вот. С другой стороны, Райделл использовал уже четырех из обещанных семи монстров, так что, вполне вероятно, король Марнхулла несколько пересмотрел тактику. Бен решил не особо задумываться на эту тему, а просто радоваться передышке.

Он предался размышлениям. Ивица тихо ехала рядом, моросящий дождь превратил землю в скользкую глину. Царила серая мокрая тишина. Завернувшись в плащ, Бен мысленно закрылся от всех внешних раздражителей и дискомфорта и полностью сосредоточился на загадке Райделла из Марнхулла. Он постепенно начал рассматривать возможности, которые прежде не приходили ему в голову. Отчасти к этому его подтолкнуло растущее отчаяние. Бен чувствовал, что время уходит. Рано или поздно Райделл нашлет на него монстра, от которого Бена не спасет никто — ни Паладин, ни Страбон. Никто. Рано или поздно его защита даст слабину и борьбе за выживание придет конец. Единственное, что может помочь, — это раскрытие тайны Райделла. А Бен понимал, что на данном этапе ни на йоту не приблизился к разгадке. Именно поэтому он твердо ре-

шил перестать мыслить шаблонно, а прибегнуть к более неожиданным вариантам. Он должен перестать идти на поводу у Райделла, прекратить следовать по пути, который оставил ему открытым король Марнхулла, а двигаться по своему собственному маршруту. Вокруг него, Бена Холидея, плетется сеть, и он явственно ощущал ее медленное затягивание. Необходимо срочно найти способ разорвать ее.

Подобные мысли, впрочем, были вызваны не столько отчаянием, сколько осознанием того, что в сплетенной Райделлом сети есть несколько дыр. Во-первых, Бен окончательно пришел к выводу, что монстры, которых присылает Райделл на битву с Паладином, являются частью игры, направленной лично против него, Бена, и не имеют никакого отношения к Заземелью в целом. Во-вторых, он опознал трех первых чудищ — все они из рассказов по книге «Монстры человеческие и мифические». Все три полностью соответствовали описанию автора книжки, словно Райделл срисовал своих созданий прямо с ее страниц. Три, но не четвертый. Нет, четвертое чудовище, червь, имело иное происхождение.

Любимое творение ведьм, сказал Страбон.

А в Заземелье одна ведьма — Ночная Мгла.

Прежде Бен серьезно не задумывался о возможном участии ее во всем этом деле. Да и с чего бы? Райделл — чужак, узурпатор, захватчик, цели которого прямо противоположны целям Ночной Мглы. Но, с другой стороны, никто так не ненавидит Бена Холидея и его семью, как ведьма. Если на минутку забыть о Райделле, то вся эта затея очень сильно смахивает на дело рук Ночной Мглы. Использование черной магии, нападения на семью и друзей, тщательно рассчитанные атаки на самого Бена — все указывало на ведьму. Хоть Бен и не слышал о ней вот уже два года, он вовсе не забыл ее слов, что она никогда ему не простит того, что произошло с ней в Лабиринте. За те чувства, которые ее заставили испытать к Бену, когда их обоих лишили подлинной личности. За то, что, по ее мнению, нанесло удар по ее гордости.

Что, если Райделла и вовсе нет? О, конечно, кто-то выступает в этой роли, но вдруг Райделл — это всего лишь вымысел? Никто никогда не слышал о Райделле из Марнхулла — ни Владыка Озерного края, ни Каллендбор. Даже побывавший везде Страбон, и тот не слышал. Никто не может отыскать Райделла или Марнхулл. Нет никаких следов Мистаи, советника и Абернети. И никаких следов армии завоевателей. Единственное подтверждение существования Райделла — его появление у ворот замка Чистейшего Серебра вместе со своим молчаливым спутником.

Следовательно, размышлял дальше Бен, вполне возможно, что все это дело — тщательно разработанная дуриловка. В конце концов какое единственное во всем Заземелье место, которое он не обшарил в поисках Мистаи? Место, которое он пропустил, потому что его там не очень-то жаждали видеть и потому что казалось нелогичным искать там дочку? Единственное место, которое не обыскивал никто?

Бездонная Пропасть. Обиталище Ночной Мглы.

Подозрения Бена крепли. То, что началось как просмотр вероятностей, быстро превратилось в тщательное сопоставление фактов. Ночная Мгла в роли Райделла. В этом гораздо больше логики, чем во всех остальных рассмотренных вариантах. Точнее, поправился Бен, Ночная Мгла в роли молчаливого спутника короля Марнхулла. Он припомнил, как рассматривал его из-под капюшона укутанный в черное всадник, когда он спустился на мост за перчаткой. Очень уж пристальный был взгляд у седока. Бен припомнил, что оба всадника вожделенно смотрели на Мистаю, когда девочка влезла на башню.

От этих мыслей у него сжалось сердце и обдало холодом.

Поздним вечером на третий день путешествия показался замок Чистейшего Серебра. Он возник из мрака, как видение из детского сна, сияющий, с острыми крышами и парапетами, сделанный из камня и известняка, металла и дерева, увешанный флагами и вымпелами. Они процокали по мосту, покрытому туманной дымкой, и въехали в открытые ворота. Подскочившие слуги приняли лошадей и тут же увели в конюшню, подальше от ненастья. Бен с Ивицей молча проследовали к себе в спальню, сняли сырую одежду, залезли в ванну с горячей водой и блаженно вытянулись там. Придя в себя и смыв дорожную грязь, они вылезли, вытерлись мягкими пушистыми полотенцами и оделись в чистое.

Бен повел Ивицу в библиотеку посмотреть книжку. «Монстры человеческие и мифические» нашлись сразу. Книжка стояла на полке там, где он оставил ее. Бен взял «Монстров» и посмотрел на обложку. Да, безусловно, это в точности робот Райделла. Полистав страницы, он вскоре обнаружил картинку с изображением гиганта, а затем и описание демона-оборотня.

— Видишь? — показал он Ивице. — В точности монстры Райделла.

Ивица кивнула:

— Но как ему это удалось? Откуда он знает о книжке, и об этих монстрах в частности? Бен, об этой книге даже я не знала. Понятия не имела о существовании ее. Ты никогда о ней не упоминал. Ни разу. Откуда же знает Райделл?

«А я ведь и вправду никогда не показывал книжку жене», — сообразил Бен. И никогда они о ней не говорили. Как-то повода не было. Он принес книжку с собой, пронес через волшебные туманы, распаковал, поставил в библиотеку и напрочь забыл о ней.

И только вот недавно вспомнил. Бен стоял возле сильфиды и молча глядел на книжку. За окном все лило и лило, монотонный шум дождя действовал усыпляюще. Убаюкивающее действие было настолько сильным, что Бену показалось, что он прямо тут сейчас и уснет. Он устал гораздо больше, чем признавался себе, но не мог лечь спать прежде, чем разберется с Райделловыми книжными монстрами. И пока не найдет способа вернуть Мистаю домой.

Мистая.

Бен изумленно уставился на жену:

— Ты сказала, что ничего не знала о книжке. А хочешь, я скажу, кто о ней знал? Мистая. Я как-то застукал ее, она разглядывала книжку. Я тогда ничего не сказал и не стал мешать дочурке. Думаю, она меня даже не заметила. Мисти была еще такой крошкой, и я не думал, что она способна что-то в ней понять... — Он замолчал, мысли понеслись вскачь. — Ивица, — спокойно предложил Бен. — Я хочу, чтобы ты кое-что выслушала. А потом сказала, что ты думаешь по этому поводу.

И он поведал жене о возникшем у него подозрении, что Ночная Мгла вполне может быть создателем Райделла и что за всеми случившимися с ними несчастьями стоит ведьма из Бездонной Пропасти. Бен высказал свои доводы, все рассмотренные им варианты и разъяснил всю выстроенную логическую цепочку. Ивица внимательно слушала, не перебивая.

— Дело в том, — озабоченно закончил Бен, — что Мистая могла рассказать ведьме о книге, описать монстров, даже нарисовать их. Она достаточно умна, чтобы запомнить. Вероятно, она тогда поняла гораздо больше, чем я думал.

— Но почему бы она стала это делать? — тут же спросила Ивица. — Зачем ей помогать ведьме?

— Не знаю, — помотал головой Бен. — Я как раз размышляю над этим. Но Мистая видела книгу, а если Ночная Мгла и есть Райделл, то Мистаю украла ведьма. И девочка сейчас у нее.

Ивица долго и пристально смотрела на мужа, тщательно взвешивая услышанное.

— Помнишь, мы говорили о том, кто еще знает о связи между медальоном и Паладином? Ты тогда сказал, что только ты и я. Но Ночной Мгле тоже об этом известно. Она была с тобой в Лабиринте, когда ты воспользовался медальоном.

Бен глубоко вздохнул:

— Ты права. Я совсем забыл об этом.

— Ты сказал еще, что, по-твоему, тогда в Риндвейре была использована магия, чтобы скрыть медальон в момент нападения робота. Ночная Мгла владеет такого рода колдовством. — Лицо Ивицы стало жестким. — Бен, мы должны ехать в Бездонную Пропасть.

Бен поставил книгу обратно на полку.

— Правильно. Завтра и поедем. Сегодня уже поздно ехать куда бы то ни было. Мы оба устали. Нам просто необходимо провести хотя бы одну ночь в теплой чистой постели. — Подойдя к жене, он обнял ее за талию. — Но мы обязательно поедем, — пообещал Бен. — И если Мистая там, заберем ее.

Ивица обвила руками шею мужа и положила голову ему на грудь. Они молча стояли обнявшись, стараясь забыть о страхах и сомнениях.

За окном стало совсем темно, а дождь все лил и лил не переставая.

Супруги поужинали в мрачной тишине столового чертога — две одинокие фигуры возле зажженного канделябра. Они практически не разговаривали, слишком устав для бесед, погруженные каждый в свои мысли. Закончив ужинать, они поднялись в спальню; шмыгнув под одеяло, мгновенно уснули.

Бен проснулся в полночь. Некоторое время он тихо лежал, пытаясь разобраться в своих ощущениях. На груди, там, где лежал медальон, он чувствовал слабое жжение, предупреждающее, что что-то произошло. Он медленно сел, прислушиваясь к мрачной тишине. Дождь наконец перестал, но низко висящие тучи скрывали луны и звезды. Бен слышал падающие с крыш капли — тихие мокрые шлепки в чернильной тьме. Ивица спокойно спала.

Затем он услышал, что что-то скребется по камням за окном. Едва различимый звук, шепоток приближающейся опасности. Бен быстро и бесшумно соскользнул с кровати. Медальон жег грудь все сильнее. Бена охватила паника. Он понял — что-то грядет, но не был готов к нападению. Слишком скоро. Он убедил себя, что Райделл потянет время, выдержит паузу, прежде чем наслать пятого монстра.

Бен оглядел комнату в поисках помощи. Где Сапожок? Он не видел кобольда с тех пор, как они вернулись в замок. Есть ли у него здесь что-нибудь подходящее под рукой? Бен повернулся к спящей Ивице. Нужно ее убрать отсюда. Отослать в безопасное место, подальше от того, что должно будет скоро произойти.

Он ласково потряс жену за плечо:

— Ивица! Проснись!

Она мгновенно раскрыла глаза, изумрудные даже в темноте, большие, глубокие и полные понимания.

— Бен, — прошептала сильфида.

Тут окно закрыла какая-то тень, и Бен мгновенно развернулся. Тень возникла в окне и повисла, хорошо видная даже на фоне темного неба, тощая и жилистая и почему-то ужасно знакомая. Бен не мог видеть, но чувствовал взгляд тени на себе. Ощущал, как эти глаза к нему примеряются.

Бен не двигался, понимая, что если шевельнется, то умрет, прежде чем успеет довершить начатое. Его рука уже коснулась медальона, как бы инстинктивно потянувшись к единственной возможной сейчас помощи. Бен сжал медальон в пальцах, чувствуя выгравированную фигуру выезжающего из замка рыцаря, чтобы биться за своего короля. Он коснулся изображения, не сводя глаз с тени на окне, и увидел, что она вовсе не прямая и ровная, как ему показалось вначале, а изломанная и искореженная. Существо, получившее ужасные, не подлежащие исцелению раны. Из существа во все стороны торчали клочки и кусочки, похожие на обрывки кожи. Из сломанных суставов вылезли обломки костей. Оно не издавало ни звука, но Бен слышал его безмолвную муку и отчаяние.

Затем непонятное создание подняло голову, и в темноте сверкнули серебряные глаза.

У Бена перехватило дух.

Ардшил! Восставшая из мертвых Ардшил!

Размышлять, как такое возможно, времени не было, как и раздумывать, что бы это значило. Реакция Бена была чисто инстинктивной, он действовал практически машинально. Пальцы стиснули медальон, сверкнул ослепительный белый луч. Ивица вскрикнула. Ардшил бросилась на Бена, как пантера на дичь, двигаясь быстрее мысли. Но Паладин был уже здесь, мгновенно появившись в огненной вспышке между королем и атакующей тварью. Рыцарь предстал в полном вооружении и сияющих доспехах, Ардшил с размаху влетела в него и отлетела в сторону. Сила столкновения была такова, что Ардшил с грохотом впечаталась в стенку, а Паладина отшвырнуло назад прямо на Бена. Закованный в металл локоть влепился Бену в лоб, и он рухнул на кровать возле Ивицы, оглушенный настолько, что едва сумел удержать медальон.

Ардшил в мгновение ока снова оказалась на ногах, поднявшись со змеиной гибкостью. Многочисленные переломы совсем не мешали легкости движений. Сквозь застилавшую пелену Бен видел, как она встала. В глазах у него двоилось, голова раскалывалась от удара. Но он ощутил эту боль, уже находясь в доспехах Паладина,

где теперь был его разум, чтобы остаться там до победы или до смерти. Он видел, как Ивица обняла его лежащее на кровати тело, что-то шепча на ухо. На мгновение он задумался, что же она там шепчет, вспомнив, что хотел убрать ее из комнаты до начала сражения. Но тут же увидел мелькнувшее в темноте лицо Ардшил, одноглазое, с рваной раной от лба до подбородка и иссеченной кожей. Он точно видел, как Ардшил выпрыгнула из окна Риндвейра, утащив с собой на верную смерть робота. И не мог понять, как ей удалось выжить.

Затем сознание Паладина накрыло его, как забрало, и дальше в его памяти осталось лишь то, что помнил странствующий рыцарь, — былые битвы и победы. Он полностью превратился в свое второе «я» — закаленного в боях ветерана, прошедшего сквозь тысячи сражений, в которых уцелел только он один. Бен превратился в закованного в латы воина, отстранившись от внешней жизни, позабыв о женщине и мужчине, лежащих на кровати у него за спиной, о замке, в котором сейчас сражался, и мире за пределами этого замка. Для него не существовало ни прошлого, ни будущего, вообще не существовало ничего, кроме «здесь» и «сейчас» и врага, ищущего его смерти.

Ардшил раскачивалась из стороны в сторону, примериваясь. Судя по пустому выражению серебряных глаз, мешанине из переломанных костей и кожи, зияющим ранам на теле, тварь была мертва. Но она обрела жизнь после смерти благодаря магии, которая текла по безжизненным тканям, требуя выполнить еще одну, последнюю, задачу, прежде чем даровать вечный покой. Паладин чувствовал это, понимал своего врага каким-то внутренним чутьем и искоркой разума Бена Холидея. Он глядел на извивающуюся перед ним тварь, готовящуюся к атаке. Видел, какую опасность представляет собой подобное существо — существо, созданное волшебством для одной-единственной цели — выслеживать и убивать. И оценивал ее точно так же, как и всех предыдущих своих соперников — как равного ему самому бойца.

Ардшил с быстротой молнии обрушилась на рыцаря, причем почти на уровне пола, намереваясь опрокинуть за ноги. Паладин упал на нее сверху, стараясь пригвоздить ее кинжалом, но безуспешно — Ардшил откатилась в сторону, успев ударить рыцаря по забралу, искривив его. Паладин, тряхнув головой, поднялся и снова оказался лицом к лицу с противником. Быстрота и сила, хитрость и опыт — Ардшил обладала всеми этими качествами и не чувствовала ничего, кроме того, чем одарила ее магия, вернувшая ее к жизни. Она не остановится. И не уйдет. Будет нападать и нападать, пока силы окончательно не покинут ее.

Ардшил смертельно опасна для всего живого. Нет ничего опаснее этой твари — слова Владыки Озерного края.

Ардшил пригнулась. Паладин подумал было вытащить свой палаш, но клинок был слишком громоздким для такой цели. Менее объемистое оружие в данном случае предпочтительней. По крайней мере пока не представится более подходящая возможность, а таковая должна обязательно подвернуться, если он намерен выжить.

Он перебросил кинжал в левую руку, и тут же Ардшил напала снова, выкручивая, ломая и выворачивая доспехи и кости. Под ее натиском рыцарь отступил, слыша, как рвутся ремешки креплений, и чувствуя, как отлетают металлические пластины. Забыв о кинжале, он обрушил оба кулака в грудь Ардшил и вновь отбросил прочь. Но она тут же вернулась, как бешеный зверь, в полной ярости. Совершенно свихнувшаяся тварь. Невероятная сила. Можно подумать, что нечувствительность к боли и оживившая ее магия добавили ей сил. Она сражалась без всякого расчета, просто безрассудно кидалась на противника и старалась разорвать его на части. Ей было все равно, победит она или нет, потому что она была уже мертва.

Паладин в третий раз отшвырнул ее прочь и на сей раз вытащил длинный кинжал прежде, чем Ардшил напала снова. В следующий раз он воспользуется ножом и расколет ее пополам. Рыцарь тяжело дышал. Хоть он и не признавался сам себе, поскольку не мог себе этого позволить, но силы его начали таять. Он не знал, были ли тому причиной слишком частые сражения за последние несколько дней или слабость короля, которому он служил, поскольку и то и другое было одинаково важным для его выживания. Конечно, рыцарь рассчитывал только на себя, но тем не менее был неразрывно связан с человеком, которому служил и который наделял его своей силой воли. Если у короля не хватит решительности, то и у него не хватит тоже. Но об этом думать нельзя. Так что Паладин приказал себе побыстрее закончить поединок и не рассуждать.

Ардшил наблюдала за ним из противоположного конца комнаты — тень среди ночных теней. Она больше не предпринимала фронтальных атак, а обдумывала другие варианты. Паладин следил за ней, не сходя с места, закрывая собой короля с королевой. Доспехи в нескольких местах болтались на оборванных креплениях. Он становился похожим на своего потрепанного противника. Рыцарь чувствовал, что глаза врага неотрывно изучают его в поисках уязвимых мест. А тело Паладина под доспехами вполне уязвимо. И Ардшил это понимала. Хватит одного удара, если этот удар будет достаточно глубоким.

Она сделала ложный выпад и отступила. Потом еще один. Паладин стоял как скала, не купившись на обман. И тут вдруг понял,

что затеяла Ардшил. Она старалась отвести его подальше от короля и королевы, чтобы получить к ним доступ. И тогда она уже точно убьет их, поскольку чувствовала, а может быть, и знала наверное, что смерть короля означает и гибель Паладина.

Будто прочитав его мысли, Ардшил атаковала. Причем налетела столь стремительно и мощно, что почти успела проскользнуть мимо него, прежде чем он отреагировал. И рыцарь еле-еле успел перехватить ее руку, когда она уже почти дотянулась до королевы, оттащил тварь прочь, отшвырнул к стенке. И сам двинулся на нее, намереваясь закончить битву, но снова оказался слишком медлительным. Ардшил успела вскочить и отступить во тьму.

Еще дважды Ардшил пыталась проскочить мимо него, и оба раза ей это почти удалось. Только опыт и решимость Паладина спасали ситуацию. За его спиной на кровати тихо плакала королева, не скрывая отчаяния и страха. Она была очень мужественной и сильной, но страх в данном случае оказался сильнее ее. Она до ужаса боялась Ардшил. Король очнулся. Он закрыл жену собой и сжимал медальон, как талисман. Паладин знал, что оба человека слишком хрупкие и погибнут, если он проиграет. Рыцарь мгновенно отбросил эту мысль.

Но за этот краткий миг его задумчивости Ардшил исчезла из поля зрения. Паладин отчаянно зашарил глазами по комнате в поисках врага. И тут она возникла прямо перед ним. Черная тень обрушилась сверху и опрокинула его на пол. Она собиралась проскочить над ним, но упавший Паладин, на мгновение ослепнув, все же успел схватить ее за ногу и оттащить назад. Ардшил напала на упавшего рыцаря, пиная и колотя его со всей силы, ломая поврежденные доспехи. Паладин почувствовал боль. В отчаянии он с неимоверным усилием поднялся на колени, невзирая на поток ударов, и еще раз отшвырнул Ардшил.

На сей раз, когда Ардшил поднялась, одна рука у нее бездействовала. Но и Паладин тоже пострадал. Доспехи практически все переломаны, крепления оборваны. Болели все мышцы и кости, и он держался на ногах лишь за счет силы воли. Во рту и на теле у него виднелась кровь. Он все еще сжимал длинный клинок, поджидая подходящую возможность. Но теперь время бежало очень быстро. Беспощадно уходило.

Ардшил двинулась вперед — неумолимая, несгибаемая сила.

И тут в распахнувшуюся дверь влетел маленький лохматый комок бешеной ярости и обрушился на нее. Кобольд со всего маху налетел на Ардшил и оттолкнул обратно к стене. Сапожок явно впал в состояние неистовства. Застигнутая врасплох Ардшил замер-

ла, пораженная силой атаки крошки кобольда. И яростно завертелась, пытаясь сбросить нападавшего. Паладин не мешкая кинулся в атаку. Вот он, долгожданный шанс! Рыцарь вогнал нож Ардшил в череп с такой силой, что вбил по рукоятку. Ардшил резко выпрямилась, серебряные глаза налились кровью. Она оторвала от себя Сапожка и швырнула в Паладина. Но рыцарь уже вытащил палаш и со всей оставшейся силой обрушил его косым ударом на врага. Клинок вошел между шеей и ключицей, раздвоив ее от плеча до пояса.

Когда палаш прошел сквозь сердце, Ардшил рухнула на землю. Она конвульсивно дернулась, и в ее ужасных глазах вдруг промелькнул огонек узнавания, с которым не совладала даже самая черная магия. Глаза замерли, и чары рухнули. Смерть забрала Ардшил еще раз.

Переломанный, выдохшийся, являя собой жалкую пародию на блестящего рыцаря, каковым предстал в начале битвы, Паладин высвободил палаш из поверженного тела и повернулся к королю Заземелья. Глаза их встретились. У Паладина возникло странное чувство, будто он смотрит в глаза самому себе. Рыцарь начал было опускаться на одно колено, но попал в исходящий от медальона луч и забылся исцеляющим сном.

В наступившей тишине Бен с Ивицей услышали, что снова идет дождь.

Вызванные гвардейцы унесли останки Ардшил. Шума битвы никто не слышал, что было невозможно без целенаправленного магического вмешательства. Когда солдаты ушли и комнату привели в порядок, Сапожок занял свой пост в коридоре у двери в королевскую спальню. Кобольд винил себя в происшедшем. Он рыскал за пределами замка, возле стен, но враг каким-то образом сумел проскользнуть мимо него и незаметно проникнуть в замок. Не было произнесено ни единого слова, но выражение глаз Сапожка и ощеренные в подобии улыбки клыки говорили, что кобольд просит прощения.

Оставшись снова одни, Бен и Ивица кинулись в объятия друг другу, прижимаясь так крепко, будто стояли на узком уступе скалы. Они молчали. Просто стояли в темноте, ища успокоения в объятиях. Ивица тряслась как осиновый лист. Бена, хоть он и сохранял внешнее спокойствие, тоже лихорадило внутри.

Они залезли под одеяло, обшаривая глазами темную комнату и прислушиваясь к малейшим шорохам. Они не спали, да и не пытались уснуть. Бену удалось совладать с дрожью Ивицы, временно отогнав ужасавшие ее воспоминания о твари, пришедшей их уничтожить. Крепко прижимая к себе жену, он пытался найти слова, чтобы сделать признание, необходимое ему, если он хотел обрести покой.

За окном дождь стучал по камню, капли равномерно падали с крыши.

— Я должен рассказать тебе кое-что о Паладине, — наконец заговорил Бен, отчаявшись облачить свои мысли в более связные фразы. — Это трудно объяснить, но я вынужден. Мы с ним одно и то же, Ивица. И сейчас я испытываю его боль. Чувствую, как болят его мышцы и кости, ощущаю горечь в его душе, боль, которая грозит его сломать. Я чувствую это, когда он сражается, чувствую и теперь. — Он набрал в грудь побольше воздуха. — Это все, что я могу сделать, чтобы уменьшить ее. Мне кажется, что она рвет меня на части, крушит кости и вколачивает в землю. Даже сейчас, когда он ушел. Но это не меняет дела.

Бен почувствовал, что Ивица подняла голову с его плеча, чтобы заглянуть ему в глаза, и ощутил, как ее пальчики побежали по его груди.

— Он часть меня, Ивица. Вот что я пытаюсь сказать. Он часть меня, и всегда был ею, с того самого момента, как я пришел в Заземелье и принял медальон как символ королевской власти. Медальон соединяет нас в единое целое, когда я призываю Паладина оттуда, где он находится. — Бен глянул на жену и быстро отвел взгляд. — Когда медальон призывает его, магия переносит какую-то часть меня в его доспехи. Не тело и разум, а сердце, волю и целеустремленность — то, что ему требуется. В некотором роде король и королевский поборник — одно лицо. Это и есть настоящая тайна медальона. Та тайна, о которой я не мог тебе сказать раньше.

Изумрудные глаза спокойно посмотрели на него.

— А почему ты не мог мне этого сказать раньше?

— Потому что боялся твоей реакции. — Он заставил себя посмотреть ей в глаза. — Как бы ты отреагировала, если бы узнала, что каждый раз, когда призывают Паладина, это я — ну, во всяком случае, значительная часть меня — буду вести сражение. Как бы ты повела себя, если бы узнала, что смерть Паладина неизбежно повлечет за собой и мою смерть тоже. — Он помотал головой, чувствуя, что запутался. — Но дело обстоит еще хуже. Каждый раз, как я перевоплощаюсь в Паладина и становлюсь с ним единым целым, я чувствую, как мое истинное «я» все больше и больше отдаляется от меня. Я становлюсь Паладином, и каждый раз мне все труднее возвращаться обратно. И я живу в постоянном страхе, что однажды не смогу вернуться. Не смогу, потому что не захочу, потому что забуду, кто я есть на самом деле, потому что мне нравится быть Паладином. Магия затягивает! Когда я Паладин, то не хочу быть никем другим. Если бы медальон не возвращал меня и не отсылал

Паладина, не знаю, захотел бы я вернуться по своей воле. Думаю, что мог бы остаться им навсегда.

Было ужасно видеть боль в ее глазах.

— Тебе следовало давно мне рассказать, — спокойно произнесла Ивица. Бен кивнул, не зная, что сказать. — Разве ты не понимаешь, Бен? Я отдалась тебе целиком и без всяких условий, когда нашла тебя у Иррилина. Я принадлежу тебе, и ничто не заставит меня покинуть тебя. Ничто!

— Знаю.

— Нет, не знаешь! Иначе давным-давно рассказал бы мне о своей тайне. — Она говорила мягким тоном, но в нем сквозила сталь. — Нет ничего такого, о чем ты не мог бы мне рассказать, Бен. Ничего. Мы всегда будем вместе, до самого конца. Ты знаешь, что это было предсказано. Тебе известно предсказание. И не стоит сомневаться в его правдивости.

— Я боялся... — начал было он, но Ивица не дала договорить.

— Нет, забудь об этом. Забудь. — Она ласково погладила его. — Расскажи-ка еще раз. Ты чувствуешь всю его боль? Всю, что он испытывает после сражения?

Бен закрыл глаза:

— У меня такое чувство, будто меня рвут на части, будто я умираю, но не могу понять, от чего именно. Боль везде — внутри и снаружи. Меня по частям раскидали по этой комнате — в воздухе, в звуках дождя, в моем собственном дыхании. И я не знаю, что делать. Паладин победил, но я, кажется, проиграл. Призвать его так скоро оказалось для меня не под силу. Я еще не был готов, Ивица!

— Ш-ш-ш, все, хватит, — успокоила она его, крепко прижавшись и поцеловав. — У тебя хватает душевных сил на всех нас, Бен Холидей. И в этом твоя сила. Ты пережил ужасную вещь. Обычному человеку не удалось бы сделать то, что удалось тебе. Не казни себя. Не преуменьшай своего деяния. Послушай. Теперь секрет Паладина принадлежит нам обоим, ты больше не несешь этот груз один. Отныне мы делим его пополам. Я помогу тебе. Найду способ поддержать тебя, если устанешь или будет тяжело на душе, как сейчас. Я заслоню тебя от боли. Если ты перевоплотишься в Паладина ради нас, я найду способ вернуть тебя обратно. Всегда. И вечно. Я люблю тебя.

— Я никогда в этом не сомневался, — мягко ответил Бен. — Если бы сомневался, мне бы давно пришел конец.

Она ласково гладила ему лоб, целуя. Бен начал потихоньку расслабляться и засыпать.

— Спи, — прошептала Ивица.

Он едва кивнул, дыхание его стало ровнее и глубже. Боль немного утихла. Воспоминания о едва не проигранном сражении отступили под ласковыми руками Ивицы. Сон восстановит его силы, и утром он придет в норму. Останется только понимание того, что с каждым перевоплощением ему снова и снова придется проходить через такое. Но даже это можно принять. Даже это, если тебя так любит женщина.

Бен успокоился, отринув страх и отчаяние. Найди Мистаю, сказал он себе. Найди ее живой и здоровой, и тогда ничто не будет иметь значения. Верни советника Тьюса и Абернети. Положи конец гнусным играм Райделла из Марнхулла и уничтожь самого короля.

В чернильной тьме внутренний голос звучал, как колокол надежды.

Отыщи Ночную Мглу в Бездонной Пропасти. Ищи истину там.

На этом Бен провалился в глубокий сон.

ГЛАВА 18

СОБАЧЬИ МЕЧТЫ

Когда Абернети утром проснулся, на удивление хорошо выспавшись, несмотря на вчерашние треволнения, советник Тьюс сидел в кресле напротив и смотрел на него как на покойника. Это озадачило. Абернети моргнул, нашарил очки и посмотрел на чародея долгим задумчивым взглядом.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

Волшебник сначала согласно кивнул, затем отрицательно помотал головой, неспособный прийти к какому-нибудь решению.

— Нам необходимо поговорить, старый друг, — устало произнес он.

Абернети чуть не рассмеялся над торжественностью заявления. Затем увидел пустые глаза советника и ощутил ледяной комок в груди. Тьюс был чем-то огорчен до глубины души.

Абернети встал, на секунду позволив себе еще раз полюбоваться ровными линиями своих рук и ног. Пальцы на руках были тонкими и длинными, но на ногах толстенькими, как те жевательные штучки, к которым он пристрастился за последнее время. У Элиза-

бет на кухне их целый мешок, и она все время его угощала. А ему было как-то совершенно безразлично, что они по форме смахивают на его пальцы на ногах.

— О чем ты хочешь поговорить? — кашлянув, поинтересовался Абернети, надеясь, что тема разговора не кыш-гном.

Советник Тьюс с трудом вылез из кресла и подошел к окну, этакое высокое согнутое огородное пугало с торчащей в разные стороны соломой. Он раздвинул занавески и выглянул наружу, щурясь от света. День обещал быть солнечным и теплым, на небе ни облачка.

— Давай выйдем на улицу и присядем в тенек вон под теми деревьями, — предложил Тьюс, вымученно стараясь говорить бодро.

— Давай, — вздохнул Абернети. — Только сначала я приму ванну.

Приводя себя в порядок, Абернети размышлял, и до него вдруг дошло, что Тьюс собирается поговорить о книге «Теория магии и ее применение». Абернети напрочь забыл о ней, озадаченный неожиданным появлением в Граум-Вит Щелчка и его последующей поимкой. Кыш-гном оказался еще одним невольным переселенцем из Заземелья, пойманным в ловушку, как и они. С той лишь разницей, конечно, что Щелчок не хотел иметь ничего общего с тем миром, в котором очутился, тогда как Абернети постепенно все лучше и лучше чувствовал себя в изгнании.

И сие означает, что советник выудил в книге что-то о возможности возвращения домой, пришел к выводу писец. Поэтому волшебник и не спал: он нашел ответ и размышляет теперь, как сообщить об этом Абернети, который, как известно чародею, вовсе не рвется обратно. Нет, урезонил сам себя писец, он хочет домой, потому что понимает не хуже советника, что Его Величество нуждается в них обоих. Мистая в руках ведьмы, и произойдет что-то ужасное, если они не вернутся вовремя, чтобы помешать этому.

Но что? Что должно произойти? Хотелось бы ему знать. Неплохо было бы иметь хоть какое-нибудь представление.

Он вышел из ванной комнаты и предстал перед советником. Повернувшийся к нему чародей, казалось, изумился тому, что увидел, и быстро отвернулся.

— Премного благодарен! — рявкнул Абернети. — У меня что, штаны наизнанку? Или ботинки не того цвета?

— Нет-нет. — Тьюс коснулся лба, как при головной боли. — Ты выглядишь очень внушительно. — Он чуть взмахнул рукой. — Извини, что был груб. Но я читал всю ночь напролет, и мне вовсе не понравилось то, что я вычитал.

Абернети кивнул, не имея ни малейшего представления, с чем, собственно, соглашается.

— Почему бы нам не спуститься вниз и не поговорить начистоту, — сказал он, желая поскорее прояснить ситуацию. — Можно посмотреть, проснулась ли Элизабет, и позвать ее к нам. Пусть послушает.

Но советник резко тряхнул головой:

— Нет, мне бы хотелось, чтобы этот разговор остался между нами. — Он уставился в пол, прикусив губу. — Сделай мне одолжение, пожалуйста.

Абернети уступил. Они вышли из спальни, прошли по коридору и спустились вниз. Проходя мимо дверей Элизабет, они услышали, как она распевает. По крайней мере хоть кто-то чувствовал себя счастливым. Пройдя через гостиную на кухню, они столкнулись с миссис Аллен. Экономка готовила чай. Грубоватая, самоуверенная, она с абсолютно победоносным видом повернулась к ним и изрекла:

— Вчера я разговаривала с отцом Элизабет. Он не припоминает, чтобы у него имелся дядя по имени Абернети. И вообще не помнит никого с таким именем. Что вы на это скажете?

В руке она держала чайное ситечко. Вооружена и опасна на тот случай, если они поимеют глупость предпринять что-нибудь непотребное.

Абернети изобразил самую обезоруживающую улыбку, на какую был способен.

— Мы не виделись очень много лет. Последний раз мы с ним встречались еще детьми.

У экономки дернулся уголок губ.

— Он велел передать Элизабет, что прилетит сегодня вечером. Хочет поглядеть на вас.

Абернети моргнул, представив себе эту встречу. Миссис Аллен наклонила голову, будто пытаясь прочесть его мысли.

Советник Тьюс мгновенно вмешался.

— Подумать только! — заявил он. Схватив Абернети под руку, он выволок его на улицу мимо изумленной экономки. — Не беспокойтесь! — крикнул он через плечо. — Проблема решится очень быстро!

Они спустились с крыльца во двор, Абернети при этом изо всех сил старался удержаться и не оглянуться назад, чтобы проверить, не глядит ли им вслед миссис Аллен.

— Не нравится мне эта баба, — пробормотал он.

Советник Тьюс скривился:

— Что ж, ты ей тоже не очень-то симпатичен.

Они отошли подальше от дома и лишних ушей, которые могли бы услышать разговор.

Абернети глянул на небо и поразился его бездонной голубизне. Он с удовольствием вдыхал запах цветов, травы и влажной земли. Миссис Аллен была забыта.

Друзья подошли к старой скамье, окрашенной белой краской, чтобы предохранить дерево от загнивания, уселись на нее и устремили взор на возвышавшиеся за широкими полями горы, упиравшиеся белыми вершинами в бездонное небо.

После довольно продолжительного молчания Абернети посмотрел на советника:

— Ну?

Волшебник вздохнул, потер ладони о колени, снова вздохнул и начал:

— У нас проблема.

Абернети подождал, пока не стало ясно, что советник не знает, как продолжить:

— Вы не могли бы произносить больше, чем по одному предложению за раз, советник? Иначе мы просидим здесь весь день.

— Да? Ну ладно. — Тьюс был явно растерян. — Книга «Теория магии и ее применение». Я прочел ее прошлой ночью. Дважды прочел, по правде сказать. Очень внимательно изучил все, что там сказано. Думаю, это именно то, что мы искали.

Абернети кивнул:

— Думаешь? Не очень ободряюще звучит для тех, кто желает узнать точно — да или нет.

— Ну, она действительно о магии, а магия никогда не бывает точной, как тебе известно. А эта книга о теории, общие рассуждения о том, как действуют различные виды волшебства, их принципах и общих свойствах. Так что там не сказано: «Возьми глаз ньюта, смешай с задней лапой лягушки и трижды повернись через левое плечо».

— Очень надеюсь, что нет.

— Ну, это не подлинное заклинание, конечно. Но это пример конкретного заклинания в отличие от теории. Как я уже сказал, эта книга — теоретическая, поэтому нельзя быть до конца уверенным в чем-то, пока не попробуешь. Можно лишь применить теорию на практике и ждать результата.

Абернети нахмурился:

— Почему это меня как-то не успокаивает, а наводит на воспоминания о прежних временах? Не понимаю.

Советник Тьюс всплеснул руками:

— Тьфу на тебя, Абернети, я говорю о серьезных вещах! И ты мне отнюдь не помогаешь своим ерничеством! Избавь меня от образчиков своего юмора, будь любезен! Просто слушай!

Они уставились друг на друга в изумленном молчании. Улыбка медленно сползла с лица Абернети.

— Прошу прощения, — сказал он, удивившись, что смог выговорить эти слова.

Советник торопливо кивнул, отметая извинения. Он всегда утверждал, что в этом нет необходимости между друзьями.

— Послушай, — продолжил он, не теряя нити рассуждений, — в этой книге изложена теория, которую я помню еще с времен моего ученичества у брата при старом короле. Все проистекает примерно так: когда вмешивается другая магия, чтобы изменить результат первой, и заменяет этот результат, то, чтобы изменить воздействие этой второй магии, необходимо прибегнуть к третьей, чтобы вернуть все на свое место. То есть сначала используется магия номер один, магия номер два изменяет результат первой, а номер три возвращает все на ту стадию, которая была до того, как использовали номер два.

Абернети уставился на чародея:

— А что с последствиями магии номер один, когда воздействие магии номер два нейтрализовано?

— Нет-нет, она уже не имеет значения! Магия номер один уже нейтрализована! — Тонкие губы советника сжались в полоску, густые брови нахмурились. — Ты понимаешь, о чем я?

— Ночная Мгла пыталась убить нас своим колдовством. Ей это не удалось, потому что вмешалась вторая магия, предположительно болотного щенка. Теперь нам нужно прибегнуть к третьей магии, чтобы все вернулось на свое место. Тут я не понял. Что вернулось на место?

Советник опустил глаза:

— Подожди, это еще не все. Вторая магия, чтобы преодолеть первую и в то же время облегчить возможность своей дальнейшей нейтрализации, должна использовать катализатор, очень мощную зацепку, побочный эффект, который нельзя ни с чем перепутать. Этот эффект помогает второй магии преодолеть первую. Рассматривай это как своего рода жертву. И в некоторых случаях так оно и есть. Одна жизнь ради жизни многих, например. В таком случае трудновато вернуть все на место. Но, как правило, побочный эффект не имеет никакого воздействия, кроме точного обозначения того, что конкретно нужно вернуть на место. — Он глубоко вздохнул. — Извини, я понимаю, что все это несколько запутанно.

Абернети медленно покачал головой, внезапно побледнев как полотно:

— Ты ведь говоришь обо мне, советник, не так ли? О том, что меня нужно превратить обратно в собаку. Так?

— Да.

— Это же смешно!

Но голос его звучал совсем не весело, да и сам писец не находил в этом ничего смешного. Что-то внутри него подсказывало, что все так и есть, как говорит Тьюс. Что-то внутри него с момента его неожиданного превращения обратно в человека ожидало чего-то подобного. Было совершенно ясно, что ему придется расплачиваться, что ему не удастся так легко избежать этой участи. Абернети ненавидел себя за подобные мысли, но ничего не мог поделать. Проклят судьбой. Обречен на чистилище. Ему был дарован временный отпуск от реальности, только и всего.

— Ты можешь ошибаться, — все же возразил он, пытаясь сохранить спокойствие, чувствуя растущее отчаяние, жаром заливающее лицо.

— Возможно, — признал советник. — Только вряд ли. Мы уже пришли к выводу, что нас отослали в прежний мир Его Величества, чтобы спасти нам жизнь и потому, что здесь спрятано нечто, что поможет нам вернуться обратно в Заземелье. Пославшая нас сюда магия, кто бы ее ни использовал, обеспечила нам ключ от нашей темницы. Все сходится, кроме твоего превращения — разве что оно и есть этот самый ключ. Другого объяснения этой трансформации не вижу. Она слишком значительна, чтобы являться просто побочным эффектом. Это нечто большее, а что может быть иное, чем ключ?

Абернети вскочил на ноги — свои человеческие ноги — и пошел прочь. Отойдя на достаточное расстояние, чтобы почувствовать, что остался один, он остановился и уставился в пространство.

— Я этого не сделаю! — заорал он.

— А я и не прошу! — ответил волшебник.

Абернети с отвращением всплеснул руками:

— Не смеши меня! Конечно, просишь!

Он воинственно обернулся. И советник Тьюс показался ему вдруг совсем старым и дряхлым.

— Нет, Абернети, не прошу. Да и как я могу? Это ведь я превратил тебя в пса. Да, непреднамеренно, но это не оправдание. Я превратил тебя из человека в собаку, а потом не смог вернуть тебе прежний облик. И с тех пор всю жизнь переживаю свою неудачу, свою ошибку. Переживаю каждый божий день. А теперь меня загнали в ситуацию, когда от меня ждут, чтобы я во второй раз обратил тебя в пса. Я вынужден снова пережить самый худший момент в своей жизни, зная, что, как ты помнишь, я по-прежнему не могу превратить тебя в человека. — В глазах старика стояли слезы. Резко

смахнув их, он добавил: — И полагаю, не стоит говорить тебе, что я даже думать об этом не могу!

«Оба мы не можем», — мрачно подумал Абернети. Он посмотрел на себя, на подлинного себя, восстановленного себя, и подумал на мгновение, каково ему будет снова стать собакой. Он представил себе лохматое неловкое смешное существо, каким был в течение многих лет. Представил себя в чужом теле, отчаянно борющимся за сохранение чувства собственного достоинства, прилагающим каждый день огромные усилия, чтобы убедить окружающих, что он такой же человек, как и они. Как можно ждать от него подобной жертвы? И это — плата за возвращение в Заземелье? Но он понимал, что это нечто большее. Плата за жизнь. Если бы не вмешательство таинственной магии, он был бы уже мертв. Ведьма прикончила бы его. Их обоих. И советник Тьюс, безусловно, прав, как ни больно это признавать. Его превращение из собаки в человека имело определенную цель, а единственная цель, имеющая логическое обоснование, это именно та, о которой волшебник вычитал в книге.

Так что он может остаться или уйти. Выбор за ним. Советник не станет пытаться убедить его в любом случае. Чародей и так живет со своими собственными демонами в душе. Так что решать ему, Абернети. Если он откажется от превращения, то навсегда останется здесь. В этом есть и плохое, и хорошее, надо полагать. Конечно, Его Величество Бен Холидей тоже обречен — он не получит от них никакой помощи. С другой стороны, если позволить Тьюсу осуществить трансформацию, то тогда он, вероятно, успеет вернуться вовремя, чтобы помочь королю. Но так ли это? Имеет ли значение его возвращение в Заземелье, или все пойдет своим чередом вне зависимости от того, вернется он или нет? Знать бы наверняка. Одно дело, если своим возвращением он поможет спасти короля с семьей от Райделла и Ночной Мглы. И совсем другое, если его возвращение не сыграет никакой роли.

Абернети оглянулся на дом. Миссис Аллен глядела на них из окна, с довольным видом потягивая чай. Должно быть, думала о вознаграждении, которое получит вечером. Элизабет видно не было. За домом, там, где дорога приближалась ко двору, сквозь листву светило солнце.

Абернети вернулся к советнику и остановился прямо перед ним, пристально глядя в морщинистое лицо старца.

— Я правда не думаю, что могу на это пойти, — спокойно произнес он.

Волшебник кивнул, морщинок на его лице стало еще больше.

— Не могу тебя за это винить.

Абернети вытянул руки, посмотрел на них и покачал головой.

— Ты помнишь, каким образом превратил меня в лохматого пса? — Советник, не поднимая головы, кивнул. — А ведь прошло столько лет. Разве не здорово? — Абернети оглядел себя. Он совсем недавно снова стал человеком, но как-то враз освоился со своим обликом. — Я себе таким нравлюсь, — прошептал писец.

В дверях появилась Элизабет.

— Завтрак готов! — крикнула она.

Друзья не шелохнулись. Затем советник помахал девушке рукой.

— Сейчас будем! — крикнул он в ответ и посмотрел на Абернети. — Мне действительно очень жаль.

Писец мрачно усмехнулся:

— Конечно, тебе жаль.

— Я бы отдал все на свете, лишь бы избежать необходимости говорить тебе это. Все на свете, чтобы вопрос решался по-другому. — Тьюс закусил губу.

— А если все совсем не так, как ты говоришь, — размышлял вслух Абернети, — то я все равно останусь здесь, только уже не в человеческом облике, а в собачьем. — Советник Тьюс кивнул, на сей раз глядя в глаза писца. — Но все так. Ты в этом совершенно уверен. Настолько уверен, насколько можно, верно?

Чародей снова молча кивнул.

— И я должен принять решение прямо сейчас, так? — нехотя проговорил Абернети. — Если мы хотим принести пользу Его Величеству и Мистае, то должны вернуться как можно быстрее. На раздумья времени нет.

— Да, боюсь, что нет.

— Тогда почему ты со мной не споришь?

— Спорить с тобой?!

— Спорь, убеждай меня! Выбери вариант и спорь. Убеждай и в том, и в другом, если хочешь, только дай мне любой повод поспорить. Чтобы я слышал еще чей-то голос, кроме своего собственного!

— Я же тебе уже объяснил...

— Кончай объяснять! — рявкнул смертельно побелевший Абернети. — Перестань быть рациональным! Быть пассивным! Прекрати просто сидеть и ждать, пока я сам приму решение!

— Но ведь это ты должен решать, Абернети. Не я. Ты. И ты это знаешь.

— Ничего я не знаю! Вообще ничего не знаю! Мне осточертело не понимать того, что происходит с моей жизнью! Все, что я хочу, это иметь возможность вернуться к прежнему, но мне не дают такой возможности! От меня опять требуют устроить представление, как тогда,

когда мы появились на этом как-его-там фестивале, только на сей раз аудитория у нас невидимая! С какой стати я должен на это соглашаться? Уж лучше просто сесть и ничего не делать вообще!

— Ничего не делать — это все равно что делать что-то! — Советник начал потихоньку горячиться. — Это все равно выбор!

Абернети сердито стиснул пальцы:

— Значит, с чего начали, тем и заканчиваем, верно? Все равно нужно делать какой-то выбор, хотя на самом деле никакого выбора нет?

— Ты несешь околесицу!

— Я всего лишь пытаюсь найти смысл!

Советник Тьюс вздохнул:

— Почему бы нам не позавтракать, может, потом...

— А, да забудь ты об этом! Я возвращаюсь!

— ...все покажется несколько проще. — Волшебник замолчал и резко выдохнул: — Что ты сказал?

Абернети судорожно пытался совладать с голосом:

— Я сказал, что возвращаюсь! Я хочу, чтобы ты заколдовал меня снова! — Он скривился, увидев лицо друга, и вдруг успокоился. — Не так уж трудно было принять решение, советник. Когда все это закончится, я хочу жить в мире с самим собой. Если от меня требуется снова стать псом, я согласен. Я могу принять это, зная, что сделал все от меня зависящее, чтобы помочь Его Величеству. Но если я останусь человеком, а потом узнаю, что, превратившись в собаку, мог спасти ему жизнь... ну, ты понимаешь... — Он прокашлялся. — Кроме того, я дал клятву. — На какой-то миг писец стал живым воплощением мировой скорби. — Я — Придворный Писец Заземелья, давший клятву служить его правителю. Я должен выполнять свою клятву любым способом. Возможно, сейчас мне очень хотелось бы, чтобы все было по-другому, но я не в силах ничего изменить.

Советник Тьюс смотрел на него во все глаза.

— Ты действительно выдающаяся личность, — тихо проговорил волшебник. — Весьма.

Он порывисто обнял друга и крепко сжал. Жесткие бакенбарды щекотали нежную кожу писца.

— Ну, — проговорил Абернети, тронутый словами чародея, однако пытаясь сохранить невозмутимость. — Ты и сам такой.

Друзья вернулись в дом, чтобы позавтракать с Элизабет. Они сидели втроем за столом, заставленным мисками с кашей и молоком. Миссис Аллен, сложив на груди руки, постояла некоторое вре-

мя, как надсмотрщик, затем махнула рукой и ушла, пообещав вернуться к полудню.

Как только экономка удалилась, Элизабет сказала:

— Папа возвращается вечером. Прилетает из Нью-Йорка.

— Миссис Аллен нас об этом проинформировала, — сообщил советник. На Абернети он не смотрел. Писец ел, низко опустив голову и прикрыв лоб рукой.

— Нам нужно придумать новую версию, — продолжала Элизабет. Ее кудрявые волосы, еще влажные после мытья, обрамляли ясное личико. — Это нетрудно. Просто скажем, что миссис Аллен неправильно все поняла и что вы...

Но советник помотал головой:

— Нет, Элизабет. В этом нет необходимости. Мы с Абернети уходим.

— Уходите? Когда?

Советник грустно улыбнулся:

— Сейчас. Как только кончим завтракать.

Элизабет не могла скрыть разочарования:

— Вы нашли способ вернуться в Заземелье, да?

— Прошлой ночью, — кивнул Тьюс.

Девушка закусила губу. Нахмурившись, она поглядела на Абернети:

— Но вы только что прибыли. Может, останетесь еще на пару деньков? Может, я могу...

— Нет, Элизабет. — Абернети, подняв голову, ласково посмотрел на девушку. — Мы необходимы Его Величеству. Дальнейшее промедление может быть опасным. Мы не можем больше оставаться.

Элизабет уставилась в тарелку и вяло поковыряла кашу.

— Мне это кажется не очень честным. Не хочу показаться эгоисткой и понимаю, как для вас важно вернуться назад. Но вы ведь только что приехали. — Она быстро вскинула глаза и тут же опустила обратно. — Я четыре года ждала встречи с тобой. — Абернети не мог выговорить ни слова. Лицо его окаменело. Повисла пауза. — А как быть со Щелчком? — нарушила наконец молчание Элизабет.

Советник Тьюс, кашлянув, ответил:

— Щелчок вернется вместе с нами. Мы с Абернети займемся его освобождением, как только уйдем отсюда.

— Я пойду с вами, — немедленно заявила девушка.

— Нет, — быстро возразил Абернети, думая о том, что и так достаточно скверно то, что им с советником нужно идти выручать кыш-гнома, хоть это и необходимо.

— Он имеет в виду, — поторопился объяснить Тьюс, вскочив, — что, как только мы освободим Щелчка, то немедленно испаримся!

Пуф! — Он попытался улыбнуться, но тщетно. — Если у нас возникнут проблемы, нам бы не хотелось, чтобы ты оказалась замешанной. Верно, Абернети?

— Но вам понадобится моя помощь! — Элизабет не желала ничего слушать. — Вы не знаете Сиэтла! Как вы найдете дорогу? Как отыщете Щелчка?

— Элизабет, послушай. — Абернети, вздохнув, положил ладони на стол. — Если бы мы могли остаться, мы бы наверняка остались. Если бы могли провести с тобой еще хоть немного времени, то так бы и сделали. Ты наш друг. Мой в особенности. Ты дважды выручила меня. Но мы можем позволить тебе рисковать лишь до определенного предела. Тебе и так будет достаточно трудно из-за нас объясняться с отцом.

— Меня это совершенно не волнует! Как и миссис Аллен и все остальные!

Она была непреклонна.

— Знаю, — мягко ответил писец. — Ты никогда никому не позволяла тебе мешать. Иначе меня бы уже не было в живых. — Он грустно улыбнулся. — Но мы беспокоимся о тебе. Боимся, что с тобой может что-нибудь произойти по нашей вине. Помнишь, как было тогда с Мичелом Арт Ри? Помнишь, насколько близко ты была к беде? Я тогда перепугался за тебя до смерти! И не могу так рисковать еще раз! Мы должны попрощаться теперь, Элизабет. Здесь, в твоем доме, где тебе ничто не грозит. Пожалуйста, Элизабет!

Девушка некоторое время размышляла, затем согласно кивнула:

— Ладно, Абернети. — Элизабет была явно обижена, огорчена и сердита. — Пусть будет по-твоему. — Вздохнув, добавила: — Ну, по крайней мере ты теперь снова человек, верно? Наконец-то ты больше не собака.

Абернети мужественно улыбнулся:

— Да, наконец-то я не собака.

Завтрак они закончили в молчании.

Пытаясь выяснить судьбу Щелчка, Элизабет позвонила в полицию графства Кинг, откуда ее отправили в Общество защиты животных, а оттуда ее отослали опять же в приют для беспризорных животных графства Кинг. Поскольку никто не мог точно определить, что же такое Щелчок и, следовательно, что с ним делать, беднягу кыш-гнома передавали с рук на руки как старый башмак. Настоящее его местонахождение тоже было временным, как выяснила девушка в разговоре со служащим приюта. Днем должны прибыть зоолог из Вудлендского зоопарка и антрополог из Вашинг-

тонского университета, и Щелчка отправят в одно из этих мест для дальнейшего изучения.

Повесив трубку, Элизабет выложила новости и посоветовала:

— Вам лучше поторопиться!

Чтобы поскорее добраться до приюта, вызвали такси. Элизабет снабдила друзей деньгами. Она посадила их в машину с последним напутствием быть осторожными и дала свой номер телефона на случай, если что-то пойдет наперекосяк и им срочно понадобится ее помощь (втайне девушка очень на это надеялась, как и на то, что они найдут способ вернуться, впрочем, она прекрасно понимала, что они не вернутся). Обняв обоих, она пожелала им счастливого пути. Поцеловав Абернети в щеку, девушка заявила, что он ее лучший друг, хоть и из другого мира, и что она будет его ждать, потому что знает: он однажды обязательно вернется. Абернети ответил, что постарается. Что никогда ее не забудет. Элизабет разревелась, несмотря на все свои заверения, что не будет плакать, и Абернети с трудом удержался, чтобы не расплакаться с ней вместе.

Затем советник с Абернети уехали. Машина мчалась, обгоняя автомобили и еле уворачиваясь от всяких препятствий и бордюров. Они проехали по мосту, свернули на набережную и, чуть снизив скорость, в конце концов въехали на автомобильную стоянку напротив коричневого кирпичного здания с вывеской «Приют для животных графства Кинг».

Расплатившись с шофером деньгами Элизабет, друзья с облегчением вылезли из машины и пошли к зданию. Там имелось два входа. Предпочтя левый, они вошли внутрь и подошли к конторке, за которой сидел служащий приюта. Тот отправил их к другому входу. Там молодая женщина в форме выжидательно поглядела на них, едва они вошли.

— Профессор Аткинс? Мистер Дрожкин?

Советник Тьюс немедленно ухватился за предоставленную возможность и, улыбнувшись, кивнул.

Женщина облегченно вздохнула.

— У вас есть хоть малейшее представление, что это за зверь такой? — спросила она. — У нас никто ничего подобного в жизни не видел. Он дерется! Я все перепробовала — мы все перепробовали, но даже подойти к нему не можем! Когда полиция привезла его, я сняла с него веревки, а он чуть не оттяпал мне руку. И жрет все подряд! Вы знаете, что это за тварь?

— Вообще-то у меня есть кое-какая идея, — ответил советник. — Можем мы взглянуть?

— О, конечно! Вот сюда, пожалуйста. — Ей явно не терпелось сбыть Щелчка с рук. Абернети ее прекрасно понимал.

Она привела их к тяжелой металлической двери, отперла ее, и они проследовали по коридору к помещению с клетками. В дальнем конце сидел Щелчок, забившись в угол самой большой клетки. Одежка его порвалась почти совсем, грязная шерсть свалялась. Исцарапанный с головы до ног, он сидел, высунув язык. И выглядел слишком несчастным даже для кыш-гнома.

Увидев их, он вскочил и кинулся на решетку с достойной изумления яростью. Он рвал и кусал прутья, отчаянно стараясь дотянуться до вошедших.

— Посмотрите-ка, он стал еще хуже! — изумленно воскликнула женщина. — Пожалуй, я его лучше сначала успокою.

— Нет, давайте с этим подождем, — быстро сказал советник. — Мне бы хотелось пока просто за ним понаблюдать. Я не хочу, чтобы его накачали транквилизаторами. Не могли бы вы оставить нас ненадолго... Простите, не знаю вашего имени.

— Бекендолл. Люси Бекендолл. — Она протянула руку, и Тьюс ее сердечно пожал, не потрудившись представиться сам, поскольку уже забыл, за кого себя выдает.

— На несколько минут, хорошо? — повторил он. — Мы просто постоим и посмотрим.

Щелчок носился вверх-вниз по канату, демонстрируя свои клыки и потрясая кулаками, тщетно пытаясь выговорить хоть слово.

— Конечно, — согласилась она. — Я подожду снаружи. Позовете, если понадоблюсь.

Они подождали, пока за ней закроется металлическая дверь, затем советник посмотрел на Абернети и шагнул к клетке.

— Немедленно прекрати! — гаркнул он на Щелчка. — Веди себя прилично и слушай! Хочешь отсюда выбраться или нет?

Щелчок, уже выдохшись, спрыгнул на пол и уставился на них. Помещение было замкнутым и каким-то стерильным. Абернети представил себя запертым здесь на целый день и вдруг вопреки своей воле проникся сочувствием к кыш-гному.

— А теперь слушай! — твердо заявил советник Щелчку. — Совершенно незачем устраивать такой цирк! Мы пришли за тобой, как только смогли, как только выяснили, где ты находишься!

Щелчок раздраженно указал на свой рот.

— О, конечно, ты хочешь высказаться, — гневно насупился Тьюс. — Только смотри говори тихо, чтобы тебя не услышали, не то я немедленно заткну тебя снова. Понял?

Кыш-гном мрачно кивнул. Волшебник что-то тихо пробормотал, сделал какой-то пасс, и к Щелчку вернулся голос.

— Да уж, вы не торопились! — буркнул гном. — Я здесь и помереть мог! Эти люди прямо звери какие-то!

Советник чуть склонил голову:

— Прошу прощения. Но теперь мы здесь. Пришли забрать тебя отсюда и отправить в Заземелье.

Мордочка гнома покрылась мелкой сетью сердитых морщинок.

— Ну, а может, я не хочу уходить! Может, вы мне надоели, советник Тьюс. Ты и твой друг!

— Не дури! Ты хочешь остаться здесь?

— Нет, я не хочу оставаться здесь! Я хочу выйти отсюда! Но как только выйду, то жéлаю вернуться домой самостоятельно. Готов поспорить, что найду дорогу лучше, чем вы!

— Да ты не можешь найти дорогу в чистом поле, не говоря уж о другом мире! О чем ты толкуешь?!

— Оставь его, Тьюс! — рявкнул Абернети. — Мы и так потеряли много времени!

Все трое начали горячо препираться и еще спорили, когда дверь внезапно распахнулась и появилась Люси Бекендолл. Троица мгновенно замолкла. Женщина переводила взгляд с одного на другого, практически уверенная в том, что слышала, как существо в клетке тоже разговаривало.

— Произошла какая-то ошибка, — заявила она, явно испытывая неловкость. — Там стоят два джентльмена, которые представились как профессор Аткинс из Вашингтонского университета и мистер Дрожкин из Вудлендского зоопарка. Они предъявили документы. А у вас есть удостоверения личности?

— Безусловно, — быстро ответил Абернети, улыбаясь и кивая. — Тьфу! — Он быстро пошел к ней, шаря по карманам, что-то бормоча себе под нос и качая головой. Дойдя до Люси Бекендолл, стоящей в дверях, он крепко взял ее за плечи, развернул и выставил за дверь, которую тут же захлопнул. — Советник Тьюс! — заорал он, навалившись всем телом на дверь, в которую немедленно начали стучать снаружи. — На помощь!

Волшебник засучил рукава, поднял тощие руки и послал колдовской импульс. Замок и ручка оплавились и застыли.

— Ну вот, теперь они не войдут! — с удовлетворением сообщил он.

— А мы не выйдем! — рявкнул Абернети, направляясь к нему. — Так что уж лучше придумай скорее, что нам делать дальше!

Советник Тьюс развернулся к Щелчку:

— Есть только один выход, господин Щелчок, — вместе с нами обратно в Заземелье. Если ты останешься здесь, они тут же затолкают тебя в клетку. И кто тогда тебе поможет? Мне очень жаль, что ты во все это вляпался, но нашей вины в этом нет. И у нас нет

больше времени на дискуссии. — Стук в дверь сменился тяжелыми ударами. По замку били чем-то металлическим. Советник, сжав губы, ткнул костлявым пальцем в гнома. — Лишь представь, что они с тобой сделают! Эксперименты! Тесты! Всякие зелья! Так как, Щелчок? Заземелье и свобода или клетка на всю оставшуюся жизнь?

Щелчок облизал грязные губы, глаза его засверкали от страха.

— Забери меня отсюда! Я пойду с вами! Я больше не буду скандалить, клянусь!

— Правильный выбор, — пробормотал Тьюс. — Отойди подальше.

Кыш-гном отбежал в дальний угол. Советник сделал пару пассов, и дверь клетки распахнулась.

— Выходи! — рявкнул чародей.

Щелчок послушно выполз наружу и съежился, как побитая собака.

— Прекрати! — повелел Тьюс. — Ничего с тобой не случилось! Встань!

Щелчок поднялся, нижняя губа у него тряслась.

— Я не хочу снова видеть эту девочку! И ее болотного щенка! Никогда!

Советник не обратил на него внимания, рисуя каблуком круг на цементном полу. Закончив, он велел гному с Абернети шагнуть внутрь. Они тихо стояли друг подле друга, а чародей, поглубже вздохнув, закрыл глаза и сосредоточился.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — не удержавшись, спокойно проговорил Абернети.

— Цыц! — рявкнул чародей.

За дверью грохот сменился шумом голосов. Подкрепление прибыло, рассеянно подумал Абернети. Затем что-то тяжелое ударило в дверь. Они стараются ее вышибить! Косяк заходил ходуном. Посыпалась штукатурка. Кто бы там ни ломился, они очень быстро окажутся внутри.

Глубоким, ясным и четким голосом советник начал произносить заклинание. Погруженный в себя, он не слышал ни ударов, ни шума. Только этого не хватало, подумал Абернети. Стоит чародею отвлечься, он может перепутать заклинание. И во что он, Абернети, тогда превратится? В свеклу? Писец взглянул на Щелчка. Кыш-гном наклонил голову и крепко зажмурился, обхватив себя тоненькими ручками. Ну конечно, подумал Абернети. Все мы боимся.

Советник продолжал творить заклинание, на лбу у него выступил пот. Абернети видел, какие усилия прилагал волшебник. «Превращает меня опять», — подумал он. И отчаянно возненавидел все

это. Абернети внезапно захотелось заорать, остановить чародея, заставить его сделать что-нибудь другое. Но он промолчал. Решение принято, и он принял свою судьбу. Писец еще раз оглядел себя, желая получше запомнить свою внешность. Чтобы не пытаться мучительно вспоминать, как в прошлый раз. Вообще-то не так уж плохо быть собакой. Не так уж.

Над ними взметнулся столб света, заполнив круг от пола до потолка. Голос Тьюса звучал все громче, слова гремели, как раскаты грома. Щелчок захныкал. Абернети подумал об Элизабет. Хорошо, что ее здесь нет. Пусть лучше помнит его таким, каким он должен быть.

Свет стал ослепительным. Абернети почувствовал, что тает. Знакомое чувство. Однажды он его уже испытал, более двадцати лет назад.

Закрыв глаза, он принял неизбежное.

ГЛАВА 19

ЗЛОБА

Бену с Ивицей потребовалось целых два дня, чтобы добраться до Бездонной Пропасти. В первый день они поднялись на рассвете и в сопровождении Сапожка и двух дюжин королевских гвардейцев направились на юго-запад, к границе Зеленого Дола. Здесь они повернули на север и двинулись вдоль лесистых холмов к ведьминому логову. Стояла летняя жара, было душно и влажно, солнце тонуло в мареве. Ни ветерка, ни тени. Всадники ехали медленно и ровно, часто давая отдых лошадям, да и себе тоже. Все кругом было тихим и каким-то сонным.

Они остановились там, где воды большой реки, огибающей Риндвейр, сбегали с холмов на своем долгом пути дальше на запад. Перейдя через реку, они расположились на низком берегу и наблюдали за розово-красным заходом. На востоке цапли и лебеди планировали над спящей водой в поисках ужина.

— Будем на месте завтра к полудню, — заявил Бен после довольно продолжительного молчания, желая втянуть подозрительно спокойную Ивицу в разговор. — И тогда все выясним.

Голос сильфиды прозвучал обреченным вздохом:

— Я и так знаю. Мистая у нее. Я это чувствую. Она давно хотела заполучить Мистаю и наконец нашла способ забрать ее.

Плечо Ивицы касалось Бена, пока они сидели и наблюдали за приближением ночи, но расстояние между ними было пугающим. Весь этот длинный день Ивица держалась замкнуто, не подпуская к себе. Вот и теперь она пребывала где-то далеко, где никто не мог ее найти, если она сама того не пожелает. Бен терпеливо ждал, когда она справится с тем, что ее беспокоит, отчаянно надеясь, что причиной является не он.

Бен прокашлялся:

— Наверное, она полагает, что Мистая — ее собственность. Мистая — плата за то, что, по ее мнению, ей задолжали за Лабиринт.

Ивица помолчала, затем ответила:

— Если бы все дело было в долге и вопросе собственности, она бы просто украла девочку, и все. Потребовала бы выкуп, либо убила бы ее, чтобы причинить нам боль. Но вместо этого она состряпала сложный план, включающий в себя Райделла из Марнхулла с его монстрами. Конечно, Мистая в некотором роде приз, за который стоит бороться, но в то же время она что-то большее. Думаю, у Ночной Мглы на нее другие виды.

— Какие виды? — вздрогнул Бен.

Ивица помотала головой:

— Не знаю. Возможно, это как-то связано с магией, которой обладает Мистая. Ведь она родилась в Бездонной Пропасти, поэтому у них может быть что-то общее. А может, кое-что гораздо хуже. Возможно, ведьма хочет трансформировать мышление девочки так, чтобы оно стало зеркальным отражением ее собственного.

— Нет, Мистая никогда не допустит подобного. — Бена вдруг пробрала дрожь. — Она слишком сильная для этого.

— Никто не может быть сильнее Ночной Мглы. Ее ненависть придает ей силу.

Бен молчал. При одной только мысли, что Мистая может уподобиться Ночной Мгле, его охватил ужас. Здравый смысл говорил, что такого никогда не случится. Эмоции же утверждали обратное. Оба чувства боролись в нем, пока он наблюдал за растущими тенями, постепенно закрывающими реку и холмы.

— Она сделает это, чтобы навредить нам, верно? — наконец вымолвил он. — Да, сделает. — Он глубоко вздохнул. — Но при чем тут Райделл?

— Райделл дает ей время для работы с Мистаей. Райделл отнимает наше время, удерживает нас подальше от нее и выводит из равновесия. Чтобы мы не поняли сути дела, пока не станет для нас слишком поздно.

Бен заглянул в глаза жены. Они были пустыми и далекими.

— Ты весь день над этим думала, да? — тихонько спросил он. — Поэтому ты так далека от меня.

Ивица поглядела на мужа с вымученной улыбкой:

— Нет, Бен. Я готовилась к завтрашнему дню. Существует большая вероятность, что я потеряю Мистаю. Или тебя. Или даже вас обоих. Трудно признать такую возможность, однако она существует.

— Никого ты не потеряешь, — заверил Бен жену, притягивая ее к себе, понимая, что только что дал обещание, которое, возможно, не сможет сдержать.

Спали они плохо, слишком возбужденные грядущими заботами, не зная, что ждет их впереди. Встав на рассвете и быстро позавтракав, они двинулись в путь еще до того, как солнце полностью осветило горы на востоке. Наступивший день тоже оказался жарким и душным, и всадники передвигались, как пловцы против течения. Сапожок бежал впереди, высматривая очередного Райделлова монстра. Оставалось ведь еще два, и Ночная Мгла вполне могла их сейчас натравить. Конечно, при условии, что ведьма и есть Райделл. Кое-какие сомнения по этому поводу у Бена еще оставались, хотя Ивица и была совершенно убеждена, что так оно и есть. Но к настоящему моменту он вообще во всем сомневался.

Лежащие впереди земли походили на потрепанный ковер из выжженной травы и жухлой листвы. Бен слушал скрип седла и топот лошадиных копыт, под который они мерно продвигались вперед. Что он станет делать, когда они доедут до Бездонной Пропасти? Полезет в пропасть? Или пошлет Паладина? Как он будет сражаться с ведьмой? Как узнает правду о Мистае?

Он посмотрел на Ивицу, молча едущую рядом с ним. И то, что он увидел в ее лице, сказало, что лучше найти ответы как можно быстрее.

Ночная Мгла узнала об их приближении задолго до того, как они появились. Знала чуть ли не с того момента, как они выехали из замка Чистейшего Серебра, и осторожно наблюдала за их продвижением. Встреча, на которую она рассчитывала с самого начала, наконец-то должна состояться. Холидей каким-то образом все разгадал. Ведьма же не понимала, как ему это удалось. Он ехал к Бездонной Пропасти, а пойти на это он мог, только абсолютно точно зная всю правду.

Ведьма понимала неизбежность такого исхода. У Ардшил ничего не вышло, как и у всех остальных монстров. Согласно условиям Райделла, у нее было еще две попытки, но на продолжение игры

времени уже не осталось, и теперь у нее имелся один-единственный шанс. Ей нравилось играть с Холидеем, наблюдать, как он сражается и мучается, борясь с одним монстром за другим в попытке прожить как можно дольше, чтобы спасти свою ненаглядную дочь. Нравилось понемногу ломать его, выматывая физически и эмоционально при помощи сил, которых он не понимал. Откуда ему знать, что это волшебство Мистаи работало против него? Откуда знать, что оно с ним вытворяло? Это приятно, но самое большое удовольствие еще впереди.

Предвкушение не давало угаснуть ее гневу и злости, потому что, хоть она ни за что не призналась бы даже сама себе, ведьма была глубоко разочарована тем, что Холидей еще жив. Затраченные время и усилия, магию и могущество нельзя было сбросить со счетов, даже уверяя себя, что все идет как ожидалось. Ночная Мгла ненавидела проигрывать, терпеть не могла не получать желаемого, даже когда умом понимала, что это неизбежно. Ведьма хотела смерти Холидея, и отсрочка этого события, чем бы она ни обосновывалась, была с трудом выносима.

Впрочем, она разработала план, который считала безупречным. Мистая все еще у нее в руках — тайное оружие, которое пойдет в ход и выполнит свое предназначение, когда наступит срок. Возможно, даже лучше, что все разрешится сейчас, а не позже. Мистая становилась трудноуправляемой, все неохотнее выполняла указания ведьмы, начиная подозревать об отведенной ей роли. Уже достаточно плохо то, что она отказалась создавать другого монстра, когда у робота ничего не вышло. И уж совсем ни в какие рамки не лезло, что девчонка осмелилась выйти из пропасти. Однако Ночной Мгле удалось ее обхитрить. Еще раз она нашла способ использовать Мистаю, соединив волшебство девочки со своей магией, чтобы оживить Ардшил и наслать на Холидея. Но потребовались величайшая хитрость и сокрытие своего магического участия, чтобы девчонка не поняла, что ведьме действительно нужно. Обмануть Мистаю еще раз будет очень трудно.

И все же она ее обманет, пообещала себе Ночная Мгла. В последний раз.

В первый день путешествия Холидея к Бездонной Пропасти она позволила Мистае делать все, что ей заблагорассудится, и практиковаться, как ей угодно. Она поощряла девочку, хвалила, успокаивала. Остался всего один день, напомнила ведьма Мистае. Всего один — и она поедет домой. Сама Ночная Мгла туда-сюда носилась по своим владениям, едва способная думать о чем-то другом, кроме как о приближении события, о котором она мечтала два долгих года. Она бродила по туманам, вновь и вновь представляя себе кар-

тину во всех деталях, предвкушая удовольствие, которое получит. Холидей мертв. Холидей наконец мертв. Это стало для нее единственной целью в жизни, единственной целью существования.

Ночью она в облике вороны полетела туда, где шутейный король спал со своей сильфидой под охраной гвардейцев. Она с удовольствием выклевала бы ему глаза, если б могла, настолько велика была ее ненависть. Но она не собиралась рисковать после стольких усилий. Не станет она отказывать себе в удовольствии лицезреть смерть короля, которую так долго готовила. Она посмотрела, сколько ему еще осталось до Бездонной Пропасти, прикинула время, которое ей понадобится на подготовку, вернулась обратно в свои покои и стала ждать.

Утром она сидела и смотрела, как Мистая завтракает, и только после этого подошла к девочке. Темная и прямая, чуть грозная, она с улыбкой приблизилась к Мистае и коснулась изящной рукой щеки девочки.

— Сегодня за тобой приедет отец, — сообщила она самым чарующим тоном. Мистая вопросительно посмотрела на нее. — Он приедет к полудню. Ты по нему соскучилась?

— Да. — Нескрываемая радость девочки заставила ведьму скрипнуть зубами.

— Он заберет тебя в замок Чистейшего Серебра, домой. Но ты ведь не забудешь меня, правда?

— Не забуду, — тихо ответила Мистая.

— Мы с тобой многому научились. — Ночная Мгла посмотрела на кроны деревьев. Мистая отдалилась от нее после возвращения в Бездонную Пропасть. Отдалилась, как может отдалиться только ребенок, стала практически нетерпимой, откровенно считала оставшиеся минуты. Ведьме это было неприятно. Она рассчитывала на большее. — Но тебе предстоит еще многому учиться, Мистая, — продолжила ведьма, пытаясь хотя бы частично вернуть утраченные позиции. — Когда-нибудь я научу тебя, если захочешь. Покажу тебе все. Только попроси. — Она посмотрела на Мистаю блестящими глазами. — Здесь тоже может быть твой дом. Однажды, возможно, тебе захочется прийти сюда пожить со мной вместе, когда решишь, что твое место тут. Мы с тобой очень похожи. Мы ведьмы и всегда будем самыми близкими друзьями.

Она почти что действительно так считала. В ее словах было много правды. Но судьбой предначертано давным-давно, что этому никогда не бывать. Ее ненависть к Холидею, превратившаяся в одержимость, огромная и неизбывная, не позволяла иного.

Мистая нерешительно опустила глаза:

— Я приеду к тебе в гости. Когда будет безопасно. Обещаю.

Улыбка Ночной Мглы была холодной и застывшей.

— Это время может наступить быстрее, чем ты думаешь. Я сделала так, что Райделл откажется от вызова. Он будет здесь к приезду твоего отца. Как только он покинет Заземелье, между мной и тобой больше не будет препятствий. Твои родители согласятся, я уверена.

Мистая выгнула бровь:

— Райделл отступился? Правда? Он полностью отказался?

— Я убедила его, что игра не стоит свеч. — Глаза Ночной Мглы сузились. — Магия может все. Именно это я и пыталась тебе втолковать.

— Я многому у тебя научилась, — прошептала Мистая, не глядя на ведьму и отряхивая рукой одежду.

— Ты была хорошей ученицей, — похвалила ее Ночная Мгла. — У тебя огромный талант. Помни, что я первой сказала тебе об этом, рассказала о том, о чем не говорил никто. Что это я помогла тебе узнать, кто ты на самом деле. Никто бы не сделал этого для тебя. Только я.

Повисла напряженная тишина. Ночная Мгла чувствовала, что маятник качнулся в ее сторону.

— У меня для тебя кое-что есть, — сказала она девочке.

Мистая подняла взгляд. Ночная Мгла порылась в складках балахона и извлекла кулон на серебряной цепочке. Кулон был выполнен в виде розы с тщательно вырезанными лепестками, стеблем и шипами. Ведьма повесила кулон Мистае на грудь.

— Это тебе подарок на память, — произнесла она, отступив на шаг. — Пока ты будешь его носить, будешь помнить о проведенном со мной времени.

Мистая взяла кулон в руку. Ее зеленые глаза выражали удивление и признательность. Детское личико сияло.

— Он очень красивый, Ночная Мгла! Большое спасибо. Я буду носить его всегда, правда.

«Вполне достаточно и нескольких часов, — подумала ведьма, продолжая улыбаться. — Достаточно, чтобы девчонка встретилась со своим любящим родителем и обняла его в последний раз. Чтобы скрытая магия сработала, розовые шипы впились в кожу шутейного короля и смертельный яд проник в его тело. А потом, когда мой подарок выполнит свою задачу, пусть с ним делают что угодно. Ведь девчонка свою миссию выполнит».

Советник Тьюс вынырнул из света своей собственной магии настолько ошарашенный, что чуть не упал. Он постоял, пока сия-

ние не исчезло, пытаясь восстановить равновесие. Затем, обнаружив, что уже твердо стоит на ногах, он осмотрел себя, сморгнул и быстро огляделся по сторонам. И с облегчением понял, что находится в Заземелье. Бледные луны висели в дневном небе, видимые даже сквозь кроны деревьев. Он почувствовал знакомые запахи. Никакой ошибки. Но, хоть он и оказался в Заземелье, это не Озерный край. Совершенно очевидно, что он попал куда-то в другое место, гораздо дальше на север...

— Прыг-попрыг, с меня достаточно! — послышалось раздраженное рявканье Щелчка. Кыш-гном схватил чародея за рукав. Советник даже подскочил от неожиданности. — Не знаю, что ты сделал, чтобы вернуть нас сюда, но полагаю, что в следующий раз я попросту пойду пешком! В следующий раз, я сказал? Чтоб у меня язык отсох! Следующий раз! Да пусть меня огреют сапогом, если будет следующий раз! Ха! Да ни за что! Ни за какие коврижки!

Скребя свою физиономию так, будто хотел содрать с нее кожу, он выпустил рукав чародея и направился прочь.

— Прощевайте, милорд! Прощевайте! — И замер. — Помилуйте меня и смилуйтесь над всеми нами! Что это с ним стряслось?

Кыш-гном уставился на Абернети. Придворный писец Заземелья сидел на земле под гигантским гикори и оглядывал себя. Он снова стал собакой, лохматым ушастым терьером, из-под одежды торчала шерсть, на длинной морде нелепо сидели очки. Влажные карие глаза казались одновременно изумленными и печальными, он смотрел на свои человеческие пальцы. Все, что осталось от прежнего тела. Затем Абернети пожал плечами, глянул на Щелчка и глубоко вздохнул:

— В чем дело, Щелчок? Никогда прежде не видел говорящей собаки, что ли?

Щелчок сморщился, мохнатая физиономия странно задергалась в тщетных попытках вымолвить хоть какое-то слово.

— Ну, я... Ну, я, конечно... Уф! Э-э-э... Ну, ты точно раньше не был собакой!

Абернети медленно поднялся и встряхнулся.

— Насколько раньше ты имеешь в виду?

— Совсем недавно! До того, как нас проглотила магия волшебника! Ты был человеком, точно!

Улыбка Абернети была унылой даже для собаки.

— Это была маскировка. А вот это — настоящий я. Ты мог себе представить? — Он снова вздохнул, и глаза его встретились с глазами советника. — Что ж, ты был прав, советник Тьюс. Поздравляю.

Советник коротко кивнул:

— Да, похоже, я не ошибся, благодарю. Должен повторить, что мне очень жаль, но по-другому, к сожалению, не могло быть.

— Нам всем бы хотелось, чтобы было по-другому, но реальность именно такова, не так ли? Или она такова только для нас? — Абернети недоуменно огляделся. — А куда это мы попали?

— Я как раз собирался об этом спросить нашего приятеля, — ответил волшебник, переведя взгляд на Щелчка.

Вопрос, казалось, несказанно озадачил кыш-гнома. Он посмотрел направо и налево, как бы желая убедиться, затем торжественно прокашлялся:

— Мы точно там, откуда и начали, вот мы где. Ну, там, где для меня все началось, вот. Это здесь девочка нашла меня, когда я тихомирно занимался своими делами, никоим образом никому не мешая... — Он мгновенно замолчал, уловив нехороший блеск в глазах Тьюса. — Хм! Полагаю, для вас имеет значение то, что мы буквально в миле от Бездонной Пропасти.

— Не понимаю, — произнес Абернети, подойдя к ним. — Что мы тут делаем? Почему не вернулись в Озерный край?

Советник Тьюс задумчиво потер подбородок и машинально скрутил бакенбарды в крысиные хвостики.

— Мы здесь, дружище, потому что здесь Мистая. Там, внизу, в Бездонной Пропасти, вместе с ведьмой. Именно здесь ее видел Щелчок в последний раз. Ночная Мгла увела ее обратно в пропасть, и нет никаких оснований думать, что девочки там уже нет. Полагаю, мы перенеслись сюда, чтобы спасти ее.

— Ничегошеньки не понимаю! — грубо заявил кыш-гном. — Но это замечательно! Просто превосходно, потому что я и не желаю ничего понимать! Я просто хочу вернуться к своим делам. Так что прощевайте оба и удачи вам!

И он снова потопал прочь, на сей раз к востоку, подальше от ведьминого логова.

— И ты не хочешь узнать, что будет с Ночной Мглой? — крикнул ему вслед советник.

— Больше знать ничего не желаю! — Кыш-гном остановился, оглянулся. — Я уже и так узнал больше чем достаточно! Намного больше! — Он сердито топнул ногой, взметнув кучу пыли. — Сделайте мне одолжение, будьте любезны. Если найдете девочку, передайте ей от меня привет и скажите, что я не хочу ее видеть. Никогда. Ничего личного нет, просто так. — Его голос опасно взлетел. — Я надеюсь, она дочка короля! И надеюсь, станет королевой! И если она когда-нибудь еще надумает погулять, то уж где-нибудь в другом месте! Прощевайте!

Кыш-гном зашагал, даже не замедляя шага. И вскоре он растворился за деревьями — смешная, невнятно бормочущая оборванная фигурка, резко размахивающая руками.

Советник немедленно забыл о нем и повернулся к Абернети:

— Ты знаешь, что нам нужно делать, верно?

Абернети посмотрел на волшебника, как на дитя малое:

— Отлично знаю. Пожалуй, даже лучше, чем ты.

— Тогда нам следует поспешить. Что-то у меня нехорошее предчувствие.

А оно действительно было. Его было трудно выразить словами, но и нельзя не учитывать. Это чувство не покидало чародея все время, пока они были на Земле: непреодолимое желание торопиться, вернуться в Заземелье как можно быстрее, чтобы успеть предотвратить то, что затеяла ведьма, что бы она там ни затевала. Теперь это чувство стало еще сильнее. Все больше росла уверенность в том, что ловушка вот-вот захлопнется и только они с Абернети могут этому помешать. Возможно, он слишком драматизировал ситуацию и брал на себя слишком много, но советнику Тьюсу необходимо было верить, что жертва Абернети не напрасна, а послужит благому делу. Его волшебство стоило Абернети человеческого облика, но вернуло их в Заземелье, причем именно туда, где в последний раз видели Мистаю и где она, по всей вероятности, до сих пор пленница. А это что-то да значит. Ночная Мгла сказала им, что Райделл — ее творение, что она запустила цепочку событий, которые должны сокрушить Холидея, и что именно Мистая послужит инструментом его уничтожения. Каким-то образом ведьма собиралась использовать девочку, чтобы убить короля. Если они успеют добраться до нее вовремя, может быть, смогут этому помешать.

Они быстро пошли по жаре, торопясь поспеть на помощь. Над ними роились комары, привлеченные запахом пота. Советник машинально отмахивался от них, погруженный в мысли. Им сейчас весьма пригодилась бы лошадь, но Абернети терпеть не может лошадей, так что, возможно, пешком оно и проще. Они перешли ручей и пересекли полянку, всю в алых и желтых цветах. Вспугнутые зяблики взметнулись вверх и исчезли в небесной синеве. Абернети тяжело дышал, но советник и не подумал снизить темп. Ему и самому приходилось нелегко, но он упорно шел вперед, не обращая внимания на боль в суставах. Волшебник даже заставил себя шагать еще быстрее. Подоткнув подол балахона, он взбирался по склонам, шел по тропкам среди высокой травы, пробирался сквозь колючие кустарники.

— Потише, советник Тьюс! — услышал он стон Абернети. Писец, оказывается, значительно отстал.

Чародей этого даже и не заметил.

Впереди уже виднелся туманный сумрак Бездонной Пропасти.

ГЛАВА 20

СЕРДЦЕ ХОЛИДЕЯ

Когда появились родители, Мистая сидела вместе с ведьмой на краю южного склона, поросшего густой травою. Впереди Бена и Ивицы бежал Сапожок, вынырнувший из жаркого марева, как паук из норы. По бокам и сзади ехали королевские гвардейцы, вооруженные копьями и мечами. Их доспехи сверкали на солнце. Заметив девочку, кавалькада остановилась. Мистая увидела напряженное лицо отца, увидела, как его глаза скользят по выжженной солнцем полосе, отделяющей его от дочери, и натыкаются на Райделла.

Король Марнхулла восседал на своем черном жеребце справа от Мистаи, закованный в черные латы с черным же плащом за спиной. Неподвижная фигура с опущенным забралом возвышалась в тени раскидистого ореха. Он уже поджидал там, когда Мистая с Ночной Мглой поднялись на край провала. Рыцарь не потрудился их поприветствовать, и с тех пор не двинулся с места и не произнес ни слова. Неподвижный, как скала, Райделл смотрел прямо на короля Заземелья.

Ночная Мгла встала, и Мистая поднялась с ней вместе. Глаза Бена Холидея немедленно вернулись к дочери. Мистая хотела кинуться к нему, сделать или сказать что-нибудь. Все равно что. Но ведьма ей запретила.

— Дай сначала сказать мне, — повелела ведьма. — Переговоры между Райделлом и твоим отцом находятся в очень сложной стадии. Мы должны действовать очень осторожно, чтобы не сорвать их.

Мистая это понимала. И не собиралась делать ничего, что могло повредить отцу. Ей просто хотелось домой. Она все время мечтала об этом с того момента, как вернулась в Бездонную Пропасть после встречи с Щелчком. С тех пор ее желание все время росло, хоть она и побаивалась встречи с родителями. Теперь же она ощущала в груди всплеск эмоций, от которых перехватывало дыхание и слезы выступили на глазах. Она и не догадывалась, как сильно соскучилась по отцу с матерью. Не представляла, как сильно ей хочется домой.

— Ваше Величество! — раздался внезапно голос ведьмы. — Ваша дочь со мной, живая и здоровая. Она готова вернуться домой. Я получила обещание короля Райделла не препятствовать ее возвращению. Он согласился покинуть Заземелье. Больше не будет ни угроз, ни нападений. Вы должны лишь пообещать, что не станете требовать с него компенсации за произошедшее.

Мистая с нетерпением ждала ответа отца. Повисла долгая пауза, будто отец не знал, что сказать. Можно подумать, он вовсе не ожидал услышать подобное. Мистая увидела, что он посмотрел на мать, а та что-то быстро сказала ему. Сапожок без устали бегал между ними, ощерившись и не сводя с ведьмы напряженных глаз.

— А что с советником Тьюсом и Абернети? — прокричал Бен Холидей.

— Они тоже вернутся! — ответила Ночная Мгла.

Абернети и советник? Мистая вопросительно глянула на ведьму. О чем это они толкуют? С писцом и волшебником что-то произошло? Разве они не вернулись в целости и сохранности в замок Чистейшего Серебра? Разве ей не так было сказано?

Ночная Мгла улыбнулась. Ее замкнутое лицо было скрыто под капюшоном черного балахона. Волноваться не о чем, означала улыбка. Успокойся.

— Я не собираюсь требовать компенсации с кого бы то ни было, — услышала девочка голос отца, но от нее не ускользнуло промелькнувшее в нем волнение. Она оглядела разделявшее их пространство, пустой, выжженный кусок земли, граничащий с пропастью. Казалось, до отца очень далеко.

Ночная Мгла положила ей на плечо изящную белую руку.

— Теперь ты должна пойти к отцу, Мистая, — произнесла она. — Когда я тебе скажу, иди ему навстречу. Ступай прямо к нему. Ни к кому больше. Поняла?

Мистая вдруг сообразила, что происходит нечто такое, чего она не понимает, что-то скрытое и, возможно, опасное. Она ощутила это в словах Ночной Мглы точно так же, как она обычно чувствовала настрой ведьмы. Девочка заколебалась, не зная, как поступить. Но она понимала, что сделать ничего не может, кроме как согласиться. И Мистая молча кивнула.

— Ваше Величество! — снова позвала Ночная Мгла. — Ваша дочь идет к вам! Сойдите с коня и идите ей навстречу. Один! Это входит в условия договора.

И снова Мистая увидела, что отец колеблется, размышляя. Ясно, что-то ему не нравится. Что-то его беспокоит. Что-то такое, чего он не может понять. Девочка подумала, что ей, возможно, стоит

успокоить отца, и тут же поняла, что она и сама не уверена и обеспокоена. Ее зеленые глаза нашли Райделла. Король Марнхулла не шелохнулся. Мистая взглянула на ведьму. Ночная Мгла стояла спокойная и невозмутимая.

Отец медленно слез с лошади и двинулся вперед. Сапожок пошел было за ним, но король жестом велел кобольду остаться.

— Теперь иди! — быстро шепнула ведьма девочке на ухо. — И обними его за меня покрепче!

Мистая нехотя пошла, по-прежнему размышляя, что же все-таки ее смущает и что же здесь не так. Она медленно шла по засохшей траве, наблюдая за приближавшимся отцом. Девочка оглянулась на Ночную Мглу, но ведьма не отреагировала. Высокая темная фигура на фоне скалистого пейзажа. Мистая отбросила волосы с лица и быстро глянула по сторонам. Отец приближался медленно и настороженно. Девочка увидела озабоченную улыбку на его лице и ясно разглядела выражение глаз. Там явственно читалось облегчение, будто он не надеялся вновь ее увидеть. Мистая забеспокоилась. Почему он так на нее смотрит?

И вдруг ей захотелось сделать то, что сказала Ночная Мгла. Прижаться к отцу крепко-крепко, оказаться в его надежных объятиях, чтобы он успокоил ее и утешил. Сказать ему, как сильно она по нему соскучилась. Ей вдруг стало ужасно необходимо услышать, что он ее любит.

Стоял жаркий тихий день, и веющий в лицо легкий ветерок был сухим и горячим.

— Отец! — выдохнула Мистая и во весь дух понеслась вперед.

И тут тишину нарушил чей-то отчаянный крик:

— Ваше Величество! Мистая! Подождите!

Слева из-за деревьев выскочил советник Тьюс. Взъерошенный и расхристанный, в рваном балахоне, он летел к ним, размахивая руками, с развевающимися седыми волосами и бородой и совершенно дикими, испуганными глазами, как у преследуемой охотниками дичи. Мистая с отцом развернулись от неожиданности, глядя на бегущую к ним нескладную фигуру. Позади волшебника шагах в тридцати выполз из-за деревьев запыхавшийся и взмокший Абернети, тщетно пытавшийся догнать советника.

И тут Мистая услышала гневный вскрик ведьмы. Ночная Мгла присела, как готовящийся к прыжку кот, и вытянула вперед руки, будто отмахиваясь от чего-то ужасного. Ее красные глаза пожирали Мистаю.

— Иди к отцу! — яростно взвизгнула ведьма.

Мистая послушно двинулась вперед, едва ли отдавая себе отчет в том, что делает. Но советник Тьюс приближался, несясь во весь опор по пыли, все время надрывно крича:

— Мистая, нет! Не подходи! Это ловушка!

И Мистая снова остановилась, ничего не понимая.

И вдруг все засуетились. Ивица помчалась вперед вслед за Сапожком, за ней по пятам поскакали гвардейцы. Ночная Мгла широко раскинула руки, став похожей на огромную птицу. Райделл пытался сдержать своего напуганного черного жеребца. Абернети кувырком покатился по склону, оступившись. И Бен внезапно рванулся вперед со спринтерской скоростью.

Но первым все же подоспел советник Тьюс, буквально пролетевший последние метры. Схватив девочку, как соломенную куклу, он прижал ее к груди.

— Мистая! — радостно выдохнул он.

И тут между ними полыхнул ядовито-зеленый свет, вылетев из кулона, словно осколки стекла. Советник Тьюс охнул и побелел. Руки его ослабли, и он рухнул на колени, едва держась за девочку.

— Советник! — в ужасе взвизгнула она.

Сообразив, откуда бьет свет, она отшатнулась и быстро глянула вниз. Шипы на стебле розы увеличились невероятно и вонзились старику в грудь, как пики. Из ран текла кровь. Советника трясло, пальцы скрючились. Он судорожно пытался вздохнуть. Мистая выдернула шипы, сорвала кулон и отшвырнула прочь. Глаза советника незряче посмотрели на нее, затем он осел на землю и остался недвижим.

— Советник! — ахнула Мистая. — Советник, встань! Пожалуйста, встань!

Тьюс не шевелился. Дыхание его оборвалось.

Мистая вскочила на ноги, всхлипывая от ярости и отчаяния.

— Ночная Мгла! — закричала она. — Сделай же что-нибудь!

Подскочивший отец хотел было обнять ее, но девочка его оттолкнула. Подбежав к выброшенному кулону, она посмотрела на него, затем подняла глаза на ведьму:

— Ночная Мгла!

Ведьма неподвижно стояла на месте, ее гладкое бледное лицо не выражало ничего, лишь в глазах плескалась беспредельная ярость. Она опустила руки, сдержав выплеск магии.

— Это ты дала мне кулон! — кричала Мистая. — Это из-за тебя все произошло!

Ночная Мгла легонько взмахнула рукой:

— Моей вины в том нет! Советнику не следовало вмешиваться! Он сделал глупость!

— Я доверяла тебе! — взвизгнула девочка.

Подъехавшая Ивица спешилась и подошла к дочери. Гвардейцы остановились тоже, держа оружие на изготовку. Сапожок злобно шипел на ведьму.

— Мистая, посмотри на меня, — приказала Ивица девочке.

Но Мистая отмахнулась, схватила кулон за цепочку и швырнула его в Ночную Мглу.

— Ты ведь предназначала это моему отцу, да? Это ты для него приготовила!

— Я не...

— Не смей мне больше лгать!

— Да! — завизжала, взорвавшись, ведьма. — Да, это предназначалось ему! Яд должен был убить его, а не этого старого дурня!

Мистаю трясло от злости. Ее маленькое тельце сделалось словно древко копья — прямое и готовое взлететь. Руки сжались в кулаки, лицо заливали слезы.

— Я тебя ненавижу! — закричала девочка.

Затем она подбежала к кулону, надавила на него ножкой, покрутила, как бы растаптывая, и отбросила носком. Маленькие ручки взметнулись вверх, сорвавшийся с них огненный язык выплеснулся на кулон, обратив металл в пыль. Бен с Ивицей невольно отшатнулись, потрясенные могуществом дочери.

Абернети наконец-то добрался до них, задыхаясь и высунув язык. Склонившись к советнику, он прижался собачьим ухом к груди чародея.

— Сердце не бьется! — прошептал он.

Мистая теперь шла прямо на ведьму — вся сплошная решимость и железная воля.

— Помоги ему, не то пожалеешь! — прошипела она. — Слышишь, Ночная Мгла?

Ведьма отступила назад, затем остановилась, выпрямившись:

— Не пытайся мне угрожать, ты, малявка! Я по-прежнему твоя хозяйка и сильнее тебя!

— Ты лгунья и змея подколодная! — рявкнула девочка. — Ты обманула меня! Использовала меня! Что еще ты хотела заставить меня сделать? А эти монстры, которых я сотворила? Земной великан, металлический человек и другие? На что ты их использовала?

— Их послали убить твоего отца, — услышала она за спиной голос матери. — Спроси ее, пусть опровергнет, если сможет.

— Райделл! — развернулась Ночная Мгла к королю Марнхулла. — Ты хотел получить свой шанс разобраться с Холидеем! Так вот он! Убей его!

Райделл все никак не мог угомонить скакуна, с трудом удерживая испуганное животное. Услышав слова ведьмы, он повернулся к ней, его черные доспехи излучали опасность. На какое-то мгновение показалось, что он сейчас обрушится на нее. Затем рыцарь выхватил меч, прокричал вызов, пришпорил коня и помчался на Холидея. Но Сапожок оказался проворнее. Кобольд, ощерившись, кинулся к королю Марнхулла, словно маленький лохматый смерч, и вцепился в морду коня. Жеребец заржал, отступил назад, взбрыкнул и выбросил Райделла из седла. Нога рыцаря застряла в стремени. Закованный в латы Райделл никак не мог высвободиться. Он волочился по земле за бьющимся скакуном и попал под копыта. Конь окончательно ошалел и помчался прочь, таща за собой беспомощного всадника. Полетели куски доспехов, кровь залила камни. Гвардейцы кинулись следом, стараясь остановить перепуганное животное, но к тому времени, когда им это наконец удалось, король Марнхулла представлял собой окровавленный кусок мяса.

Мистая тем временем наступала на ведьму.

— Нет! — взвизгнула она, откровенно потрясенная. — Теперь мы квиты! Жизнь за жизнь! Райделл возвращается туда, откуда пришел, и мы с тобой делаем то же самое, девочка!

Но Мистая даже не замедлила шага. Отец с матерью поспешали за ней с одинаково жестоким выражением на лицах. Сапожок, юркий, как ртуть, катился по желтой траве. Гвардейцы торопились следом. Бен Холидей достал медальон и подставил его свету. В глазах Ночной Мглы мелькнул страх. Она присела с диким выражением на лице, на кончиках пальцев заполыхали зеленые огоньки. Мистая тут же наставила на нее ладони. Сорвавшиеся с ладоней девочки волшебные лучи хлестнули по ведьме. Та в шоке ахнула и отшатнулась. А затем в ярости заорала:

— Нет! Ты не смеешь ко мне прикасаться! Не имеешь права! — Она развернулась к Мистае. Бледное лицо Ночной Мглы стало страшным. Самообладание ведьмы рухнуло. — Я покажу тебе, на что способна магия, маленькая ведьмочка! Отправлю тебя туда, где тебе место!

Она взмахнула руками, и ядовито-зеленое пламя сорвалось с ее пальцев. Мистая выставила руки защитным жестом.

И тут вдруг появился Стойсвист, материализовавшись из ниоткуда на краю Бездонной Пропасти. Замороженный лунный свет поднялся с его спины и превратился в полосы пара. Ночная Мгла почувствовала его появление буквально на секунду позже, чем надо. Ведьма круто развернулась, но магия болотного щенка ударила ее по ногам и опрокинула навзничь. Рухнув на спину, Ночная Мгла

потеряла контроль над заклятием, и ее собственная магия обрушилась на нее зеленым ливнем. И накрыла целиком. Странная дымка обволокла ведьму, и та исчезла в мгновение ока. Ночная Мгла успела лишь слабо вскрикнуть. И ее не стало.

Некоторое время никто не двигался. Стояли как пришитые, подспудно ожидая, что ведьма из Бездонной Пропасти вот-вот появится снова. Но она не появилась. И тогда Стойсвист подошел к Мистае, замеревшей перед обугленным куском земли, где только что стояла ведьма. Болотный щенок посмотрел на девочку своими мудрыми глазами и медленно повилял хвостом. Мистая разразилась рыданиями.

К ней подошел отец, опустился на колени, взял дочку за хрупкие плечики и заглянул ей в глаза.

— Все хорошо, Мистая, — мягко проговорил он. — Все хорошо.

Затем притянул к себе и крепко обнял.

Потом ее обняла подошедшая Ивица и стала укачивать, как младенца, шепча, что все кончилось и что Мистая теперь в безопасности. Пока Ивица утешала дочь, Бен поднялся и подошел к лежащему в луже крови Райделлу, окруженному гвардейцами. Встав на колено возле поверженного короля Марнхулла, он поднял забрало черного рыцаря и посмотрел тому в лицо. Из-под рыжего чуба на него смотрели налитые кровью глаза.

Бен Холидей мрачно покачал головой.

— Каллендбор, — прошептал он.

Лорд из Зеленого Дола слабо кашлянул. Кровь тоненькой струйкой текла изо рта, заливая ему лицо и бороду.

— Мне... следовало... убить тебя... еще тогда... в первый день... на мосту. Не нужно... было... слушать... ведьму...

Он вздохнул в последний раз, дернулся и замер. Стекленеющие глаза уставились в небо. Бен опустил забрало. Похоже, Каллендбор оказался неспособным сделать выводы и смириться с положением вещей. Его могла удовлетворить только смерть Бена. Должно быть, бедняга совсем отчаялся, раз вступил в союз с ведьмой. Теперь Бену стало понятно, как роботу удалось пробраться к нему. И понял он также, почему Ночная Мгла смогла заколдовать тогда его медальон. Каллендбор все устроил. Должно быть, ведьма сообщила ему о приезде Бена, и тот успел подготовить западню королю Заземелья, а потом спокойно ждал его гибели. А теперь хозяин Риндвейра сам лежал мертвым у ног короля, и, наверное, никто так никогда и не поймет, что за сумасшествие привело его к такому концу.

Бен встал и пошел к семье, но Мистая в окружении остальных уже стояла, склонившись над советником, личико ее побелело от напряжения.

— Он не может умереть, — услышал Бен ее слова, опустившись на колени подле нее. — Это моя вина. Моя. И я должна это исправить. Обязана.

Бен поглядел на Ивицу, с болью смотревшую на дочь. Советник Тьюс не дышал. Сердце старого чародея не билось. Ничего сделать уже было нельзя.

— Мистая, он очень любил тебя, — мягко сказал Абернети, ласково коснувшись плеча девочки. — Все мы тебя любим.

Но Мистая не слушала. Наклонившись, она схватила безвольно лежащую руку советника.

— У Ночной Мглы я научилась кое-чему, что может помочь, — бормотала она себе под нос. — Она учила меня лечить. Даже мертвых. Иногда помогает. Возможно, и я смогу вылечить волшебника. В любом случае попытаюсь хотя бы.

Она села на корточки и закрыла глаза. Бен, Ивица, Абернети и Сапожок обменялись тревожными взглядами. Мистая обратилась к магии Ночной Мглы, а из этого еще никогда ничего путного не выходило. Не делай этого, хотелось сказать Бену, но он промолчал.

Солнце нещадно припекало, воздух был сухим и горячим. Вокруг стояла тишина, будто все вымерло. Можно было подумать, что все зверюшки и птицы тоже, затаив дыхание, ждали, что произойдет дальше. Мистая задрожала, и яркие сполохи побежали по ее руке к советнику. Чародей лежал совершенно неподвижно. Дважды еще яркие сполохи пробегали от Мистаи к Тьюсу. Глаза девочки широко распахнулись, голова упала на грудь, волосы закрыли лицо. Бен опять собрался было вмешаться и снова сдержался. Она имеет право сделать все, что в ее силах, сказал он себе. Имеет право на попытку.

Внезапно советник Тьюс дернулся. Это застало Мистаю врасплох, она вскрикнула и выпустила руку чародея. Мгновение никто не двигался, затем Абернети быстро склонился над другом, прижавшись ухом к его груди, послушал и поднял на Бена изумленный взор.

— Я слышу, как бьется его сердце! — воскликнул он. — Слышу, как он дышит! Он жив!

— Мистая! — прошептал Бен и судорожно прижал дочку к груди.

— Я была уверена, что смогу это сделать, отец, — сказала она. Ее трясло, и Бен чувствовал исходящий от ее тельца жар. — Я действительно владею магией.

— Конечно, владеешь, — согласился всполошившийся Бен и велел немедленно принести холодную воду и полотенца.

Остальные тоже кинулись обнимать Мистаю, кроме Сапожка, одарившего девочку зубастой улыбкой. Принесли мокрые полотенца, завернули в них Мистаю, напоили ее холодной водой, и температура ее

тела нормализовалась. Девочка пришла в себя, но битва за волшебника еще не кончилась. Сердце его билось слабо, дыхание было неровным, и он пока так и не очнулся. Яд все еще действовал. Бен отправил нескольких гвардейцев за фургоном, остальным велел, пока суд да дело, соорудить волокушу. Осторожно переложив советника, они запрягли Криминала в волокушу и медленно направились к дому.

Мистая настояла на том, чтобы быть рядом с советником на волокуше. Когда пригнали фургон, она опять-таки пересела туда вместе с чародеем. И всю дорогу девочка держала старца за руку. Сдаваться она не желала.

ГЛАВА 21
РЕДКИЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Все шесть дней с момента возвращения в замок Чистейшего Серебра Мистая просидела возле спящего Тьюса. И почти постоянно держала его за руку. Еду ей приносили на подносе, и спала она на матрасе возле постели чародея. Время от времени, как всегда ниоткуда, появлялся Стойсвист, давая знать, что он рядом, и снова исчезал. Бен Холидей ближе к полуночи неоднократно проскальзывал в комнату, поправлял на дочке одеяло и гладил ее по головке. Каждый раз ему хотелось перенести ее в ее собственную кровать, но она совершенно определенно дала понять, что останется тут, пока не поправится Тьюс.

Мало-помалу Бен полностью восстановил весь план, задуманный ведьмой, чтобы убить его. Ивица с Беном узнали, какую роль сыграла во всем этом Мать-Земля, отдавшая девочке Стойсвиста, чтобы нарушить планы Ночной Мглы, и уже сами сумели вычислить, что болотный щенок должен был помочь им, в случае если их разлучат, найти друг друга и узнать правду. Абернети внес свои добавления, стараясь не акцентировать внимание на том, как отразилось на нем превращение снова в человека, а потом опять в пса, пытаясь уменьшить свою роль в спасении Бена. Но Бен ему этого не позволил, понимая, чего стоило его верному писцу снова отказаться от человеческого облика. Он ведь прекрасно знал, что Абернети может никогда больше не стать человеком. Они говорили о советнике Тьюсе и решимости волшебника во что бы то ни стало

спасти Мистаю. И с тревогой думали о том, что может случиться с девочкой, если советник все-таки умрет.

Ивица проводила долгие часы, беседуя с Мистаей о Ночной Мгле, об учебе в Бездонной Пропасти, понемногу избавляя девочку от боли и чувства вины. Она твердила, что Мистая ни в чем не виновата, что это ведьма использовала ее, чтобы добраться до ее отца. И нет вины Мистаи в том, что она не понимала того, что происходит. Она ведь не собиралась вредить своему отцу или помогать в этом ведьме, верно? Она ведь применяла магию, веря, что таким образом спасет отцу жизнь. На ее месте она, Ивица, сделала бы то же самое. Ведьма обманула их всех, и не в первый раз. Ночная Мгла — перманентное зло, способное уничтожить каждого, кто слабее характером и не столь храбр. Мистая должна это знать и помнить. И понимать, что сделала все, что было в ее силах.

Отец, разговаривая с дочкой наедине, как-то раз особенно подчеркнул:

— Ты не должна винить себя в происшедшем, Мистая. Ты совершила ошибку, но ошибаются все. Это часть процесса взросления. У всех детей этот процесс довольно болезненный, а для тебя еще сильнее. Помнишь, что, по твоим словам, тебе сказала Мать-Земля? — Мистая кивнула. Она крепко сжимала руку советника, держа палец на его пульсе. — Процесс взросления для тебя будет проходить тяжелее, чем у большинства детей. Из-за того, кто ты есть и откуда. Из-за твоих родителей. Из-за магии, которой ты обладаешь. Мне бы очень хотелось, чтобы было иначе. И хотел бы это изменить. Но я не могу. Мы должны принимать то, кто мы есть в этой жизни, и стараться прожить жизнь как можно лучше. Есть вещи, которые мы не в состоянии изменить. Мы можем только помочь друг другу, когда видим, что помощь необходима.

— Я знаю, — тихо произнесла Мистая. — Но мне от этого не легче.

— Да, полагаю, не легче. — Наклонившись, он обнял дочку. — Знаешь, Мистая, я больше не могу думать о тебе, как о ребенке. Во всяком случае, как о двухлетнем ребенке. Ты намного старше, и, похоже, я единственный, кто этого не понимал.

Мистая помотала головой, не поднимая глаз:

— Может быть, я не такая уж взрослая, как все полагают. Я была так уверена в себе, но ничего бы этого не произошло, если бы я была немного осторожнее.

Бен стиснул ее чуть крепче:

— Если ты будешь помнить об этом в следующий раз, когда решишь прибегнуть к магии, значит, ты достаточно взрослая, на мой взгляд.

Бен велел сообщить Владыке Озерного края, что его внучка нашлась и скоро приедет к деду в гости. Он вернулся к делам по управлению Заземельем, хотя какая-то часть его все время находилась подле Мистаи в спальне советника. Он ел и спал, поскольку так надо, но обнаружил, что ему трудно сосредоточиться на чем-то другом, кроме мыслей о дочери. Когда они оставались одни, Ивица делилась с ним своими мыслями и сомнениями, и они успокаивали друг друга, как могли.

Мистая еще несколько раз прибегала к волшебству, чтобы вылечить Тьюса. Она всегда предупреждала родителей о том, что собирается это сделать, чтобы они могли быть рядом и оказать содействие. Волшебная сила переливалась с ее руки в тело старца без всякого видимого эффекта. Мистая говорила, что чувствует, как магия борется с ядом в организме советника. Однако состояние Тьюса оставалось без изменений. Сердце билось еле-еле, дыхание по-прежнему было прерывистым, и он не приходил в себя. Они пытались накормить его супом и дать воды, и небольшое количество жидкости, попавшее ему на губы, он глотал. Но все равно от него остались лишь кожа да кости.

Мистая пыталась поддержать его силы другими видами волшебства, подбадривала его шепотом, говорила, как сильно его любит. Она отказывалась сдаваться, приказывала, чтобы он проснулся ради нее, открыл глаза и сказал что-нибудь.

Ее родители и Абернети постепенно теряли надежду. Мистая читала это у них в глазах. Им бы очень хотелось верить, но они слишком хорошо понимали, что шансы советника почти что равны нулю. Они продолжали заботиться о Тьюсе, но в душе не оставалось места надежде. Готовились к тому, что им казалось неизбежным. Абернети уже даже не мог разговаривать в присутствии советника. Все они постепенно зажимали свои чувства в кулак. Мистая начала впадать в отчаяние. Она боялась, что волшебник так и будет лежать вечно, пребывая на грани жизни и смерти.

Затем, на седьмой день ее бдения, когда она ранним утром сидела возле Тьюса, наблюдая, как солнце озаряет небо, она вдруг почувствовала, как рука Тьюса сжала ее ладошку.

— Мистая, — едва слышно прошептал старец, медленно открывая глаза.

У девочки замерло сердечко.

— Я здесь, — ответила она, и слезы залили ее лицо. — Я здесь и рада за тебя.

Мистая громко позвала родителей и стала нетерпеливо ждать их появления. Хрупкая рука советника крепко сжимала ей пальцы.

* * *

Винс закончил обход Вудлендского зоопарка и уже направлялся к машине, когда вдруг решительно вернулся к вольеру, чтобы еще разок взглянуть на ворону. Чертова тварь заворожила его. Она сидела на том же самом месте, где была, когда он ушел, устроившись на самой верхней ветке. Другие птицы не приближались к ней, не желая иметь с ней ничего общего. И их трудно было в этом винить. Уж больно зловеще она выглядела. Винсу она тоже не нравилась. Но он не мог не думать об этой чертовке.

Ворона с красными глазами. Другой такой нет на всем белом свете, и никто прежде о таком не слышал. Нигде и никогда.

Она появилась ниоткуда. Буквально в тот самый день, когда произошел инцидент в приюте для животных графства Кинг, когда два типа, выдавших себя за Дрожкина и какого-то хмыря из Вашингтона, сперли ту обезьяну или что там это было. Никто так и не понял, что с ними случилось. Они просто растаяли в воздухе, если верить местным сплетням. А потом, примерно два часа спустя, появилась эта птица. Прямо в той самой клетке, откуда исчезла та непонятная обезьяна. Что за чертовщина произошла? Никто так и не смог ничего объяснить, естественно. Очень смахивает на историю об НЛО, из тех, когда происходит что-то необычное, но никто не может доказать, что сие действительно имело место быть. Винс верил в НЛО. Он полагал, что в мире происходит много таинственного и необъяснимого, но тем не менее вполне реального. Вот как эта птица, например.

Вот она, эта птица, красноглазая ворона, сидит в клетке. Ребята из приюта не дураки. Даже если и не знали, что это такое, все равно они отловили ее и приволокли сюда для изучения. Птица экзотическая, следовательно, место ей в зоопарке. И теперь сотрудникам Вудлендского зоопарка предстоит выяснить, что же это за тварь такая. Никто не знал, сколько уйдет на это времени. Месяцы, наверное. А может, и годы. Редкий экземпляр.

Винс прижался к решетке, пытаясь привлечь внимание птицы. Она не реагировала. Она вообще никогда ни на кого не смотрела. Но все время не покидало чувство, что она за тобой наблюдает. Уголком глаза или еще как. Винсу до смерти хотелось узнать побольше об этой птице. Он чувствовал, что все не так просто. Пожалуй, будет поинтереснее, чем истории про НЛО. В этой птице заключено нечто гораздо большее, чем думается на первый взгляд. Чтобы это понять, достаточно посмотреть на ее поведение. Отчужденная, надменная, полная внутренней ярости и гнева. Она хотела свободы. Это читалось по ее глазам, если смотреть в них достаточно долго.

Но Винсу не нравилось долго смотреть вороне в глаза, потому что он почти готов был поклясться, что они у нее человеческие.

Содержание

ВОЛШЕБНИК У ВЛАСТИ 5
ШКАТУЛКА ХИТРОСПЛЕТЕНИЙ 213
КОЛДОВСКОЕ ЗЕЛЬЕ 475

ДЮНА

В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:

«Дюна»
«Мессия Дюны»
«Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны»
«Еретики Дюны»
«Капитул Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- **Звездный** б-р, д. 21, стр.1, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский б-р, д. 17, тел. 372-40-01
- Крокус-Сити, 65—66 км МКАД, тел. 754-94-25
- ул. Стромынка, д. 14/1
- Чонгарский б-р, д. 18а, 119-90-89, 119-65-40
- Зеленоград, кор. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. 8-8182-65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. 8-0112-441095, 566095
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/ Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. 8-3532-41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88А
- г. Н.Новгород, ул. Маяковская, д. 13 (8312) 33-79-80

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Брукс Терри

Волшебник у власти
Шкатулка Хитросплетений
Колдовское зелье

Редактор Т.И. Бережных
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

Брукс Т.

Б89 Волшебник у власти. Шкатулка Хитросплетений. Колдовское зелье: Фантаст. романы: Пер. с англ. / Т. Брукс. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 699, [5] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-014079-7

Терри Брукс — один из лучших авторов современного жанра фэнтези, писатель, в чьих произведениях существует... АБСОЛЮТНО ВСЕ, что только может в хорошей фэнтези существовать!

Перед вами — юмор и приключения, «меч и магия», увлекательный сюжет и неподражаемое, истинно «бруксовское» обаяние!

Продается волшебное королевство...

Купите — и Вы обретете свою мечту!

Купите — и Вы станете королем страны прекрасных дам и отважных рыцарей, драконов, фей и гномов.

Купите — и ощутите дух истинного героизма!

Купите — НЕДОРОГО!

...А почему, собственно, ТАК недорого?

Купите — и узнаете ПОЧЕМУ...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

Терри Брукс — один из лучших авторов современного жанра фэнтези, писатель, в чьих произведениях существует... АБСОЛЮТНО ВСЕ, что только может в хорошей фэнтези существовать!

Перед вами — юмор и приключения, «меч и магия», увлекательный сюжет и неподражаемое, истинно «бруксовское» обаяние!

Продается волшебное королевство...

Купите — и Вы обретете свою мечту!

Купите — и Вы станете королем страны прекрасных дам и отважных рыцарей, драконов, фей и гномов.

Купите — и ощутите дух истинного героизма!

Купите — НЕДОРОГО!

...А почему, собственно, ТАК недорого?

Купите — и узнаете ПОЧЕМУ...

«Продается волшебное королевство»
«Черный единорог»
«Волшебник у власти»
«Шкатулка Хитросплетений»
«Колдовское зелье»

ISBN 5-17-014079-7